МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

НИКОЛАЕМЪ ПОЛЕВЫМЪ.

Часть двадцать седьмая.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Медико-Хирургической Академіи.

1829.

Digitized by Google

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
810886
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1916 L

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Апрѣля 30 дня 1829 года.

Цензоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

Digitized by Google

ОГЛАВЛЕНІЕ

XXVII-й ЧАСТИ.

О Драматической Литературѣ новыхъ народовъ. Соч. Барона Экштейна (статьи 2-я и 3я) 3, 409
Кузенена Курса Исторіи Философіи лекція первая 153
Замѣчанія о Трансильваніи (отрывокъ письма изъ Бухареста) 285
Измаилъ Аліевъ, Князь Мангашовскихъ Нагайцовъ (отрывокъ письма изъ Прочно-Окопской крѣпости) 431

Кокетство и любовь (*окончаніе*) 46
Мѣшокъ съ золотомъ (Русская быль) 182, 306
Уничтоженіе (соч. Жанъ-Поля Рихтера) 454

Стихотворенія:
Разговоръ на гробѣ поэта (М. Н. Лихонина) 40
Ночныя мысли о жизни, смерти и безсмертіи души. Соч. Юнга (окончаніе 1-й пѣсни. Пер. съ Англ., Гна. Вронченко) 173
Украинскія Мелодіи (Н. А. Маркевича) 295, 451
Кавказъ (В....Теплякова) 301
Эпиграмма 306
Къ Неерѣ (изъ Тибулла, съ Лат. А. Киреевъ) 452

КРИТИКА.

Römische Geschichte—Dasselbe, zweite Ausgabe—Schlegel's Recension—Geschichte des Römischen Staates (*Римская Исторія*, соч. Нибура—она же *втораго изданія*—Шлегелевъ *Разборъ Нибуровой Римской Исторіи*—*Древняя Исторія Римскаго государства*, соч. Вахсмута (*окончаніе*). 82

Digitized by Google

II

Полтава. Поэма А. Пушкина. Спб. 1829 г..... 219

Мессинская невѣста. Трагедія Шиллера; переводъ А. Ротчева. М. 1829..... 236

Замѣчанія на книгу: *О достатыхъ стропилахъ*, соч. Жилли; пер. Гна Ломновскаго..... 352

Стихотворенія Барона Дельвига. СПБ. 1829. 359

Исторія Государства Россійскаго. (Сочиненіе Н. М. Карамзина); 12 томовъ. Спб. 1816-1829 г..... 467

Современная Русская Литература 1828 и 1829 годовъ..... 119, 246, 375 и 501

СМѢСЬ:

Русскій Театръ..... 139, 268, 392 и 522

Замѣчаніе..... 144

Изъясненіе картинки..... 274

Увѣдомленіе..... 277

Гну Раичу Амфитеатрову..... 396, 532

Письма съ береговъ Лены..... 518

Парижскія моды..... 146, 280, 404, 538

Парижскія вѣсти..... 149

При сей часткѣ находится *семь* картинокъ новѣйшихъ, дамскихъ и мужскихъ, модъ. Въ Прибавленіи къ Телеграфу четыре изображенія мебелей, экипажей, хозяйственныхъ устройствъ, и проч.

ПОПРАВКА.

Въ No 5-мъ Телеграфа, стр. 22, стр. 11, послѣ слова: *сѣдди*, должно прибавить: *въ обратномъ содержаніи*, а въ 15-й строкѣ, вмѣсто: *въ обратномъ*, должно быть: *въ прямомъ*.

Просимъ почтенныхъ особъ, удостоивающихъ Телеграфъ присылкою статей, извинить, что иногда вкрадываются при напечатаніи ошибки: онѣ неизбѣжны по скорости печатанія. Немедленно по извѣщеніи насъ объ опечаткахъ, оныя будутъ нами отмѣчаемы.

Digitized by Google

№ 9. Май.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТТЕРАТУРѢ

новыхъ народовъ. Соч. Бар. Экштейна.

(Статья 2-я).

III. Религіозные предметы, жизнія святыхъ, также народные фарсы, вмѣстѣ съ характерными ролями масокъ: вотъ первыя начала драматической музы новой Европы. Впослѣдствіи, Романтическая Поэзія служила основаніемъ театральнымъ представленіямъ Испанцовъ и Англичанъ, но басни для сцены были заимствованы не изъ эпическихъ предметовъ среднихъ вѣковъ; если-же иногда, и какъ-бы въ родѣ исключенія, онѣ были избираемы изъ рыцарскихъ поэмъ, то никогда не извлекались изъ старинныхъ Германскихъ эпопей; главнымъ источникомъ ихъ были сказки, въ прозѣ и въ стихахъ, извѣстныя подъ именемъ сказаній (fabliaux) во Франціи, и новеллъ (Novelas) въ Италіи и въ Испаніи. Декамеронъ Боккачіо и подобныя собранія его подражателей, весьма извѣстныя и переведенныя

Digitized by Google

почти на всѣ Европейскіе языки, дали драматическимъ авторамъ болѣе матеріяловъ. Надобно сказать и то, что предметы въ оныхъ богаты и обильны противоположностями и противорѣчіями, достойными сцены.

Театръ у Грековъ и Индійцовъ, вначалѣ основанъ былъ на эпопеѣ и изъ нея почерпалъ свои самые народные и важные предметы. Но эпическія поэмы Германцовъ были рѣзко запечатлѣны идолопоклонствомъ и по одному этому уже неприличны для новаго театра. Сверхъ сего, въ продолженіе нѣкотораго времени онѣ пришли въ забвеніе и мѣсто ихъ заняла новая эпическая поэзія, воспѣвавшая рыцарскіе подвиги: она также была въ свою очередь забыта и замѣнилась литературою романовъ, для высшихъ классовъ, и литературою сказаній и новеллъ для среднихъ классовъ общества. Впрочемъ, и естественно что предметы для Драматической Поэзіи были избираемы изъ самыхъ уважаемыхъ, извѣстныхъ и любимыхъ публикою басенъ. Въ позднѣйшее время, историческая драма у новыхъ сообщила театру характеръ народной истины, котораго не могла придать ему эпическая поэзія, давно угасшая.

Романтизмъ, какъ основаніе Драматическаго Искусства у новыхъ, имѣетъ свой идеалъ, такъ же какъ и Классицизмъ, служащій главнымъ основаніемъ того-же искусства у Грековъ. Въ семъ отношеніи, братья Шлегели представили истин-

Digitized by Google

ную теорію того и другаго, и пояснили истину своихъ выводовъ превосходными сравненіями изъ области искусствъ. Они уподобляютъ театръ древнихъ, относительно его формъ и размѣровъ, благороднымъ изваяніямъ Фидія, а театръ новыхъ возвышеннымъ произведеніямъ Рафаэля, и сравниваютъ два различные рода Архитектуры: древнихъ храмовъ Греціи и Христіанскихъ соборныхъ церквей, наименованныхъ готическими.

Въ искусствѣ древнихъ преимуществуетъ форма. Благородство, идеальность, числота формы, совершенство красоты, согласіе частей, способствующее общности созданія: вотъ къ чему особенно стремились они. Напротивъ въ искусствѣ новыхъ господствуетъ душа. Ихъ искусство, какъ религія, отъ которой оно происходитъ, стремится къ безконечному, не ограничиваясь конечнымъ Эллинскаго язычества; въ немъ все живописно; можно было-бы сказать, что оно стремится выразить невыразимое. Отъ сего различія происходятъ разнородныя совершенства. Причина сего заключается не только въ понятіи объ искусствѣ, происходящемъ отъ различія религіи, но еще и во взглядѣ на искусство съ различной точки зрѣнія въ отношеніи къ національности, съ одной стороны Эллинской, съ другой Германской. Вся Европа, прежде бывшая Латинская, нынѣ сдѣлалась Германскою, ибо сѣверные народы основали всѣ государства южныя

Digitized by Google

и внесли въ среду ихъ свой духъ, свой собственный характеръ и свой вкусъ, различно измѣненный временемъ; если-же нынѣ господствуетъ характеръ Германскій, хотя и подъ различными условіями, на сѣверѣ и на югѣ Европы, то, что нужды, Романскимъ-ли или Нѣмецкимъ языкомъ говорятъ народы. Классицизмъ у нихъ есть уже направленіе ложное; единая истинная ихъ народность заключается въ Романтизмѣ; иными словами, у нынѣшнихъ Европейцовъ другое происхожденіе, другіе нравы, и, болѣе всего, другое вѣрованіе, отличные отъ древнихъ; слѣдовательно литература ихъ должна носить на себѣ другой отпечатокъ, должна имѣть другое выраженіе.

Слово Романтизмъ, примѣненное Шлегелями къ генію и искусству новыхъ народовъ, для противоположности тому-же у древнихъ, избрано по причинѣ Романскаго языка, ибо элементы новой поэзіи развились, подъ изящными формами, въ лирическихъ и театральныхъ сочиненіяхъ южныхъ народовъ, и именно Итальянцовъ, Испанцовъ и Португальцовъ. Тамъ Романтизмъ господствуетъ не смѣшанный съ языческими идеями, чисто Католическій, между тѣмъ какъ въ сѣверныхъ басняхъ видно еще язычество, столько-же въ эпическихъ сочиненіяхъ древней Германіи, какъ и въ рыцарскихъ поэмахъ Артура и Круглаго Стола: сіи послѣднія особенно запе-

Digitized by Google

чаплѣны слѣдами друидизма, хотя, въ теченіе времени, онѣ приняли оттѣнки совершенно христіанскіе. Изъ всего сказаннаго нами выходитъ, что Романтическій характеръ поэзіи, и особенно театральной поэзіи Испанцовъ и Англичанъ, основывается на положительныхъ, достовѣрныхъ событіяхъ, и что въ теоріи онаго нѣтъ ничего темнаго, неопредѣленнаго; слѣдственно всякая неясность, въ семъ отношеніи, происходитъ отъ невѣжества тѣхъ людей, которые говорятъ о Классицизмѣ и Романтизмѣ вкось и вкривь, не зная основательно различныхъ литтературъ, отъ чего имъ легко и умствовать по своему (*).

Утвердивъ идеи наши на истинной природѣ новой Драматической Поэзіи, и особенно на томъ, что есть въ ней заимствованнаго отъ романовъ, новеллъ, сказокъ и сказаній, мы отличимъ теперь два соединенные элемента ея: одинъ, народный, отъ другаго, болѣе идеальнаго, сходнаго съ нравами высшихъ классовъ, въ коихъ существуютъ какая-то нѣжность, вѣжливость и рыцарская пріятность, составляющія придворный духъ, противоположный народному. Они болѣе всего смѣшаны въ Комедіи, и по одному этому сочиненія Шекспира и Кальдерона, обработывавшихъ сей родъ, высоко отличаются

(*) Сей послѣдній періодъ не худо было-бы затвердить нашимъ Классическимъ Критикамъ. *Пр. Пер.*

Digitized by Google

отъ сочиненій позднѣйшихъ авторовъ. Въ нынѣшней Комедіи слишкомъ много прозы, потому что она, такъ-же какъ Комедія Аѳинскаго театра, усовершенствованная Менандромъ и бывшая предметомъ подражанія Теренція, представляетъ намъ обыкновенныя жизненныя событія. Напротивъ Романтическая Комедія исполнена поэзіи: она не отвергаетъ даже самыхъ чудесныхъ изобрѣтеній. Она, какъ Трагедія Англичанъ и Испанцовъ, основывается на новеллѣ или романѣ; она отличается только складомъ и смотритъ на предметы съ веселіемъ и пріятностью, не разсуждая о нихъ строго и во всей ихъ глубокости. Она представляетъ веселую игру ума и не заботится о пошлой, прозаической вѣроятности. Какъ ни безразсудна была-бы она, но если она послѣдовательна сама себѣ, вѣрна своимъ собственнымъ законамъ; если въ ней есть поэзія, веселость, то для нея все прилично. Но по самому этому, всего труднѣе сочинять Комедіи въ родѣ Шекспировыхъ и Кальдероновыхъ, ибо ихъ должно изобрѣтать по аналогіи духа: въ нихъ нѣтъ мертвой формы для подражанія, и всякій поверхностный списокъ сихъ двухъ великихъ образцовъ будетъ совершенно несносенъ.

Англичане и Испанцы сходствуютъ не только въ комедіи, но и въ трагедіи Романтической, основанной также на романахъ и новеллахъ: таковы трагедіи, Ромео и Юлія, Симбелинъ, Отелло, Шекспировы, и большая часть Испанскихъ траге-

Digitized by Google

дій. Поэмы сего рода, даже въ сочиненіяхъ сѣвернаго Авпора, дышатъ какимъ-то южнымъ геніемъ: онѣ богаты красками; самое ужасное трагическое украшено въ нихъ живописнымъ воображеніемъ, и глубокость созданія не мѣшаетъ разнообразію и легкости въ очертаніи принадлежностей предмета; самыя жестокія страсти въ нихъ поражаютъ непроизвольнымъ, необдуманнымъ или упоительнымъ своимъ чувствомъ; рѣшенія героическихъ лицъ не выказываютъ ни размышленія, ни политики, какъ въ трагедіи исторической; они подобны молніямъ, раздирающимъ лоно темной ночи, и, по выраженію самого Шекспира, исчезаютъ, прежде нежели можно высказать ихъ. Они были. Какъ ни велики восторгъ и упоеніе, коими проникнута поэзія Кальдерона, но при живописи любви, въ немъ южнаго не болѣе, чѣмъ въ пѣвцѣ Ромео. Въ этомъ, Англійская поэзія времени Королевы Елисаветы отражаетъ еще нравы рыцарства и показываетъ вліяніе Итальянской литтературы сего времени на литтературу странъ сѣверныхъ.

Во Франціи есть два рода Драматической Поэзіи, происходящіе отъ двухъ различныхъ точекъ зрѣнія. Во первыхъ, родъ классическій, или *такъ называемый* классическій, о которомъ мы еще будемъ говорить, сколько того потребуетъ нашъ предметъ: онъ произошелъ особенно отъ подражанія Сенекѣ и Софонисбѣ Триссина, то есть

Digitized by Google

самому ложному, манерному и холодному въ направленіи сего рода. Въ тоже время Французская сцена была романтическою, хотя съ самой ранней поры принято было въ ней обычаемъ давать романтическимъ предметамъ формы и размѣры Аристотелевскіе, несходные съ ея природою. Подражаніе Испанцамъ было первою причиною романтическаго направленія небольшой части Французской сцены.

Ротру, котораго не читаютъ нынѣ, воспользовался, по странной привиллегіи, не вездѣ вошедшей въ употребленіе, множествомъ Испанскихъ авторовъ, между прочимъ Рохасомъ, Солисомъ, и другими знаменитыми писателями Кастильской сцены, точно какъ будто сіи писатели принадлежали ему, и какъ будто онъ могъ присвоивать себѣ ихъ пьесы, если не по праву законному, то по праву завоеванія. Такъ дѣйствовать было легко. Нѣкоторыя изъ своихъ драмъ онъ назвалъ траги-комедіями; но такъ поступалъ и самъ великій Корнель. Это названіе показываетъ классическую привычку и совѣсть, а можетъ быть и страхъ автора, что онъ смѣшиваетъ роды, ибо слишкомъ явно, что ни Ротру, ни Корнель никогда не могли дать себѣ отчета объ истинной природѣ соединенія трагическаго съ комическимъ въ Испанскихъ пьесахъ, о которомъ мы говорили выше сего. Корнель даже называлъ

Digitized by Google

нѣкоторыя свои трагедіи героическими комедіями, по методѣ, принятой Испанцами.

Не упоминая о Ѳомѣ Корнелѣ, который по ничтожности своей не стоитъ замѣчанія, ни о Скарронѣ, постыдно безобразившемъ благороднѣйшія созданія Кастильскаго театра, мы остановимся нѣсколько на Мольерѣ и Корнелѣ, какъ на подражателяхъ сценѣ Испанской. Первый изъ сихъ двухъ знаменитыхъ писателей не могъ примѣниться къ формѣ ея, потому что не понималъ поэтическаго духа оной и почиталъ ее хорошею только по изобрѣтенію. Однако-жъ мы, кажется, видимъ въ любовныхъ сценахъ многихъ его комедій, впрочемъ написанныхъ совсѣмъ не въ Испанскомъ родѣ, болѣе поэтическую краску, противоположную съ тѣмъ выраженіемъ любви, какое употребляли его послѣдователи. У него любовь дышитъ какою-то свѣжестью чувства, напоминающею Кастильскихъ авторовъ и показывающею, можетъ быть, долговременную привычку къ красотамъ театра Испанскаго, которыми онъ наслаждался.

Корнель былъ романтикомъ только въ Сидѣ, потому что Донъ Санчъ не входитъ въ число лучшихъ его произведеній. Не смотря на заимствованія у Гюильена де Кастро, онъ великъ и удивителенъ въ семъ сочиненіи, одномъ изъ благороднѣйшихъ и возвышеннѣйшихъ на Французской сценѣ. Замѣчательно, что сей превосходный ге-

Digitized by Google

ній часто не могъ удержаться, чтобъ не придат
своимъ героямъ характера смѣлаго, пылкаго, ун
пребительнаго у поэтовъ Пиренейскаго по
острова, какъ-бы для яснаго доказательства, чт
онъ не переспавалъ обожать ихъ, даже идя
своемъ искуствѣ другимъ путемъ.

Вольтеръ, иногда съ рѣдкимъ счастіемъ изо
бражавшій рыцарскіе предметы среднихъ вѣковъ
показалъ, въ Альзирѣ, въ Танкредѣ, въ Заирѣ, и
Аделаидѣ Дюгескленъ, какъ естественъ былъ-б
на Французской сценѣ романтическій родъ и ка
кое народное направленіе можно было-бы ему дать
если-бы странные предразсудки не воспротивн
лись тому. Вольтеру не удалось поболѣе пе
рейдти границы искуственныхъ приличій, и по
тому только сочиненія его не перенеслись въ чи
стый и простой романтическій элементъ.

Въ Итальянскомъ театрѣ не было ничего ро
мантическаго; по крайней мѣрѣ извѣстно, что
рыцарскія чувства и христіанскія понятія не бы
ли выражены въ ономъ ни однимъ изъ тѣхъ талан
товъ, которые оставляютъ послѣ себя длинную
полосу свѣта. Одна Divina Comedia, поэма,
столь необыкновенная по своему складу, не под
ходящая ни подъ какую классификацію, ориги
нальная какъ готическій куполъ или какъ Индій
скій храмъ, напоминаетъ страстными чертами
романтическій геній среднихъ вѣковъ, выраже
ный совершенно драматическимъ образомъ. Ино

Digitized by Google

да Данте можно было-бы сравнивать съ Шекспиромъ, если-бы онъ еще чаще не напоминалъ Историка Тацита. Сжатый, сильный, строгій, разсуждающій подобно Тациту, онъ болѣе исполненъ энтузіазма, онъ плаваетъ въ вышнихъ пространствахъ, какъ житель неба; однимъ словомъ, Данте есть Тацитъ въ поэзіи. Драматическіе поэты Италіи должны-бъ были взять себѣ образцами Франческу, Беатрису, Матильду; они должны-бъ были изучать это множество простодушныхъ и патетическихъ, нѣжныхъ и ужасныхъ, мрачныхъ и прелестныхъ сценъ, созданныхъ Дантомъ, а не подражать древнимъ, которыхъ они нисколько не понимали.

Одинъ элементъ истинной Романтической Поэзіи проявился въ Драматической литературѣ Италіи, но онъ лишенъ размѣровъ, потребныхъ для сцены. Однакожь прелесть и гармонія стихосложенія, платонизмъ чувствъ, лирическая и вмѣстѣ діалектическая игра ума, плѣняютъ читателя и заставляютъ его любить сей родъ сочиненій. Pastor Fido, Гварини, ибо должно назвать его, эта героическая идиллія, украшенная хорами, достойными по ихъ великолѣпію сравненія съ хорами Греческаго театра; Аминта Тассова, дышащая сладострастіемъ самымъ роскошнымъ, самымъ упоительнымъ и самымъ невиннымъ: вотъ образцы, которые завѣщала намъ Итальянская Талія. Сіи пастушескія, совершенно

Digitized by Google

идеальныя пьесы, имѣютъ соотвѣтствующее имъ въ Зимней Сказкѣ и Симбелинѣ, Шекспира, въ Комѣ, Мильтона, въ Царицѣ Фей, Спенсера, въ Галатеѣ, Сервантеса, во многихъ эпизодахъ романовъ сего послѣдняго и въ замѣчательнѣйшихъ поэмахъ Португальскихъ. Впрочемъ, пастушескія сцены и описанія никогда не составляютъ основанія въ сочиненіяхъ Шекспира и Кальдерона. Они входятъ въ составъ ихъ, какъ прелестные, милые, веселые или трогательные эпизоды, но общностью сочиненія образуютъ краски мрачныя или величественныя. Гварини и Тассъ, напротивъ, создали цѣлыя поэмы сего рода, блестящія умомъ и поэзіею, но по драматическому дѣйствію безполезныя и совершенно ничтожныя.

Пастухи въ Аминтѣ и Pastor Fido принадлежатъ къ природѣ, совершенно идеальной. Это не ученый родъ Александрійцовъ, которому слѣдовали Ѳеокритъ и Виргилій, первый изъ подражанія природѣ, описанной Гомеромъ, но у него выраженной не столь полно какъ у образца его, другой, плѣняясь земледѣльческою жизнію Римлянъ, но описывая характеры не весьма занимательные. Аминта и Pastor Fido не походятъ также ни на сладкія буколики Геснера, ни на приторное жеманство Фонтенеля; они ближе къ поэмамъ Петрарки, кромѣ формы, которая у Гварини напоминаетъ величественные размѣры древности, а у Тасса является исполненною преле-

Digitized by Google

сти и простоты. Пастухи въ сихъ двухъ поэмахъ одарены самою утонченною рыцарскою вѣжливостью и простодушіемъ древняго времени. Слогъ сихъ поэмъ украшаетъ мысль, и такъ сказать, опутываетъ ее своими вѣтвями, какъ плющъ, который обвиваетъ и украшаетъ дерево, служащее ему опорою; однимъ словомъ, это придворный, представленный идеальнымъ образомъ духъ, гдѣ платонизмъ идей соединенъ съ чистотою нравовъ. Критикъ безъ предразсудковъ, смѣющійся надъ вздорными классификаціями школы и отвлекающійся отъ формы, дабы читать во глубинѣ сочиненій, отыщетъ аналогію между сочиненіями сего рода и Беренисою Расина, поэта, исполненнаго прелести и чувства, употреблявшаго столь нѣжную и роскошную кисть для изображенія невинныхъ дѣвъ, являющихся въ его сочиненіяхъ.

Драма Тассъ, одно изъ благороднѣйшихъ и самыхъ чистыхъ произведеній Гёте, и даже его Ифигенія, обрабошаны въ самомъ возвышенномъ стилѣ. Сіи два сочиненія украшены всею роскошью прелести: они созданы въ такомъ-же духѣ, какъ Pastor Fido и Аминта, не смотря на разность изображаемыхъ предметовъ. Спокойствіе и стройность высокой души, въ отзывахъ, образующихъ сладостную гармонію пламенныхъ движеній, гдѣ нѣтъ ничего, несогласнаго съ міромъ идеальной чистоты: вотъ что одушевляетъ сіи произведенія генія. И Софоклъ дышитъ симъ без-

Digitized by Google

предѣльнымъ спокойствіемъ; но онъ становится важенъ при выраженіи героическихъ ощущеній; онъ обладаетъ какимъ-то сверхъестественнымъ достоинствомъ, возводящимъ его созданія до величайшей трагической высоты. И Кальдеронъ, котораго, такъ сказать, *объэѳиренная* поэзія показываетъ также вдохновенія, погружающія душу въ божественный покой, и Кальдеронъ не оспается, столь долго какъ Гварини, Тассъ, Гёте, въ мірѣ созерцательныхъ мечтаній. Испанскій поэтъ освобождается отъ размышленій, дабы явить высокую и пламенную силу дѣятельности, сбивающуюся на бурный характеръ Арабовъ и благородную гордость Кастильцовъ; онъ столько-же театраленъ, сколько не театральны упомянутые платоническіе поэты, создавшіе придворный родъ поэзіи, самый благородный изъ всѣхъ существующихъ. Если-бы Расинъ не вышелъ изъ круга, какой очертилъ онъ себѣ въ Беренисѣ, то и онъ остался-бы всегда сладостнымъ писателемъ для тѣхъ людей, которымъ нравятся нѣжныя и пріятныя картины, но не былъ-бы живописцемъ ни Аталіи, ни двора Неронова.

Эта роскошь кисти, отличающая пастушескія и всѣ принадлежащія къ нимъ по чувству стихотворенія, есть конечно одна изъ принадлежностей романтической музы, воспитанной платоническими и христіанскими идеями. Но геній Драматическаго Искусства имѣетъ и другія пре-

Digitized by Google

бованія: онъ открываетъ своимъ адепшамъ сокровенныя тайны при другихъ условіяхъ. Эклога есть картина драматическая побочнаго разряда, одна изъ многочисленныхъ частей, одно изъ подраздѣленій поэзіи, которыя должны-бъ были существовать не отдѣльно, но составлять группы на заднемъ планѣ великой картины. Однакожъ нѣтъ правила безъ исключенія. Въ самомъ дѣлѣ, кто-бы вздумалъ лишиться Ѳеокрита, не взирая на его ошибки и на Александрійскую, чрезвычайно изысканную форму многихъ его сочиненій? Въ Германіи былъ также поэтъ, весьма несовершенный въ большихъ театральныхъ пьесахъ, но умѣвшій въ своихъ пастушескихъ сочиненіяхъ, состоящихъ изъ безпрерывнаго дѣйствія, геніяльно соединять самые живописные разсказы съ самыми драматическими положеніями. Это былъ Мюллеръ, прозванный живописцемъ, по ремеслу и для отличія отъ другихъ, одноименныхъ съ нимъ писателей. По смѣлости поэтическихъ сочиненій и по чрезвычайной оригинальности, его сравнивали съ Юліемъ Романомъ. Въ немъ есть нѣчто и Рубенсово; вообще мы мало знаемъ писателей, которые-бы живѣе его схватывали природу, вездѣ, поетъ-ли онъ возстаніе отъ сна Адама, Авелеву гибель, Фавновъ и Сатировъ древности, или сельскіе и обычные нравы пастуховъ гористыхъ странъ Пфальца. Въ его поэмѣ: Женевьева Бра-

Digitized by Google

банпская, есть отрывки рыцарской и вмѣстѣ театральной поэзіи, гдѣ страшное безуміе пѣвца восходитъ до высокаго; въ Ніобеѣ, хотя неправильно написанной, онъ вырывается изъ границъ созерцательности и склада идилліи, приближаясь къ возвышеннымъ древнимъ сочиненіямъ. Тикъ, удивлявшійся ему, самъ не менѣе его простодушенъ въ нѣкоторыхъ изъ своихъ драматическихъ и пастушескихъ сочиненій; но въ немъ менѣе, нежели въ Мюллерѣ, оригинальности.

Прерывая здѣсь разсужденіе наше о романтическомъ элементѣ нѣкоторыхъ изъ новыхъ пастушескихъ сочиненій, и объ отношеніи онаго къ театральнымъ сочиненіямъ, изложимъ еще нѣсколько мыслей объ Итальянской сценѣ.

Карло Гоцци подражалъ многимъ Испанскимъ пьесамъ и между прочимъ нѣсколькимъ Кальдероновымъ; сверхъ сего, онъ вывелъ на сцену множество сказокъ среднихъ вѣковъ, въ родѣ тѣхъ, кои оживилъ Перро и которыми такъ оригинально воспользовался Нѣмецъ Тикъ. Дѣйствующія лица въ театрѣ Гоцци являютъ самый грубый характеръ; Авторъ сей исполненъ комическихъ идей и воображенія. Но, какъ-бы на зло его прекрасному комическому таланту, въ немъ вовсе нѣтъ чувства романтизма: въ немъ только внѣшности, только буквы романтизма, но нѣтъ духу романтическаго. Онъ выше Французскихъ

Digitized by Google

подражателей Испанскаго театра, если исключить Мольера и великаго Корнеля; онъ болѣе Ротру поэтъ, менѣе низокъ нежели Скарронъ грязной памяти; онъ пріятенъ, исполненъ движенія и жизни; но ему не достаетъ внутренняго убѣжденія о геніи предмета; можно думать, что онъ едва вѣритъ ему и занимается имъ шутя. Въ этомъ отношеніи его можно уподобить Аріосту, поэту, украшенному всѣми дарами ума, но никогда не вѣрившему превосходству своего предмета и не возобладавшему романтическимъ элементомъ, потому что онъ шутилъ основаніемъ своей поэмы. Нѣмецъ Виландъ, подражатель Аріоста, человѣкъ также одаренный отличнымъ геніемъ, разсыпалъ, подобно Итальянскому поэту, украшенія сего рода поэзіи, которымъ онъ болѣе всего занимался; но принявъ внѣшности онаго, онъ не проникнулъ въ истинную его природу и не вошелъ глубоко въ таинства сего рода сочиненій.

Элементы романтической театральной поэзіи, заимствованные изъ новеллъ, замѣчательны въ пьесахъ Тика; въ нихъ они пустили даже довольно глубокіе корни; но Поэтъ пренебрегъ формою: представленіе его пьесъ на сценѣ невозможно, и потому не льзя сказать, чтобы у Нѣмцовъ были усовершенствованные образцы Драматическаго Романтизма. Однакожъ Клингеръ пытался въ

Digitized by Google

юности своей исполнить это. Правда, въ первыхъ сочиненіяхъ его не было вкуса и разсудительности, а послѣ онъ вздумалъ принять философическія ученія осьмнадцатаго вѣка. Другой Нѣмецкій поэтъ, Генрихъ фонъ Клейстъ, показалъ надежды, но ранняя смерть не допустила его осуществить ихъ. Продолжая сіе историческое обозрѣніе, мы видимъ наконецъ знаменитаго Шиллера. Орлеанская Дѣва, единственная пьеса его театра, которую онъ хотѣлъ сдѣлать романтическою, непріятнымъ образомъ отступаетъ отъ различныхъ родовъ. Иногда Шиллеръ показываетъ въ ней краски эпопеи и вызываетъ звуки Греческой элегіи, напримѣръ, въ той сценѣ, гдѣ Дѣва поражаетъ Монгомери; иногда онъ хочетъ обратиться къ строгости историческаго рода, а иногда съ трудомъ изыскиваетъ необычайныя сплетенія, желая придать своему романтизму возможно глубокій смыслъ, но не обладая истиннымъ геніемъ онаго. Гёте, напротивъ, имѣлъ рѣшительную склонность къ Романтической Поэзіи; но онъ не вывелъ на сцену ни одного предмета сего рода, кромѣ Фауста, входящаго въ разрядъ мистерій, и слѣдственно оцѣненнаго уже нами выше сего. Мы не будемъ говорить о незаконномъ романтизмѣ переписчиковъ Англійскаго и Испанскаго театровъ, и, разумѣется, не исключимъ изъ числа ихъ авторовъ безобразныхъ комедій, извѣстныхъ подъ названіемъ Haupt und

Digitized by Google

Staatsaktionen, игранныхъ съ шестнадцатаго до осьмнадцатаго вѣка нашего лѣтосчисленія, когда Датчанинъ Гольбергъ столь оригинальнымъ образомъ пародировалъ ихъ въ своей шраги-комедіи: Улиссъ; не остережемся также исключить приторныхъ и манерныхъ писателей нашего времени, представляющихъ намъ каррикатуру Романтизма. Одинъ Вернеръ стоитъ особеннаго упоминанія, по своему генію и по своимъ невѣроятнымъ странностямъ. Надобно сказать, что никогда, ни одинъ писатель не былъ, столько какъ онъ, лишенъ вкуса и смѣтливости; за то, въ его созданіяхъ часто встрѣчаете оригинальность. Впрочемъ, читая его пьесы, находишься точно какъ въ пыткѣ, чувствуя неслыханныя усилія Автора достигнуть своей цѣли, никогда имъ не достигаемой. Прибавимъ, что трагедіи его всегда находятся, какъ Шиллерова Іоанна д'Аркъ, между романтическимъ и историческимъ родомъ, не склоняясь свободно къ тому или къ другому.

IV. Театръ новаго времени, когда на оный переносятъ историческіе предметы, будетъ Классическимъ или Романтическимъ, сообразно характеру предметовъ, то есть сообразно или новой или языческой природѣ оныхъ. У Шекспира и Кальдерона историческая драма совершенно національна: этого преимущества нѣтъ на Французской сценѣ, да и Германская едва-ли можетъ надѣяться на оное. По существу сего рода шра-

Digitized by Google

гедіи у новыхъ, она должна быть эпическою, хотя и безъ Миѳологіи, что совершенно отличаетъ ее отъ трагедіи, чисто религіозной, прекрасныхъ временъ литтературы Греческой, когда не знали нашей системы истины, заимствуемой изъ исторіи, и когда мистеріи замѣняли существенныя событія.

Всѣ заимствованныя изъ Исторіи Англійской Шекспировы драмы, составляютъ въ общности своей одну, огромную, эпическую, національную поэму, поучительную, какъ Лѣтописи Тацита, по глубинѣ взглядовъ и удивительной проницательности поэта, который являлся, сообразно предмету, живописцемъ, иногда Рафаэлемъ, иногда Микель-Анджеломъ. Драмы Кальдерона, тамъ гдѣ онъ занимается исторіею своего отечества, имѣютъ столь-же національный характеръ, какъ Лузіада, хотя впрочемъ историческая драма въ театрѣ Испанскомъ является не на первомъ планѣ. Природа тѣхъ предметовъ, которыми занимается Кальдеронъ, служитъ причиною, что историческая поэзія перваго поэта полуострова Пиренейскаго кажется, болѣе нежели Шекспирова, романтическою: дѣйствительно, въ Исторіи Англіи болѣе политики, такъ-же какъ въ Исторіи Испаніи болѣе обширное поле для поэзіи. Гёцъ фонъ Берлихингенъ, Гёте; Оттто фонъ Виттельсбахъ, Бабо; Валленштейнъ и Вильгельмъ Тель, Шиллера, изображаютъ предметы національные, иногда съ романтическою оттѣнкою, кромѣ одна-

Digitized by Google

кожъ Валленштейна, гдѣ, какъ въ драмахъ Шекспировыхъ, должна преимуществовать политика.

Авторъ столькихъ превосходныхъ драматическихъ произведеній изъ Исторіи Англійской, изображалъ также предметы, заимствованные изъ Древней Исторіи, или, какъ напримѣръ въ Макбетѣ, изъ баснословнаго времени среднихъ вѣковъ. Въ сихъ сочиненіяхъ, Шекспиръ, мысля какъ Римлянинъ, показываетъ такую проницательность въ понятіи древнихъ причинъ, что она сдѣлала-бы честь самому Макіавелю или великому Монтескьё. Юлій Цезарь, Антоній и Клеопатра, обдуманы столь-же глубокомысленно, какъ Митридатъ или Британникъ Расиновы; Коріоланъ дышитъ трагическимъ величіемъ Автора Горацієвъ. Тутъ Шекспиръ такой-же Классикъ, какъ отцы Французской сцены, когда они изображаютъ соотвѣтственные предметы, ибо, скажемъ еще разъ, Классицизмъ и Романтизмъ состоятъ не во внѣшнихъ формахъ, но во внутреннемъ духѣ сочиненій, ими оживляемыхъ. О Макбетѣ Англійскаго Поэта прибавимъ, что эта пьеса, созданная по системѣ предопредѣленія древнихъ, напоминаетъ, самымъ дѣйствіемъ своимъ, мрачное величіе Коэфоровъ Эсхила.

Фридрихъ Шлегель справедливо замѣтилъ, что драматическія сочиненія Шекспира составляютъ, по внутреннему смыслу своему, совершенную противоположность съ драмами Кальдерона. Первый

Digitized by Google

глядитъ на событія здѣшняго міра, не указывая на высшую сферу, гдѣ должна рѣшиться задача жизни, и не утѣшаетъ насъ, раздирая намъ душу: это составляетъ также принадлежность Греческой трагедіи и въ Шекспирѣ происходитъ отъ того, что онъ сѣверный геній. Кальдеронъ, напротивъ, спѣшитъ привести событія къ концу, оканчиваетъ, указывая своимъ героямъ въ перспективѣ небо, и утѣшаетъ ихъ въ жесточайшихъ горестяхъ. Вотъ почему онъ возвышенный Католическій Поэтъ.

Въ Англійскомъ Поэтѣ еще болѣе разсудка, нежели энтузіазма, и разсудокъ сей является высокою ироніею въ его взглядѣ на событія, и въ томъ, что Шекспиръ обыкновенно скрываетъ въ самомъ себѣ, какъ въ святомъ убѣжищѣ, далеко отъ преступленій міра, отвергаемыхъ имъ и выводимыхъ на публичное позорище, передъ глаза царей и толпы. Въ Шекспирѣ нѣтъ ничего общаго съ этимъ шумнымъ міромъ, повинующимся его великой душѣ; можно сказать, что онъ береть міръ какъ ничтожную персть и выражаетъ имъ жизнь и форму, плодъ могущественныхъ своихъ размышленій о событіяхъ. Онъ водворяетъ порядокъ среди хаоса всѣхъ страстей, но не приводитъ его въ согласіе и не извлекаетъ изъ него созданія, по примѣру Божественнаго Правителя міровъ. Порядокъ, показываемый намъ симъ Поэтомъ въ событіяхъ, есть порядокъ правосудія, равнаго

Digitized by Google

въ дѣйствительности для всѣхъ, потому что имъ управляетъ тайное провидѣніе, потому что оно есть мщеніе и гнѣвъ, сокрытые въ преступленіи, потому что оно наказываетъ преступленіе имъ же самимъ, и въ семъ-то вѣчномъ правосудіи, слѣдующемъ по стопамъ несчастныхъ, волнующихся на сценѣ міра, являются всѣ искупленія, кромѣ послѣдняго, великаго искупленія, посредствомъ котораго виновный снова становится достойнымъ Божества. Здѣсь Шекспиръ показываетъ всю неколебимость Данте и является строгимъ, какъ послѣдній, страшный судъ.

Мужественная и важная меланхолія сего великаго генія не имѣетъ ничего общаго съ женскою меланхоліею тѣхъ изъ его соотечественниковъ, которые поддѣлываются подъ его пріемы, не обладая пособіями его духа, и не имѣя, такъ сказать, волшебной сѣпки, накидываемой имъ на предметы и связующей ихъ. Онъ богатъ и живописенъ до безконечности; у него есть звуки для всѣхъ радостей, восторги для любви, просіодушіе для всѣхъ положеній; онъ возвышенно испиненъ, въ той характеристической и идеальной степени, при которой поэтъ не увеличиваетъ ничего въ изображеніи, не предполагаетъ себѣ никакого воззванія къ той или другой публикѣ и презираетъ рукоплесканія, воздаваемыя ему какъ-бы противъ его воли. Шекспиръ и монотонія находятся на двухъ противоположныхъ полюсахъ су-

Digitized by Google

ществованія. Духъ его, вѣрно отражающій событія міра, представляетъ *одно* направленіе, возвышенное, меланхолическое, производимое въ немъ зрѣлищемъ бѣдствій жизни; но выраженіе внутреннихъ его чувствованій является въ звукахъ совсѣмъ другой природы. Онъ радуется, услаждается въ идеальной области любви и платоническаго чувства: этому доказательствомъ служатъ его Сонеты и даже самыя ужасныя и трагическія его сочиненія, гдѣ видно въ немъ умиленіе къ красотѣ и невинности, находящимся среди мученій міра: это тихій блескъ свѣта, гаснущій среди бури.

Совсѣмъ не таковъ внутренній смыслъ пьесъ Кальдероновыхъ: въ нихъ романтическій элементъ является болѣе чистымъ, нежели въ Шекспировомъ театрѣ, ибо живительное дыханіе вѣры одушевляетъ Автора. Англійскій Поэтъ идетъ изъ глубины выражаемыхъ имъ предметовъ, не потому чтобы онъ не зналъ всѣхъ поверхностей оныхъ: склонность къ размышленію заставляетъ его нисходить въ сердце человѣческое какъ въ бездну и разсматривать тамъ самые сокровенные изгибы. Кальдеронъ походитъ на Данте въ живописи рая, какъ Шекспиръ походитъ на него въ описаніи адскихъ мученій. Кальдеронъ совершенный Испанецъ: онъ не обладаетъ геніемъ всеобщности, свойственной писателю, сравниваемому съ нимъ и изъ всѣхъ писателей въ мірѣ

Digitized by Google

самому сродному съ человѣчествомъ вообще, а не съ какимъ-нибудь народомъ въ особенности. За то религіозный смыслъ Кальдерона гораздо явнѣе и потому всеобщѣе Шекспирова. Должно замѣтить однакожъ, что въ Шекспирѣ ничто не показываетъ пѣсныхъ взглядовъ и ничтожныхъ помысловъ протестанта; кажется даже, по различнымъ признакамъ, что онъ жилъ и умеръ католикомъ.

V. Оставляя область Драматической Поэзіи, разсматриваемой какъ выраженіе національности народовъ новой Европы, мы должны сказать нѣсколько словъ о ложномъ классическомъ духѣ, которымъ хотѣли запечатлѣть ее, и объ условныхъ правилахъ и отвлеченной схоластикѣ, которыми хотѣли ее обременить. Въ семъ случаѣ Аристотель, или лучше сказать, его изъяснители и Академики, сдѣлавшіе Аристотеля щитомъ своихъ ложныхъ и нестерпимыхъ требованій, должны явиться на судъ. Мы объяснимся откровенно, желая представить разсматриваемый вопросъ во всей его существенности.

Прежде всего надобно знать, въ чемъ состояла Философія Стагирита, и какимъ образомъ имѣетъ она отношеніе къ идеалу поэтическаго искусства въ томъ видѣ, какъ онъ понялъ его; ибо это единственное средство судить о вопросѣ, представляющемся въ отношеніяхъ чрезвычайно сложныхъ, и подлежащемъ, для яснѣйшаго пониманія,

Digitized by Google

разсмотрѣнію со всѣхъ сторонъ. Наука Аристотеля была наукою опытности и вмѣстѣ наукою анализа: вотъ существенное достоинство сего великаго человѣка, указующее ему совершенно особенное мѣсто въ древней Философіи. Онъ сотворилъ Логику, и самъ одинъ ей слѣдовалъ, одинъ самъ показывалъ ее. Природа его ума не призывала его къ сооруженію зданія, истинно ученаго, но назначала къ разсмотрѣнію. Система его весьма искусственна, и потому-то идея искусства ему чужда, ибо сія послѣдняя требуетъ простой и первородной данной, а не тонкостей діалектики. Критика Спагирита отличается удивительною смѣлостью; но основаніе его мысли, когда она не касается его критическаго ума и стремится къ созданію системы безусловной истины, всегда останавливается на софизмахъ разума, совершенно частнаго: никогда основанія его не исходятъ изъ средины идей и вещей. Будучи Грекомъ, и слѣдуя обычаю древнихъ ученыхъ, онъ старался соединить всѣ части знанія человѣческаго въ одной, обширной теоріи; но сія теорія, основанная на сужденіяхъ, а не на извѣстномъ числѣ опредѣленныхъ идей, по одному этому не имѣетъ единства и простоты, ибо всеобщность ея не опирается на одной, великой, центральной мысли, которая-бы управляла ея созерцаніями. Такимъ образомъ, будучи совсѣмъ не независима отъ его ума, относясь къ его особному лицу,

Digitized by Google

какъ всякая система раціонализма, созданная по такой-же данной, Философія Стагирита не могла быть ни искусствомъ, ни поэмою; она могла быть только прозаическимъ выводомъ, и такъ сказать, алгебраическимъ начертаніемъ того, что отдѣльно сему мыслителю казалось истиною, но не было самою истиною.

Слѣдственно, истинная сила ученія наставника Александрова никакъ не заключается въ самомъ его ученіи. Въ противоположности съ системою Платона, которая основана на глубинѣ принятыхъ идей и могущественна собственными своими силами, система Аристотеля показываетъ удивительную смѣтливость сужденія: она представляетъ намъ совершеннѣйшій образецъ раціонализма, усовершенствованнаго и укрѣпленнаго въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ другими, искусными людьми, но отнюдь не превзойденнаго ими существенно.

Короче, каковъ-бы ни былъ геній Аристотеля, но его мысли заняты были только внѣшностью вещей, и отражали въ себѣ только внѣшній міръ; геній сей старался образовать только науку сужденія, и не заботился о наукѣ идей, а потому онъ необходимо лишенъ внутренней души и глубокаго убѣжденія, основанія умственнаго единства, заключающагося въ глубинѣ духа человѣческаго. Онъ не проникаетъ ни въ одну систему, не нисходитъ ни въ одну бездну и не возвышается ни

Digitized by Google

къ какому истинному созерцанію. Въ замѣнъ сего онъ освободился, если не вполнѣ, то по крайней мѣрѣ частію, отъ величайшаго недостатка древней Философіи, то есть отъ язычества или безусловнаго тожествованія вещей, оканчивавшагося тѣмъ, что древніе вездѣ и во всемъ видѣли Бога и вселенную, а это стѣсняло нравственную свободу и относительную независимость ума человѣческаго.

Примѣняя сіе общее обозрѣніе сущности ученія Стагирипова къ частной цѣли нашихъ изысканій—показать настоящее мѣсто онаго въ исторіи мысли человѣческой—мы будемъ имѣть ясное и опредѣленное понятіе о недостаткѣ его взгляда на искуство. Не входя здѣсь въ разсмотрѣніе, до какой степени справедливо филологи приписываютъ ему сочиненіе, вообще признаваемое его Піитикою, можно полагать достовѣрнымъ, что оно вышло изъ его школы и заключаетъ въ себѣ его ученіе. Наклонность его ума и Аристотелевскія идеи, разсѣянныя въ сочиненіяхъ Горація и Квинтиліана, не оставляютъ въ семъ случаѣ никакого сомнѣнія. Посему, въ полной и совершенной увѣренности, мы можемъ заняться разсмотрѣніемъ его теоріи, не опасаясь заблуждаться на счетъ основанія предмета.

Та Драматическая Поэзія, на которую мы особенно обращаемъ вниманіе, у Грековъ происходитъ отъ поэзіи мистерій: она прославляетъ

Digitized by Google

боговъ, героевъ, и едва скользитъ по землѣ. По внѣшней формѣ своей, Эллинскій театръ имѣетъ двоякое основаніе: одно чисто лирическое, другое относящееся къ эпопеѣ. Первое совершенно религіозно, даже церковно; оно выражаетъ себя посредствомъ хора. Другое менѣе отдѣляется отъ человѣчества и болѣе держится на существенныхъ событіяхъ. Самъ Аристотель зналъ эту двойственную природу Драматической Поэзіи своего отечества, хотя и не довольно углублялся въ нее. Но отбросьте сію общность, отнимите у системы сей ея основанія—и подражаніе нѣкоторымъ внѣшнимъ формамъ Греческой сцены будетъ безсмысленно; самыя Аристотелевы правила, какъ ни поверхностно выведены они изъ истинной природы Греческаго театра, разрушатся отъ своей неосновательности. Слѣдственно, имя Аристотеля ни къ чему не служитъ тѣмъ, которые основываютъ свою драматическую теорію на совсѣмъ другомъ съ симъ писателемъ началѣ.

Но это не все. Аристотель, по природѣ своего духа и наклонности ума, долженъ былъ, отчасти, не понять первобытнаго характера и основанія искусства своего народа, основанія, которое онъ дѣйствительно наблюдалъ только въ немногихъ внѣшностяхъ, а не въ истинной его сущности. По одному этому, онъ не могъ надлежащимъ образомъ мыслить о писателяхъ, несогла-

Digitized by Google

совавшихся съ его, совершенно новымъ взглядомъ на искуство. Эсхилъ, Софоклъ и Аристофанъ, прагедія и комедія первобытныя, не могли надолго остановить его. Все вниманіе его должно было сосредоточиться особенно во взглядѣ на искуство и поэзію, гармонировавшія съ его ощущеніями, и потому-то Эврипидъ сдѣлался особеннымъ предметомъ его предпочтенія. Если-бы онъ былъ современникомъ развившія позднѣйшей Аттической комедіи, то, нѣтъ сомнѣнія, что онъ совершенно обратился-бы къ Менандру, вышедшему изъ школы Ѳеофраста, послѣдователя Аристотелева, и образовавшемуся въ сей школѣ по искуству наблюдательности, свойственной ея основателю.

Въ прагедіи, Стагиритъ смотритъ только на внѣшнія явленія страстей, на реторическую и нравственную часть, на пашетическое въ положеніяхъ, и довольствуется внѣшнимъ единствомъ, не изслѣдывая, точно-ли оно находится въ пьесѣ и основывается-ли на природѣ предмета оной. Идеальный смыслъ сочиненія, столь замѣчательный у Эсхила и Софокла, столь худо понятой Эврипидомъ, совершенно ускользаетъ отъ исключительнаго Эврипидова почитателя. Высокое и чистое, благородное и возвышенное, не поражаютъ его столько какъ то, что занимаетъ и прогаетъ его силою положеній. Эврипидъ поэтъ для эффекта, существенно романическій по свя-

Digitized by Google

зи большей части своихъ пьесъ. Басня у него обыкновенно сложна, и театральное единство дѣйствія, рѣдко основанное у него, какъ у Эсхила и Софокла, на природѣ предмета, есть слѣдствіе условій и приличій. Посему, Эврипидъ долженъ былъ показаться новымъ подражателямъ Греческой сцены самымъ пріятнымъ и легкимъ для послѣдованія образцемъ. Онъ не принуждаетъ ихъ ни къ какой простотѣ въ дѣйствіи и въ мысли, но часто представляетъ совершеннѣйшій образецъ страстнаго, патетическаго и первообразъ ораторской декламаціи, перемѣшанной съ наборною работою Риторики, не рѣдко составленною изъ подражанія.

Признаемся, что положась на Аристотеля въ избраніи такого путеводителя, начали болѣе и болѣе удаляться отъ древней простоты и отъ единства причинъ, по коимъ только можно оправдать и извинить формы театральной поэзіи Грековъ. Вмѣсто того, чтобы съ отцами трагедіи быть эпическими и лирическими, болѣе и болѣе становились романическими, по слѣдамъ Эврипида. Но не остановившись и на сихъ столь ложныхъ основаніяхъ поэта, послѣдователи увеличили ихъ несовершенства: обременили новый театръ происшествіями, переняли у Испанцовъ путаницу ихъ пьесъ, не принявъ условій театральныхъ, могущихъ согласить сіи пьесы съ цѣлію ихъ из-

Digitized by Google

обрѣтенія, и все это вздумали подчинить игу оплетенныхъ правилъ, начертанныхъ Аристотелемъ по основаніямъ совсѣмъ другаго, въ сравненіи съ новѣйшимъ, театра. Изъ этого произошло то, чему естественно надлежало произойдти. Трагедію обезобразили излишествомъ разсказовъ, пустотою дѣйствія и введеніемъ холодныхъ наперсниковъ и безтолковыхъ наперсницъ, замѣняющихъ смѣшно-ничтожнымъ образомъ роль хора древняго театра.

Важнѣйшимъ дѣломъ въ искусствѣ Грековъ и существенною системою для сочиненій ихъ была тѣлесная, идеализированная красота, для которой запворено небо: изображавшись въ видѣ Венеры Уранія, она была плѣнницею во вселенной и составляла въ ней общность и гармонію частей. Такимъ образомъ, красота сія была заключена въ ограниченный кругъ, *космосъ*: употребляемъ слово, приняшое Эллинами для означенія органическаго міра, возвѣщавшаго устройствомъ своимъ великаго Строителя, или высшій умъ, душу міра. Послѣ сего опредѣленія, ясно, что искуство у Эллиновъ не заключаетъ въ себѣ ничего грубо вещественнаго, хотя оно и представляетъ уму идею одной физической красоты. Въ идеѣ сей-же самой красоты, искуство заключало высшую мысль о духовной жизни вселенной, о душѣ, первообразѣ красоты, началѣ порядка и согласія; но система, такимъ образомъ создан-

Digitized by Google

ная Греками, необходимо должна быть для насъ чуждою, потому что у насъ другая религія, потому что у насъ начало красоты въ небесахъ, потому что мы стремимся къ безконечному мысли и не ограничиваемся конечнымъ формъ. Мы не обожаемъ божественнаго Платона, хотя онъ открываетъ намъ истинную теорію гигантскихъ красотъ Софокла, и изъясняетъ геній Фидія и Праксителя, творя систему Философіи, гармонирующую съ ихъ произведеніями. Мы находимъ свой образецъ въ Бого-человѣкѣ Іисусѣ Христѣ: Онъ лучше вдохновляетъ насъ, нежели Аполлонъ вдохновлялъ язычниковъ, хотя и они старались осуществить въ этомъ вымышленномъ лицѣ идеи воплощенія Божественнаго Начала, вмѣстѣ съ идеями порядка, возстановленія, размышленія и гармоніи, осуществленныхъ единымъ истиннымъ образомъ въ Сынѣ Маріи.

Мы открыли истинную систему искуства и живой источникъ онаго у Грековъ. Аристотель, по самому характеру своего генія, не могъ и не долженъ былъ замѣтить сей системы. Онъ не былъ софистъ, потому что стремился къ истинѣ; однакожъ приближаясь къ тѣмъ самымъ софистамъ, которыхъ поражалъ Платонъ, заставляя говорить Сократа, онъ по основному стремленію своему отвлекался отъ первообразнаго генія Грековъ. Сей геній, политически осуществленный въ учрежденіяхъ Дорійцовъ, является, относительно иску-

Digitized by Google

ства, въ древней Аѳинской трагедіи, чуждой демократическаго характера сей страны и выражавшей духъ тѣхъ первыхъ временъ древней Греціи, когда всѣ вообще Эллины, Іонійцы, столькоже какъ Дорійцы, еще руководствовались соотвѣтственными правилами и учрежденіями.

Аристотель былъ вѣрный историкъ; но обыкновенная метода его состояла въ томъ, что онъ анализировалъ Эллинскія установленія и произведенія искусства въ новомъ духѣ, чуждомъ тѣмъ древнимъ временамъ, къ коимъ онъ примѣняетъ его. Онъ во всемъ видитъ характеръ своего времени, даже тогда, какъ желалъ-бы освободиться отъ него. Анализъ его никогда не возвышается до синтеза первообразныхъ установленій и искусствъ, и потому зданіе поэтическихъ правилъ, такъ-же какъ идеи его о политикѣ, даютъ намъ одно несовершенное свѣдѣніе о томъ, что̀ былъ Греческій народъ въ самомъ простомъ, чистомъ своемъ выраженіи. Слѣдственно, совѣтующіеся только съ его ученіемъ для сужденія объ искусствѣ у Грековъ, подвергаются многимъ недоразумѣніямъ. Однимъ словомъ, если Стагиритъ заслуживаетъ быть изучаемъ со вниманіемъ, то единственно потому, что онъ сосредоточиваетъ въ себѣ духъ своего времени.

Новая Комедія Аттическая, основанная на гражданскихъ и домашнихъ нравахъ простонарод-

Digitized by Google

ныхъ фамилій, была создана, какъ мы уже упомянули, Менандромъ, по духу Аристотелевскаго ученія, заимствованнаго изъ уроковъ нравоучителя Ѳеофраста. Уже въ Эврипидѣ можно замѣтить нравственное намѣреніе, выдаваемое за цѣль театра; но оно было невѣдомо властителямъ древней сцены, старавшимся единственно олицетворять въ своихъ созданіяхъ идеи высшаго порядка. Нѣтъ сомнѣнія, что во всякомъ предметѣ есть нравственность; но нарочно проповѣдывать ее только въ вѣка софизмовъ, когда нравственность становится сбивчивымъ предметомъ. Аристотель создалъ систему Эѳиковъ, по основному смыслу своего любимаго ученія; Ѳеофрастъ изъяснилъ сію нравственность примѣрами, и такимъ образомъ былъ проложенъ путь для Комедіи Менандра, которому удивлялся, какъ поэту и нравоучителю, Квинтиліанъ. Уже въ Эврипидовыхъ пьесахъ нравственность весьма двусмысленна; въ ней господствуютъ слабыя и нѣжныя правила новой сантиментальности, украшенныя тысячью софизмовъ; Менандръ идетъ далѣе и является рѣшительнымъ послѣдователемъ Эпикуровой Философіи. Это погубило позднѣйшую Аттическую комедію, такъ-же какъ и комедію новыхъ, созданную въ соотвѣтственномъ духѣ; а испорченности нравовъ не всегда худо при строгости, болѣе наружной, нежели существенной. Жанъ-Жакъ Руссо могъ, въ припадкахъ своей ме-

Digitized by Google

ланхоліи, увеличишь до излишества упреки новой комедіи; однакожь онъ былъ и не совсѣмъ неправъ.

Истинная нравственность, во всемъ, и особенно въ искусствѣ, должна основываться на постоянной, внутренней, духовной идеѣ, понимаемой и вмѣстѣ чувствуемой. Это не сапира нравовъ, всегда ограничивающаяся на сценѣ словами, не пошлыя сентенціи, не общія мѣста; это нравственность, которая должна проистекать изъ происшествій и дѣйствія. По основанію идей, Аристофанъ, не смотря на чрезвычайную вольность нѣкоторыхъ изъ его картинъ, гораздо нравственнѣе Менандра, всегда скромнаго и цѣломудреннаго во выраженію. Впрочемъ, мы вполнѣ признаемъ геній писателя, которому справедливо дивилась древность, и не думаемъ унижать славы Эврипида, откровенно высказывая свое мнѣніе о внутреннемъ достоинствѣ дарованія, блестящаго жаромъ и чувствительностію.

Александрійская школа, слѣдовавшая различнымъ направленіямъ въ понятіи объ искусствѣ, была постоянно ученою, но рѣдко вдохновенною. Непопятнаго трагика Ликофрона можно сравнить съ надутымъ Сенекою, хотя сей послѣдній, если позволимъ себѣ судить о немъ по драматическимъ сочиненіямъ, можетъ быть подложнымъ, кажется, гораздо ниже Александрійца, по край-

Digitized by Google

ней мѣрѣ по своему понятію о поэзіи. Овидій и всѣ другіе Римскіе трагики брали себѣ исключительнымъ образцомъ Эврипида, тогда какъ Александрійцы, кажется, искали болѣе древнихъ и чистыхъ образцовъ для подражанія. Самая комедія Латинская есть только подражаніе Греческой, и Теренцій совсѣмъ не можетъ замѣнишь намъ потери Менандра. Однакожь новые, увѣренные что Классицизмъ есть совершенство, преимущественно черпали изъ Латинскаго источника; изъ Грековъ-же они выбрали себѣ для руководства одного Эврипида. Такимъ образомъ, подражаніе Драматическому Искусству древнихъ было у новыхъ народовъ чрезвычайно неполно и ошибочно.

Digitized by Google

РАЗГОВОРЪ НА ГРОБѢ ПОЭТА.

Посѣтитель.

Веди меня, честной отецъ,
На гробъ священный, гдѣ пѣвецъ
Уснулъ такъ рано вѣчнымъ сномъ.

Пустынникъ.

Но говорите вы о комъ?

Посѣтитель.

Гдѣ В. . . ва гробъ?

Пустынникъ.

Ну, какъ не знать! да, вотъ сугробъ.
Идти не безпокойно-ль вамъ?
Не привыкать ужь грѣшнымъ намъ. . .
Ходить по снѣгу не впервой.
Вонъ, за рѣшеткою простой,
Весь снѣгомъ занесенный камень.

Посѣтитель.

И не горитъ священный пламень
На гробѣ томъ, гдѣ ты сокрытъ,
Любимецъ дѣвственныхъ Харитъ!

Digitized by Google

Пустынникъ.

Вѣдь онъ схороненъ здѣсь недавно.
Намъ машушка его исправно
Гостинцы возитъ, дай Богъ ей!
Насъ помнитъ милостью своей.
Какая-жь добрая, ей Богу. . .
Ну что прочистишь-бы дорогу:
Пройдти не льзя—лѣнивцы все!
Жишье-съ въ монастырѣ, жишье!

Посѣтитель.

Простите мнѣ вопросъ нескромный:
Когда жишейской жизни волны
Носили васъ по морю бѣдъ,
Зналъ ваше имя: но обѣтъ
Предъ Небомъ вы произнесли,
Простившись съ радостьми земли;
Съ тѣхъ поръ я видѣлъ васъ едва-ли.
Скажите-же, какъ васъ назвали,
Въ безплотный постригая чинъ?

Пустынникъ.

Все много-грѣшный Валеншинъ.

Посѣтитель.

А! Валеншинъ. . . вошъ вы съ мечтами
Разстались навсегда; а нами
Играетъ жизнь, какъ вѣтръ перомъ.

Пустынникъ.

Не сказано-ль: кшо Божій домъ
Селеній грѣшныхъ паче любитъ

Digitized by Google

И ради истины святой
Свою кто душу коль погубитъ,
Блаженный обрѣтетъ покой?...

Посѣтитель.

Да, да, и вы получше спали.

Пустынникъ.

Мы чужды въ сихъ стѣнахъ печали,
И монастырскій хлѣбъ притомъ
Подъёмистъ, сударь; чудо-ль въ томъ?

Посѣтитель.

Но все мірскими-же руками
Поля засѣяны, хлѣбъ снятъ,
И все лишь поселянъ трудами
Живемъ: они насъ богатятъ.
Молитва-жь есть души свѣтило,
Да озаритъ дневной нашъ трудъ...

Пустынникъ.

Но чрезъ священное горнило
Прѣходитъ хлѣбъ сей, и несутъ
Мольбы святыхъ благословенье
Общеполезнымъ всѣмъ трудамъ.
Вотъ Сергій, былъ монахъ — спасенье
Онъ Руси даровалъ, Князьямъ;
Святишельской своей рукою
Двухъ иноковъ благословилъ;
Побѣда куплена цѣною
Его молитвъ —

Digitized by Google

Посѣтитель.

И Русскихъ силъ.

Пустынникъ.

Такъ не совсѣмъ-же безполезны
Ошшельники ?

Посѣтитель.

Кшо-жь говоришъ ?

Пустынникъ.

Всѣ насъ злословятъ. Царь небесный!
Но нами этотъ свѣтъ забытъ.

Посѣтитель.

А между тѣмъ какъ прозябая
Вы мертвой жизнью на гробахъ,
Цвѣтами темными вѣнчая
Подъ урнами сокрытый прахъ,
Любви и дружбы чувства скрыли
Подъ черной рясой—мы двоихъ
На *Божью ниву* (*) проводили;
Мы живы, а судьба для нихъ
Чело свое разоблачила.

(*) Нѣмецкое Gottesacker мнѣ кажется выразительнѣе нашего: *кладбище*. *Прим. Сост.*

Digitized by Google

Пустынникъ.

Такъ воля Вышняго судила. . .
Кому изъ родственниковъ ихъ
Придетъ чреда, у насъ готово
Другое мѣсто. Божье слово
Не мимо идетъ, что всякъ часъ
Нежданной смертію для насъ
Грозитъ—о Господи, мой Боже!

Посѣтитель.

Поэтъ! Твое прекрасно ложе.
Но въ темной храминѣ своей
Ты не окованъ; мавзолей
Не бременитъ священный прахъ,
Эѳирнымъ тѣломъ облеченный:
Онъ ужь давно на небесахъ;
А смертный, сладко обольщенный,
Мечтаетъ, въ гробѣ заключивъ,
Что перстью мирно опочивъ,
Ты здѣсь подъ каменной доскою,
Чтобы служить смѣшной игрою
Его фантазіи пустой.
Нѣтъ, не таковъ-же жребій твой!

Пустынникъ.

Душа его теперь у Бога.

Посѣтитель.

Къ Нему вездѣ и все дорога!
Мы тѣломъ, духомъ вѣчно съ Нимъ,
И мы, безумцы, дорожимъ

Digitized by Google

Воспоминаніемъ, слезою,
Когда вселенныя съ душою
Въ сліяньи мы, коль жизнь сія
Есть урна тайная Твоя,
Гдѣ самъ во всемъ перегораешь.

Пустынникъ.

Конечно такъ, не примѣчаешь,
Какъ смерть придетъ: но мы горимъ,
Какъ передъ образомъ святымъ
Въ лампадѣ огнь —

Посѣтитель.

Не предъ кивотомъ
Горите вы сихъ стѣнъ подъ сводомъ,
Но. . . . . *(Ударяютъ въ колоколъ).*

Пустынникъ.

Я слышу колокола звонъ:
Къ вечерни поспѣшу. Простите.
Монаха келью посѣтите.

Посѣтитель.

Нѣтъ, мнѣ пора. Но я опять
Сберуся къ вамъ, какъ время будетъ.

Пустынникъ.

Молю, да съ вами вѣкъ пребудетъ
Его святая благодать!

М. Дихонинъ.

Digitized by Google

КОКЕТСТВО И ЛЮБОВЬ.

(Окончаніе).

9.

Графъ Славскій къ своему другу.

Можетъ быть, это послѣднее письмо, которое ты отъ меня получишь; можетъ быть я никогда съ тобой не увижусь. Это прагическое предчувствіе удивляетъ тебя; но со мной въ самомъ дѣлѣ случилась драги-комедія.

Шмитъ пріѣхалъ сюда, и хотя, какъ я уже писалъ тебѣ, по приглашенію Людмилы, но обхожденіе ихъ было слишкомъ холодно и странно. Онъ—почти не смѣетъ подойдти къ ней, она—какъ будто боится и глядѣтъ на него. Я полагалъ, что это дѣлается или съ умысла, при людяхъ, или что любовники поссорились, но, не смотря на холодность ихъ, не могъ равнодушно видѣть этого человѣка, а тѣмъ болѣе жить съ нимъ въ одномъ домѣ. При видѣ его я невольно чувствовалъ какое-то непріятное впечатлѣніе, вспоминалъ тоску, которую онъ заставилъ меня терпѣть сначала моего пріѣзда, и меня всякой разъ бросало въ жаръ, когда онъ входилъ въ ком-

Digitized by Google

нашу. Ни любовь Аглаиды, ни клятва, которую далъ я ей и себѣ забыть совершенно Людмилу, не могли истребить во мнѣ этого чувства. Искра ревности тлѣла еще въ моемъ сердцѣ. Со временемъ она угасла-бы сама собою; но случай заставилъ ее вспыхнуть и—я надѣлалъ дурачествъ.

Хозяйка наша вздумала дать маскированный балъ. Всѣ приняли это предложеніе съ удовольствіемъ и начали хлопотать о костюмахъ. Въ деревнѣ это не бездѣлица. Рисунковъ Лока у насъ не было; но намъ замѣнили ихъ *галлерея народовъ* и картинки изъ старыхъ романовъ, которые мы подняли изъ библіотеки. Каждый назначалъ себѣ нарядъ въ мысляхъ, но скрывалъ это отъ другихъ, не желая быть узнаннымъ. Иные дѣлали это просто для забавы, другіе кое изъ какихъ видовъ, и я былъ въ числѣ послѣднихъ. Съ пріѣзда сюда я не имѣлъ почти случая поговорить свободно съ Аглаидой, а замаскировавшись, въ шумѣ танцовъ и музыки, мы легко могли ускользнуть изъ толпы и дать волю чувствамъ своимъ. Самой Аглаидѣ очень хотѣлось этого, и она мнѣ сказала, что будетъ въ платьѣ Испанки. Желая быть съ ней въ кадрили и стараясь какъ можно болѣе скрыть себя, я смастерилъ изъ чернаго шалона огромнѣйшій плащъ, досталъ круглую шляпу, которая плотно надвигалась на глаза, украсилъ ее чернымъ перомъ, изъ Аглаидиной шляпки, и такимъ обра-

Digitized by Google

зомъ готовъ былъ преобразиться также въ нѣчто похожее на Испанцовъ, какихъ ты видалъ на лубочныхъ картинкахъ, въ романахъ Г-жи Радклифъ.

Между тѣмъ, въ этихъ всеобщихъ суетахъ и хлопотахъ, я вбѣжалъ за чѣмъ-то въ комнату къ сестрѣ, и увидѣлъ Людмилу, стоящую передъ зеркаломъ, въ одеждѣ монахини. Она такъ была прелестна въ этомъ нарядѣ, что я отступилъ отъ удивленія. Нечаянный приходъ мой смутилъ и ее: мы оба стояли какъ окаменѣлые.

«Прекрасный костюмъ!» сказалъ я наконецъ, запинаясь; «но что васъ заставило его выбрать?»

— Обстоятельства—отвѣчала она, едва переводя духъ.

«Странно! Кажется, въ теперешнемъ вашемъ положеніи гораздо-бъ приличнѣе было выбрать свадебное платье.» Стрѣла попала въ назначенное мѣсто: у Людмилы навернулись слезы.

— Ахъ, какъ вы меня мало знаете! — сказала она, стараясь удержать ихъ.—Повѣрьте, что въ самомъ дѣлѣ я скоро надѣну это платье съ тѣмъ, чтобы никогда не скидать его.

Эти слова и слезы ея потрясли мою душу. Я хотѣлъ говорить, хотѣлъ спрашивать: но вдругъ вбѣжала Аглаида, блѣдная, встревоженная; взоръ ея, казалось, выражалъ упрекъ; вопросъ замеръ на губахъ моихъ, и я, чтобы скрыть свое смущеніе, взялъ поскорѣй, что было нужно, и опрометью бросился изъ комнаты.

Digitized by Google

Наконецъ часъ бала наступилъ. Гости съѣхались и маски начали собираться въ залу. Между тѣмъ какъ оркестръ строился и разныя фигуры мелькали взадъ и впередъ, я, завернувшись въ свой плащъ и надвинувъ на глаза шляпу, сидѣлъ въ углу, въ самомъ дурномъ расположеніи духа. Послѣдній разговоръ мой съ Людмилой занималъ мои мысли. «Она скоро надѣнетъ платье монахини, съ тѣмъ, чтобы никогда не скидать его,» повторялъ я самъ себѣ. Чтожъ-бы ее къ тому понуждало?» Тонъ голоса, которымъ она сказала мнѣ это, безпрестанно отзывался въ ушахъ моихъ; слезы ея упали на мое сердце. Ахъ, другъ мой, какую силу имѣютъ надъ нами слезы женщины, и особенно той, которая прежде была намъ драгоцѣнна!... Я опять рѣшался поговорить съ нею, еще разъ испытать, не будетъ-ли она откровеннѣе; но вспомнилъ Аглаиду, клятву, которую далъ ей; совѣсть меня упрекнула, и я, погруженный въ мрачныя размышленія, машинально смотрѣлъ на Турокъ, на Казаковъ, на Черкешенокъ, на дѣвушекъ въ Русскомъ платьѣ; только Испанка и монашенка занимали меня, и поперемѣнно представлялись воображенію, одна—съ свѣтлымъ, веселымъ взоромъ любви, другая—съ прогашельными своими слезами.

«Полчаса стою возлѣ васъ, и ни одного слова, ни одного взгляда!» сказалъ мнѣ на ухо голосъ. Я обернулся: это была Аглаида. «Впрочемъ

Digitized by Google

я не сержусь на моего ипохондрика — прибавила она—и очень буду рада, если мнѣ удастся разогнать его задумчивость.»

Эта милая внимательность, съ какою она меня искала, и нѣжный упрекъ, заставили меня содрогнуться. Я подалъ ей руку и мы пошли по комнатамъ. Въ залѣ начались танцы, въ гостиной старики и старушки сѣли за карты, въ диванной также была толпа народа. Этотъ шумъ и многолюдство были несносны намъ. Мы искали уединенія. «Я-бы отдала теперь половину жизни,» сказала подруга моя, «если-бъ въ эту минуту могла перенестись съ тобой въ какую-нибудь хижину, удаленную отъ всего свѣта; тамъ-бы я могла свободно швердить о любви своей!» Говоря такимъ образомъ, мы очутились въ корридорѣ, и увидѣли комнату, слабо освѣщенную и пустую. За ней была другая, совсѣмъ почти темная, въ которую свѣтъ проникалъ только сквозь полуотворенную дверь. «Слава Богу!» сказала Аглаида, «здѣсь мы будемъ свободны и хоть на одну минуту можемъ дать волю чувствамъ нашимъ.» Мы сѣли на диванъ и сняли маски. Аглаида была прелестна, какъ ангелъ! Розы горѣли на щекахъ ея, томный взоръ пылалъ любовью и нѣгой; но какая-то грусть помрачала его; разговоръ ея былъ разсѣянъ, ласки принужденны, словомъ, я видѣлъ, что у нее лежало что-то на сердцѣ, и спросилъ ее объ этомъ.

Digitized by Google

«Другъ мой,» сказала она, «моя любовь къ тебѣ такъ сильна, такъ безкорыстна, что при ней у меня въ сердцѣ нѣтъ мѣста для ревности. Но я давича видѣла тебя съ Людмилой... видѣла ея слезы и твое смущеніе..., Скажи мнѣ, что вы говорили? Я боюсь не за себя; но если эта коварная женщина опять завлечетъ тебя и снова лишитъ спокойствія, которое ты только что началъ возвращать себѣ?... Эта мысль убиваетъ меня!...

Я радъ былъ, что Аглаида начала говорить объ этомъ. Мнѣ самому хотѣлось сказать ей, какъ я встрѣтился съ Людмилою, когда она нашла насъ вмѣстѣ, и увѣрить ее, что я совсѣмъ не искалъ объясненія. И такъ, я разсказалъ все подробно, и это облегчило мое сердце.

«И ты повѣрилъ ей?» спросила Аглаида.

— Поступки ея такъ странны, что я не знаю, какъ думать о нихъ. Кажется, любовь ея къ Шмитту ясно доказана; но къ чему-жъ говоритъ она, что идетъ въ монастырь?... Отъ чего-жъ эти слезы, которыя, кажется мнѣ, не могли быть притворными?...

«Другъ мой, это слезы крокодиловы...»

— Ужасно, Аглаида, ужасно!... Не уже-ли женщина можетъ быть до такой степени низка и обманчива?

Аглаида вздохнула, и съ минуту продолжалось молчаніе.

Digitized by Google

«А что ты скажешь, напримѣръ, если теперьже увидишь, что она, въ своей монашеской одеждѣ, рука съ рукой, прохаживается со своимъ обожателемъ, и слѣдовательно думаетъ совсѣмъ не о монастырѣ?»

Дрожь пробѣжала по мнѣ. Я готовъ былъ вскочить и собственными глазами увѣриться въ этомъ: но присутствіе Аглаиды удержало меня. Съ судорожнымъ движеніемъ я схватилъ ея руку, какъ-бы боясь, чтобы невольная сила не увлекла меня отъ нее.

— И такъ, Людмила просто смѣется надо мной! — сказалъ я, стараясь скрыть свое волненіе.

«Зачѣмъ увеличивать вещи, другъ мой: вѣрно Людмила никогда не осмѣлится шутить надъ человѣкомъ, у котораго живетъ въ домѣ и которому всѣмъ обязана. Она въ самомъ затруднительномъ положеніи: можетъ статься, боится упрековъ твоихъ, хочетъ избѣжать рѣшительнаго объясненія; но не имѣя для этого ума и оборотливости, запутываетъ себя, дѣлаетъ глупости, чтобы какъ-нибудь только оттянуть дѣло до твоего отъѣзда—вотъ и все тутъ... Но, мой Александръ, ты обѣщалъ мнѣ, забыть ее совершенно, а я вижу, что поступки ея трогаютъ тебя еще слишкомъ сильно...

Въ эту минуту я похожъ былъ на ребенка, котораго поймали въ кустѣ смородины. Горесть,

Digitized by Google

стыдъ, раскаяніе спѣснились въ душѣ моей, слезы брызнули изъ глазъ, и я бросился къ ногамъ Аглаиды.

— Прости меня, Аглаида! Я сказалъ, что недостоинъ любви твоей; прости мнѣ минутное движеніе, котораго я преодолѣть не могъ!

Аглаида забыла все. Она упала на грудь мою; я повторялъ ей клятвы любви и печатлѣлъ ихъ на алыхъ, мягкихъ губкахъ ея... Вдругъ изъ ближней комнаты послышался вздохъ и шелестъ походки, какъ-бы кто-то спѣшилъ удалиться отъ двери. «Насъ видѣли, подслушали!» сказала Аглаида, вырываясь изъ объятій моихъ, и я стремглавъ бросился изъ комнаты, чтобъ узнать, кто это былъ такой; но противоположная дверь затворилась прежде нежели я могъ разсмотрѣть что нибудь; бѣгу далѣе, и только ужъ въ корридорѣ замѣчаю, что отъ меня спѣшитъ скрыться женщина въ черномъ креповомъ платьѣ и въ длинномъ флеровомъ покрывалѣ такого-же цвѣта. Я хотѣлъ возвратиться къ Аглаидѣ и спросить у ней, не знаетъ-ли она, кто изъ дамъ былъ въ такомъ траурномъ нарядѣ, какъ вдругъ увидѣлъ мою монахиню: ее велъ подъ руку долговязый рыцарь, въ шишакѣ изъ картузной бумаги, въ стеганой кожаной фуфайкѣ, въ лосинныхъ панталонахъ и съ деревяннымъ копьемъ въ рукахъ — словомъ, совершенное подобіе Донъ-Кихота. И вообрази себѣ негодованіе мое, когда по высокому

Digitized by Google

росту, по черным перьямъ на шлемѣ, выдерганным изъ нѣхотнаго султана, по форменной шпагѣ съ шемлякомъ, привѣшенной черезъ плечо, и по старымъ бонфортамъ, я узналъ въ немъ Шмипа, не смотря на то, что забрало бумажнаго шишака было опущено. Кровь моя закипѣла. Я вспомнилъ слова Аглаиды, и мысль, что эта притворная, глупая женщина заставила меня невольно поколебаться, была мнѣ нестерпима. «Ты меня заставила огорчить Аглаиду,» думалъ я, «но я отмщу за это, и, не сдѣлавшись въ другой разъ виновнымъ передъ ней, принужу тебя кончить глупую комедію, которая мнѣ становится несносна.» Я не смѣлъ отдать себѣ отчета въ чувствахъ, которыя овладѣли мной въ эту минуту. Мнѣ казалось, что это одно только справедливое негодованіе; но думаю, что тутъ была примѣшана и ревность: адскія муки терзали душу мою. Между тѣмъ Людмила замѣтила меня и, какъ кажется, узнала: она сказала что-то на ухо своему рыцарю, и они прибавили шагу, желая отъ меня скрыться. Тутъ я болѣе не въ силахъ былъ владѣть собою.« Позвольте, господинъ Донъ-Кихотъ!» закричалъ я, «остановитесь на минуту!» Но Г-нъ Донъ-Кихотъ такъ улепетывалъ, что я насилу могъ догнать его въ концѣ корридора и схватилъ за руку. Это быстрое нападеніе, кажется, удивило его; онъ стоялъ въ молчаніи, а дама его дрожала какъ въ лихорадкѣ.

Digitized by Google

«Давно-ли, Г-нъ Донъ-Кихотъ,» сказалъ я наконецъ, «вы сдѣлались такъ трусливы? Прежде вы сами отыскивали приключеній, а теперь бѣгаете отъ нихъ.»

Кажется, рыцарь не понималъ чего я хочу, не зналъ что все это значитъ, и, по нѣкоторомъ молчаніи, отвѣчалъ мнѣ такою-же маскарадной шуткой:

— Милостивый Государь—сказалъ онъ—если-бъ я былъ одинъ, то, клянусь прекрасною Дульцинеей, не побоялся-бы самого чорта! Но, вы видите, что со мною дама. Платье ваше, простите моей откровенности, очень похоже на платье нашихъ Испанскихъ разбойниковъ, отъ которыхъ я имѣлъ честь освободить ее, и такъ не мудрено, что при взглядѣ на васъ она испугалась и просила меня поскорѣй удалиться.

«Жалѣю очень, что дама ваша такъ робка; но повѣрьте, что не страхъ заставляетъ ее убѣгать меня, а стыдъ и совѣсть. Послушайте, сударыня!» прибавилъ я, обратясь къ ней и скинувъ маску. «Я увѣренъ, что вы давно узнали меня; но для предупрежденія съ вашей стороны всякихъ отговорокъ, открываю лицо мое; прошу васъ сдѣлать тоже и отвѣчать мнѣ не шутя, что̀ значатъ послѣднія слова, которыя я отъ васъ слышалъ? Кто вынуждалъ васъ говорить ихъ, и кто далъ вамъ право смѣяться надо мной такимъ наглымъ образомъ?»

Digitized by Google

— Ради Бога, защитите меня, Г-нъ рыцарь! — пропищалъ притворный голосъ изъ подъ маски.

— Государь мой — сказалъ рыцарь — хотя я и не понимаю, что̀ все это значитъ, и хотя вижу, что это совсѣмъ ужь не шутка; но прошу васъ дѣлать моей дамѣ вопросы въ другое время. Я не знаю, имѣете-ли вы на это право, или нѣтъ, и не буду этого изслѣдывать, только говорю вамъ, также не шутя, что покуда имѣю честь быть ея кавалеромъ, до тѣхъ поръ никому не позволю ни обижать ея, ни безпокоить, и докажу это копьемъ, мечемъ, пѣшій, конный — какъ вамъ угодно, слѣдуя правиламъ чести, и того, кого я теперь представляю.

«Оставьте пожалуста этотъ рыцарскій тонъ, Г-нъ Шмитъ. Не уже-ли вы думаете, что подъ этимъ бумажнымъ шишакомъ я не могу узнать васъ? Говорю вамъ, что я покуда еще имѣю гораздо сильнѣйшія права на вашу даму, нежели вы, и докажу это, не мечемъ и не копьемъ, а просто заставивъ ее, или сей часъ-же признать васъ открыто женихомъ своимъ, или прекратить съ вами всякое сношеніе. Извольте, сударыня, отвѣчать: что значатъ всѣ ваши поступки?»

Тутъ бѣдная монахиня, видя, что я приступаю къ ней не шутя, вырвала руку свою у рыцаря и пустилась бѣжать. Это еще болѣе взбѣсило меня: я бросился за ней, желая непремѣнно

Digitized by Google

все кончить, но Шмитъ загородилъ мнѣ дорогу копьемъ своимъ.

— Вы, мнѣ кажется, съ ума сошли, Графъ—сказалъ онъ, стараясь удержать меня. И въ самомъ дѣлѣ, преграда, которую онъ поставилъ мнѣ, сдѣлала меня совершенно полоумнымъ. Видя, что Людмила ускользнула и меня опять оставила въ дуракахъ, я въ изступленіи хватаюсь за копье, переламываю его и осколкомъ поражаю моего противника въ голову, такъ сильно, что шлемъ его слетѣлъ съ головы и покатился на полъ. Изумленный и оглушенный ударомъ, Шмитъ стоялъ, какъ столбъ, съ обнаженной головой, и не зналъ что̀ ему дѣлать. Я самъ опомнился послѣ этого геройскаго подвига и начиналъ ужь раскаяваться, что завелъ исторію совсѣмъ не у мѣста и не во время. Между тѣмъ (подивись присутствію духа женщинъ!) бѣгущая монахиня наша, видя что побѣгъ ея и шумъ нашего сраженія привлекли зрителей, закричала имъ: «Шутка, господа, шутка! не безпокойтесь! на Г-на Донъ-Кихота, который провожалъ меня въ монастырь, напалъ разбойникъ, побѣдилъ его, и я спасаюсь бѣгствомъ.» Всѣ засмѣялись, и мы имѣли время опомниться. «Надобно въ самомъ дѣлѣ увѣрить всѣхъ, что это была шутка,» сказалъ я, надѣвая маску.—Но знаете-ли, что эта шутка можетъ быть омыта только кровью?—отвѣчалъ Шмитъ, подымая шлемъ свой. «Знаю, сударь, и готовъ сдѣлать удовлетвореніе, на чемъ

Digitized by Google

и какъ вамъ угодно; только согласитесь, что теперь это должно быть скрыто.» Мнѣ удалось наконецъ убѣдить разгоряченнаго Капитана, что неприлично дѣлать свидѣтелями нашей исторіи пятьдесятъ человѣкъ посторонихъ людей, и что въ случаѣ гласности насъ могутъ даже лишить удовольствія подраться. Такимъ образомъ собравшаяся толпа повѣрила, что мы сыграли маленькую комедію; всѣ жалѣли, что не застали начала, и разошлись преспокойно.

Вошедши въ залу, я не видалъ ни монахини, ни дамы въ траурномъ платьѣ, ни Испанки моей: онѣ всѣ исчезли. Да и признаюсь тебѣ, въ эту минуту я не слишкомъ желалъ встрѣтиться съ Аглаидой. Правда, что я началъ исторію съ тѣмъ только, чтобъ уличить Людмилу; но послѣдствія обвиняли меня, и я самъ въ душѣ сознавался, что тутъ примѣшана была ревность — иначе я не поступилъ-бы такъ безразсудно и запальчиво. Въ тогдашнемъ моемъ расположеніи духа я не могъ долго оставаться въ обществѣ, и поспѣшилъ найдти Шмита, чтобъ условиться съ нимъ обо всемъ хорошенько.

«И такъ, Капитанъ, на чемъ вамъ угодно?» спросилъ я, подошедши къ нему.

— На пистолетахъ, разумѣется.

«Очень хорошо. Но чтобъ отвратить всякое подозрѣніе, скажите-же, что завтра мы съ вами ѣдемъ къ вашему Полковнику, съ которымъ

Digitized by Google

ы хотите меня познакомить. Разумѣется, я отправлюсь домой, вы къ себѣ на квартиру, а послѣ завтра, въ десять часовъ по утру, я васъ дожидаюсь у рощи, которая на половинѣ дороги между моей деревней, и той, гдѣ вы квартируете. Секунданта я не имѣю, да онъ и не нуженъ мнѣ: я вѣрю вашему.»

Онъ согласился на все, и мы разстались до *радостнаго* свиданія.

Съ матушкой и сестрой я простился съ вечера, сказавъ, что на другой день рано ѣду съ Шмитомъ въ его Полковой Штабъ. Онѣ не имѣли ни малѣйшаго подозрѣнія, не видали сцены нашей и легко мнѣ повѣрили. Но у меня сердце облилось кровью при этомъ прощаньѣ, и слезы чуть-чуть не брызнули. Между тѣмъ Аглаида, не знаю какъ и почему, все узнала. Когда въ домѣ улеглись, и я, отпустивъ камердинера, ходилъ взадъ и впередъ, думая обо всемъ случившемся — дверь моей комнаты тихо растворилась, и горничная Аглаиды подала мнѣ записку. Я прочиталъ вотъ что:

«Знаю, другъ мой, что исторія ваша съ Шмитомъ была совсѣмъ не шутка, и боюсь, что она такъ не кончится... Какъ ты виноватъ передо мной, Александръ!... Въ самое то время, когда твердилъ мнѣ о любви своей, когда поцѣлуи твои горѣли еще на губахъ моихъ, ты забылъ все при видѣ женщины, къ которой клялся быть равнодуш-

Digitized by Google

нымъ!... Но, другъ мой, я не виню, не упрекаю тебя; только прошу: ради самаго Бога, пощади жизнь свою!... Можетъ быть, опасенія мои несправедливы: но ты знаешь, какъ робка любовь. Мнѣ извѣстны ваши ложныя понятія о чести, и я содрогаюсь при одной мысли о томъ... Заклинаю тебя, будь благоразумнѣе! Разсуди, за кого ты будешь подвергать себя опасности!... Подумай, что это убьетъ твою матушку, сестру, и если не изъ любви, то хотя изъ жалости, не доводи меня до отчаянія! Твоя Аглаида не переживетъ тебя!»...

Сердце мое разрывалось при чтеніи этой записки. Аглаида была вѣрно незамѣтною свидѣтельницей этого происшествія; иначе она не могла знать о немъ. Все по наружности обвиняетъ меня въ глазахъ ея, и не смотря на то, она также любитъ меня, дорожитъ моею жизнію: это меня убиваетъ!... Но дѣло сдѣлано, раскаяніе поздно!...

Я отвѣчалъ ей, оправдывалъ себя, какъ могъ, и чтобъ успокоить ее, увѣрилъ, что мы помирились съ Шмитомъ, и все кончили; а на другой день по утру, т. е. нынче, отправился домой, откуда пишу къ тебѣ, и, на случай, если меня не будетъ, къ матушкѣ, сестрѣ и Аглаидѣ. Мнѣ жаль ихъ, другъ мой! Для нихъ мнѣ-бы должно было поберечь себя. Тысячу разъ я раскаивался въ моей безразсудности; но исправить ее все

Digitized by Google

шаки не въ силахъ. Просить извиненія у Шмита, значило-бы подать ему поводъ считать меня или въ самомъ дѣлѣ безумнымъ, или, что и того хуже, трусомъ; да и согласится-ли онъ простить такую грубую обиду, какую я ему сдѣлалъ?...

А всему причиною Людмила.... Боже мой! не уже-ли совѣсть не упрекнетъ ее? не уже-ли она не испытаетъ и половины тѣхъ мученій, которыя заставила перенести меня? — Прощай!

10.

Людмила къ своей пріятельницѣ.

Я писала къ тебѣ, что мы ѣдемъ къ Г-жѣ Вельской, писала, какъ эта поѣздка непріятна для меня, и между тѣмъ никакъ не рѣшилась оставаться дома: мнѣ легче, грустной, одинокой, безмолвной, какъ испуганъ, сидѣть въ шумномъ кругу веселаго общества, легче переносить всѣ муки, которыя я терплю здѣсь, нежели совсѣмъ не видать Графа. Ахъ, милая, какъ слабо сердце мое! Зная, что скоро разстанусь съ нимъ навсегда, я считаю потерянною ту минуту, въ которую не вижу его: какъ будто взоръ мой хочетъ запастись для будущаго...

Всѣ сбирались сюда съ удовольствіемъ, всѣ надѣялись весело провести время; только мнѣ одной было грустно; сердце мое замирало, какъ-бы предчувствуя, что мнѣ здѣсь готовятся новыя

Digitized by Google

горести, и это предчувствіе не обмануло меня: онъ любитъ Аглаиду, любитъ такъ, какъ, можетъ быть, никогда не любилъ меня! . . Я сама видѣла, какъ онъ лежалъ у ногъ ея. . . и—безумная! за нѣсколько часовъ до того готова была открыть ему душу свою! . . .

Ты знаешь намѣреніе мое, посвятить себя Богу; но я отложила исполненіе его до отъѣзда Графа, боясь что онъ станетъ дѣлать мнѣ вопросы, которыхъ я не въ силахъ буду выдержать: открою ему, какъ-нибудь, что Графиня принуждаетъ меня къ ненавистному замужству, а черезъ это поссорю ихъ, и, можетъ быть, противъ воли обнаружу чувства свои, которыя и безъ того скрывать мнѣ очень трудно. Такъ думала я, и между тѣмъ мнѣ вдругъ пришло въ голову сдѣлать себѣ монашеское платье къ маскараду, который здѣсь былъ вчера. Рѣшась скрывать свое намѣреніе отъ Графа, я не могла отказать себѣ въ удовольствіи, показаться ему монахиней. «Можетъ быть, теперь онъ оставитъ безъ замѣчанія нарядъ мой; но послѣ, когда узнаетъ, что я не существую для свѣта, вспомнитъ о немъ и пойметъ, что̀ предвѣщалъ онъ,» говорила я — и эта мысль утѣшала меня, какъ яблоко расплаканнаго ребенка, который улыбается глядя на него сквозь слезы.

По утру, передъ маскарадомъ, платье мое было готово, и я надѣла его примѣрить. Въ комнатѣ ни-

Digitized by Google

кого не было, но вдругъ дверь растворилась, и передо мной явился Графъ. Думая о немъ безпрестанно, но никакъ не ожидая видѣть его въ эту минуту, я ужасно смѣшалась. И каково-жъ было мое положеніе, когда онъ, похваливъ нарядъ мой, прибавилъ съ насмѣшкой, что мнѣ гораздо-бъ приличнѣе было теперь свадебное платье?... Сердце мое, и такъ ужъ слишкомъ распроганное, не могло перенести этого несправедливаго упрека, и слезы противъ воли выступили на глазахъ моихъ. Я не въ силахъ была владѣть собой, и сказала, что въ самомъ дѣлѣ хочу идти въ монастырь. Слова мои удивили его; онъ хотѣлъ что-то говорить; я готова была все высказать: но тутъ вбѣжала Аглаида и помѣшала разговору, который не знаю чѣмъ-бы кончился.

Графъ вышелъ въ ту-же минуту, а я все еще стояла на своемъ мѣстѣ, какъ прикованная къ полу.

«Что съ вами сдѣлалось?» спросила Аглаида, «вы вѣрно не здоровы?»

— Да, мнѣ очень дурно.—И въ самомъ дѣлѣ я насилу могла попасть на стулъ, который стоялъ возлѣ меня.

«Не подать-ли вамъ воды?... Эти истерическіе припадки бываютъ часто и со мной—отъ слабости нервъ, которыми, я думаю, всѣ мы такъ часто страдаемъ.»

Если-бъ Аглаида стала увѣрять, что у меня горячка, я-и тутъ-бы согласилась съ ней, чтобъ

Digitized by Google

только скрыть несчастную причину моей болѣзни. Впрочемъ, можетъ быть она и догадывалась, отъ чего я такъ разстроена; но по крайней мѣрѣ я была ей благодарна за то, что она не хотѣла показать этого. Между тѣмъ вода въ самомъ дѣлѣ освѣжила меня, и мнѣ стало легче.

«Нарядъ вашъ прекрасенъ, и вамъ очень къ лицу,» сказала Аглаида, когда я немного оправилась.

— Можетъ быть; только я объ этомъ совсѣмъ не заботилась.

«Не говорите этого женщинѣ... Но мнѣ жаль, что вы ужъ не можете быть въ немъ на балѣ. Не это-ли васъ такъ огорчило?» прибавила она засмѣявшись.

— Отъ чего-жь я не могу быть въ немъ? спросила я, почти не слушая ея и думая совсѣмъ о другомъ.

«Графъ видѣлъ васъ въ немъ, а у насъ, кажется, есть условіе, чтобъ костюмы дамъ не были извѣстны кавалерамъ.»

— Но всѣ-ли выполнятъ это условіе? — сказала я, начиная вникать въ слова ея и поглядѣвъ на нее пристально.

«Если и есть между нами *предательницы*, то все онѣ это сдѣлаютъ не такъ явно, какъ вы. Но какое намъ дѣло до другихъ: лишь-бы мы были правы. Я, по крайней мѣрѣ, готова

Digitized by Google

божишься, что даже никто изъ дамъ не знаетъ, въ чемъ я буду одѣта.»

Разумѣется, что условіе, о которомъ мнѣ говорила Аглаида, было не серьёзное; а слова ея — шутка. Но я сама начинала раскаиваться, что сказала Графу слишкомъ много. Слезы мои и смущеніе высказали еще больше. Кто могъ ручаться, что въ маскарадѣ онъ не захочетъ возобновить разговоръ нашъ, и исторгнетъ у меня тайну, которую скрыть теперь было почти невозможно. При томъ-же онъ ужь видѣлъ меня въ платьѣ монахини, слѣдовательно главное желаніе мое исполнилось. Разсудивъ обо всемъ этомъ, я рѣшилась въ самомъ дѣлѣ перемѣнить костюмъ, и сказала Аглаидѣ, что согласна съ нею.

Времени до маскарада оставалось немного. Къ счастію я взяла съ собой, на случай всегдашнихъ свѣточныхъ переодѣваній, старинное матушкино траурное платье. Передѣлки за нимъ было немного, и я, одѣтая въ крепъ, покрытая флеровымъ покрываломъ, сошла въ залу. Мнѣ хотѣлось узнать между масками Графа; но тутъ, казалось, не было никого на него похожаго. Нарядъ мой совершенно отвѣчалъ расположенію моего духа: грустная, одинокая бродила я въ толпѣ веселящихся, и, желая удалиться отъ шума, который спалъ мнѣ наконецъ несносенъ, зашла въ пустую и отдаленную комнату. Вдругъ послышалось мнѣ,

Digitized by Google

что за дверью разговариваютъ. Я узнала голосъ Графа, потомъ Аглаиды, и, какъ прикованная невидимой силой, осталась неподвижна на мѣстѣ. Казалось, что они произносили имя мое; но біеніе сердца, сильный трепетъ и какое-то полубезпамятство мѣшали мнѣ вслушаться хорошенько въ разговоръ ихъ... Только помню то, что заглянувъ въ дверь, я увидѣла Аглаиду въ его объятіяхъ... поцѣлуй отозвался въ ушахъ моихъ... Тутъ не въ силахъ болѣе удерживать рыданій, которыя тѣснили грудь мою, какъ безумная прибѣжала я къ себѣ въ комнату, сорвала нарядъ свой и бросилась въ постель.

И теперь еще, какъ-бы послѣ тяжкой болѣзни, я сижу въ какомъ-то изнеможеніи, и грустное воспоминаніе безпрестанно обливаетъ кровью сердце мое. Какое ужасное чувство ревность! Дай Богъ, милая, чтобъ ты никогда не испытала его! Всѣ муки сердца ничто въ сравненіи съ этой. Но отказавшись отъ него, не должна-ли я была предузнать, что увижу его когда нибудь счастливымъ съ другою... Теперь я лишена всего, даже послѣдняго, горькаго удовольствія: упрекать въ измѣнѣ, потому что сама принудила его къ этому...

Вчера всѣ отсюда разъѣхались. Графиня съ Вельской и невѣсткой своей уѣхали къ одной ихъ знакомой, верстъ за двадцать; Графъ съ Шмитомъ

Digitized by Google

въ Полковой Штабъ. Для меня непоняшно, что Шмишъ, не смотря на письмо мое и холодность къ нему, пріѣхалъ сюда въ слѣдъ за нами и не оспавляетъ до сихъ поръ своихъ видовъ на меня. Не вздумаетъ-ли онъ дорогой поговорить объ этомъ Графу?... Думаю, что теперь онъ и самъ будетъ въ состояніи уговаривать меня выйдти замужъ!... Я не знаю, чѣмъ все это кончится; но по крайней мѣрѣ рада тому, что цѣлый день свободно могу сидѣть въ своей комнатѣ, думать, плакать и писать къ тебѣ...

Вообрази себѣ мой ужасъ! Когда я дописывала послѣднюю строчку, ко мнѣ вбѣжала Юлія, блѣдная, полумертвая. «Другъ мой!» сказала она, «братъ боленъ, раненъ! онъ стрѣлялся съ Шмитомъ.» При этомъ извѣстіи въ глазахъ у меня потемнѣло, и я чуть было не упала со стула. Наконецъ, опомнившись отъ перваго испуга, я спросила, кто ей это сказалъ, и узнала, что камердинеръ Графовъ прислалъ нарочнаго, и что самъ онъ безъ памяти. «Это убьетъ матушку!» повторяла Юлія въ отчаяніи. Мы начали разсуждать, что намъ дѣлать, и рѣшились написать къ Вельской, чтобъ она подъ какимъ-нибудь предлогомъ задержала Графиню на нѣсколько дней въ гостяхъ; а сами сей часъ ѣдемъ домой.

Аглаида поблѣднѣла какъ смерть, услышавъ, что онъ раненъ и безпрестанно плачетъ. Не по-

Digitized by Google

нимаю, за что они поссорились!... Но что до этого: я теперь не хочу ничего знать, ничего не желаю, кромѣ того только, чтобъ онъ жилъ... Лошади готовы; прощай!

11.

Людмила къ своей пріятельницѣ.

Я счастлива, моя милая! Сердце мое такъ полно, что не знаю, буду-ли въ силахъ пересказать тебѣ все.

Мы выѣхали съ Юліей ночью, скакали сломя голову, и пріѣхали домой еще до свѣту. Здѣсь нашли мы полковаго Доктора, котораго прислалъ Шмитъ. Онъ сказалъ намъ, что Графъ получилъ рану въ плечо, которая совсѣмъ не опасна; но что онъ потерялъ много крови и при перевязкѣ съ нимъ сдѣлалась дурнота, а къ вечеру жаръ, бредъ и всѣ признаки горячки, вѣроятно—прибавилъ онъ—происшедшей отъ какого-нибудь душевнаго безпокойства, къ чему также присоединилось и воспаленіе раны. Увѣривъ насъ, что большой опасности еще не видно, сдѣлавъ нужныя наставленія, Докторъ на другой день уѣхалъ, давъ обѣщаніе пріѣзжать черезъ сутки, или какъ позволитъ его должность, и препоручилъ больнаго нашимъ попеченіямъ.

Съ какимъ удовольствіемъ дѣлила я ихъ съ Юліей и просиживала съ ней цѣлыя ночи въ его

Digitized by Google

комнатѣ. Иногда приходилъ онъ въ себя, и, казалось, ему было пріятно видѣть насъ; но черезъ минуту опять забывался. Такъ прошло нѣсколько дней. Докторъ пріѣзжалъ и уѣзжалъ, больной былъ все въ одномъ положеніи.

Въ ту ночь, когда мы съ безпокойствомъ ждали перелома его болѣзни, онъ въ безпамятствѣ произнесъ мое имя. Я содрогнулась, краска выступила на лицѣ моемъ. Мы были только вдвоемъ съ Юліей. «Людмила,» сказала она, «братъ въ самомъ дѣлѣ страдаетъ душевно.»

— Можетъ быть—отвѣчала я, невольно вздохнувъ.

«Послушайте: онъ... любитъ васъ...»

Сердце мое замерло, и я не знала, что отвѣчать ей.

«Вы любите его также,» продолжала Юлія, «это я знаю; но между вами есть какая-то недовѣрчивость, какая-то холодность, и мнѣ очень немного надобно было проницательности, чтобъ замѣтить все это... Скажите мнѣ, какъ вы думаете, за что они поссорились съ Шмитомъ?»

— Что касается до этого, Графиня, то мнѣ столько-же извѣстна причина ссоры ихъ, какъ и вамъ; и я сама-бы очень желала узнать ее.

«Но, Людмила, будьте, ради Бога, откровенны: что значитъ это странное обращеніе ваше съ братомъ? Что мѣшаетъ вамъ быть моей сестрой?..»

Digitized by Google

Милый, ласковый голосъ, которымъ она произвесла послѣднія слова, пронулъ меня, и сердце мое готово было открыться.

— Боже мой! что вы говорите?—сказала я въ сильномъ движеніи—возможно-ли это!

« Почему-жь не возможно? »

— Ахъ, Юлія, вы вырываете у меня тайну, которую я хотѣла хранить во всю мою жизнь: но я не могу противиться вамъ! Назвать васъ сестрой, было-бы для меня величайшимъ счастіемъ; но шутъ много препятствій... и теперь болѣе, нежели когда-нибудь...

« Какія-же именно? »

— Во первыхъ, захочетъ-ли этого ваша матушка?

« Матушка! Отъ чего-же? »

— Къ несчастію, мнѣ слишкомъ ясно доказываетъ это сильное желаніе ея выдать меня за Шмита.

« Какъ-же вы худо ее понимаете,» сказала Юлія, покачавъ головою: » она считаетъ эту партію выгодною для васъ, и все ея желаніе состоитъ только въ томъ, чтобъ сдѣлать вамъ счастіе. »

— Но развѣ забыли вы слова ея, когда она въ первый разъ говорила мнѣ о предложеніи Шмита: Не заносись слишкомъ высоко, чтобъ послѣ не раскаяваться, сказала она, и не дала-ли мнѣ этимъ почувствовать мою бѣдность и ничтожество? Отъ того, по пріѣздѣ Графа, я боялась

Digitized by Google

говорить съ нимъ, скрывая любовь свою, и отдалила его такъ, что, можетъ быть, сердце его ужъ никогда ко мнѣ не возвратится. . .

«Стало быть, по милости этихъ-же словъ, вы хотѣли сдѣлаться и монахиней?»

— Да.

«Ну, Людмила, если-бы я не любила васъ, то право-бы въ состояніи была смѣяться надъ вами. Эти роковыя слова, которыя вамъ надѣлали столько хлопотъ, были просто совѣтъ, моя милая, не имѣющій никакого особеннаго смысла. О любви вашей къ брату матушкѣ и въ голову не приходило. Знаете-ли: я даже сказала ей однажды, что онъ былъ-бы очень счастливъ, если-бъ имѣлъ такую жену, какъ вы. . .»

— Что-жь она отвѣчала? — спросила я, едва переводя духъ.

«Сначала ей точно показалось это странно, какъ-бы вещь, о которой она никогда не думала; но наконецъ я увидѣла, что она въ душѣ согласилась со мной, и сказала только, что Александръ слишкомъ еще молодъ, и ей хочется, чтобъ онъ послужилъ. Но если она узнаетъ, что онъ любитъ васъ, то вѣрно, для пустыхъ предразсудковъ, не захочетъ нарушить счастія двухъ человѣкъ, столько ей любезныхъ. Да, Людмила, она любитъ васъ, какъ дочь, и я ручаюсь, что съ удовольствіемъ назоветъ васъ этимъ именемъ.»

Digitized by Google

Въ восхищеніи я поцѣловала Юлію; но скоро горестныя мысли разрушили очарованіе.

— Для чего прежде я не знала объ этомъ, милая Юлія; а теперь поздно: онъ ужь не любитъ меня; одна Аглаида живетъ въ его сердцѣ! . . .

«Въ самомъ дѣлѣ?... Я сама видѣла, что она ловитъ его; но не думала, чтобы онъ такъ скоро попался на удочку. Впрочемъ, если вы заключаете такъ по ея обращенію съ нимъ, то это еще не есть доказательство.»

— Нѣтъ, я говорю это по догадкамъ, и, къ несчастію, все знаю слишкомъ хорошо.

«Вѣтреница!... Но чѣмъ-же кончится эта связь? Я знаю, что маіушка скорѣй позволитъ брату жениться на скотницѣ, нежели на внучатной сестрѣ; она строгая христіанка, и даже бракъ въ пятомъ колѣнѣ считаетъ смертнымъ грѣхомъ... Бѣдный братъ! гдѣ былъ его разсудокъ?»

— Развѣ страсть слушается разсудка?

«Правда... Но, Людмила, не сами-ли вы доказали, что это можетъ быть? Согласитесь, что вашъ поступокъ сдѣлалъ-бы честь любой героинѣ романа Мадамъ Жанлисъ.»

Какъ мнѣ ни было грустно, однакожь я не могла не улыбнуться при этомъ замѣчаніи, сдѣланномъ съ весслымъ видомъ. Характеръ Юліи такъ живъ, что нѣсколько увлекъ ее, но только на одну минуту: она взглянула на брата, вздохнула, и лицо ея снова помрачилось.

Digitized by Google

« Мнѣ кажется, » продолжала она, « что привязанность брата къ Аглаидѣ не можетъ быть истинная : онъ совсѣмъ не вѣтреникъ, и сердце его не могло такъ скоро перемѣниться. Я даже увѣрена, что онъ все еще любитъ васъ : вы сами слышали, какъ онъ бредитъ вами. »

— Теперь и я вамъ скажу, что это еще не есть доказательство.

« Думайте какъ хотите, только вы меня не переувѣрите. Я знаю, что вѣтреный характеръ Аглаиды не можетъ его привязать надолго. При томъ-же, не сказали-ли вы, что сами старались отдалить его, и легко можетъ статься, что чувство, которое вы принимаете за любовь, есть одно только мщеніе вамъ. Вспомните, какъ онъ всегда былъ мраченъ и задумчивъ... Мнѣ даже кажется, что ссора его съ Шмитомъ имѣетъ большую связь со всѣмъ этимъ. »

— Не уже-ли вы думаете, что причиной ссоры ихъ была ревность?

« А почему-жь и не такъ? Правда, что Шмитъ не опасный соперникъ; но онъ совсѣмъ не буянъ, братъ и подавно; они не могли поссориться за вздоръ, и путь вѣрно кроется что-нибудь, чего мы не понимаемъ. Не будемъ отчаиваться, милая Людмила; станемъ молить Бога, чтобы Онъ возвратилъ здоровье нашему больному, и тогда, можетъ быть, все объяснится. »

Digitized by Google

Графъ, между шѣмъ, казалось, заснулъ глубокимъ и покойнымъ сномъ. Мы вышли въ ближнюю комнату и прилегли на диванѣ, чтобы также немножко успокоиться; но сонъ былъ далекъ отъ меня. Разговоръ съ Юліей занималъ мои мысли, и я раскаявалась, что не ввѣрилась прежде этому ангелу-ушѣшителю. Воображеніе мое носилось въ будущемъ, и мнѣ представлялись мечты, то веселыя, восхитительныя, то снова горестныя и мрачныя. Не находя покоя, волнуемая думою, я, передъ утромъ, вошла опять въ комнату больнаго. Сонъ его продолжался. Увлеченная сердечнымъ чувствомъ, все еще опасаясь за жизнь его, я бросилась на колѣни и начала молиться... Вдругъ мнѣ послышалось, что онъ кликнулъ меня; я обернулась, и думала, что это въ безпамятствѣ; но тѣ-же слова, повторенныя голосомъ хотя слабымъ, но внятнымъ, увѣрили меня, что онъ проснулся, и я подошла къ нему.

«Людмила,» сказалъ онъ, «не уже-ли участіе ко мнѣ привело васъ сюда? Не уже-ли вы молитесь за жизнь человѣка, котораго сами довели до этого состоянія?»

Рѣчь Графа хотя была довольно связна, но смыслъ ея казался мнѣ такъ теменъ, что я все еще не знала, въ памяти-ли онъ.

— Успокойтесь, Графъ — сказала я — разговоръ можетъ быть вамъ вреденъ.

Digitized by Google

«Это значитъ, что вы не хотите отвѣчать на вопросъ мой.»

— Но самый этотъ вопросъ показываетъ, что воображеніе ваше еще слишкомъ разстроено. Ради Бога, успокойтесь!

«Напротивъ, я очень помню, что говорю. Сонъ подкрѣпилъ меня; мнѣ теперь гораздо лучше, и я удивляюсь, отъ чего слова мои кажутся вамъ такъ странны? Не отъ васъ-ли требовалъ я объясненія въ маскарадѣ? Не при васъ-ли поссорился съ Шмитомъ?..»

— Боже мой! разсудокъ его помѣшался! — сказала я въ отчаяніи и почти упала въ кресла, возлѣ его постели. Видя, что испугъ мой былъ непритворный, Графъ смотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

«Или я въ самомъ дѣлѣ сумасшедшій, или вы хотите свести меня съ ума,» сказалъ онъ наконецъ; «по крайней мѣрѣ мнѣ кажется, что я говорю совсѣмъ не вздоръ.»

— И между тѣмъ, изъ всего сказаннаго вами я ничего не понимаю.

«Странно!... Не вы-ли ходили съ Шмитомъ въ вашемъ монашескомъ платьѣ? Не вы-ли просили его защиты?...

— Ради Бога, Графъ, выкиньте эту мечту изъ головы. Съ тѣхъ поръ, какъ вы видѣли меня въ монашескомъ платьѣ, я не надѣвала его; ни-

Digitized by Google

когда не ходила вмѣстѣ съ Шмитомъ, и напротивъ всегда старалась удаляться отъ него.

«Въ самомъ дѣлѣ?... Но кто-жъ была эта дама, которая ходила съ нимъ? Какъ ей попалось ваше платье, и почему она не вывела меня изъ заблужденія?...»

— Я ничего этого не знаю; только легко могло статься, что платье взялъ кто-нибудь у моей горничной.

«Стало быть, это все сдѣлалось отъ ошибки... Какая странность!... И вы говорите, Людмила,» прибавилъ онъ тихо и взявъ меня за руку, «вы говорите, что всегда удалялись отъ Шмита?—а письмо, которое вы писали къ нему?»

— Письмо!—вскричала я съ удивленіемъ.—И такъ, вы все знаете?

«Къ несчастію все,» сказалъ онъ, вздохнувъ и опустивъ мою руку. Переходъ этотъ еще болѣе удивилъ меня.

— Стало быть вамъ не нравится, Графъ, что я отказала ему въ рукѣ своей?—спросила я съ смущеніемъ и вмѣстѣ съ досадой.

«Отказали!...»

— Но если вы читали письмо, то какъ-же не знаете этого?

«Такъ письмо ваше заключало въ себѣ отказъ, а не приглашеніе ѣхать съ нами къ Вельской?... Боже мой! какъ я жестоко обманутъ!... Но для

Digitized by Google

чего-жъ такая скрытность, Людмила! для чего вы не сдѣлали этого гласно?»

– Для того, что я боялась раздражить вашу матушку. Она все еще думала, что я соглашусь наконецъ выйдти за Шмитта, и просила меня не спѣшить отказомъ.

«Ахъ, какъ я виноватъ передъ вами! Простите меня, Людмила! я былъ игрушкою хитрой дѣвчонки. Какъ благодаренъ я вамъ, что вы наконецъ вывели меня изъ заблужденія, которое заставило меня столько страдать... Довершите-же—прибавилъ онъ, взявъ опять мою руку—довершите то, что начали; возвратите мнѣ, однимъ словомъ, здоровье, спокойствіе, счастіе жизни!... Скажите, не ужто въ самомъ дѣлѣ въ три года сердце ваше могло перемѣниться, и вы не любите меня?....»

– Любитъ, любитъ—сказала Юлія, которая вошла въ это время. Однакожъ, господинъ больной, я заступаю теперь мѣсто вашего Доктора, и его именемъ приказываю кончить разговоръ, который можетъ быть для васъ вреденъ.

«Напротивъ, онъ возвратитъ мнѣ здоровье скорѣе всѣхъ лекарей на свѣтѣ. Скажите мнѣ, Людмила, разтолкуйте: для чего вы меня убѣгали?»

— Для того, что боялась измѣнить себѣ, боялась открыть вамъ любовь мою...

Тутъ я разсказала ему, что̀ заставило меня обращаться съ нимъ такъ холодно, и чего стоило

Digitized by Google

мнѣ принудишь себя къ тому; а отъ него узнала, что Аглаида употребляла всѣ способы затемнить меня въ глазахъ его. Онъ раскаявался, тысячу разъ просилъ прощенія въ ослѣпленіи своемъ—но нужно-ли было это? Сердце мое давно его простило.

Я не думала, чтобъ Аглаида имѣла такое дурное сердце. . . Но теперь не хочу разсказывать обо всѣхъ поступкахъ ея. Я такъ счастлива, что не могу на нее сердиться.

Графиня еще не пріѣхала; но Юлія писала къ Вельской, что удерживать ее болѣе не нужно. Ей ничего еще неизвѣстно, и я ожидаю ее съ безпокойствомъ; но Александръ — теперь я могу называть его такъ—ушѣшаетъ меня: «Не уже-ли ты думаешь, что матушка будетъ противиться нашему счастію?» говоритъ онъ. Ему становится день отъ дня лучше. Теперь онъ въ состояніи вставать съ постели, и мы проводимъ время очень пріятно: то сидимъ съ Юліей за работой, въ его комнатѣ, и разговоры о будущемъ занимаютъ насъ; то что-нибудь читаемъ. Любовь разливаетъ на все, окружающее меня, какую-то прелесть. Я могу свободно твердить о ней Александру—это блаженство неизъяснимо!... Что-жъ буду чувствовать я, когда назову его супругомъ своимъ? . . .

Digitized by Google

12.

Графиня Аглаида къ сестрѣ своей.

Вчера была ихъ помолвка! Подивись моей слабости: знавши, что они помирились, предвидѣвъ, что это непремѣнно должно быть, я все таки не могла слышать равнодушно объ этой помолвкѣ! Матушка была свидѣтельницей церемоніи, и говоритъ, что Графиня очень довольна и весела. Ну, не слабы-ли женщины? Въ пять минутъ можно каждую изъ нихъ заставить перемѣнить самое твердое намѣреніе. Графиня всегда называла раннюю женитьбу глупостью, и рѣшительно говорила, что сынъ ея не долженъ думать о ней, по крайней мѣрѣ до Полковничьяго чина. А когда увидѣла, что онъ такъ страстно влюбленъ, то расчувствовалась, расплакалась, и позволила ему сдѣлать эту глупость. Говорятъ, что ее очень трогаетъ *геройскій* поступокъ будущей ея невѣстки. Она съ торжествомъ разсказываетъ объ этомъ всѣмъ и каждому. Приписываетъ добродѣтели Людмилы воспитанію, которое умѣли дать ей, и прибавляетъ: «Я ничего не щадила для нея, и это добро обратилось теперь самой-же мнѣ въ пользу! Я сама образовала жену для моего сына, и надѣюсь, что съ нею онъ будетъ счастливъ!» Вотъ какъ люди умѣютъ ушѣшать себя! Не повѣрю, чтобы щеславіе ея не страдало отъ такого союза; но она хочетъ

Digitized by Google

заглушишь обиженную гордость самолюбіемъ. Я, по крайней мѣрѣ, такъ думаю, и въ добродѣтели милой невѣстки ея ничего невижу, кромѣ глупости.

Женихъ и невѣста, говорятъ, *лучезарны* отъ радости, и нѣжны, какъ голубки (выраженіе матушки). Странно, что всѣ старушки ужасно какъ любятъ нѣжности.

Матушка такъ распространилась обо всѣхъ подробностяхъ, что надоѣла мнѣ до смерти, и у меня сдѣлалась мигрень.

Думаю, что прелестная парочка на дняхъ пріѣдетъ къ намъ съ визитомъ. Разумѣется, я не покажусь имъ, увѣрю всѣхъ, что у меня спазмы, колика, жаръ, ознобъ—и пролежу въ постели. Я бы желала никогда не видать Людмилы: письмо и шутка въ маскарадѣ лежатъ на моей совѣсти.

Мнѣ и такъ грустно, моя милая, а ты еще бранишь меня во всякомъ письмѣ: говоришь, что я сама во всемъ виновата, и черезъ чуръ перехитрила. Но что-жъ мнѣ было дѣлать, послѣ того, какъ я подслушала разговоръ, въ которомъ героиня наша начинала терять свою твердость, и объявила, что идетъ въ монастырь? Ты сама одобрила планъ мой, и взялась сыграть роль монахини; признайся-же лучше, что всему причиною *ловкость* твоя. Какъ допустишь къ себѣ такъ близко брата? Тебѣ надобно было

Digitized by Google

только мелькнуть мимо его и—тотчасъ исчезнуть.

Впрочемъ я благодарна брашцу за скромность. Можетъ быть онъ разсказалъ Людмилѣ свои похожденія со мной; думаю однакожь, кромѣ нѣкоторыхъ обстоятельствъ; но отъ постороннихъ я ничего еще покуда не слышу. Что будетъ со мною, если эта исторія выйдетъ въ свѣтъ?... Что тогда достанется мнѣ отъ нашихъ почтенныхъ сосѣдокъ? . . . Онѣ вѣрно полгода будутъ толковать о предметѣ, который дастъ такую неистощимую работу языкамъ ихъ! Тутъ онѣ найдутъ и любовь, и добродѣтель, и соперницу и—даже дуэль. . . Не правда-ли, что это цѣлый романъ? — и довольно вздорный — скажешь ты? Но, милая, мы читали много такихъ, которые еще глупѣе этого.

П. Сумароковъ.

Digitized by Google

Römische Geschichte, etc. (*Римская Исторія*, соч. Нибура) — Schlegel's Recension, etc. (*Шлегелевъ разборъ Нибуровой Римской Исторіи*) — Die ältere Geschichte des Römischen Staates, etc. *Древняя Исторія Римскаго Государства*, изслѣдованная Вахсмутомъ).

(Окончаніе).

Преданіе объ Энеѣ и его Троянской колоніи, какъ можно уже предполагать, рѣшительно опровергается Нибуромъ; но онъ почитаетъ вопросомъ, весьма достойнымъ вниманія: *туземное-ли было это повѣствованіе у Римлянъ, или перенесенное отъ другихъ народовъ?* Показавъ, что многіе Эллинскіе поэты полагали Энея бѣглецомъ изъ Трои; что Стезихоръ рѣшительно представляетъ его направившимъ плаваніе въ Гесперію, то есть, *на Западъ*, и что у Грековъ было общее повѣрье о Троянскихъ колоніяхъ въ различныя страны, Нибуръ находитъ все это недостаточнымъ для того, чтобы народъ столь гордый, каковъ былъ народъ Римскій, принялъ такія преданія за фактъ государственной Исторіи. Для сего мнимое пришествіе Троянъ долженствовало быть *туземнымъ вымысломъ*, такъ, какъ происхожденіе Бритоновъ отъ Бруна и изъ Трои, Готѳовъ отъ Гетовъ, Венгровъ отъ Гунновъ, все это, разсказанное съ увѣренностью писателями каждаго изъ сихъ народовъ. Затрудненіе въ томъ, какъ открыть проис-

Digitized by Google

хожденіе сказки; Нибуръ предлагаетъ свою гипотезу. Все, заключающееся въ сей миѳической повѣсти о сродствѣ народовъ, показываетъ сродство между Троянцами и Пелазгійскими племенами, каковы были: Аркадцы, Эпироты, Эноторы и, особенно, Тирренскіе Пелазги. Къ этому относятся разсказы о путешествіи Дардана изъ Коринѳа въ Самоѳракію, и о Симоисѣ, пришедшемъ отъ Троянъ въ Лаціумъ, отъ Тирренцовъ въ Лемносъ. Узнавъ, что Пенаты Лавиніума, тѣ, которые Тимей называлъ *Троянскими*, были *Самоѳракійскіе боги*, Римляне признали сродство свое съ жителями сего острова. Отъ сего народнаго и религіознаго единства, также тождества языковъ, могли дать названіе *Троянскихъ* многимъ народамъ, придумать выходъ изъ Трои, и перенесеніе Энеемъ Троянскихъ боговъ въ Италію. Задолго до покоренія Самоѳракіи, Тирренцы могли посѣщать сей островъ, и Иродотъ могъ слышать разговаривающихъ между собою Коршонцовъ и Плакіанцовъ; Лавиніецъ и Гергиѳіанецъ могли объяснить себѣ сродство свое разсказомъ объ Энеѣ. «Языки наши сходны,» могъ сказать Лавиніецъ, «религія тоже: у насъ такіе-же боги, какихъ вижу я здѣсь.» — И такъ, вы должны быть потомки Энея и его спутниковъ — могъ отвѣчать ему собесѣдникъ — онъ спасъ *такихъ* боговъ изъ Трои, и уплылъ, какъ говорили намъ отцы наши, на Западъ. — Весьма небольшое надобно имѣть понятіе о человѣческой природѣ, дабы видѣть, какъ легко подобное предположеніе могло быть принято и распространено.

Digitized by Google

Первая, представившаяся Нибуру гипотеза о происхожденіи Римлянъ была та, что Римъ былъ Троянская колонія, жители его переселенцы одного изъ 12-ти городовъ Этрурін (на городъ *Цере* обращалось въ семъ отношеніи особенное вниманіе). Сіи Тосканы, полагалъ Нибуръ, поработили первобытныхъ Сикуловъ, мѣстныхъ обитателей, уступившихъ имъ правый берегъ рѣки, и отъ сего произошло кліентство въ Римѣ: кліенты были побѣжденные Сикулы. Эту гипотезу принялъ Шлегель и опровергалъ Вахсмутъ; но теперь Нибуръ отказался отъ нея. «Когда, говоритъ онъ, «Албанское происхожденіе Римлянъ было опровергнуто достовѣрными изысканіями, то первое направленіе мыслей долженствовало обратиться къ тому, что *Римъ былъ Этрусская колонія.* Идти такъ смѣло противъ всѣхъ авторитетовъ Древности, было предпріятіе, болѣе нежели отважное; но кто сражается съ закоснѣлыми мнѣніями, преслѣдуетъ ихъ, и стремится разрушить ихъ владычество, тотъ можетъ быть извиненъ въ излишней смѣлости, до которая доводитъ его безобразная форма, въ какой представляется ему все, смѣшанное съ баснями. Только послѣ побѣды, умѣренность можетъ заступить мѣсто чрезмѣрности.»

Теперь, Нибуръ принимаетъ другую, болѣе вѣроятную (по нашему мнѣнію, *вѣроятнѣйшую* изъ всѣхъ) теорію, именно, что на холмахъ, кои занималъ Римъ, древлѣ были маленькіе города, или деревни, Сикуловъ. Одно изъ такихъ селеній, находившееся на Палатинскомъ холмѣ, первенство-

Digitized by Google

вало предъ другими, и именовалось *Roma* (Пелазгійское названіе, подобное Pyrgi); другое селеніе называлось *Remuria*. Когда Каски, въ общемъ движеніи народовъ Италійскихъ, о чемъ мы уже говорили, пришли на восточную сторону Тибра, *Roma* (или *Римъ*), вмѣстѣ съ другими городками, подпалъ ихъ власти, и здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, пришельцы смѣшались съ прежними обитателями, образовавъ народъ, и удержавъ правленіе въ своихъ рукахъ. Сабины, движась по Тибру, пришли къ нимъ, заняли часть земель, и построили городокъ, названный *Квиріумъ* (Quirium), на Агонійскомъ холмѣ, отдѣленномъ отъ Палатинскаго Рима болотами, гдѣ въ послѣдствіи были *Форумъ* и *Субурра*. Римъ, хотя покоренный сначала, сдѣлался въ послѣдствіи свободнымъ. Тогда Палатинскій и Сабинскій городки, близко одинъ подлѣ другаго находившіеся, но независимые, и часто враждовавшіе, похожи были на древніе Греческіе и Испанскіе *Емпоріи*, или *старый* и *новый* городъ въ Данцигѣ. Таковы были прежде многіе Ирландскіе города, состоявшіе изъ городка Англійскаго и Ирландскаго, раздѣленныхъ, хотя и вмѣстѣ находившихся. Преданіе сохранило память о первобытномъ раздѣленіи, повѣствуя намъ, что каждый изъ городковъ имѣлъ Сенатъ, состоявшій изъ 100 членовъ, и съ сими Сенатами Цари городковъ составляли сеймы, между двумя вышепоименованными холмами, отъ чего и произошло имя сего мѣста сходокъ (Comitium). Нибуръ полагаетъ, что похищеніе Сабинокъ, и война по сему случаю, есть преданіе о томъ времени,

Digitized by Google

когда не было правъ супружества (connubium) между жителями городковъ, и когда городокъ покоренный получивъ свободу, силою оружія пріобрѣлъ въ семъ отношеніи права, равныя съ другимъ.

Два городка, испышавъ равенство силъ своихъ, кажется, рѣшились соединиться ближайшимъ союзомъ, для взаимной пользы. На пути отъ Квиринальскаго къ Палатинскому холму воздвигли они, на общей межѣ, двулицаго Януса, съ дверьми изъ его храма къ каждому городку, отворенными во время военное, затворенными въ мирное, для избѣжанія ссоръ, или различенія двухъ разныхъ хотя и союзныхъ городковъ. Римляне всегда были *двоякій* народъ, и разные символы и преданія хранили память объ этомъ. Двуликій Янусъ знаменовалъ это, также какъ и двойной тронъ, на которомъ (какъ говоритъ Сервій, въ изъясненіяхъ своихъ на Энеиду) сидѣлъ Ромулъ послѣ смерти Рема. Здѣсь начало басни о двухъ братьяхъ, басни показывающей союзъ Аборигеновъ и Пелазговъ, или *Roma* и *Returia*; тѣже символы знаменовали потомъ *Римлянъ* и *Квиритовъ*, и наконецъ *Патриціевъ* и *Плебеевъ*.

Вѣроятно, что сознавая опасность приближенія Тосканъ къ Тибру, союзные городки видѣли необходимость тѣснѣйшаго союза, и согласились имѣть одинъ Сенатъ и одного Царя, выбирая его попеременно, то изъ одного, то изъ другаго народа. Если на поэтическій разсказъ можно смотрѣть, какъ на нѣчто *сохраняющее черты Ис-*

Digitized by Google

теріи, мы можемъ положишь, что при первомъ сосшавленіи союза были два, вмѣсшѣ царсшвовавшіе владѣшеля, по одному съ каждой сшороны, и что по смерши Сабинскаго своего сошоварища, Римскій Царь умѣлъ оштклонишь выборъ его наслѣдника; можемъ предположишь даже, что усшановленіе двухъ Консуловъ въ послѣдующее время произошло ошъ воспоминанія прежняго порядка дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, при всѣхъ важныхъ сособышіяхъ, начали смошрѣшь на союзные городки какъ на одинъ народъ, и называшь его Populus Romanus et Quirites, или по древнему Римскому выраженію: Populus Romanus Quirites (*), въ послѣдсшвіи измѣненное въ Populus Romanus Quiritium. Вошъ замѣчашельное доказашельсшво привязанносши Римлянъ къ древнимъ формамъ; долго послѣ шого, какъ различіе между Римлянами и Квиришами изчезло, имя *Квиритовъ* было принимаемо за имя Плебеевъ, кои бывши совершенно особаго происхожденія, имѣли одинаковое ошношеніе къ первобышнымъ Римлянамъ.

Преданіе о соединеніи двухъ народовъ являешся съ шождевременнымъ раздѣленіемъ соединеннаго народа на шри *триба* (tribus): Рамновъ, Тиціевъ и Луцеровъ. Когда Нибуръ держался Тосканскаго

(*) Что шакое словоизмѣненіе было въ Лашинскомъ языкѣ, нѣшъ нималаго сомнѣнія. Нибуръ приводишъ въ доказашельсшво: Prisci Latini, Socii Latini, Accensi Velati, empti venditi, locati conducti, и проч.

Digitized by Google

происхожденія, онъ уважалъ авторитетъ Волумна, или Волнія, и искалъ происхожденія сихъ именъ въ Тосканскомъ языкѣ. Предубѣжденный мыслію что Римскіе Патриціи были духовная каста, онъ извращалъ порядокъ именъ, ставилъ *Луцеровъ* прежде другихъ, и выводилъ имя ихъ отъ древняго Германскаго слова, означавшаго: *видокъ*, называя ихъ: *Seers*. Теперь самъ зодчій разрушилъ все прежнее зданіе, и вѣроятно согласится съ нами, что не велика надобность разыскивать, что было Пелазгійское, и что древле-Италійское въ религіи и установленіяхъ Рима, до Тарквинія (Приска) Древняго.

Вотъ затрудненіе важное: если *трибовъ*, въ чёмъ нѣтъ сомнѣнія, было въ началѣ *три*, а народъ составлялся изъ *двухъ* только поколѣній, почему *тройственное*, а не *двойственное* число является въ трибахъ? Это затрудненіе остроумно и превосходно разрѣшено Нибуромъ. *Три*, какъ и слово *tribus* показываетъ, было число, на которое *братства* (phylæ) или трибы Италійскихъ государствъ были раздѣляемы, и ихъ земли дѣлились такимъ-же образомъ, то есть на три отдѣла, такъ, что отдѣлъ соотвѣтствовалъ трибу и vice versa; слѣдственно, когда отдѣлъ земли былъ уничтожаемъ, нашествіемъ непріятельскимъ, или уступкою, трибъ уничтожался. Прежде нежели являются преданія о Ромуловой колоніи, Италійскій образъ поселеній, различный отъ Греческаго, былъ слѣдующій: въ каждый завоеванный городъ поселяли часть своихъ гражданъ, отдавали имъ *треть* земель каждаго города, и всю власть правленія.

Digitized by Google

Такимъ образомъ образовывался *одинъ* властительный *трибъ*; прежніе-же обитатели города дѣлились на *два* другіе *триба*, подчиненные первому. Предположивъ Касковъ, такимъ образомъ поселившихся въ Римѣ, найдемъ *одинъ* Касскій и *два* Сикулійскіе триба. Теперь предположимъ (это явно изъ оставшихся различій между *Римомъ* и *Квиріумомъ*), что Сабины (какъ въ послѣдствіи сдѣлалъ Порсена) берутъ отдѣлъ себѣ, или *треть* Римскихъ владѣній, въ Римѣ остается *два* триба: Касканскій и *Сикульскій*. По соединеніи двухъ городовъ, Сабины, если они также раздѣлены были на трибы, сдѣлались вторымъ трибомъ соединеннаго государства, совершенно равнымъ съ повелѣвающими Касканами, или Рамнами, и Сикульскіе ихъ подданные долженствовали образовать отдѣлъ *Луцеровъ*, не имѣвшій участія въ правленіи.

Рамны и *Тиціи* были совершенно равны, и первые можетъ быть имѣли право старшинства, отъ чего и явились *Celsi Ramnes*. Общій Сенатъ былъ составленъ изъ 200 членовъ, по сту съ каждой стороны. Такъ были и четыре Весталки, двѣ съ каждой стороны, также и четыре Августа, четыре Понтифекса, двадцать Феціаловъ, одинъ за каждую Курію Рамновъ и Тиціевъ, два дуумвира Сивиллиныхъ книгъ и Пердуелліона; братствъ было также два: *Салійское* отъ Римлянъ, *Агональское* отъ Сабиновъ, и проч.

Дальнѣйшее раздѣленіе трехъ трибовъ было на куріи, коихъ считалось *тридцать*, по 10 на каждый трибъ. Роды, домы или семейства были за-

Digitized by Google

ключаемы въ курін. Граммашисты, особенно Юлій Поллуксъ, сказываютъ намъ, что въ первобытной конституціи Аѳинянъ, каждое изъ четырехъ братствъ (Phylae) было раздѣлено на три отдѣла (Phratriæ), а отдѣлъ содержалъ въ себѣ тридцать родовъ (genea), члены коихъ именовались *родичи* (gennetæ), и иначе Homogalactes, и были не родственники между собою, но такъ назывались по ихъ союзу, состоявшему въ томъ, что они имѣли общіе религіозные обряды, наслѣдованные отъ предковъ, нѣкогда составлявшихъ роды (genea), и никто, ни по богатству, ни по знатности, не могъ быть принятъ въ *братство* или въ *родъ*, если не происходилъ отъ родичей. Конституція Клисѳена, раздѣлившая братства на отдѣлы, названные Demi, была совсѣмъ противоположная, распредѣляя народъ по мѣстопребыванію, а не по происхожденію. Роды были въ послѣдствіи называемы общими именами, какъ то: *Кодриды*, *Эвмолпиды*, *Бутады*, можетъ быть, отъ знаменитѣйшихъ семействъ, бывшихъ между ими во времена ихъ образованія, еще вѣроятнѣе отъ ихъ защитника (Eponymus), бога или героя, такъ, какъ у насъ гражданскія гильдіи называются именами святыхъ и ангеловъ.

Аналогія числъ съ числами мѣсяцовъ и дней солнечнаго года такъ здѣсь явна, что не льзя почесть ея дѣломъ случая, и если разсмотримъ, что жители Аттики были чистые Пелазги, то справедливо можемъ думать, что одинаковая конституція являлась повсюду, гдѣ сей народъ первенствовалъ.

Digitized by Google

Въ Римѣ трибовъ было *три*, курій тридцать, а Діонисій ясно говоритъ, что Ромулъ раздѣлилъ куріи на *декады*. Отъ чего-же могли явиться сіи декады, если не отъ *родовъ*? И такъ, каждая курія заключала въ себѣ 10 родовъ, каждый трибъ 100 (отъ чего Ливій называетъ трибы *Центуріями*), а всѣ три трибa 300 родовъ, и въ числѣ ихъ видѣнъ *циклическій* годъ, изъ 10 мѣсяцовъ и 304 дней, введенный въ Римѣ, такъ какъ въ Аттическомъ раздѣленіи мы находимъ *солнечный* годъ, изъ 12 мѣсяцовъ и 365 дней. Кромѣ того Римскіе роды имѣли общія жертвоприношенія: родъ Навтіевъ (Nautii) жертвовалъ Минервѣ; родъ Фабіевъ Геркулесу или Санку (Sancus). Должно по справедливости признаться, что это не есть доказательство отчужденія родовъ, подобнаго отчужденію Аттическому. Но Цицеронъ, тщательно описывая благородныхъ Римлянъ, не говоритъ объ ихъ общемъ происхожденіи. Корнеліи, какъ родъ, имѣя общіе религіозные обряды, не были родичами Сципіоновъ и Суллъ; Лициніи и другія плебейскія семейства, распространились на множество вѣтвей въ новыя времена, но 300 Фабіевъ (300 Fabii) образовывали распространеніе дома, какого родословныя таблицы не представляютъ; Эліи (Aelii), городовой родъ, состояли изъ многихъ семействъ, но изъ нихъ только Ламіи выводили себя отъ Лама Формійскаго; иное семейство могло почитать себя происшедшимъ отдѣльно отъ всѣхъ другихъ родовъ. Все приводитъ къ тому, что сходство Римскихъ Gentes и Аттиче-

Digitized by Google

скихъ Genea, есть предположеніе вѣрное и справедливое.

Граждане Рима и городовъ, находившихся с нимъ въ дружескихъ сношеніяхъ, были въ правѣ оставлять взаимно свои жилища и переселяться изъ города въ городъ; но, какъ Греческіе Metœci или сообитатели, они не принимались въ конституцію тѣхъ городовъ, гдѣ селились, и принуждены были считаться подъ покровительствомъ извѣстныхъ гражданъ. Отъ сего явилось въ Римѣ отношеніе патроновъ и кліентовъ (похожее на отношенія нашихъ лордовъ и вассаловъ ихъ въ средніе вѣки): послѣдніе состояли изъ чужеземцовъ, которые для торговли, или по другимъ обстоятельствамъ, селились въ Римѣ, и поелику многіе изъ нихъ оставались должны въ прежнихъ жилищахъ, то Нибуръ думаетъ, что Плебеи нетерпѣвшіе ихъ, и видѣвшіе въ нихъ подкрѣпленіе Патриціевъ, по сему обстоятельству нашли случай выдумать исторію пристанища (Asylum). Въ нѣкоторомъ смыслѣ, Римскій народъ въ самомъ дѣлѣ состоялъ первоначально изъ патроновъ и кліентовъ.

Отношеніе покровителей къ кліентамъ, не могшимъ поддержать себя торговлею или рукодѣліемъ, побудило патроновъ давать имъ домы и по двѣ десятины (jugera) земли, въ своихъ владѣніяхъ; патроны назвались Patres и *Патриціи* (*),

(*) Patres Senatores ideo appellati sunt, quia agrorum partes attribuebant tenuioribus, perinde ac liberis propriis. *Festus.*

Digitized by Google

что Нибуръ почитаетъ равносильными именами, полагая, что первое не безъ особенныхъ причинъ осталось наименованіемъ Сенаторовъ. Patres и Патриціи, какъ нераздѣльно ихъ называли, были особые граждане, и собирательное наименованіе ихъ было Celeres. Нелѣпо предполагать, что Celeres, для коихъ трибунство было правительствомъ и священствомъ, составляли охранное войско. Трибунъ Рамновъ вѣроятно пользовался преимуществомъ надъ двумя своими сотоварищами, и отъ сего обыкновенно упоминался онъ одинъ.

Важная часть могущества, конституціонно предоставлена была куріямъ, изъ чего выходитъ вопросъ: какъ собирались въ нихъ голоса? Нѣтъ сомнѣнія, что семейства неравнаго рожденія постепенно входили въ общество, также и кліенты участвовавшіе въ религіозныхъ обрядахъ курій; можно бы заключить, что они всѣ также подавали голоса. Нибуръ показываетъ изъ основныхъ началъ, свидѣтельствъ Лелія, сравнительныхъ разсмотрѣній разныхъ мѣстъ изъ Діонисія и сравненія оныхъ съ Ливіемъ, что куріи были собранія Патриціевъ, и что только Патриціямъ дано было право на голоса.

Сенатъ, говоритъ Нибуръ (полагаемъ: *до примѣшествія Касковъ*) состоялъ первоначально изъ 300 членовъ, по одному представителю отъ каждаго рода, которые посылали своихъ Декуріоновъ или старшихъ въ верховный совѣтъ, и это поясняетъ, отъ чего Сенаторы въ колоніяхъ назывались *Декуріонами*. Члены Сената были раздѣле-

Digitized by Google

ны на декуріи, каждая декурія соотвѣтствовала куріи, и когда умиралъ Царь, то Decem primi, то есть, *главы десяти декурій Рамновъ*, попеременно правили государствомъ. Когда Сенатъ опредѣлялъ, которая курія должна была занять праздный тронъ, курія избирала *междуцарственнаго* (interrex), предлагала его Сенату, и по утвержденіи онымъ, избранный былъ провозглашаемъ; но (это важное обстоятельство открыли намъ отрывки Цицеронова творенія о Республикѣ) былъ законъ, по коему избранный долженствовалъ предстать предъ курію, для своего утвержденія, и онѣ могли отвергнуть его, если находили достаточныя причины.

Царь Рима уподоблялся царямъ героическихъ временъ Греціи, съ тою разницею, что онъ былъ судія, избранный на всю свою жизнь. Власть и права, бывшія впослѣдствіи у преторовъ, консуловъ, диктаторовъ, въ немъ соединялись. Онъ былъ неограниченный полководецъ и жрецъ своего народа, и только онъ одинъ могъ, бывши въ Римѣ, созывать Сенатъ и народъ, *предлагать* законы и постановленія, но граждане *рѣшали* постановленіе закона, объявленіе войны, заключеніе мира. Царь наказывалъ за неповиновеніе, но аппеляція на него представлялась суду гражданъ, т. е. Патриціевъ. Судилъ самъ Царь, или утверждалъ судей. Власть его надъ всякимъ не-патриціемъ была безпредѣльна, какъ власть диктатора. Онъ располагалъ всѣми мятежными и завоеванными областями, если только не нарушались тѣмъ права гражданъ на обладаніе землей, имѣлъ обширныя свои земли, съ

Digitized by Google

многочисленными кліентами, укрѣплявшими его богатствомъ и силою.

Такова была конституція Рима, при первомъ проблескѣ свѣта истинной Исторіи, и Нибуръ называетъ ее *Ромуловскою*, дабы отличить отъ конституціи, бывшей при Сервіи Тулліи. Существованіе Ромула и его благочестиваго преемника, Нибуръ рѣшительно опровергаетъ, и объясняетъ повѣрье Римлянъ о Ромулѣ предположеніемъ, что когда Римъ достигалъ уже нѣкоторой важности, то граждане его, размышляя о старомъ времени, затемнили основаніе своего города, утверждая, что имя его должно означать имя основателя, называвшагося *Romus*, или *Romulus* (*); видя другой городъ, называемый *Remuria*, соперничествовавшій, и впослѣдствіи подвластный Риму, они выдумали *Рема*, основателя, и называли его близнецомъ Ромула. Волны потока увеличиваются по мѣрѣ своего теченія; простое предположеніе о братьяхъ-основателяхъ увеличивалось со временемъ, обременялось прибавками, сплеталось съ естественными вымышленіями мѣстъ и старыми замѣнками, мало по малу принимало видъ Греческой басни, пока наконецъ весь разсказъ, въ его миѳо-эпической формѣ, дошелъ до насъ.

Если мы осмѣлимся сообщить свое мнѣніе въ семъ

(*) Romulus не уменьшительное, но, какъ говоритъ Нибуръ, одна изъ формъ прилагательныхъ Латинскаго языка, расточительнаго на оныя, подобная Aequus, Aequicus, Aequiculus, Tuscus, Tuscanus, Tuscanicus, и т. д.

Digitized by Google

шемномъ дѣлѣ, що оно будетъ состоять въ вопросѣ: *былъ-ли Римъ въ началѣ своемъ монархіею?* Сильныя доказательства находимъ мы, что въ Греціи Пелазгійскія племена находились вообще подъ сею формою правленія; но въ Италіи, мы не находимъ причинъ къ подобному предположенію. Можетъ быть монархія существовала у первобытныхъ обитателей полуострова, до Пелазговъ. Не былъ-ли *Римъ* республикою, и *Квиріумъ* также? По соединеніи ихъ, могли установить двухъ правителей, одного изъ каждаго народа, для общаго управленія, и это могло измѣнишься въ выборъ одновластителя для обоихъ, какъ мы видимъ при Тулліи и Анціи, историческое существованіе коихъ уже не подвержено сомнѣнію. Римляне монархическіе, въ ихъ не-письменное время, должны были рано ушратить всякое подобіе свой прежней конституціи. Ѳукидидъ показываетъ, какъ безпечно и невѣрно бываетъ народное преданіе. Римляне могли думать при Царяхъ своихъ, что такъ было съ самаго начала Рима. Римъ былъ *старшій* городъ, и *Ромулъ* явился первымъ Римскимъ Царемъ: преданіе о нашествіи Касковъ споспѣшествовало придать сему Царю воинственный характеръ, и всѣ древнія гражданскія постановленія были собраны въ его лицѣ. Сообразимъ, что большая часть Римской религіи была Сабинская, и что Сабинскій народъ во всѣ времена отличался благочестіемъ и строгою нравственностью: религія государства осуществлена была въ лицѣ Сабинскаго преемника, и если (такъ какъ мы можемъ произвесть имя Нумы отъ Nummus) старинный Латинскій языкъ имѣлъ

Digitized by Google

слово, похожее на νόμος, не это-ли составило имя *Нумы Помпилія?* Вахсмутъ, доказывая дѣйствительность существованія Ромула и Нумы статуями сихъ Царей, находившимися въ Капитоліи, даетъ право Шотландцамъ утверждать дѣйствительность существованія Кеннетовъ и Фергуссовъ; ибо портреты сихъ государей находились въ Голирудскомъ дворцѣ.

Первымъ историческимъ, несомнительнымъ фактомъ въ Римской Исторіи, Нибуръ почитаетъ переселеніе Албанцовъ въ Римъ. Поелику земли Албанскія, согласно съ древними Италійскими народными законами, не принадлежали Риму, Нибуръ полагаетъ, что Латины, открывшіе свои сеймы на Албанской землѣ, разорили Альбу, и спастіеся жители Альбы бѣжали въ Римъ, гдѣ получили жилища и земли, сохраняя впрочемъ отличіе отъ Римлянъ, не дававшихъ имъ правъ на connubium. Можетъ быть (хотя Нибуръ и относитъ сію мѣру къ царствованію Л. Тарквинія) при Тулліи Луцеры были уравнены съ двумя другими трибами: на это указываетъ намъ повелѣніе Туллія, удвоившаго число *всадниковъ* (Equites); конная служба, кажется, всегда была преимуществомъ господствовавшаго отдѣленія народа, и достойно замѣчанія, что преданіе говорило объ умноженіи Тулліемъ конницы десятью *турмами* (turmæ), то есть *третью.* Анцій, наслѣдникъ его, кажется, послѣдовалъ правильной системѣ умноженія силы и народонаселенія Рима, переселяя въ него обитателей завоеванныхъ Латинскихъ городовъ, которые съ обитателями Альбы образовали знаменитыхъ

Digitized by Google

Плебеевъ (при первоначальные пришлецы составляли народъ (*), Populus), званіе безпрерывно умножавшее свою силу и свое богатство. Мы не видимъ никакихъ причинъ предполагать, что Римскіе Цари, переселяя жителей изъ Латинскихъ городовъ въ Римъ, лишали ихъ собственности. Политика Рима была болѣе благоразумна: всѣ сіи города находились неподалеку отъ него; если-бы обитатели оставались въ нихъ и укрѣпились, то могли-бы всегда присоединяться къ непріятелямъ, или пользоваться затрудненіями Римлянъ. Примѣръ самозащищенія, употребленнаго Римлянами, находимъ въ распоряженіяхъ Итальянскихъ городовъ въ средніе вѣки, когда города принуждали дворянъ оставлять ихъ укрѣпленныя сельскія жилища, переходить и селиться въ городахъ. Такъ и Римляне дѣлали: переселенцы, пользуясь близостью своихъ земель, могли въ хорошее время года жить на своихъ земляхъ, обрабатывать оныя, и собирать плоды трудовъ своихъ, но должны были имѣть постоянныя жилища на злачныхъ холмахъ Рима, составляя собою охранительныя дружины царей, противъ возрастающаго могущества Патриціевъ. Все это

(*) Если не ошибаемся, Нибуръ былъ первый, утверждавшій настоящее значеніе сего слова. Что Populus былъ совершенно отдѣленъ отъ Plebs, явно изъ многихъ приводимыхъ Нибуромъ свидѣтельствъ. Вотъ два изъ важнѣйшихъ: Prætor—is qui populo plebique jus dabit summum (Лив. XXV, 12)—Dici mos erat—Quæ deprecatus sum—ut ea res—populo plebique Romanæ bene atque feliciter eveniret (Цицеронъ, *pro Murena*, 1).

Digitized by Google

ошносилось шолько къ окружнымъ мѣстамъ Рима; далѣе отстоявшіе города, какъ въ послѣдствіи колоніи, образовали особую часшь государства. Анцій преимущественно замѣшенъ былъ своею наклонносшью къ Плебеямъ:

Jactantior Ancus,
Nunc quoque jam nimium gaudens popularibus auris.

Большую часшь исшоріи царя Тарквинія I-го, Нибуръ счишаешъ поддѣлкою. Онъ думаешъ, кажешся, чшо Тарквиній былъ Лашинъ, а не Тосканецъ, и заключаешъ шакъ по прозванію его: Priscus, кошорое полагаешъ народнымъ Лашинскимъ, какъ имя: Cascus. Prisci Latini, подобно словамъ: Populus Romanus Quirites, означало двухъ соединенныхъ народовъ, по мнѣнію Нибура; онъ входишъ по сему въ разсужденіе о періодѣ, когда Римъ правимъ былъ Тосканскими царями, и доказываешъ, чшо былъ въ Римѣ родъ (gens) Тарквиніевъ, исчезнувшій послѣ Тарквинія послѣдняго (*). Если-же и положишь, чшо Тарквиній не былъ Тосканецъ,

(*) Можешъ бышь, не совсѣмъ невѣроятное предположеніе, чшо Тарквиній, съ своимъ родомъ и своими кліеншами, могъ, подобно Аттy Клаузу (Attus Clausus) переселишься въ Римъ, сначала былъ приняшъ въ роды Паширіевъ, а пошомъ, въ послѣдующее царсшвованіе, войдши въ шрибу Плебеевъ. Это предположеніе не приняшо Нибуромъ, хошя весьма сближаешся съ несомнѣннымъ сущесшвованіемъ Gens Tarquinia, и съ положеніемъ Нибура, чшо *Клавдійскій* шрибъ могъ замѣнишь *Тарквинскій*. Избраніе Таркви-

810886
Digitized by Google

шо, все надобно почесть его царствованіе періодомъ Тосканскаго вліянія на Римъ. Въ Англійской Исторіи есть примѣръ этого: въ царствованіе Эдуарда Исповѣдника, Дворъ Англійскій началъ принимать Норманскіе обычаи; Вильгельмъ Завоевавшель былъ Норманнъ, и, безъ всякаго сомнѣнія, Сервій былъ Тосканецъ.

Тарквиній, также, какъ его предмѣстникъ, былъ приверженъ къ Плебеямъ, коихъ покушался онъ уравнять съ другими гражданами Рима. Онъ хотѣлъ, кажется, образовать изъ нихъ, вѣроятно изъ важнѣйшихъ и богатѣйшихъ, три новые прибa, давая имъ наименованіе по своему имени и по именамъ друзей своихъ, обладавшихъ всѣми преимуществами трехъ первоначальныхъ прибовъ. Сему воспротивились Патриціи, и хитрость Аттa Невія (Attius Nævius). Исключая именованій, что почитали весьма важнымъ дѣломъ, Царь достигъ по видимому своей цѣли, и новыя прибы, или центуріи, названныя *Secundæ*, присоединены были къ старымъ. Мы уже упоминали, что Тарквиній удвоилъ Сенатъ; Нибуръ показываетъ намъ, какъ по естественному порядку ограниченное число аристократовъ быстро долженствовало уменьшаться съ числомъ семействъ. Роды Патриціевъ во время Тарквинія, хотя Луцеры были уже помѣщены въ

нія, хотя и чужеземца, на царство, неудивительно, если мы подумаемъ, что Attius Clausus (Appius Claudius), непосредственно по прибытіи своемъ въ Римъ, дѣлается важнымъ мужемъ въ государствѣ.

Digitized by Google

Сенатъ (*), долженствовали такъ сократиться, что только 150 оставалось тѣхъ, которые посылали членовъ въ собраніе Сената.

Отрывокъ Рѣчи Императора Клавдія (потеря оной для Тирренской Исторіи невознаградима), найденный на двухъ таблицахъ въ Ліонѣ, въ XVI вѣкѣ, и напечатанный Липсіемъ въ твореніяхъ Тацита, укрывался донынѣ отъ критиковъ, но Нибуръ воспользовался имъ. Слова Императора слѣдующія: «Servius Tullius, si nostros sequimur captiva natus Ocresia; si Tuscos, Cæli quondam Vivennæ sodalis fidelissimus, omnisque eius casus comes: postquam varia fortuna exactus cum omnibus reliquiis Cæliani exercitus Etruria excessit, montem Cælium occupavit, et a duce suo Cælio ita appellitatus (вмѣсто: appellitavit), mutatoque nomine, nam tusce Mastarna ei nomen erat, ita appellatus est ut dixi, et regnum summa cum rei p. utilitate optinuit. Этотъ маленькій отрывокъ проливаетъ новый свѣтъ на Римскую Исторію. Мы видимъ: 1-е, доказательство, какъ день ясное, сколь мало исторической истины можно извлечь изъ миѳическихъ разсказовъ объ историческихъ лицахъ, ибо, въ предложенномъ нами историческомъ свидѣтельствѣ, нѣтъ ни малѣйшаго сходства съ повѣствованіями Римскихъ писателей; 2-е, что сила

(*) Не возможно означить періода, когда Луцеры уравнены были съ двумя другими трибами. Мы замѣтили, что этому слѣдовало быть въ царствованіе Туллія. Нибуръ относитъ сіе событіе во времена Тарквинія, но полагаетъ задолго до образованія новыхъ ценгурій.

Digitized by Google

Тарквинія, подкрѣпляемаго регулярными войсками (древними Кондоттьери) дѣлается понятною, и мы узнаемъ, какъ Сервій, подобно Сфорцѣ, могъ съ помощію сихъ войскъ, и съ пособіемъ Плебеевъ, достигнуть трона. Система Кондоттьерскихъ войскъ была преимущественною въ древней, также какъ и въ новой Италіи. Тираннами позволялось даже чужеземцамъ набирать войска, и если Карѳагеняне могли составлять себѣ воинство въ Этруріи, слѣдственно, легко было нанять воиновъ, или побудить ихъ сражаться за собственныя ихъ выгоды.

Народонаселеніе Рима состояло въ то время изъ двухъ различныхъ народовъ, жившихъ въ однѣхъ стѣнахъ, но въ разныхъ отдѣленіяхъ, управлявшихся однимъ государемъ, но раздѣленныхъ такъ, что между ими не было даже правъ на взаимное супружество (connubium). Одинъ народъ состоялъ изъ Патриціевъ, потомковъ первобытныхъ обитателей Рима, изъ многочисленныхъ кліентовъ ихъ, изъ трехъ новыхъ центурій Тарквинія Приска: все это именовалось Populus. Большая часть первобытныхъ земель города была ихъ собственностью, и они-же пользовались временными доходами (usufruct) общественныхъ земель, платя *десятину* съ произведеній оныхъ. Сенатъ составленъ былъ исключительно изъ нихъ; религія государства была совершенно въ ихъ рукахъ; они избирали, или утверждали судей, и рѣшали миръ и войну; изъ нихъ образована была конница Римскихъ войскъ.

Plebs (Плебеи), Латинскіе переселенцы, коихъ города были разрушены или выселены, составляли

Digitized by Google

другую половину политическаго тѣла. Это не были бродяги, какъ ошибочно думали объ нихъ древніе; они отличались отъ Патриціевъ болѣе всего происхожденіемъ своимъ отъ особаго народа, но среди нихъ были дворяне покоренныхъ городовъ; земли свои удерживали они въ своемъ владѣніи, безъ обращенія ихъ, подобно владѣніямъ Патриціевъ, въ общественную собственность, и напротивъ видимъ, что частыя отдѣленія общественныхъ участковъ въ потомственное владѣніе увеличивали ихъ вліяніе и богатство. Не составляя касты, подобно Populus, Плебеи видѣли свои ряды увеличивающимися безпрестанно вступленіемъ новыхъ членовъ. Вѣроятно, Царь былъ ихъ *покровителемъ* (Patron) противъ ширанства соперничествовавшаго съ ними отдѣла гражданъ (*), и Плебеи были въ его легіонахъ главною силою, свершителями бывъ. *Целія* и *Авентинъ* были важнѣйшія мѣста пребыванія Плебеевъ; *Капитолія* и *Палатинъ*, пребыванія Патриціевъ.

Сервій, восшедшій на тронъ помощію Плебеевъ, старался поддержать политическій союзъ и прочность своихъ помощниковъ. До того времени, они не имѣли правильнаго раздѣленія, были безсоюзны, соединяясь только общимъ происхожденіемъ, наслѣдственною религіею и близостью земель. Первый шагъ Сервія состоялъ въ раздѣленіи ихъ на

(*) Предположеніе Нибура подкрѣпляется и тѣмъ, что Плебеи впослѣдствіи придали сей титулъ М. Манлію.

Digitized by Google

30-ть трибовъ, изъ коихъ 4 назначены въ Римѣ
26-ть внѣ онаго. Можно-бы подумать, что сія чис
ла есть догадочное предположеніе Нибура, явно
противорѣчащее словамъ Тита-Ливія, именно по
казывающаго, что когда Аппій Клавзъ пришелъ
въ Римъ, трибовъ было 20-ть, и 21-й составился
изъ его кліентовъ; кромѣ того, всѣ мы доныне
полагали за несомнительный фактъ, что отъ 20-ти
число трибовъ возрастало постепенно до 39-ти. С
геніальною способностію Нибуръ нашелъ дорогу и
семъ темномъ лабиринтѣ, и вывелъ не только до
стовѣрность, но и совершенную истину прошедшаго.

Діонисій, ссылаясь на Фабія, говоритъ, что
Сервій раздѣлилъ области Римскія на 26-ть участ
ковъ: участокъ и трибъ, какъ уже мы признали, со
ставляющіе одинъ другому, и Варронъ, говоря
объ одномъ Царѣ, не именуя его, но, какъ изъ все
го видно, разумѣя Сервія, сказываетъ, что сей
Царь раздѣлилъ земли вольнымъ людямъ, около го
рода, на 26-ть участковъ. Патриціи дѣлились на
30-ть курій, Латины на 30 городовъ: вѣроятность
преобразующаяся въ достовѣрность, если вспомнимъ
привязанность Римлянъ къ числамъ, будетъ та, что
Плебеи, соединенные подъ размѣръ городовъ, были
раздѣлены на такое-же число отдѣловъ. Затрудне
ніе въ томъ, какъ дошли трибы до 20-ти, что
намъ достовѣрно извѣстно; но здѣсь Нибуръ напо
минаетъ намъ народный Италійскій законъ, отни
мавшій у покореннаго города часть (вообще *треть*)
его земель, и полагаетъ, что такъ случилось и
тогда, когда Порсенна покорилъ Римъ: десять
отдѣловъ исключились, десять трибовъ исчезли

Digitized by Google

члены ихъ сдѣлались вассалами Этрусковъ, или перешли въ остальные трибы. Впрочемъ, не удивительно, что число Плебейскихъ трибовъ не соотвѣтствовало трибамъ Патриціевъ, по ихъ подраздѣленію. Это ведетъ насъ къ выводу, что имя ихъ въ началѣ было одинично, и *десять* ихъ составляли трибъ; подтвержденіе въ томъ, что было *два* трибуна надъ Плебеями во время Крустуминскаго (Crustumine) раздѣленія, и шесть военныхъ трибуновъ, три для Патриціевъ и такое-же число для Плебеевъ. Можно возразить, говоритъ Нибуръ, что въ семъ случаѣ былъ единственно выборъ равнаго числа Плебейскихъ судей съ Патриційскими, и въ прежнемъ обстоятельствѣ, когда 20-ть избирателей могли быть принимаемы за большее число, каждая декурія трибуновъ выбирала одного предсѣдателя: и въ самомъ дѣлѣ, при второмъ раздѣленіи, 20-ть трибуновъ отправляли отъ себя двухъ. Въ заключеніе замѣтимъ, что куріи не уважали раздѣленія Ромуловыхъ трибовъ, а у Латиновъ нѣтъ слѣдовъ инаго дѣленія, кромѣ дѣленія на 30 городовъ.

Каждый Плебейскій трибъ имѣлъ своего Трибуна (какъ всякая курія Патриціевъ своего Куріона), начальника на войнѣ, судью въ мирѣ. Главная обязанность ихъ состояла въ сборѣ податей (tributum), которыя каждый изъ податныхъ долженствовалъ платить, устройствѣ числа и качества воиновъ, высставляемыхъ въ походъ. Нибуръ почитаетъ весьма вѣроятнымъ, что Эдилы (Aediles) сначала были Плебейскіе судьи, и Centumviri (сначала 9, потомъ 6) тоже, и что они именовались *Судіями* (Judices),

Digitized by Google

шакъ, какъ Сенашорскій судья, или Prætor, собственно назывался Arbiter. Сіи судьи были, по видимому, всѣ избираемы Плебеями изъ ихъ шрибовъ, и кромѣ избранія ихъ, многія другія дѣла принадлежали сюда. Forum былъ мѣсшомъ собранія Плебеевъ, шакъ какъ Comitium Паширіціевъ.

Посилку званія были совершенно различны и раздѣлены, шо курія и шрибы могли взирашь на дѣла съ разныхъ сшоронъ и, при важныхъ случаяхъ, раздоръ, даже кровопролишіе, могли бышь учасшію Римлянъ. Дополнишь намѣренія предшесшвенниковъ, учинишь шѣснѣйшій союзъ между званіями было необходимо, и въ знаменишомъ сосшавленіи *Классовъ* (Classes) и Ценшурій (Centuriæ), Сервій видѣлъ превосходную мѣру дашь Плебеямъ надлежащій ихъ вѣсъ въ Римской консшишуціи. Важносшь сего предмеша засшавляешъ насъ объяснишь его подробнѣе.

Ценшуріяльная консшишуція была сосшавлена по чисшой военной формѣ, а ошъ шого дала легковѣрію поводъ думашь, чшо ее придумалъ воинъ. Она вѣрно изображаешъ воинсшво, съ его конницею, пѣхошою, военными снарядами и обозомъ. *Три* первоначальные шрибы, или ценшуріи Ромуловы, съ *тремя* новыми Тарквинія, содержали въ себѣ, подъ именемъ Sex Suffragia, всѣхъ Паширіціевъ. Къ нимъ придалъ Сервій 12-шь Ценшурій, сосшавленныхъ изъ Плебейскихъ выборныхъ (Notables), людей, болѣе богашсшвомъ, нежели родомъ славныхъ, которые ошличались ошъ избранныхъ Тарквиніемъ шѣмъ, чшо осшавались Плебеями, сосшавляя родъ Плебейскаго Дворянсшва, коего званіе, послѣ перваго усшановленія, было наслѣдсшвенное; но проспюй Пле-

Digitized by Google

бѣлнинъ могъ быть возведенъ на степень Плебейскаго всадника, и всадникъ могъ быть обращенъ въ простые Плебейцы. Всѣ 18-ть Ценшурій были *конные воины* Римскаго воинства. Дабы поддержать ихъ установленіе, 10,000 ассовъ выдавало правительство на покупку коня, и по 2000 ассовъ назначалось вдовамъ и сиротамъ. Если сообразимъ низкую цѣну овецъ и быковъ въ то время, сумма, выдаваемая на коня, покажется безмѣрною; но Нибуръ замѣчаетъ, что воинскій конь долженствовалъ быть дороже, и что рабъ, также на конѣ, составлялъ часть вооруженія каждаго всадника. Если всадникъ лишался своего званія, онъ долженъ былъ продать своего коня, возвратить деньги правительству, и пенсіонъ, предоставленный его наслѣдникамъ, обращаемъ былъ другому.

Пѣхота Римская состояла единственно изъ Плебеевъ, владѣтелей земель, ибо Плебеямъ запрещалось торговать. Законодатель раздѣлилъ ихъ на *пять Классовъ*, подраздѣлилъ на Ценшурій, уравнялъ по имуществамъ, и для вооруженія предписалъ слѣдующія правила:

Классы.	Имущество.		Ценшурій.		Оружіе.
I.	100,000 асс. и б.—стар.	40	юнош.	40 = 80	Щитъ, огромный щитъ, броня, латы мѣдныя, мечъ и копье.
II.	75 т.	« 10	«	10 = 20	Малый щитъ, безъ брони.
III.	50 т.	« 10	«	10 = 20	Безъ латъ.

Digitized by Google

Классы.	Имущество.				Центурій.	Оружіе.
IV.	25 т.	—	10	«	10 = 20	Безъ латъ и брони, копье, дротикъ.
V.	12,500	—	15	«	15 = 30	Пращники.
					170	

Плебеи, не вошедшіе въ число всадниковъ, всѣ заключались въ сихъ пяти Классахъ. Остатокъ народа дѣлился на Центурій, но безъ различія на Классы, какъ видимъ изъ числа и свойства оныхъ. Они дѣлились на Assidui, или Locupletes, и на Proletarii: въ *первыхъ* были имѣвшіе болѣе 1500 ассовъ; въ другихъ имѣвшіе менѣе сего количества, и ничего не имѣвшіе. Впрочемъ, въ Assidui входили всѣ пять Классовъ и всѣ имѣвшіе отъ 12,500 до 1500 ассовъ. Нибуръ, слѣдуя Цицерону, находитъ однакожъ, что не вошедшіе въ пять Классовъ дѣлились на Accensi, имѣвшихъ 7000 и болѣе, и на Velati, имѣвшихъ менѣе 7, но не менѣе 1500, крайней степени, гдѣ начинались Proletarii. Сіи послѣдніе дѣлились на Proletarii, собственно такъ называемые, и на Capite Censi, кои начинаясь съ имущества въ 375 ассовъ, вмѣщали всѣхъ бѣднѣйшихъ. Если придадимъ къ сему три Центуріи или корпуса строителей, трубачей и флейщиковъ, изъ коихъ первая относилась къ первому, а послѣдняя центурія къ *пятому* Классу, и сочтемъ 18 всадническихъ центурій, то найдемъ 195: полное число, согласно мнѣнію Нибура.

Digitized by Google

Конституція Классовъ была смѣсь аристократіи съ демократіею, изобрѣтенная для равновѣсія благородства съ богатствомъ, дабы, какъ говоритъ Цицеронъ, ne plurimum valeant plurimi, и—цѣль была достигнута. Нибуръ опять приводитъ Цицерона: 81 Центурій перваго Класса и строительниковъ и, изъ 114-ти остальныхъ, 12 Плебейскихъ всадническихъ Центурій, да 6 Suffrages, соединенныхъ вмѣстѣ, составляли большинство 99 на 96, слѣдственно, крѣпкую опору за самихъ себя.

Голоса давались по Центуріямъ; каждая имѣла одинъ голосъ; всякій членъ Центуріи имѣлъ на то право, и мнѣніе большинства членовъ было голосомъ Центуріи. Голоса подавались въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва шесть Suffrages; потомъ 12 плебейскихъ всадническихъ Центурій, 80 перваго Класса, Центурія строительниковъ, 20 втораго Класса, 20 третьяго, 20 четвертаго, 30 пятаго, 2 музыкантовъ, Accensi, Velati, Proletarii, Capite Censi. Если три первые отдѣла были согласны, остальныхъ не призывали. Если, какъ случалось во времена республики, Плебеи отказывались отъ участія въ выборѣ, Suffragia и Центуріи, не включая Классовъ, составленныхъ изъ кліентовъ, одни рѣшали дѣло.

Ясно, что число членовъ въ разныхъ Центуріяхъ было весьма неровно. Этимологія слова: Centuria (сотня) можетъ замѣшать изслѣдователя; но, подобно слову *трибъ*, оно, въ теченіи времени, сдѣлалось словомъ означавшимъ просто дѣленіе, а не сотню. Первоначально Tribus было *братство* (Phyle), ибо Римляне были раздѣлены на три Philæ, а Центурія заключала въ себѣ 100 родовъ, но значе-

Digitized by Google

нія сіи потерялись, и мы видимъ 30, 20, 21 и 35 трибовъ и центурій, содержавшихъ въ себѣ, можетъ быть, отъ 800 до 30 человѣкъ. Изъ сего мы не выводимъ, что *первый* Классъ, поелику въ немъ было 80 Центурій, содержалъ въ себѣ четверокое число членовъ противъ *втораго*, имѣвшаго только 20. Намѣреніе Сервія было таково, чтобы голоса, данные каждому Классу, были ко всѣмъ пяти въ такомъ отношеніи, въ какомъ имущество каждаго Класса было къ имуществу всѣхъ пяти, и въ слѣдствіе того, число гражданъ каждаго Класса находилось обратно равномѣрнымъ къ суммамъ, означавшимъ ихъ имущества, а именно:

100,000: 75,000 :: 4: 3. 100,000: 50,000 :: 6: 3.
100,000: 25,000 :: 12: 3. 100,000: 12,500 :: 24: 3.

Три перваго долженствовали имѣть противъ четверыхъ втораго; одинъ перваго противъ двухъ третьяго, четверыхъ четвертаго и восьми пятаго, то есть, какъ считаетъ Нибуръ, 3 перваго столько, сколько 4 втораго, 6 третьяго, 12 четвертаго и 24 пятаго. Центуріи послѣдняго, напримѣръ, содержали въ восьмеро противъ гражданъ перваго, и изъ отношенія числа Центурій въ каждомъ Классѣ, имущество каждаго изъ трехъ, непосредственно послѣдующихъ первому, долженствовало составлять четвертъ къ первому; пятый-же Классъ, имѣя тридцать Центурій, трижды восемь къ первому (*), и помножая Центуріи каждаго относительными числами, находимъ:

(*) Ибо 80, 20, 20, 20, 30, число Центурій въ

80.	3=240	раздѣленныя на 40, общую мѣру.	6
20.	4= 80		2
20.	6=120		3
20.	12=240		6
30.	24=720		18
			35.

И шакъ, по выводамъ Нибура, изъ 35 гражданъ 6 были въ первомъ Классѣ, и слѣдственно имѣли вліяніе на государство болѣе 29-ти остальныхъ; все число гражданъ во 2-мъ Классѣ было третью перваго, а число гражданъ 3-го половиною, четвертаго съ нимъ равнялось, а пятаго втрое превосходило. Положивъ въ 1-мъ классѣ 6000, всѣ Классы содержали 35,000. Это число, по мнѣнію Нибура, находится въ весьма вѣрномъ отношеніи къ 84,700, что было выводомъ первой ревизіи (census), осшашокъ гражданъ ошъ Классовъ сосшавлялъ разницу.

И въ самомъ раздѣленіи Центурій каждаго Класса на сшариковъ и юношей, основная мысль: дашь вліяніе меньшему числу, не была упущена. Первыя Центурій содержали въ себѣ всѣхъ до 45 лѣшъ; послѣднія, людей ошъ сего возраста до 15 лѣшъ. Здѣсь при маломъ вниманіи ясно, что первыя долженствовали быть малочисленнѣе, и шабели народонаселенія даюшъ поводъ къ предположенію, что они были не болѣе половины. Но, поелику онѣ образовывали равное число съ ценшу-

---

Классахъ было къ каждой другой, какъ 1, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$. Здѣсь у Нибура смыслъ текста весьма шеменъ.

Digitized by Google

ріями юношей, то и видно, какой запасъ приготовленъ былъ, дабы придашь перевѣсъ людямъ старымъ и опытнымъ въ дѣлахъ. Если юношей перваго Класса было 4000 (Нибуръ замѣчаетъ, что когда ихъ не было столько, то и не было причины дѣлить на 40 центурій), придавъ половину (2000) старикамъ, мы найдемъ 6000 для перваго и 35,000 для всѣхъ Классовъ.

Подати Римлянъ установлялись мѣрою имуществъ, установленною при ревизіи. Каждый обязанъ былъ сдѣлать вѣрное объявленіе о своемъ семействѣ и податномъ имуществѣ; подать налагалась на тысячи, число измѣняемое и иногда тяжелое, но долги сюда не причислялись. Плебеи считали въ податномъ имуществѣ домы, доходныя земли и другое имущество; не вошедшіе-же въ Классы только домы и имущество. Патриціи, владѣвшіе общественными землями, которыя могли быть обращены въ казну, платили десятину, а съ собственности, въ городѣ и внѣ города, вѣроятно на равнѣ съ Плебеями. Явно, по огромнымъ работамъ, предпринятымъ во время послѣднихъ Царей, что государственные доходы были весьма значительны; по изгнаніи Царей, Патриціи освободили себя отъ платежа десятины, и ни одна великая работа не была уже предпринимаема.

Римскій *ассъ*, во времена Сервія, содержалъ въ себѣ полный фунтъ; послѣ сего, числа, назначенныя для опредѣленія имуществъ, могутъ удивить. Нибуръ входитъ по сему случаю въ подробное и любопытное изслѣдованіе о существѣ и

Digitized by Google

цѣнности монетъ сего періода въ средней Италіи; онъ ясно доказываетъ, что изобиліе и качество мѣди, доставляемой рудниками Римскаго государства и иностранною торговлею, были велики и дѣлали сей металлъ обыкновеннымъ и дешевымъ, такъ, что его употребляли даже на воинскіе доспѣхи и домашнія вещи. Нибуръ прежде того уже доказалъ, что неклейменные куски обращались въ Лаціумѣ, землѣ Самнитской и другихъ, и что деньги вѣсили, а не считали.

Центуріи, собравшіяся въ Comitium (Марсово поле), представляли собою видъ воинства. Тутъ была конница (Центуріи всадниковъ), линейная пѣхота и легкія войска (Классы), резервы (Accensi Velati), военные снаряды, музыканты (Fabri, Tibicines, Cornicines), обозъ (Proletarii), хотя послѣдніе и не составляли собою части воинства. По требованію, каждый Классъ и каждая Центурія поставляли своихъ воиновъ въ извѣстномъ, установленномъ порядкѣ. Древняя форма Римскаго Легіона была форма Греческой Фаланги. Каждая Центурія состоя изъ тридцати человѣкъ (по одному отъ трибa), строилась въ легіонъ; первый Классъ составлялъ первую линію, другіе Классы остальные ряды, и вотъ причина, почему вооруженіе уменьшлаось по Классамъ: послѣдніе были защищены вооруженіемъ первыхъ. Accensi и Velati не входили въ легіоны, также какъ и въ Классы; они исправляли свою должность, и должны были идти за легіономъ и заступать убылыхъ, но какъ послѣдующіе всегда брали оружіе и мѣста убитыхъ или раненыхъ вои-

Digitized by Google

новъ, но Ассепзі всегда почти вступали въ легіонъ, дѣйствуя механически къ подкрѣпленію силъ его. Первый Классъ выводилъ въ поле 40 центурій, или 1200 человѣкъ; второй и третій, вмѣстѣ, столько-же; четвертый и пятый также 40, что все составляло 120 центурій. Первый Классъ всегда стоялъ въ первомъ ряду, выносилъ жаръ битвы, и такимъ образомъ платилъ за свои политическія преимущества, подвергаясь бо́льшимъ опасностямъ. Тоже было и съ всадниками, которые, легче одѣтые, подвергались всему написку стрѣлъ, копій и камней непріятельскихъ.

Когда всѣ Центуріи собраны бывали на Марсовомъ полѣ, Царь, или чиновникъ его представлявшій, предлагалъ на голоса ихъ опредѣленіе Сената, относительно выборовъ, или закона, который читанъ былъ передъ ними. Неограниченная власть дана была имъ отвергнуть, но согласіе требовало подтвержденія курій. Патриціи весьма много потеряли своей силы при центуріальномъ учрежденіи. Впрочемъ, управляя большинствомъ Сената, гдѣ каждая мѣра была начинаема, они могли въ своихъ Куріяхъ отвергнуть законъ прошедшей Центуріи. Но Патриціи не удовольствовались тѣмъ. Если лѣтопись справедлива, они сдѣлали заговоръ и погубили Царя; тиранъ, коего возвели они на тронъ, былъ орудіемъ небеснаго мщенія за злодѣйство Патриціевъ. Соединясь съ Плебеями, они низвергнули сего тирана, и страшась Плебейскаго союза, не хотѣли уже возстановить конституціи Сервія.

— Здѣсь исключаемъ мы три страницы Англійской

Digitized by Google

рецензіи, ибо содержаніе ихъ не относится собственно къ творенію Нибура. Критикъ упоминаетъ о благородномъ негодованіи, съ какимъ Нибуръ защищаетъ права Плебеевъ Римскихъ и говоритъ о несправедливости Патриціевъ, описываетъ сильное чувство, съ какимъ заступается знаменитый Нибуръ за свободу Грековъ, находя въ ихъ борьбѣ съ Османами подобіе борьбы Плебеевъ съ Римскими дворянами. «Первый изобразивъ намъ,» продолжаетъ Критикъ, «въ настоящемъ видѣ права, истинный характеръ, духъ Плебеевъ, давъ имъ новое бытіе въ Исторіи, Нибуръ предстательствуетъ за нихъ у потомства, противъ олигархіи, жестокой и безумно угнетавшей ихъ; but the partizans of democracy and radicalism,» прибавляетъ Англійскій Рецензентъ, «must not dream of recurring to his pages for support. No man is more adverse than he is to democracy—none, we apprehend, more favourable to just and moderate monarchy. Twice has he inscribed his work to his august sovereign (Нибуръ посвятилъ свою книгу Его Величеству, Королю Прусскому. Eine Geschichte Roms, сказалъ онъ въ посвященіи, in hellen und grossen Umrissen, frey von störender Mannichfaltigkeit, mit lebendiger Wahrheit dargestellt, dürfte sich nicht weniger würdig achten die Aufmerksamkeit eines Fürsten zu beschäftigen als tief eindringende und umfassende Schilderungen der wichtigsten Epochen neuerer Zeit. Nicht so kritische Untersuchungen dunkler Zeiten des grauen Alterthums, nicht so ein Werk welches, indem es nahe herantritt um das Einzelne zu betrachten, selten die Standpunkte einnehmen kann vor denen sich jene reichen und grossen Uebersichten ausbreiten).

Digitized by Google

Мы удивляемся, что Критикъ находитъ достойнымъ особенной похвалы неизмѣнность мнѣній Нибура. «Таже горячая любовь къ истинѣ, добродѣтели и благоразумной свободѣ, таже ненависть къ тиранству и угнетенію, которыя оживляли страницы перваго изданія его книги, перешли вполнѣ и во второе.» Но какъ-же иначе? И не уже-ли простительны въ геніяльномъ писателѣ уклоненія отъ истины, по какимъ нибудь частнымъ отношеніямъ? — Далѣе, чувство національной гордости, являющееся у Англійскаго Рецензента, намъ весьма понятно. Нибуръ, приводя примѣры, касается спорнаго вопроса объ уравненіи правъ Ирландскихъ Католиковъ. «Справедливыя требованія Плебеевъ могутъ быть сравнены съ требованіями Ирландскихъ Католиковъ, дворянство, среднія званія и народъ коихъ находится въ такомъ-же угнетеніи, подъ лицемѣрнымъ предлогомъ религіи, съ равною справедливостію требуетъ своихъ правъ и, рано или поздно, получитъ ихъ.» Слова: *лицемѣрный предлогъ*, возбудили сильныя возраженія Англичанина. Отдадимъ однакожь справедливость: не смотря на несогласіе въ такомъ дѣлѣ, гдѣ говорила національная гордость, читатели видѣли, какъ отзывался онъ о Нибурѣ, историкѣ и писателѣ. Предлагаемъ заключеніе рецензіи.

«Обширность статьи нашей заставляетъ насъ умолчать объ остальномъ содержаніи книги Нибура; онъ доводитъ происшествія до 260 года, излагая послѣдовавшія послѣ Сервія событія и установленіе трибунства. Два другіе тома будутъ представлять Исторію Рима

Digitized by Google

до окончанія республики. Съ нетерпѣніемъ ждемъ ихъ, и съ грустью думаемъ, что мы не скоро ихъ увидимъ, ибо здоровье знаменитаго Автора, какъ мы узнаемъ отъ него самаго, можетъ задержать ихъ появленіе. Впрочемъ, мы обращаемъ вниманіе просвѣщенныхъ читателей на первое изданіе. Конечно, первый томъ онаго теряетъ свою цѣну послѣ изданія его вторично, болѣе обширнымъ развитіемъ испытательнаго ума, освѣтившаго самобытную теорію, и измѣненіями, какія ученость и трудъ сдѣлали въ оном; но второй томъ, гдѣ изъяснены законы о раздѣленіи полей и другіе важные предметы, стоитъ изученія пріѣзжаго; самъ Авторъ говоритъ, что онъ хочетъ не передѣлать, но только дополнить и исправить его, почему можно полагать, что при новомъ изданіи онъ не потерпитъ большихъ измѣненій.

«Надобно-ли наконецъ сказать вообще наше мнѣніе о твореніи Нибура? Говоривъ о немъ подробно, можемъ добавить теперь только то, что это твореніе геніяльное, и прискорбно видѣть, когда такіе люди, каковы Шлегель и Вахсмутъ, судили объ немъ столь невѣрно. Впрочемъ, если они имѣли несчастіе не соглашаться съ Нибуромъ во многомъ, за то говорили вообще искренно, умѣренно, и самъ Нибуръ конечно согласится, что замѣчанія ихъ иногда были ему пригодны. Потомство конечно не забудетъ и тѣхъ людей, которые противорѣчили Нибуру.»

Рецензентъ извѣщаетъ читателей объ Англійскомъ переводѣ Нибуровой Римской Исторіи, съ *перваго изданія*, и входитъ въ нѣкоторыя крити-

Digitized by Google

ческія сличенія онаго съ подлинникомъ. Сіи критическія замѣчанія были-бы безполезны для нашихъ читателей. Мы надѣемся доставить имъ болѣе удовольствія, извѣстивъ, что одинъ изъ молодыхъ литтераторовъ Русскихъ переводитъ уже Исторію Нибурову, съ 2-го изданія, и, можетъ быть, въ концѣ нынѣшняго года начнетъ печатать сей переводъ. Прочтетъ-ли хотъ тогда *старое* поколѣніе нашихъ литтераторовъ сіе великое твореніе? Освободятъ-ли наконецъ хотъ тогда Русскіе Авторы и Переводчики Римскую Исторію отъ волчицы Ромуловой и прыжковъ Рема черезъ Римскія стѣны? Постыдятся-ли хотъ тогда (въ нѣкоторыхъ пансіонахъ) учить Римской Исторіи по книжонкамъ Шрекка и Гильмара Кураса?

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1828 года.

— *Сочиненія въ прозѣ и стихахъ.* Труды Общества Любителей Россійской Словесности при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ. *Часть седьмая.* М. 1828 г., въ т. Университ., in 8, V и 301 стр.

Книга, находящаяся передъ нашими глазами, есть 27-й томъ Трудовъ Общества Любителей Россійской Словесности. Предшествовавшіе томы заключаютъ въ себѣ много замѣчательныхъ и важ-

Digitized by Google

ныхъ статей, дѣйствительно споспѣшествовавшихъ успѣхамъ нашей Словесности. Разсмотримъ содержаніе сего седьмаго тома второй коллекціи.

Сочиненія прозаическія. *Рѣчь при возобновленіи засѣданій Общества* (соч. Ѳ. Ѳ. Кокошкина). Авторъ благодаритъ сочленовъ своихъ за избраніе его въ Предсѣдатели Общества, напоминаетъ о прошедшей славѣ онаго, даетъ обѣты слѣдовать по стопамъ незабвеннаго предшественника своего (А. А. Прокоповича-Антонскаго), говоритъ, что цѣль Общества есть «усовершенствованіе Отечественной Словесности, а благородный предметъ всѣхъ членовъ онаго польза роднаго языка и слава Отечества.» Мы увѣрены въ этомъ; но, послѣ сего, мы никакъ не ожидали-бы встрѣтить въ Рѣчи Г-на Предсѣдателя слѣдующія слова: «Здѣсь (въ Обществѣ) развѣ *только по слухамъ извѣстны* странныя пренія о томъ, классической или романтической, родъ превосходнѣе.» Какъ? Общество, имѣющее цѣлію усовершенствованіе Отечественной Словесности, почитаетъ преніе о Классицизмѣ и Романтизмѣ страннымъ?... Мы не вѣримъ глазамъ своимъ, читая сіи строки. Преніе о Классицизмѣ и Романтизмѣ занимаетъ всю грамотную Европу; отъ рѣшенія онаго зависитъ участь Словесности — а Общество Словесности находитъ сіе преніе страннымъ, и какъ будто радуется, что можетъ играть въ молчанку, при общемъ движеніи!... Но если Общество удостоиваетъ мѣлочныя произведенія въ стихахъ и прозѣ своими сужденіями, если оно занимается критикою сего рода литтературы, то можно-ли ему оставаться въ бездѣйствіи

Digitized by Google

при рѣшеніи такого вопроса, отъ котораго колеблется весь міръ литературный и зависитъ будущая участь сего самаго Общества? Мы скорѣе поняли-бы, если-бъ Общество объявило войну Романтизму, основавшись на какихъ нибудь уважительныхъ причинахъ: но бездѣйствіе есть во всякомъ случаѣ смерть. Жизнь оказывается въ дѣятельности. И въ чемъ-же Общество полагаетъ усовершенствованіе Словесности, если не въ рѣшеніи важныхъ вопросовъ о Словесности, не въ совершеніи такихъ подвиговъ, которые тягостны и часто невозможны для отдѣльнаго лица? Общество составляетъ авторитетъ (да проститъ намъ оно сіе чужеземное выраженіе!) и потому-то его голосъ потребенъ и силенъ не въ мелочахъ, а въ огромныхъ литературныхъ вопросахъ. Посмотримъ однакожь, чѣмъ занималось Общество въ послѣднее время, ибо Рѣчь Г-на Предсѣдателя произнесена 28 Ноября 1827 года, и всѣ труды, подъятые Обществомъ послѣ сего, напечатаны въ разсматриваемой нами книгѣ.

Похвальное слово В. В. Капнисту (соч. А. И. Писарева) (*). Статья сія оживлена чувствомъ истиннаго уваженія къ творцу *Ябеды*. Но только сія неподдѣльность чувства и отличаетъ, можетъ быть послѣднее сочиненіе покойнаго Писарева, отъ обыкновенныхъ, заказныхъ похвальныхъ словъ, ибо въ его Словѣ много противорѣчій, общихъ

(*) Оно было уже напечатано въ 5-й книжкѣ Аѳенея 1828 года.

Digitized by Google

мѣстъ и излишней хвалы. Напримѣръ, Авторъ увѣренъ, что Ломоносовъ «избралъ лирическій родъ предпочтительно прочимъ;» онъ доказываетъ, что это было необходимо, неизбѣжимо, но, далѣе, самъ упоминаетъ, что Ломоносовъ занимался и другими родами поэзіи. Въ наше время рѣшено, что Ломоносовъ былъ Лирикъ, Трагикъ, Эпикъ, Ораторъ, но все это болѣе по должности, нежели по вдохновенію, что въ этомъ онъ какъ-бы желалъ только показать примѣръ другимъ; главнымъ-же стремленіемъ его были науки, гдѣ онъ видѣлъ неизмѣримое поприще своему дѣятельному генію. Авторъ Слова увѣряетъ, что онъ глядитъ на Капниста «безпристрастнымъ взглядомъ критика» — и ставитъ его, какъ Лирика, на ряду, и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ выше Державина и Дмитріева; въ *Ябедѣ* онъ видитъ и Аристофана, и Мольера, и Шекспира (!!). Теоретическіе выводы Автора могли-бы дать поводъ къ сильному опроверженію. Вообще, надобно прибавить, что если Общество перепечатало сіе Слово изъ уваженія къ памяти Писарева, то мы готовы отдать ему всю справедливость, и скажемъ искренно, что немногіе изъ нашихъ литтераторовъ напишутъ статью столь плавнымъ, чистымъ слогомъ, какимъ писалъ покойный Писаревъ. Но если статью о Капнистѣ выдаютъ намъ какъ разсужденіе, достойное вниманія по мыслямъ, выводамъ и заключеніямъ, то мы никакъ не признаемъ въ ней сихъ достоинствъ. Впрочемъ, если-бы Общество занималось Романтизмомъ и Классицизмомъ, то оно непремѣнно было-бы согласно съ нами; но

Digitized by Google

послѣ торжественнаго отрицанія Г-на Предсѣдателя (см. выше), мы молчимъ, ибо въ спорѣ не будемъ понимать другъ друга.

Опредѣленія (соч. И. Ѳ. Калайдовича). Не уже-ли эта статья была читана въ Обществѣ?... Вотъ образчики изъ нея: «Истинно то, что въ самой вещи есть; ложно то, чего въ самой вещи нѣтъ. Истина радуетъ, ложь печалитъ; истина животворитъ, ложь убиваетъ; истина покоитъ, ложь возмущаетъ; истина питаетъ, ложь насытить не можетъ; истина согрѣваетъ сердце, ложь леденитъ его.—Радость—пріятное *ощущеніе духа;* печаль—непріятное. О радости и говорить радостно. Радуюсь, что вижу васъ въ добромъ здоровьѣ. Вы крайне обрадовали меня вашимъ посѣщеніемъ. Какъ я радъ, любезный другъ, что вы пристроился къ мѣсту.» Все это очень хорошо, но для чего это напечатано?

О происхожденіи Италіянскаго языка (соч. С. Е. Раича). Развѣ происхожденіе Итальянскаго языка относится къ трудамъ *Общества Любителей Россійской Словесности?* Да и самая статья сія не стоила того, чтобы представлять ее въ Общество. Это какой-то отрывокъ, несвязный, дурно написанный (*). Взявъ Тирабоски, Женге-

(*) Есть-ли связь въ слѣдующемъ предложеніи: «Много и конечно не безполезно говорено было о вліяніи знаковъ на идеи; доказано также, что языкъ тогда только *возвышается до степени языковъ литературныхъ*, когда народъ до *извѣстной степени возвысится въ политическомъ отношеніи.*» Что это такое? Логогрифъ, Шарада, Загадка, или Омонимъ?

Digitized by Google

не, Сисмонди, или даже одного изъ нихъ, можно въ три часа написать объ Итальянскомъ языкѣ статью, получше этой.

Письмо изъ Мещоры (соч. М. Н. Макарова). Это отрывокъ изъ юмористическаго путешествія, въ 1821-мъ году. Авторъ самъ прекрасно характеризируетъ оное. «Я не всегда,» говоритъ онъ, «какъ бы слѣдовало, занимаюсь подробностями мѣстными: я мучусь только человѣческимъ нетерпѣніемъ видѣть все вдаль, все вдаль, знать одно *новое* и одно новое, иногда ненужное и незначительное!... а потому, какъ и слѣдуетъ, частехонько забывая *самое* любопытное, говорю и разсказываю тебѣ собственно только о *самыхъ* бѣдныхъ поверхностяхъ.» Не понимаемъ, для чего и сія статья напечатана въ *Трудахъ* Общества Россійской Словесности?

О похвальныхъ словахъ. Отрывокъ (соч. И. И. Лажечникова). Хорошо написанный, но, по мнѣнію, не нашего времени отрывокъ. Для чего Общество не занимается теоріею Классицизма и Романтизма!

Отрывки изъ Цицероновой Рѣчи противъ Цецилія (съ Лашинскаго А. Клвъ). *Знаніе Музыки и Геометріи необходимо для Оратора* (изъ Квинтиліана Л.). Не знаемъ, кто трудился надъ переводомъ сихъ двухъ отрывковъ; но, вспоминая о переводахъ изъ Лашинскихъ Классиковъ, И. И. Давыдова, помѣщенныхъ въ прежнихъ томахъ Трудовъ Общества, дивимся смѣлости новыхъ Гг-дъ Переводчиковъ. Этимъ господамъ не худо было-бы

Digitized by Google

припоминать себѣ почаще слѣдующія слова изъ ихъ собственнаго перевода: »Того мало, если ты хочешь какъ нибудь успѣть, чтобы тебя слушали; должно произвести то, чтобы слушали тебя съ охотою и съ удовольствіемъ (стр. 109.)«

Стихотворенія. Въ семъ отдѣлѣ Трудовъ Общества на сей разъ участвовали: Гг. Кокошкинъ, Шатровъ, П. Ѳ. Калайдовичъ, Бороздна, А. А. Писаревъ; Кн. И. М. Долгорукій, Шевыревъ, Раичъ, Аксаковъ, Д. П. Глѣбовъ, Колачевскій, . . . вичъ, Новиковъ, С. В. Капнистъ, Кн. Шаховской, Ив. Сл., Слѣпцовъ, Волковъ, Трегубовъ. Замѣчательнаго мы ничего не встрѣтили.

За симъ слѣдуютъ: *Протоколы засѣданій Общества, письма разныхъ лицъ и дѣловыя бумаги.* Неужели все это такъ любопытно, что надлежало занять сими посторонними Литературѣ дѣлами 61 страницу? И почему Общество причисляетъ къ Трудамъ своимъ дѣловыя, писанныя въ Департаментахъ и Присутственныхъ мѣстахъ бумаги, въ сочиненіи коихъ трудились Гг. Письмоводители и Секретари сихъ мѣстъ, а не члены Общества? Замѣтимъ еще, что въ протоколахъ засѣданій иностранныхъ ученыхъ обществъ обыкновенно излагается и вся сущность читанныхъ статей. У насъ-же, напротивъ, говорятъ: »Г. А. читалъ *рѣчь*; Г. В. читалъ свою *статью*; Г. С. читалъ *отрывокъ*; Г. Д. читалъ свои *стихи*.« Какое понятіе даетъ это публикѣ о трудахъ Общества? ибо книги конечно издаются для публики. Если-же статьи напечатаны вмѣстѣ съ протоколами, то къ чему повторять названіе статей?

Digitized by Google

Наконецъ, въ видѣ приложенія, напечатаны слѣдующія статьи: *Производнаго Словаря буква Д* (Н. А. Бекетова). Вотъ истинно дѣльное занятіе Общества! Конечно трудъ сей можно назвать только приготовительнымъ и весьма несовершеннымъ, но онъ относится къ надлежащимъ занятіямъ Общества — и довольно. Статья *объ Офенскихъ словахъ*, по нашему мнѣнію, не принесетъ ни малѣйшей пользы. Какое употребленіе можно сдѣлать изъ этихъ варварскихъ, областныхъ (*), не Русскихъ словъ? — Непонятное названіе небольшой статьи: *Слова, произносимыя Рязанской губерніи въ Раненбургскомъ уѣздѣ*, столько-же изумляетъ насъ, какъ и содержаніе оной! Что это такое? Къ чему послужатъ для Русскаго языка исковерканныя уѣздныя слова, и какая надобность намъ, что въ Раненбургскомъ уѣздѣ говорятъ, вмѣсто: стыдишь — *пбизоритъ*, самая дура — *Баполда*, Форштмейстеръ — *бахместеръ*, шалишь — *дуровать*, и проч. и проч.?

Вотъ обозрѣніе Трудовъ Общества Л. Р. Сл., почти за полтора года. Стремится-ли къ своей цѣли Общество? Оправдываетъ-ли оно свою прежнюю славу?... Будемъ надѣяться, что слѣдующій томъ Трудовъ его доставитъ болѣе пищи для ума и воображенія. Мы увѣрены, что почтенный Предсѣдатель и достойные сочлены его обратятъ

(*) Это и не областныя, но условныя, вымышленныя слова, между торговцами, которые слывутъ Офенами. Неужели это нарѣчіе?

Digitized by Google

наконецъ вниманіе на нѣ предметы, которые достойны заняшій ихъ, и не всегда будутъ наполнять томы Трудовъ своихъ несвязными отрывками, безцѣльными собраніями словъ, посредственными стихами, протоколами, бумагами Присутственныхъ мѣстъ и взаимными комплиментами. Замѣтимъ, мимоходомъ, что не худо было-бы Обществу поощрять издавать свои Труды: оно имѣетъ для сего средства. *Седьмой* томъ напоминаетъ своею наружностью времена Гуттенберга и Фауста.

Кс. П.

— *Историческія Записки Императрицы Іозефины*, Маріи — Розъ Ташеръ де ла Пажери, первой супруги Наполеона Бонапарте, собранныя дѣвицею М. А. Ле-Нормандъ. М. 1828 г. въ т. Селивановскаго, 2 ч., in-8. 279 и 308 стр.

Дѣвица Ленорманъ извѣстна болѣе славою ворожеи, нежели писательницы. Во время Наполеона она терпѣла даже гоненія за свои некромантическія проказы и потому-то, можетъ быть, ея Записки о Іозефинѣ отзываются немилостью къ покойному Императору. Ей не должно вѣрить на слово. На ряду съ Записками дѣвицы Ленорманъ можно поставить ея-же: *Пророческія воспоминанія Сивиллы, о причинахъ взятія ея подъ стражу въ* 1809 *году*, книгу, изданную *въ* 1814 *году*. Извѣстный остроуміемъ своимъ, Французскій Журналистъ Гофманъ назвалъ ее за сію книгу *скучною волшебницею* (la sorcière ennuyeuse), и выпершлъ отъ нея жестокую брань въ другомъ Журналѣ. Она еще издала нѣсколько книгъ, въ Сивиллиномъ родѣ, и наконецъ вы-

Digitized by Google

ступила на литературную сцену съ: *Записками Іозефины*. Это сочиненіе имѣло успѣхъ во Франціи, ибо оно любопытно, хотя, какъ мы уже упомянули, ему не во всемъ должно вѣрить. Русскій переводъ довольно хорошъ; онъ сокращеннѣе подлинника.

Книги 1829 года.

Букетъ. Карманная книжка для любителей и любительницъ Театра, на 1829 годъ. Изданная Е. Аладьинымъ. СПБ. 1829 г. въ т. Мед. Деп. Мин. Вн. дѣлъ, in-16. 324 стр. Съ поршретомъ и гравированнымъ заглавнымъ листкомъ.

Книга сія могла-бъ быть весьма пріятнымъ подаркомъ для домашнихъ театровъ, если-бы Издатель ея былъ построже въ выборѣ пьесъ. Литература займетъ не надолго это собраніе, ибо оно составлено изъ легонькихъ комедій и отрывковъ. Скажемъ о нихъ свое мнѣніе. *Говорить правду, потерять дружбу*, комедія въ 1 дѣйствіи, соч. Мариво (Les Sincères), передѣланная съ Французскаго (прозою) П. А. Катенинымъ. Это одна изъ самыхъ безвѣстныхъ комедій Мариво. Лучшими пьесами его Французы почитаютъ слѣдующія: La Surprise de l'amour, Les Fausses Confidences, Les Jeux de l'Amour et du hasard. «Я отдалъ-бы яблоко послѣдней», сказалъ Жоффруа, «но объявляю, что прекраснѣйшая изъ сихъ трехъ богинь есть не иное что, какъ простая смертная. Мариво пренебрегъ изученіе нравовъ и характеровъ; онъ сбился съ пути въ лабиринтѣ женскаго сердца, занимаясь только разсматриваніемъ и разложеніемъ множества

Digitized by Google

изгибовъ и складокъ онаго, невѣдомыхъ самимъ женщинамъ. Въ его комедіяхъ нѣтъ ни картинъ, ни портретовъ: однѣ фантастическія миніатюры, похожія и на все и ни на что. Онъ старался изображать однѣхъ женщинъ; мужскія фигуры у него всегда столько принадлежности, замѣшавшіяся случайно между женщинами. Да и въ женщинахъ онъ описывалъ всегда одно: какъ онѣ поддаются любви и какъ стараются скрывать отъ другихъ и отъ самихъ себя раждающуюся страсть. Вотъ разборъ всѣхъ пьесъ Мариво! » Такъ оцѣниваютъ Мариво сами просвѣщенные Французы, и послѣ этого мы не постигаемъ, что побудило Гна Катенина передать намъ весьма плохую пьеску осмѣяннаго, устарѣлаго Французскаго Комика, котораго манерность и изысканность въ драматическихъ пьесахъ и въ романахъ, также нѣкогда славныхъ, запечатлѣна извѣстнымъ словцомъ: Marivaudage. У него естественна одна неестественность; онъ вѣчно гоняется за умомъ, вѣчно не впопадъ, и, за это желаніе казаться острякомъ, къ нему справедливо примѣняли стихъ:

L'esprit qu'on veut avoir, gâte celui qu'on a.

О слогѣ перевода говорить не будемъ. Кажется, что Г. Переводчикъ не пересмотрѣвши отдалъ свой трудъ въ печать. Многія выраженія его напоминаютъ *любезничество* слога Гна Погодина. — *Монологъ Берты* изъ Грильпарцеровой трагедіи: *Прародительница* (die Ahnfrau). Стихи довольно гладки, но слабы — *Полночь, или кто прежде поцѣлуетъ?* Комедія въ одномъ дѣйствіи, въ

Digitized by Google

вольныхъ стихахъ, передѣланная съ Французскаго Господиномъ Карацыгинымъ. Въ краткомъ извѣстіи о драматической напечатанной пьесѣ, не всегда должно излагать ея содержаніе, потому что у читателя, который узнаетъ содержаніе ея изъ Журнала, это отнимаетъ много занимательности при чтеніи самой пьесы. Скажемъ просто, что *Полночь* есть милая, веселая комедійка, переведенная на Русскій языкъ не только вольными, но и *свободными* стихами. Желаемъ дальнѣйшихъ успѣховъ Г-ну Переводчику! Онъ пишетъ стихи не хуже первокласснаго (для пріятелей) Комика нашего Князя Шаховскаго. Тѣже пріемы, свобода и недостатки. *Монологъ Беатрисы*, изъ Шиллеровой трагедіи *Мессинская Невѣста*, вполнѣ переведенной Г-мъ Рощевымъ и печатаемой въ Москвѣ. Отрывокъ сей заставляетъ желать появленія въ свѣтъ всего перевода (*). *Тетушка, или она не такъ глупа*, комедія въ одномъ дѣйствіи, соч. Князя А. А. Шаховскаго. Довольно скучная и незанимательная по завязкѣ, но бѣглыми стихами написанная комедія. Это одинъ изъ листиковъ *вѣнка первой степени*, надѣваемаго на Автора Аристофана нѣкоторыми критиками.—*Отрывки изъ комедіи: Арзамасскіе гуси* (соч. Н. Х.). По нашему мнѣнію это лучшій цвѣтокъ въ *Букетѣ*. Непринужденная веселость и необыкновенная легкость сти-

(*) Во время печатанія сего листа, переводъ Г-на Рощева вышелъ въ свѣтъ: мы вскорѣ дадимъ объ немъ отчетъ.

Digitized by Google

ховъ въ сихъ отрывкахъ, даютъ намъ средств
угадать, что Авторъ оныхъ есть Н. И. Хмел
ницкій, любимѣйшій изъ современныхъ Русски
комиковъ, но, къ общему сожалѣнію, давно забы
шій благодарную Публику. Въ самомъ дѣлѣ, в
взирая на всѣ неблагопріятныя для сего отлична
Автора, впрочемъ случайныя, временныя *театра
ныя отношенія*, почти всѣ, оригинальныя и пер
водныя, пьесы его безпрестанно играются на пу
личныхъ театрахъ обѣихъ столицъ и на дома
нихъ театрахъ лучшихъ обществъ. Ненапечата
ная комедія его: *Нерѣшительный*, ходитъ въ пу
ликѣ, переписанная тысячу разъ. Какого успѣ
надобно еще желать? Какой признательности
дарованію, и признанія, что пьесы Г-на Хме
ницкаго нравятся всѣмъ? Отъ него публика тр
буетъ одного: новыхъ пьесъ, ибо напередъ у
рена въ ихъ достоинствѣ. Отрывки изъ *Арзам
скихъ гусей* порадовали насъ еще и тѣмъ, что
ложенія и стихи въ нихъ исполнены такою сил
и новостью, какихъ не было въ прежнихъ пьес
Г-на Хмельницкаго: доказательство, что онъ
вершенствуется. Для примѣра, выписываемъ с
ва *Побродяжкина*, который по своему толкую
бушкѣ о Петербургскомъ наводненіи 7-го Ноя
1824 года, восклицаетъ:

А кто несчастію причина?
Блаженной памяти покойный Государь
Петръ Алексѣевичъ! Былъ умный Царь,
А къ морю черезъ чуръ подъѣхалъ близко.
Какъ въ ямѣ строиться, когда есть материк

Digitized by Google

Вонъ по-по, матушка! и былъ великъ,
А выстроился низко.

— *Свѣтскій случай*, комедія въ одномъ дѣйствіи, въ стихахъ, Н. И. Х., то есть, какъ мы полагаемъ, того-же Автора. Доселѣ пьеса сія была извѣстна только по отрывку, напечатанному въ одномъ Альманахѣ, года за три. Говоря, по всегдашней привычкѣ нашей, правду, всѣмъ и каждому, признаемся, что причисляемъ пьесу сію къ слабѣйшимъ произведеніямъ Г-на Хмельницкаго. Впрочемъ, извѣстная аксіома, что нелучшее отличныхъ писателей сославило-бы славу посредственныхъ. Такъ думаемъ мы и о *Свѣтскомъ случаѣ*: нѣкоторыя, истинно комическія сцены, и рѣзвость, мѣткость многихъ стиховъ, выкупаютъ въ сей комедіи незанимательность и неестественность завязки. *Отрывки изъ Манускрипта, подъ названіемъ: Опытъ Словаря театральнаго и проч.* Безтолковость названія, худая примѣта для сочиненія! Прочитавъ *Отрывки изъ Опыта Словаря*, мы думаемъ, что Авторъ нарочно пишетъ его въ простонародномъ вкусѣ, желая придать своему сочиненію комическій тонъ. Но попытка сія неудачна, ибо грубыя выраженія всегда бываютъ не остры. Примѣръ: «Комическіе актеры дѣлаютъ *иногда не* «*кстати* каррикатурныя ужимки, прибавляютъ отъ «себя слова, и, *кратко* сказать, *дурачатся* на «сценѣ.» Къ тому-же, въ изъясненіяхъ Автора видно незнаніе своего предмета, заставляющее думать, что онъ никогда не бывалъ въ театрѣ. Примѣръ: «*Аплодисментъ* и проч. Въ Лексиконѣ

Digitized by Google

«шакъ объяснено сіе слово: радостное восклицаніе, «*совоплесканіе*, рукоплесканіе, радостный кликъ, «веселый шумъ, и всякое изъявленіе *отличнаго* удо- «вольствія; но какъ у насъ, и во всякомъ благо- «устроенномъ правленіи (развѣ *мы* — правленіе?), «непозволительны въ театрѣ ни радостное вос- «клицаніе, ни радостный кликъ, ни веселый шумъ, то «мы просто скажемъ, что *Аплодисментъ* есть одо- «браніе, *оказываемое* зрителемъ актеру или автору «*посредствомъ рукоплесканія*, то есть *біеніемъ ладо- «ни объ ладонь!*» Не говоря о слогѣ, спрашиваемъ всѣхъ, посѣщающихъ театры обѣихъ столицъ: такой-ли Лапландскій монастырь, такую-ли пантомимную бесѣду находимъ мы въ нашемъ партерѣ? И откуда получилъ извѣстіе Авторъ, что въ благоустроенныхъ государствахъ непозволительны въ театрѣ ни радостныя восклицанія, ни радостный кликъ, ни веселый шумъ? Напротивъ, и во Франціи, и въ Россіи, и вездѣ, громкія рукоплесканія сопровождаются обыкновенно крикомъ: *браво!* и разными привѣтливыми восклицаніями къ актерамъ, такъ что отъ нихъ иногда, какъ говорится, стонутъ театральныя стѣны. Правительство никогда не запрещаетъ веселиться и радоваться: веселитесь на здоровье! Скажемъ за тайну Автору, что оно именно для этого устроиваетъ и театры. Наблюдается одно условіе всякаго собранія порядочныхъ людей: не выходить изъ границъ благопристойности и приличія. Желая добра Автору, совѣтуемъ ему сдѣлать со своимъ манускриптомъ то, что, говорятъ, хотѣлъ сдѣлать Виргилій съ рукописью своей Энеиды. — *Театральные Анекдоты*. . . Поща-

Digitized by Google

дише., Г-нъ Переводчикъ Анекдотовъ, Французскіе подлинники оныхъ, читателей, и рецензента.

Изданіе сего Альманаха весьма хорошо. Тоже должно было сказать объ изданіи *Подснѣжника*, но это пропущено нами единственно по ошибкѣ. Въ Русскихъ книгахъ достоинство изданія, не часто встрѣчаемое, должно быть замѣчаемо. Прибавимъ, что отсутствіе типографической роскоши особенно непріятно въ альманахахъ, многими покупаемыхъ для подарка дамамъ. Портретъ Г-на Карамзина, приложенный къ *Букету*, сходенъ съ подлинникомъ своимъ и выгравированъ прекрасно.

—*Стихотворенія Барона Дельвига.* СПб. 1829 г., въ т. Деп. Народн. Просв., in 8, IV и 173 стр.

Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Телеграфа мы помѣстимъ разборъ сихъ прелестныхъ стихотвореній. Теперь сдѣлаемъ только библіографическую замѣтку. На обертѣ сей книги напечатано: *Цѣна 10 рублей, съ пересылкою 11 рублей.* Конечно, всякій вправѣ назначать своему труду цѣну; но и мы вправѣ сказать, что книгу, въ 10 съ небольшимъ листовъ, безъ гравюръ, напечатанную такимъ образомъ, что на многихъ страницахъ пришлось по четыре и даже по два стиха, такую книжечку продавать по 10 рублей—не сообразно ни съ чѣмъ! Самъ владѣлецъ ея ошибется въ разсчетѣ, ибо положивъ свою книгу по 5 рублей за экземпляръ, и, мы увѣрены, ея разошлось-бы вдвое болѣе, нежели при 10 рублевой цѣнѣ. Дорогую цѣну надобно полагать за плохія книги, а Сочиненія Барона

Digitized by Google

Дельвига вознаградили-бы цѣну многочисленностью читателей. За чѣмъ Авторъ не поддержалъ самымъ дѣломъ своего эпиграфа:

Das Lied, das aus der Kehle dringt,
Ist Lohn, der reichlich lohnet?

Авторы наши ссылаются на Байрона, который бралъ за свои сочиненія кучи золота; но онъ бралъ ихъ отъ книгопродавца, который назначалъ за произведенія Байрона обыкновенную цѣну, и заплаченная Автору сумма вознаграждалась для книгопродавца тысячами продаваемыхъ экземпляровъ. Ладвока заплатилъ Шатобріану за его сочиненія болѣе полумилліона франковъ, но продавалъ ихъ по $7\frac{1}{2}$ франковъ за толстый томъ превосходнаго изданія. Недавно за рукопись *Генриха III-го*, знаменитой драмы Дамаса, книгопродавецъ заплатилъ 9000 франковъ, но продаетъ печатные экземпляры оной по обыкновенной цѣнѣ. У насъ, напротивъ, гдѣ все дешевле, чѣмъ во Франціи, можно-ли налагать на книги огромную цѣну? Скажутъ: у насъ мало читающихъ. Тѣмъ болѣе должно продавать книги дешево, чтобы число читающихъ увеличилось. Можемъ увѣрить Автора Купальницъ, что многіе, истинно уважающіе его люди, образованные юноши, которыхъ участіемъ онъ долженъ дорожить, *для которыхъ именно онъ пишетъ*, съ сожалѣніемъ разстаются съ его книгою, услышавъ отъ книгопродавца цѣну оной, ибо есть-ли возможность удѣлить на книгу *десять* рублей, если весь доходъ состоитъ, напримѣръ, изо ста рублей

въ мѣсяцъ? Авторы надѣются на досужихъ людей: надѣйтесь!

Упрекъ нашъ относится не къ однимъ Стихотвореніямъ Барона Дельвига, но ко всѣмъ несоразмѣрно дорого продаваемымъ книгамъ. Мы вступились за пользу Литтературы, бѣднѣющей читателями отъ излишней привязанности Авторовъ нашихъ—по крайней мѣрѣ не къ читателямъ!

Кс. П.

—*Господинъ Ботъ*. Соч. Пиго-ле-Брюна. Переводъ съ Французскаго Н. Левицкаго. СПб. 1829 г., въ т. А. Смирдина. 4 части, in 12, 240, 230, 240 и 253 стр.

Фамилія Г-на Переводчика затрудняетъ Библіографа. На заглавныхъ листкахъ 3-й и 4-й части, она напечатана такъ, какъ означено нами въ заглавіи, а въ Приношеніи, напечатанномъ при 4-й части, иначе. Вотъ для любопытныхъ вполнѣ сіе Приношеніе: «*Ея Превосходительству, Милостивой Государынѣ, Еленѣ Степановнѣ, высокопочтеннѣйшей супругѣ Г-на Тайнаго Совѣтника, Сенатора, и ордена Св. Анны 1-й и Св. Владиміра 2-й степени Кавалера, Павла Гавриловича Дивова, отъ Дѣйствит. Статск. Совѣтника Н. Левитскаго. Усерднѣйшее приношеніе.*» Просимъ угадать послѣ этого фамилію Г-на Переводчика: *Левицкій* или *Левитскій?* Это конечно недосмотръ; но недосмотровъ въ сей книгѣ *весьма не одинъ*. При первой и второй частяхъ нѣтъ заглавныхъ листковъ, и еслибы не благодѣтельныя слова: *конецъ первой, конецъ второй части*, то читатель не зналъ-бы, съ ко-

Digitized by Google

шорой книжки ему начинать. Переводъ сего романа такъ дуренъ, какъ только возможно. Вообразите себѣ высочайшее незнаніе языковъ, и того, съ котораго переводятъ, и того, на который переводятъ, вообразите совершенное незнаніе литтературныхъ приличій, вообразите переводъ съ такими принадлежностями, и, навѣрное, Русскій *Ботъ* превзойдетъ ваши ожиданія. Это явленіе, достойное вниманія въ наше время. Списываемъ, для образчика, первую страницу четвертой части: «София, *не смотря на смущеніе своихъ чувствъ*, была способна къ размышленію. Непредвидѣнное происшествіе (?) могло перемѣнить образъ мыслей ея отца, и сквозь слезы она въ будущемъ усматривала благополучіе (?!). Карлъ, *горячій, стремительный*, не иное что видѣлъ, какъ только препятствія (!). Его возвышенное воображеніе представляло ему *оныя* непреодолимыми, и Г-нъ Бошъ, *пошедши* къ нему, *увидѣлъ* наижалостнѣйшее зрѣлище: племянникъ его былъ *присматриваемъ* въ безпамятствѣ, *не узнающій* ничего окружающаго *его*, даже своего дяди, коего одинъ голосъ заставлялъ *его* прежде дрожать, и который теперь *толь* ему любезенъ (??).» Бѣдный Пиго-Лебрёнь!

Гг. Петербургскіе журналисты часто, и по дѣломъ, нападаютъ на Московскихъ Переводчиковъ. Мы почитаемъ нападеніе на писателей *такого-то* именно города (какъ будто приписныхъ къ нему!), слишкомъ недальновиднымъ: дурныхъ писателей, такъ-же какъ и разныхъ родовъ дурнаго, столькоже въ Петербургѣ, какъ и въ Москвѣ. Обличайте дурнаго Автора или Переводчика *вездѣ*, не спра-

Digitized by Google

нивая о его родѣ и племени. Какое намъ дѣло, кто онъ и гдѣ живетъ? Мы судимъ о книгѣ, а не о человѣкѣ. Вотъ, напримѣръ, и Петербургская книга, а недостатки ея напоминаютъ Гренландію. Видно, что великолѣпныя стѣны, памятники и просвѣщеніе Петербурга не научаютъ порядочно писать.

— *Два года, въ Константинополѣ и Морев* (1825—1826), или историческіе очерки Махмуда, Янычаръ, новыхъ войскъ, Ибрагима Паши, Солимана Бея, и проч. Соч. К. Д. Перевелъ съ Французскаго А. Очкинъ. *Изданіе второе, исправленное.* СПб. 1829 г., въ т. Ив. Глазунова, gr. in 8. IV и 213 стр., съ 16-ю раскрашенными картинками.

Книга сія сдѣлалась столь извѣстна своими достоинствами, что мы почитаемъ ненужнымъ прибавлять что либо къ извѣстію о ней, помѣщенному въ 23-й книжкѣ М. Телеграфа на 1828-й годъ. Необыкновенный успѣхъ перваго изданія Русскаго перевода сей книги, обѣщаетъ и *второму* благопріятную будущность.

— *Спасаемая Греція*, или картина военныхъ дѣйствій Россіянъ противъ Турокъ, въ 1827 и 1828-мъ годахъ. Съ приложеніемъ оффиціяльныхъ актовъ, партикулярныхъ писемъ и военныхъ анекдотовъ. Съ гравированными портретами и картинками. 2 ч. СПб. 1829 г., въ т. Ивана Байкова, in 8, 58, XX и 262, XXX стр.

Книга, весьма хорошо составленная и кстати изданная. Въ ней собраны всѣ оффиціяльныя, въ газетахъ напечатанныя, статьи, касательно нынѣшней войны съ Турками, начиная отъ Лондон-

Digitized by Google

скаго договора 24 Іюня 1827 года, до окончанія прошлогодней кампаніи. Кому не любопытно повторить въ памяти своей описаніе сихъ великихъ событій? Сверхъ того, книга сія послужитъ превосходнымъ матеріяломъ для Историка. Какъ жаль, что мы не имѣемъ подобнаго сборника объ отечественной войнѣ 1812 года! Портреты: Фельдмаршала Графа Вингенштейна и Героя Эриванскаго, приложенные къ сей книгѣ, очень хороши. Картинки, изображающія переправу Государя Императора черезъ Дунай и Русскій лагерь при Шумлѣ, также достойны вниманія.

— *Краткая Всемірная Исторія.* М. 1829 г., въ т. Университетской, in 8, 187 стр.

Кажется, это переводъ, или сокращеніе Пелицевой Всеобщей Исторіи, хотя Издатель нигдѣ о томъ не упоминаетъ. Не имѣя подъ рукою подлинника, и давно читавъ оный, не можемъ сказать, какъ пользовался имъ Русскій Издатель, но, судя по тому, что передъ нашими глазами, рекомендуемъ сію книгу наставникамъ юношества. Послѣ *Введенія*, занимающаго 46 страницъ, исторія въ сей книгѣ заключается въ *четырехъ періодахъ*: 1-й, отъ основанія древнѣйшихъ государствъ до Кира Персидскаго; 2-й, отъ Кира до Александра Македонскаго; 3-й, отъ Александра до единодержавія въ Римѣ Октавія; 4-й, отъ самодержавія Августа до разрушенія Западной Римской Имперіи. Слѣдственно въ сей части только оканчивается Древняя Исторія. Сождавъ появленія слѣдующихъ частей, которыя должны оправдать названіе сей

Digitized by Google

Исторіи *Всемірною*, мы постараемся изложить мысли наши о схоластическихъ сборникахъ, издаваемыхъ подъ именемъ Исторій. Книга, о которой извѣщаемъ, можетъ служить пособіемъ для учителей, но, по краткости своей и по формѣ, она едва-ли удобна для учениковъ: это одни указанія на главныя историческія точки. Почитаемъ весьма полезными приложенныя къ ней названія хорошихъ и отличныхъ книгъ по разнымъ частямъ Исторіи.

— *Наставленіе къ выдѣлыванію хорошаго домашняго уксуса.* Сочиненіе У. СПб. 1829 г., въ ш. Имп. Воспит. Дома, in 12, 26 стр.

Насъ увѣрялъ одинъ опытный Технологъ, что книжка сія дѣйствительно можетъ быть полезна въ домашнемъ хозяйствѣ. По наставленію Автора сдѣланный уксусъ будетъ хорошъ, но нѣсколько дорогъ; есть средства дѣлать уксусъ весьма добротный, но гораздо дешевѣйшій. — Дешевизна и доброта: вотъ истинная пайна всякаго хорошаго заводчика и фабриканта.

СМѢСЬ.

Русскій Театръ.

Молодость Генриха V-го, комедія въ 3-хъ дѣйствіяхъ; *Полифемъ* или торжество Галатеи, балетъ въ 2-хъ дѣйствіяхъ; *Дѣдушка-женихъ*, водевиль въ 1-мъ дѣйствіи (бенефисъ Г-на Шольца, Капельмейстера Императорскаго Театра).

Пословица: нѣтъ худа безъ добра, весьма ушѣши-

Digitized by Google

тельна для рода смертныхъ; но весьма запрудительно то, что нѣтъ добра безъ примѣси зла, или по крайней мѣрѣ — безъ неудобствъ. Большой Петровскій театръ можно смѣло назвать однимъ изъ лучшихъ произведеній зодчества. Обширность сцены, великолѣпіе и удобное расположеніе залы для зрителей — все это превосходно и даже напоминаетъ знаменитые памятники древнихъ! Но для Москвы все это очень неудобно. Артисты здѣшней труппы не могутъ, подобно древнимъ акторамъ, прикладывать ко рту мѣдныя воронки, для того, чтобы голосъ ихъ былъ слышимъ на такомъ пространствѣ, а публика наша не можетъ возить съ собою въ Театръ слуховыя трубы, для того чтобы понять кое что изъ комедій и водевилей, представляемыхъ въ столь огромномъ зданіи. Если-бы мы имѣли большую Оперу — дѣло другое! Тогда и Большой театръ былъ бы въ полномъ смыслѣ хорошъ и удобенъ. Но такъ какъ на сей великолѣпной сценѣ, мы видимъ только неизбѣжное Чванство Транжирина, Три дѣла, превозносимаго и превесьма хвалимаго Ѳедора Григорьевича Волкова — то мудрено ли, что жители Столицы отказываютъ себѣ въ удовольствіи посѣщать Русскій Театръ? Къ сей скудости нашего репертуара, должно прибавить и то, что кромѣ комедій: Аристофанъ и Благородный театръ, и Оперы Панъ Твардовскій, мы не видѣли въ теченіе трехъ лѣтъ другихъ первыхъ представленій *для зрителей*. Всѣ новыя пьесы даются въ пользу бенефиціянтовъ, которые никакъ не согласятся пожертвовать своими выгодами и играть на тѣсномъ, неудобномъ Маломъ театрѣ. Отъ сего

Digitized by Google

происходишъ то, что многія очень хорошія пьесы теряютъ весь эффектъ на сценѣ, имѣющей двадцать семь аршинъ въ ширину и двадцать два въ вышину!!... Это самое и случилось съ прекрасною комедіею: *Молодость Генриха* Vго, которая донынѣ доставляетъ большое удовольствіе Парижской публикѣ. Эта комедія была разыграна лучшими нашими актерами, (*) и со всѣмъ тѣмъ, при четверти зрителей не могли замѣтить ни искусной игры артистовъ, ни замысловатыхъ мѣстъ, коими изобилуетъ сіе произведеніе Дюваля..., Небольшой и хорошо устроенный театръ, на подобіе С. Петербургскаго Малаго — необходимъ для Москвы.

Теперь повторимъ еще разъ: нѣтъ худа безъ добра! Въ тотъ же день бенефиса Г-на *Шольца*, публика съ удовольствіемъ смотрѣла на новый, прекрасный балетъ Г-жи *Гюллень*, обставленный съ великолѣпіемъ, приличнымъ Императорскому Театру. Декораціи, машины, костюмы — были превосходны. Объ искуствѣ нашей многочисленной балетной труппы нечего и говорить. Но главную прелесть сего зрѣлища составляло мастерство, съ коимъ былъ придуманъ, сочиненъ и поставленъ балетъ Полифемъ. Содержаніе онаго очень просто и всѣмъ извѣстно

(*) Въ этой комедіи играли: *Г-жи Львова-Синецкая, Борисова* и *Златопольская*, Гг. *Мочаловъ, Щепкинъ* и *Сабуровъ*. Кажется, можно ручаться, что подобное сему собраніе артистовъ съумѣло-бы разыграть хорошую пьесу!

Digitized by Google

изъ Миѳологіи (*). Изобрѣтательный умъ и пылкое воображеніе Гжи Гюлень украсили его — если смѣемъ такъ выразишься — всѣми хитростями танцовальнаго искусства. Граціозныя положенія, прелестныя группы, игривыя пляски, уподобляли сей балетъ картинѣ Албана, прозваннаго живописцемъ Грацій. Въ семъ случаѣ обширность театра много способствовала и даже была необходима для удовлетворительнаго выполненія сего зрѣлища. Вызовъ на сцену сочинительницы Балета, былъ яснымъ доказательствомъ удовольствія публики. Музыка, вновь сочиненная Г. Шольцомъ, была такъ-же прелестна, какъ и самый балетъ. Москва можетъ поблагодарить этого искуснаго и трудолюбиваго Капельмейстера: не говоря о множествѣ небольшихъ

(*) Гигантъ Полифемъ держитъ во владѣніяхъ своихъ юную Нимфу Галатею, которую, по обыкновенію всѣхъ Театральныхъ Опекуновъ, прочитъ за себя. Богъ любви, несогласный на столь неравный бракъ прелестной Нимфы съ безобразнымъ, одноглазымъ исполиномъ, приводитъ къ Галатеѣ пастуха Ациса, который, съ помощію Амура, преодолѣваетъ всѣ препятствія и получаетъ руку красавицы. Казалось-бы, что пастухъ не слишкомъ выгодная партія для такой красавицы, у коей находится въ услуженіи цѣлое сонмище Игръ, Амуровъ, Смѣховъ и даже Тритоновъ. Но — видно, что въ старину были не такъ разборчивы, какъ нынѣ, и бракъ состоялся тѣмъ скорѣе, что сама Венера была посаженою матерью у бѣднаго Ациса; и, посадивши юную чету на облако, увезла къ себѣ.

Digitized by Google

оперъ, водевилей и мелодрамъ, имъ написанныхъ, Полифемъ есть уже девятый балетъ, имъ сочиненный. У насъ не рѣдко, или лучше сказать, слишкомъ часто вопіютъ на щедрость Русскихъ къ иностранцамъ, пріѣзжающимъ въ наше отечество. Не обязываетъ-ли насъ справедливость признаться въ томъ, что иностранцы не даромъ берутъ большую плату за свои труды? Не выходя изъ Московскаго Театра, представимъ доказательство вышесказаннаго. Гг. *Ришарды* и Гжа *Гюллень* получаютъ огромное жалованье — за свои таланты. Но сверкъ сего не они-ли образовали у насъ такую искусную балетную труппу? Не они ли въ каждомъ спектаклѣ показываютъ собою примѣры рачительнаго исполненія своей обязанности и вниманія къ своему искусству, которое такъ желательно видѣть у всѣхъ Русскихъ артистовъ? Принуждалъ-ли кто Гна Шольца писать музыку, а Гжу Гюллень сочинять балеты? Какую другую плату, кромѣ жалованья, получаютъ они за сіи труды? Что-же ихъ къ сему побуждаетъ? Отвѣтъ всегда одинъ и тотъ-же: забошливость о славѣ и любовь къ своему искусству: два чувства, по несчастію весьма рѣдко встрѣчаемыя у нашихъ соотечественныхъ артистовъ.

Въ заключеніе спектакля представленъ былъ въ первый разъ: *Дѣдушка-женихъ*, водевиль, передѣланный съ Французскаго Г. *Ленскимъ*, неутомимымъ поставщикомъ водевильныхъ изящностей. Разсказываютъ, что въ старые годы, во Франціи, когда вышелъ въ свѣтъ романъ: *Нума Помпилій*, нѣкто изъ Версальскихъ щеголей засталъ одну даму, занятую чтеніемъ сего произведенія чопорнаго Фло-

Digitized by Google

ріана. Читательница, сказавши что книга ей нравится, спросила у посѣтителя: извѣстенъ ли ему этотъ романъ? — Само собою разумѣется, что отвѣтъ былъ: давно читалъ! — Любопытно знать, сказала дама, чѣмъ это кончится? — О! отвѣчалъ высокоученый франтъ, кончится тѣмъ же, чѣмъ и всѣ другіеро маны. Какъ водится, *Помпилій* женится на *Нумѣ*, вотъ и все! — Въ представленіи вышеупомянутаго водевиля, когда дѣдушка, еще въ половинѣ пьесы, предварительно изъявилъ свое согласіе на женитьбу внука, многіе изъ зрителей подумали, что водевиль приходитъ къ окончанію, и что Помпилій вѣрно женится на Нумѣ, слѣдовательно и смотрѣть нечего. Всѣ начали вставать со своихъ мѣстъ и выходить въ корридоры, съ такимъ шумомъ, что не возможно было дослушать пьесу, и сихъ ради причинъ мы о достоинствѣ оной ничего сказать не можемъ.

В. У.

ЗАМѢЧАНІЕ.

Н. И. Борхардтъ, будучи корреспондентомъ многихъ Нѣмецкихъ газетъ и журналовъ, просилъ насъ извѣстить публику, что статья о Телеграфѣ, переведенная въ *Галатею* (№ XI, стран. 261) изъ 174 № *Вѣнскаго моднаго журнала*, писана не имъ, но доставлена къ Издателю упомянутаго Нѣмецкаго журнала изъ Москвы отъ посторонней особы. Какъ литераторъ благородно-мыслящій и корреспондентъ добросовѣстный, Гнъ Борхардтъ не хочетъ, чтобы кто нибудь почелъ его авторомъ статейки,

Digitized by Google

писанной съ нарушеніемъ всѣхъ правилъ литературной совѣсти и общественной вѣжливости. Въ прошломъ году, въ Вѣнскомъ модномъ журналѣ всего напечатано было статей Гна Борхардта только двѣ: Sommerleben in Moskwa и Apotheose des Jocko.

Въ N° XVII Галатеи (стран. 53) опять переведена была статья съ Нѣмецкаго, взятая изъ Zeitung für die elegante Welt, въ которой Сочинитель передаетъ Нѣмецкой публикѣ ошибочныя извѣстія о Русской Литературѣ. Сія статья доставлена къ Издателю Нѣмецкой газеты неизвѣстно отъ кого, и въ прошломъ году въ Zeitung für die elegante Welt ни одной строчки отъ Гна Борхардта послано не было.

Литературные лазутчики говорятъ, что будто одна рука писала и *Нѣмецкій оригиналъ* статьи о Телеграфѣ, за которую съ такою жалостливою поспѣшностью уцѣпилась Галатея, и *Русскій переводъ* сей статейки. Можетъ быть! Мало-ли есть людей, которые сочиняютъ *чужія* мазурки и кропаютъ въ тоже время статейки для Русскихъ и Нѣмецкихъ журналовъ. Улика въ музыкальномъ хищеніи можетъ заставить такого мастера взяться за ремесло критика. Впрочемъ, Гда Издатели Галатеи, Дамскаго Журнала и Славянина могутъ писать и переводить о Телеграфѣ что угодно: отвѣта имъ не будетъ. Съ сожалѣніемъ видя, что Гнъ Раичъ удачно старается быть Московскимъ Г-мъ Воейковымъ, Издатель Телеграфа искренно жалѣетъ о немъ, и не хочетъ входить ни въ какія пренія съ Галатеею и двумя ея сотоварищами.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Le rose vif était, au dernier concert du Vauxhall, la couleur dominante des chapeaux: il y en avait de moire blanche, d'autres de crêpe blanc, ornés, sur la passe et sous la passe, de rubans de gaze satinés bleu sur bleu; mais les chapeaux les plus nouveaux étaient couleur chamois-rosé, abricot-rosé, saumon.

Les modistes ne peuvent suffire aux commandes de chapeaux et de capotes en tissu de paille formant des raies ou des quadrilles. Une rosette en ruban de gaze fixe sur ces chapeaux un bouquet à la jardinière en plumes.

Quelques capotes couleur de rose sont entièrement composées de rubans de gaze à raies satinées, cousus bord à bord.

Parmi les ornemens des chapeaux on distingue le laurier à feuillage vert-tremble sans fleurs; le tuhya à pomme ou fleurs de fantaisie. Nous avons entendu nommer *casvarina* une fleur de fantaisie qui a du rapport avec la tulipe, et du calice de laquelle sort comme une houppe.

Nous avons vu sur un chapeau de crêpe-crêpé, une branche de rosier, dont les roses étaient moitié batiste rose, et moitié marabout blanc.

En général la passe des chapeaux de paille de riz et celle des chapeaux de paille d'Italie sont moins grandes que l'été dernier: cependant on met dessus une fleur d'un très-grand

(*) До 1 Мая (н. с.) 1829 года.

Digitized by Google

volume, celle du nymphea, par exemple, ou une longue branche de pin, de maronnier, de catalpa.

Il faut mettre le vert au nombre des couleurs à la mode, et, en première ligne, le *vert des-Indes*, plus franc, plus vif que le vert-anglais. On garnit de rubans vert-des-Indes les chapeaux chamois-rosé.

Les gros de Naples, pour robes habillées, couleur vert-des-Indes, sont moirés.

Une des couleurs foncées, en grande vogue, porte le nom de *sanglier*; c'est un gris brun.

Il y a des rubans de gaze satinée à mille raies, d'autres à fleurs : ceux où les fleurs sont de la même couleur que le fond, se nomment rubans *façon de blonde*. Les rubans où les fleurs sont *au coloris*, c'est-à-dire représentées avec leurs couleurs naturelles et le feuillage vert, portent le nom de rubans *printanniers*.

Un beau-fils fait monter sa cravate très-haut, et la serre très-peu. Cette manière de la porter, s'appelle *en cataplasme*.

Les pantalons à la mode se font en dauphine, espèce de casimir très-fin, gris perle.

Les redingotes de drap œil de corbeau ont un collet pareil, très-large, un seul rang de boutons, et la taille basse et étroite.

Головные уборы. Яркій розовый цвѣтъ былъ главнымъ цвѣтомъ шляпокъ въ послѣднемъ воксальномъ концертѣ. Кромѣ розовыхъ, замѣчены еще шляпки : изъ бѣлой морелевой матеріи ; бѣлыя креповыя, убранныя, на поляхъ и подъ полями, газовыми атласистыми лентами, голубыми на голубомъ ; но самыя новыя шляпки были цвѣта серны-розоваго, абрикосоваго-розоваго и цвѣта семги. — Модистки

Digitized by Google

не успѣваютъ надѣлаться шляпокъ и капотовъ соломенныхъ, полосатыхъ и съ квадратами; розетка изъ газовыхъ лентъ придерживаетъ на такой шляпкѣ букетъ перьевъ à la jardinière.— Капоты розоваго цвѣта дѣлаются изъ газовыхъ лентъ, съ атласистыми полосками, сшитыми вмѣстѣ, составляющихъ такимъ образомъ цѣльную матерію (и въ Москву привозятъ теперь столь широкія ленты, что сшивая ихъ по двѣ вмѣстѣ, можно употреблять вмѣсто матерій).— Вотъ замѣчательнѣйшіе цвѣты или растенія для уборки шляпокъ: лавръ, безъ цвѣтовъ, съ листьями зелено-осиноваго цвѣта; *тюгіа* съ плодами или цвѣтами выдуманными. Выдуманъ еще новый цвѣтокъ: *касварина*, похожій на тюльпанъ, у котораго въ чашечкѣ находится родъ кисти.— На крепъ-креповой шляпкѣ замѣтили вѣтку розъ, сдѣланную на половину изъ розоваго банниста, на половину изъ бѣлаго марабу.— Вообще поля соломенныхъ шляпокъ бѣлыхъ и Итальянскихъ, нынѣшній годъ гораздо менѣе огромны, нежели въ прошломъ году. Но уборка большими цвѣтами и большими растеніями, какъ-то: кувшинчиками, длинными вѣтками сосны, каштанника, капальны, остается по прежнему.

Модные уборы. Къ лучшимъ модными цвѣтамъ присовокупить должно оттѣнокъ зеленаго цвѣта, называемый vert-des-Indes: онъ ярче и живѣе оттѣнка vert-anglais. Лентами сего оттѣнка убираютъ шляпки, цвѣта серны-розоваго.

Гроденапли для нарядныхъ платьевъ зеленаго цвѣта, vert-des Indes, бываютъ мореневые (объяринные).

Еще одинъ изъ густыхъ цвѣтовъ, называемый *кабанымъ*, въ большой модѣ: онъ сѣро-темный.

Digitized by Google

Есть ленты газовыя, ашласистыя, со множествомъ полосокъ, другія съ цвѣтами. Тѣ, на которыхъ цвѣточки одинаковаго цвѣта съ полемъ ленты, называются лентами *на блондовый фасонъ*; ленты, на которыхъ рисунки или полоски цвѣтные, то есть, цвѣты вышиты въ ихъ натуральномъ цвѣтѣ и съ зелеными листками, называются rubans printanniers.

Мужскія моды. Щеголи подвязываютъ галстухи весьма высоко и не туго; шакой манеръ подвязывать галстухъ называется en cataplasme.— Модные панталоны дѣлаютъ изъ *дофина*: это родъ тонкаго казимира, сѣро-перловаго цвѣта.— Суконные сюртуки, цвѣта воронья́го глаза, дѣлаются съ такимъ-же суконнымъ воротникомъ, широкимъ, съ однимъ рядомъ пуговицъ, и съ талiею низкою и узкою.

ПАРИЖСКІЯ ВѢСТИ.

Московскія щеголихи могутъ порадоваться, если только чужая неудача есть утѣшеніе при своей неудачѣ: *Лоншанское* гулянье въ Парижѣ было весьма плохо, по причинѣ дурной погоды. Наше гулянье подъ Новинскимъ совсѣмъ было испорчено непогодою. По крайней мѣрѣ, теперь Москва не позавидуетъ Парижу, узнавши, что не въ одной Москвѣ Май *смотритъ Сентябремъ*.

Мы слышимъ жалобы, что Русскіе журналисты *иногда* ошибаются въ переводахъ модныхъ названій ленточекъ, матерій шляпокъ, цвѣтовъ, и на грубомъ Русскомъ языкѣ не могутъ выразить всѣхъ тонкостей, какія изобрѣтаетъ умъ Французскихъ

Digitized by Google

щеголихъ, щеголей, ресторашёровъ, и проч. и проч. Просимъ строгихъ критиковъ попробовать силъ своихъ въ переводѣ нѣсколькихъ строчекъ. Вотъ описаніе кушаньевъ, которыя поданы были на одномъ щегольскомъ обѣдѣ: Filets de saumon sautés, *à la chirac.* Attelets de filets de carrelet. Salade de filets de brochet. Filets de vive à la sauce verte. Filets de merlan, panés et grillés. Filets de sole *à la ravigotte.* Des pâtes d'Italie à la purée de carottes, des navets de Freneuse glacés au sucre, des pains *à la duchesse* (des groseilles de Bar, gelée de pommes de Rouen, ou toute autre confiture); des croquettes d'œufs *à la reine*; une brioche au fromage de Parmesan, et un baba (espèce de brioche au safran et aux raisins secs)

Въ Парижѣ изобрѣли биллярдъ, который складывается и раскладывается, какъ простой складной столъ: въ 10 минутъ можете сложить его и поставить снова. Важное удобство для людей, которые не имѣютъ особой комнаты биллярдной, и лѣнятся ходить гулять.

Вотъ простые щегольскіе костюмы и экипажъ для прогулки: колясочка, или фаэтонъ, запряженный двумя не-парными лошадьми. Мужчина, въ сюртучкѣ, совершенно застегнутомъ, въ мериносовомъ пунцовомъ галстухѣ, панталонахъ *дофиновыхъ*, цвѣта серны, самъ правитъ. Дама, въ шляпкѣ-капотѣ изъ Русскаго атласа, или крепъ-креповой убранной сиренью; въ платьѣ мериносовомъ или изъ Норвичскаго крепа, цвѣта vert-anglais, въ полосатомъ манто, съ длиннымъ воротникомъ.— Назади сидитъ слуга, въ бѣломъ сюртукѣ, съ маленькимъ воротникомъ. Подлѣ него— ce qui serait de la dernière inconvenance si la mode ne l'autorisait— садится щеголь-прія-

Digitized by Google

шель, въ сюршучкѣ, и, облокотясь на спинку фаэтона, говоритъ съ дамою.

Свадебная корзинка (corbeille de mariage), то есть подарки, которые женихъ подноситъ невѣстѣ, всегда была предметомъ особливыхъ заботъ, и всегда строго слѣдовало при этомъ наблюдать законы моды, чтобы жениху не показаться незнающимъ приличій высокаго тона. Нынѣ, прежде всего дѣло въ шаляхъ; ихъ должно быть *четыре*: одна длинная и, кромѣ букетовъ, съ двумя бордюрами; другая длинная-же, черная; третья квадратная, съ цвѣтными угольниками и съ розетомъ на срединѣ: она стоитъ тысячи двѣ-три франковъ; четвертая не важна: тысячи въ полторы франковъ, полосатая, отъ чего и называютъ ее *лошадиная попона* (couverture de cheval).

Щегольскія столовыя комнаты обиваютъ иногда обоями бумажными (en papier-agathe).

Дамы вышиваютъ на длинной узкой полосѣ канвы крупные цвѣты, особливо розы, и такія полосы служатъ снурками для звонковъ; но въ богатыхъ домахъ для звонковъ вѣшаютъ къ стѣнѣ двѣ позолоченныя цѣпочки, между которыми обыкновенно ставится зеркало.

Щеголи выдумали новый родъ галопа въ верховой ѣздѣ, и назвали его galop de bois de Boulogne (*галопъ Булоньскаго лѣса*); при этомъ галопѣ, жокей скачетъ большимъ шагомъ, а когда щеголь самъ поѣдетъ шагомъ, жокей долженъ скакать малымъ галопомъ.

Digitized by Google

На приложенныхъ каршинкахъ:

1. *Дама.* Креповый шокъ, съ опкрытымъ в хомъ. Креповое платье и рукава, называемые *с новыми ушами.*

2. *Мужчина.* Фракъ суконный; жилетъ аплась и сверхъ его другой изъ шелковаго пике. Кази ровые панталоны.— Суконный сюрпукъ съ шалы мягкіе сапоги, аплясный галстухъ.

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 9. *Май.* 1829.

КРАТКІЯ ОСНОВАНІЯ ХИМІИ.
ДЛЯ ФАБРИКАНТОВЪ И ЗАВОДЧИКОВЪ.

(Продолженіе)

Наконецъ, должно еще упомянуть о *Флуорѣ* или *Плавикотворѣ*, который не поставленъ нами въ таблицѣ. Хотя знаютъ достовѣрно, что онъ есть основаніе *плавиковой кислоты* (acide fluorique), но донынѣ не могли еще разложить его. Полагаютъ иные, что плавиковая кислота состоитъ изъ соединенія водотвора и плавикотвора, какъ вещества простаго; другіе утверждаютъ напротивъ, что соединеніе плавикотвора съ кислотворомъ составляетъ плавиковую кислоту.

Изъ соединеній бурія съ сожигаемыми веществами образуются составы, называемые *обуренными* (borure); изъ соединеній фосфора съ сожигаемыми тѣлами, *офосфоренными* (phosphures); изъ соединенія съ сожигаемыми тѣлами селенія, *оселеніенными* (séléniures).

Digitized by Google

B. Металлическія.

Металлы суть вещества сожигаемыя, болѣе или менѣе блестящія, плавкія, ковкія, способныя переходить въ состояніе окисловъ, а нѣкоторыя и кислотъ, при соединеніи съ кислотворомъ. Ихъ цѣнятъ, смотря по мѣрѣ ихъ неизмѣняемости и удобства для нашихъ потребностей. Составы, которые они образуютъ соединяясь взаимно, называются *сплавками*, а то, что происходитъ отъ соединенія ихъ окисловъ съ кислотами, именуется *солью* (sel). Поелику всѣ металлы болѣе или менѣе способны окисляться, мы объяснимъ ихъ здѣсь по порядку сродства ихъ съ кислотворомъ. Когда они соединены съ симъ веществомъ, то есть, когда находятся въ состояніи окисла, имъ можно возвратить первобытное ихъ состояніе, сильно разгорячивъ въ плавильномъ горшкѣ, съ углемъ, истолченнымъ въ порошокъ; это химическое дѣйствіе называется *возстановленіемъ* (reduction). Кислоты вообще имѣютъ свойство растворять металлы, окисливъ оные, и кислотворъ, который иногда соединяется съ металлами, бываетъ производимъ или самыми кислотами, или водою, которою онъ разведенъ, и которая при томъ разлагается. Мы пройдемъ здѣсь краткo всѣ металлы; но о сплавкахъ ихъ не будемъ говорить ничего, ибо сія часть требуетъ особеннаго объясненія.

Digitized by Google

Отдѣленіе 1.

Металловъ сего отдѣленія мы не находимъ въ состояніи чисто-металлическомъ; они не возстановляются отъ угля, и вообще существуютъ въ природѣ въ большомъ количествѣ, но въ видѣ окисловъ: въ этомъ состояніи мы будемъ изучать ихъ. Металлы сего отдѣленія суть: *Алюминій, Силицій, Магнезій, Иттрій, Глицинній* и *Цирконій*.

Отдѣленіе 2.

Металлы сего отдѣленія также находятся въ природѣ въ видѣ окисловъ; ихъ получаютъ съ большою трудностію, и всегда въ малыхъ количествахъ, и тутъ влажный воздухъ и вода тотчасъ обращаютъ ихъ въ окисль; по сему объяснимъ мы ихъ въ спанѣ объ окислахъ. Сіи металлы суть основныя вещества земель: *Известковой, Стронціанной, Баритовой*, и щелочей: *Литтія, Соды* и *Поташу*, о которыхъ мы упомянемъ впослѣдствіи.

Отдѣленіе 3.

Металлы сего отдѣленія поглощаютъ кислородъ воды, будучи раскалены до красна, и окисляются при всякихъ температурахъ воздуха. Ихъ пять. Первые четыре изъ сихъ металловъ, превращенные въ соли, употребляются красильщиками.

Марганецъ, металлъ бѣловатый, ломкій, весьма окисляемый, и отъ сообщенія съ возду-

Digitized by Google

хомъ быстро превращающійся въ порошокъ темный, или черноватый. Въ состояніи металлическомъ онъ никуда не употребляется; но въ видѣ окисла идетъ на разныя употребленія, и особенно въ бѣленье, ибо изъ него извлекаютъ хлоръ.

Цинкъ, или *Шпіауперъ*, металлъ бѣло-синеватый, лепучъ, весьма плавокъ, не ковокъ, горитъ огнемъ, когда топятъ его на воздухѣ, и идетъ на весьма многое. Въ видѣ соли, онъ можетъ употребляться въ крашенье, но впрочемъ для этого употребляютъ его мало.

Желѣзо, металлъ бѣло-сѣроватый, тягучій, ковкій и плавкій, только при самой высокой температурѣ. Его находится въ природѣ великое количество, въ видѣ окисловъ, колчедановъ или желѣза соединеннаго съ сѣрою, и солей. Соляныя соединенія, гдѣ есть желѣзо, весьма употребительны для крашенья.

Олово, металлъ серебряной бѣлизны, только темнѣе серебра, весьма плавокъ, не тягучъ, довольно ковокъ, и въ видѣ солей употребителенъ на фабрикахъ.

Кадмій, металлъ столь-же бѣлый, какъ и олово, лепучъ, мягокъ, тягучъ, плавокъ, но по причинѣ рѣдкости своей мало употребителенъ на фабрикахъ и заводахъ.

Отдѣленіе 4.

Металлы сего отдѣленія не разлагаютъ воды ни при какой температурѣ, не измѣняются онъ

Digitized by Google

жара, и поглощающъ кислотворъ при всякой температурѣ.

Мышьякъ, металлъ ломкій, соединяющійся съ кислотами, летучій, цвѣта сѣро-стальнаго, ядовитый во всѣхъ своихъ состояніяхъ; его обыкновенно находятъ въ рудникахъ, соединенный съ другими металлами; въ соединеніи съ сѣрою онъ идетъ въ крашенье (*аурипигментъ*).

Молибдена, металлъ соединяющійся съ кислотами, не плавкій, и добываемый обыкновенно въ видѣ порошка черноватаго. Онъ еще мало извѣстенъ, и почти никуда не употребляется.

Хромій, металлъ бѣло-сѣроватый, весьма ломкій, почти неплавимый, соединяющійся съ кислотами. Съ недавняго времени, соединенія его съ нѣкоторыми веществами стали употреблять въ крашенье.

Волфрамъ (Tungstène), металлъ сѣро-стальнаго цвѣта, не плавкій, удобно соединяющійся съ кислотами и весьма окисляемый; донынѣ безъ употребленія на фабрикахъ.

Колумбій, металлъ соединяющійся съ кислотами, и донынѣ извлекаемый только въ видѣ черноватаго порошка.

Сюрьма, или *Антимонія*, металлъ ломкій, бѣло-синеватый, соединяющійся съ кислотами, и употребляемый на многихъ фабрикахъ и заводахъ.

Титаній, металлъ, соединяющійся съ кислотами, твердый, ломкій, красно-желтоватый, неплавкій, и неупотребительный.

Digitized by Google

Ураній, металлъ густо-сѣраго цвѣта, не блестящій, почти неплавимый, довольно мягкій и мало окисляемый; не употребителенъ.

Церій, металлъ, еще весьма мало извѣстный.

Кобальтъ, металлъ сѣро-стальнаго цвѣта, весьма твердый, удобно превращаемый въ порошокъ, трудный въ плавкѣ, и въ видѣ окисла употребляемый на разныхъ фабрикахъ и заводахъ.

Висмутъ, металлъ бѣло-желтоватый, весьма плавкій, пластинковатый, ломкій, употребляемый въ крашеньѣ, въ соединеніи съ кислотами.

Теллурій, металлъ бѣловатый, сѣро-свинцоваго цвѣта, блестящъ, ломокъ, плавокъ и летучъ при высшей температурѣ; разгорячаемый на воздухѣ горитъ огнемъ; впрочемъ мало извѣстенъ и неупотребителенъ въ заведеніяхъ промышленности.

Никкель, металлъ бѣло-сѣроватый, тягучій, неплавкій, мало окисляемый, и донынѣ мало употребительный.

Свинецъ, металлъ бѣло-синеватый, весьма ковкій, мягкій и плавкій, весьма окисляемый при высшей температурѣ; употребленіе его многообразно, а въ видѣ солей онъ идетъ въ крашенье.

Отдѣленіе 5.

Металлы сего отдѣленія не разлагаютъ воды ни при какой температурѣ, и только жаръ на нихъ дѣйствуетъ.

Ртуть есть единственный металлъ, жидкій въ обыкновенной температурѣ. Онъ бѣло-бле-

Digitized by Google

спящъ, и весьма употребителенъ въ металлическомъ состояніи и въ соединеніяхъ съ другими веществами.

Осмій, металлъ неплавкій и неупотребительный, донынѣ извлекаемый только въ видѣ черноватаго порошка.

Отдѣленіе 6.

Металлы сего отдѣленія не поглощаютъ кислотвора ни при какой температурѣ, и распягиваются только отъ жара.

Палладій, *Родій* и *Иридій*, бѣловаты, почти неплавки, и неупотребительны. *Серебро* бѣло-блестяще, звонко, тягуче, ковко, и въ большомъ употребленіи на множествѣ фабрикъ и заводовъ. *Платина* почти также тяжела, какъ серебро, но болѣе тягуча, ковка, только весьма трудна въ плавленіи. *Золото* желто, блестяще, тяжело, и есть самый тягучій и самый ковкій изъ всѣхъ металловъ; о всеобщемъ употребленіи его и говорить не нужно.

Составы, образуемые соединеніемъ веществъ простыхъ, не-металлическихъ.

1. *Вода*. Жидкость безъ запаха, безъ вкуса, безцвѣтная, образуемая соединеніемъ $88\frac{90}{100}$ частей кислотвора и $11\frac{10}{100}$ частей водотвора, по вѣсу, или 2-хъ частей кислотвора и 1-й водотвора по объему ихъ. Сія жидкость, которую

Digitized by Google

вообще можно назвать окисломъ водопивора, есть вещество самое необходимое для человѣка. Хотя ее вообще рѣдко видимъ чистую, но причинѣ соляныхъ веществъ, которыя она растворяетъ въ нѣдрахъ и на поверхности земли, но въ крашеньѣ, если примѣсь посторонних частицъ не весьма велика, и цвѣта красокъ не самые нѣжные, это не мѣшаетъ, тѣмъ-же болѣе въ другихъ употребленіяхъ. Впрочемъ, есть многія средства очищать воду. Одно изъ самыхъ простыхъ: пропускание сквозь угольный порошокъ. Если вода соединена съ солями известковыми, надобно прибавлять въ нее немного поташу. Для красильщиковъ можно нагрѣвать воду съ прибавкою малаго количества опрубей, а когда она закипитъ, слѣдуетъ подложить немного кремортаршару, и потомъ снимать нечистую пѣну, но при семъ очищеніи въ водѣ все еще остается много посторонняго.

Вода служитъ мѣриломъ сравнительной тяжести твердыхъ и жидкихъ тѣлъ. Для узнанія относительной плотности разныхъ жидкостей, дѣлаются особые стеклянные инструменты, называемые *ареометры*, или *волчки*: они тѣмъ менѣе погружаются въ жидкость, въ которую они опущены, чѣмъ она плотнѣе. Такіе *волчки* дѣлаются и для узнанія спиртовыхъ жидкостей, кои легче воды; волчками-же узнаютъ плотность кислотъ и соляныхъ растворовъ, которые тяжеле воды.

Digitized by Google

Вотъ простое средство узнать достаточную для крашенья чистоту воды: надобно наблюдать, разводитъ-ли она совершенно мыло, не оставляя нераспустившихся комковъ или шариковъ, ибо кусочки сіи показываютъ, что въ водѣ есть части земнистыя, которыя соединяясь съ мыльнымъ масломъ, образуютъ нераспускающіеся комки.

2. *Аммоніакъ.* Вещество воздухообразное, соединеніе двухъ частей водопвора и одной азота. Аммоніакъ употребляется въ промышленности; разведенный водою, онъ имѣетъ сильныя щелочныя свойства и большое сродство со всѣми окислами. Нѣкоторыя изъ соединеній его съ кислотами употребляются въ крашеньѣ, о чемъ мы будемъ говорить особо. Здѣсь скажемъ только, что аммоніакъ есть естественное произведеніе, происходящее отъ разложенія животныхъ веществъ, и что его можно доставать перегоняя въ колбѣ роговыя вещества, мясо или кости.

Здѣсь надобно-бъ было объяснить соединеніе водопвора съ хлоромъ; но поелику сей составъ имѣетъ свои отличительныя свойства, которыя дѣлаютъ его похожимъ на кислоты, то мы будемъ говорить объ немъ при кислотахъ.

Окислы (oxides).

Выше объяснено, что такъ называются соединенія кислопвора съ сожигаемыми тѣлами, такія, которыя не имѣютъ кислаго вкуса. Многія сожи-

Digitized by Google

гаемыя не-металлическія тѣла одарены свойствомъ окисляться, также какъ и металлы, между прочимъ: сѣра, фосфоръ, уголь и азотъ. Мы видѣли, что самая вода есть сосставное тѣло, образующееся отъ соединенія кислотвора и водотвора.

Металлическіе окислы весьма многочисленны. Объяснимъ здѣсь важнѣйшіе.

Квасцовая земля (alumine) есть окислъ металла алюминія, и одна изъ основныхъ частей соли, извѣстной подъ именемъ *квасцовъ*. Она бываетъ сладка на вкусъ; вода разводитъ ее, но не растворяетъ, и при дѣйствіи огня она теряетъ и самую дѣлимость свою. Во всѣхъ глинистыхъ земляхъ находится она въ большомъ количествѣ.

Магнезія, окислъ металла магнезія, земля бѣлая, не прозрачная, не разводимая водою. Соединеніе оной съ хлоромъ употребляется для бѣленья тканей, которыя назначаются въ набивку.

Известь, окислъ кальція: одно изъ самыхъ распространенныхъ въ природѣ веществъ. Очищенная огнемъ отъ угольной кислоты, съ которою она обыкновенно бываетъ соединена, известь идетъ на многое. Ее соединяютъ съ хлоромъ и употребляютъ для бѣленья; известь имѣетъ свойство щелочей въ высокой степени.

Сода или окислъ Содія, есть щелочной окислъ, который употребляется въ крашеньѣ, будучи соединенъ съ различными кислотами. Со-

Digitized by Google

ду извлекаютъ изъ морскихъ растеній, а наиболѣе изъ *содоваго серборачника*, или *соды травы*, сожигая сіе растеніе, и суша потомъ, пока пепелюша произведетъ тѣсто изъ золы, которое отъ охлажденія дѣлается комками. Доспаютъ также соду пережигая (кальцинируя) смѣсь сѣро-кислой соды, негашеной извести и угля. Но какимъ-бы образомъ ни извлекали соду, она всегда бываетъ нѣсколько обугленная, и ее отдѣляютъ отъ газа угле-кислаго, всегда съ нею соединеннаго, смѣшивая съ равною частію негашеной извести и разводя въ водѣ, которой вѣсъ въ 15 или 20 разъ превосходитъ вѣсъ смѣси. Тогда известь вбираетъ въ себя газъ угле-кислый, отсѣдаетъ на дно, и сода остается растворенная въ водѣ. Сода вкусомъ горька, жгуща и весьма щелочна. Въ видѣ окисла, то есть, когда она не соединена ни съ какою кислотою, сода соединяется съ маслами, жиромъ, и составляетъ вещество, называемое *мыломъ*. Составъ сей производится при возвышенной температурѣ. Бѣлыя и пестрыя Марсельскія мыла суть соединеніе оливковаго масла и соды. Ихъ производятъ вливая по немногу въ кипящее масло содовый щелокъ, и когда уже составъ сдѣлается довольно мыловатымъ, отдѣляютъ вываренный щелокъ, и сливаютъ остальное въ деревянныя формы. Сода употребляется еще въ чистомъ состояніи красильщиками для раствора

Digitized by Google

кубовой краски, въ холодныхъ сосудахъ. Сода кладется туда обугленная; но какъ вмѣстѣ съ нею кладутъ и извесшку, то кислота ея переходитъ въ извесшку, и сода дѣлается чистою.

Поташъ, или окислъ потассія, вещество бѣлое, легкое, весьма ѣдкое, имѣющее въ высочайшей степени всѣ свойства щелочей, и сильно привлекающее къ себѣ влажность и газъ кисло-угольный изъ воздуха. Поташъ добываютъ изъ дерева, выщелачиваніемъ водою древесной золы, выпариваніемъ изъ нея щелока и каленіемъ осшатка въ печахъ. Изъ этого выходитъ вещество въ видѣ обугленномъ и есть поташъ, который мы видимъ въ торговлѣ. Смѣшивая его съ негашеною извесшкою, разведенною водою, доводятъ поташъ, такъ же какъ и соду, до чистоты. Поташъ весьма употребителенъ для бѣленья и крашенья; но какъ его употребляютъ обыкновенно въ соединеніи съ какою либо кислотою, то мы будемъ о немъ говорить особо, объясняя соли, которыя онъ образуетъ. Поташъ, подобно содѣ, можетъ въ соединеніи съ жирными шѣлами составить мыло, но поташное мыло всегда бываетъ мягко; отъ него не льзя, такъ какъ отъ содоваго, отдѣлить вываренный щелокъ, но надобно варить и выпаривать, пока смѣсь достигнетъ нѣкоторой крѣпости. Придаютъ ей достаточную степень твердости прибавкою небольшаго количества смолы,

Digitized by Google

или соле-кислой соли, также морской соли во время варки; но тогда образуется настоящее содовое мыло, ибо кислота морской соли обращается на поташъ, и основанія оной соединяются съ жирными веществами, почему такое мыло можетъ быть также отдѣлено отъ щелока, какъ и обыкновенное содовое.

Марганецъ образуетъ четыре окисла, но только перекись, чернаго цвѣта, употребляется въ крашеньѣ. Сей окиселъ, смѣшанный съ тремя частями морской соли и двумя сѣрной кислоты, служитъ для приготовленія хлора, употребляемаго въ бѣленьи. Вмѣсто сѣрной кислоты и соли, можно употребить пять частей солевой кислоты на одну часть окисла.

Желѣзо образуетъ три окисла: бѣлый, если онъ влаженъ или оводненъ, черный и красный. Всѣ они весьма употребительны въ крашеньѣ, но всегда въ соединеніи съ какими либо кислотами; пространнѣе объяснится въ описаніи солей желѣзнаго основанія.

Олово образуетъ два окисла: бѣлый и черный, также употребляемые для крашенья въ соединеніи съ кислотами.

Мѣдь образуетъ два окисла: зеленый и буро-черный, употребляемые для крашенья въ соединеніи съ разными кислотами. Также почно употребляются три *свинцовые* окисла; соли свинцовыя особенно употребительны; *висмутъ* и

Digitized by Google

шпіаутеръ, въ видѣ солей, могутъ успѣшно служишь для крашенья.

Кислоты (acides).

Кислоты суть вещества почти всегда находящіяся въ жидкомъ состояніи; вкусъ ихъ кисель и острь, и онѣ превращаютъ въ красный цвѣтъ большую часть синихъ растительныхъ цвѣтовъ, имѣютъ великое сродство съ щелочами, землями или окислами металлическими, собственно такъ называемыми; составы, которые производятъ они, соединяясь съ сими основаніями, называются *солями*. Мы означаемъ здѣсь главнѣйшія кислоты, имѣющія основаніемъ своимъ простыя вещества, и извлекаемыя изъ растительныхъ или животныхъ веществъ. Всѣ кислоты пріемлютъ свойство кислотности отъ избытка кислотвора, и изъ всѣхъ тѣхъ, о которыхъ мы будемъ говорить, только *соляная* (гидро-хлоровая) *кислота* составляетъ исключеніе, ибо основаніе оной (хлоръ) соединено съ водотворомъ.

Сѣра образуетъ *двѣ* кислоты, употребляемыя въ крашеньѣ: *газъ сѣрно-кисловатый*, получаемый отъ медленнаго сожиганія сѣры, или разложенія сѣрной кислоты животными веществами въ колбѣ; симъ газомъ бѣлятъ шерсть и шелкъ. Другая кислота идетъ на множество различныхъ употребленій, просто сама по себѣ и въ соединеніяхъ: это жидкость густая, жир-

Digitized by Google

ная, и въ двое тяжеле воды. Обыкновенная въ торговлѣ *сѣрная кислота* сего рода показываетъ около 66° по ареометру Боме. Ее добываютъ сожигая сѣру въ свинцовой комнатѣ, куда въ тоже время впускаютъ воду и селитрованый газъ; сей газъ передаетъ свой кислотворъ сѣрноватой кислотѣ, отъ сожженія сѣры являющейся, и производитъ съ водою сѣрную кислоту, просто называемую *купоросным масломъ*.

Газъ угле-кислый производится сожиганіемъ угля, т. е. соединеніемъ сего тѣла съ кислотворомъ, и хотя онъ самъ по себѣ неупотребляется въ крашеньѣ, но его должно замѣтить, ибо онъ составляетъ важный предметъ въ броженіи; сей газъ является отъ разложенія животныхъ и растительныхъ тѣлъ.

Азотъ, соединяясь съ кислотворомъ, производитъ двѣ кислоты: *газъ кисло-селитроватый* и *газъ кисло-селитряный*, которые содержатъ въ себѣ разныя количества кислотвора. Кислоселитряный добывается съ водою, есть жидкость безцвѣтная, въ полтора раза тяжеле воды, представляющая сильныя качества кислотъ, разлагающая собою вещества растительныя и животныя, красящая ихъ въ желтый цвѣтъ, и имѣющая особенный, непріятный запахъ; она разлагается медленно отъ солнечнаго свѣта, который извлекаетъ кислотворъ, въ видѣ газа, а находящійся въ водѣ обращаетъ

Digitized by Google

въ газъ селитрованый, отъ чего жидкость окрашивается въ желтый и въ темный цвѣта.

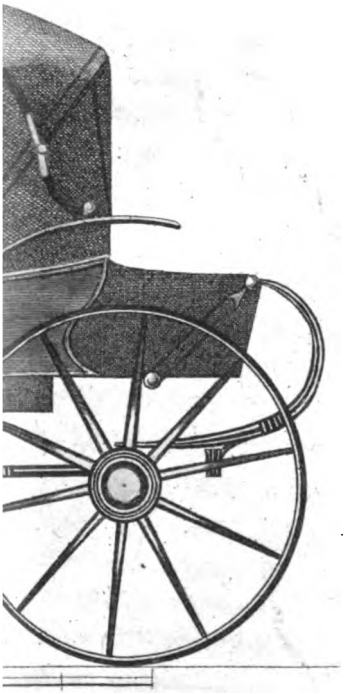
Селитрянная кислота весьма употребительна въ крашеньѣ, и посредствомъ ее производятъ разные металлическіе растворы олова, свинцу, висмута, желѣза и даже цинка. Обыкновенно, дѣйствія оной на сіи металлы сопровождаются изверженіемъ газа селитрованаго, происходящимъ отъ разложенія части селитрянной кислоты, которая уступаетъ нѣкоторое количество кислорода металлу. Сію кислоту добываютъ соединяя селитрокислый поташъ, т. е. селитру обыкновенную, съ сѣрною кислотою, которая соединяется съ поташемъ, и извергаетъ селитрянную кислоту въ видѣ бѣлаго пара; посредствомъ стеклянныхъ трубокъ сей паръ идетъ въ бутыли съ водою, въ коей и вмѣщается. Дабы произошло соединеніе сѣрной кислоты и селитры, надобно немного подогрѣть ихъ.—Кислота селитрованая, есть газъ желтаго цвѣта, вкуса крѣпкаго и запаха удушающаго.

(Будетъ продолженіе)

При семъ № Прибавленія находится *изображеніе модная экипажа*, которыя въ Парижѣ называютъ: *дрожки*. Парижане переняли его у насъ, но сдѣлали по своему, и нестроной экипажа, кажется, хотѣли сохранить въ немъ признакъ сѣвернаго вкуса.

Digitized by Google

g. Прив. Моск. Тел. 1829.



Digitized by Google

NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Digitized by Google

Digitized by Google

Къ Л. № Моск. Тал. 1829.

Digitized by Google

№ 10. Май

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

КУЗЕНЕВА КУРСА
ИСТОРІИ ФИЛОСОФІИ,

Лекція первая.

Мм. Гг.

Въ будущемъ году намѣренъ я ввести васъ въ Грецію, и изложить вамъ ту изумляющую Философію, которая зовется именемъ Платона и представляетъ все глубокомысліе ума человѣческаго, всѣ прелести воображенія. Но ни одна система не вразумительна, сама по себѣ взятая; умъ проницательный и точный не можетъ опредѣлительно показать всѣ слѣдствія той или другой системы, не рѣдко укрывающіяся даже отъ основателей ихъ ученія. И что значатъ начала безъ послѣдовательныхъ заключеній? Всякая система только тогда совершенно вразумительна, когда въ ней открываются всѣ слѣдствія, выводимыя изъ ея началъ. На оборотъ, невозможно вполнѣ знать системы, не зная ея происхожденія и ученій, ей предшествовавшихъ. Такъ Платона не возможно

Digitized by Google

выразумѣть безъ послѣдователей его, Неоплатоников; шѣмъ менѣе онъ вразумителенъ безъ его предшественников, Гераклита и Пиѳагора. Посему, желая болѣе проникнуть Философію Платона, я изложу всю эпоху Исторіи Философіи, къ которой она принадлежитъ.

Сказанное объ одной системѣ относится и къ различнымъ эпохамъ Исторіи Философіи. Дѣйствительно, эпоха есть не иное что, какъ владычество одной великой системы, имѣющей системы предшествовавшія и послѣдовавшія, коихъ знаніе необходимо для познанія ея самой; и если свести Исторію Философіи въ небольшое число эпохъ, то, для познанія одной изъ нихъ, нужно знать всѣ прочія, съ ихъ взаимными отношеніями.

По симъ причинамъ я почитаю необходимымъ въ началѣ курса занять васъ приготовленіемъ къ полному изложенію Философіи Платоновой и Философской эпохи, къ которой она принадлежитъ именно, обозрѣніемъ всѣхъ эпохъ Исторіи Философіи. Безъ сомнѣнія, я въ семъ изложеніи буду краткокъ; но, при всей краткости, обо всемъ будетъ упомянуто. Прежде всего надобно приготовить очертаніе; за симъ послѣдуетъ окончаніе картины и постепенное обозрѣніе различныхъ эпохъ Исторіи Философіи. Такимъ образомъ разсмотрѣны будутъ всѣ задачи, какія

Digitized by Google

предлагать себѣ умъ человѣческій въ различныя времена и въ различныхъ ученіяхъ. На высотахъ науки и Исторіи откроется моя цѣль, мои намѣренія; тамъ возблеститъ звѣзда, долженствующая озарить пространный путь, намъ предлежащій, при изученіи и изслѣдованіи Исторіи Философіи. Короче, въ будущемъ году займемся Платономъ и Греціею; въ нынѣшнемъ — человѣчествомъ и всеобщею Исторіею Философіи.

Можетъ быть, Мм. Гг., инымъ покажется странно, что я Исторію задачъ ума человѣческаго и Философскихъ ученій принимаю не за простое исчисленіе произвольныхъ мечтаній; что по моему мнѣнію, Философія не есть произведеніе суемудрія, а необходимое развитіе существенной потребности мысли. На сей предметъ обратимъ наше вниманіе. Дѣйствительно, Философія не есть-ли изложеніе мечтаній, родившихся въ умахъ нѣкоторыхъ людей, послѣ распространившихся ихъ примѣромъ, или она есть дщерь человѣчества? Принадлежитъ-ли она токмо Платону и Аристотелю, или самому разуму человѣческому? Не есть-ли она роскошь разума, или основаніе ея заключается въ естествѣ человѣческомъ? Посему, имѣетъ-ли она мѣсто въ ряду знаній человѣческихъ и ея Исторія можетъ-ли быть наукою? Изслѣдованіе сего предварительнаго вопроса будетъ предметомъ нынѣшней бесѣды. Мы должны убѣдиться въ томъ, что вы

Digitized by Google

спеклись сюда не изъ суетнаго любопытства, а я не по одному только навыку, но что мы хотимъ вмѣстѣ удовлетворить возвышенной потребности духа, нераздѣльной съ мыслію человѣческой и столько-же существенной, сколько существенны потребности другихъ наукъ.

Какъ скоро человѣкъ пріобрѣтаетъ познаніе себя самаго, онъ уже находится въ мірѣ чудномъ, непріязненномъ, котораго законы и явленія, по видимому, противорѣчатъ его существованію. Для противодѣйствія, онъ одаренъ разумомъ и волею. Онъ существуетъ единственно при условіи предвѣдѣнія сихъ законовъ и явленій; они разрушили-бы его существованіе, если-бы онъ не могъ наблюдать оные, измѣрять ихъ дѣйствіе и вліяніе. Помощію разума, постепенно развивающагося и въ точности направляемаго, человѣкъ познаетъ видимый міръ; помощію воли, онъ измѣняетъ сей міръ и преобразуетъ: населяетъ пустыни, искапываетъ рѣки, изглаждаетъ горы; короче, въ продолженіе вѣковъ, онъ свершаетъ всѣ сіи чудеса, коимъ мы болѣе не изумляемся, по привычкѣ къ могуществу своему и его дѣйствіямъ. Мм. Гг.! кто первый измѣрилъ пространство, его окружавшее, сосчиталъ предметы, вокругъ его находившіеся, замѣтилъ свойства ихъ и дѣйствія, тотъ положилъ основаніе наукамъ Физико-Математическимъ. Кто первый преодолѣлъ препятствія въ

Digitized by Google

удовлетворенія потребностей жизненныхъ, плодъ произвелъ промышленность. Соедините вѣка и труды поколѣній: вы получите въ итогѣ все, что мы нынѣ видимъ. Науки Физико-Математическія суть побѣды, одержанныя умомъ человѣческимъ надъ тайнами природы; промышленность есть побѣда, одержанная волею надъ силами сей природы. Міръ въ томъ состояніи, въ какомъ вступилъ его человѣкъ, былъ ему чуждъ; міръ же въ томъ видѣ, въ какомъ представляютъ его науки Физико-Математическія и промышленность, есть міръ, сходный съ человѣкомъ, имъ самимъ преображенный. Обозрите окрестъ себя — вездѣ вы встрѣтите себя самихъ; вездѣ найдете болѣе или менѣе измѣненный видъ разума и воли человѣческой. Природа до человѣка содержала вещи, существуя безъ значенія. Человѣкъ преобразилъ вещи, ознаменовалъ оныя личностью своей, возвысилъ до значенія представителей разумѣнія и воли своей, и сообщилъ имъ часть своей самобытности. Міръ въ первоначальномъ состояніи былъ предметомъ труда человѣческаго; все значеніе его заключалось въ возможности того употребленія, какое изъ него сдѣлалъ человѣкъ. Благороднѣйшее назначеніе человѣка, въ отношеніи его къ міру, состоитъ въ уподобленіи окружающей природы себѣ самому, въ преобразованіи оной, въ запечатлѣніи ея разумѣніемъ своимъ и волею. Промышленность, повто-

Digitized by Google

римъ, есть торжество человѣка надъ природою; она предъ изобрѣтательностію ума стала безсильною и преобразилась: это твореніе новаго міра, не имѣющее никакихъ предѣловъ, кромѣ могущества мысли; конецъ сего творенія можно себѣ представить только въ совершенномъ превращеніи природы въ человѣчество. Подробности сего разсматриваетъ Политическая Экономія; она слѣдуетъ за успѣхами промышленности, нераздѣльными съ успѣхами наукъ Физико-Математическихъ.

Думаю, Мм. Гг., что никто не станетъ обвинять меня въ несправедливости разсужденія наукъ Физико-Математическихъ и Политической Экономіи. Вопросимъ только: развѣ нѣтъ другихъ наукъ, кромѣ Физико-Математическихъ? Развѣ Политическая Экономія одна занимаетъ разумѣніе наше, и уже-ли только въ промышленности усматривается наше могущество? Всѣ сіи предметы имѣютъ одно и тоже основаніе — пользу. Слѣдовательно вопросъ перемѣнится въ другой: одно-ли полезное составляетъ потребность естества нашего, единственную идею, на которую сводятся всѣ прочія идеи разумѣнія; уже-ли только съ этой стороны разсматриваетъ человѣкъ всѣ вещи и только полезнаго въ нихъ ищетъ? Нѣтъ; извѣстно, что между дѣйствіями, происходящими отъ различныхъ сношеній людей между собою, есть такія, кото-

Digitized by Google

рыя, кромѣ пользы или вреда, предсшавляюшъ намъ другую сшорону, именно сшорону справедливосши, или несправедливосши. Вошъ новый предмешъ изслѣдованій, сшоль-же дѣйсшвишельный, какъ и первый, изъ кошираго получаюшся новыя слѣдсшвія, сшоль-же вѣрныя, какъ первыя, и еще болѣе удивишельныя.

Идея справедливосши есшь чесшь и слава природы человѣческой. Человѣкъ скоро замѣчаешъ ее, но замѣчаешъ, какъ молнію во мглѣ спрасшей: сія идея въ его очахъ безпресшанно уничшожаешся безпорядкомъ спрасшей и прошивуположныхъ желаній. Такъ называемое первоначальное, есшесшвенное общесшво есшь сосшояніе воинсшвенное, гдѣ владычесшвуешъ право сильнаго и гдѣ правосудіе попираешся ногами спрасши. Не смошря на это, идея правосудія поражаешъ умъ человѣка; она ошвѣшсшвуешъ внушреннему его гласу: скоро осуществленіе оной спановишся непреодолимою пошребносшью — и, какъ на идеѣ полезнаго образовалъ онъ новую природу, послѣ, вмѣсшо общесшва первоначальнаго, безпорядочнаго, на идеѣ справедливосши, онъ шворишъ новое общесшво. Правосудіе осуществленное есшь государсшво, кошираго назначеніе сосшоишъ въ охраненіи идеи справедливосши. Опсюда новое общесшво, граждансное и полишическое, коширое есшь не иное чшо, какъ правосудіе, приведенное въ дѣйсшвіе посред-

Digitized by Google

ствомъ закона. Здѣсь не разсматривается безконечное разнообразіе элементовъ человѣка, бывшихъ жертвами безпорядка въ обществѣ первоначальномъ; не разсматривается человѣкъ во всей цѣлости: но здѣсь наблюдается человѣкъ въ отношеніи къ идеѣ правосудія и неправосудія, т. е. какъ существо, могущее совершить неправосудное, или подпасть оному, въ дѣйствіяхъ свободной воли. Отселѣ рождаются всѣ обязанности и всѣ права. Единственное, законное право состоитъ въ требованіи уваженія справедливыхъ дѣйствій воли; единственная обязанность въ гражданскомъ обществѣ есть уваженіе свободной воли другихъ. Посему правосудіе состоитъ во взаимномъ охраненіи воли человѣческой. Государство не ограничиваетъ воли, какъ иные говорятъ; напротивъ, оно развиваетъ волю человѣка и утверждаетъ. Сверхъ того, въ обществѣ первоначальномъ люди необходимо различны, и по нуждамъ, и по чувствованіямъ, и по способностямъ тѣлеснымъ, умственнымъ, нравственнымъ; но въ государствѣ и предъ закономъ, гдѣ люди принимаются за лица, или существа, одаренныя разумомъ и волею, всѣ равны; потому что воля всѣхъ одинакова и равна себѣ самой. Посему равенство есть только принадлежность воли, служащей основаніемъ законнаго порядка въ мірѣ политическомъ, который есть также твореніе ума человѣческаго, болѣе удивительное

Digitized by Google

въ сравненіи съ первоначальнымъ обществомъ, нежели міръ промышленности въ сравненіи съ міромъ видимымъ.

Но разумѣніе наше идетъ еще далѣе. Неоспоримо также, что внѣшніе предметы и дѣянія человѣческія, при всемъ своемъ безконечномъ разнообразіи, представляющіеся то полезными или вредными, то справедливыми или несправедливыми, сверхъ сего могутъ казаться прекрасными или безобразными. Идея изящнаго столь-же нераздѣльна съ умомъ человѣческимъ, какъ идея полезнаго и правосуднаго. Вопросите себя при взглядѣ на необозримое и спокойное море, или на цѣпи горъ; при воззрѣніи на мужественное или прелестное лице мужчины или женщины; при размышленіи о поступкѣ великодушія. Человѣкъ, пораженный идеей изящнаго, объемлется ею, оплодѣляетъ, распространяетъ ее, развиваетъ, очищаетъ въ мысли своей, и, помощію сей идеи внушенной внѣшними предметами, онъ снова изслѣдуетъ сіи предметы, находитъ оные при вторичномъ воззрѣніи нисшими въ сравненіи съ тою идеей, которую онъ посредствомъ ихъ пріобрѣлъ. Какъ благотворныя силы природы представляются намъ въ смѣшеніи съ явленіями ужасными и гибельными, въ коихъ онѣ скрываются отъ взоровъ нашихъ, или какъ правосудіе и добродѣтель подобны быстрой молніи во мглѣ первоначальныхъ обществъ: такъ въ мірѣ обра-

Digitized by Google

зовъ естественныхъ изящество предоставляется намъ подъ нѣкимъ покровомъ. Необозримое море, высокая гора, или другими словами, необъятная вода и груда камней, рождаютъ темный, сбивчивый, неполный образъ идеи безконечнаго. Изящнѣйшій предметъ въ мірѣ и прелестнѣйшее изображеніе имѣютъ свои недостатки. Какъ много на это дѣйствуетъ вещественность! Но и великій подвигъ, высочайшее и чистѣйшее изящество, ближе разсматриваемый, представляетъ также несовершенство. Вообще все дѣйствительное смѣшенно и несовершенно. Всякое дѣйствительное изящество, въ какомъ-бы родѣ ни было, ничто предъ идеаломъ, въ немъ изображающимся. Что-же дѣлаетъ человѣкъ? Что онъ дѣлаетъ, Мм. Гг.? Обновивъ природу и общество промышленностью и законодательствомъ, онъ передѣлываетъ предметы, породившіе въ немъ идею изящнаго, и передѣлывая по сей самой идеѣ, образуетъ оные несравненно изящнѣйшими. Не останавливаясь на разматриваніи идеала, онъ творитъ для сего идеала новую природу, въ которой красота отражается разительнѣе, нежели въ природѣ первоначальной. Красота искуства столько-же превосходитъ красоту естественную, сколько человѣкъ превосходитъ всю окружающую природу. Не должно думать, что сія красота мнимая; ибо высочайшая истина содержится въ мысли; что наиболѣе истинно, что

Digitized by Google

лучше отражаетъ мысль: посему произведеніе искусства гораздо истиннѣе, нежели произведенія естественныя. Міръ искусствъ или изящный столько-же истиненъ и дѣйствителенъ, сколько дѣйствительнѣе міръ политическій и міръ промышленности. Подобно симъ мірамъ, міръ изящный есть дѣло разума и воли человѣка: тамъ преобразуются необузданныя страсти и своенравная природа; здѣсь—грубыя, естественныя красоты.

Представьте себѣ существо, которое взирало-бы на первые дни вселенной и человѣка, которое видѣло-бы землю послѣ сотворенія ея Создателемъ и всѣ красоты сихъ вешнихъ дней; которое смотрѣло-бы на прелестные образы природы, слышало-бы очаровательные погдашніе звуки—короче, существо, взиравшее на міръ первобытный, и которое явилось бы нынѣ среди чудесъ законовъ, наукъ и искусствъ: въ изумленіи, могло-ли-бы оно узнать прежнее обиталище человѣка, куда какъ-бы низошло высшее твореніе и преобразило всю землю?

Но и сей міръ, преобразованный могуществомъ человѣка; сія природа, обновленная по его образу; сіе общество, устроенное по идеѣ справедливости; сіи чудеса искуства, коими услаждается жизнь, еще не удовлетворяютъ человѣка. Мысль его стремится за предѣлы міра, имъ устрояемаго и украшаемаго; человѣкъ, при всей высокости разума, постигаетъ бытіе высшаго могуще-

Digitized by Google

сила, проявляющагося въ произведеніяхъ своихъ, въ природѣ и человѣчествѣ, Существа, о которомъ повѣдаютъ творенія его, которое вся собою исполняетъ, въ которомъ исповѣдуемъ независимость и всемогущество. Человѣкъ, заключенный въ предѣлы сего міра, все видитъ въ образахъ онаго; но и въ сихъ самыхъ образахъ предполагаетъ онъ необходимое пребываніе сущности, причины и начала всѣхъ силъ и всѣхъ преобразованій, замѣченныхъ имъ въ себѣ самомъ и въ мірѣ. Короче, за предѣлами наукъ и искусствъ, человѣкъ постигаетъ Творца вселенной, вездѣсущаго и промысломъ своимъ все содержащаго. Творецъ безъ творенія для чувственнаго человѣка непостижимъ; твореніе безъ Творца для мысли человѣка есть непонятная загадка, а для сердца тяжкое бремя.

Исповѣданіе Творца, внѣ міра сущаго, но въ мірѣ являющагося, составляетъ естественную религію. Человѣкъ не остановился на первоначальномъ мірѣ, на первобытномъ обществѣ, на первородныхъ красотахъ: такъ не останавливается онъ и на религіи естественной. Дѣйствительно, естественная религія, или стремленіе мысли къ Творцу за предѣлы творенія, есть какъ-бы молнія быстрая и кратковременная въ естественной жизни человѣка — молнія, освѣщающая душу его, подобно идеѣ изящнаго, справедливаго или добраго, полезнаго или истин-

Digitized by Google

наго. Въ мірѣ вещественномъ все стремится омрачить, погасить, истребить религіозное чувствованіе. Что-же дѣлаетъ человѣкъ? Тоже, что дѣлалъ прежде въ отношеніи къ міру видимому, обществу и красотамъ естественнымъ: по силѣ преобладающей въ немъ новой идеи, онъ творитъ иной міръ, отличный отъ видимаго, къ которомъ, отдалясь отъ всѣхъ прочихъ существъ, онъ живетъ жизнію божественною и тѣсно Всемогущему причастенъ. Вотъ, сей-то міръ религіи составляетъ Вѣру. Чувство религіозное было-бы безсильно, если-бы остановилось на простомъ созерцаніи; все сильное требуетъ раскрытія, осуществленія: и Вѣра есть раскрытіе, осуществленіе религіознаго чувствованія; она въ сравненіи съ религіею естественною тоже, что искусства, науки, законы въ сравненіи съ естественною красотою, съ міромъ видимымъ, съ первобытнымъ обществомъ. Торжество религіознаго созерцанія заключается въ созданіи Вѣры, равно какъ торжество идеи изящнаго заключается въ созданіи искусства и торжество идеи справедливости въ созданіи государствъ. Вѣра, озаренная Откровеніемъ, превыше міра существеннаго: во первыхъ назначеніе ея состоитъ въ воззваніи человѣка къ Богу, между тѣмъ какъ природа внѣшняя приковываетъ слабое человѣчество къ землѣ, отвлекая отъ неба; во вторыхъ, она поразительнѣе изображеніемъ дѣлъ божественныхъ; въ третьихъ, она

Digitized by Google

всегда съ нами пребываетъ, когда какъ въ мірѣ видимомъ для бренныхъ очей нашихъ божественность поглощается вещественностію. Вѣра, своимъ единствомъ, ясностію и пребываемостію сильнѣе взываетъ человѣка къ Создателю, нежели міръ видимый. Сія побѣда надъ жизнію обыкновенною выше побѣдъ, прославленныхъ нами въ законахъ, наукахъ и искуствахъ.

Какимъ-же образомъ, Мм. Гг., Вѣра столь дѣятельно взываетъ человѣка къ Создателю? Вообще представленіемъ темныхъ отношеній человѣчества и природы къ Богу, въ образахъ внѣшнихъ, въ изображеніяхъ живыхъ, въ символахъ. Созиданіемъ вѣры, человѣчество возносится надъ всѣмъ вещественнымъ; но симъ достигаетъ-ли оно послѣднихъ предѣловъ? Здѣсь истина, всѣ отношенія человѣка и природы къ Богу облечены въ священные символы религіи. Но мысль можетъ-ли остановиться на символахъ? Она, созерцавши Творца въ его твореніи, созидаетъ вѣру, гдѣ вновь срѣщаетъ обожаемаго Создателя. Иногда человѣкъ останется при символахъ и какъ-бы видитъ въ нихъ то, чего собственно символы не содержатъ, или что содержатъ они косвенно и сравнительно; тогда теплота вѣры замѣняетъ размышленіе. Не смотря на сіе, религіозныя чувствованія не составляютъ конечнаго развитія разумѣнія. Человѣкъ, обожая символъ, чувствуетъ потребность отдать себѣ отчетъ въ обожаніи.

Digitized by Google

Но отдать себѣ отчетъ, Мм. Гг.; дѣло весьма важное. Какимъ образомъ отдаемъ мы себѣ отчетъ? Единственно разложеніемъ того, въ чемъ отчетъ отдаемъ, и преобразованіемъ въ чистыя понятія, кои послѣ разумъ изслѣдуетъ и произноситъ судъ объ ихъ истинѣ или ложности. И такъ, за чувствованіями религіозными слѣдуетъ размышленіе; языкъ вѣры, проникнутый восторгомъ, есть Поэзія; языкъ размышленія — Діалектика: тутъ открывается новый міръ, за предѣлами міра символовъ и религій. Въ тотъ день, когда человѣкъ въ первый разъ сталъ размышлять, родилась Философія. Философія есть не иное что, какъ размышленіе, въ связи и порядкѣ возвышенное до степени методы. Ни одна истина не принадлежитъ Философіи исключительно, но всѣ истины ея собственность; ибо ея долгъ отдать отчетъ во всѣхъ истинахъ, изслѣдовать оныя и преобразовать въ идеи!

Идеи суть самыя мысли въ ихъ естественномъ образѣ. Онѣ могутъ быть истинныя или ложныя, болѣе или менѣе раскрытыя; но всѣ онѣ имѣютъ то общаго, что для мысли совершенно вразумительны и для понятія не требуютъ никакого посредства. Иногда идеи имѣютъ нужду въ извѣстномъ порядкѣ; но различныя ихъ соединенія не измѣняютъ значенія; онѣ имѣютъ различныя степени; на степени высшей, равно какъ и на высшей, сохраняютъ свойство свое, имен-

Digitized by Google

но свойство быть божественнымъ изображеніемъ мысли. Очевидно, что мысль понимаетъ себя и только собою. Въ изслѣдованныхъ нами областяхъ размышленія мысль встрѣчала себя и собою себя понимала; она понимала себя вѣрнѣе или не столь вѣрно, смотря потому, въ какихъ образахъ себя созерцала; высшее ея разумѣніе тамъ, гдѣ она сама себѣ становится предметомъ.

Здѣсь достигаетъ мысль предѣла своего; ибо мысль прейдти себя не можетъ. Къ сему предѣлу она необходимо стремится; жаждетъ изучить себя въ своемъ существѣ; пока не достигаетъ сего предѣла, ея развитіе несовершенно. Слѣдовательно, Философія есть полное развитіе мысли. Безъ сомнѣнія, способы развитія мысли бываютъ совершенные и недостаточные, равно какъ и различныя исповѣданія, законы, системы наукъ, произведенія искусствъ. Не смотря на сіе, Философія, подобно религіи, законамъ, наукамъ и искусствамъ, есть дѣйствительная потребность разумѣнія, необходимое слѣдствіе не одного какого-либо ума, но всего человѣчества и постепеннаго развитія мыслящей способности. Недовольные Философіей да осуждаютъ человѣчество и его Творца. Но, вмѣсто осужденій, лучше подивимся высокому назначенію своему, являющемуся въ разумѣ, которой, вездѣ и всегда тихо себя наблюдая, себя постигаетъ.

И такъ, Мм. Г., идеи составляютъ собствен-

Digitized by Google

но предметъ Философіи. Не должно думать, что мы вѣримъ идеямъ по сходству ихъ съ представленіями; онѣ, будучи невидимы, именно себя самихъ представляютъ. Существенное свойство ихъ то, что онѣ понятны; однѣ онѣ только вразумительны; онѣ, безъ нашего вѣдома, въ томъ или другомъ видѣ, насъ убѣждаютъ. *Философія есть міръ идей;* она послѣднее торжество мысли человѣческой и высшая степень разумѣнія надъ послѣдовательными степенями промышленности, законодательства, искусствъ.

Испытайте, Мм. Гг., измѣнить изложенный порядокъ послѣдовательныхъ степеней разумѣнія: вы сами убѣдитесь въ невозможности. Безъ промышленности, или безъ нѣкотораго противодѣйствія міру внѣшнему, равно безъ законодательства, или безъ подчиненія страстей законамъ, безсильно дѣйствіе мыслящей способности; невозможно, чтобы размышленіе предшествовало восторгу, а Философія искусствамъ. Художникъ, начиная быть Философомъ, уже болѣе не художникъ. Такъ въ святыхъ образахъ религіи и поученіяхъ вполнѣ содержится истина; но всѣ ея истины облечены таинственностью. Религія обращается къ сердцу, ему говоритъ она и его убѣждаетъ; анализъ и Діалектика не могли предшествовать символамъ и таинственности; послѣднее усиліе мыслящей способности есть умозрѣніе, озаренное Откровеніемъ.

Digitized by Google

Идеи безъ сомнѣнія темны для чувственности, воображенія и сердца; ибо чувственность ощущаетъ только внѣшніе предметы; воображеніе имѣетъ попребность въ представленіяхъ, сердце въ чувствованіяхъ. Очевидность внѣшняя утверждается единственно условіемъ другой очевидности внутренней, рождающейся отъ размышленія, очевидности философической. Посему *Философія есть наука наукъ*; отрицать превосходство Философіи надъ всѣми прочими науками, значитъ отрицать превосходство размышленія надъ всѣми прочими дѣйствіями мыслящей способности. Съ превосходствомъ Философіи соединяется и ея терпимость. Дѣйствительно, она есть высшее разумѣніе, конечное объясненіе всѣхъ вещей: и потому можетъ-ли она чему-либо враждовать? Философія не враждуетъ на промышленность, а напротивъ излагаетъ ей начала и приготовляетъ основанія для ея произведеній. Философія не враждуетъ законамъ; напротивъ она возводитъ оные на высшую степень духа законовъ. Философія не обрѣзываетъ крыльевъ искуству; напротивъ слѣдуетъ за нимъ, измѣряя его силы и цѣль. Изъ религіи заимствуетъ Философія могущественныя внушенія и пользуется ея святыми изображеніями и поученіями, преобразуя истины ея въ собственное существо и образы; она озаряетъ темныя чувствованія религіозныя, разоблачаетъ символы и возвышаетъ таинственность на степень чистаго разума.

Digitized by Google

Всѣ изслѣдованныя нами области мыслящей способности, Мм. Гг., равно точны, необходимы, и въ преемственной послѣдовательности своей составляютъ цѣлое, жизнь человѣчества. Свойство сихъ потребностей есть проявленіе каждой изъ нихъ въ особенности. Не рѣдко встрѣчаемся борені сихъ стихій человѣчества; но истинное любомудріе должно оныя сближать и мирить. Вы, Мм. Гг., не услышите съ сей каѳедры словъ непріязненныхъ для чего-либо добраго, истиннаго и изящнаго. Пора Философіи, вмѣсто составленія особаго ученія, обнять всѣ ученія. Таковъ духъ новой Философіи, и сего должно ожидать отъ просвѣщенія девятнадцатаго столѣтія.

Юноши, намѣревающіеся внимать урокамъ Философіи! любите все *истинное, доброе, изящное;* это основаніе Философіи! Она облекаетъ сію любовь въ свои образы. Не отставайте отъ хода естественныхъ наукъ и промышленности; поучайтесь въ нихъ стремленію воли и разума къ преобладанію надъ міромъ чувственнымъ. Изучайте законы отечественные—и симъ изученіемъ воспламеняйтесь любовію къ Монархамъ, оные даровавшимъ. Въ Искусствахъ и Словесности приобрѣтайте восторгъ ко всему изящному. Воспитанные въ Вѣрѣ Христіанской и укрѣпленные ея возвышеннымъ ученіемъ, въ истинной Философіи, съ объясненіемъ и разумѣніемъ ученія, вы обрѣтете ненарушимое спокойствіе душевное. Духъ време-

Digitized by Google

ни требуетъ, чтобы мы ничего не отвергали безъ причины, принимали-бъ все съ поняшіемъ: таковъ долженъ быть характеръ юношества. Постараюсь въ преподаваніи быть вѣрнымъ исполнителемъ сихъ требованій.

Мм. Гг.! Въ нынѣшній день я старался показать, что Философія есть необходимая, постоянная и непреоборимая потребность разума человѣческаго; я показалъ сіе быстрымъ обозрѣніемъ главныхъ потребностей разума. Въ слѣдующій разъ намѣренъ доказать сію-же самую истину другимъ образомъ: мы разсмотримъ разумъ человѣческій въ его очевидномъ изображеніи—въ Исторіи. Исторія, Мм. Гг., покажетъ намъ, что Философія, какъ необходимая потребность разума, проявлялась во всѣ эпохи человѣчества и сопутствовала ему во всѣхъ его развитіяхъ. Это будетъ предметомъ слѣдующей бесѣды.

Digitized by Google

НОЧНЫЯ МЫСЛИ

О ЖИЗНИ, СМЕРТИ И БЕЗСМЕРТІИ.

Э. Юнга.

(Окончаніе ночи 1-й).

Всегда, повсюду, въ каждой смертныхъ долѣ
Какъ горестна о прошломъ счастьи мысль!
О мысль, рушитель моего покоя!
Сквозь тѣсныя минувшихъ дней врата,
Ведомая безмолвіемъ и мракомъ,
Она выходитъ тайно, какъ убійца,
Скитается, несчастный странникъ, въ прошломъ
Тамъ горестей неутомимо ищетъ,
Находитъ тамъ пустыню, разрушенье
И радостей усопшихъ тѣни видитъ.
Я о богатствѣ прошлыхъ дней тоскую,
Надъ блеклыми ушѣхъ цвѣтами плачу,
О благахъ, прежде милыхъ, трепещу,
И каждое мнѣ горько наслажденье.
Почто скорбѣть? скорбѣть лишь о себѣ?
Для одного-ль меня сіяетъ солнце?
Я-ль только смертный? Ангелы-ль иные?
О всѣхъ грущу я: доля всѣхъ одна!
За всякимъ, въ видѣ томъ или другомъ,
Судьба участокъ укрѣпила муки;
Всякъ земнородный бѣдствія наслѣдникъ.
Зараза, гладъ, раздоры, брань, огнь, бури
И угнѣтенье, съ сердцемъ облеченнымъ

Digitized by Google

Трикраты мѣдью, испытуютъ смертныхъ.
Тамъ человѣкъ, подобіе Творца,
Въ шмѣ рудниковъ забылъ, какъ свѣтитъ солнце;
Тамъ онъ, безсмертный, какъ его владѣлецъ,
Къ веслу по смерть прикованъ, пашетъ волны
И съ нивы сей отчаянье сбираетъ;
Иные въ брани за Владыкъ жестокихъ
Послѣднихъ силъ лишенны и увѣчны,
На нищету осуждены, и въ царствѣ
Чрезъ нихъ спасенномъ, просятъ подаянья.
Тамъ бѣдность и, собравъ ея, недугъ
Въ безпомощной свирѣпствуютъ толпѣ
И гробъ въ пріютъ желанный претворяютъ!
Сколь многіе, стеная, мрутъ въ больницахъ!
Сколь многіе стенаютъ о больницѣ!
Иной, средь нѣги вскормленный форшуной,
О хладномъ ближнихъ молитъ состраданьи,
И молитъ (мыслишь тяжело!) вотще!
О вы, ушѣхъ питомцы! утомившись
Отъ посѣщеній модныхъ, отдохните
Въ жилищѣ бѣдствій; накормите алчныхъ,
И легче вамъ сносить избытокъ будетъ.
Но нѣтъ! вы низкимъ чтите все благое.
И пусть-бы сихъ лишь угнетало горе!
Оно разитъ какъ благость, такъ и мудрость:
Недуга зло воздержныхъ постигаетъ,
Не винныхъ кара, и въ глуши укромной
Не безопасенъ отъ тревогъ міръ.
Какъ намъ зловредна часто осторожность!
Какъ гибельна малѣйшая безпечность!
Намъ быть защитой счастіе безсильно,
Желаннаго не властны дать желанья.

Digitized by Google

И какъ, почти всегда, предметъ желаній
Далекъ отъ общей всѣхъ ихъ цѣли, счастья!
Гладчайшій путь здѣсь тернами обиленъ,
Другъ лучшій часто намъ вредитъ невольно.
О, сколько бѣдствій даже безъ несчастья!
Какія брани безъ враговъ! а сколько
Враговъ имѣетъ лучшій изъ людей!
Но безконеченъ счетъ всѣхъ золъ: скорѣе
Намъ вздоховъ, чѣмъ причины ихъ, не станетъ.
Сколь малая земнаго круга доля
Населена! Осталокъ есть пустыня,
Пески иль море, скалы, степи, льды,
Чудовищъ, яда, змѣй и смерти область.
Таковъ земли сей видъ. Увы! онъ образъ,
Вѣрнѣйшій образъ жизни человѣка.
Такъ божескія наши наслажденья
Окружены пространнымъ царствомъ зла,
Гдѣ брань яримся, бѣдствія бушуютъ,
Язвятъ смертельно горести и страсти
И поглощаетъ все судьбы пучина.
Что-жь я, столь дерзко о себѣ скорбящій?
И въ мужествѣ мы помощью чужою
Живемъ, и въ дѣтствѣ. Благость—человѣку
Урокъ природы первый и послѣдній;
Своекорыстный золъ своихъ достоинъ;
Но возвышаютъ бѣдствія мудрѣйшихъ:
Самопознанье укрощаетъ муку.
Съ разсудкомъ вмѣстѣ мнѣ велитъ оно
Другой источъ избрать скопленнымъ мыслямъ:
Дѣлясь, слабѣетъ горести потокъ.
Прими-же, свѣтъ, мой долгъ тебѣ, слезу!
О, сколь печаленъ видъ земнаго счастья

Digitized by Google

Для всѣхъ, чей взоръ проникнуть можетъ далѣ!
О вы, чье сердце плаваетъ въ восторгахъ!
Желаешь-ли, чтобъ я хвалилъ твой жребій?
Желаешь вѣрно: гордость жаждетъ хвалъ —
Такъ пусть-же гордость мнѣ твоя простишъ
Цѣлебное напоминанье дружбы.
Счастливецъ бѣдный! слѣпотой счастливъ ты,
Безумствомъ къ долгой присужденъ улыбкѣ;
Знай, гибелью своей ты веселишься,
И радости тебѣ задашокъ муки;
Несчастіе есть злой заимодавецъ:
Оно возвыситъ плату за отсрочку,
Оно бичемъ прошекшаго блаженства
Разитъ тебя немилосердо станешъ.
Тебя лелѣетъ счастіе, Лоренцо!
Ты сердцемъ жадно пьешь Сирены пѣсни!
Ты дорогъ мнѣ! Не гнѣвайся: упрочишь,
Не омрачишь твою хочу я радость.
Не помышляй, что страхъ священъ для бури,
Не довѣряй улыбкѣ льстивой рока.
Ужасно-ль небо въ гнѣвѣ? Несомнѣнно;
Но въ милости оно ужасно также;
Его дары суть только испытанье,
Не увольненье отъ забошъ, зовъ къ долгу;
Они должны стращить насъ, какъ и бѣдствa,
Учишь насъ знать начало ихъ и цѣль,
И трепеща наградъ незаслуженныхъ,
Тушишь огнь крови, укрощаешь восторги —
Иль ихъ объятья наши умерщвляютъ,
Нѣтъ! ихъ творятъ тяжеле всякихъ бѣдствій.
Былая радость какъ вражда друзей,
Какъ люшая междоусобья брань,

Digitized by Google

Съ неслыханной разитъ намъ сердце злобой.
Спрашись того, что счастьемъ здѣсь зовется,
И радостей чуждайся преходящихъ:
Кто не на вѣчномъ зиждетъ основаньи,
Тотъ смерть своимъ готовитъ наслажденьямъ.

Мои съ тобою умерли, Филандръ!
Твой вздохъ послѣдній уничтожилъ чары,
И красота земли исчезла. Гдѣ
Ея всѣ грады? Гдѣ златыя горы?
Все дикая пустыня, слезъ юдоль:
Волшебникъ умеръ. Бѣдная горсть праха!
Какая въ день единый перемѣна!
О, какъ наградой долго-жданной льстила
Тебя надежда! Какъ ты величался,
Самодовольный! Какъ гордился, близкій
Къ желанной цѣли! И тогда незримый
Зародышъ смерти, разростаясь въ мракѣ
Мечтамъ твоимъ со злобой насмѣхался,
И поѣдалъ ужь червь прелестный цвѣтъ,
И палъ онъ мига одного добычей.

Предусмотрѣнье лишь условно мудро.
Лоренцо! Мудрость иногда въ безумство
Тогда-жь преходитъ, какъ о ней родится
Надменная въ насъ мысль. Какъ слабъ нашъ взоръ!
Ему лишь видѣнъ настоящій мигъ;
Мигъ будущій, какъ судный день, скрытъ въ мракѣ.
Мы проникаемъ и пророчимъ тщетно:
Часпицами шечетъ къ намъ время; рокъ
Часпицѣ каждой, прежде чѣмъ она
Сольется съ жизнью, запрешилъ подъ клятвой
Повѣствовать, гдѣ вѣчности начало.

Digitized by Google

Возможное возможно каждый мигъ:
Въ часахъ сей жизни нѣтъ часовъ завѣтныхъ.
Какая-жъ мысль смѣлѣе и надменнѣй
На *завтра* нашей дерзостной надежды?
Гдѣ наше завтра? Въ томъ, не въ здѣшнемъ мірѣ.
Сіе для многихъ вѣрно; никому
Противное не вѣрно. И на семъ
Обманчивомъ сколь часто «можетъ быть»
Какъ на скалѣ гранитной созидаемъ
Своихъ надеждъ мы, предпріятій горы,
Какъ будто все здѣсь вѣчно; созидаемъ,
И падаемъ, ихъ созидая, въ гробы.
И для Филандра саванъ не былъ сшитъ.
Предвѣстья Небо не дало! Сколь много
Не такъ готовыхъ гибнетъ такъ нежданно,
По предвѣщаньяхъ многихъ, все нежданно!
Спрашись изъ золъ послѣдняго, Лоренцо!
Спрашись кончины медленно внезапной!
О, какъ сія нечаянность ужасна!
Будь мудръ сегодня; отлагать безумно:
Насшавшій день умчится за прошекшимъ,
За нимъ другой — и позабыта мудрость!
Тать времени — отсрочка: годъ за годомъ
Она уноситъ, и умчатся всѣ,
И на случайность одного мгновенья
Всей вѣчности удѣлъ намъ оспается.
Сіе не странно, ибо повседневно,
Но тѣмъ страннѣй такая повседневность.
Грубѣйшее изъ нашихъ заблужденій
Есть мысль, что жить еще такъ долго намъ,
Что рождены еще мы такъ недавно.
Мы льстимъ себѣ и нѣкогда мечтаемъ

Digitized by Google

Умнѣе быть; а гордость отъ похвалъ,
Хошь отъ своихъ лишь собственныхъ, расшетъ,
И будущій мудрецъ собой доволенъ:
Тогда-то жизнь! Когда-же? Никогда!
Все, что у насъ изъ времени, безумству,
Что у судьбы, то мудрости дается.
Мы замысламъ даемъ дѣяній тишло;
Не презирать глупцовъ — не глупость вовсе:
Едва-ль и мудрость властна сдѣлать больше.
Обѣтами, медлители, богаты
Во весь свой вѣкъ мы; въ молодости, правда,
Самодовольны, дремлемъ мы безпечно,
И, какъ сыны усердные, отцамъ лишь
Ума и большей мудрости желаемъ;
Лѣтъ въ тридцать мыслимъ: не подобны-ль мы имъ?
Познавъ то въ сорокъ, измѣняемъ планъ;
Бранимъ свои отсрочки въ пятьдесятъ;
Потомъ съ усильемъ твердымъ, на благое
Рѣшаемся, рѣшенья измѣняемъ
И умираемъ — таковы, какъ жили.
А все за тѣмъ, что человѣкъ считаетъ
Себя безсмертнымъ, смертными всѣхъ прочихъ.
Промчится-ли надъ нимъ судьбы перунъ
И ужасомъ его наполнитъ сердце —
Такая сердца язва въ насъ, какъ слѣдъ
Стрѣлы, пронзившей невредимый воздухъ,
Какъ слѣдъ орлиныхъ крылъ въ лазури неба,
Какъ отъ весла бразда на Океанѣ.
Насъ мысль о смерти покидаетъ вмѣстѣ
Съ слезою грусти, съ сей природы данью
Въ гробъ милыхъ падшей въ часъ разлуки вѣчной.
Могу-ли я забыть Филандра? Нѣтъ!

Digitized by Google

О сердце, полное печали! Дай я
Спенаньямъ волю, мнѣ не станешъ ночи,
И жавронокъ мои услышитъ вопли.
Онъ пробуждаетъ звучнымъ гласомъ ушро;
Въ груди, язвимой шерніемъ жестоко,
Во шмѣ я пѣснью услаждаю горесть
Тебѣ подобно, Филомелѣ; звѣздъ,
Прошу, какъ шы вниманья, и вошще:
Онѣ швоимъ внимаютъ лишь напѣвамъ.
Но не гордись: иные есшь пѣвцы,
Ихъ гласъ плѣняетъ позднее пошомсшво.
Одѣшый мглою, плѣнникъ шмы, во шмѣ
Восторговъ ихъ я вшорю изліянья,
Мученія шѣмъ сердца заглушая;
Мнѣ чувсшва ихъ досшупны, но не пламень.
О если-бъ, мрачный, хошь и не слѣпецъ,
Какъ Меонидъ, иль Мильшонъ, шы, имѣлъ я
Вашъ гласъ, иль швой, соперникъ Меонида!
Ты человѣка пѣлъ; лешя за жизнь
Безсмершнаго пою я человѣка.
Чшо-жь днесь и важно, если не безсмершье?
О, если-бъ шы избралъ сей пушь высокій,
Изъ царсшва мрака въ вѣчный день ведущій!
О, если-бъ шы на пламенныхъ крылахъ
Взлешѣлъ шуда, ошколѣ пасшь я долженъ:
Безцѣннымъ міръ сокровищемъ владѣлъ-бы
И шщешнаго шруда не предпріялъ я!

Съ Англ. М. Вронченко.

Digitized by Google

МОЛЕНІЕ.

Въ моемъ страданьи безпокровномъ,
Ты мнѣ и радость и покровъ:
Въ быту земномъ, въ странѣ гробовъ,
Въ быту и тѣсномъ и условномъ,
Ты подаешь душѣ покой,
И расточаешь, втайнѣ, радость.
Неизглаголанную сладость,
Подъ Отческой Твоей рукой,
Осиротѣлый ощущаю;
О, Боже! Боже мой! Скажи,
Куда идти мнѣ? Я не знаю!
Темно! Опасно! . . . Укажи,
Куда лежитъ моя дорога?
Здѣсь ни вождя, ни свѣта нѣтъ!
Но духъ мой слышитъ голосъ Бога:
« Я вразумлю и дамъ совѣтъ,
Не будь лишь твердъ и крутонравенъ,
Какъ конь бунтующій въ уздѣ,
И скромный путь твой будетъ равенъ,
И за тобой пойдетъ вездѣ
Мое взирающее око. »
О, Боже! Боже! Поспѣши!
Мнѣ сладокъ Твой обѣтъ высокой:
Будь Царь, будь вождь моей души!

Ѳ. Глинка.

Digitized by Google

МѢШОКЪ СЪ ЗОЛОТОМЪ

(Русская быль).

Мы плохо знаемъ Русскія деревни: и не диво! Мы проѣзжаемъ въ нихъ, рѣдко гостимъ, никогда не живемъ. Есть-ли время наблюдать, спрашивать, записывать, если наблюдатель скачетъ на почтовыхъ, подлѣ грязной станціи кричитъ только что: *скорѣе, скорѣе*, и въ лаковую карету свою требуетъ только подорожную? О скакунахъ *по казенной надобности* и говорить нѣчего. Путешественники наши ѣздятъ по городамъ, а въ городахъ обѣдаютъ у воеводъ, пьютъ чай у предводителей, и въ пятьдесятъ графъ своихъ статистическо-географическихъ описаній вставляютъ свѣдѣнія о посѣвахъ и жатвахъ, на угадъ сказанныя, которыя могли-бы они отыскать въ Петербургѣ. Капитаны-Исправники, не всѣ мастера наблюдать нравы и обычаи, умѣютъ подписывать только свои имена. А помѣщики? Да, они живутъ не въ городахъ иногда, но и не деревняхъ. Будто *псарня*—деревня, будто *господскій домъ*—деревня! Тотъ худо знаетъ бытъ нашихъ помѣщиковъ, кто на-

Digitized by Google

зовешъ его *деревенскимъ*. Правда, есть разница между жизньемъ помѣщика въ городѣ и въ деревнѣ: въ деревнѣ подчиваютъ васъ шиповкой, а не Шампанскимъ, возятъ гулять между полями, засѣянными хлѣбомъ, и до смерти надоѣдаютъ вамъ разсказами о жатвахъ и покосахъ, но— шутъ и кончилось все деревенское! Тотъ-же босконъ послѣ обѣда, тѣ-же слуги съ шарелками за обѣдомъ, тѣ-же концерты, которые надоѣли вамъ въ городѣ, тѣ-же кузины, тетушки и матушки, тѣ-же шляпки и чепчики, гувернёры и моськи, которыхъ вы видали въ городахъ зимою. Иногда помѣщикъ захочетъ показать вамъ деревенскую простоту: прикащикъ сгонитъ на барскій дворъ *мужиковъ* и *бабъ*, господинъ дастъ имъ поцѣловать ручку, велитъ пѣть, плясать, кланяться, и дозволяетъ напиться до пьяна.

Узнаете-ли деревню въ такомъ деревенскомъ быту? Повторю, что сказалъ: *мы не знаемъ Русскихъ деревень*. Наши сказочники рѣдко попадаютъ на правду: они списываютъ большею частію не свое, а всего скорѣе ничего не пишутъ о Русскихъ деревняхъ. Отъ того, мы представляемъ себѣ ихъ и хуже и лучше, нежели каковы онѣ въ самомъ дѣлѣ. Бульварный романистъ розовою водою разрисуетъ вамъ счастье, милое, беззаботное веселье Русскаго пастушка, нѣжную подружку его, сельскую красавицу, а чиншель

Digitized by Google

его, когда ѣхавши по большой дорогѣ въѣзжаешь въ Русскую деревню, тонешь въ грязи или колотишься по деревянной мостовой, видишь два ряда однообразныхъ, запачканныхъ или выбѣленныхъ хижинъ, нѣсколько колодцовъ по обѣимъ сторонамъ, пестрыя перила вокругъ дворовъ, толпу народа у питейнаго дома, сельскихъ красавицъ въ понявахъ и сарафанахъ, совсѣмъ не поэтическихъ, когда за ними бѣгутъ общипанные, босые мальчишки и просятъ милостыни... признайтесь, что читателю идиллій розоваго романиста Русская деревня кажется недостойною красокъ и лиры, а розовое описаніе просто враньемъ? Но и бульварный романистъ и читатель его равно ошибаются.

Нѣтъ! Не въ господскій домъ, не на почтовыхъ и не по большой дорогѣ надобно вамъ ѣхать. Посохъ въ руки, далѣе въ сторону отъ пыльной дороги, въ лѣсъ, въ поле: тамъ Русская деревня; идите въ ту деревню, вокругъ которой нетронутые ни исправникомъ, ни помѣщикомъ, стоятъ огромные стога сѣна, а на гумнахъ скирды хлѣба торчатъ какъ сахарныя головы и желтѣютъ отъ лучей заходящаго солнца; мѣльница стучитъ, и колдунъ-мѣльникъ насыпаетъ возы хлѣба; тучныя, беззаботныя стада бродятъ вокругъ. Для чего толпу людей подлѣ Бахусова храма вводишь съ характеристику Русской деревни? Это шалуны, повѣсы дерев-

Digitized by Google

ни: этотъ народъ вездѣ водится. Я поведу васъ лучше къ мірской избѣ, гдѣ люди бывалые, какъ лунь сѣдые, и зажиточные крестьяне толкуютъ и судятъ *міромъ* и *съ міромъ*, важно, чинно. Не презирайте ихъ совѣта: дѣло большое занимаетъ ихъ. Батюшкѣ-Царю понадобились люди: у него война за святую Русь съ басурманомъ съ Французомъ, съ Шведомъ, и они гадаютъ кому чередъ на Царскую службу, они разстаются съ дѣтьми, съ родными. Пойдемъ въ церковь ихъ, простую, благолѣпную, посмотримъ на ряды крестьянъ, вглядимся, какъ тихо, внимательно слушаютъ они слово Божіе, какъ усердно, въ простотѣ сердца, кладутъ земные поклоны. Святость религіи живо почувствуете вы только въ сельской церкви, гдѣ умъ покоренъ вѣрѣ, гдѣ жизнь безвѣстная, начинаясь крещеніемъ въ храмѣ, кончится въ немъ-же, и тихій крестъ дѣдовской могилы виденъ юному внуку изъ оконъ хижины его. Не бойтесь грубаго балахона и зипуна крестьянскаго: подъ ними часто бьется сердце золотое, доброе, горячее. Русскій крестьянинъ говорливъ, словоохотенъ: поговорите съ нимъ, спросите у него; не пугайтесь его неученаго выговора, его невылощенныхъ фразъ: вы найдете въ нихъ умъ свѣжій, простой и, нерѣдко, сильный. Крестьянки Русскія не пастушки Аркадскія, но какъ часто вы увидите на щекахъ ихъ розы, въ сердцѣ найде-

Digitized by Google

ше сильныя страсти, услышите рѣчь умную и смышленную. Подите въ деревню вечеромъ, въ праздникъ, когда хороводы ихъ, издалека видимые, пестрѣютъ на зелени луга: до сердца Русскаго долетятъ звуки ихъ родной, унылой пѣсни; они напомнятъ ему безвѣстную красавицу, погибшую отъ любви къ милому другу, добраго молодца, который не пережилъ красной дѣвицы....

Нѣтъ, друзья мои, я знаю Русскихъ крестьянъ, я живалъ, говаривалъ съ ними, просиживалъ вечера въ ихъ бесѣдахъ, въ ихъ хороводахъ, слыхалъ многое, что западало мнѣ въ душу и оставалось въ памяти. У нихъ свой міръ, свои повѣрья, свой умъ, свои недостатки и добродѣтели. Дай мнѣ перо Ирвинга, Цшокке, я разсказалъ-бы вамъ много, много такого, что стоило-бы разсказа о нашихъ городскихъ красавицахъ, Швейцарскихъ пастухахъ и Шотландскихъ горцахъ. И какъ мнѣ жаль, что я не могу изобразить вамъ настоящаго быта Русскихъ крестьянъ, ихъ жизни, нравовъ, обычаевъ! И въ деревняхъ также горятъ страсти, также любятъ, также бываютъ счастливы и тоскуютъ, какъ въ бѣлокаменной Москвѣ и въ позолоченномъ Петербургѣ. Тамъ есть свои богачи, свои бѣдняки... Кстати, послушайте: мнѣ пришла теперь въ голову *быль* Русская, простая, неукрашенная: я разскажу вамъ, какъ она случи-

Digitized by Google

лась. Мой разсказъ не выдумка. Въ Москвѣ многіе помнятъ еще эту быль и не дадутъ мнѣ солгать. Я выведу вамъ Русскихъ крестьянъ, буду говорить ихъ языкомъ, и—приношение моему неумѣнью, если простой разсказъ мой вамъ не понравится.

Въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ отъ Москвы жилъ былъ въ одномъ большомъ селѣ крестьянинъ... назовемъ его *Ѳедосей*, сынъ крестьянина Панкратья; имени дѣда онъ почти не помнилъ, а прадѣдовой и могилы не зналъ: крестъ съ нее свалился, она вросла въ землю и сравнялась съ землею. Фамилій у крестьянъ нашихъ почти не бываетъ; развѣ изрѣдка привяжется къ кому нибудь изъ нихъ кличка *долгорукаго*, *немазанаго*, *сухаго*, *хромаго*. Горожане спрахъ какъ дорожатъ такими кличками, а въ деревняхъ этого обычая не водится. И такъ просто *Ѳедосей Панкратовъ*, жилъ и поживалъ въ своемъ большомъ домѣ, молился Богу, любилъ жену, любилъ дѣтей (Богъ далъ ему трехъ сыновъ) и мало зналъ горя и кручины. Добрые люди говорили, что Богъ благословилъ Ѳедосея за его добродѣтель, его гостепріимство и радушіе ко всякому. Въ самомъ дѣлѣ: у Ѳедосея всегда бывали отворены ворота для проѣзжаго и прохожаго. Принималъ онъ ласково, сыто вѣсилъ честно, овесъ мѣрялъ съ верхомъ, кормилъ сытно, и за все бралъ дешевле другихъ.

Digitized by Google

Съ проходящихъ-же Ѳедосей ничего не бралъ, а иногда, видя хвораго, который пащился на родину изъ Москвы, гдѣ работалъ въ поштѣ лица и ошкуда вмѣсто деньжонокъ несъ пустую котомку, Ѳедосей дастъ бывало еще бѣдняку на дорогу хлѣба и гривенникъ, а иного, ѣдучи по пути, довезетъ до ближней деревни, и за все требуетъ одного: *помолись за* Ѳедосея! Если-же шелъ странникъ, или шла странница, въ Кіевъ, или въ Соловки, Ѳедосей всегда бывало пошлетъ на свѣчку. Онъ любилъ и погулять съ пріятелями, но не въ кабакѣ: людъ у него собирался почетный; выборные, сотскіе, самъ староста бывало обнимаются съ Ѳедосеемъ, и увѣреніямъ въ дружбѣ, спасибамъ за хлѣбъ за соль конца нѣтъ. Ѳедосей живалъ на добрую стать: только у него и у старосты въ цѣломъ селѣ были самовары, и когда бывало поразгуляются гости, то самоваръ и на столъ, и пока осушатъ его, воды не жалѣютъ; чай пивали у него всѣ гости съ сахаромъ, въ прикуску, и многіе, жалѣя сахара, уносили кусочекъ его домой ребятишкамъ, а желтую воду, которую называли чаемъ, выпивали такъ, просто. По самоварамъ что-ли, у старосты съ Ѳедосеемъ было особое душевное сродство и пріятельство. Ѳедосей радовался этому, и не безъ причины: при сына, молодецъ къ молодцу, росли у него; у старосты была дочь—заглядѣнье, и наслѣдница всего до-

Digitized by Google

бра. Сколько увивалось вокругъ нея молодёжи, сказать трудно! Но красавица Груня ни на кого не смотрѣла. Старостна Филаретъ, отецъ ея, высматривалъ, выглядывалъ молодца, хотѣлъ избраннаго принять къ себѣ въ домъ, и вся деревня думала, что Ванюша, младшій сынъ Ѳедосеевъ, будетъ зятемъ старосты.

Но почему такъ думали люди? Надобно признаться, что хотя всѣ сыновья Ѳедосеевы были молодцы статные, видные, добрые и работящіе, но старшій — зашибался хмѣлиной! Богъ знаетъ, откуда привязалась къ нему эта бѣда: кажется, что и въ роду ихъ не бывало пьющихъ. Кто Русской человѣкъ не пьетъ? Но выпить съ радости не бѣда, а пить, чтобъ пьяну быть, это, всякій православный скажетъ, не лучше каршежничества. Что-жъ дѣлать! Бѣда такая случалась съ бѣднякомъ Осипомъ, рѣдко, но все случалась, и иногда Ѳедосей куда грозно высчитывалъ ему худыя слѣдствія его дурной склонности. Осипъ плакивалъ съ горя, крѣпился, давалъ обѣщанія отцу и матери, и опять не могъ устоять противъ искушенія. Особливо проклятыя Московскія рестораціи пуще всего губили Осипа. Бывало Осипъ пріѣдетъ въ Москву, продастъ хлѣбъ, овесъ, живность, и только что зазвенитъ у него деньга въ мошнѣ, откуда ни возмутся *пріятели*, зазовутъ распить полгаленка чаю, разопьютъ: Осипу надобно *поставить* другой,

Digitized by Google

лямъ пивца, и Осипъ начнетъ писать мысленно: «Масляные здоровяки,» прислужники ресторацій, хорошо знаютъ чѣмъ приласкать деревенскаго госпда. Ихъ бѣганье, ихъ обольстительное стучанье тарелками и чашками, ихъ услужливые клики: *ась, ась, ась,* когда госпъ стучитъ повелительнымъ ножикомъ въ мѣдную полоскательную чашку, все это гибель крестьянскому карману, здоровью и счастію. Знаете-ли, что меня всегда грусть беретъ, когда я хожу по Московскимъ улицамъ и вижу, въ растворенныя окошки, добрыхъ нашихъ крестьянъ вокругъ засаленныхъ скатертей въ ресторацiяхъ! Шагу по Москвѣ не ступишь, чтобы не попался вамъ *Лиссабонъ*, *Краковъ*, *Казань*, или рука изъ облаковъ съ подносомъ и чашками, или два самовара, намазанныя по сторонамъ слова: *Растеряцiя.* Я говорилъ-бы каждому посѣтителю ихъ сказать: «Что ты здѣсь дѣлаешь, бѣдняк! «Бѣги домой, стыдись торжественнаго, краснаго лица своего; купи лучше на свой рубль «саекъ домой, обновку женѣ... лучше брось «ихъ въ воду, а не трать въ ресторацiи!»... Но, *пріятели* вѣрно не такъ говорятъ, и не такъ говаривали они Осипу Ѳедосееву. Пріятели въ крестьянствѣ тоже, что въ высшихъ обществахъ картежные игроки: это выжига, подторговщики, кулаки базарные: они бываютъ богатые и бѣдные. Всѣ порядочные люди они

Digitized by Google

души ихъ презираютъ; многихъ можете отличить по щегольскимъ жидовскимъ кафтанчикамъ, по жилету, по галстуху, по подбритымъ волосамъ: но ихъ терпятъ въ деревняхъ, такъ, какъ терпятъ игроковъ наши знатные бояре, графы и князья, съ ними совѣтуются какъ съ людьми опытными. Къ несчастію, часто въ свѣтѣ принимаютъ плутовство и шалости за *опыты*, и испытаннаго въ шалостяхъ и плутовствѣ называютъ въ деревняхъ *бывалымъ*, *тертымъ калачемъ*, *прошедшимъ сквозь огонь и воду*, а въ городахъ *опытнымъ*, *перегорѣвшимъ въ страстяхъ*.

Но я заговорился, и забылъ о чемъ шло дѣло. Разумѣется, что Осипъ не могъ уже нравиться старостѣ и быть суженымъ Груни. Братъ его средній былъ что называютъ у насъ мизантропъ, а въ деревнѣ *нелюдимъ*. Съ измала онъ росъ молчаливый, угрюмый, не ходилъ въ посидѣлки и хороводы, бѣгалъ отъ людей, а въ бесѣдахъ сидѣлъ задумавшись, какъ будто иголку проглотилъ. Отцу нѣчего было на него пожаловаться: Сергѣй былъ притомъ овечка дома и волъ на работѣ. Что-же? Вѣдь не вложишь веселья въ душу, когда она веселиться не хочетъ! Бываютъ ужь такіе не веселые люди съ роду, Богъ знаетъ отъ чего. Такому человѣку дайте чиновъ и почестей, золота и серебра, и добрую жену и всякихъ земныхъ благъ:

Digitized by Google

у него душа все ощипаливаетъ, ей все не мило: хандра, какъ червякъ, точитъ сердце, и напрасно говоришь, что у простыхъ людей ея не бываетъ. Такой нелюдимъ могъ-ли понравиться Грунѣ, веселой, рѣзвой? Сергѣй-же сказалъ отцу своему на отрѣзъ, что никогда не хочетъ жениться. Ѳедосей думалъ, качалъ головою, наконецъ сказалъ: *авось образумится*, и оставилъ попеченіе, тѣмъ болѣе, что Ванюша, третій сынъ его, любимецъ мапушкинъ, былъ и красивѣе обоихъ братьевъ, и ни сколько не походилъ на нихъ.

Вотъ былъ красавецъ и душой и тѣломъ! Русые волосы его кудрявились на головѣ сами собою; румянецъ игралъ во всю щеку, хотя загорѣлое лицо и грубыя руки показывали, что Ванюша былъ не бѣлоручка. Въ самомъ дѣлѣ, никто лучше его не умѣлъ сколотить бороны, обтесать доски, загородить клѣтушки, покрыть соломою навѣса, выпрячь, запрячь и въ ухабѣ сберечь, какъ говоритъ пословица. На покосѣ онъ шелъ всегда въ первой косѣ; вѣрно узнавалъ онъ вёдро и ненастье по примѣтамъ, и ничто изъ рукъ у него не вываливалось. Но бывши первымъ въ работѣ, онъ не былъ вторымъ и на посидѣлкахъ и въ хороводахъ. Когда въ праздникъ выходилъ онъ щеголемъ, въ своей черной поярковой шляпѣ, красной александрійской рубашкѣ, шелковомъ пояскѣ съ серебромъ, въ кафтанѣ на

Digitized by Google

распашку, и шелъ по деревнѣ, то всякой дѣвушкѣ бывала надобность выбѣжать за ворота или выглянуть за окошко: то надобно было подать Христа ради, то надобилось бѣжать къ колодцу за водою, то курицы уходили далеко, то маленькіе брашишки плакали; но что и говорить о причинахъ, когда дѣвушка ихъ сыскиваетъ! Мнѣ кажется иногда, что Богъ замѣнилъ у женщинъ умъ хитростью, и дѣвушки такъ-же бываютъ хитры въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, когда надобно украсть минутку у работы, или провести старушку бабушку или старичка дѣдушку. Я самъ видалъ... но что толковать о старинѣ! Разумѣется, что Ванюша не былъ олухомъ при ласковости своихъ сосѣдокъ. Къ одной подвертывался онъ съ привѣтливымъ словцомъ; другой кланялся; идя мимо трешьей, затягивалъ пѣсенку, въ которой величались ея черные глаза или русые волосы. А глаза Ванюши говорили лучше всякихъ пѣсенъ: этотъ разговоръ понятенъ вездѣ. За то конца не было привѣтствіямъ. «Ванюша, здорово!» раздавался тоненькій голосокъ съ одной стороны.—«Куда ты, Ваня?» говорили съ другой.—«Иванъ Ѳедосеичъ! здравствуй, каково ты живешь? Будешь-ли сего дня у свата Парамона?» спрашивала трешья. А когда въ хороводахъ и на посидѣлкахъ являлся Ванюша, тутъ-то бывало шушуканья у дѣвушекъ. Пѣсню-ли онъ запѣвалъ,

Digitized by Google

голосъ его заливался въ звонкихъ перекатахъ; сказку-ли начиналъ сказывать, прибаушкамъ и присказкамъ счету не было. Дѣвушки смѣялись, хохотали, сердца ихъ бились сильно, сильно, щеки горѣли, глаза сіяли, какъ звѣзды: въ деревняхъ не умѣютъ скрывать сердечнаго чувства. Староста Филаретъ улыбался, поглаживалъ бороду и усы, и толкалъ Ѳедосея, когда Ванюша начиналъ пляску съ Грунею; Ѳедосей гоповъ былъ самъ пуститься въ присядку съ радости, и только что бывало не вымолвитъ: «Ну, братъ, Филаретъ Карпычъ! какова парочка!» Груня шла павою, а Ванюша соколомъ подлеталъ къ ней, и коршуномъ вился вокругъ красавицы.

Но вотъ бѣда! Вдругъ дѣвушки разлюбили Ванюшу, и по дѣломъ: онъ пересталъ имъ кланяться, заигрывать съ ними, зашучивать. Что за спѣсь такая? Какая спѣсь! У Ванюши на сердцѣ зашевелилось что-то напущенное. Онъ сталъ не веселъ, не разговорчивъ, задумывался... ужъ не брашнина-ли хандра на него навязалась? Нѣтъ! онъ разлюбилъ всѣхъ, и полюбилъ *одну*, и такъ полюбилъ, что ему не спалось, ни пилось, ни ѣлось. Это *одна* была Груня, дочь старосты Филарета. Богъ знаетъ отъ чего! Видалъ онъ ее и прежде, и пѣвалъ съ нею, и говаривалъ и плясывалъ, а все не догадывался, что она такая близкая родня его сердцу, что безъ нея свѣтъ не милъ ему, а съ нею только онъ и хорошъ и

Digitized by Google

красенъ. Странное дѣло, что и къ Грунѣ перешла такая-же тоска: она сидѣла дома повѣся голову, сложа руки, и мать не одинъ разъ вспрыскивала ее святою водою, крестила, благословляла, и все было безполезно: Грунѣ не становилось радостнѣе. Дивишься еще тому, что ни Грунѣ Ванюшѣ, ни Ванюша Грунѣ не смѣли сказать словечка, даже стали рѣже сходиться вмѣстѣ, тосковали не видя другъ друга, а если знали, что гдѣ-нибудь могутъ встрѣтиться, то—не шли туда. Еще больше: имъ показалось, что они даже не любятъ другъ друга Если это кажется вамъ невѣроятнымъ, то вы не любили, или любили только половиной сердца. Такова бываетъ любовь настоящая. Дѣвушки! не вѣрьте краснобаю, если онъ вамъ красиво сказываетъ, какъ онъ васъ любитъ, какъ ему ничто не мило безъ васъ! Спросите у меня: я любилъ, я натерпѣлся горя отъ злодѣя сердца, и я скажу вамъ, что тотъ, кому суждено сердце ваше, тотъ сначала покажется вамъ и дикъ, и нелюдимъ; вамъ покажется, будто онъ даже не любитъ васъ, и вы его не любите! Видали-ль вы грозу? Вспомните, что сперва найдетъ черная туча, и все заволочетъ въ глазахъ вашихъ: темно, грустно, тоскливо, а потомъ уже засверкаютъ молніи и покатится громъ, и снова засвѣтитъ солнце. Туча—первая тоска любви; громъ и молнія—любовь сердечная; громомъ и молніей небо цѣлуется съ

Digitized by Google

землею, какъ женихъ съ невѣстою! Но какъ-же это случилось, что Ванюшѣ запала тоска на сердце, когда прежде ея не было? Знаете-ли вы, красавицы, ревность? Если не знаете, не дай вамъ Богъ знать ее, но то горе, что по ней только узнается любовь. Вамъ покажется — не то, что васъ не любятъ — это-бы ничего... но что любятъ другаго или другую! Не-любовь все еще можно снести, можно умереть, и надежда гробовой тишины развѣ не отрада душѣ? А ревность — и за гробомъ не даетъ покоя: каждая улыбка счастливца шевелитъ бѣдный прахъ отверженнаго; грустно, тяжело и въ могилѣ отказаться отъ пріюта, въ которомъ отказало намъ въ здѣшнемъ мірѣ сердце человѣческое.

Вотъ такую-то тяжелую ревность узналъ Ванюша, а съ нею узналъ и то, что онъ—*любитъ* Груню! Когда прежде онъ краемъ уха слыхалъ, что ихъ называли ровней, парочкой, любовь была для него тоже, что жизнь для здороваго: онъ ея и не чувствовалъ; а когда ревность, какъ злая болѣзнь, привязалась къ нему, онъ увидѣлъ, что безъ любви Груниной и свѣтъ Божій не милъ, такъ, какъ въ болѣзни только мы узнаемъ, что жизнь дорога, мила человѣку.

Совсѣмъ нечаянно въ селѣ появился *Москвичъ*: это былъ сынъ одного тамошняго старика, но онъ смолоду ушелъ въ Москву, жилъ въ Москвѣ

Digitized by Google

долго, пропадалъ безъ вѣсти, торговалъ въ овощной лавочкѣ, перекалачивалъ всякою всячиною—и совѣстью, какъ говорили многіе. Этотъ Москвичъ пріѣхалъ въ село, когда услышалъ о смерти старика отца. «Не велико, братъ, твое наслѣдство!» говорилъ ему староста, вводя его въ запустѣвшую отцовскую хижину, бѣдную и закопчѣлую. Но Москвичъ вѣрно зналъ лучше старосты, что у старика водилось добро. Щеголески былъ онъ одѣтъ, весело смѣялся, и вотъ началъ переворачивать старыя вещошки, распечатывалъ и растворилъ сундукъ, на которомъ спалъ и умеръ старикъ, отецъ его, и—какъ изумился староста, когда изъ сундука Москвичъ вынималъ пучки ассигнацій, свертки рублевиковъ, все старинныхъ! По всей деревнѣ заговорили о богатствѣ Москвича; онъ гоголемъ заходилъ по улицѣ, сталъ приторговывать себѣ домъ, началъ ластиться къ дѣвушкамъ. Ванюша пришелъ на бесѣду къ старостѣ, и что-же? Подлѣ Груни сидитъ Москвичъ, говоритъ и смѣется, и Груня разговариваетъ съ нимъ и смѣется; Ванюшѣ показалось, что она и не глядитъ на него! Бѣдный Ванюша! Гдѣ-бы Москвичу такъ плясать, спѣть: но Ванюша сидѣлъ, какъ истуканъ, въ глазахъ у него было темно, голова кружилась, а Москвичъ отличался: языкъ его былъ настоящая трещотка. Онъ не умѣлъ пѣть и плясать, за то разсказывалъ о Москвѣ, о Кремлѣ, объ

Digitized by Google

Иванѣ великомъ, Сухаревой башнѣ, боярскихъ домахъ, садахъ, большомъ Московскомъ колоколѣ—и всѣ его заслушались, зазѣвались! Чего Ванюша не смѣлъ-бы сдѣлать года въ три, Москвичъ сдѣлалъ въ три дня. Онъ увѣрялъ уже всѣхъ, что свелъ Груню съ ума, что сватается уже за нее, что старостна согласенъ... Ванюша не зналъ, что̀ дѣлать: говорить-ли съ Груней, упасть-ли въ ноги къ отцу и матери и просить ихъ родительскаго благословенія? Между нѣмъ другая, тяжкая бѣда была у него на плечахъ.

Если люди говорили, что Богъ благословлялъ Ѳедосея за его добродѣтель, то отъ чего-же вдругъ напасти нашли на этого добраго человѣка? Люди говорятъ, что будто безъ бѣды вѣкъ прожить, значитъ не быть любимцомъ Божьимъ, и что судьбы Божіи испытываютъ человѣка бѣдствіями, чтобы онъ не забывался во всегдашнемъ счастьѣ, и въ бѣдахъ перегаралъ на новое счастье, какъ золото въ горнилѣ. Правда, истинная правда, но правду эту узнаютъ послѣ, а когда горе посѣтитъ человѣка, то куда горько быть съ этимъ гостемъ, и *любимца Божьяго*, бѣдняка, люди страхъ какъ не жалуютъ. Справедливо-ли они поступаютъ, не знаю, знаю только, что когда у человѣка есть гдѣ попировать, есть что занять, то вокругъ него народъ вертится, какъ пчелы вокругъ улья, а когда человѣкъ горемыкой засядетъ безъ хлѣба, то ни

Digitized by Google

одинъ не привернется къ нему, ни одно ласковое слово не приголубитъ его; люди идутъ мимо: бѣдность не ихъ, а Божье дѣло! Иногда, смотря на міръ православный, подумаешь, что въ свѣтѣ только два рода людей: одни, у которыхъ *есть* деньги; другіе, у которыхъ *нѣтъ* денегъ; первымъ все хорошо и ладно, другимъ все плохо и неладно, и эти два разные рода не братья другъ съ другомъ!

Такъ случилось и съ Ѳедосеемъ. Вдругъ ночью, когда всѣ спали, загорѣлся у него домъ, разомъ вспыхнулъ, и едва Ѳедосей и семья его успѣли выскочить. Домъ горѣлъ, какъ свѣча, тушить было нѣкому, потому, что сосѣди опасливали свои домы, а другіе едва успѣвали тушить головешки, которыя разносило по всей деревнѣ. Трубъ пожарныхъ въ нашихъ деревняхъ не знаютъ; правда, у воротъ каждаго дома написано, кому съ чѣмъ бѣжать на пожаръ: иному съ топоромъ, другому съ багромъ, третьему съ ведромъ, да это написано на воротахъ, а не на сердцѣ. Нрытомъ-же люди лѣнивы бѣгать на чужую бѣду. Пока просыпались, зѣвали, спрашивали гдѣ горитъ, жалѣли, словомъ, пока сошелся народъ — на мѣстѣ Ѳедосеева дома было только пожарище, выгоралъ погребъ и торчали черныя вереи воротъ, да печька. Однакожъ, смѣлымъ Богъ владѣетъ: дѣти Ѳедосеевы бросались въ огонь, вынесли благословенную икону, сундукъ, вывели

Digitized by Google

пару лошадей, корову, хотя едва сами не сгорѣли. Ѳедосей не плакалъ, молчалъ, когда народъ шумѣлъ, спрашивалъ отъ чего и какъ загорѣлось, когда каждый отвѣчалъ, разсказывалъ, толковалъ, совѣтовалъ, жалѣлъ. «*Божья воля!*» проговорилъ наконецъ Ѳедосей, съ глубокимъ вздохомъ. Ахъ! онъ посмотрѣлъ на своихъ полунагихъ, обожженныхъ дѣтей, и на душѣ его стало горько.

И вотъ Ѳедосей безъ дома; это-бы еще ничего, но вдругъ открылось, что въ сундукѣ его не было пучка ассигнацій и свертка рублевиковъ, какъ у родителя Москвича. Былъ у него запасъ хлѣба и добра—сгорѣлъ; были долги за разными, но если нѣтъ должнику надежды занять еще, то кредиторъ можетъ поклониться своимъ деньгамъ. Такъ и съ Ѳедосеемъ сбылось: у одного изъ должниковъ его не случилось денегъ, другой обѣщалъ, третій хотѣлъ отдать: никто не платилъ. Нѣчего дѣлать! Пошелъ самъ Ѳедосей занимать. Знаете-ли, что для человѣка, бывшаго богачемъ, ничего нѣтъ тяжеле первыхъ дней его скудости! Еще платье его и лицо не угнетены злодѣйкою-бѣдностію, еще не привыкъ онъ къ униженію, къ безстыдству, съ какою бѣднякъ проситъ, обѣщаетъ, слышитъ отказы, кланяется, а люди уже перемѣнились къ нему совершенно, видятъ въ немъ нищаго, и тѣмъ сильнѣе язвятъ его сердце своими шутками, распросами, самою жалостью своею. По крайней мѣрѣ, такъ все ка-

Digitized by Google

жется бѣдняку. Я увѣренъ, что люди добрѣе, нежели мы о нихъ думаемъ, судя по видимому; но виновне несчастное положеніе всѣхъ предметовъ въ мірѣ: счастливецъ смотритъ на нихъ съ одной стороны, гдѣ свѣтъ, а несчастливецъ съ другой, гдѣ тѣнь; одному свѣтло, другому темно. Бѣдность иногда похожа на преступленіе: не о ней говорятъ, а она краснѣетъ; о ней сожалѣютъ, а она думаетъ, что надъ нею смѣются. Что дѣлать! И вотъ нужда гнетъ бѣдняка по маленьку, пока онъ отучится глядѣть на небо, и станетъ ходить наклонясь къ землѣ, какъ будто ищетъ потеряннаго клада; но клады нынѣ рѣдки на бѣломъ свѣтѣ... гдѣ найдти ихъ? Такъ и идетъ дѣло въ своемъ порядкѣ, пока могила всѣхъ уравняетъ, богачей и бѣдняковъ.

Уже добрыя дѣти Ѳедосея очистили мѣсто пожарища; на деньжонки, которыя успѣли собрать, купили лѣсу, ладили, строили, но еще не доставало многаго, чтобы на мѣстѣ бывшаго большаго дома построить хоть небольшой домишко, вмѣсто тесу покрыть его соломой, и укрыться отъ зимняго холода. Ѳедосей жилъ въ избѣ своего сосѣда, изъ дружбы... Но въ чужомъ углу куда тѣсно жить: и горшокъ щей Ѳедосеевыхъ, какъ будто мѣшалъ горшку щей его хозяина, и хозяйской коровѣ мѣшала корова гостя. Задумавшись, Ѳедосей пришелъ къ старостѣ Филарету, ста-

Digitized by Google

рому другу, съ которымъ часто пивалъ изъ одной кружки. Въ сѣняхъ встрѣтила его Груня, обрадовалась, чуть не заплакала, и Ѳедосей, вспомня былое, также чуть не заплакалъ. «Добрая примѣта,» подумалъ онъ, вошелъ въ свѣтлицу, помолился... черный воронъ, Москвичъ сидѣлъ уже тутъ, и старостa на веселѣ шумно разговаривалъ съ Москвичемъ. «Ѳедюха, здорово! что̀ скажешь, брашище?» проговорилъ староста, поворачиваясь къ Ѳедосею и не вставая. Будто морозомъ обдало Ѳедосея: съ нимъ говорили уже, какъ съ бѣднякомъ; но скрѣпя сердце, онъ хотѣлъ заговорить о постороннемъ: его не сажали, а когда онъ самъ сѣлъ, староста поднялъ бороду къ верху и горделиво промолвилъ: «Аль устaлъ, Ѳедюха? Ты сегодня что-то наряденъ!» — Только тогда Ѳедосей замѣтилъ, что на немъ былъ праздничный, старый кафтанъ его. «Да другаго кафтана не осталось, Филаретъ Карпычъ, и по неволѣ наряжаюсь.» — Плохо, Ѳедюха, скоро износишь, отвѣчалъ староста. — «Тогда выпрошу у нищаго̀ лохмотья или стану грѣться на солнышкѣ: Богъ даромъ даетъ намъ свѣтъ и тепло.»

Оба замолчали. «Мнѣ недосужно, брать, теперь: у насъ, вотъ съ господиномъ-то есть дѣльцо; такъ знаешь лишніе люди мѣшаютъ,» сказалъ староста.—И я было за дѣльцомъ къ тебѣ, Филаретъ Карпычъ... «Да что у насъ съ тобой за дѣла, говори: не въ займы-же вѣдь ты пришелъ

Digitized by Google

просишь?» — Ѳедосей поблѣднѣлъ съ горя. «Не уже-ли,» подумалъ онъ, «на лицѣ у меня уже написано, что я пришелъ къ нему христорадничать!» и въ горести опустилъ голову. Старостa, ничего не замѣчая, началъ говорить о скудости, дороговизнѣ, тяжелыхъ временахъ; Москвичъ *ничего* не говорилъ, но взоры его... ахъ! взоры богача, когда съ бѣднякомъ говорятъ о бѣдности, несперпимы! Въ нихъ высказано все, что человѣкъ таитъ во глубинѣ своего сердца, и откроетъ только въ день Послѣдняго Суда. Когда старостa кончилъ рѣчь, и снова повторилъ свой вопросъ: «Такъ тебѣ видно деньжонокъ надобно?» — Ѳедосей глухо отвѣчалъ: *нѣтъ!* схватилъ шапку, поклонился и ушелъ.

Твердыми шагами дошелъ онъ до пожарища своего, но когда увидѣлъ тамъ дѣтей своихъ работающихъ на жару, въ потѣ лица, когда услышалъ веселую пѣсню, которую пѣлъ Ванюша, едва сдвигая тяжелое бревно силы его оставили; онъ сѣлъ на опрубкѣ и горько зарыдалъ. У крестьянъ чувства грубѣе нашихъ, слабыхъ нервныхъ чувствъ, но когда горесть пробьетъ крѣпкую кожу, потрясетъ сильные мускулы, горесть походитъ на тяжкую лихорадку. Развѣ грубый крестьянинъ не налагаетъ на себя рукъ, не губитъ иногда души своей? Какому-же сильному чувству должно возмутить душу человѣка въ здѣшнемъ мірѣ, когда онъ губитъ ее на вѣки и

Digitized by Google

въ будущемъ свѣтѣ! Будемъ дорожить горестями, слезами крестьянина: слезы его ѣдки, и напечатлѣнное ими никогда не изглаживается передъ Богомъ...

Дѣти Ѳедосея, видя отца своего всегда грустнымъ и унылымъ, не утѣшали его: они не умѣли утѣшать словами; когда Ѳедосей заплакалъ, они перестали только пѣть, и молча работали.

Я скажу вамъ напрошивъ дивное дѣло: съ тѣхъ поръ, какъ сгорѣлъ домъ Ѳедосея, дѣти его совсѣмъ перемѣнились. Сергѣй, всегда задумчивый, угрюмый, вдругъ повеселѣлъ, началъ смѣяться, иногда сидѣлъ долго одинъ, разводилъ руками, что-то говорилъ про себя, крестился, но не грустилъ. Ванюша былъ какъ темная ночь, на другой день послѣ пожара, а на третій такъ сдѣлался веселъ, что мать долго смотрѣла на него и творила молишву. Разскажу, отъ чего все это было.

Принимая участіе въ общей печали, Ванюша еще болѣе сокрушался, когда думалъ, что въ этомъ пожарѣ сгорѣли всѣ его надежды на счастье: онъ сталъ бѣднякомъ! «Что-жъ за бѣда?» говорилъ онъ. «Я молодъ, здоровъ, поле у «насъ не выгорѣло: сыты будемъ; хашу сгово- «шимъ опять, хотя и поменьше, а можетъ, «Богъ благословитъ насъ, еще разживемся лучше «прежняго. Но Груня! Господи Боже мой! ей «ужъ не бывать за мною: она богата, отецъ «ея староста, а я сынъ бѣдняка! И сама Груня

« спанетъ-ли ждать, пока я разбогатѣю? Этотъ « Москвичъ прокляпый оглушитъ отца звономъ « своихъ денегъ, облелѣетъ дочь своими ласковыми « словами... пропала моя голова!» Но тутъ началъ онъ думать, что Груня и не любитъ его, что онъ никогда не былъ ей милъ. Вотъ бѣдный Ванюша ходилъ цѣлый день кручиненъ, печаленъ; куда дѣвалась у него вся охота работать, трудиться. Но отъ чего сдѣлался онъ веселъ на другой день? Если хотите, это маленькая дѣвичья тайна, и я боюсь, чтобы дѣвушки не почли меня болтливымъ, не перестали мнѣ сказывать тайнъ своихъ... а знаете-ли, какъ весело быть повѣреннымъ тайнъ милой дѣвушки, говорить откровенно съ ея чистою, какъ весеннее небо, душею? Что дѣлать! Я обѣщалъ сказать, и исполню обѣщаніе.

Въ деревнѣ Ванюшѣ показалось душно; ему мерещилось, что все еще дымъ отъ пожара выѣдаетъ глаза и невольно заставляетъ навертываться на глазахъ слезы; онъ побрелъ въ поле, въ лѣсъ, ходилъ самъ не зналъ гдѣ; вдругъ глядь.... передъ нимъ Груня! Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Груня ходила въ ближнюю деревню къ тетушкѣ, и какъ будто знала, что поворотя ближнею, окольною дорогою, она встрѣтитъ что-то радостное. Мудрый Сократъ имѣлъ у себя услужливаго демона, который шепталъ ему куда идти; у дѣвушекъ есть такой демонъ:

Digitized by Google

это решивое ихъ сердце, вѣщунъ и отгадчикъ. Груня ахнула, испугалась; Ванюша также испугался... чего-бы кажется? Но испугъ бываетъ продолжителенъ только при людяхъ, а тогда кромѣ алаго солнца, закатавшагося за дальнее поле, и свѣтлой вечерней звѣзды, блиставшей на другомъ краю небосклона, не было другихъ свидѣтелей: Ванюша и Груня были одни одинёхоньки, и черезъ нѣсколько минутъ рука Груни была въ рукѣ Ванюши, и одинъ взоръ Груни высказалъ ему все, о чемъ онъ крушился, горевалъ и тосковалъ.

«Груня, душа моя!»

— Ванюша, милый другъ мой!

Они забыли вчерашній пожаръ, забыли, что теперь они не были уже ровнею въ глазахъ людей, и крѣпко обняли другъ друга.

Не буду разсказывать, что они говорили. И что-бы могъ я разсказать вамъ? Такихъ разговоровъ не помнятъ и сами разговаривавшіе: помнятъ только, что сердцамъ ихъ было хорошо, какъ на небѣ, что время летѣло непримѣтно, а что говорено, Богъ знаетъ! Одно слово: *люблю*, остается отъ всей бесѣды.

Ванюша узналъ, что Груня *любитъ* его, сказалъ Грунѣ о своемъ горѣ и—«Не уже-ли ты думаешь, что я забуду тебя, когда ты сталъ бѣденъ?» сказала ему Груня.

— Нѣтъ, не думаю, но твой отецъ, Груня—охъ! этотъ Москвичъ—

Digitized by Google

«Провались онъ съ своимъ золотомъ и съ деньгами. Кромѣ тебя, ни за кѣмъ не быть Грунѣ: ты, или—никто!»

Тутъ Груня разсказала, какъ безстыдно нападалъ на нее Москвичъ. Груня ни однажды не сказала ему даже ни одного ласковаго слова. Онъ свашался правда за нее, и Филаретъ былъ согласенъ, но Груня отказалась, и со слезами молила отца не губить ее.

— Тебя принудятъ, Груня! Кто противъ власти родительской?

«Да развѣ языкъ у меня отсохнетъ сказать: *нѣтъ!* если-бы и насильно притащили меня къ налою? Вѣдь батюшка нашъ Священникъ всегда спрашиваетъ... Ты разживешься, подождешь...»

— А между тѣмъ?

«А между тѣмъ, будто я не найду отговорокъ: годъ притворюсь больною, на другой—безумною...»

— Груня, Груня! я буду причиною, что вмѣсто веселья, житье твое будетъ горькое.

«Но какое-же веселье было мнѣ до сихъ поръ? Я теперь только и стала весела, когда узнала, что ты вправду меня любишь. Не бойся: я сказала уже батюшкѣ, что дала обѣщанье идти въ Кіевъ съ бабушкой на богомолье, и къ Троицѣ... за тебя буду я молиться, Ванюша, за твое здоровье—и вотъ годъ пройдетъ, тамъ еще годъ... Довольно-ли тебѣ *два* года?

Digitized by Google

— Груня! — вскричалъ Ванюша — въ два года я разбогатѣю снова, право разбогатѣю, и пусть тогда отецъ твой возметъ за тебя все мое доброе.—Онъ такъ крѣпко обнялъ Груню, что она испугалась, вырвалась и убѣжала.

И послѣ этого еще-бы не повеселѣть Ванюшѣ, еще-бы матери его не удивляться его веселью! Ему въ самомъ дѣлѣ казалось, что *два года* Богъ вѣсть сколько времени, что въ два года онъ успѣетъ опять нажить столько, чтобы потягаться съ Москвичемъ и перетягать его. Радостно всталъ онъ на зарѣ, радостно работалъ, и пѣлъ за работою. Груня прошла мимо, и цѣлый день пролетѣлъ для него весело.

Веселись, бѣдное дитя природы, веселись: ты не знаешь еще, какъ тяжело, невозможно приобрѣсть права на руку Груни, если для этого надобно *нажить деньги!* Все другое легко: будь добръ и честенъ, наживешь *доброе имя;* будь работящъ и прилеженъ—будешь *сытъ и доволенъ.* Но *нажить деньги* трудно, а быть счастливымъ, если безъ этого не льзя быть счастливымъ—не суждено тебѣ никогда! Золото не падаетъ съ неба въ суму бѣдняка; люди не дарятъ его тому, кто на него можетъ купить себѣ счастье. Отецъ твой узналъ уже эту истину у отца Груни...

Но въ свѣтѣ не безъ добрыхъ-же людей. Нежданно, нежданно, вдругъ застучала по деревнѣ

Digitized by Google

повозка: ѣхалъ шоргашъ, *ходевщикъ*, *Суздалъ*. Знаете-ли, что это за люди?

Такъ называются шоргаши, которые ѣздятъ изъ одного конца Руси въ другой, по городамъ, ярмаркамъ, деревнямъ, и вездѣ добрые гости, вездѣ умѣютъ выгадать копѣйку, торгуютъ. Ходевщиками называютъ ихъ потому, что они вездѣ ходятъ съ своимъ товаромъ, и въ барскій домъ, и въ крестьянскую избушку; Суздалами потому, что большая часть ихъ родомъ изъ Сѣверныхъ губерній, гдѣ земли много, но хлѣбъ худо родится, и жители принуждены промышлять рукодѣльемъ, а другіе торговать. Нѣтъ худа безъ добра: они наживаютъ огромныя деньги, которыхъ не выпашетъ себѣ крестьянинъ въ самой хлѣбородной губерніи. Съѣзжаясь въ Москву, Суздаль забираютъ себѣ товаръ, половину въ долгъ, половину на деньги, укладываютъ въ повозку, и ѣдутъ куда глаза глядятъ. Имъ все рука: продать, купить, промѣнять; есть у нихъ книги, и пестредка, парча и холстъ, бархатъ и ситецъ. Пріѣхалъ Суздалъ въ деревню, вотъ и ярмарка, а гдѣ ярмарка, тамъ и ходевщикъ.

Такой-то шоргашъ пріѣхалъ теперь въ деревню, и прямо къ гостепріимному Ѳедосею, когда тотъ, сложа руки, смотрѣлъ на новый домишко свой, и не зналъ, что̀ дѣлать. Домишко выведенъ былъ только до верхняго вѣнца окошекъ, а достроить его было нечѣмъ.

Digitized by Google

Какъ изумился старый знакомый, когда вмѣсто пріюта, приволья, хлѣба-соли и чаю, онъ увидѣлъ всегдашнюю свою квартиру въ обгаркахъ, а радушнаго, всегда веселаго хозяина, въ горѣ, въ раздумьѣ.

Начались распросы, разсказы: гость качалъ головою, кряхтѣлъ, и выслушавъ все, весело хлопнулъ Ѳедосея по плечу, примолвя: «И! не грусти: гдѣ была вода, тамъ и будетъ.»

— Будетъ? спросилъ печально Ѳедосей.

«Будетъ!» повторилъ гость. «Пойдемъ къ тебѣ на квартиру, да отдохнемъ; утро вечера мудренѣе.»

Хоть и въ чужомъ углу, Ѳедосей угостилъ пріѣзжаго чѣмъ Богъ послалъ. Привыкши ночевать и въ хоромахъ боярскихъ и въ цыганскомъ таборѣ, ходевщикъ напоилъ лошадей своихъ, задалъ имъ на ночь овса, помолился, растянулся на лавкѣ, положа кафтанъ подъ голову, и тотчасъ захрапѣлъ. Назавтра, чѣмъ свѣтъ всталъ онъ, смазалъ свою повозку, и отвелъ Ѳедосея въ сторону.

Молчаливо пошелъ съ нимъ Ѳедосей. Онъ и не думалъ просить у него помощи. Кромѣ того, что у купца никогда не бываетъ лежачихъ денегъ, извѣрившись въ пріятеляхъ, Ѳедосей не хотѣлъ лишній разъ слышать отказа. Какъ-же

Digitized by Google

изумился Ѳедосей, когда гость его самъ предложилъ ему 100 рублей готовыхъ, и 100 рублей, черезъ три мѣсяца, съ тѣмъ, если онъ отдастъ ему сына Сергѣя въ работники. «Я говорилъ ужь съ нимъ,» сказалъ добрый Суздалъ, «и Сергѣй твой согласенъ: малой онъ не разгульный, приучится къ нашему дѣлу не долго; я становлюсь старъ, а поле твое обработаютъ двое другихъ сыновей. Я далъ себѣ зарокъ не давать въ долгъ и въ ссуду, но теперь не въ долгъ даю, и зарока не преступаю. Мнѣ надо помощника.» Ѳедосею казалось, что Богъ умилостивился надъ нимъ. Позвали Сергѣя, и тотъ пришелъ веселый, радостный. Объяснилось все дѣло: Сергѣя всегда тяготило деревенское бездѣйствіе; все ему казалось, что не на одномъ мѣстѣ человѣку должно жить, а бродить по бѣлу свѣту; отецъ вѣрно не отпустилъ-бы его прежде, но теперь, Сергѣй исполнялъ свое желаніе, давалъ неожиданную помощь отцу, видѣлъ передъ собою открытымъ бѣлый свѣтъ, и радовался пуще Ванюши. Суздалъ вынялъ свою кожаную книжку, отсчиталъ новенькими бумажками 100 рублей, вычелъ за промѣнъ, Сергѣй одѣлся, и повозка покатилась въ ближнее село, гдѣ въ тотъ день была маленькая ярмарка. «Въ свѣтѣ не безъ добрыхъ людей!» говорилъ Ѳедосей, пересчитывая въ третій разъ свою сотню рублей. Ему показалась она богатствомъ, когда

Digitized by Google

прежде и самъ онъ ссужалъ другимъ по полусотнѣ.

Прошу послѣ этого угодить на людей! Когда Ѳедосей былъ богатъ, онъ не зналъ цѣны своимъ деньгамъ, Ванюша его печалился, Сергѣй хмурился; теперь, когда всѣ они обѣднѣли, Ванюша былъ веселъ, Сергѣй тоже, а Ѳедосей узналъ, что Русская пословица не лжетъ: не въ счетѣ деньга, а въ цѣнѣ.

И такъ, отстроили домикъ Ѳедосеевъ. Еще до заморозовъ попросилъ онъ къ себѣ Священника, отслужилъ молебенъ, и съ благословеніемъ Божіимъ перешелъ въ новое свое жилище. Осипъ поѣхалъ въ Москву и привезъ всю выручку сполна. Теперь, имѣя опять домъ и не нуждаясь ни въ чьей помощи, Ѳедосей являлся на мірскую сходку по прежнему, былъ уважаемъ другими, но не могъ однакожъ не замѣтить разницы прежняго и нынѣшняго житья своего. Никто не попрекалъ его ничѣмъ, но... уже голосъ его не былъ силенъ въ мірскомъ опредѣленіи; иногда его просто не слушали; сидѣлъ онъ въ двадцатомъ мѣстѣ, и ни староста къ нему, ни онъ къ старостѣ не ходили въ гости. Случись-же, какъ нарочно: Москвичъ выстроилъ себѣ домъ подлѣ Ѳедосея, и этотъ домъ, заслоняя своею тѣнью домикъ Ѳедосея, точно какъ будто туча застилалъ его душу. Ѳедосей не

Digitized by Google

сказывалъ ничего домашнимъ, но смѣкалъ, что между Москвичемъ и старостою дѣло слажено. Зная, что Ванюша любитъ Груню, Ѳедосей не могъ не подумать: свадьба Москвича убьетъ бѣднаго парня! Кромѣ того, гдѣ тонко тутъ и рвется: недостатки все одолѣвали Ѳедосея. Все купи, все заведи сызнова: и чашку, и ложку, и плошку. Надолго-ли достанетъ крохъ небольшихъ, когда въ запасѣ ничего нѣтъ? Годъ этотъ, какъ нарочно, случился неурожайный: отъ безпрерывныхъ дождей сопрѣло сѣно; грязи стояли до Рождества: ни выйдти, ни выѣхать...

Но Ванюша все еще былъ веселъ, хотя полгода прошло, а о большихъ деньгахъ не было еще слышно. Сколько разъ сидѣлъ онъ и думалъ: какъ наживаютъ деньги? Если-бы надобно было за богатство два эти года работать на каторгѣ, съ какою охотою пошелъ-бы туда Ванюша, чтобы черезъ два года принесть старостѣ кусокъ фунта въ два золота, и купить себѣ на него радости и счастья.

«Батюшка,» сказалъ онъ однажды Ѳедосею, «скажи: сколько надобно рублей, чтобы люди называли богатымъ?»

— Сколько? отвѣчалъ отецъ смѣючись: столько, чтобъ быть сыту, не просить въ займы, и припрятывать копѣйку на черный день.

Digitized by Google

« Я слыхалъ, что на Руси съ голоду еще никто не умиралъ здоровый, » ошвѣчалъ Ванюша. « Да я не о томъ спрашиваю. Вотъ теперь Москвича называютъ богачемъ; какъ думаешь, что у него, много-ли?

— А чужая душа потемки; Богъ вѣсть! говоришь, рублей не одна сотня лежитъ у него; а можетъ и тысяча найдется съ хвостикомъ.

« Тысяча? Стало, если-бы у тебя была тысяча, ты былъ-бы богачъ? »

— Что дѣлать, дитятко! Было и у меня, можетъ статься, да Богу было не угодно.

« Эхъ! родной, да мы опять наживемъ: вѣдь деньги дѣло нажитое. »

— Трудно нынѣ, Ванюша, нажить. Къ сотнѣ другая сотня все таки льнетъ, а на копѣйку другая копѣйка ворогомъ смотритъ. У меня и отъ отца осталось благословенье, и послѣ того, я двадцать лѣтъ жилъ, да копилъ, и тутъ все къ тысячѣ не доставало цѣлой сотни, а если копѣйки не будетъ доставать, то все тысяча не полная.

Ванюша замолчалъ. *Двадцать лѣтъ! тысяча рублей!* Эти слова повторялъ онъ про себя разъ сотню, и они принудили его задуматься. *Двадцать* лѣтъ! да это цѣлый вѣкъ! а изъ двухъ годовъ, которые врѣзались у него въ сердцѣ, прошло уже болѣе полугода. Чего

Digitized by Google

не придумывалъ, чего не передумалъ Ванюша! Все, кромѣ покушенія на добро ближняго. Грѣшный человѣкъ! иногда вспадало ему на умъ запалить огнемъ хоромы Москвича: пусть-бы и его тысяча рублей сгорѣла, чтобы ни ему, ни Ванюшѣ не доставалась Груня... Но черезъ минуту такая мысль ужасала доброе сердце Ванюши: онъ крестился, и прогонялъ нечистое наущеніе, каялся въ грѣхѣ. Иногда перебиралъ онъ въ головѣ разсказы о кладахъ, объ исканьѣ ихъ въ Ивановъ день, о травѣ папоротникѣ, которая въ самую полночь цвѣтетъ огнистымъ цвѣткомъ, и голова былъ на всѣ ужасы привидѣній, только-бы достать эту невиданную траву. Но Ивановъ день давно прошелъ: надобно было ждать его.

Кто-же изъ насъ въ жизни не ждалъ Иванова дня? Кто не подстерегалъ цвѣта папоротника, невиданнаго людьми? Цѣлыя поколѣнія гоняются другъ за другомъ, ищутъ цвѣтка этого, и не находятъ его въ здѣшнемъ мірѣ. Этотъ цвѣтокъ— счастье. Для Ванюши все счастье казалось заключеннымъ въ *тысячѣ рублей*, для другихъ оно не много поцѣннѣе, и осудимъ-ли Ванюшу, что онъ не спалъ всю ночь въ Ивановъ день, пугался, робѣлъ, но ходилъ по лѣсу, гдѣ каждый сукъ казался ему лѣшимъ, въ каждомъ Ивановомъ червячкѣ сверкали глаза кошки? Нѣтъ! не

Digitized by Google

было цвѣта папоротника: пропала надежда на кладъ!

Лѣто казалось Ванюшѣ хуже осени; деревня стояла по прежнему, а ему казалась она пуста и темна, какѣ тюрьма преступника: въ ней не было Груни. Съ весною бабушка ея отправилась пѣшкомъ на богомолье, поклонишься Кіевскимъ Чудотворцамъ, и Груня съ нею. Ванюша не смѣлъ проститься съ Грунею; только низко поклонился ей, когда бабушка ея, кашляя и горбясь, переступала потихоньку, а Груня лукаво, ласково кивнула ему головой. Вся семья старосты провожала богомолокъ. Ванюша не смѣлъ подойдти къ милой, не смѣлъ сказать ей: *прости*, да и силъ не достало-бы у него сказать это слово! Когда вся семья была уже далеко, побрелъ и Ванюша, вышелъ въ сторону, на дорогу, смотрѣлъ, пока Груня съ бабушкой скрылись вдали, смотрѣлъ, когда уже ничего не было видно и вечернія тѣни застлали широкій путь.

Началась жатва, сняли хлѣбъ; урожай былъ благословенный. Вдругъ однажды Ванюша приходитъ къ отцу и начинаетъ говорить ему, что наступаетъ осень, а за тѣмъ будетъ зима, что ему нѣчего дѣлать дома осенью и зимою, что Осипъ одинъ управится съ работами. Ѳедосей вытаращя глаза смотрѣлъ на Ванюшу. Что сдѣлалось съ малымъ? бормоталъ онъ.

Digitized by Google

Ванюша объяснилъ наконецъ, что онъ хочетъ въ это время заработать нѣсколько рублей лишнихъ; чтобы не лежать на печи даромъ, просилъ отца позволить ему ѣхать въ Москву, и зиму быть тамъ извощикомъ. «Лошадь лишняя у насъ есть,» говорилъ Ванюша. «Я пристану къ дядѣ Парфенѣю; онъ даспъ мнѣ сани; я увижу и узнаю Москву, спану возить тамъ добрыхъ людей. Что-же? десятковъ пять иногда заработываютъ, а если и меньше, родимый, то честная денежка стоитъ неправеднаго рубля.»

Въ Москву, извощикомъ! подумалъ Ѳедосей. Предложеніе было неожиданно; онъ сначала не соглашался, но подумалъ, подумалъ, и согласился.

Съ чего пришла эта мысль Ванюшѣ? Право не знаю. Ему тошно было смотрѣть на тѣ мѣста, гдѣ прежде видалъ онъ Груню. Бабушка ея занемогла въ Кіевѣ, и принуждена была тамъ зазимовать у стараго родственника, котораго всѣ звали дядею, хотя никто уже не помнилъ, кто былъ ему настоящимъ племянникомъ, но дядя былъ богатъ, держалъ въ Кіевѣ лучшій постоялый дворъ, а старостa Филаретъ не любилъ отказываться отъ родства съ богатыми. Поѣдетъ думалъ Ванюша.... не смѣшно-ли?—что онъ перебьетъ разсказы у Москвича, и лучше его бу-

Digitized by Google

дешъ разсказывать о Москвѣ бѣлокаменной. Москва сверхъ того казалась ему чѣмъ-то такимъ, гдѣ наживаютъ деньги: все новое, неизвѣстное бѣлѣетъ юныя, горячія головы. Ванюша не могъ думать о Москвѣ безъ того, чтобы мысль о *тысячѣ* рублей не пришла ему въ голову. Онъ спалъ и видѣлъ эти два слова вмѣстѣ: что-то непонятное, необъяснимое волновало его душу...

Но разсуждайте, какъ угодно, а Ванюша уже на дорогѣ въ Москву. Туда ѣхалъ попутчикъ; Ванюша привязалъ лошадку къ шѣлегѣ, и залегъ въ сѣно, набитое въ шѣлегу. Тутъ была ему свобода думать о прошедшемъ и будущемъ. Онъ не умѣлъ мечтать по нашему, но и у него сколько было воздушныхъ башенъ! Что-то будетъ, что-то увидитъ, что-то встрѣтитъ онъ въ Москвѣ!

Рано поутру подъѣхали наши странствователи къ Москвѣ, по старой Каширской дорогѣ. Было осеннее холодное утро, небо голубое, чистое. «Вотъ и матушка Москва!» сказалъ Ванюшѣ сопутникъ. Ванюша во всѣ глаза смотрѣлъ впередъ. Верстъ семь оставалось еще до заставы; но передъ нимъ открылся уже рядъ Московскихъ церквей и безконечное протяженіе домовъ, башенъ, крышъ зеленыхъ, красныхъ, бѣлыхъ. Влѣво возвышались бѣлѣющія стѣны и золотыя главы Донскаго монастыря; прямо бѣлѣлась застава Серпуховская; вправо раз-

Digitized by Google

бѣгались глаза далеко. Звонъ Московскихъ колоколовъ доносился до слуха Ванюши, изумленнаго, обрадованнаго. «Это что такое?» спрашивалъ онъ у сопутника, указывая на что-то, горѣвшее, какъ жаръ, вдали, на небѣ. —Иванъ Великій, отвѣчалъ тотъ. —«Иванъ Великій!» повторилъ Ванюша. «А Сухарева башня гдѣ?» — Ея не видно еще; да что-ли ты увидишь.

Телега катилась безпрерывно; они въѣхали въ Москву.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

Полтава, поэма Александра Пушкина. СПб. 1829 г.

Въ Русской публикѣ давно слышны жалобы на безотчетныя похвалы сочиненіямъ Пушкина. Но если похвалы сіи составляютъ мнѣніе самой публики и поддерживаются каждымъ новымъ произведеніемъ любимца ея, то жаловаться, кажется, не на кого. Онъ нравится и его хвалятъ. Такъ быть должно и не можетъ быть иначе. «Но,» спрашиваютъ, «почему онъ нравится? Почему не докажутъ, что онъ достоинъ хвалы, что онъ пользуется славою заслуженною?» Этотъ вопросъ рѣшить гораздо трудпѣе, хотя и онъ достовѣрно рѣшается повтореніемъ уже сказаннаго нами. Пушкинъ геніемъ своимъ сходствуетъ съ идеаломъ своихъ читате-

Digitized by Google

лей, или по крайней мѣрѣ сближается съ нимъ: вотъ причина всѣхъ успѣховъ и славы его, разумѣется заслуженной, если онъ возбуждаетъ нетерпѣливость ожиданія, оправдываетъ оную и заставляетъ снова ждать новыхъ своихъ произведеній. Какъ указать на то, что̀ именно нравится публикѣ въ сочиненіяхъ Пушкина и въ какой степени нравится? Недавно, при появленіи въ свѣтъ *Полтавы*, мы видѣли примѣръ несходства въ мнѣніяхъ: одни назвали сію поэму *первою* по достоинству, другіе *третьею*, третьи *второю*; одни нашли, что описаніе Полтавской битвы превосходно, другіе увидѣли въ немъ невѣрный очеркъ; одни убѣдились, что *Полтава* есть шагъ къ совершенству, другіе увѣрились въ противномъ. Это нисколько не удивительно. Это живой урокъ, что пора перестать привязываться къ словамъ и отдѣльнымъ картинамъ, которыя *непремѣнно должны* производить различное дѣйствіе *на каждаго читателя*. Разсказъ о живописцѣ, выставившемъ свою картину для поправокъ, есть урокъ мудрости. Критика, указующая на мѣста въ сочиненіяхъ, есть для насъ наслѣдственная болѣзнь схоластизма. Только въ то время, когда не знали стихій искусства, можно было по убѣжденію одного человѣка называть то и то прекраснымъ, а то и то дурнымъ. Въ нашу эпоху существуютъ другія требованія. Нынѣ можно назвать слишкомъ дерзкимъ того критика, который, признавая какое-либо поэтическое произведеніе созданіемъ необыкновеннаго дарованія, сталъ-бы указывать на стихи, по *его мнѣнію* не хорошіе. Кто и что ручается

Digitized by Google

намъ за его мнѣніе? И не правъ-ли Пушкинъ, сказавшій одному своему критику, осуждавшему его стихъ въ *Цыганахъ*:

«И съ камня на траву свалился,»

«Я именно такъ хотѣлъ, такъ долженъ былъ выразиться.» Какіе аргументы могутъ въ семъ случаѣ опровергнуть мнѣніе не только самого Пушкина, но и каждаго изъ его читателей?

Мы займемся совершенно другимъ предметомъ. Сказавъ въ началѣ сей статьи, что успѣхъ и слава Пушкина оправдываются сею-же славою и симъ-же успѣхомъ, мы говорили о славѣ, раздаваемой современниками. Чего желать имъ, если они наслаждаются Авторомъ? Слезы, пролитыя въ Парижѣ при представленіи Мармонтелевыхъ трагедій, и въ Петербургѣ при представленіи трагедій Сумарокова, были пролиты дѣльно, не даромъ, хотя въ наше время смѣются надъ трагедіями Мармонтеля и Сумарокова. Сіи трагедіи нравились современникамъ, трогали ихъ, умиляли — и довольно!

Но именно здѣсь скрывается тайная причина общихъ и частныхъ жалобъ на славу Пушкина. Публика не надѣется на себя и боится подвергнуться тому-же упреку, какой произноситъ она противъ современниковъ Сумарокова. У насъ, даже въ журналахъ, гдѣ занимаются критикою, указываютъ на приведенные нами примѣры непрочности современной славы и силятся примѣнить

Digitized by Google

ихъ къ Пушкину. Предметъ сей такъ важенъ, что мы почитаемъ долгомъ объясниться о немъ.

Не только современныя славы Сумарокова, Делиля, Хераскова и подобныхъ имъ, но вѣковыя славы разрушились въ наше время. Не только слава частныхъ лицъ, но слава цѣлыхъ литтературъ пала, и слава другихъ возсіяла въ прочной, безсмертной силѣ. Давно-ли Латинскую Литтературу ставили рядомъ съ Греческою — и кто осмѣлится теперь сдѣлать это? Давно-ли Французская Литтература первенствовала у всѣхъ народовъ — и кто теперь не отрицаетъ ея первенства? Давно-ли Шекспира называли варваромъ, Буало законодателемъ поэзіи, Тасса предпочитали Данту, и у насъ имя Ломоносова произносили вмѣстѣ съ именемъ Державина? Кто теперь станетъ поддерживать сіи положенія? Теперь самые закоснѣлые старовѣры литтературные отрекаются отъ подобныхъ мнѣній. И все это совершилось въ девятнадцатый вѣкъ! Гдѣ-же причина сего непостижимаго для многихъ явленія? Что вдругъ просвѣтило благословенный XIX-й вѣкъ?

Осьмнадцатое столѣтіе можно назвать эпохою переворотовъ: конецъ его ознаменовался великими политическими перемѣнами на обоихъ полушаріяхъ земли, и такимъ-же великимъ движеніемъ въ умственномъ мірѣ. Зерно многихъ столѣтій развернулось въ наше время: мы-ли виноваты въ томъ, что судьба заставила насъ быть современниками сего развитія? Свѣтъ истинной философіи отразился въ наукахъ и искусствахъ; въ литтературу

Digitized by Google

внесенъ свѣтильникъ критики, и вѣка всѣхъ временъ явились намъ въ настоящемъ своемъ видѣ, тогда какъ для предшественниковъ нашихъ, неосвѣщенныхъ симъ животворнымъ свѣтомъ, они находились во тмѣ. Здѣсь причина всѣхъ новыхъ измѣненій въ мірѣ литтературы. Критика утвердилась не на понятіяхъ толпы, всегда прикованной къ своему вѣку, но на истинныхъ понятіяхъ объ изящномъ и на разсмотрѣніи современной исторіи, всегда отражающейся въ произведеніяхъ литтературы. Будемъ-ли удивляться послѣ сего, что еще въ недавнее время толпа восхищалась однѣми наружными формами и потому плакала, глядя на ложный ужасъ и жалость въ трагедіяхъ Мармонтеля и Сумарокова, читая описаніе семейственныхъ картинъ въ романахъ Лафонтена и въ драмахъ Коцебу, и слишкомъ высоко цѣнила гладкіе, цвѣтистые стихи Аббата Делиля? Человѣка можно уподобить человѣчеству: что восхищаетъ его въ младенчествѣ, то смѣшитъ въ лѣта ума. Однакожь не долженъ-ли онъ сказать, что только въ лѣта зрѣлыя началъ понимать истинное достоинство и мѣсто предметовъ, представляющихся ему?

Предслышимъ одно возраженіе: не уже-ли въ наше время *всѣ* читающіе могутъ истинно оцѣнивать достоинство литтературныхъ произведеній? и спѣшимъ прибавить: не только *не всѣ*, но весьма *небольшое число*. Однако-жь небольшое число понимающихъ существуетъ, а общее мнѣніе искони повиновалось ему. Общаго распространенія здравыхъ понятій надобно ожидать отъ слѣдующихъ

Digitized by Google

поколѣній. Когда во Франціи изданы были книга Г-жи Сталь *О Германіи* (произведеніе чужаго климата, и, можетъ быть, чужою рукою написанное) и Шлегелевъ *Курсъ Драматической Литтературы*, то дерзость многихъ мыслей въ сихъ сочиненіяхъ изумила всѣхъ, даже умнѣйшихъ людей. Теперь, когда послѣ сихъ явленій прошло немного болѣе пятнадцати лѣтъ, полъ-Франціи согласно съ основаніемъ мнѣній Г-жи Сталь и Шлегеля. Это время настаетъ и у насъ. Въ наше время криницизмъ столько уже распространился и до такой степени проникнулъ въ общее мнѣніе, что нынѣ говорить о ложной славѣ могутъ только тѣ люди, которые не принадлежатъ къ вышеупомянутому *небольшому числу*, и берутся быть судіями въ литтературѣ. Они должны повиноваться общему мнѣнію, всегда достойному своего вѣка, всегда вѣрному руководителю современниковъ.

Понимаемъ отъ чего сочиненія Пушкина мало подвергались печатной критикѣ. Причина сего заключается въ томъ, что для критики недоставало данныхъ, на коихъ-бы она могла основать свои выводы. Теперь, съ появленіемъ въ свѣтъ *Полтавы*, можно судить о Пушкинѣ. Признавая послѣднюю его поэму однимъ изъ совершеннѣйшихъ его произведеній, мы намѣрены здѣсь показать, на чемъ основываемъ свое мнѣніе. Для сего необходимо бросить взглядъ на все поэтическое поприще Пушкина.

Литтература Русская всегда была наперсницею Литтературъ иностранныхъ. Перенявъ просвѣще-

Digitized by Google

ніе у иноземцовъ, мы на долго осшались ихъ нравсшвенными данниками. Даже донынѣ, кромѣ гиганша Державина, кшо изъ нашихъ поэшовъ могъ похвалишься своимъ, незаемнымъ вдохновеніемъ? Жуковскій, сей очаровашельный поэшъ, не можешъ бышь названъ шворцемъ. Даже шѣ изъ его сочиненій, коихъ изобрѣшеніе принадлежишъ ему, навѣяны изъ подъ чуждаго неба. Мы привели одинъ примѣръ, но ихъ можно ошыскашь очень много. Причины шакого направленія лишшерашуры сокрышы глубоко. Онѣ идушъ ошъ безпримѣрнаго въ Исшоріи преобразованія Россіи Петромъ Великимъ и ошъ безмѣрнаго множесшва иноземцовъ, наводнившихъ собою Россію, изъ коихъ иные посели лись у насъ и сшали дававшь шонъ Русскому просвѣщенію, другіе образовывали и образовываюшъ донынѣ юныхъ Россіянъ. Эшо намъ нужно припомнишь себѣ, дабы согласишься, чшо просвѣщенный Рускій, собсшвенно не Россіи обязанъ своимъ просвѣщеніемъ. Онъ любишъ Россію какъ свою машь, давшую ему жизнь и средсшва — сдѣлашься чужеземцомъ по образу мыслей. Правда, чшо самое просвѣщеніе сіе заставляешъ его любишь свою машь, однако-жь она не можешъ замѣнишь ему чужеземныхъ учишелей, подъ именемъ коихъ мы разумѣемъ Европейскихъ писашелей Франціи, Германіи и Англіи. Вошъ гдѣ скрываешся начало чужеземнаго направленія нашей Словесносши, ибо замѣшьше, чшо каждый необыкновенный Русскій писашель, увлекавшій своихъ современниковъ, былъ исполненъ духомъ не Россіи, ему чуждой и неизвѣсшной, но духомъ какой нибудь лишшерашуры,

Digitized by Google

или даже одного писателя иностраннаго. Такъ Карамзинъ, впрочемъ не понявши высокой иронiи Стерна надъ чувствительностью, въ юности своей наполнилъ насъ мнимымъ духомъ Стерновымъ, извѣстнымъ подъ названiемъ сантиментальности. Такъ Жуковскiй увлекъ насъ къ односторонему направленiю Шиллера и заставилъ летѣть въ небеса, забывъ что у насъ есть Россiя, которая имѣетъ свой міръ. Во время направленiя, даннаго поэзiи нашей Жуковскимъ, явился Пушкинъ.

Сей необыкновенный человѣкъ, еще въ самыхъ юныхъ лѣтахъ ознаменовавшiй себя прекрасными стихотвореніями и какимъ-то оригинальнымъ взглядомъ на предметы, тотчасъ обратилъ на себя общее вниманiе знаменитыхъ современниковъ, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова. Можетъ быть дружба съ послѣднимъ и раннее знакомство съ Итальянскою поэзiею, ибо въ домѣ Пушкиныхъ Итальянскiй языкъ былъ въ употребленiи, породили мысль о Русланѣ и Людмилѣ. Эта поэма, Русская по своему названiю, по многимъ картинамъ и собственнымъ именамъ, напоминаетъ не Россiю, а поэму Аріосто. Въ Русланѣ также странствующіе рыцари ищутъ красавицу, дерутся за нее, и питаютъ въ душѣ своей чувства не Русскихъ витязей, и даже не героевъ нашего сказочнаго міра, происходящихъ въ свою очередь не по прямой линiи отъ Русскихъ богатырей, но чувства рыцарей среднихъ вѣковъ. Несообразность сiя тѣмъ страннѣе въ поэмѣ Пушкина, что Авторъ имѣлъ передъ глазами превосходный образецъ *стараго времени* въ *Пѣснѣ о полку Игоря*. Если читатель при-

Digitized by Google

метитъ на себя трудъ сравнишь безсмертное произведеніе древняго Барда нашего съ Русланомъ и Людмилою, то онъ увидитъ, какъ несообразенъ духъ новой поэмы съ временемъ, въ немъ изображаемымъ. Что-же причиною этого? Вліяніе Итальянскаго поэта, котораго Пушкинъ передѣлалъ на Русскіе нравы. Руслань и Людмила имѣетъ высокое достоинство по своимъ отдѣльнымъ картинамъ и стихосложенію, удивившему читателей новостью и силою, но вообще поэма сія столько-же сообразна съ древнимъ Русскимъ духомъ, какъ Orlando furioso съ какимъ нибудь историческимъ лицомъ старой нашей Руси.

Въ это время имя юнаго поэта сдѣлалось славно между молодыми современниками его другимъ родомъ поэзіи: мы разумѣемъ здѣсь мѣлкія стихотворенія, въ которыхъ Пушкинъ—кто не знаетъ этого?—является истиннымъ Протеемъ. Но не разнообразный геній его, не прелесть картинъ увлекали современную молодежь, а звучные стихи, изображавшіе ихъ духъ, отъ котораго послѣ самъ Пушкинъ освободился и причисляетъ его къ заблужденіямъ своей юности. Здѣсь главнымъ его *путеводителемъ* (если можно такъ сказать) былъ А. Шенье, несчастная жертва Французской революціи, поэтъ съ дарованіемъ возвышеннымъ, исполненный поэтическаго негодованія къ извергамъ, терзавшимъ его отечество. Пушкинъ прекрасно изобразилъ сего достопамятнаго человѣка въ извѣстныхъ стихахъ, названныхъ имъ по имени Французскаго поэта. Можно утвердительно сказать, что имя Пушкина всего болѣе сдѣлалось извѣстно въ Рос-

Digitized by Google

сіи по нѣкоторымъ его мѣлкимъ стихотвореніямъ, нынѣ забытымъ, но въ свое время ходившимъ по рукамъ во множествѣ списковъ.

Человѣкъ, столь высокій какъ Пушкинъ, не могъ долго покорствовать чуждому души его вліянію. Онъ вскорѣ освободился отъ своего ложнаго направленія, жилъ въ уединеніи, стараясь, какъ самъ онъ выразился: *въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ* — и плодомъ его изученій былъ *Кавказскій Плѣнникъ*. Здѣсь видимъ направленіе совершенно новое! Для насъ ясно теперь, что поэма сія, какъ и другія поэмы Пушкина, слѣдовавшія за нею, была слѣдствіемъ Байрона, овладѣвшаго на время всѣмъ міромъ. Байронъ, по справедливому замѣчанію Нодье, не изобрѣлъ особеннаго рода поэзіи, ибо это невозможно, а только положилъ на ноты пѣсню своего времени. Мотивомъ сей пѣсни были прощальные звуки разочарованнаго міра, исчерпавшаго, какъ казалось ему, всѣ средства жизни. Байронъ былъ послѣднимъ отголоскомъ философіи осьмнадцатаго вѣка, истребившей своею страшною ироніею всѣ вѣрованія въ добро, которое неизмѣнно цвѣтетъ въ мірѣ. Ошибка Байроновскаго направленія состоитъ именно въ томъ, что онъ видѣлъ, по слѣдамъ мнимыхъ философовъ, одну сторону предметовъ, одно злое, черное направленіе человѣчества, вышедшее изъ границъ, какъ скоро благотворное дѣйствіе религіи перестало смягчать его. Рожденный быть необъятнымъ геніемъ, Байронъ обстоятельствами жизни своей былъ приготовленъ къ выраженію того страшнаго взгляда,

Digitized by Google

ной неумолимой иронiи, разочаровывающей міръ, которую Пушкинъ изобразилъ въ превосходномъ своемъ стихотвореніи *Демонъ*:

Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія:
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь:
Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою,
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ;
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ:
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ!

Это Байронъ! это послѣдній, высочайшій пѣвецъ разочарованнаго міра, склонившагося тотчасъ послѣ него къ новому, религіозно-философическому направленію. Лиры современныхъ ему пѣвцовъ от-

Digitized by Google

зываются и доныне его пѣснію: въ струнахъ их
и доныне еще слышенъ напѣвъ Байроновъ, но он
становится тише, тише, пока расшроганны
струны совершенно осшановятъ свое дрожаніе
дабы ошозвашься новому всемірному пѣвцу, кошо
раго ожидаетъ міръ ошъ грядущихъ поколѣній
воспишанныхъ иною философіею.

Пѣвецъ иронiи сдѣлалъ сильнѣйшее впечашлѣні
на Пушкина. Русскій поэшъ не могъ освободишьс
ошъ него ни въ *Бахчисарайскомъ Фонтанѣ*, ни в
Цыганахъ, ни въ *Онѣгинѣ*, ни въ современныхъ им
мелкихъ своихъ спихошвореніяхъ. Всѣ сіи сочине
нія носятъ на себѣ печашь Байронова вліянія, ибо
всѣ они основаны на несоразмѣрносши средсшв
съ дѣйсшвіями, образующей иронію. Впрочем
Онѣгинъ выходишъ нѣсколько изъ сего круга, ибо
въ немъ видѣнъ болѣе спокойный взглядъ и какое-
шо желаніе примирить несообразносши земных
явленій. Ташьяна представляешъ намъ собою бла-
городную борьбу человѣка съ несчасшіемъ; она
является героинею, и слѣдсшвенно возвышаешся
надъ обыкновенными собышіями, шогда какъ ни
въ поэмахъ Байрона, ни въ Кавказскомъ Плѣнникѣ,
ни въ Бахчисарайскомъ Фонтанѣ, ни въ Цыганахъ,
нѣшъ ни одного лица, которое не падало-бы подъ
бременемъ встрѣчающихся ему золъ или не было
ничшожно и досшойно своихъ бѣдсшвій. Пушкинъ
невольно сдѣлалъ Ташьяну героинею.

Уже въ *Онѣгинѣ* можно было замѣшишь, что ге-
ній нашего поэша шребуешъ новаго направленія,
что онъ не доволенъ самъ собою. Это показыва-

Digitized by Google

ешь необычайную силу души, ибо человѣкъ обыкновенный, хорошій поэтъ, былъ-бы навсегда окованъ Байроновскимъ направленіемъ, достойнымъ образомъ имъ выражаемымъ и доставляющимъ ему славу. Мы нерѣдко видимъ, какъ цѣлому поколѣнію трудно отставать отъ своихъ привычныхъ стремленій; но Пушкинъ рѣшился на гигантскій подвигъ—и совершилъ его. Сей переходъ нашего поэта чрезвычайно любопытенъ для ума наблюдательнаго.

Шекспиръ и Гёте занимали его вниманіе; но послѣдній не надолго. *Фаустъ* Пушкина, внушенный ему, разумѣется, *Фаустомъ* Германскаго поэта, остался въ однихъ отрывкахъ. Болѣе ни одна пьеса, кажется, не ознаменовала сего мгновеннаго стремленія Пушкина, ибо таинственный смыслъ гиганта—современника и собственно ему принадлежащій идеалъ, не соотвѣтствовали генію нашего поэта. Другой геній, болѣе обширный, болѣе всеобъемлющій, невидимо привязалъ его къ себѣ и *преобразилъ*, къ счастію нашей поэзіи. Мы не знаемъ трагедіи Пушкина *Борисъ Годуновъ*; но судя по извѣстнымъ намъ отрывкамъ, видимъ въ ней переходъ къ тому идеалу, который уже выразительнѣе осуществленъ въ *Полтавѣ*. Этому надлежало быть. Если поэтъ нашъ имѣлъ силу оставить блестящаго, современнаго Байрона, то могъ-ли онъ не понять великаго Шекспира? Пушкинъ и понялъ его, какъ высокій поэтъ: онъ не сталъ подражать Шекспиру, но, угадавъ въ Англійскомъ поэтѣ основные элементы исторической его трагедіи, открылъ ихъ и въ Русскомъ мірѣ.

Digitized by Google

Это имѣло двоякое счастливое послѣдствіе для нашей литтературы: во первыхъ обогатило ее созданіемъ, безъ сомнѣнія, необыкновеннымъ, во вторыхъ перенесло въ нее, аналогически, духъ Шекспира, и, слѣдовательно, открыло новый путь къ отысканію истинно изящнаго—Русскаго. Кто, безъ Пушкина, могъ-бы совершить сей подвигъ? И не ясно-ли видна здѣсь сила его генія, не успокоившагося до тѣхъ поръ, пока онъ не открылъ своего истиннаго пути, котораго начало мы видимъ—въ *Полтавѣ*.

Обозрѣвъ, хотя краткo, но точно, все поприще нашего поэта, означимъ главные выводы всего сказаннаго выше. Пушкинъ повторилъ собою всю исторію Русской Литтературы. Воспитанный иностранцами, онъ переходилъ отъ одного направленія къ другому, пока наконецъ нашелъ тайну своей поэзіи въ духѣ своего отечества, въ мірѣ Русскомъ, и испытавъ силъ въ борьбѣ съ Британскимъ великаномъ, сдѣлался его послѣдователемъ, такъже какъ онъ, въ свою очередь, умѣлъ угадывать духъ Эсхила, Софокла, и выражать, не подражательно, но аналогически, духъ романтическихъ пѣвцовъ Италіи и героевъ Рима. Шекспиръ недоступенъ для подражателей; но людямъ, умѣющимъ постигать внутренній смыслъ его, онъ отверзаетъ небо и землю. Мы должны показать, какимъ образомъ Пушкинъ воспользовался Русскимъ міромъ и какъ онъ осуществилъ его въ *Полтавѣ*, которую мы ставимъ, по вѣрности направленія, выше всѣхъ извѣстныхъ намъ его сочиненій. Указать на это въ настоящее время тѣмъ необходимѣе, что

Digitized by Google

многіе не хотятъ видѣть великаго шага, сдѣланнаго нашимъ поэтомъ.

Что видѣли мы доселѣ въ созданіяхъ Пушкина? Если не выраженіе чуждаго духа, то подражаніе тому, что уже развито было геніями другихъ странъ и вѣковъ. Но всякій вѣкъ имѣетъ свои требованія. Замѣтивъ выше сего, что направленіе, данное всемірной поэзіи Байрономъ, не можетъ удовлетворять нашихъ современниковъ, мы должны предполагать, что въ наше время существуетъ требованіе другое, возвышеннѣйшее, ибо человѣчество идетъ впередъ, а не обращается вспять. Нынѣ не только народы, но даже отдѣльныя лица начинаютъ дорожить своимъ достоинствомъ и стараются отдѣльно быть достойными участниками общихъ требованій; государства необходимо слѣдуютъ сему-же направленію. Требованіе вѣка всегда бываетъ выше настоящаго его состоянія; требованіе народа тоже. Слѣдственно подражаніе, вдохновеніе чуждое, не могутъ производить въ наше время никакого впечатлѣнія, ибо вѣкъ требуетъ самобытности. Пушкинъ оживилъ въ *Полтавѣ* событіе изъ Русской Исторіи. Доселѣ подобныя событія представляемы были въ поэзіи нашей совершенно романическимъ образомъ, то есть запутанныя восклицаніями, увеличеніями, не бывалымъ геройствомъ, поддѣльными характерами. Этого нѣтъ въ *Полтавѣ*. Ненависть Мазепы къ Петру, служащая пружиною всей поэмы, и любовь Маріи къ гордому старцу, завязывающая въ началѣ поэмы узелъ всего сочиненія, взяты изъ

Digitized by Google

Исторіи. Явленіе другихъ историческихъ лицъ есть необходимое слѣдствіе сей завязки. Характеры ихъ совершенно естественны, ибо они таковы, какими представляетъ ихъ намъ Исторія; слѣдственно происшествіе, самое простое, развито безъ всякихъ натяжекъ и возведено къ поэтическому идеалу. Искуство поэта состоитъ въ томъ, чтобы не сказать ни болѣе, ни менѣе надлежащаго. Это сдѣлалъ Пушкинъ. Въ *Полтавѣ* его господствуетъ совершенное, Шекспировское спокойствіе поэта, и живая игра страстей дѣйствующихъ лицъ. Но если происшествіе взято, почти безъ измѣненій, изъ Исторіи, если характеры естественны исторически, если въ нихъ нѣтъ лирическихъ восторговъ поэта, то что-же составляетъ поэзію сей поэмы? Это невидимая сила духа Русскаго, которою поэтъ оживилъ каждое положеніе, каждую рѣчь дѣйствующихъ лицъ. Только тамъ, гдѣ говоритъ онъ отъ себя, разсказъ его принимаетъ величественный тонъ Эпопеи. Однимъ словомъ, это совершенно новый родъ поэзіи, извлекаемый изъ Русскаго взгляда поэта на предметы. Этого нѣтъ и слѣда въ Руланѣ и Людмилѣ, это первый опытъ, блестящій, увлекательный, открывающій новый міръ для послѣдователей Пушкина. Не входимъ въ мелочной разборъ стиховъ, изъ коихъ иные могутъ отступать отъ цѣлаго: полагаемъ, что самъ Поэтъ лучше насъ замѣтитъ ихъ. Но кто не видитъ новыхъ для Русской поэзіи красотъ *Полтавы*, тому напрасно стали-бы мы указывать на нихъ. Онѣ не въ отдѣльныхъ словахъ поэмы, а въ выраженіи всѣхъ отдѣльныхъ частей, исходящемъ отъ одного начала.

Digitized by Google

Въ заключеніе, мы должны сказать, что новая поэма Пушкина не произвела на публику такого сильнаго впечатлѣнія, какое производили прежнія, и многимъ даже не имѣла счастія понравиться. Это естественно. Красоты ея слишкомъ новы для Русскихъ читателей; еще не готовыхъ понимать оныя. Но мы увѣрены, что Поэтъ понимаетъ своихъ читателей. Онъ уже освободился отъ обольстительныхъ цѣпей современнаго успѣха. Успѣхъ *Полтавы* показалъ-бы или малое измѣненіе въ поэзіи Пушкина, или высокое совершенство его читателей, чего, кажется, не льзя было и ожидать. Если, донынѣ еще, о безсмертномъ созданіи Шекспира, Фальстафѣ, многіе судятъ по отдѣльнымъ рѣчамъ сего лица, если донынѣ находятъ въ нихъ несообразности и неблагопристойности, то чего ожидать созданіямъ Русскаго поэта, когда его послѣдній перестанъ угождать прихотямъ своего вѣка? При умертвительной холодности, досугъ-ли читателямъ отставать отъ привычекъ и вникать во внутренній смыслъ поэтическихъ произведеній? Имъ надобны восклицанія, возгласы, брань на нихъ самихъ: только это еще нравится имъ, ибо, не забудемъ, что мы современники Байроновыхъ читателей. Но, къ утѣшенію своему, вспомнимъ, что настаетъ новая эра. Байронъ былъ необходимъ для полнаго обнаженія всѣхъ чувствъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ и поколѣніямъ: онъ пробудилъ умы къ новому требованію. Эпоха словъ и выраженій прекратилась—настаетъ эпоха мыслей и чувствованій, принадлежащихъ народамъ. Глядя съ сей точки

Digitized by Google

зрѣнія, какихъ великихъ успѣховъ вправѣ мы ожидать отъ нашего Поэта, въ его лѣта зрѣлой юности, украшеннаго всѣми дарами возвышеннаго генія!

Кс. П.

— *Мессинская Невѣста,* трагедія Шиллера. Пер. *А. Ротчевъ.* М. 1829 г., въ т. С. Селивановскаго.

Переводы бываютъ двоякаго рода: одни *близкіе*, передающіе намъ подлинникъ слово въ слово, а другіе *далекіе*, въ которыхъ сохраненъ только смыслъ онаго, и по этому сіи послѣдніе можно назвать подражаніями. Тѣ и другіе имѣютъ свои неудобства; ибо въ первомъ случаѣ переводчикъ, стараясь подражать внѣшнимъ формамъ, лишаетъ ихъ духа, и потому иногда самые близкіе переводы суть самые невѣрные, тѣмъ болѣе, что не рѣдко формы чуждаго намъ языка, перелитыя въ нашъ отечественный, возбуждаютъ совершенно другія понятія, нежели какія желали выразить оными. Что-же касается до метафорическихъ поговорокъ, пословицъ, то ихъ ни переводить—потому что онѣ будутъ непонятны—ни замѣнять аналогическими поговорками и пословицами своей націи—потому что онѣ возбуждаютъ чуждыя намъ историческія воспоминанія—невозможно. Не говорю ни слова о часто употребляемыхъ метафорахъ, каковы pied de la montagne, и т. п. Само собой разумѣется, что ихъ должно замѣнять собственными выраженіями. Вотъ неудобства близкихъ переводовъ. Далекіе-же переводы или подражанія очень поде-

Digitized by Google

зрительны: они часто подъ личиною свободы скрываютъ незнаніе переводчика, который, передавая одинъ смыслъ, такъ запемняетъ и передѣлываетъ подлинникъ, что оный въ переводѣ его отражается столь-же тускло и мѣстно, какъ звѣздное небо въ болотныхъ водахъ, гдѣ заросшихъ травою, гдѣ подернутыхъ тиною. Въ сихъ подражаніяхъ, если нѣтъ передразниванья (singerie), то бѣдный подлинникъ страждетъ, потому что переводчикъ, метафоризируя и выражаясь по своему, измѣняетъ мысль автора, лишая его родственнаго ему колорита; а чѣмъ условливается колоритъ (принимая сіе слово въ пространнѣйшемъ его значеніи), какъ не духомъ времени, не индивидуальностью пишущаго? И что-жъ изъ этого выходитъ? Смѣсь, миксгура: тамъ древній Грекъ говоритъ какъ Итальянецъ, Индѣецъ какъ Французъ, Софоклъ какъ Вольтеръ. Вотъ неудобства далекихъ переводовъ. Ясно, что изъ сліянія токмо сихъ двухъ неполныхъ родовъ, изъ соединенія формы съ сущностью, можетъ произойдти нѣчто совершенное, гармоническо-правильное. Такой переводъ назову я *творческимъ*, ибо возсоздавать не значитъ переиначивать по своему, но примирять враждебныя элементы двухъ гетерогеническихъ языковъ; такъ передалъ Гёте Магомета и Танкреда Вольтерова, а Шиллеръ Федру Расина. Трудно повѣрить точности сихъ переводовъ: стихъ въ стихъ! Тѣже обороты, тѣже эпитеты; на двухъ страницахъ едва-ли найдете два или три слова лишнихъ противъ подлинника, а если и есть какое несходство, такъ развѣ то, что Мельпомена—безъ ходулей, по-

Digitized by Google

тому что упомянительный шестистопный ямбъ замѣненъ пятистопнымъ, и бьющая такъ рѣзка ошибнена.—Разбирая переводъ *Мессинской Невѣсты* Г-на Ротчева, мы должны сознаться, что оный скорѣе можно назвать подражаніемъ. Г-нъ Переводчикъ, во многихъ мѣстахъ постигая геніяльный духъ Шиллера, передавалъ его вѣрно, но иногда дѣлалъ значительные промахи, тѣмъ болѣе, что смѣшанный родъ сей трагедіи требовалъ строгой и неусыпной наблюдательности за извивистыми переходами хамелеона-поэта. Произведеніе сіе—дѣйствіе коего взято изъ того періода времени, когда въ Мессинѣ христіанство боролось еще съ язычествомъ и духомъ Мавританизма, какъ выражается самъ Шиллеръ въ Предисловіи—произведеніе сіе, говорю я, можно сравнить съ скульптурнымъ изображеніемъ Бернини, который представилъ Дафну въ то самое мгновеніе, какъ она, преслѣдуемая Аполлономъ, превращается въ лавровое дерево: въ сучьяхъ еще видны слѣды прекрасно-округленныхъ рукъ и нѣжныхъ пальцевъ, въ корняхъ, углубляющихся въ землю, еще замѣтна форма корою облекающихся ногъ. Сіе-то мгновеніе метаморфоза съ неизъяснимымъ искусствомъ выражается у Германскаго Поэта. Переходы самые нѣжные; хоры его вполнѣ выражаютъ собою разоблачающуюся Судьбу, готовую преобразиться въ Провидѣніе; это грозное, змѣевѣнчанное чело древней Трагедіи, на зеркалѣ щитѣ Романтической Драмы. Стихосложеніе вполнѣ соотвѣтствуетъ гармоніи цѣлаго; разговоръ дѣйствующихъ лицъ писанъ пятистопнымъ безцезурнымъ ямбомъ, столь близ-

Digitized by Google

подходящимъ къ обыкновенному разговору; рифма встрѣчается рѣдко, развѣ когда чувство невольно выливается изъ краевъ переполненнаго сердца. Хоръ напротивъ того писанъ весьма разнообразнымъ, безпрестанно измѣняющимся метромъ древнихъ, не рѣдко оперенным рѣзвою романтизма, такъ что въ самомъ размѣрѣ отражается хаотическое бытіе того періода времени, когда изъ развалинъ древняго міра боговъ и героевъ возникалъ новый міръ христіанства и мучениковъ; но тамъ, гдѣ хоръ перестаетъ играть роль вдохновеннаго и безстрастнаго оракула, и становится наравнѣ съ дѣйствующими лицами, составляя тамъ дружину младшельныхъ Принцевъ, тамъ Шиллеръ употребляетъ пятистопный и иногда рифмованный ямбъ. — Въ противоборствіи съ гигантомъ и паденіе не безславно: Г-нъ Ротчевъ сражался съ Шиллеромъ, и—само собой разумѣется—уступилъ ему въ силѣ, но не безъ чести вышелъ изъ боя; и если въ существенности содержанія онъ очень далекъ отъ своего подлинника, за то въ стихосложеніи довольно близко подходитъ къ самому роскошному, къ богатѣйшему метру Шиллера, хотя у Переводчика и не видимъ тѣхъ радужныхъ, измѣняющихся, согласно съ мыслію, оттѣнковъ, замѣчаемыхъ нами въ Германскомъ Драматикѣ. Напр. на стр. 27, Г-нъ Переводчикъ не передалъ намъ ни духа, ни внѣшней формы подлинника:

Такъ, называйся тотъ царемъ,
Чье сердце въ страстяхъ *не устало*.
Одна любовь своимъ *огнемъ*

Digitized by Google

Живитъ цвѣтъ нашихъ дней *завялый*.
Киприда часто дни людей
Своею силою тарун,
Прочь гонитъ опытъ отъ очей,
Имъ сны прекрасные даруя.

Прочтите-же у Шиллера:

König ist hier, wer den Augen gefällt!
Auch die Liebe beweget das Leben,
Daß sich die graulichen Farben erheben.
Reitzend betrügt sie die glücklichen Jahre,
Die gefällige Tochter des Schaums, и. ш. д. (*).

Гдѣ-жь эта роскошь стопосложенія (König ist hier, wer den Augen gefällt)? Простой ямбъ, шутъ нейдетъ. Читая Шиллера, вѣришь Грекамъ, что Киприда родилась изъ волнъ морскихъ.

Die gefällige Tochter des Schaums.

— Этотъ стихъ звученъ, плавенъ и мягокъ какъ волна: его и видишь, и слышишь, и онъ ничѣмъ не замѣненъ у Переводчика. Слова: *не устало*, *огнемъ*, *завялый*, *своею силою тарун* — безцвѣтны и слишкомъ обыкновенны. На 5-й страницѣ первый хоръ, Каэтанъ. Прочтите въ подлинникѣ: Dich begrüß ich in Ehrfurcht, и ш. д. «Съ благоговѣніемъ при-

(*) Т. е. Здѣсь тотъ владыка, кто *плѣняетъ* взоры. Любовь *волнуетъ* жизнь, чтобы *умножить* игру пасмурныхъ цвѣтовъ ея; прельщая обманываетъ счастливые годы она—*благосклонная дщерь морской пѣны*.

Digitized by Google

«вѣнствую тебя, ликующій черногъ, тебя, цар-«ственная *колыбель* владыкъ моихъ, на столпахъ «покоющійся великолѣпный поршикъ.» — Вотъ Русскій переводъ:

Подножіе трона
Дивнымъ одѣто днесь свѣтомъ!
Властителей лоно
Днесь мы почтимъ-не привѣтомъ!

Гдѣ-же это пластическое изображеніе *чертога*, *колыбели* владыкъ, — — ? Тамъ ни о *свѣтѣ*, ни о *лонѣ* властителей ни слова.—Далѣе:

Обители врать
Духъ брани, змѣями увитый, ввѣкъ не откроетъ.

Это довольно сходно съ подлинникомъ; но все не рѣзецъ Шиллеровъ: «Пусть *лежитъ* передъ врагами «*въ оковахъ змѣевласое чудовище* Раздора.» — Послушаемъ:

Вѣрно спокойствіе *ада*,
Не грянетъ *тревога*,
Клятва лежитъ у порога,
Исчадіе ада.

Стихи хороши, но гдѣ полнота Шиллеровыхъ выраженій: «Безопасный прагъ гостепріимнаго до-«ма сторожитъ *Клятва*, *дщерь Эриннія*, ужаснѣйшая изъ всѣхъ адскихъ богинь.» — На 7-й стр. весь *другой хоръ* (Манфреда) переведенъ удачно. Жаль только, что Г-нъ Ротчевъ не строго придерживается къ характерическимъ выраженіямъ Поэта, какъ на пр.:

Digitized by Google

» Nicht wo die goldene Ceres lacht
Und der friedliche Pan, der Flurenbehüter.

Но слѣдующіе два стиха превосходно переданы:

(Wo das Eisen wächst in der Berge Schacht,
Da entspringen der Erde Gebieter.)
« Тѣ страны намъ владыкъ даряшъ,
« Гдѣ въ нѣдрахъ горъ лежишъ булашъ. »

Далѣе: 8 стр., предпослѣдніе стихи *перваго хора* (Каэтана) у Г-на *Ротчева*:

— — — Въ долинѣ промчался потокъ,
Бурей и градомъ рожденный въ мгновенье. . .
Корни деревьевъ онъ вырвалъ въ стремленьѣ!
Стихло: и воды уходятъ въ песокъ.

У *Шиллера*: « Тѣ грозные родники непогодъ
— ◡ ◡ — ◡◡ — ◡ — ◡
(Jene gewaltigen Wetterbäche), слитые изъ безконеч-
« ныхъ *чертоговъ града* (Hagels), изъ разрѣшенныхъ
« тучь, мрачные, ниспадая съ шумомъ, срываютъ
« мосты и плотины, унося ихъ въ громоревущихъ
« волнахъ своихъ. » У Переводчика также картина, но въ миніатюрѣ. Вообще у Г-на Ротчева замѣтно, что онъ, увлекаясь прелестью рифмы, жертвовалъ ей точностью, и не рѣдко метафоры, для которыхъ должно было изобрѣсть тождественныя онымъ на Русскомъ, онъ замѣнялъ слишкомъ обыкновенными, ни мало не выражающими мыслей Шиллера.

Впрочемъ съ похвалою можно отнестись о его монологѣ Беатрисы (30—33 стр.); выпишемъ изъ него нѣсколько стиховъ:

Digitized by Google

Нѣтъ! все не онъ! по вѣтра шумный сводъ,
Шумящій межъ вершинъ огромныхъ сосенъ!
Уже давно шемнѣетъ небосклонъ:
Замедленный свиданья часъ несносенъ!...
Мнѣ обхватилъ какой-то ужасъ грудь,
Меня стращитъ унылое молчанье.
Напрасно я гляжу на дальній путь,
Осуждена на долгое страданье!...
Не вдалекѣ волнуется народъ,
И вѣчный шумъ летитъ по стогнамъ града,
Какъ вѣчное паденье водопада...
И Океанъ съ созданія реветъ!...
Безсильна я средь грозныхъ силъ вселенной,
Какъ листъ древесъ порывомъ унесенный.
Я презрѣла обитель прежнихъ дней,
Гдѣ я взросла, не вѣдая волненья,
Гдѣ дни мои, безъ пламенныхъ страстей,
Какъ свѣтлый токъ лились средь наслажденья.
Вдругъ по волнамъ опасно понеслась —
И свѣтъ схватилъ меня рукой могучей,
И клятвою покорена летучей,
Разорвала я жизни первой связь...
— — — — — — — — — —
— — — — — — — — — —
— — — — — — — — — —

Кто божеству поставитъ могъ предѣлъ?
Могучій богъ къ Данаѣ низлетѣлъ!
Трепещетъ всякъ таинственнаго гласа;
Велѣнія судьбы кто избѣжитъ?
Хоть жертва будь на высотѣ Атласа,
Крылатый конь къ ней быстро долетитъ. и ш. д.

Все это переведено поэтически и вѣрно, равно какъ и слѣдующій *хоръ* (Богемунда, 35 стр.):

Digitized by Google

Привѣтъ нашъ владычицѣ!
Ты, днесь осѣненная
Вѣнцемъ и побѣдою,
Продлишь родъ властителей.
Царицѣ привѣтъ!

Рогеръ.

Подъ знаменемъ счастія
Ты входишь въ домъ счастливый,
Богами прославленный!
Гдѣ блещетъ корона побѣдою,
И скипетръ, златомъ играющій,
Опять позднихъ потомковъ преходитъ къ сынамъ.

Богемундъ.

Приходъ твой возрадуетъ
Потомковъ властителей,
Пенатовъ хранителей...
И будешь ты встрѣчена
На прагѣ обители
Богинею, младости
Цвѣтами украшенной,
И свѣтлой побѣдою
Богиней крылатою,
Которая *въ дланяхъ* Юпитера грознаго.

Думашь надобно, что послѣдніе четыре стиха Шиллера:

Und die goldne Viktoria,
Die geflügelte Göttinn,
Die auf der Hand schwebt des ewigen Vaters,
Ewig die Schwingen zum Siege gespannt

намекаютъ на миніатюрную статую Минервы,

Digitized by Google

или Викторіи, поставленную на рукѣ знаменитаго Олимпійскаго Юпитера, и потому точность требовала сказать—*златою Викторіей.*

На длани Юпитера грознаго —

Я бы не окончилъ, если-бы захотѣлъ выписывать прекрасныя мѣста изъ поэтическаго перевода Г-на Ротчева. Но вотъ еще одинъ довольно удачно переведенный хоръ:

» Leicht verſchwindet der Thaten Spur, и т. д.
Стираются быстро дѣянья съ земли,
Лучами полдня освѣщенной,
Какъ въ памяти призракъ, мелькнувшій мгновенно,
Который предъ очи мечты принесли.
Но то не исчезнетъ, что въ урнѣ таинственной, темной,
Часы принимаютъ въ полетѣ своемъ,
А время какъ поле, и жизнью природа огромна:
Все плодъ, и все сѣмя на немъ.

Изъ сказаннаго мною ясно, что переводъ Г-на Ротчева не совсѣмъ вѣренъ, и особенно тамъ, гдѣ Шиллеръ *бриліантовой своей рукой* (mit diamantener Hand) играетъ на древней лирѣ Софокла; но, когда онъ переливается въ родные намъ звуки, перебирая струны арфы Эоловой, тамъ Переводчикъ въ своей сферѣ. Не будемъ спорить о словахъ: переводъ-ли это, или подражаніе, но *Мессинская Невѣста* — есть прекрасный цвѣтокъ въ нашей литературѣ.

М. Л—нъ.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1829 года.

— *Черты Умозрительной Философіи*, выбранныя изъ В—б—ра, Кл—на, Т—н—ра и др., и изданныя А. С—мъ. СПб., 1829 г., in 12, 121 стр.

Пріятнѣйшею обязанностью почитаемъ извѣстить читателей Телеграфа о сей замѣчательной и достойной вниманія книгѣ. Въ одно время Русская Словесность можетъ похвалиться новыми пріобрѣтеніями въ поэмѣ А. Пушкина—*Полтава*, въ романѣ Г-на Булгарина—*Иванъ Выжигинъ* и въ *Чертахъ Умозрительной Философіи*. Появленію метафизическаго сочиненія на отечественномъ языкѣ мы въ особенности радуемся: оно будетъ имѣть весьма важное вліяніе на образъ мысленія въ Наукахъ, Искусствахъ и Словесности, и равно содѣйствовать обогащенію языка. Пока народъ не имѣетъ понятій какой-либо науки, до тѣхъ поръ онъ не умѣетъ о ней говорить. Изъ любви къ успѣхамъ отечественнымъ, должны мы сознаться, что мы еще о многихъ ученыхъ предметахъ говорить не умѣемъ: явный признакъ, что мы еще нуждаемся во многихъ понятіяхъ. Принесемъ торжественно благодарность тѣмъ изъ соотечественниковъ, которые передаютъ намъ и усвояютъ ученыя пріобрѣтенія иностранцевъ, упредившихъ насъ въ

Digitized by Google

просвѣщенія. Таковую благодарность заслуживаетъ Издатель книги: *Черты Умозрительной Философіи.*

Вотъ содержаніе сего сочиненія: А) *Часть общая* или *Введеніе.* Здѣсь раскрывается безусловное знаніе въ созерцаніи разума, отнуда выводится идея первоначальнаго бытія и жизни, идея разнообразія видимаго міра и идея тожества бытія и знанія, или идеи: вѣчнаго, безконечнаго и конечнаго. В) *Часть особенная.* 1. Теорія натуры, или Философія натуральная—ученіе о творимомъ бытіи. Объясненіе всемірной стихіи: отсюда возбужденіе, движеніе и притяженіе, какъ три коренныхъ дѣятеля видимаго міра. Явленія, сопровождающія сихъ дѣятелей: свѣтъ, теплота, тяжесть. Огонь, какъ совокупность явленій всемірныхъ процессовъ. Электричество и воздухъ, химизмъ и вода, кристализмъ и земля; кислородъ, водородъ, углеродъ. Цвѣта, звуки, тѣла. Происхожденіе ископаемыхъ, растеній, животныхъ. Изслѣдованіе трехъ царствъ природы, отъ ископаемыхъ восходя до человѣка, показываетъ единство въ безконечномъ многоразличіи, связь во всѣхъ явленіяхъ и произведеніяхъ видимаго міра и тожество коренныхъ законовъ бытія. Изъ чувственности развивается міръ идеальный. II. *Теорія духа*, или *Идеальная Философія*—ученіе о творящемъ качествѣ. Сознаніе, какъ средоточіе всѣхъ чувственныхъ представленій. Три стороны духовной жизни: чувствительная, познавательная, нравственная; изслѣдованіе сихъ трехъ сторонъ открываетъ въ первой: воображеніе, внутреннее чувство, фантазію. Здѣсь раждается идея Изящнаго и Искусства. Познавательная сторона пред-

Digitized by Google

ставляетъ три степени: смыслъ, разсудокъ и разумъ. Идея истиннаго и науки. Разсмотрѣніе на третьей сторонѣ побужденій, страстей и воли. Идея добраго и Иѳики. Соединеніе души съ тѣломъ. III. *Богоученіе.* Созерцаніе Божественнаго Существа въ самомъ себѣ, въ отношеніи къ міру и разсмотрѣніе міра въ отношеніи къ Богу.

По указанію самого Издателя, Часть Общая заимствована изъ *Таннера;* Теоріи природы и духа изложены по *Веберу*, а Богоученіе начертано по *Таннеру* и *Клейну*. Теорія природы, по нашему мнѣнію, обработана лучше прочихъ; съ нѣкоторыми же выводами въ теоріи духа мы несогласны. Притомъ весьма сожалѣемъ, что часть общая, важнѣйшая, не вполнѣ взята изъ Таннера.

Изъ сего краткаго изложенія содержанія сей книги очевидно, что подъ скромнымъ заглавіемъ *Черть Умозрительной Философіи* изложена вся Метафизика. Послѣдовательность во всемъ сочиненіи совершенная. Слогъ, сколько по новости предмета на языкѣ нашемъ требовать можемъ, точенъ, правиленъ и ясенъ. Многіе, по привычкѣ съ легкостью читать такъ называемые *философическіе опыты*, *смѣси*, *словари* и проч., требуютъ отъ истинно-философскихъ сочиненій такой-же простоты, обвиняя все для ихъ разуменія недоступное въ безсмыслицѣ и безполезности. Требованіе невозможнаго несправедливо. Непосвященные въ таинства Математики не могутъ понимать Лагранжа и Лапласа; однако никто не дерзаетъ упрекать сихъ безсмертныхъ писателей въ неясности; ибо каса-

Digitized by Google

шельно математическихъ книгъ, всѣ увѣрены, что для нихъ необходимо приготовленіе. Точно также нужно приготовленіе и для Философіи, какъ науки, и приготовленіе еще бо́льшее, обширнѣйшее, по причинѣ всеобщности ея содержанія. Въ чемъ-же должно состоять приготовленіе къ Философіи? Именно въ знаніяхъ естественныхъ и антропологическихъ. Прежде одни изъ мнимыхъ философовъ, съ черствымъ запасомъ Баумейстера, теряясь во мглѣ безполезныхъ умозрѣній, не подкрѣпляемыхъ опытными знаніями; другіе, наблюдая только нѣкоторыя части природы, разсѣкая ее, какъ трупъ, думали постигнуть всѣ тайны міра, сей вѣчной жизни; былъ и третій родъ псевдо-философовъ, или цѣхъ дерзкихъ мечтателей, которые гипотезы свои и парадоксы подтверждали тиномъ Философіи. Нынѣ Философія требуетъ знаній и наблюденій; она въ отношеніи къ прочимъ наукамъ тоже, что зодчій въ отношеніи къ работникамъ. При такомъ приготовленіи *Черты Умозрительной Философіи* покажутся ясными и понятными.

— *Исторія Государства Россійскаго.* Томъ XII. СПб., 1829 г., въ т. Н. Греча, in 8, VII, 330 и 243 стр.

Появленіе въ свѣтъ послѣдняго, неконченнаго тома Исторіи *Государства Россійскаго*, радуетъ и печалитъ истиннаго сына отечества. Кто изъ Русскихъ безъ наслажденія прочтетъ сіе изящное произведеніе и не пожалѣетъ, что Судьбы Вышняго не допустили Карамзина довершить свой безсмертный трудъ! Издатель XII-го тома, упомя-

Digitized by Google

нувъ о причинахъ, замедлившихъ появленіе онаго въ свѣтъ, говоритъ слѣдующее. «Всѣ приложенныя нами Примѣчанія суть не что иное, какъ выписки, сдѣланныя по оставшимся въ бумагахъ покойнаго Исторіографа указаніямъ. Что касается до текста, кажется, нѣтъ нужды говорить, что онъ представляется читателямъ въ томъ самомъ видѣ, въ коемъ мы нашли его. Первыя четыре главы, даже и начало пятой, за исключеніемъ лишь немногихъ послѣднихъ страницъ, были еще при жизни Автора переписаны на бѣло, пересмотрѣны имъ и приготовлены къ печати. По странному, достойному замѣчанія стеченію обстоятельствъ, сіе послѣднее произведеніе Карамзина было, какъ можно полагать, послѣднимъ чтеніемъ Императора Александра; манускриптъ онаго, присланный изъ Таганрога послѣ кончины сего Государя, возвращенъ покойному Исторіографу въ то время, когда онъ самъ быстро склонялся ко гробу.

«Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить свой талантъ. Въ самомъ изнеможеніи силъ физическихъ, силы души его не слабѣли, и послѣднія черты его кисти такъ-же живы и вѣрны, какъ и тѣ, коими ознаменованы блистательнѣйшія мѣста его Исторіи. Въ семъ XII-мъ томѣ, коему можетъ быть только не достаетъ конца, чтобъ быть совершеннѣйшимъ, читатели, умѣющіе цѣнить изящное, найдутъ все, что по справедливости плѣняетъ насъ въ первыхъ, все, что можно назвать отличительнымъ свойствомъ сего безсмертнаго творенія: необыкновенную точность въ изображеніяхъ, плодъ обширныхъ, неутомимыхъ изысканій и пла-

Digitized by Google

менной, благоговѣйной любви къ истинѣ, во всемъ руководствовавшей Автора, выборъ всегда удачный сихъ мѣлкихъ, но иногда столь важныхъ подробностей, которыя, такъ сказать, оживотворяютъ разсказъ Историка, искуство поддерживать и пробуждать вниманіе красотою отдѣльныхъ картинъ безъ вреда для общей связи и дѣйствія цѣлаго, и другое еще замѣчательнѣйшее искуство описывать давно бывшія происшествія съ чувствомъ и жаромъ современника, не переставая судить о нихъ, означать ихъ причины и слѣдствія съ безпристрастіемъ и проницательностію Философа, богатаго идеями нашего вѣка. Мы уже не говоримъ о достоинствѣ неподражаемаго, доселѣ единственнаго у насъ слога.» — Можемъ-ли что либо прибавить къ выраженнымъ здѣсь чувствованіямъ? Они принадлежатъ цѣлой Россіи.

Повѣствованіе Карамзина доведено до междоцарствія, случившагося по низведеніи съ престола Василія Шуйскаго. Описавъ убіеніе Ляпунова, Исторіографъ начинаетъ излагать состояніе Россіи слѣдующими словами. «И что была тогда Россія? Вся полуденная беззащитною жертвою грабителей Ногайскихъ и Крымскихъ: пепелищемъ кровавымъ, пустынею; вся юго-западная, отъ Десны до Оки, въ рукахъ Ляховъ, которые, по убіеніи Лжедимитрія въ Калугѣ, взяли, разорили вѣрные ему города: Орелъ, Болховъ, Бѣлевъ, Карачевъ, Алексинъ и другіе; Астрахань, гнѣздо мѣлкихъ Самозванцевъ, какъ бы отдѣлилась отъ Россіи, и думала существовать въ видѣ особеннаго царства, не слушаясь ни Думы Боярской, ни Воеводъ Московскаго стана;

Digitized by Google

Шведы, схвативъ Новгородъ, убѣжденіями и сл
лою присвоивали себѣ наши сѣверо-западныя владѣ
нія, гдѣ господствовало безначаліе, гдѣ явилс
еще новый, третій или четвертый Лжедимитрій
достойный предшественниковъ, чтобы прибавит
новый стыдъ къ стыду Россіянъ современныхъ
новыми гнусностями обременить Исторію, и гд
еще держался Лисовскій съ своими злодѣйскими шай
ками. Высланный наконецъ жителями изъ Псков
и не впущенный въ крѣпкій Иваньгородъ, онъ взял
Вороночь, Красный, Заволочье; нападалъ на мало
численные отряды Шведовъ; грабилъ, гдѣ и ког
могъ. Тихвинъ, Ладога сдалися Генералу Делагар
ди на условіяхъ Новогородскихъ; Орѣшекъ не сда
вался...» На этомъ словѣ, можетъ быть, перо выпа
ло изъ *животворныхъ рукъ* великаго человѣка.

— *Списокъ удостоенныхъ знакомъ отличія безпо
рочной службы* въ 1828 году. СПб., 1829 г., въ п
Генеральнаго Штаба, in 8, 256 стр.

Всѣхъ особъ, удостоенныхъ знакомъ отличія бе
порочной службы въ 1828 году, означено въ сем
спискѣ 2285. Знакомъ 55-ти лѣтъ награждены чет
веро: *Генералъ-Фелдмаршалъ Фабіанъ Вильгельмови
Графъ Фонъ-деръ Остенъ Сакенъ 1-й*—за 57 лѣтъ слу
бы; *Вице-Адмиралъ Николай Ивановичъ Шешуков*
за 57 лѣтъ съ мѣсяцами; *Генералъ-Лейтенан
Иванъ Петровичъ Пущинъ*—за 56 лѣтъ съ мѣсяцам
*Штабъ-Іскарь, Статскій Совѣтникъ Леонтій Ф
доровичъ Тетеринъ* — за 57 лѣтъ съ мѣсяцами. Зн
комъ 50-ти лѣтъ службы отличены 6 человѣкъ
Оберъ-Егермейстеръ Дмитрій Львовичъ Нарышкин
за 50 лѣтъ; *Дѣйствительный Тайный Совѣтни*

Digitized by Google

Василій Сергѣевичъ Ланской—за 51 годъ съ мѣсяцами; *Вице-Адмиралъ Алексѣй Николаевичъ Саблинъ*—за 52 года съ мѣсяцами; *Тайный Совѣтникъ Богданъ Андреевичъ Гермесъ*—за 51 годъ съ мѣсяцами; *Генералъ-Маіоръ Иванъ Дмитріевичъ Поповъ*—за 50 лѣтъ съ мѣсяцами; *Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Александръ Сергѣевичъ Никольскій*—за 51 годъ съ мѣсяцами. Знакъ 45-ти лѣтъ службы получили 26 особъ. *Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ*—за 46 лѣтъ съ мѣс.; *Вице-Адмиралъ Кириллъ Григорьевичъ Михаловскій*—за 49 лѣтъ съ мѣс.; *Тайный Совѣтникъ Алексѣй Ѳедоровичъ Малиновскій*—за 48 лѣтъ съ мѣс.; *Вице-Адмиралъ Антонъ Васильевичъ Моллеръ 2-й*—за 48 лѣтъ; *Вице-Адмиралъ Петръ Михайловичъ Рожновъ*—за 45 лѣтъ съ мѣс.; *Вице-Адмиралъ Гаврило Андреевичъ Сарычевъ*—за 47 лѣтъ; *Вице-Адмиралъ Романъ Романовичъ Галлъ*—за 45 лѣтъ съ мѣс.; *Вице Адмиралъ Максимъ Петровичъ Коробка*—за 48 лѣтъ съ мѣс.; *Вице-Адмиралъ Семенъ Аѳанасьевичъ Пустошкинъ*—за 49 лѣтъ съ мѣс.; *Генералъ-Лейтенантъ Романъ Петровичъ Шельтингъ*—за 45 лѣтъ съ мѣс.; *Инженеръ-Генералъ-Маіоръ Петръ Семеновичъ Кругъ*—за 46 лѣтъ съ мѣс.; *Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Николай Степановичъ Ильинскій*—за 46 лѣтъ съ мѣс.; *Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Андрей Ивановичъ Градеръ*—за 45 лѣтъ съ мѣс.; *Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Николай Евстафьевичъ Ісвицкій*—за 47 лѣтъ съ мѣс.; *Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Павелъ Александровичъ Небольсинъ*—за 47 лѣтъ съ мѣс.; *Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Петръ Егоровичъ Фрикціусъ*—за 48 лѣтъ съ мѣс.; 5-го клас-

Digitized by Google

са Василій Лаврентьевичъ Лаврентьевъ—за 47 лѣтъ съ мѣс.; 5-*го класса Иванъ Самойловичъ Розенмейеръ*—за 47 лѣтъ съ мѣс.; *Статскій Совѣтникъ Петръ Васильевичъ Неѣловъ*—за 45 лѣтъ съ мѣс.; *Статскій Совѣтникъ Исакъ Михайловичъ Куллманстевъ*—за 46 лѣтъ съ мѣс.; 5-*го класса Григорій Крестьяновичъ Циммерманъ*—за 48 лѣтъ съ мѣс.; *Коллежскій Совѣтникъ Александръ Александровичъ Козаковъ*—за 45 лѣтъ съ мѣс.; *Коллежскій Совѣтникъ Францъ Петровичъ Броуеръ*—за 46 лѣтъ съ мѣс.; *Коллежскій Совѣтникъ Василій Михайловичъ Аврамовъ*—за 47 лѣтъ съ мѣс.; *Капитанъ* 2-*го ранга Петръ Петровичъ Бекманъ*—за 46 лѣтъ съ мѣс.; 8-*го класса Семенъ Владиміровичъ Струбинскій*—за 45 лѣтъ. Знакъ отличія 40-ка лѣтней службы получили 82 человѣка, 35-ти лѣтней 121, 30-ти лѣтней 246, 25-ти лѣтней 449, 20-ти лѣтней 583, 15-ти лѣтней 768. Въ числѣ особъ, отличенныхъ знакомъ 30-ти лѣтней службы, находится Его Императорское Высочество Цесаревичъ Константинъ Павловичъ.

— *Уставъ* Императорскаго *Александровскаго Университета въ Финляндіи* (на Русскомъ и на Шведскомъ языкахъ). СПб., 1829 г., въ т. Деп. Народн. Просв., 223, 23 и 17 стр., in 4.

По волѣ блаженныя памяти Государя Императора Александра Перваго, учреждена была особая Комисія для сочиненія проэкта новаго Устава Финляндскаго Университета. Проэктъ сей, вмѣстѣ съ принадлежащими къ оному: *Постановленіемъ о благочиніи для студентовъ* и *постановленіемъ объ испытаніяхъ, для посвящающихъ себя гражданской службѣ въ Финляндіи*, поднесенный Государю Импе-

Digitized by Google

ратору, Высочайше утвержденъ 1828 года, Ноября 28 дня. Съ чувствомъ живѣйшей благодарности къ Мудрому Законодателю читали мы предусмотрительныя Его распоряженія. Нынѣ Финляндскій Университетъ получаетъ новую жизнь. Ему дарованы многія преимущества и выгоды. Жалованье Гг. Профессоровъ простирается, отъ 1248 р. 48 к. серебромъ и 277 р. 44 к. сер. поземельнаго сбора, до 1000 рубл. серебромъ. Въ преподаваніи наукъ и экзаменахъ принята строгая метода старинныхъ Германскихъ Университетовъ. Всѣ каѳедры раздѣлены на слѣдующіе факультеты: 1-е, *Богословскій*, 2-е, *Юридическій*, 3-е, *Медицинскій*, 4-е, *Философическій*. Въ Богословскомъ 4 Ординарныхъ Профессора: *Догматической Богословіи*, *Богословской Эгзегетики*, *Церковной Исторіи*, *Богословскаго нравоученія*, и при нихъ 2 Адъюнкта. Въ Юридическомъ 3 Ординарныхъ Профессора: *Римскаго* и *Россійскаго Правовѣдѣнія*, *Финляндскаго общаго права*, *Народнаго и Государственнаго Права и Политической Экономіи*. При нихъ 2 Адъюнкта. Въ Медицинскомъ 3 Профессора: *Физіологіи* и *Анатоміи*, *Теоретической* и *Практической Медицины*, *Хирургіи* и *Повивальнаго искуства*, и 4 Адъюнкта. Въ Философическомъ факультетѣ 11 Ординарныхъ Профессоровъ: 1-е, *Теоретической* и *Практической Философіи*, 2-е, *Математики*, *чистой и прикладной*, 3-е, *Физики*, 4-е, *Астрономіи*, 5-е, *Химіи*, 6-е, *Зоологіи и Ботаники*, 7-е, *Исторіи*, *Географіи и Статистики*, 8-е, *Краснорѣчія и Стихотворства*, 9-е, *Греческаго языка и Словесности*, 10-е, *Вос-Словесности* *воности*, 11-е, *Исторіи Наукъ и Сло-*

весности. При них 7 Адъюнктовъ. Сверхъ сего при Университетѣ 1 Экстраординарный Профессоръ *языка Россійскаго и Словесности*, 5 Лекторовъ для другихъ языковъ и 4 Учителя искусствъ.

— *Путешествіе по Турціи* изъ Константинополя въ Англію, чрезъ Вѣну. Соч. Р. Вальша, бывшаго при Англійскомъ Посланникѣ, Лордѣ Странгфордѣ. Перевелъ съ Франц. С. де Шаплетъ. СПб. 1829 г. въ т. вдовы Плюшаръ, in 8, IV и 356 стр. Съ рисунками, планами и картою.

Не льзя насчитать много сочиненій, которыя имѣли-бы такой успѣхъ, какъ Путешествіе Г-на Вальша, нынѣ переведенное на Русскій языкъ Г-мъ де Шаплетомъ. Оно было источникомъ выписокъ во всѣхъ журналахъ, было переводимо по частямъ, и, наконецъ, вполнѣ переведено почти на всѣ языки. Это уже даетъ знать, что оно имѣетъ достоинства, признанныя всею просвѣщенною Европою. Дѣйствительно, ни въ одной книгѣ, исключая *Два года въ Константинополѣ и Морев*, Турція, нынѣ особенно интересная для насъ, не изображена такъ живо, какъ въ Путешествіи Вальша. Начиная Константинополемъ, Авторъ описываетъ все, встрѣчающееся ему на пути черезъ степи и города Шумлу, Разградъ, Рущукъ, Бухарестъ, Германштатъ, Пештъ, Офенъ и проч. Онъ имѣетъ свой взглядъ, свою кисть въ изображеніи предметовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣренъ истинѣ, и можно утвердительно сказать, что читатель его сочиненія получаетъ здравое понятіе о Европейской Турціи и сопредѣльныхъ съ нею Славянскихъ земляхъ. Русскій переводъ сей книги чистъ,

Digitized by Google

жень, изданъ прекрасно и обогащенъ каршою земель, описываемыхъ въ книгѣ, что есть *Картою пути Сочинителя* чрезъ Оракію, Булгарію, Валлахію, Трансильванію, Венгрію, съ означеніемъ нѣкоторыхъ дорогъ и проѣздовъ чрезъ Балканскія и Карпатскія горы. Сверхъ сего къ нему приложены: *карта окрестностей Константинополя, картинки, изображающія гробницы Али-Паши и сыновей его, выставку головы Али-Паши на Серальскомъ дворѣ*, снимокъ съ *яфты*, или *надписи на Серальскомъ дворѣ, надъ головою Али-Паши, виды проѣзда черезъ Балканы, изъ Айдоса въ Шумлу, почтовой ѣзды въ Валлахіи*, и проч.

Въ полной увѣренности заслужишь отъ читателей нашихъ благоволеніе, рекомендуемъ имъ сію любопытнѣйшую книгу.

– Alexandro Lib. Bar. ab Humboldt iter in montes Uralenses facienti (*Барону Александру Гумбольдту*, путешествующему на Уральскія горы.) М. 1829 г., въ т. А. Семена, in 4, 5 стр.

Это стихи, поднесенные Барону Гумбольдту въ Московскомъ Благородномъ Собраніи, въ тотъ день, когда ему давали обѣдъ, сдѣланный *на подписку*. Знаменитаго путешественника привѣтствовали кромѣ сихъ стиховъ рѣчами, на Русскомъ, Нѣмецкомъ и Французскомъ языкахъ. Вообще надобно сказать, что въ Москвѣ приняли Гумбольдта блестящимъ образомъ. Его посѣщали многіе ученые и знатные люди; Университетъ явился передъ нимъ во всемъ своемъ цвѣтущемъ состояніи и избралъ его въ свои Почетные Члены.

Digitized by Google

Здѣсь Гумбольдтъ встрѣтилъ своего бывшаго учителя, Профессора Анатоміи, Дѣйств. Сов. Лодера. Общее уваженіе и признательность къ ученымъ заслугамъ, изъявленныя Гумбольдту въ Москвѣ, не одинъ разъ растрогивали его высокую душу.

Цѣль путешествія сего знаменитаго ученаго должна быть извѣстна читателямъ. Гумбольдтъ ѣдетъ осмотрѣть Уральскія горы, дабы послѣ сказать свое мнѣніе о ихъ образованіи и, сверхъ сего, рѣшить нѣкоторые общіе геологическіе вопросы. Къ осени онъ возвратится въ Москву.

— *Искуство плавать*, по методѣ, принятой въ Императорскомъ Военномъ Институтѣ плаванія въ Вѣнѣ, сочиненное Австрійской службы Маіоромъ Гейницомъ, преимущественно для употребленія въ Австрійскихъ войскахъ. Перевелъ Артиллеріи Капитанъ Чивилевъ. СПб. 1829 г. въ Военной типографіи Главнаго Штаба, in 8, XV и 107 стр. съ 5-ю рисунками.

Переводчикъ сей книги былъ, по Высочайшему повелѣнію, командированъ, въ 1823 году, въ Варшаву, для изученія шамъ усовершенствованной методы плаванія, введенной въ Вѣнскомъ Институтѣ. Желая быть полезнымъ по сей части всѣмъ своимъ соотечественникамъ, Г. Чивилевъ, хорошимъ слогомъ перевелъ объявляемую нами книгу, и въ Предисловіи къ оной говоритъ: « Институты плаванія существуютъ уже нѣсколько лѣтъ въ Вѣнѣ, Прагѣ, Берлинѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Варшавѣ и во многихъ другихъ городахъ Европы. Польза

Digitized by Google

ошъ введенія подобныхъ Институтовъ очевидна. Искуство плавать необходимо почти во всякомъ званіи и состоянін людей; многіе примѣры, встрѣчающіеся въ частной жизни каждаго человѣка, и ежегодные несчастные случаи съ другими, достаточно убѣждаютъ въ сей истинѣ. Но искуство сіе еще необходимѣе для воина и для молодыхъ людей, посвящающихъ себя военной службѣ, въ которой такъ часто необходимость заставляетъ переправляться чрезъ рѣки, и слѣдовательно такъ часты случаи, когда искусный пловецъ можетъ спасти жизнь и себѣ, и другимъ.

«Одушевленный искреннимъ желаніемъ содѣйствовать принятію и распространенію сего спасительнаго искуства и въ нашемъ отечествѣ, перевелъ я предлагаемую здѣсь книгу, и почту себя совершенно счастливымъ и за трудъ свой сторичнo награжденнымъ, если хотя нѣсколько буду споспѣшествовать тѣмъ введенію онаго и у насъ.»

— *Дилижансъ*, или наблюдатель отечественныхъ нравовъ. М. 1829 г., въ т. Н. Степанова, in 16, VI и 197 стр.

Удивительная книжка! Жаль, что названіе ея не соотвѣтствуетъ содержанію. По нашему мнѣнію, ее должно-бъ было назвать: *Наблюдатель гостинницъ отъ Петербурга до Москвы, или примѣры кривописанія*, и, послѣ сего, раздавъ сію книжицу Гг. станціоннымъ смотрителямъ по Петербургской дорогѣ, посовѣтовать имъ, заставлять своихъ дѣтей, въ наказаніе за дѣтскія проказы, изглаживать топографическія и орографическія

Digitized by Google

ошибки Автора. Тутъ его книжка, можетъ быть, принесла-бы и пользу.

— *Древнее сказаніе о побѣдѣ Великаго Князя Димитрія Іоанновича Донскаго надъ Мамаемъ.* Издано Д. Членомъ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ И. Снегиревымъ. М. 1829 г. въ Университ. т., in 8, 67 стр.

Вотъ, можно сказать, единственный памятникъ нашей поэзіи XV-го вѣка! Г. Снегиревъ, за принятый имъ на себя трудъ, заслуживаетъ истинную благодарность своихъ соотечественниковъ. Онъ издалъ сіе *Сказаніе* ученымъ образомъ, сличивъ принятый имъ за основаніе списокъ, отысканный покойнымъ Р. Ѳ. Тимковскимъ и нынѣ принадлежащій Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ, съ двумя другими списками. Онъ обогатилъ сверхъ сего изданіе свое разными примѣчаніями, поправками и указаніемъ на параллельныя мѣста, находящіяся въ лѣтописяхъ и другихъ письменныхъ памятникахъ.

Такимъ образомъ, о достоинствѣ сего поэтическаго произведенія теперь можно судить не по словамъ и выпискамъ немногихъ литераторовъ, имѣвшихъ прежде сего случай читать оное, но по собственному убѣжденію. Мы признаемся, что не нашли въ немъ того, что ожидали найдти, судивши по слухамъ. Это полу-историческій, кой-гдѣ оживленный чувствомъ разсказъ. Впрочемъ мы совершенно согласны съ мнѣніемъ Карамзина, который, выписавъ нѣкоторыя мѣста изъ сей побѣдной пѣсни, прибавилъ: «Сіи приведенныя нами

Digitized by Google

нѣста суть, кажется, *лучшіе памятники тогдашняго краснорѣчія*. Люди всегда находили сильныя черты для описанія воинскихъ ужасовъ и горестей любви: воображеніе и сердце дѣйствуютъ и въ то время, когда умъ дремлетъ.»

Можетъ быть, мы возвратимся къ сему любопытному созданію Русскому; теперь-же поспѣшаемъ только извѣстить читателей нашихъ о появленіи онаго въ свѣтъ, въ исправномъ изданіи.

– *Дѣва семи Ангеловъ и Тайна*. Сочиненіе Барона Г. Розена. СПб. 1829 г., въ тип. Деп. Вн. Торговли, in 12, 67 стр. (*).

Русской публикѣ извѣстны уже многія стихотворенія Барона Розена: въ двухъ новыхъ онъ такова-же, какъ и въ прежнихъ. Въ нихъ читатели найдутъ прежнія достоинства и прежніе недостатки.

– *Стихотворенія Н. Маржевича*. Элегіи. Еврейскія мелодіи. М. 1829 г. въ Ун. тип. in 8, 71 стр.

Вотъ книга, непремѣнно требующая добросовѣстнаго Критика! Это не покажется странно, если вспомнимъ, что есть книги, которымъ не страшны ни остроуміе Вольтерово, ни вѣтхій педантизмъ *Вѣстника Европы*, ни литературная безсовѣстность неодушевленной *Галатеи*. Пусть грызутъ они, напримѣръ *Полтаву*, или *Исторію Государства Россійскаго* – что имъ достанет-

(*) Продается въ СПб., у И. В. Слѣнина и А. Ф. Смирдина, по 4 рубли за экземпляръ; съ пересылкою 5 рублей.

Digitized by Google

ся на разживу? Напрошивъ, стихотворенія Г-на Маркевича, при большихъ достоинствахъ, представляютъ изрядный запасъ для критики. Во первыхъ, отъ чего симъ Стихотвореніямъ дано такое заглавіе, когда они *всѣ* состоятъ изъ переводовъ, или *подражаній*, которыхъ оригиналъ принадлежитъ *одному* Байрону? Не лучше-ли было-бы написать: *Подражанія Байрону*, дабы совѣстные журналисты не сказали, что Г. Маркевичъ приписываетъ себѣ чужое. Во вторыхъ, отъ чего названы *Элегіями* отрывки изъ такихъ сочиненій, гдѣ Байронъ совсѣмъ не думалъ быть элегическимъ, на примѣръ въ Чайльдъ-Гарольдѣ? И неуже-ли всѣ подражанія Г-на Маркевича, кромѣ Еврейскихъ мелодій, Элегіи? Третья привязка наша будетъ состоять въ томъ, что книга сія напечатана неисправно и поизукрашена типографическими ошибками. Но все исчисленное нами показываетъ только неопытность Автора въ изданіи книгъ и несовершенство нашихъ типографій, которымъ не льзя ничего довѣрить: перепортятъ и надѣлаютъ всякихъ ошибокъ, если недосмотрите сами. Во Франціи, отдайте деньги вмѣстѣ съ рукописью и не заботьтесь ни о чемъ: все будетъ исправно и хорошо; у насъ, напрошивъ, отдайте деньги и заботьтесь обо всемъ сами, чтобы книга ваша сколько нибудь походила на книгу. Г-ну Маркевичу надлежало-бы, прежде изданія своихъ *Стихотвореній*, посовѣтоваться съ какимъ нибудь опытнымъ литтерашурнымъ *строкой*, и онъ избѣжалъ-бы многихъ наружныхъ неисправностей; а внутреннее достоинство его Сти-

Digitized by Google

хотвореній весьма-бы заслуживало сіе, ибо оно, по мнѣнію нашему, очень замѣчательно. Г. Маркевичъ имѣетъ даръ писать сильные, звучные, иногда истинно образцовые стихи, но вмѣстѣ съ симъ онъ не обращаетъ вниманія на стихи слабые, прозаическіе, которые у него, хотя и рѣдко, также попадаются. Вотъ сколько слабыхъ сторонъ открыли-бы смѣтливые критики въ книгѣ Г-на Маркевича и, указавъ только на оныя, написали-бы ей смертный приговоръ. Но, говоря безпристрастно, мы относимъ всѣ сіи недостатки къ тому, что это первый опытъ Автора; напротивъ истинное дарованіе его видно въ каждой пьесѣ. Для примѣра, списываемъ стихотвореніе, напечатанное на 8-й страницѣ:

Уже рѣдѣетъ ночь, туманы улетаютъ;
Какъ тучи, черные пары,
Вѣнчавшіе главу горы,
Предъ новымъ солнцемъ исчезаютъ;
На западъ устремилась тѣнь.
Уже къ протекшимъ днямъ прибавленъ новый день,
И мы подвинулись къ могилѣ.
Но вся природа въ прежней силѣ:
Въ ней столь-же много красоты,
Какъ въ первый день міросозданья;
Росой усыпаны цвѣты
И воздухъ свѣжъ отъ ихъ дыханья.
Въ горахъ шумитъ ручей, стремится водопадъ,
И разливаетъ тму прохладъ.

Безсмертный человѣкъ! Взгляни на землю, воды,
Взгляни небесъ на дальны своды,

Digitized by Google

И видя прелесть жизни сей,
Скажи: я царь природы всей.
Такъ, удивляйся ей, пока судьба не грянетъ,
Пока позволено глядѣть очамъ твоимъ.
Настанетъ страшный день, настанетъ:
Тогда ты ничего не назовешь своимъ!
Какія-бъ тяжкія печали
Надъ прахомъ бреннымъ ни дышали,
Хоть слезы потекли-бъ изъ дружескихъ очей,
Но о тебѣ не пожалѣютъ
Земля и небеса;
Кровавая въ поляхъ не выступитъ роса,
И облака не потемнѣютъ,
Ни листъ до времени съ деревъ не упадетъ,
Ни вѣтеръ о тебѣ въ печали не вздохнетъ.

Земли прибавишь ты собою:
Ты будешь снѣдь червей подъ гробовой доскою.

Здѣсь конечно есть невыдержанность, но вообще стихотвореніе очень хорошо и даетъ понятіе о подлинникѣ. Незнающіе иностранныхъ языковъ могутъ изъ сей книжки познакомиться съ Байрономъ, такъ-же какъ съ Рафаэлемъ можно познакомиться глядя на эстампы его картинъ.

О новыхъ музыкальныхъ произведеніяхъ.

Можетъ быть ни въ одномъ городѣ Россіи не занимаются музыкою столь много, какъ въ Москвѣ. Прилагаемъ исчисленіе новыхъ нотъ, недавно поступившихъ въ Магазинъ Г-на Ленгольда (о которомъ мы имѣли случай упоминать не одинъ

Digitized by Google

разъ), и сочиненныхъ любителями и артистами, большею частію въ Москвѣ живущими. Выписываемъ и означеніе цѣны каждой пьесѣ, надѣясь симъ угодить Гг. иногороднымъ нашимъ читателямъ:

Музыка для пѣнія, съ акомпанементомъ фортепьяно: . . . . . .

Верстовскаго А. Н., Три пѣсни, слова Жуковскаго. . . . . 4 р.

——— *Козакъ*, изъ *Полтавы* Пушкина: *Кто при звѣздахъ и при лунѣ*. 2 р. 50 к.

Алябьева А. А., Вечерній звонъ, слова И. И. Козлова. . . . . 2 р.

——— *Печальная пѣснь*, на кончину Государыни Императрицы Маріи Ѳкодоровны, слова Г-на Найденова. . . . . 3 р.

——— *Разлука*, романсъ, слова Г-на Найденова. . . . . 2 р.

Г-на де Витте, Порхай, узорный мотылекъ, романсъ, слова его-же. 1 р. 50 к.

——— *Гдѣ ты, душа моей отрада*, слова его-же. . . . . 1 р. 50 к.

——— *Что ты, еромкій соловей*, слова его-же. . . . . 1 р. 50 к.

Г-на Нейдинга, Военная пѣснь, Его Сіятельству Графу Паскевичу Эриванскому, слова А. Н. . 1 р.

Куплеты изъ оперы *Женщина хлопотунъ*, № 35-й, 36-й, 37-й, 38-й каждый по . . . . . 1 р.

Digitized by Google

Г-на Кубишты, Романсъ, *Нина*, слова А. Крюкова. . . . . 1 р. 50 к.

——— Romance, Souvenir. . . . . 1 р. 50 к.

Музыка для одного фортепьяно:

Г-на Дюмушеля, Sonate (à quatre mains). 8 р.

——— Rondoletto. . . . . 3 р.

Г-жи Гёрингъ, Rondo en cotillon. . 1 р. 50 к.

Г-на Заботкина, 2 Walses et 3 Masurques. 1 р. 50 к.

Дѣвицы Гарляновой, Cotillon, 2 Masurques, Walse et Écossaise. . . 1 р. 50 к.

Г-на де Витте, Différentes Walses. . 3 р. 50 к.

Recueil de danses favorites. 2 livraisons. 4 р.

Музыка для гитары.

Г-на Высотскаго, Fantaisie pour la guitarre, à sept cordes, tirée des études de Cramer. . . . . 1 р. 50 к.

Позволимъ себѣ сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія на сіи произведенія. *Три пѣсни*, музыка Г-на Верстовскаго, есть сочиненіе превосходное. Жители Москвы слыхали сію Балладу, пѣтую Г-мъ Лавровымъ, съ акомпанированіемъ оркестра. *Козакъ*, также имѣетъ большое достоинство. Музыку Г-на Алябьева хвалить не нужно: имя сего композитора ручается за достоинство его сочиненій. Г. де Виттне, не столь хорошій стихотворецъ какъ музыканшъ, особенно отличается музыкою шанцевъ: многія его сочиненія сего рода играются на всѣхъ балахъ въ Москвѣ. — Отгадайте, что-бы значилъ романсъ: Le Souvenir, Г-на Кубишты? Это лирическій мо-

Digitized by Google

нологъ *Орлеанской Дѣвы*, переведенной Жуковскимъ, начинающійся словами:

Ахъ, почто за мечь воинственный, и проч. Музыка куплетовъ изъ Оперы *Женщина Лунатикъ*, очень мила, но слова—охъ! слова ужасны! Есть-ли хоть искра вкуса и даже смысла въ слѣдующихъ стихахъ:

Я любилъ, какъ можно только
Съ пламенной душой *любить*;
Такъ суди жь, мой другъ, какъ горько,
Мнѣ обманутому быть!
Взгляды, рѣчи, *сочастье*,
Увѣряли все меня,
Что въ любви нашелъ я счастье,
Но, мой другъ, обманутъ я!
Я съ ней встрѣтился случайно,
Вдругъ влюбился въ красоту,
Но любилъ два года тайно,
Скромность, разумъ, доброту.
Наконецъ въ любви открылся —
Принята любовь моя;
Я счастливѣй всѣхъ былъ льстился,
Но, мой другъ, обманутъ я!

И это напропалъ *первоклассный* поэтъ, Князь А. А. Шаховской! И послѣ такихъ стишонковъ его осмѣливаются почитать чѣмъ нибудь въ Русской поэзіи? Воля ваша! *Первоклассные* писатели не сочиняютъ такихъ плохихъ виршей. Думаемъ, что хуже этихъ стиховъ не напишетъ и губитель сапиръ Буало на Русскомъ языкѣ, Г-нъ Аксаковъ.

Digitized by Google

СМѢСЬ.

Русскій Театръ.

Тщеславный, комедія въ двухъ дѣйствіяхъ; *Крестная маменька*, водевиль въ одномъ дѣйствіи; *Ричардъ въ Палестинѣ*, большой героическій балетъ въ четырехъ дѣйствіяхъ (представленіе въ пользу Г-на Бернарделли)

Пересматривая 9-ю книжку Московскаго Телеграфа, нашли мы, въ отчетѣ о новыхъ произведеніяхъ отечественной литературы, слѣдующія слова Рецензента: «Правительство никогда не запрещаетъ веселиться и радоваться: веселитесь на здоровье! Скажемъ за тайну Автору (одной статьи въ новомъ драматическомъ альманахѣ), что оно именно для этого и устроиваетъ театръ.» — Жаль очень, что Г-нъ Критикъ не прибавилъ къ сему справедливому сужденію нижеслѣдующаго: Содержаніе Императорскихъ Театровъ составляетъ отрасль не доходовъ, но расходовъ государственныхъ. Названіе, присвоенное симъ зрѣлищамъ, не означаетъ того, чтобы оныя были исключительно опредѣлены для увеселенія Августѣйшихъ Особъ. Напротивъ, театры въ Россіи пользуются Высочайшимъ покровительствомъ, для доставленія жителямъ столицъ благороднаго и безвреднаго увеселенія, которое принадлежитъ так-

Digitized by Google

же къ потребностямъ просвѣщеннаго вѣка. Поселянинъ, въ минуты отдохновенія своего, слушаетъ простые напѣвы веселаго хоровода сельскихъ красавицъ; сидѣлецъ какой нибудь лавки отправляется въ праздникъ за Тверскую заставу, полюбоваться правлею медвѣдей; образованное общество ищетъ увеселенія, которое доставляло-бы нѣкоторую пищу уму. Для сего-то Правительство издерживаетъ сотни тысячь на театральныя зрѣлища. Наши театры суть мѣста, подвѣдомственныя высшему начальству, и слѣдовательно въ полномъ смыслѣ суть казенныя заведенія. Но цѣль ихъ видимо разнится отъ другихъ учрежденій, также принадлежащихъ казнѣ. Сіи не имѣютъ и не могутъ имѣть другихъ судей, кромѣ тѣхъ, коимъ отъ Правительства поручено имѣть за оными надзоръ. Театры-же не имѣютъ и не могутъ имѣть другаго судьи, кромѣ публики. Что учреждается или заводится для удовольствія публики, то должно ей угождать и всѣми силами стараться нравиться. Иначе оно уклоняется отъ своего назначенія. Вотъ неопровержимая истина, которую обязаны помнить всѣ управляющіе публичными увеселеніями. Директоръ-ли казеннаго театра, антрепренеръ-ли партикулярнаго, оба равно должны тѣшить публику, именно тѣмъ, что ей въ угоду, а не тѣмъ, что нравится нѣкоторымъ частнымъ лицамъ. Истинно хорошее бываетъ не рѣдко очень мало цѣнимо, а пустяки и мѣлочи весьма часто занимаютъ цѣлыя сословія. Когда славная актриса Клеронъ упрекала знаменитую свою соперницу Дюменилъ въ томъ, что сія, не рѣдко для произ-

Digitized by Google

веденія сильныхъ эффектовъ, употреблять такія средства, которыя не достойны великой актрисы, то Дюмениль откровенно отвѣчала: я обязана угождать всѣмъ зрителямъ, а не малому числу избранныхъ, занимающихъ укромный уголокъ въ партерѣ! Это простодушное сознаніе артистки, приносившей честь своему вѣку, совершенно характеризируетъ обязанность каждой особы, посвятившей себя на трудное и очень трудное ремесло: нравиться публикѣ. Ежели имѣешь дѣло съ этимъ исполиномъ, то не должно разбирать умна или глупа, просвѣщенна или необразованна публика; надобно только помнить, что она прихотлива, упряма и перемѣнчива, какъ погода въ нашемъ сѣверномъ климатѣ. Въ семъ случаѣ, первое и необходимѣйшее условіе — предупреждать всѣ ея желанія, что называется смотрѣть ей въ глаза, безпрестанно ломать себѣ голову, чтобы выдумать что либо могущее ей понравиться и угодить. Тутъ уже смѣло можно сказать: ну, къ чорту умъ и вкусъ (если они служатъ помѣхою). Сими средствами легко пріобрѣсти благосклонность этой причудливой красавицы! Но если кто въ подобныхъ обстоятельствахъ вздумаетъ сказать: какое мнѣ дѣло до публики? я знаю, что я умѣю и все творимое мною очень хорошо — тотъ можетъ быть увѣренъ, что онъ никогда не дождется удачи, и публика, во всѣхъ его предпріятіяхъ будетъ его *дразнить языкомъ*, (яко-же и случается съ нѣкіими изъ нашихъ Гг-дъ журналистовъ).... Сіе небольшое сужденіе о трудныхъ сношеніяхъ съ публикою, довольно поясняетъ затруднительное положеніе господъ бенефиціантовъ.

Digitized by Google

Въ Парижѣ, и въ старые годы въ Россіи, одно имя актера, получающаго бенефисъ, привлекало зрителей. Нынѣ все это перемѣнилось. Публика требуетъ новаго, и бенефисы сдѣлались пробными камнями свѣжихъ произведеній драматической литературы. Въ семъ-то затруднительномъ положеніи находился Г. Бернарделли, танцовщикъ и въ добавокъ къ тому—иностранецъ. По части своего искусства, онъ все исправилъ и сочинилъ большой балетъ для своего бенефиса. Но это еще недостаточно. Надлежало наполнить афишу и заманить публику чѣмъ нибудь новымъ. Не знаемъ, кто присовѣтовалъ Г-ну Бернарделли взять на свой бенефисъ новую комедію *Тщеславный*, но не винимъ въ этомъ случаѣ ни бенефиціанта, по вышеобъясненнымъ причинамъ, ни совѣтника, ни даже автора. Наша Драматическая Словесность еще такъ бѣдна, что всякая попытка нашихъ соотечественниковъ должна радовать любителей просвѣщенія. Комедія *Тщеславный* не понравилась публикѣ или, какъ говорится, не была принята. Вотъ все, что можемъ сказать о ней. Подробный разборъ ея недостатковъ могъ-бы огорчить Автора, а мы должны поблагодарить его за то, что онъ занимается такою отраслью Литературы, которая въ совершенномъ небреженіи у нашихъ писателей. Сдѣлаемъ одно замѣчаніе, не относящееся къ сочинителю. Съ 1826 года, когда множество знатныхъ иностранцевъ пріѣхало въ Москву, начали выставлять на театральныхъ афишахъ объявленія на Французскомъ языкѣ, что сохранилось и донынѣ, хотя въ этомъ нѣтъ ни малѣйшей надобности.

Digitized by Google

Должно признаться, что эти объявленія бываютъ нерѣдко очень курьозны. Такъ напримѣръ, комедія: *Сонливый и проказникъ*, данная въ бенефисъ Г. Сабурова, названа въ переводѣ: Le dormeur et le farceur (miséricorde!!). Пора кажется знать, что эта комедія играется на Французскихъ театрахъ и называется: *L'espiègle et le dormeur*, и что слово farceur, означаетъ шута, балагура, паяца или нѣчто подобное. Вышеупомянутая комедія *Тщеславный*, названа въ переводѣ *L'Ambitieux*. Не только въ лексиконахъ, но и въ вокабулахъ, приложенныхъ къ Вегелиновымъ Французскимъ разговорамъ, можно отыскать что ambitieux значитъ по Русски Честолюбивый, а Тщеславный называется glorieux. О семъ донести честь имѣемъ и болѣе ни слова о почившей комедіи. Requiescat in pace!

Водевиль: *Крестная маменька*, есть одно изъ лучшихъ произведеній писклявой водевильной свирѣли, которая по видимому заглушаетъ кимвалы бряцающіе и мѣдь звѣнящую, классическихъ и Вѣстникомъ Европы хвалимыхъ древнихъ козлопѣній и смѣходѣищъ. Г-жа *Львова-Синецкая* прелестно сыграла (разумѣется безъ пѣнья) роль крестной маменьки. Не льзя выразить какъ мила она была въ той сценѣ, когда дѣлаетъ нравоученія своему крестнику играя съ нимъ въ волянъ, и между тѣмъ досадуетъ на его неловкость въ сей игрѣ. Крестника игралъ Г. *Ленскій*, переводчикъ водевиля. И за игру и за пьесу онъ былъ вызванъ по окончаніи оной. Многіе куплеты очень остроумны. Публика заставила повторить послѣдній куплетъ, пѣтый Г. Живокини. Кстати о водевиляхъ! Давно уже

Digitized by Google

публика жалуется на то, что во всѣхъ новыхъ пьесахъ сего рода она слышитъ одни и тѣ-же напѣвы. И дѣйствительно! Водевили: *Учитель и ученикъ* и *Три десятки*, игранные лѣтъ пять тому назадъ — содѣлались какъ будто рудниками, изъ коихъ черпается водевильная музыка. Напѣвъ куплета: *а публика должна терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье*, конечно хорошъ, но одно и тоже не только приѣстся—но даже и надоѣстъ. А мы слышимъ этотъ напѣвъ во всѣхъ новѣйшихъ пьесахъ. Неужели не льзя приправлять наши неизбѣжные водевили чѣмъ нибудь новымъ? По справкамъ, нами учиненнымъ, оказалось, что это безпрестанное повтореніе стараго, похожее на воробьиное чириканье (не во гнѣвъ будь сказано) происходитъ не отъ недостатка въ новой музыкѣ, а отъ умничанья нѣкоторыхъ плохихъ актеровъ, которые за неимѣніемъ лучшихъ, занимаютъ главныя роли въ водевиляхъ. Лишь только эти господа получатъ партію музыки чуждой ихъ ушамъ, то и начинаютъ вопіять противъ нововведеній и говорятъ; мы не можемъ выучить; къ чему эти новости, развѣ мало старыхъ нумеровъ, и прочее сему подобное. — А публикѣ за что терпѣть въ чужомъ пиру похмѣлье? —

Балетъ: *Ричардъ въ Палестинѣ*, заимствованъ изъ извѣстнаго романа Вальтера Скотта, и достоинъ вниманія публики. Особенно понравилась сцена турнира, гдѣ разноцвѣтныя орифламы и значки крестоносцевъ представляли глазамъ самое пріятное зрѣлище. Перемѣна предпослѣдней декораціи была устроена прекрасно и совершенно въ родѣ знаменитыхъ перемѣнъ Большой Парижской Оперы. Жаль

Digitized by Google

только, что собака Рыцаря Барса, занимавшая не маловажную роль, занималась оною не съ большимъ усердіемъ. Не будемъ говорить объ искусствѣ извѣстныхъ нашихъ танцоровъ, участвовавшихъ въ балетѣ, а упомянемъ объ удовольствіи, доставленномъ публикѣ раждающимся талантомъ пятнадцатилѣтняго *Оттаво*, воспитанника театральной школы. Отъ души желаемъ ему дальнѣйшихъ успѣховъ на избранномъ имъ поприщѣ, и просимъ наше одобреніе считать искреннею похвалою юному таланту, но не данью безусловнаго удивленія, которая воздается только опытнымъ артистамъ.

В. У.

Изъясненіе картинки.

«Кажется, это городъ? Точно! Но почему-же не слышно ни шуму, ни восклицаній, ни громкихъ возгласовъ, обыкновенно возвѣщающихъ города южной Италіи. Что это? Ни одного крестьянина, ни одного монаха, ни одного нищаго, а мы еще въ Италіи! Какія обширныя, великолѣпныя мраморныя гробницы разбросаны по обѣимъ сторонамъ дороги! Какъ онѣ приличны спокойствію, царствующему во всей этой картинѣ! Какое прелестное *казино*! Какъ свѣжи, изящны *эти* мозаики и альфреско! Для чего у воротъ города изсѣчена эта богатая мраморная скамья? Но куда-же дѣвались жители? Мостовая превосходная! вотъ, на ней видно множество слѣдовъ колесъ, а не слышно звука ни одной колес-

Digitized by Google

ницы... Амфитеатры, поршики, палаты... Неужели это сонъ? Или, не сбылась-ли исторія объ окаменѣшемъ городѣ, которою Шехеразада убаюкала Шаріара?—Нѣтъ, *мы проѣхали черезъ Помпею* — отвѣчалъ мнѣ сопутникъ мой.» Такъ разсказываетъ одинъ путешественникъ о своихъ впечатлѣніяхъ при видѣ сего достопамятнаго города.

Разрытія въ Помпеѣ продолжались въ послѣдніе годы съ особеннымъ успѣхомъ въ улицахъ, простирающихся на сѣверъ и на востокъ отъ форума. Сѣверная улица была совершенно очищена въ Декабрѣ 1823 года. Найдено большое число лампадъ, серегъ и другихъ вещей, весьма драгоцѣнныхъ; улица сія оканчивалась тріумфальною аркою. На правo отъ сей арки былъ храмъ *Фортуны Августы*, съ слѣдующею надписью:

M. TULLIUS. M. F. D. VI. DIER. QUINQ.
AUGUR TRI MILITA. POP. ÆDEM.
FORTUNÆ AUGUST. SOLO ET P. AE. C.
SUA.

Храмъ сей не великъ, но замѣчателенъ своею постройкою. Два всхода ведутъ къ изящному перистилю. Вошедши въ cella, видите основаніе статуи, украшавшей храмъ. Четыре ниша, на право и на лѣво, также вѣроятно заключали въ себѣ статуи; ихъ нашли двѣ: одна представляла Консула, другая жрицу.

Напротивъ сего храма находилась улица, которую начали очищать въ 1824 году. Ея стѣны достo-

Digitized by Google

памятны особенностью: онѣ были исписаны именами гражданъ, избиравшихъ въ городскія должности. На оконечности улицы открыли чрезвычайно красивыя купальни. Различныя части ихъ украшены, съ большимъ вкусомъ, лѣпною работою и мозаикою. Тамъ видѣнъ также прелестный корнизъ, поддерживаемый Силенами въ видѣ каріатидъ. Внутренній помостъ имѣетъ скважины, для прохода паровъ. На мраморномъ бассейнѣ есть слѣдующая надпись бронзовыми буквами:

CN. MELISSÆO. CN. F APRO M. STAIO
M. F RUFFO II. VIR. ITERUM ID LABRUM
EX. D. D. EX P P FG. CONSTAT H S. DCCL.

Напротивъ сего бассейна находится обширная ванна изъ бѣлаго мрамора. Въ сосѣдственной залѣ, гдѣ окуривались благовоніями, стоитъ великолѣпная бронзовая жаровня, поддерживаемая сфинксами и табуретами изъ того-же металла. На послѣднихъ видны слѣдующія слова:

M. NIGIDIUS. VACULA. P. S.

Начало 1825-го года ознаменовалось однимъ изъ прекраснѣйшихъ открытій въ Помпеѣ: открыли домъ отличающійся необыкновенною красивостью (*). Мозанка перистиля изображаетъ собаку, готовую броситься на проходящихъ; внизу подписано:

CAVE CANEM.

(*) Онъ изображенъ на приложенной къ сей книжкѣ Телеграфа картинкѣ.

Digitized by Google

Внутренность покоевъ была покрыта превосходнѣйшимъ альфреско. Въ одномъ мѣстѣ написано *похищеніе Брисеиды*, и аншикваріи смѣло ставятъ его на ряду съ изящнѣйшими произведеніями живописи. Къ сожалѣнію, оно весьма повреждено. Путешественникъ, у котораго мы заимствуемъ сіе описаніе, видѣлъ упоминаемое альфреско тотчасъ послѣ того, какъ оно было очищено: свѣжесть его была несравненна.

Позади сего дома открыли сукновальное заведеніе, со всѣми принадлежащими къ оному инструментами. Въ этой части продолжаются и нынѣ разрытія. Ихъ ведутъ также и за тріумфальною аркою, о которой мы упоминали.

Послѣ сего открытъ еще Пантеонъ. Это зданіе составляетъ правильный параллелограмъ; оно заключало въ себѣ, между многими драгоцѣнными предметами, статуи Тиверія и Ливіи и нѣсколько, хорошо сохранившихся, альфреско. Одно изъ нихъ изображаетъ Ромула и Рема въ дѣтскомъ возрастѣ. Подлѣ сего зданія находится дворъ, окруженный портикомъ съ колоннами, коихъ пьедесталы мраморные.

Увѣдомленіе.

Н. А. Д., въ Тифлисѣ, будучи подписчикомъ Московскаго Телеграфа, отнесся недавно къ Издателю сего Журнала увѣдомленіемъ, что онъ получилъ 3 № М. Т. измоченный и даже размытый до такой степени, что его не льзя было читать. Г. Д. прибавляетъ, что картинокъ модъ и мебелей при

Digitized by Google

сей книжкѣ совсѣмъ не было, а было Прибавленіе къ музыкальному каталогу, на Французскомъ языкѣ, но такъ какъ онъ по Французски не учился, то и проситъ Издателя Телеграфа перевесть ему сіе Прибавленіе и переводъ прислать въ Тифлисъ, ибо ему, Г-ну Д., нужно выписать себѣ что-то музыкальное.

Для предупрежденія на будущее время подобныхъ недоразумѣній, честь имѣемъ объявить Г-ну Д. и всѣмъ кому нужно знать сіе, что Московскій Почтамтъ съ возможною исправностью и вѣрностью отправляетъ Журналъ нашъ, по выходѣ каждой книжки съ первою почтою. Если-же сверхъ чаянія, по ошибкѣ или по чему-бы то ни было, кто либо изъ ГГ. подписчиковъ нашихъ не получитъ картинокъ при которой либо книжкѣ Телеграфа, или даже самой книжки, то просимъ только увѣдомить о семъ Контору Московскаго Телеграфа: недосланное доставлено будетъ съ первою почтою. Впрочемъ, подобныя недосылки случаются весьма рѣдко, хотя онѣ и неизбѣжны при той обширной корреспонденціи, какою публика удостоиваетъ Московскій Телеграфъ. Затерявшіяся картинки Г-ну Д. уже посланы. Касательно-же другой его жалобы, на измоченную книжку, мы ничего не можемъ отвѣтствовать: хорошая и дурная погода зависитъ не отъ насъ и не отъ Почтоваго начальства, доставляющаго нашъ Журналъ. Если въ распутицу, при разлитіи рѣкъ, чемоданъ съ журналами гдѣ нибудь окунется въ воду, то въ этомъ не виноватъ никто: жалуйтесь на погоду. Мы сами нынѣшнею весною не одинъ разъ получали изъ Петербурга

Digitized by Google

газеты и журналы совершенно изложіе. На требованіе Г-на Д. о переводѣ музыкальнаго каталога, можемъ отвѣтствовать только то, что каталогъ сей не входитъ въ составъ нашего Журнала, и что онъ напечатанъ для умѣющихъ читать по Французски, слѣдственно, если Г-ну Д. угодно разбирать оный, то мы совѣтуемъ ему для сего выучиться Французскому языку, такъ-же какъ для писанья на Русскомъ языкѣ потребно ему соблюдать правила Грамматики и приличія.

Прилагая по временамъ къ Телеграфу извѣстія о книгахъ, нотахъ и разныхъ литтерапурныхъ предпріятіяхъ, полагаемъ, что мы дѣлаемъ угодное публикѣ, ибо симъ средствомъ она получаетъ многія извѣстія, любопытныя и полезныя, и не отнимающія мѣста въ Журналѣ, который наполняется обѣщанными публикѣ статьями. Прибавленія сіи суть роскошь Журнала. Подобныя имъ бываютъ при лучшихъ Европейскихъ повременныхъ изданіяхъ но журналисты никогда не отвѣчаютъ за то, что пишется въ сихъ прибавленіяхъ.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Les mauvais tems de l'hiver ayant paru vouloir l'emporter sur les premières belles soirées du printems, les bals ont repris à la fin d'avril. Dans celui qu'a donné aux Tuilleries, M. le comte de Cossé, premier maître-de-l'hôtel-du-Roi, on a exécuté les deux quadrilles à la mode, *les Stuarts*.

Peu de coeffures étaient ornées de perles; beaucoup étaient enrichies de diamans. On a distingué: 1°, dans une coeffure en cheveux fort élevée, deux branches de lilas nuancé, qui faisaient diadême; 2°, au milieu de nattes et de coques lisses, un cordon de reines-marguerites panachées, rose et blanc; 3°, une couronne de grosses perles blanches, tout à fait en arrière de la tête. De chaque perle sortait une plume blanche qui retombait en avant.

Il y avait des bérets et des turbans bleus, d'autres blancs, couleur cerise, couleur de rose, brochés en or ou en argent.

Les cavaliers étaient en frac noir, bleu, vert foncé, marron, œil de corbeau, surtout en bleu et en noir; pantalon collant; gilet de velours de printems ou d'étoffe de Lyon couleur vin de Bordeaux, tramée en or ou en argent. Point de chapeaux ronds, ni même de claques. Tous les chapeaux étaient *à la française*, à trois cornes et grains de plumes blanches ou noires.

(*) До 20 Мая (н. с.) 1829 года.

Digitized by Google

Dimanche dernier, au bois de Boulogne, l'ardeur du soleil avait forcé les habituées de la grande allée, à venir dans celle des maronniers. Mme la comtesse de S* avait une robe de perkale à deux pélerines bordées chacune d'une petite dentelle de Malines. Mme de C* portait un chapeau de *gaze-de-paille* à quadrilles, dont la passe était doublée en vert tendre: les rubans qui en formaient la garniture, étaient moitié soie et moitié paille. Plusieurs dames avaient des ombrelles de foulart à fleurs.

Il y a deux coupes bien distinctes pour les chapeaux de paille d'Italie. La passe des chapeaux *à la française* est courte des oreilles; celle des chapeaux *à l'anglaise* est, au contraire, très-longue: un pavot avec des boutons forme la garniture des premiers, sur les autres, c'est une branche d'aube-épine légèrement cintrée.

Le vert, en rubans et en fleurs, est la couleur la plus à la mode pour les chapeaux de paille d'Italie. Pavots, bruyère, sapinette, tout est vert.

Quelques chapeaux de paille d'Italie sont ornés de boules d'hortensia moitié vertes, et moitié blanches.

Les pavots sont à la mode pour la garniture de toute espèce de chapeaux; mais principalement pour celle des chapeaux de paille de riz et de gros de Naples. Sur ceux de crêpe, rose ou jaune vapeur, c'est du jasmin ou du liseron. On met des boules de neige, de la valériane ou de la julienne sur les chapeaux de paille d'Italie.

Les capotes de tissu de paille, à raies ou à carreaux, sont toutes doublées en gros de Naples rose, bleu ou

Digitized by Google

blanc : leur passe, *plaquée* sur les joues, descend presque jusqu'au menton.

Бальныя наряды. «Дурная, зимняя погода,» говоритъ Издатель Парижскаго Журнала Модъ, «казалось, хотѣла завладѣть первыми прекрасными днями весны, и въ концѣ Апрѣля заставила снова начать балы.»

На балѣ Графа Коссе, въ Тюльери, танцовали кадрили подъ новую, модную музыку кадрилей, называемыхъ: *Стуартовскія;* такъ называются кадрили, составленныя изъ напѣвовъ Шотландскихъ пѣсенъ; все напоминающее романы В. Скотта не выходитъ еще изъ моды. Стуартовскія кадрили въ первый разъ играны были на балѣ у Англійскаго Посланника. Вотъ другія бальныя извѣстія:

Мало было головныхъ уборокъ съ бусами, много съ брильянтами. Замѣтныя уборки: высокая прическа, съ двумя вѣнками шѣневыхъ сиреней, составлявшими діадему; плетушки и гладкіе узлы волосовъ, съ гирляндою махровыхъ маргаритокъ, розовыхъ и бѣлыхъ; вѣнокъ изъ крупныхъ, бѣлыхъ бусовъ, совершенно назади головы. Отъ каждой бусы бѣлое перо, падающее впередъ.

Берешы и шюрбаны бѣлые, голубые, вишневаго и розоваго цвѣта, шитые золотомъ и серебромъ.

Мужчины были во фракахъ черныхъ, синихъ, темнозеленыхъ, каштановыхъ, цвѣта вороньяго глаза, всего болѣе въ черныхъ и синихъ. Панталоны въ обтяжку, бальные; жилеты изъ *весенняго бархата*, или изъ шелковой Лионской матеріи,

Digitized by Google

цвѣта Бордоскаго вина, шиканой съ золотомъ и серебромъ. Шляпы у всѣхъ кавалеровъ были *Французскія*, трехъ-угольныя, съ бѣлыми или черными плюмажами; ни круглыхъ шляпъ, ни клаковъ не было.

Наряды для прогулокъ. Солнечный зной принуждаетъ иногда гуляющихъ изъ большой аллеи переходить въ кашпановую. Графиня С***, прошедшее воскресенье, явилась шамъ въ перкалевомъ платьѣ съ двумя пеллеринами, убранными по краямъ узенькими маленькими кружевами. Другая дама была въ шляпкѣ изъ *соломеннаго газа*, съ квадратами, которой края были подбиты нѣжнымъ зеленымъ цвѣтомъ; ленты, украшавшія шляпку, были па половину шелковыя, на половину соломенныя. — Многія дамы имѣли зонтики изъ Осиъ—Индской шелковой матеріи, съ цвѣтами.

Головные уборы. Бываютъ два манера обрѣзки полей у соломенныхъ шляпокъ. Края шляпки на *Французскій манеръ* должны быть срѣзаны коротко подлѣ ушей; макъ составляетъ уборку. — Напротивъ, у шляпки на *Англійскій* манеръ поля бываютъ длинныя; уборку составляетъ вѣшка боярышника.

Зеленый цвѣтъ въ лентахъ и цвѣтахъ есть самый модный для соломенной шляпки: макъ, вѣшки деревъ, все бываетъ зеленое. Иногда убираютъ такія шляпки горшензіями, зелеными и бѣлыми.

Вообще, макъ въ большой модѣ для уборки всякихъ шляпокъ, преимущественно-же бѣлыхъ соломенныхъ и гроденаплевыхъ. Но креповыя, розовыя или палеваго оттѣнка, называемаго jaune vapeur,

Digitized by Google

убираютъ ясминами и павлачными колокольчиками. Желтыя соломенныя, то есть соломенныя Итальянскія шляпки, убираютъ бульденейжами, валеріаною, юліаною (ночная фіялка). Капоты изъ соломенныхъ плетушекъ, съ полосками или квадратами, подбиваютъ голубымъ, розовымъ и бѣлымъ гроденаплемъ; поля такихъ капотовъ, пригнутые къ щекамъ, сходятъ почти до подбородка.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дамскій костюмъ.* Креповая шляпка. Жаконнашовое платье, убранное бахрамою и шитьемъ. *Фишю* шитая и убранная кружевами.

2. *Мужскіе костюмы.* Шелковая шляпа, суконный сюртукъ. Фракъ, безъ кармановъ по бокамъ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Мая 24 дня 1829 года.

Цензоръ и Кавалеръ Иванъ Снегиревъ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 10. *Май.* 1829.

ВСЕОБЩАЯ СИСТЕМА МѢРЪ,

употребляемыхъ въ механическихъ искуствахъ (*).

Каждое изъ качествъ вещественности можетъ быть измѣряемо; ихъ мѣра доставляетъ наукѣ численія средство оцѣнить отношенія между сравнительными качествами и между различными степенями одного и того-же качества.

Одинъ изъ важныхъ предметовъ Физики составляетъ изысканіе средствъ, коими можно измѣрять качества вещественности. При каждомъ *открытіи* новой вѣщи по сей наукѣ, надобно находить и *мѣру* для новыхъ отношеній, которыя она изучаетъ. Обыкновенно, каждая изъ сихъ мѣръ ведетъ къ познанію, коего безъ нея невозможно было-бы достигнуть.

Мы ограничиваемся на сей разъ разсмотрѣніемъ

(*) Первая лекція Дюпеновой *Механики искуствъ, ремеслъ и изящныхъ художествъ.*

Digitized by Google

мѣръ, коихъ употребленіе необходимо во всѣхъ частяхъ Механики. Частныя мѣры, полезныя въ нѣкоторыхъ частяхъ сей науки, могутъ быть показаны въ послѣдствіи, когда мы будемъ касаться сихъ частей.

Мѣры геометрическія. Такъ называются мѣры протяженія (d'étendue): разстояніе, поверхность, объемъ. Механикъ употребляетъ ихъ, дабы измѣрять пространства занимаемыя или пробѣгаемыя точками, линіями, поверхностями и тѣлами.

Мѣры длины. Для сего беремъ мы часть прямой линіи, болѣе или менѣе протяженной, и считаемъ сію взятую часть прямой линіи *за единицу* длины. Сію единицу можно перемѣнять, смотря по времени, мѣсту, потребностямъ и обстоятельствамъ. Такъ мы видимъ, что Французы, Нѣмцы, Итальянцы, Англичане, и почти каждый изъ народовъ, употребляютъ различныя единицы для мѣры длины. Еще болѣе: у одного и того-же народа употребляютъ разныя мѣры длины, неимѣющія ни малѣйшихъ между собою соотношеній.

Подобное различіе производитъ важныя неудобства въ искуственныхъ занятіяхъ, торговыхъ сношеніяхъ и всѣхъ общественныхъ дѣлахъ: оно дѣлаетъ необходимымъ точное познаніе отношеній единицъ, совершенно несогласъ-

Digitized by Google

ныхъ, но употребляемыхъ для мѣры одинакихъ предметовъ. Когда потомъ захотимъ мы сдѣлать необходимыя для механическихъ работъ, перевозовъ, продажъ или покупокъ исчисленія, надобно входить въ трудныя разсчеты, дабы узнать настоящую цѣнность мѣры и качества.

Кромѣ потери времени, потребнаго для вычисленій, важное неудобство въ общественной жизни выходитъ изъ того, что люди, неимѣющіе досуга или знанія, необходимыхъ для вычета обширнаго, сложнаго и безпрерывно встрѣчающагося, всегда могутъ ошибаться сами, или быть обмануты.

Слѣдственно, для каждаго народа весьма важно, чтобы во всемъ пространствѣ государства его, для всѣхъ предметовъ, употребляема была одна извѣстная мѣра. Распространяя наше разсужденіе, мы найдемъ, что не менѣе важно для всего человѣчества, созерцаемаго въ общественныхъ его сношеніяхъ, имѣть *одну систему мѣръ* для всего просвѣщеннаго міра.

Нынѣ королевство Нидерландское, часть Швейцаріи, Піемонтъ, прежде бывшее королевство Итальянское и королевство Неаполитанское слѣдуютъ системѣ мѣръ, установленныхъ Французами. Можно основательно надѣяться, что сія система будетъ принята со временемъ всѣми просвѣщенными народами, если только народная гордость нѣкоторыхъ государствъ не будетъ

Digitized by Google

противившись такому благодѣтельному нововведенію.

Единица измѣреній длины, прежде употреблявшаяся во Франціи, не представляла собою основанія неизмѣняемаго, къ коему можно-бъ было прибѣгнуть, дабы найдти сію единицу во всѣхъ мѣстахъ и во всѣ времена. *Футъ* (pied) и *туазъ* (toise) были первоначально приняты въ соразмѣрность длины *ноги* и *тѣла* человѣка высокаго роста. Но повелину нѣтъ двухъ человѣкъ, коихъ ноги были-бы рѣшительно равны въ длину и тѣла совершенно равнялись одно противъ другаго, слѣдовательно, и не было основанія, по коему можно-бъ было всегда находить единицу длины съ совершенною точностью.

Французскіе ученые рѣшились найти единицу опредѣленнѣе. Для сего взяли они мѣру поверхности земли, на разстояніи отъ полюса до экватора, въ безпрерывной прямизнѣ отъ Сѣвера къ Югу, то есть, слѣдуя неуклонно направленію меридіана. Они сдѣлали попытъ вычесть затруднительный, съ такимъ успѣхомъ, что онъ дѣлаетъ честь методамъ, какія доставлены имъ были знаніями, инструментамъ, произведеннымъ новѣйшими механиками, и дарованіямъ, постоянству, смѣлости предпріятія людей знаменитыхъ, которые взяли на себя и выполнили совершенно трудъ огромный, безконечный (*).

(*) Въ немъ участвовали Лапласъ, Лагранжъ, Монжъ и другіе знаменитѣйшіе математики. *Перев.*

Digitized by Google

Исчисливъ со всевозможною точностію, какой только можно достигнуть при всѣхъ пособіяхъ наукъ и художествъ, длину разстоянія отъ полюса до экватора, раздѣлили сіе разстояніе на 10,000,000 равныхъ частей: такая-то *десяти-милліонная* доля принята была за единицу длины, и названа: *метръ* (mètre).

Метръ, сравниваемый съ старинною мѣрою, составляетъ 3 фута, 11 линій 296 долей длины, то есть, не много менѣе 3 ф. 1 дюйма. (1,107 Русскаго аршина, т. е. почти 1 арш. $6\frac{1}{2}$ вершковъ). Если-бы протяженія были мало различны одно отъ другаго, и если-бы не было надобности въ величайшей точности, то можно-бъ было употреблять одинъ родъ единицы и пренебречь долями его. Но есть безчисленное количество протяженій, или длинъ, гораздо менѣе метра; отъ сего явилась необходимая надобность дѣлить и подраздѣлять основную единицу мѣры.

Здѣсь открывается одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ новой системы. Въ системѣ численія мы считаемъ единицами, десятками, и такъ далѣе, всегда восходя единицею десятковъ въ десять разъ большихъ, если считать съ правой стороны къ лѣвой, и столько-же меньшихъ, если считать обратно, т. е. слѣва на право.

Новая система Французскихъ мѣръ приноровлена была къ сей системѣ численія или лучше ска-

Digitized by Google

зашь, система численія приняша въ подраздѣленія и умноженія мѣръ.

Сначала метръ раздѣлили на 10 частей, названныхъ: *дециметръ* (décimètres: десятая часть метра); потомъ дециметры на 10 частей, кои суть десятки десятковъ, или сотни метровъ; онѣ названы *центиметры* (centimètres: 100-я часть метра); далѣе центиметры на 10 частей, кои суть десятки центиметровъ или десятки сотенъ, то есть, тысячныя доли метра; ихъ назвали *миллиметры* (millimètres: 1000-я доля метра), и такъ далѣе.

По той-же причинѣ, что необходимо надобно имѣть малыя единицы мѣры для предметовъ не большаго протяженія и для малыхъ разстояній, является важная необходимость имѣть большія единицы, для измѣренія большихъ протяженій и великихъ разстояній.

Взяли: длину въ 10-ть метровъ, для мѣры названной *декаметръ* (décamètre: десятокъ метровъ).

Длину 10-ти декаметровъ, или 10-ть разъ 10 метровъ, т. е. 100 метровъ, и назвали сію мѣру *гектометръ* (hectomètres: сотня метровъ).

Длину 10-ти гектометровъ, или 10 разъ 100 метровъ, т. е. 1000 метровъ, и назвали сію мѣру *километръ* (kilomètre: тысяча метровъ).

Длину десять разъ тысячи метровъ, или

Digitized by Google

10,000 метровъ, и назвали сію мѣру *миріаметръ* (myriamètre : 10,000 метровъ).

Десять миріаметровъ равняется одному *сто частному градусу земли* (*), т. е. сотой части разстоянія, отъ полюса до экватора, мѣряя по меридіану.

Градусъ широты (**) земной равенъ также десяти миріаметрамъ.

Минута градуса равна километру.

Секунда равна декаметру.

Терція равна дециметру.

Кварта равна миллиметру.

Выходитъ, что начиная съ простаго миллиметра и до окружности цѣлой земли, всѣ употребительныя мѣры нашихъ пушей и нашихъ малѣйшихъ произведеній образуютъ собою одну одинакую систему.

Изъ сего простаго изложенія легко поняшь удобства счастливыхъ соображеній, какія долж-

---

(*) По Французски названы grades новые сотенные градусы, въ отличіе отъ старыхъ градусовъ, называемыхъ по Французски degrés. Дѣленіе на сотню состоитъ въ томъ, что четверть круга дѣлится на 100 градусовъ, градусъ на 100 минутъ, минута на 100 секундъ. *Перев.*

(**) Поелику градусы широты неравны, то взята была длина среднихъ градусовъ, размѣряная отъ Балеарскихъ острововъ до острова Шетланда, находящагося на сѣверной оконечности Шотландіи. *Сост.*

Digitized by Google

на сія новая система мѣръ ввести въ Мореплаваніе, Топографію, Географію: знанія, соединенныя съ астрономическими наблюденіями.

Упомянемъ объ одномъ изъ простыхъ важнѣйшихъ удобствъ: оно состоитъ въ томъ, что новая система мѣръ, съ чрезвычайною легкостію для понятія, выражается ариѳметическими числами во всѣхъ своихъ измѣненіяхъ. Какая-бы ни была длина, міріаметры, километры, гектометры, декаметры и метры, ее можно, и не льзя иначе писать, какъ ставя сіи доли слѣва на право, одну за другою подобно единицамъ, десяткамъ, сотнямъ одного количества.

Слѣдственно, если имена мѣръ, взятыя съ Греческаго (*) затрудняютъ вашу память, вы можете забыть ихъ, изгнать изъ памяти вашей всѣ декаметры, гектометры, и считать только: 1,10,100, и т. далѣе: система ничего не теряетъ отъ этого.

Дробь метра, децимметръ, миллиметръ, и проч. пишется какъ *дробь десятичная*, на право отъ метровъ (отдѣляясь подобно онымъ запятою: 5, 4. Здѣсь считаемъ: *пять метровъ и четыре децимметра*, или *пять метровъ и четыре десятыхъ доли*). Слѣдуетъ, что ее такъ-же легко считать, какъ и цѣлыя числа.

(*) *Метронъ* — мѣра, *Дека* — десять, *Гекатонъ* — сто, *Килія* — тысяча, *Міріа* — десять тысячъ.

Digitized by Google

Безъ сомнѣнія, въ числѣ моихъ слушателей есть люди, употреблявшіе, и даже нынѣ иногда употребляющіе, прежнюю систему мѣръ. Они знаютъ, сколь трудно, медленно и ошибочно бываетъ неправильное счисленіе по старому. Туазъ въ 6 футовъ, футъ въ 12 дюймовъ, дюймъ въ 12 линій, линія въ 12 точекъ, составляютъ такія подраздѣленія, которыя ни сколько не согласуются съ десятичною постепенностью Ариѳметики (*). Подраздѣленія частныхъ чиселъ требуютъ численій сложныхъ, которыхъ пугаются дѣти и люди неученые; но по новой системѣ, и малое дитя, и самый необразованный поселянинъ легко внучатъ сложеніе, умноженіе, вычитаніе и дѣленіе всякаго протяженія длины.

Такія-же выгоды принесла новая система для другихъ родовъ мѣръ, о чемъ хочу я объяснить вамъ. Но прежде обращу вниманіе ваше на слѣдующее обстоятельство. Казалось-бы, что новую систему должны были съ восторгомъ принять всѣ народы, по крайней мѣрѣ народъ Французскій, долженствовавшій видѣть въ ней памятникъ на-

(*) Такъ и наши мѣры, неудобныя и трудныя: *сажень*, имѣющая 3 аршина, *аршинъ* въ 4 четверти, *четверть* въ 4 вершка, и *верста* состоящая изъ 500 саженъ. Нѣкогда было сдѣлано измѣненіе въ мѣрѣ верстъ (онѣ составляли прежде 700 саженъ); также легко можно-бы нынѣ измѣнить и всѣ другія неудобныя наши мѣры. *Перев.*

Digitized by Google

родной чести; но предразсудки, обстоятельства и невѣжество долго противились нововведенію.

Метръ, какъ мы видѣли, служитъ основаніемъ всѣхъ другихъ мѣръ длины. Также изъ метра извлекли мѣры поверхности, объема, вѣса, и проч.

Мѣры поверхностей. Основная единица сихъ мѣръ есть *квадратный метръ* (mètre quarré).

Квадратъ изъ 10 метровъ въ длину и десяти въ ширину, слѣдственно, представляющій собою десять десяти метровыхъ полосъ, или 100 метровъ квадратныхъ, названъ *аръ* (are).

Квадратъ изъ десяти аровъ въ длину и десяти въ ширину, т. е. составляющій десять десятиаровыхъ полосъ, или сто аровъ квадратныхъ, названъ *гектаръ* (hectare). Онъ замѣнилъ собою нашъ старинный *арпанъ* (arpent), такъ-же какъ аръ замѣнилъ старинный *першъ* (perche: арпанъ происходитъ отъ Цельтскихъ словъ: arc, *работать;* pen, *одинъ*; neiz, *день.*

Мѣра количествъ. Кубическій метръ, названный: *стеръ* (stère), принятъ за единицу объемовъ и количествъ.

Кубъ, имѣющій децимеръ во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. *кубическій децимеръ,* есть тысячная доля кубическаго метра.

Для облегченія въ оборотахъ торговли, ремеслъ и механическихъ искусствъ устроены были особенна-

Digitized by Google

го рода сосуды, коихъ внутреннесть содержитъ кубическій дециметръ. Ихъ назвали: *литръ* (litre), и стали употреблять для мѣры жидкостей и тѣлъ твердыхъ, въ видѣ зеренъ или порошка.

Сосудъ, въ сто разъ превосходящій литръ, или содержащій 100 литровъ, названъ *гектолитръ*, такъ-же, какъ гектометръ сдѣланъ мѣрою ста метровъ.

Для малыхъ количествъ подраздѣлили литръ на десять *децилитровъ*, сто *центилитровъ*, тысячу *миллилитровъ*, также какъ метръ содержитъ 10 дециметровъ, 100 центиметровъ, 1,000 миллиметровъ.

Такое совершенное сходство въ дѣленіяхъ, подраздѣленіяхъ и названіяхъ мѣръ, совершенно различныхъ, чрезвычайно важно для памяти: оно дѣлаетъ легкимъ для каждаго, какъ воспоминаніе названій, такъ и условность значенія и отношенія мѣръ одной къ другой.

Три рода мѣръ, исчисленныхъ нами, могутъ быть названы *мѣрами геометрическими*, ибо онѣ достаточны для мѣры всего, что составляетъ предметъ Чистой Геометріи; но сюда должно присоединить другія мѣры, потребныя разнымъ знаніямъ и искусствамъ механическимъ.

Мѣры механическія. *Вѣсъ*. Всѣ тѣла земныя стремятся къ центру земли, и если ничто имъ не препятствуетъ, они приближаются къ цен-

Digitized by Google

тру, т. е. нисходятъ, или, говоря языкомъ простымъ, падаютъ. Вся общность силы, съ которою тѣло, находящееся въ покоѣ, стремится падать, именуется его *вѣсомъ*.

Такимъ образомъ два тѣла имѣютъ *одинакій вѣсъ*, когда вся общность силы того и другаго, съ которою стремятся они падать къ центру земли, равна.

Сравниваютъ или оцѣняютъ вѣсъ тѣлъ особыми машинами (вѣсами), о которыхъ мы послѣ будемъ говорить подробно. Посредствомъ сихъ машинъ замѣчаютъ: имѣютъ или нѣтъ два извѣстныя тѣла *равный вѣсъ*.

Грамма (по Русскому вѣсу равна 0, 23,443 золотника) есть единица мѣры, которою сличается вѣсъ или тяжесть всѣхъ тѣлъ.

10 граммъ составляютъ одну *декаграмму*.
100 граммъ одну *гектограмму*.
1,000 граммъ одну *килограмму*.
10,000 граммъ одну *миріаграмму*.

Тѣже слова, которыя употреблены для большихъ мѣръ, извлеченныхъ изъ метра и литра, употребляются и здѣсь.

Килограмма служитъ для вѣса тѣлъ, тягости равной съ тѣми предметами, которые легко можемъ мы двигать (она равна, 234 43 золотниковъ Русскихъ).

Digitized by Google

100 килограммъ образуютъ метровый или метрическій *квинталъ*, а 1000 килограммъ составляютъ мѣру, извѣстную въ нагрузкѣ кораблей, подъ именемъ *тонны* (tonneau).

Грамма и ея дроби служатъ для вѣса малыхъ предметовъ, какъ-то: галантерейныхъ, химическихъ, аптекарскихъ вещей, и проч. Она подраздѣляется на 10 дециграммъ, 100 сантиграммъ и 1000 миллиграммъ.

Дабы сообразить мѣру вѣса съ мѣрою пространства, взяли за единицу килограммъ вѣсъ *кубическаго дециметра*, или *литръ чистой воды*, въ самой величайшей ея сжатости извѣстнымъ пониженіемъ температуры.

Слѣдственно, во всѣхъ концахъ земли, если есть у васъ метръ, литръ, стеръ или килограмма, вы можете найдти всѣ другіе роды всякихъ мѣръ, съ такою-же точностію, какъ и легкостію.

Находится еще мѣра въ искусствахъ и ремесленныхъ заняпіяхъ, которую не можемъ мы предпти молчаніемъ; сія мѣра есть *монета*.

Единица монетъ *франкъ*; онъ дѣлится на десять частей, называемыхъ *децимами* (десятками), на 100 частей, называемыхъ *сантимами* (сотнями), на 1000 частей, называемыхъ *миллезимами* (тысячниками). *Сорокъ* пятифранковыхъ монетъ вѣсятъ *одну* килограмму. Такимъ образомъ и монетная мѣра соединяется съ другими мѣрами новой системы.

Digitized by Google

Мѣра цѣнностей въ механикѣ, исчисляемая монетою. Монета, разсматриваемая какъ представитель всѣхъ цѣнностей, можетъ быть принимаема какъ мѣра силъ, употребляемыхъ въ занятіяхъ трудящагося. «Я не знаю другой силы,» сказалъ знаменитый Монпольеръ, «кромѣ той, которая платитъ за себя.» Онъ принималъ монету мѣрою силъ, употребляемыхъ для какого-бы то ни было дѣйствія.

Такъ, напримѣръ, человѣкъ, имѣющій извѣстную степень силы, употребляетъ ее на перенесеніе *единицы* извѣстнаго вѣса, черезъ *одинъ* метръ разстоянія, и получаетъ *одинъ* франкъ. Другой, сильнѣйшій, лучше работающій, или скорѣе идущій, переноситъ *дважды* одинакую съ первымъ тяжесть, черезъ одинакое пространство, и получаетъ *два* франка. Сіи два франка представляютъ *двойную полезную силу*. Вотъ какимъ образомъ монета есть мѣра силы.

Предположимъ теперь, что приходитъ третій человѣкъ, и посредствомъ какой-либо машины, саней, тѣлежки, или чего-бы ни было, перевозитъ *три раза* тяжесть, *однажды* перенесенную первымъ и *дважды* вторымъ, не тратя на сіе ни времени, ни силъ болѣе того, сколько употребилъ ихъ человѣкъ однажды или дважды перенесшій оную. Этотъ работникъ, съ своею машиною, получаетъ *три* франка, хотя онъ употребилъ силъ своихъ не болѣе получающаго одинъ

Digitized by Google

рящъ. Долженствуетъ, стало быть, для произведенія одинакаго дѣйствія, сему послѣднему употребить силы вдрое противъ работника, дѣйствующаго помощію машины.

По разсчету, выводимому Монгольфьеромъ, сіи два человѣка произвели одинакое полезное дѣйствіе, снабдили насъ одинакимъ количествомъ полезной силы, и должны получить одинакую сумму монетъ, хотя одинъ изъ нихъ истратилъ силъ вдрое болѣе противъ другаго.

Цѣль, какую долженъ себѣ предполагать механикъ, есть та, что ему надобно устроивать всѣ движенія, всѣ перевозки и переноски, всѣ работы искусствъ такимъ образомъ, чтобы *для извѣстнаго дѣйствія терять самое малое количество возможныхъ силъ*, и слѣдственно: дѣлать такъ, чтобы съ извѣстнымъ количествомъ силъ, коими онъ располагаетъ, получить за трудъ самую большую сумму, оцѣняя трудъ свой соразмѣрно и справедливо, по мѣрѣ дѣйствія полезности. Такова задача, которую Механика искусствъ и ремеслъ задаетъ себѣ и потомъ разрѣшаетъ. Сила оцѣняется въ насъ не только равновѣсіями, извѣстными посредствомъ мѣръ, чрезъ кои измѣряется сила сія, но еще и движеніями, коихъ продолжительность должно мѣрять.

Digitized by Google

Я не буду входить здѣсь въ изложеніе того, что такое есть время и продолжительность онаго; ибо мое изложеніе не достигнетъ до той ясности понятія, какую каждый изъ васъ можетъ самъ себѣ составить.

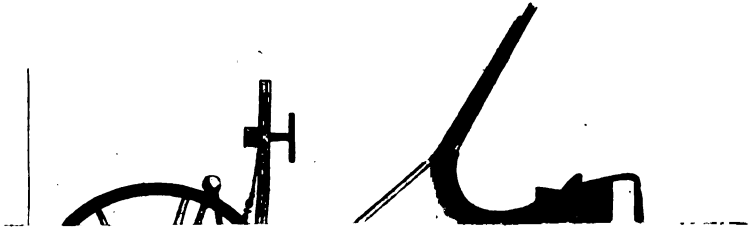
Тѣла, пробѣгающія одинакое пространство въ одинакое время, могли-бъ быть мѣрою продолжительности. Но почти невозможно найдти въ природѣ такія тѣла. Между тѣмъ, люди, наблюдавшіе состояніе видимаго неба, замѣтили, что солнце проходитъ мимо каждаго пункта земли, въ одномъ извѣстномъ направленіи, въ полдень и въ полночь. По сему они раздѣлили время на двѣнадцать частей, кои назвали *часами*, часъ подраздѣлили на 60 *минутъ*, минуту на 60 *секундъ*, и такъ далѣе.

Сей мѣры достаточно для обыкновенныхъ потребностей общественной жизни. Но она недостаточна для потребностей знаній точныхъ, каковы Астрономія, Географія, и для потребностей нѣкоторыхъ искуствъ, каково Мореплаваніе, ибо, не всѣ дни года равны между собою.

(*Окончаніе въ слѣд.* N.)

Къ сему № Прибавленія приложено *изображеніе новаго Парижскаго фаэтона.*

Digitized by Google



Digitized by Google

Digitized by Google

№ 11. Іюнь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ЗАМѢЧАНІЯ О ТРАНСИЛЬВАНІИ.

(Отрывокъ письма И. П. Яковенко, изъ Бухареста, отъ 4-го Января 1829 года).

Непростительно-бы мнѣ было, находясь столь долгое время въ пограничныхъ съ Трансильваніею мѣстахъ, не доставить вамъ нѣкоторой идеи и на счетъ обитателей, населяющихъ сію сѣверную страну хребта горъ Карпатскихъ.

Самый городъ *Кронштатъ*, называемый иначе по Волошски *Брашовъ*, а въ древнее время *Стефано-поли*, занимаетъ мѣстоположеніе, по истинѣ, очаровательное. Прикрываясь съ одной стороны цитаделью, на высокой горѣ устроенною, распространяетъ онъ населеніе свое между двухъ горъ, съужающихся наконецъ въ глубину хребта, такъ, что далѣе не остается ничего болѣе, какъ одно только ущелье, съ нѣсколькими мѣльницами, на протекающемъ по оному ручьѣ устроенными. Городъ раздѣляется на четыре главныя части: *Брашовъ-веки* (старый); *Блумина*, *центральный*

Digitized by Google

городъ, высокою крѣпкою стѣною, съ пятью воротами, обнесенный, и *Скей*, гдѣ живутъ большею частію Волохи. Одна гора, отдѣляющаяся отъ главнаго хребта, наклоняется надъ самымъ городомъ, такъ, что кажется угрожаетъ своимъ паденіемъ. Будучи покрыта прекраснымъ лѣсомъ, представляетъ она самую прелестную для глазъ картину; подъ симъ лѣсомъ, вокругъ горы, протекаетъ ручеекъ, низвергающійся въ верхней части, со стороны Скея, откуда уже течетъ онъ чрезъ разныя улицы предъ самыми домами. Проведенные каналы сей воды весьма много способствуютъ, какъ очищенію города отъ засора, такъ и для другихъ надобностей жителей. Со всѣхъ сторонъ находятся прекрасныя мѣста для прогулки, и есть особенная аллея съ однимъ водометомъ, бросающимъ воду саженей на 6 вверхъ, и стоющимъ городу самыхъ малозначущихъ издержекъ, при мѣстоположеніи столь удобномъ. Настоящіе жители города Кронштата есть Саксонцы, Лютеранскаго исповѣданія, поселившіеся въ Трансильваніи болѣе уже 680 лѣтъ назадъ тому; управляются они собственнымъ Магистратомъ, состоящимъ изъ 12-ти членовъ, и удерживаютъ еще донынѣ особенныя свои привиллегіи. Цѣлый округъ Кронштата заключаетъ въ себѣ 13 селеній и мѣстечекъ свободныхъ, и 14 селеній, надъ коими Магистратъ Кронштата сохраняетъ особенную власть

и права. Какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ деревняхъ, со всѣхъ сторонъ видно благоустройство и порядокъ въ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Я провелъ довольно времени въ одномъ изъ лучшихъ селеній *Торглау*, иначе называемомъ *Прежмеръ*, гдѣ замѣтилъ отличную дѣятельность и самое благоразумное распоряженіе жителей по экономическимъ упражненіямъ своимъ. У каждаго въ домѣ опрятность, чистота и порядокъ въ дѣлахъ весьма примѣтны. Когда начинаетъ кто строить вновь домъ, то цѣлая деревня ему вспомоществуетъ, и это круговая между жителями обязанность. Въ церквахъ каждый занимаетъ свое мѣсто по старшинству лѣтъ. Священникъ, назначаемый всегда изъ ученыхъ студентовъ, преподаетъ наставленія, не только въ церквахъ, но и въ другихъ случаяхъ, имѣя вліяніе на поведеніе ихъ, и рѣшая между ими споры, въ которыхъ они относятся къ нему прежде нежели предстанетъ кто на судъ гражданскій. Дѣти, всѣ вообще, должны обучаться грамотѣ у учителя, который, кромѣ сей должности, управляетъ часто и органною въ церкви музыкою. Но ученіе дѣтей прекращается съ наступленіемъ лѣта; въ это время всѣ они вспомоществуютъ родителямъ своимъ въ работахъ. Священники, получая газеты, часто сообщаютъ жителямъ новыя по экономической части открытія, что весьма много спо-

Digitized by Google

собствуетъ распространенію полезныхъ нововведеній.

Отъ сей деревни, верстахъ въ четырехъ къ сѣверу, протекаетъ небольшая рѣчка *Татранъ*, полагающая границу Кронштадтскому округу, объемлемому съ другой стороны рѣкою Алутою или Олтою. За нею находятся поселенія Венгерцевъ или Унгуровъ, которыхъ деревни и дома не имѣютъ уже столь отличнаго устройства, какъ селенія Саксонцевъ. Впрочемъ, тѣ изъ нихъ, кои не состоятъ въ подданствѣ помѣщиковъ (нѣмишей), гораздо въ лучшемъ состояніи, нежели крѣпостные Іобачи.

Многія изъ деревень Трансильваніи (исключая привиллегированный округъ Кронштадта) составляютъ военныя поселенія. Жители оныхъ въ одно время и хлѣбопашцы и солдаты; будучи поселены на самыхъ границахъ государства, и между горами Карпатскими приносятъ они пользу Имперіи неисчислимую. Вся страна сія, столь способная къ сокрытію въ непроходимыхъ лѣсахъ своихъ и въ ущесистыхъ горахъ разбойническихъ шаекъ, очищается отъ оныхъ военными поселенцами, и на отвѣтственности ихъ лежитъ все благосостояніе распредѣленныхъ имъ мѣстъ. Они доведены теперь до столь отличнаго устройства, что, смотря на экзерциціи ихъ, нельзя сравнить солдатъ сихъ съ другими ли-

Digitized by Google

нейными войсками. Раздѣлены они на роты, баталіоны и полки; Капитаны имѣютъ свои непремѣнныя квартиры въ назначенныхъ навсегда имъ деревняхъ, равно какъ и прочіе офицеры. Для стражи на границахъ, отправляются солдаты поочередно, и въ сіи только дни отпускается каждому изъ нихъ по положенному числу крейцеровъ; въ прочее время никакого уже содержанія отъ государства они не получаютъ, но остаются только свободными отъ всякихъ податей и повинностей. Если-бы можно было приспособить и у насъ устройство таковыхъ поселеній между обитателями Грузіи въ лѣсахъ и горахъ, то, кажется, государство приобрѣло-бы чрезъ то особенную пользу.

Я находился довольное время въ деревнѣ *Ковасне* или *Кохасне*, состоящей верстахъ въ 50 къ сѣверу отъ Кронштата, подъ самымъ хребтомъ горъ Карпатскихъ, въ которой военные поселенцы находятся въ отличномъ устройствѣ. Въ городѣ Важергелѣ заведено теперь и училище для дѣтей военныхъ поселенцовъ, весьма хорошее, подъ начальствомъ одного Полковника, отличающагося, какъ говорятъ, превосходнымъ умомъ и свѣдѣніями.

Гусарскіе Венгерскіе полки отъ сихъ-же мѣстъ начинаютъ свои поселенія; я посѣщалъ командира одного изъ полковъ сихъ, Подполковника

Digitized by Google

(Обершпа) Графа Галлера, человѣка прекрасныхъ качествъ, и видѣлъ гусаровъ полка его въ отличномъ устройствѣ. Пребываніе свое имѣетъ онъ въ собственной деревнѣ, *Загонѣ*, подъ самыми Карпатскими горами, на прекрасномъ мѣстоположеніи. Всѣ Унгуры весьма веселаго нрава, большею частію чистосердечны, и дворянство ихъ, или Нямиши, весьма гостепріимны.

Говоря о мѣстахъ сихъ, не льзя не упомянуть и о минеральныхъ водахъ, находящихся въ вышеупомянутой деревнѣ Ковасне; онѣ употребляются наиболѣе для ваннъ, которыя, нагрѣваясь бросаемыми въ нихъ раскаленными каменьями, приносятъ многимъ ощутительную пользу. Нѣкоторые, не смотря на противный запахъ сѣры, употребляютъ сіи воды и для питья. Но вообще предпочитаютъ пить воду въ деревнѣ Арапатакѣ, къ сѣверо-западу, верстахъ въ 15-ти отъ Кронштата находящуюся, которая, имѣя свойство очищать желудокъ, весьма много способствуетъ и къ изгнанію глистовъ. Вода сія не имѣетъ сѣрнаго запаха, но заключая, по видимому, наиболѣе желѣзныя частицы, играетъ въ винѣ такъ-же, какъ и другія минеральныя воды, хотя впрочемъ не столь сильно, сколько вода изъ Борсека, отсель верстъ за 100 находящаяся. Есть и еще въ деревнѣ Бодокъ, далѣе Арапатака къ сѣверу, минеральная вода, ко-

Digitized by Google

норая отличается отъ обѣихъ вышеозначенныхъ водъ особеннымъ свойствомъ, и употребляется какъ для пунша съ виномъ, шакъ и для ванъ. Но въ семъ послѣднемъ случаѣ не приносишъ она, равно какъ и Ковасненская, никогда шакой пользы, какъ воды нашурально шеплыя, каковыя находятся въ сихъ-же Карпашскихъ горахъ, къ сторонѣ Дуная, въ Баннашскомъ округѣ Мехадіи; сіи послѣднія отличаются превосходнѣйшимъ свойствомъ; я самъ видѣлъ нѣсколько человѣкъ, которые получили совершенное облегченіе въ сильнѣйшихъ простудныхъ болѣзняхъ.

Въ нижней часши деревни Ковасны, не вдалекѣ отъ Кальвинской церкви, заслуживаетъ примѣчаніе еще одна особенная вода, которая проникая изъ внутренности земли сквозь отверстіе, имѣющее въ окружности своей на поверхности не болѣе одной сажени, безпрестанно клокочетъ и испускаетъ изъ себя довольно сильный запахъ сѣры. Цвѣтъ воды сей совершенно сходствуетъ съ молочнымъ шоколадомъ, и осаждающійся въ окружности отверстія пепелистый илъ доказываетъ, что внутренность земли сей наполнена волканическими, самыхъ можетъ быть древнѣйшихъ временъ, остатками.

Вообще въ деревнѣ Ковасны, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся минеральные колодцы, погреба самые неглубокіе наполняются столь сильнымъ запа-

Digitized by Google

хомъ, что никакое животное оставаться въ нихъ долго не можетъ; курицы и утки, заходящія въ оные, скоро издыхаютъ.

Впрочемъ, не въ одномъ семъ мѣстѣ находятся въ землѣ сѣрныя частицы; есть къ Сѣверо-западу, между Бодокомъ и Чакъ-Середою, горы, которыя заслуживаютъ особенное примѣчаніе. Первое объ оныхъ свѣдѣніе было уже причиною моего любопытства: мнѣ хотѣлось видѣть ихъ собственными глазами. Путешествіе довольно трудное, верстъ на 30 отъ Вашергеля, по мѣстамъ гористымъ и лѣсистымъ, было вознаграждено пріобрѣтеннымъ мною свѣдѣніемъ на счетъ рѣдкаго, удивительнаго дѣйствія произведеній въ природѣ. Во глубинѣ горъ, среди лѣсовъ, находятся въ каменныхъ скалахъ разсѣлины, при которыхъ нашелъ я довольное число больныхъ, пользующихся отъ чесотки и прочихъ накожныхъ болѣзней. Иные въ шалашахъ, другіе въ шатрахъ остаются здѣсь недѣли по двѣ и по три; входятъ, съ закрытымъ носомъ и ртомъ на минуту въ разсѣлины, и возвращаются, не останавливаясь, опять назадъ. Дѣйствіе скопляющагося въ развалинахъ воздуха ощутилъ я столь необыкновенное, что во всей внутренней части ногъ моихъ почувствовалъ чрезвычайное согрѣтіе; часовая цѣпочка изъ Французскаго золота вся вдругъ потемнѣла. Нижняя часть разсѣлинъ покрыта со всѣхъ сторонъ сѣрнымъ цвѣтомъ до

Digitized by Google

того только возвышенія, до котораго проникаетъ наружный атмосферическій воздухъ. Больные намазываютъ симъ сѣрнымъ цвѣтомъ кожу или раны, и многіе получаютъ скорое выздоровленіе. Птицы, которыя залетаютъ въ сіи разсѣлины, тотчасъ падаютъ тамъ мертвыми.

При возвращеніи моемъ изъ сего дикаго мѣста, замѣтилъ я остатки развалинъ, на вершинѣ высокой горы, въ лѣсу. Пастухъ, здѣсь бывшій въ то время, не могъ ничего объяснить мнѣ другаго, кромѣ того, что дворъ сего древняго замка устланъ весьма хорошо камнемъ, и что подъ онымъ сохранился еще и понынѣ въ цѣлости погребъ. Исторію, самую чародѣйскую на счетъ погреба сего, началъ было онъ мнѣ повѣствовать, говоря, что нѣкто, имѣвшій намѣреніе искать въ ономъ погребѣ денегъ, при первомъ отворѣніи дверей упалъ и умеръ; но имѣя уже свѣдѣніе о дѣйствіи сѣрнаго воздуха, тотчасъ догадался я, что не Сатана, по мнѣнію пастуха тамъ обитающій, а физическая только сила спертаго сѣрнаго духа, не менѣе и въ другихъ мѣстахъ убійственнаго, лишила жизни искателя денегъ.

Въ окружностяхъ горъ сихъ, гдѣ оканчиваются лѣса, находятся довольно частыя заселенія Унгуровъ, и всѣ почти деревни ихъ соединяются между собою тщательно устроенными въ

Digitized by Google

прямую линію шоссе. Изобиліе въ камняхъ и способный грунтъ земли, какъ здѣсь, такъ во всей области Кронштатской, и въ другихъ мѣстахъ, Карпатскими горами объемлемыхъ, весьма много способствуютъ плановому устройству дорогъ. Въ прочихъ-же мѣстахъ Трансильваніи и Венгріи, еще неудобнѣе путешествовать, нежели у насъ въ Россіи; впрочемъ справедливый наблюдатель конечно не можетъ обвинять тамъ ни жителей, ни Правительства, потому что требовать отъ обитателей доставленія камня изъ мѣстъ самыхъ отдаленныхъ, было-бы и безразсудно и неудобоисполнительно.

Недалеко отъ селенія Бодокъ находится стеклянная фабрика, въ которой нашелъ я одно лишь самое обыкновенное стекло, употребляемое на надобности сего округа.

Квартируя въ Бодокѣ у одной вдовы, я узналъ отъ нея ужаснѣйшее горе, которое сокрушаетъ ея сердце. Она имѣла двадцатилѣтняго прекраснаго сына; любовалась имъ цѣлая деревня; но судьба предназначила ему участь самую горестную. Отправясь въ лѣсъ за волами, на пастьбищѣ находившимися, встрѣтился онъ тамъ по несчастію съ разбойниками, жителями одной съ нимъ деревни, которые, препровождая украденныхъ ими лошадей, побоялись, что онъ воровство ихъ откроетъ. Злодѣи схватили его; но

Digitized by Google

не желая лишишь жизни, приговорили только, чтобы выколоть ему глаза и отрѣзать языкъ. Молодой человѣкъ долго защищался, умолялъ ихъ оставить его; но все было тщетно: ножи разбойническіе окружили его, и въ отчаянной борьбѣ, получая раны не только въ глаза, но и въ другія части тѣла, наконецъ разстался онъ съ жизнію въ цвѣтущихъ лѣтахъ, а убійцы его, въ тотъ-же самый день пойманные, сознались въ своемъ ужасномъ и безчеловѣчномъ злодѣйствѣ и получили заслуженную казнь на висѣлицѣ.

УКРАИНСКІЯ МЕЛОДІИ (*).

I.

Сонъ—Трава.

(Голосъ: *Ой! хто въ лиси, озовыся!*)

Вечеромъ сбирайтесь, дѣвы,
Слушать пѣснь мою;
Подъ родимые напѣвы
Что-то вамъ спою.

(*) *Ирландскія мелодіи* Томаса Мура дали Автору мысль счастливую: поэтическія суевѣрія, предразсудки, повѣрья Малороссіянъ, ихъ историческія народныя воспоминанія и домашній бытъ изобразить

Digitized by Google

Въ рощѣ темной и дубовой,
Каждый годъ, съ весною новой,
Сонъ-трава цвѣтетъ
Краской темноголубою;
Все узнаетъ, кто съ зарёю
Первый цвѣтъ сорветъ.

Выйдутъ юноши толпами,
Ни заря, ни свѣтъ,
Соберутся подъ дубами
И срываютъ цвѣтъ,
Въ ключевую спавятъ воду,
А какъ ночь пройдетъ по своду,
Какъ взойдетъ луна,
Подъ подушку набросаютъ
И со страхомъ засыпаютъ,
Дожидаясь сна.

Что-то этотъ сонъ имъ скажетъ?
Правду скажетъ сонъ.
Щастье, горе-ль онъ укажетъ —
Вѣщій будетъ онъ.

въ разныхъ стихотвореніяхъ. Будучи отличнымъ музыкантомъ, Авторъ приноровилъ размѣры каждой изъ своихъ балладъ къ какому нибудь извѣстному Малороссійскому напѣву. Съ истиннымъ удовольствіемъ слушали мы опыты Г-на Маркевича, совершенно въ новомъ для Русской литтературы родѣ стихотвореній, и просили его предварительно познакомить посредствомъ Телеграфа публику съ *Украинскими мелодіями*. Онъ намѣренъ издать ихъ особою книжкою, вмѣстѣ съ нотами. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

Вошъ о полночь, вдругъ дѣвица,
Стань какъ тополь, круглолица,
Въ золотомъ вѣнцѣ,
Въ свѣтлый Божій храмъ къ налою
Станетъ звать насъ за собою,
Стоя на крыльцѣ.

Что-жь, какъ насъ не та невѣста
Посѣтитъ какъ разъ?....
Гдѣ былъ ротъ — пустое мѣсто,
Дыры — вмѣсто глазъ!
На главѣ у ней корона,
Въ костяныхъ рукахъ икона
Съ восковымъ крестомъ,
Назади пылаютъ свѣчи,
Саванъ покрываетъ плечи,
И — попы кругомъ!

Нѣтъ, не бойтесь! Гостья эта
Не разбудитъ васъ,
Не придетъ съ того ихъ свѣта
Въ полуночный часъ;
Но въ Казацкія жилища
Съ Чигиринскаго кладбища (*)
Придутъ Казаки;
Дорогіе будутъ гости,
Какъ разметанныя кости
Сдвинутся въ полки!

(*) Тамъ, гдѣ нынѣ каменоломни, принадлежащія Гр. Гурьевымъ, въ Чигиринѣ надъ Тясминемъ, на крутой и высокой горѣ, прежде стоялъ дворецъ

Digitized by Google

Лицы синія отъ муки,
Шеи подъ пенлёй,
И оторванныя руки
Принесутъ съ собой,
Груди ранами покрыты,
Кости пыткой перебиты,
Цѣпи по ногамъ...
Придутъ, загремятъ цѣпями,
И—голодными устами
Что-то скажутъ вамъ...

Богдана Хмельницкаго; слѣды дворца видны только по двумъ предметамъ: замѣтны каменныя ямы, уже обросшія дерномъ; онѣ служили темницами для плѣнныхъ Поляковъ; другая примѣта лощина, просѣченная въ горѣ; она была когда-то дорогою къ водопою для Гетьманскихъ коней. Идучи къ лѣсу, извѣстному подъ именемъ: *Чудо*, гдѣ находились прежде курени Казачьи, видите два кладбища; одно новое, другое состоящее изъ большихъ могилъ и давно оставленное. На послѣднемъ похоронены Казаки, казненные по повелѣнію Воеводы Чаплинскаго, пока Хмельницкій не взялъ своихъ мѣръ для прекращенія буйства Поляковъ; тамъ лежатъ и тѣ Малороссіяне, которые были замучены послѣ смерти Богдана, когда его трупъ, погребенный въ Субботовѣ, былъ выброшенъ Поляками изъ гроба, и украденъ приверженнымъ къ нему войскомъ. Звѣрство враговъ было невѣроятно: имъ надобно было имѣть умъ необыкновенно изобрѣтательный для казней. *Сост.*

Digitized by Google

II.

Удавленикъ.

(Голосъ: *И вчора горохъ*, и проч.)

Былъ одинъ Казакъ у насъ;
Я не знаю, что съ нимъ сталось:
Какъ пришелъ полночный часъ,
И какъ много показалось
Звѣздъ на небѣ голубомъ,
Въ огородѣ, за селомъ,
Взлѣзъ онъ на верьбу сухую,
Развернулъ веревки пукъ,
Выбралъ самый толстый сукъ,
Пеплю завязалъ прочную.

Вошъ—веревку прицѣпилъ
Онъ къ верьбѣ зубами узлами,
Въ пеплю голову вложилъ,
Сдѣлалъ крестъ двумя перстами,
И на землю разомъ—бухъ!
Хочетъ крикнуть: спёрло духъ,
Голую казачью шею
Узелъ давитъ, пепля трещъ,
И распутать не даетъ
Тѣло тяжестью своею.

Долго рвался онъ, хрипѣлъ,
Руки къ шеѣ подымались,
Какъ земля онъ почернѣлъ,
Ноги въ воздухѣ болтались.
Спитъ село; глухая ночь:
Казаку не льзя помочь;

Digitized by Google

Поле не кипишъ народомъ,
Не кричишъ еще пѣшухъ!..
Только сельскій нашъ пастухъ
Видѣлъ чудо мимоходомъ.

Спряшавъ сѣрые хвосты,
Вѣдьмы прыгали клубками,
Какъ на шабашѣ кошы
Замяучили толпами;
Визгъ и топотъ раздались,
Домовые собрались,
Застучали козьи ноги,
Оборотень засвистѣлъ,
И удавленика спалъ
Лѣшій подымать на роги.

Много вышло мертвецовъ
И вокругъ верьбы плясали,
И привставши изъ гробовъ
Всѣ скелеты хохотали.
Тушъ — давай бѣжать пастухъ!
Мѣсяцъ на небѣ потухъ;
Казака съ верьбы спащили;
Безъ хоругвей, безъ крестовъ,
Безъ отправы, безъ поповъ,
Надъ дорогой схоронили.

На распутьи, за селомъ
Есть могила; чудной силой
Въ полночь краснымъ огонькомъ
Что-то брезжетъ надъ могилой:
Тамъ удавленикъ лежитъ,
То душа его горитъ!

Digitized by Google

Люди добрые! пройдите
Мимо бѣднаго его,
Киньте палку на него
И молитву сотворите.

Годъ пройдетъ отъ этихъ поръ,
Мы придемъ къ нему толпою,
Палки сложимъ мы въ костёръ
И зажжемъ Страстной свѣчою.
И подымется надъ нимъ
Синій пламень, черный дымъ,
Всѣ грѣхи тотъ пламень сниметъ,
Онъ отъ муки разрѣшитъ,
Милосердый Богъ проститъ,
И, быть можетъ, душу приметъ.

Ник. Маркевичъ.

КАВКАЗЪ.

Г. А. Римскому Корсакову.

Отчизна горъ въ моихъ очахъ,
Окаменѣлые гиганты предо мною;
Громады мрачныя, какъ будто на часахъ
Стоятъ гранитною стѣною!
Въ вѣнцѣ изъ темнаго кустарника одна,
Зеленымъ бисеромъ унизана другая,
Тамъ голыхъ скалъ семья чернѣетъ вѣковая,
Надъ ней волнистыхъ тучь клубится пелена;
Подъ тяжкими ея стопами
Вокругъ богатыми, махровыми коврами

Digitized by Google

Луга холмистые лежатъ ;
На нихъ изъ сердца горъ кипучіе фонтаны,
Бушуя, серебромъ растопленнымъ летятъ;
Въ гранитныхъ броняхъ великаны
Склонясь на пропасти, ихъ грозно сторожатъ,
И тихо рѣчка голубая,
Змѣей сафирною утесы обвивая,
Журчитъ межъ каменныхъ стремнинъ.
Но кто сей мрачный исполинъ?
Иль замокъ мрачнаго громадъ сихъ властелина,
Огромный съ башнями зубчатыми дворецъ?
Рядъ острыхъ скалъ его вѣнецъ,
Сѣдая дымка шучь одежда исполина.
Ты-ль, *пасмурный* Бешту, колоссъ сторожевой,
Въ туманѣ облаковъ чело свое скрывая,
Горъ пятиглавый царь, чернѣешь предо мной
Вдали, какъ туча громовая?
Такъ, такъ, ужь не во снѣ я новый зрю Парнассъ!
Ужь не восторженный *богинею разсказа*,
О люди, здѣсь я выше васъ
Всей дивной вышиной Кавказа,
Здѣсь на скалахъ Бешту, въ утробѣ сихъ громадъ,
Въ чертогахъ машери-природы,
Здѣсь, гдѣ гранитные ихъ своды
Со мною о вѣкахъ минувшихъ говорятъ!
Проснишесь спящіе подъ ихъ навѣсомъ годы!
Вѣщай, отчизна горъ: которая скала
Кровь Промешееву пила?
Скажи: какъ онъ страданій вѣчность,
Неволи горькой безконечность
За дружбу къ смертному сносилъ?
И никогда душой высокой

Digitized by Google

Глухую непреклонность рока
О примиреньи не молилъ?
Но посмотрите, какъ съ Востока
Завѣса палевыхъ, свинцовыхъ облаковъ
Свернулась, движется, сбѣгаетъ....
И чтожь?... За нею міръ духовъ
Изъ перловъ созданный мелькаетъ!
Я вижу зданія янтарныхъ городовъ,
Покрытыхъ тонкими изъ снѣга кружевами;
Тамъ сфинксы дивные, тамъ странныхъ ликовъ рядъ;
Изида, Озирисъ, живой хрустальный садъ
Въ туманѣ розовомъ сліялись съ небесами!
Но ты, святой Эльбрусъ (*), ты, будто конь сѣдой,
На коемъ смерть предстанетъ міру (**),
Къ свѣтилу вѣчному, къ далекому эоиру
Вознесся снѣжною главой,
Ровесникъ міра величавый!
Какой орелъ взлеталъ на твой вѣнецъ двуглавый (**)!
Всемірный океанъ тебя не поглотилъ:
Твой верхъ, какъ мавзолей надменной,
Бѣлѣлъ надъ влажною могилою вселенной,

(*) Черкесы называютъ Эльборусъ *Уах-Гамако*, то есть: гора *святая*, чудесная.

(**) См. Апокалипсисъ. — Клапротъ справедливо замѣчаетъ, что двуглавая вершина Эльборуса имѣетъ видъ сѣдла; я прибавлю: Черкесскаго.

(***) По наблюденіямъ Г. Вишневскаго, Эльборусъ вышиною 16,000 футовъ. «Никто не всходилъ на «вершину горы сей; жители Кавказа полагаютъ, «что для сего нужно особенное соизволеніе Божіе. (*Клапротъ*).

Digitized by Google

И первый пристанью любимцу неба былъ (*)!
Ты видѣлъ, какъ на міръ тотъ ураганъ могучій
Своихъ несмѣтныхъ силъ мчалъ громовыя тучи (**);
Ты слышалъ вой ихъ стрѣлъ, ихъ бурной керны
гласъ... (***)
Но страшный метеоръ угасъ;
И силы грознаго — дымъ пепла, прахъ летучій!
О вы, которыхъ всѣ мечты
Къ землѣ продажною прикованы душою,

(*) Горскіе народы говорятъ, что Ковчегъ остановился сначала на вершинѣ Эльборуса и уже послѣ того отплылъ къ Арарату (*Ibid.*).

(**) Тамерланъ.—« Когда властитель судьбы и правитель міра рѣшилъ въ высокой волѣ своей прекратить войну въ странѣ Русскихъ и Черкесовъ, онъ « обратилъ побѣдоносныя фаланги и знамена свои къ « горѣ *Алъбрузу*. Знамена завоевателя странъ напра« вились съ признакомъ побѣды противъ *Юри*, *Берды* « и *Ярахена*, начальниковъ племени *Асовъ* (Оссетин« цевъ). Дорога была непроходима, но онъ повелѣлъ « очистить ее и оставя тамъ *Алира Гаджи-Селифъ-* « *Эддина* съ обозами, понесъ войну къ горѣ *Алъбрузу*, « сражаясь безпрестанно съ невѣрными, и въ гор« ныхъ твердыняхъ ихъ и въ ихъ неприступныхъ « ущеліяхъ. » — *Исторія Тимура*, соч. Шерифъ Эддина Езды, Персидская рукопись (*См. Voyage au Caucase etc. par M. Jules Claproth, T. II. p.* 230 *et suiv*).

(***) *Керна*, родъ военной трубы; она была въ большомъ употребленіи въ войскахъ Тамерлановыхъ; говорятъ, что звукъ ея дѣйствительно ужасенъ и слышенъ въ разстояніи многихъ миль (*Ричардсонъ*. См. также поэму *Дивъ и Пери* Г. *Подолинскаго*.

Digitized by Google

Рабы ничтожной суеты,
Придите съ дикою громадъ сихъ красотою
Кумиръ души своей сравнить!
Но нѣтъ! Пигмеямъ-ли о мѣлкихъ ихъ забошахъ,
О ихъ тщеславіи, о хладныхъ ихъ разсчетахъ,
Съ престолами громовъ небесныхъ говорить!
Сшепей обширною темницей упомленный,
Какъ радостно, отчизна горъ,
Мой на тебя открылся взоръ!
Восторженный, обвороженный
Красой твоихъ пустынныхъ скалъ,
Какъ часто въ дикіе дедалы
Я на залетномъ ихъ пишомцѣ проникалъ!
Какъ часто пировать въ порфировыя залы
Чадъ Эпикуровыхъ сбиралася семья!
Но вы ужь скрылися, счастливые друзья,
Какъ это солнце золотое,
Какъ это небо голубое,
Какъ эта теплая Кавказская весна!
Какъ ты мертва теперь, пустынная страна,
Какъ молчалива ты!... Лишь вѣтръ въ ущельяхъ мшистыхъ
Трепещетъ, и съ вершинъ кремнистыхъ,
Отъ скалъ отторженный гранитъ
Въ глухія пропасти катитъ....

В. Тепляковъ.

1 Сентября 1828 года.
Кавказск. минер. воды.

Digitized by Google

Эпиграмма.

Какого Богъ мнѣ далъ сосѣда, господа!
Какъ тихъ, какъ скроменъ онъ всегда!..
А чтобы описать понятно
Вамъ всѣ ума его черты:
Мнѣ съ нимъ, какъ съ книгою пріятно,
Въ которой — бѣлые листы.

МѢШОКЪ СЪ ЗОЛОТОМЪ.

(Окончаніе).

Я увѣренъ, что въ будущее время Энциклопедія увеличится многими томами противъ нынѣшней. Кромѣ того, что извѣстныя нынѣ знанія и науки будутъ раздвинуты, усовершенствованы, думаю, явятся много наукъ и знаній *совсѣмъ новыхъ*, о которыхъ мы и не слыхивали. И какъ не подумать этого послѣ Галлева *Голово-тишко-словія* (такъ одинъ Московскій профессоръ переводилъ мудреное названіе Галлевой науки) и послѣ *Животнаго магнетизма*? Нисколько не сомнѣваюсь, что современемъ люди сдѣлаютъ науку изъ *Физіогномики*, и мечты добраго Лафатера не будутъ мечтами. Изъ всѣхъ наклонностей человѣка ни однѣ не выказываются такъ явно у всякаго, какъ

Digitized by Google

три слѣдующія: наклонность лечить; наклонность угадывать людей по лицу; наклонность слушать разсказы о чудесахъ. Отъ первой уже переморили довольно народа, и хотя никто нынѣ не вѣритъ лекарямъ, но кто изъ насъ не скажетъ другому какого нибудь лекарства, только упомяни о болѣзни? Люди лечатъ теперь душу, тѣло, карманы, государства: все неудачно, все не такъ, и все не отказываются лечить и быть лечимыми. Отъ наклонности къ чудесамъ не исцѣлились люди семь-тысячь-лѣтнимъ опытомъ, и съ того времени, какъ Адамъ былъ обманутъ обѣщаніемъ чудесъ донынѣ, чудеса—вѣрнѣйшая уда, на которую поймаете каждаго Адамова внука и каждую Евину внучку. Я хотѣлъ поговорить только о *физіогномикѣ*, и—виновать! заговорилъ о другомъ! Вотъ въ чемъ дѣло: если физіогномика будетъ когда нибудь усовершенствована, то она принесетъ много добра. По глазамъ, рту, носу, бровямъ, щекамъ люди станутъ узнавать другъ друга, лучше всякаго зеркала. Физіогномика прорубитъ окошечко въ душу каждаго человѣка, и изъяснитъ, отъ чего, на примѣръ, желтая, пухлая, кислая рожа, мышьи глаза, оттянутыя губы — признаки человѣка сварливаго, злаго, ненавистника всему доброму; отъ чего другое лицо.... но я боюсь высчитывать здѣсь различныя лица. Иное можетъ оскорбить случайнымъ сходствомъ какую нибудь рожу, дышущую на бѣломъ

Digitized by Google

свѣтѣ. Пусть дышетъ она безопасно, пока еще не усовершенствована физіогномика; но, будетъ время, худое для многихъ, и, можетъ быть, физіогномика распространитъ свои замѣчанія весьма далеко: сообразивъ множество лицъ и рокъ (эти два слова чистыя синонимы въ Русскомъ языкѣ), она дастъ свои понятія о цѣлыхъ народахъ; изъ нихъ извлечетъ физіогномію областей, городовъ и, можетъ быть, въ географіяхъ будутъ современемъ писать физіогномію городовъ на ряду съ числомъ жителей, промышленностью, ученостью города.

Что̀ если-бы теперь можно было сдѣлать это, не откладывая вдаль, и вотъ, вспали, когда герой нашего разсказа явился въ Москву, къ *лицу безъ образа* нашей старушки приложить физіогномическій циркуль и представить ее въ вѣрномъ портретѣ? Тогда легче-бы мнѣ было описывать, и что̀ встрѣтилъ Ванюша въ Москвѣ, и какія впечатлѣнія врѣзывались въ душу его, но мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ и разсматривалъ Москву.

Добрая Москва! я люблю тебя искренно и, кажется, кости мои будутъ шлѣть на одномъ изъ мирныхъ кладбищъ твоихъ. Твое имя дорого моему сердцу; твои башни, твои золотыя маковки лелѣяли мои юношескія надежды, когда еще въ дремучихъ лѣсахъ Сибири я зналъ тебя

Digitized by Google

только по имени, по разсказамъ бывалыхъ людей; я живо помню, съ какимъ восторгомъ приближался я къ тебѣ, съ какою грустью бродилъ послѣ по твоимъ развалинамъ, съ какою радостью видѣлъ обновляемыя твои стѣны, храмы, башни и громадныя зданія. Не сердись-же, если такъ давно, искренно любя, я осмѣлюсь говорить о тебѣ правду. Твои недостатки наши, а объ себѣ почему не сказать?

Москва городъ большой и единственный, который только на Руси можетъ существовать: широкій, длинный, неправильный, городъ, который строили семь вѣковъ, въ которомъ отъ каждаго вѣка что нибудь осталось, смѣшалось, измѣнилось, но не истребилось, и все вмѣстѣ похоже на жилище богатаго Русскаго помѣщика нашего времени. Войдите въ жилище этого помѣщика: тутъ Европа и Азія, всѣ языки, всѣ страны, всѣ вѣка; на чердакахъ гнѣздятся гувернёръ Французъ, дядька Нѣмецъ, нянька Англичанка; въ передней ливреи прошлаго вѣка и жокейскія курточки нынѣшняго; въ буфетахъ Саксонскій фарфоръ, Русскіе старинные серебряные кубки и Китайскія куклы; въ гостиной говорятъ по Французски, въ залѣ поютъ по Итальянски, въ кабинетѣ горюютъ по Русски. Такъ и въ Москвѣ есть все: старое и новое, родное и чужое, Европейское и Азіятское, великое и смѣшное. Громадныхъ домовъ множество и всѣ

Digitized by Google

они разбросаны; улицы огромныя и всѣ кривыя. Вотъ старое вѣковое зданіе; подлѣ палацы вельможи прошлаго вѣка; далѣе новый каршочный домикъ, съ Итальянскимъ мезониномъ, отъ котораго гніетъ кровля и въ цѣломъ домѣ холодно; тамъ садъ; потомъ огромный казенный домъ; далѣе пустырь и Греческая табачная лавка; еще палаты; тутъ обгорѣлый при Французахъ домъ, хлѣбныя лавки, Французскія моды, бульваръ, церковь. Окрестности Московскія прелестны, но вы едва пройдете по дорогамъ отъ грязи, и отъ того, что въ одномъ мѣстѣ мостъ сгнилъ, а пока дѣлаютъ новый каменный великолѣпный мостъ, положены черезъ ручекъ бревны, по которымъ и Кіарини подумаетъ, какъ перейдти; тамъ песокъ, тутъ ручей, черезъ который нѣтъ перевоза. За то полюбуйтесь Москвою издали; посмотрите на толпы народа; поглядите на нестрому, движеніе; прислушайтесь къ стуку, колокольному звону, шуму, говору; взгляните на Кремль, на Красную площадь, и—вы согласитесь, что Москва точная Русь: нашъ Русскій духъ, наши недостатки и добродѣтели, Русское худо и добро, огромность и слабость, какъ будто живыми словами вырѣзаны на берегахъ Москвы и Яузы.

Такова Москва; но что-же Ванюша могъ найдти въ Москвѣ, увидѣть, узнать? Не знаю, что найдетъ, но увидѣлъ и узналъ онъ многое. Рано

Digitized by Google

ѣзжая въ Москву, онъ изумился, какъ тихъ, спокоенъ этотъ необозримый городъ: ни души по улицамъ, кромѣ дворниковъ, булочниковъ, бутошниковъ; ставни оконъ заперты, все спитъ: только не спала молитва благочестивыхъ людей; церкви, мимо которыхъ ѣхала тѣлега нашихъ странствователей, были отворены: сквозь двери ихъ мелькали свѣчи передъ иконами и слышалось священное пѣніе. Долго изъ улицы въ улицу поворачивалъ спутникъ Ванюши. Вотъ, миновались огромныя зданія, начались домишки, хуже, хуже, и Ванюша доѣхалъ почти вплоть до другой заставы. Тѣлега остановилась передъ старымъ деревяннымъ домомъ; спутникъ Ванюши всталъ, снялъ шляпу, помолился и началъ отворять ворота: открылся длинный, грязный дворъ, съ обѣихъ боковъ и съ задней стороны обставленный высокими навѣсами на столбахъ. Множество лошадей стояло у колодъ, множество саней, дрожекъ, нѣсколько каретъ было подъ навѣсами. Грустно посмотрѣлъ Ванюша вокругъ и заглянулъ во дворъ. Ахъ! Москва издалека такъ хорошо бѣлѣла, свѣтлѣла, горѣла первыми лучами солнца, такъ изумляла его своими домами, храмами... Надобно-же ему было проѣхать всю Москву, и для чего? Чтобы на краю Москвы найдти грязный, бѣдный пріютъ! Неужели это Москва? спрашивалъ Ванюша, смотря вокругъ на бѣдныя лавочки, народъ засаленный и дурно

Digitized by Google

одѣтый. Застава передъ глазами казалась дурнымъ предзнаменованіемъ Ванюшѣ; изъ за нея, какъ будто шепталъ ему голосъ: «За чѣмъ ты пожаловалъ сюда, незванный гость? Въ одни двери ты въѣхалъ, вотъ другія: изволь выѣзжать! И безъ тебя тѣсно въ Москвѣ, и безъ тебя довольно искателей счастья гранитъ Московскую мостовую ногами и колесами!»

Какое-то унылое чувство ощущаетъ человѣкъ, вырванный изъ мирнаго уголка и брошенный въ море большаго города, особливо пестрой Москвы. Не зная еще ея, онъ составляетъ себѣ понятіе по своему; видитъ ее, перемѣшиваетъ свое понятіе съ видимымъ; обширность давитъ его воображеніе; сближеніе крайностей—обыкновенная участь большихъ городовъ—изумляетъ его взоры, и первое чувство послѣ того унылость, отчужденіе отъ новаго мѣстопребыванія, воспоминаніе о спаромъ, знакомомъ уголкѣ, гдѣ каждая травка, какъ будто родная, каждый человѣкъ знакомъ съ дѣтства, и солнце свѣтитъ веселѣе и хлѣбъ слаще! Тутъ жестоко страдаетъ и самолюбіе человѣческое, когда пришлецъ видитъ себя для всѣхъ чуждымъ. Нѣтъ ему ни слова, ни привѣта: онъ одинъ, одинъ, и—*чувствуетъ* это одиночество; *не для него* все живетъ и движется вокругъ; всякій занятъ своимъ, спѣшитъ, идетъ мимо пришлеца, его никто не знаетъ, когда прежде утромъ встрѣча-

Digitized by Google

ло его ласковое слово роднаго, на каждомъ шагу правѣшъ знакомаго!

Такія чувства испышываешъ всякій, кромѣ знашныхъ и богачей, которые изъ палашъ своихъ переѣзжаютъ въ палашы Московскія, для которыхъ вездѣ и все равно: въ Москвѣ, въ Парижѣ, въ Россіи, въ Америкѣ. Послѣ, со временемъ, если существенность не бѣдна, призраки прошедшаго спираются въ памяти. Шумъ, блескъ выгоняютъ изъ души мысль о родинѣ, о былomъ: пришлецъ едва помнишъ ихъ, какъ милые младенческіе годы. Но хорошо, у кого не бѣдна настоящая существенность, хорошо, если человѣкъ умѣешъ хошя разцвѣчивашь ее яркими красками!

Бѣдный Ванюша не былъ любимцомъ воображенія: оно играло у него немногими грубыми цвѣшами, а что окружало его, то не могло упѣшишь, приласкашь надеждою, согрѣшь дыханіемъ радости. Уже онъ готовъ былъ раскаиваться, что поѣхалъ въ Москву, уже спупникъ его, который черезъ два дня долженъ былъ спова увидѣшь зеленые луга родины, казался Ванюшѣ счасшливцомъ, а самъ себѣ Ванюша показался выброшеннымъ зимнею вьюгою на придорожный сугробъ, когда въ полѣ вьешъ снѣгъ и вѣшеръ воешъ въ далекомъ бору. «Гдѣ найдши мнѣ здѣсь счасшье свое!» сказалъ онъ самъ себѣ. «Но, развѣ шы *здѣсь* ищешь своего счасшья?» приба-

Digitized by Google

вилъ онъ. «Тебѣ надобно денегъ, денегъ, денегъ, и ихъ ты достанешь. Такъ! вѣщій сонъ мой сбудется. Пойдемъ къ дядѣ Парфену.»

Вѣщій сонъ видѣлъ Ванюша, заснувши въ телегѣ, передъ самою Москвою. Ему показалось, что онъ идетъ въ какомъ-то городѣ, у котораго посрединѣ одной улицы помѣстилось-бы полъ-деревни ихъ. И вотъ передъ нимъ безконечная площадь, домы, лавки, церкви, какая-то красная башня и множество народа. Среди этого народа бродилъ Ванюша; вдругъ старичекъ, сѣдой, добрый, подходитъ къ нему и говоритъ: «Знаю чего ты ищешь: молись Святому Спасу.» Три земные поклона положилъ Ванюша передъ красною башнею, на которой была икона Спаса, и старичекъ повелъ его по широкой улицѣ... Тутъ сонъ Ванюши смѣшался: ему видѣлись золото, серебро, луга, поля родины и—Груня. Онъ помнилъ только, что Груня обняла его, и съ ея поцѣлуемъ разлетѣлся сонъ.

По грязному двору, котораго и осенній холодъ не могъ заморозить, Ванюша вошелъ въ обширную хоромину. Тутъ безконечныя палати, печь, грязь, куча народа, множество конской сбруи вдругъ бросились ему въ глаза. За длиннымъ столомъ сидѣло и стояло множество народа и хлѣбало щи изъ чашки, величиною съ полъ-ушата; другіе одѣвались; иной молился, другой

Digitized by Google

пѣлъ, третій передъ завтракомъ прогонялъ остатки сна стаканомъ пѣнника: точная ярмарка! Это все были будущіе товарищи Ванюши, извощики рессорные, *калиберные*, каретные, ломовые. Въ свѣтелкѣ, рядомъ съ этою ярмаркою, Ванюша нашелъ дядю Парфентья. Старикъ, бородатый, плѣшивый, красный, въ красной рубахѣ и старомъ Нѣмецкомъ камзолѣ, съ разломанными счетами въ рукѣ и съ мѣломъ въ другой: такимъ явился дядюшка Ванюши. Онъ считалъ тогда на стѣнѣ мѣловые значки, разсчитываясь съ извощикомъ и доказывая ему, что три мѣрки овса слѣдуетъ прибавить къ замѣченнымъ на нарѣзкѣ.

«Дядя Парфенъ здорово,» робко проговорилъ Ванюша.

— Кто тамъ? Что ты? сказалъ Парфентій хмурясь, какой дядя?

«Я братъ Осипа Ѳедосеева.»

— Будто ты? Видишь, худое-то дерево какъ тянется! Будто ты Ванюшка Ѳедосеевъ?

Начался бѣглый разговоръ, безпрестанно перерываемой приходомъ и уходомъ извощиковъ, спросами жены, крикомъ дѣтей, которыхъ Парфенъ ошечески унималъ за вихоръ. Ванюша объяснилъ Парфентію все дѣло.

«Охъ, вы голь!» воскликнулъ Парфенъ. «Вѣдь несетъ-же васъ нелегкая въ Москву? И безъ того вашей братьи здѣсь бишкомъ набито! Въ ны-

Digitized by Google

нѣшнее-ли время зашибить копѣйку, когда ужь тутъ на обухѣ рожь молотишь, а часто приходится локти грызть!»

— Дядюшка, я тебѣ въ накладъ не буду; за хлѣбъ за соль возьми, а на кормъ я ужь вѣрно добуду...

«Добудешь ноги, на чемъ бѣжать! Дядюшка пиши должокъ на стѣнку, а примись-ка послѣ за тебя, такъ бабьяго вою не оберешься.»

Плохое было привѣтствіе на первый разъ, и диво-ли, что Ванюша, послѣ такого разговора съ дядею Парфентьемъ, вышелъ за вороша печаленъ, со слезами на глазахъ.

«Добрый молодецъ! Спасу Христову на свѣчку; Богъ благословитъ тебя!» проговорилъ ему кто-то.

Ванюша вздрогнулъ и оглянулся. Передъ нимъ стоялъ сѣдой старикъ, съ кружкою, въ которую собиралъ онъ на свѣчу къ церкви Спаса.

Какъ этотъ нечаянный случай обрадовалъ Ванюшу! Съ какою радостію вынялъ онъ цѣлую гривну и положилъ старику, съ какимъ восторгомъ слушалъ благословеніе старика!

И дядя Парфентій не всегда бывалъ сердитъ, не всегда каркалъ, будто зловѣщій воронъ. Вечеромъ, на досугѣ, онъ разговорился съ Ванюшею о родинѣ, о Ѳедосеѣ, о дѣлахъ Ванюши, счи-

Digitized by Google

талъ, пересчитывалъ, выспрашивалъ у Ванюши, и заключилъ привѣтствіемъ: «Ну, ты малый, кажись, добрый! Смотри: не пей, не дерись, будь услужливъ, да уважай дядю. Ремесло, за которое ты принимаешься, таково, что безъ гибкой спины, о которую палка дожалаго не ломается, ничего не добудешь. Ниньче вѣдь и не нашъ братъ беретъ только поклономъ, а намъ не уже-ли умнѣе бояръ быть!»

И вотъ Ванюшу повели въ Частный Домъ, потомъ еще и еще куда-то; подъячіе писали, брали съ него на водку, на калачи, и когда выпалъ первый снѣгъ, Ванюша на своей лошадкѣ, въ плохихъ пошевняхъ, съ мѣднымъ значкомъ на спинѣ, на которомъ выбито было названіе части города, сталъ на ближнюю биржу, и сдѣлался членомъ республики Московскихъ *волочковъ* и *ванюшекъ*.

Въ самомъ дѣлѣ, если не льзя назвать республикою, то можно уподобить цѣлому гражданскому обществу міръ извощиковъ. Странное животное человѣкъ: онъ все разнообразитъ, ладитъ по своему, такъ, что куда ни брось его, вездѣ отъ него раздвигается кругъ, какъ будто отъ камня, кинутаго въ воду. Эти круги сталкиваются, сбиваютъ другъ друга, и составляютъ что-то свое, особенное, въ чемъ, какъ-бы ни мало

Digitized by Google

оно было, отражается человѣкъ и страсти его, и добро и худо природы человѣческой. Такъ и въ мірѣ извощиковъ есть свои условія быта, изъ коихъ только геніи-извощики вылетаютъ, и въ коихъ богатство вытрываетъ, умъ служитъ подставкою, а бѣдность и глупость, какъ вездѣ, бываютъ родныя сестры. Ванюша скоро увидѣлъ, что ему не угоняться за другими, если онъ не пуститъ гончею собакою свою совѣсть, и если не будетъ равняться съ товарищами, а это равенство было ему куда не по сердцу. Биржа, гдѣ стоялъ Ванюша, составляла только часть міра того постоялаго двора, въ которомъ подъ покровительствомъ Парфентія кочевали пришлецы отвсюду и всякіе. Они разъѣзжались каждое утро на нѣсколько биржей и соединялись въ одно общество поздно вечеромъ. На каждой биржѣ были записные, вѣковые жильцы-извощики, знавшіе всю подноготную въ Москвѣ и управлявшіе общими мнѣніями; власть ихъ была деспотическая, ибо основывалась на кулакахъ и дружбѣ съ будочниками. Эти жильцы улицъ были народъ отборный, закаленный въ бояхъ и ресторацiяхъ; у нихъ были свои льстецы, рабы, прислужники. Волненія на биржѣ при появленіи пѣшехода всѣ дѣлались подъ ихъ рукою. Тутъ былъ неизъяснимый дѣлежъ, угощенье, череда. Главные коноводы всего болѣе вырабатывали ночью, возя удалой народъ на лихихъ дрожкахъ, Богъ знаетъ

Digitized by Google

куда и гдѣ кидали попомъ двугривенныя, какъ соръ не уважали синихъ и красныхъ бумажекъ, и гордились бѣлыми. Ихъ подручные отличались безстыдною ловкостью, когда надобно было подавать сани; наглостью, когда должно было отбить товарища; низостью, когда прихоть сѣдока угрожала ихъ спинѣ. Такой народъ всѣхъ скорѣе зарабошивалъ копѣйку, но не впрокъ, а кто не хотѣлъ быть угодникомъ высшаго званія гражданъ биржи, не гулялъ, не дѣлился въ шалостяхъ съ низшимъ званіемъ, тотъ смѣло могъ ручаться, что всегда воротится домой съ мѣлочью, которую утромъ взялъ на сдачу. Ванюша не умѣлъ и не могъ поладить съ своими согражданами, и вскорѣ общій голосъ прокликалъ его *негодяемъ*, *не-товарищемъ*, *лукавцомъ*. Онъ съ изумленіемъ видѣлъ, какъ старики, подобно ему пріѣхавшіе извозничать, сгибались передъ шалунами и коноводами, и какъ самый дядя Парфеній былъ всегда на сторонѣ сильнаго, кривилъ вѣсы правосудія: наглая ложь, безстыдство и обманъ выигрывали. Онъ переѣхалъ на другую биржу: вездѣ одно и тоже! Оставалось удалиться отъ биржей, стоять на уголкахъ, ѣздить изъ улицы въ улицу. Но распри, междоусобія, ссоры, *бури въ стаканѣ воды* и шутъ не давали Ванюшѣ покоя. Его встрѣчали на ночлегѣ насмѣшкою, провожали свистомъ. Никто, правда, не смѣлъ прикоснуться къ Ванюшѣ, который, кромѣ силь-

Digitized by Google

ныхъ рукъ, былъ еще любимцемъ тетки, кромѣ дяди Парфентья. Новая бѣда: дядя Парфентій былъ ревнивъ, какъ Турокъ, и красивое лицо Ванюши, ласковая, тихая рѣчь, услужливость его, не нравились Парфентью. «Да вѣдь ты самъ велѣлъ мнѣ угождать другимъ?» говорилъ ему Ванюша.—Мнѣ, а не бабамъ, угождать товарищамъ да власти, а ты съ товарищами не ладишь и власти въ усъ не дуешь. Вчера хожалый Фома шелъ еле-живъ сыръ; ты ѣхалъ мимо, и не хотѣлъ довезти его до будки, а какъ тетка кличетъ пособлять, такъ Ванюша слоня голову бѣжитъ. Смотри, пріятель!—

Но можетъ быть ловкость, чистость, ум Ванюши награждали его за всѣ неудовольствія барышами? Ванюша и самъ надѣялся на это. Онъ скоро узналъ Москву, ея крюки, извилины, безчисленныя церкви и безконечные переулки. Онъ тотчасъ замѣтилъ, что если стать въ Китаѣ, протянуть и сложить обѣ руки, то десять пальцовъ на рукахъ, считая отъ Варварскихъ до Боровицкихъ воротъ, будутъ указателями главныхъ улицъ: Варварки съ Солянкой, Ильинки съ Покровкой, Мясницкой, Лубянки съ Срѣтенкой, Петровки, Дмитровки, Никитской съ Кудринымъ, Вздвиженки съ Поварскою, Знаменки съ Арбатомъ и Лѣнивки съ Пречистенкой и Остоженкой; что поперегъ перерѣзываютъ всѣ сіи улицы валы Бѣлаго и Земляного города, означенны бульварами, кото-

Digitized by Google

ые начавшись отъ одного мѣста на берегу Москвы
ѣки, примыкаютъ къ другому и описываютъ два
олукруга. Накинувъ такую геометрическую сѣт-
у, Ванюшѣ легко было разсчитать всѣ мѣста, и
ы видимо, что смысла у него доставало на все.
Черезъ два мѣсяца его не затрудняли ни *Путин-
и*, ни *Крапивки*, ни *Чигасы*, ни *Болвановка*,
и *Яндовы*, ни *Драчи*, ни *Листы*: вездѣ,
акъ по писанному ѣздилъ Ванюша. Но его ло-
дая лошадка, бѣдная одежда, плохія пошевенки
е казались признаками ловкости; у него не бы-
ло безстыдства хвалиться, перебивать у другихъ,
перекрикивать другаго, когда на голосъ: *извоз-
чикъ!* будто ястребы кидались отвсюду его
поварищи. Ахъ! какъ много выигрываютъ на бѣ-
ломъ свѣтѣ мѣдный лобъ и ловкій языкъ, въ пе-
редней вельможи и... на биржѣ Московскихъ во-
лочковъ! Съ грустью видалъ Ванюша, что лю-
ди садились на сани хуже его, столько за то,
что извощикъ умѣлъ увѣрить, будто онѣ лучше;
поржественно катили съ ѣздоками поварищи,
а Ванюша, повѣся носъ, оставался на мѣстѣ и
постегивалъ хлыстикомъ по снѣгу. Но если и
удавалось Ванюшѣ поймать добычу, онъ изум-
лялся, что за народъ такой горожане: прихотли-
ый, сварливый и скупой не скупой, а Богъ знаетъ,
акъ назвать. Богачъ въ глазахъ его бросалъ день-
ги за вздоръ, а когда доходило до наемки санокъ,
торговался за копѣйку, какъ будто за сокрови-

Digitized by Google

ще, и Боже сохрани, если не доставало сдачи хоть двухъ грошей! Ванюша привезъ однажды изъ Охотнаго ряда какого-то толстяка, который купилъ шамъ пять фунтовъ пѣшуныхъ гребешковъ и—за *гривну* оставилъ въ закладѣ рукавицу Ванюши, не боясь, что бѣднякъ отморозитъ руку, пока выработаетъ сдачу!

Считая и пересчитывая, Ванюша думалъ, что къ веснѣ все останется однакожъ у него что-нибудь. Уже прощался онъ съ Москвою, хотѣлъ навсегда разстаться съ ея великолѣпіемъ, богатствомъ, щедростью и—нѣчего дѣлать—отказаться отъ мечты своей! Золотые сны его разлетѣлись и горе давило сердце. Но какъ изумился онъ, когда, увидѣвъ невозможность ѣздить по Москвѣ на саняхъ, пришелъ къ дядѣ Парфентью, и сталъ просить разсчета, и когда тотъ, принявшись за свои счеты и мѣлъ, объявилъ его въ *долгу!* Бѣдный Ванюша! Онъ не смѣлъ съѣсть крупичатаго калача, ни разу не лакомился грушами и клюковнымъ квасомъ, а вычетъ на вычетъ, съ пословицею: *деньга счетъ любитъ*, Парфентій объявилъ, что не выпуститъ его изъ Москвы, и, взявъ всю заработку, требовалъ остальныхъ денегъ. Ванюша обѣщалъ прислать, просилъ уступить; тетка вздумала защищать его; неумолимый дядя Парфентій вспыхнулъ, запопалъ ногами, выкинулъ

Digitized by Google

сошно браней. Что̀ оставалось дѣлать Ванюшѣ? Онъ оснался *заработывать долгъ*.

Уже снѣгъ по Московскимъ улицамъ превращался въ грязь, уже зимняя насшлка ихъ была вырублена и шяла въ огромныхъ кучахъ, когда Ванюша перепрягъ лошадь свою изъ саней въ волочокъ и печально выѣхалъ изъ воротъ Парфеньева дома. Не съ кѣмъ ему было даже и погрустить. Теперь, когда̀ кончится его работа, что̀ подумаетъ отецъ, что̀ скажетъ Груня, и гдѣ она? Свѣтлое небо Московское казалось Ванюшѣ шуманно, и онъ прежде всего отправился туда, ошкуда каждый день начиналъ свое странствованіе: къ *Спасскимъ воротамъ*.

Я уже говорилъ вамъ о вѣщемъ снѣ Ванюши, но не досказалъ самаго удивительнаго. Когда въ первый разъ пришелъ Ванюша къ Лобному мѣсту, онъ невольно изумился и остановился съ благоговѣніемъ. Вспомнилъ-ли онъ великія событія, пролетѣвшія по этому святому мѣсту: казни Грознаго, торжество Самозванца, парады Наполеона, воздвиженіе памятника Минину и Пожарскому рукою побѣдоноснаго Царя, отъ имени благодарнаго Отечества? Нѣтъ! Ванюша не зналъ Исторіи. Изумили-ль его благоговѣніе, съ какимъ каждый проходящій снимаетъ шляпу и шапку, и преклоняется предъ святыми Спасскими воротами, диковинная церковь Василія Блаженнаго, видъ Царскаго терема, обширныхъ рядовъ, извая-

Digitized by Google

ніе спасителей отечества? Изумили; но онъ даже испугался, когда взглянувъ на Спасскія ворота, узналъ ту *красную башню*, которая видѣлась ему во снѣ, площадь, многолюдство, и всѣ предметы! Только не было благодѣтельнаго старика. И въ душѣ пришлеца возрасла тайная молитва благодарной надежды, укрѣпилась мысль, что въ Москвѣ точно найдетъ онъ свое счастье. Послѣ сего каждый день начиналъ онъ тремя земными поклонами у Спасскихъ воротъ. И теперь туда пріѣхалъ онъ, помолился, и поѣхалъ возить добрыхъ людей.

День за днемъ летѣлъ; настало лѣто. По Московскимъ улицамъ поднималась лѣтняя примѣта: пыль; бульварные клочки дерну и деревцы на подпоркахъ покрывались бѣдною зеленью. Москвичи выѣзжали дышать чистымъ воздухомъ въ болотахъ Кускова, Коссина, Останькова, наслаждаться деревенскою жизнью подлѣ трактира въ Марьиной рощѣ, въ огородахъ Сокольниковъ, и наслаждаться природою въ скучномъ Нескучномъ. Душною тюрьмою казалась тогда Ванюшѣ Москва, гдѣ отъ каменныхъ домовъ и мостовыхъ было жарко, какъ въ натопленной печи, особливо ему, всегда жившему на волѣ, въ поляхъ и рощахъ, будто пташка поднебесная. Въ Москву и добрая пташка, казалось, не смѣла залетать: только слышалъ онъ чириканье воробьевъ, видѣлъ стада грачей, воронъ и коршуновъ.

Digitized by Google

Вотъ однажды пріѣхалъ Ванюша, раннимъ утромъ, къ Лобному мѣсту. Тамъ не было еще ни одной души. И самъ Ванюша дивился, что̀ такъ рано подняло его съ мягкаго сѣна. Тихо повернулъ онъ свою лошадку и поѣхалъ по Ильинкѣ, безпечно глядя на забранные ряды, изъ которыхъ еще ни одинъ сторожъ не выглядывалъ. Вдругъ лошадь его на что-то наступила, что-то заборонило подъ колесами. Ванюша смотритъ, и видитъ на мостовой, среди улицы, кожаный мѣшокъ, небольшой, чѣмъ-то туго набитый. «Находка!» сказалъ Ванюша, соскочивъ съ волочка, схватилъ мѣшокъ... тяжесть необыкновенная!... Что это такое? Онъ оглядывается во всѣ стороны: нигдѣ нѣтъ слѣда человѣческаго. Я не знаю, что̀ думалъ тогда Ванюша. Онъ поспѣшно положилъ находку передъ собою, самъ не зная для чего, повернулъ лошадь назадъ, погналъ скорѣе, скорѣе, хотѣлъ остановиться, посмотрѣть, дрожалъ, радовался, боялся встрѣчи и, между тѣмъ, погонялъ лошадь далѣе, далѣе...

Вотъ онъ за Тверскою заставою. Тогда еще не было тамъ высокаго, гладкаго Петербургскаго шоссе; дорога шла песками между сосновымъ лѣсомъ съ лѣвой, и полемъ и огородами къ Бутыркамъ съ правой стороны, гдѣ нынѣ разводятъ садъ, до самаго Петровскаго Дворца. Ванюша свернулъ въ лѣвую сторону, въ лѣсъ, оглянулся: никого и ничего не видно, кромѣ деревь-

Digitized by Google

евъ. Тутъ онъ снялъ свою находку, и думая, держа ее въ рукахъ: «Что̀ шутъ? Ну! если все это мѣдныя деньги? Богъ мнѣ послалъ такое добро; я расплачусь съ дядей Парѳеномъ, и мигомъ въ деревню! О, если-бы далъ Богъ!...» И онъ поспѣшно развязываетъ мѣшокъ, смотритъ... не вѣритъ глазамъ, становитъ мѣшокъ къ дереву, протираетъ глаза, крестится... берется за мѣшокъ снова... Такъ! онъ не ошибся: мѣшокъ полнехонекъ золота!...

«*Мѣшокъ съ золотомъ!*» вскричалъ Ванюша, и самъ испугался своего голоса, раздавшагося въ лѣсу. Онъ схватилъ мѣшокъ, бросился далѣе, въ чащу лѣса, и тогда только остановился, когда дорожка совсѣмъ пропала и идти было не куда.

Ванюша! добрый Ванюша! Не уже-ли и тебя, едва прикоснулся ты къ проклятому золоту, демонъ корыстолюбія уже схватилъ своими когтями? Куда ты бѣжишь? Если это *не твое*, гдѣ скроется хищникъ чужаго? Если *твое*, за чѣмъ прячешься въ темноту лѣса: иди на бѣлый свѣтъ, передъ добрыхъ людей! Только воръ и разбойникъ мѣняютъ жилье между православными на гнѣздо совы, когда руки ихъ отяжелѣютъ золотомъ, вспрыснутымъ кровью братьевъ...

Но Ванюша самъ не могъ-бы тогда сказать, что̀ съ нимъ дѣлалось. Не корыстолюбіе овладѣ-

Digitized by Google

ло имъ: въ его душу, юную, не привыкшую къ страстямъ, не могла вдругъ поселиться страсть гибельная, задушающая всѣхъ своихъ сестеръ: она, или вползаетъ въ душу устарѣлую, изношенную уже другими страстями, или бываетъ слѣдствіемъ привычки съ младенческихъ ногтей, привычки глядѣть на золото, видѣть его въ грудахъ и сундукахъ, когда голосъ опытнаго корыстолюбца нашептываетъ юному наслѣднику о неизъяснимомъ наслажденіи сидѣть подлѣ сундуковъ, и думать, смотря на золото: *оно мое!* Нѣтъ! Ванюша, который, какъ благополучія ждалъ мѣшка мѣдныхъ денегъ, увидѣвъ мѣшокъ золота, сдѣлался на нѣсколько времени безмолвенъ, безчувственъ, думалъ, что видитъ все это во снѣ, ощупывалъ себя, землю, деревья, глядѣлъ на небо, и прикасался къ дорогому мѣшку тихо, осторожно, какъ будто боясь, что онъ обожжетъ его, какъ будто страшась, что онъ разлетится дымомъ въ рукахъ. Щеки его горѣли, глаза сверкали, и между тѣмъ ему казались темно, неявственно всѣ предметы; жаръ палилъ языкъ его: Ванюша съ жадностію срывалъ травку, еще не обсохшую отъ утренней росы, и сосалъ съ нея росу.

«Что-жъ это такое?» спросилъ онъ наконецъ самъ себя, сѣлъ на землю, вынулъ изъ мѣшка одну монету, другую, третью; все полуимперіялы, имперіялы. Ванюша едва могъ увѣрить се-

Digitized by Google

бя, что каждый изъ нихъ стоитъ по 20 и по 40 рублей. Онъ думалъ, сколько ихъ пойдетъ въ сотню, въ тысячу рублей, считалъ пятками полуимперіяловъ и насчиталъ десять пятковъ. «*Тысяча!*» воскликнулъ онъ съ радостнымъ воплемъ, и тотчасъ новая мысль блеснула въ его головѣ. Тысяча рублей, отсчитанная Ванюшею, какъ будто и не уменьшила нисколько мѣшка: онъ казалось, непочатымъ. «Да сколько-же въ тебѣ всего?» закричалъ Ванюша, какъ будто бездушный мѣшокъ могъ понимать слова его. «Сосчитаю!» вскричалъ громко Ванюша. Онъ поспѣшно сбросилъ съ себя кафтанъ, разостлалъ его на травѣ, схватилъ мѣшокъ и разомъ высыпалъ на кафтанъ все золото: желтые, блестящіе кружечки грянули звонко, покатились, упали въ груду, и лучи солнца ярко отразились на золотѣ.

Благословлять или проклинать память твою, первый сыскавшій золото, ты, который нашелъ крупинки его въ землѣ или въ пескѣ, и прельщенный сіяніемъ кусочковъ, принесъ ихъ къ своимъ братьямъ, показалъ имъ свою находку? Думалъ-ли ты, когда въ первый разъ взоръ человѣчества въ твоемъ взорѣ былъ устремленъ на этотъ блестящій металлъ, думалъ-ли ты, что въ рукѣ твоей сѣмена гибели, ужасовъ, бѣдствій? Для чего не скрылъ ты въ глубинѣ морей своей находки, для чего не бросилъ ея, какъ страшный перстень Соломона, въ морскія хлѣби,

Digitized by Google

не вслушался въ смѣхъ искусителя, коимъ привѣтствовалъ онъ начало новыхъ бѣдствій бѣднаго человѣка? Кто видалъ груду золота, небрежно брошенную, кто знаетъ, какъ обольстительно играютъ лучи солнца на такой бездушной грудѣ, тотъ пойметъ дѣтскую радость неопытнаго сердца, съ какою смотритъ юноша на золото, звѣзду земную, и скорбь, съ какою глядитъ старикъ на темнѣющіе передъ нимъ лучи ея, когда ночь смерти засвѣтитъ ему глаза!

Долго считалъ Ванюша, и въ это время онъ ни о чемъ не могъ думать. Такъ послѣ блеска молніи, пока раскатъ грома загрохочетъ по небесамъ и разсыплется въ отголоскахъ по землѣ, человѣкъ, не изумленъ, не испуганъ, но ничего не мыслитъ. Механически двигались руки Ванюши по золоту, но уже насчиталъ онъ тысячу, двѣ, три, пять, десять, и—въ половину, въ треть не уменьшилась куча! Еще насчитано десять: куча все еще огромна! Тутъ не доставало ни силъ, ни счета, ни мѣста у Ванюши: онъ все раскладывалъ стопками, заставилъ ими весь свой кафтанъ, вдругъ смѣшалъ ихъ, сдвинулъ все снова въ одну огромную кучу, и самъ не понималъ, сколько тутъ тысячъ, *тысячъ*, когда за два, за три часа у него были въ кошелькѣ копѣйки, и тѣхъ какъ вѣрно зналъ онъ счетъ!

«*Гe! гe! гей! гей!*» раздалось вдалекѣ, и Ванюша задрожалъ, не имѣлъ силъ сойдти даже

Digitized by Google

съ мѣста, только закрылъ поспѣшно полами кафтана золото и робко прислушивался. По самой опушкѣ лѣса проходилъ гуртъ воловъ въ Петербургъ; Ванюша только теперь увидѣлъ всю свою неосторожность. Ясно различалъ онъ мычанье воловъ, лай собакъ, забѣгавшихъ близко къ нему въ чащу лѣса, хлопанье длиннаго бича и чуть слышный говоръ Малороссіянъ, проводниковъ гурта. Что̀ если увидятъ его? Гдѣ его лошадь съ волочкомъ? Что подумаютъ? Онъ поглядѣлъ на небо, и увидѣлъ, что уже былъ полдень. Время пролетѣло невидимо; Ванюша самъ не зналъ, куда дѣвалось цѣлое его утро.

Но гуртъ прошелъ мимо; все умолкло вдали, всюду тихо; только иволга уныло насвистываетъ свою пѣсню, вѣшерокъ колышетъ листочками деревъ и изрѣдка раздается голосъ кукушки. Ванюша тихо раскрылъ кафтанъ свой, собралъ въ мѣшокъ все золото по прежнему, и понесъ его къ своей лошади. Жарко дыша, смирно стояла забытая лошадь, и какъ будто дивилась, что заботливый хозяинъ оставилъ ее, не надѣвши ей на голову торбы съ овсомъ. «Ну! сивко,» сказалъ Ванюша, трепля свою лошадь, «теперь и моя и твоя работа кончилась!» Онъ положилъ мѣшокъ свой, сѣлъ, выѣхалъ изъ лѣсу и почти доѣхалъ до большой дороги.

Но тутъ Ванюша опять остановился. «Сумасшедшій! что ты дѣлаешь? куда ты ѣдешь?»

Digitized by Google

сказалъ онъ самъ себѣ. «Назадъ, назадъ, спрячь мѣшокъ и поѣзжай порожнякомъ.» Онъ поворотилъ лошадь, убѣжалъ въ лѣсъ, выбралъ мѣстечко, замѣтилъ его, палкою вырылъ ямку, положилъ въ нее мѣшокъ, забросалъ землею, хворостомъ, пошелъ, останавливался, ворочался, былъ какъ въ лихорадкѣ, и наконецъ поѣхалъ опять.

И такъ Ванюша сдѣлался обладателемъ такого богатства, котораго и сосчитать даже не умѣлъ? Спросимъ у него: счастливъ-ли онъ? Богъ вѣсть! Если счастіе оказывается тихою радостью, спокойствіемъ души, веселостью, надеждами на будущее, то золото не сдѣлало Ванюши счастливымъ. Состоянія его не льзя было назвать радостнымъ, и едва-ли спокойна душа, когда по холодный, то горячій потъ выступаетъ на лицѣ, сердце колотится, какъ будто хочетъ выскочить, во рту сухо, горько. Ни одна мысль о счастьѣ не свѣтила въ душѣ Ванюши. Къ стыду моего добраго героя, скажу, что онъ ни разу не подумалъ о Грунѣ, объ отцѣ, о селѣ своемъ. Все кипѣло, крутилось у него въ головѣ, и ничто не представлялось ему въ ясныхъ, понятныхъ образахъ.

«Я нашелъ кладъ, Богъ меня благословилъ имъ,» думалъ Ванюша. «Но кто-нибудь потерялъ эти деньги? Что если онѣ не пойдутъ мнѣ въ благословеніе, если потерявшій, можетъ быть, вкладываетъ теперь голову свою въ петлю, и

Digitized by Google

душа его падетъ на мою душу? Но кто-жъ это знаетъ? Береги онъ лучше: что съ воза упало, то пропало; у него, вѣрно, еще осталось больше, а то онъ спалъ-бы крѣпче смотрѣлъ за своими деньгами. Но не укралъ-ли я этѣ деньги? Нѣтъ! Я взялъ ихъ среди бѣла дня, съ виду. Кто-же видѣлъ это, кромѣ Спасовой иконы, предъ которою я молился каждый день? Но трудовыя-ли онѣ мои? Чѣмъ ты заработалъ ихъ? Куда съ ними дѣваешься, какъ скроешь ихъ отъ людей?—Зачѣмъ скрывать?... Нѣтъ! нѣтъ! лучше скрыть: возьму два полуимперіала, расплачусь съ дядей Парѳеномъ, захвачу свой мѣшокъ и уѣду въ деревню. Тамъ — закопаю ихъ и прокляну шакъ, чтобы не даровымъ достались онѣ вору и разбойнику, скую желѣзный ящикъ, складу погребъ, буду караулишь ихъ день и ночь! Но дядя Парѳенъ спроситъ: отнуда я взялъ два полуимперіала? Скажу: нашелъ; кто спрашиваетъ, отнуда деньги берутся у человѣка! Лишь только были-бы онѣ; но если онъ подумаетъ, что я укралъ? А вотъ поотопримъ...»

«Что за чудо: видно дорога до Москвы растянулась, или я не туда поѣхалъ съ дуру,» промолвилъ Ванюша, замѣчая, что онъ ѣдетъ весьма давно. Онъ оглядѣлся: не вдалекѣ лѣсъ, гдѣ закопалъ онъ деньги; впереди застава Тверская. Ванюша и не замѣчалъ до сихъ поръ, что лошадь его распряглась, стояла на одномъ мѣстѣ

Digitized by Google

и щипала праву, а самъ онъ сидѣлъ неподвижно на волочкѣ своемъ и держалъ вожжи, не видя, что и не двигается съ мѣста.

«Съ нами крестная сила!» говорилъ Ванюша, запрягая снова лошадь. «Право мнѣ кажется, что я одурѣлъ. Уже не напущенное-ли это? не прокляпыя-ли эпѣ деньги? Съ тѣхъ поръ, какъ я нашелъ ихъ, право не вспомнюсь. Брошу ихъ, забуду: пусть гніютъ онѣ до скончанія вѣка! Нѣтъ, лучше возму и поѣду прямо въ деревню; но, нѣтъ, нѣтъ, не льзя... что скажутъ обо мнѣ? Меня поймаютъ...

«Да развѣ я укралъ ихъ?» продолжалъ онъ, приближаясь къ заставѣ. «Нѣтъ!» А тайный голосъ, едва внятно, говорилъ ему другое... Казалось, что знакъ прокляпія чернѣлъ на лбу его. Всякъ, кто встрѣчался ему, былъ веселъ, пѣлъ, говорилъ; Ванюша молчалъ, краснѣлъ, блѣднѣлъ, и мысль: *онѣ не мои!* въ первый разъ такъ сильно заговорила въ душѣ Ванюши, что никакія другія мысли не могли ея пересилить. «*Онѣ не мои!*» повторялъ онъ, и ему представилось, какъ горько будетъ ему снова упасть въ прежнее свое бѣдное состояніе, ему, обладателю богатства *безсчетнаго!*

«Да не видишь что-ли ты, Ванька проклятый!» закричалъ громкій голосъ, и Ванюша

Digitized by Google

увидѣлъ, что онъ ѣдетъ по Тверской Ямской и наѣхалъ прямо на булочника, разставившаго холстинный навѣсъ надъ своими булками и калачами. Ванюша хотѣлъ взглянуть еще разъ на лѣсъ, гдѣ спряталъ онъ деньги: лѣса не было уже видно, и безъ памяти поворотилъ онъ лошадь, погналъ за заставу, къ лѣсу, бросился въ лѣсъ, къ знакомому мѣсту: все цѣло; снова пустился Ванюша къ Тверской заставѣ, и въѣхалъ въ городъ.

Уже вечерѣло. «Нѣтъ!» сказалъ Ванюша, «не оставаться имъ тутъ: мнѣ не уснуть, если не подложу ихъ подъ голову.»

«Кой чортъ этотъ Ванька разъѣздился,» сказалъ часовой, прохаживаясь передъ ружьями.

— Я ничего не укралъ! вскричалъ громко Ванюша, которому казалось, что въ голосѣ часоваго онъ слышитъ голосъ судіи.

«Этакому и воровать!» отвѣчалъ часовой, смѣючись и продолжая свою мѣрную прогулку.

Но Ванюша не смѣлъ уже возвратиться въ Тверскую заставу. Онъ вышацилъ свой мѣшокъ, завернулъ тщательно въ холстину, и далекимъ объѣздомъ въѣхалъ въ заставу Пресненскую. Была ночь, когда онъ пріѣхалъ къ дядѣ Парфенію. Безпрерывно въѣзжали во дворъ его товарищи. Голодный, утомленный, изнуренный обладатель мѣшка съ золотомъ видѣлъ во всемъ подозрѣніе, умыселъ, прислушивался къ каждому слову, и

Digitized by Google

когда одинъ изъ извощиковъ спросилъ у него веревочки и хотѣлъ прикоснуться къ холстинѣ, Ванюша едва не бросился на него, какъ неистовый, едва не ухватилъ его за горло, какъ бѣшеная собака.

Сколько думалъ, сколько мучился онъ, пока успѣлъ укрыться отъ всѣхъ глазъ, схватить свое золото и спрятать въ старомъ сараѣ, между обломками шѣлегъ, дрожекъ, саней. Тамъ, на длинныхъ шестахъ, уже давно покоились курицы, и появленіе человѣка вспугало ихъ всѣхъ; крылатые крикуны закричали, закудахтали. . . О, Ванюша готовъ былъ провалиться съ ними и съ золотомъ сквозь землю!

Несчастный! Тебя мучило оно, какъ мучитъ человѣка первое преступленіе; но еще ты не знаешь всей бездны, куда ты упалъ! Погоди: она раскроется передъ тобою, если ты гонишь отъ себя тайный, благодѣтельный голосъ совѣсти, пока еще чистой, но уже тускнѣющей подъ ядовитымъ дыханіемъ низкой слабости! Еще шагъ—и ты—погибъ: возврата не будетъ.

Дикій и мрачный вошелъ Ванюша въ избу, гдѣ собирались всѣ извощики. Онъ боялся встрѣтиться со взорами своихъ товарищей, боялся говорить, какъ будто страшась, что на его лицѣ, въ его голосѣ они прочтутъ, узнаютъ роковую его тайну.

Digitized by Google

Дядя Парфеншій, каждый вечеръ отбиравшій у него деньги, не встрѣтился съ нимъ. Ванюша залѣзъ въ самый дальный уголъ палапшей: ему не хотѣлось ни ѣсть, ни спать; только огромный ковшъ воды проглотилъ онъ; забылъ и лошадь свою: кто-то, добрый человѣкъ, отпрягъ ее и поставилъ къ колодѣ съ сѣномъ.

Никто не замѣтилъ положенія Ванюши; но какъ ни былъ смущенъ, разстроенъ Ванюша, онъ замѣтилъ, что всѣхъ занимало нѣчто необыкновенное: всѣ собирались въ кружки, говорили въ полголоса, чего-то ждали. Наконецъ явился дядя Парфеншій, и все умолкло.

Дядя Парфеншій былъ въ своей кишайчатой проеклинкѣ и въ шляпѣ; онъ только что возвратился домой, и не скидая платья сѣлъ на лавку, громко провозгласивъ: «Ну, штука!»

— Что? вскричало множество голосовъ.

Ванюша не обращалъ вниманія, но холодъ прошелъ у него по тѣлу, когда дядя Парфеншій началъ разсказывать, что онъ былъ на съѣзжей, что ему тамъ объявили о важной потерѣ, и велѣли спросить у всѣхъ извощиковъ: не нашелъ-ли кто потеряннаго или украденнаго, не видалъ-ли, не слыхалъ-ли кто. Утромъ пропалъ у купца изъ мѣняльнаго ряда кожаный мѣшокъ, въ которомъ было 40,000 рублей золотомъ.

Общій крикъ удивленія былъ отвѣтомъ. Изво-

Digitized by Google

цики всѣ уже слышали объ этомъ, но рѣшительное, вѣрное подтвержденіе успѣло изумить ихъ всѣхъ.

«Ну! идетъ потѣха!» продолжалъ дядя Парфентій. «Во всей Москвѣ только и разговоровъ; вездѣ, въ постоялыхъ домахъ, трактирахъ, на улицахъ, смотрятъ, подслушиваютъ, спрашиваютъ. Его Превосходительство изволилъ сказать, чтобы потеря была непремѣнно сыскана.»

Тутъ пустился онъ въ объясненія, сожалѣнія, качанья бородой и головой, спросы. Никто не зналъ, не видалъ, не слыхалъ.

А гдѣ былъ тотъ, кто *одинъ* въ цѣлой Москвѣ зналъ? Онъ лежалъ неподвижно, молча; только тогда, какъ дядя Парфентій, кончивъ разговоръ, пошелъ въ каморку и началъ раздѣваться, а слушатели, забывая ужинъ, толковали, говорили, судили, судорожнымъ движеніемъ сползъ Ванюша съ палатей, едва доплелся до каморки, и спросилъ Парфентья: «Неужели, дядя Парфенъ, нигдѣ никакого слѣда не найдено?»

Если-бы дядя Парфентій не былъ совершенно занятъ новостью, то онъ замѣтилъ-бы ужасную перемѣну лица Ванюши, блѣднаго, какъ полотно, замѣтилъ-бы впадшіе его глаза, растрескавшіяся губы, и самую странность вопроса о томъ, о чемъ сей часъ только Парфентій подробно разсказывалъ. Но Парфентій радъ былъ случаю

Digitized by Google

повторишь, и повторилъ все снова, тѣмъ болѣе, что къ нимъ подошли еще слушатели.

«Ну а что-же, дядя Парфенъ, будешь тому, кто найдетъ, да утаитъ?

— Что? Обыкновенно: кнутъ и Сибирь! отвѣчалъ Парфентій.

А! Какой ужасный свѣтъ озарилъ тогда передъ Ванюшею бездну, зіявшую подъ ногами его! Онъ бросился вонъ; оглушенный, обезумѣвшій, не чувствовалъ, какъ ударился о приполку. Подъ сараемъ блестѣлъ фонарь на столбѣ; все было тихо, спокойно, и эта тишина, это спокойствіе казались гробовымъ покоемъ несчастному Ванюшѣ. «Я уже воръ, разбойникъ; уже я завладѣлъ чужимъ, уже Царево правосудіе грозитъ мнѣ казнію, уже изъ всей Москвы, гдѣ нѣтъ счета людямъ, на мнѣ наклейменъ знакъ погибели...» Онъ ходилъ подъ сараями, не замѣтилъ, какъ товарищи его отужинали, легли; все замолкло, фонарь погасъ. Теперь не корысть, не сребролюбіе терзали Ванюшу; нѣтъ; мысль: *я преступникъ*! тлѣла въ груди его, какъ трутъ, на распутіи брошенный. Гдѣ тогда были вы, помышленія о счастіи, надежды радости, которыми утѣшалъ себя нѣкогда Ванюша, и то раскаяніе, примиритель отверженнаго съ Богомъ и добродѣтелью! Онъ не смѣлъ идти къ людямъ, не смѣлъ сказать слова, не смѣлъ подумать о будущемъ.

Digitized by Google

« Ну! будь что будетъ! » вскричалъ онъ наконецъ голосомъ отчаянія. «Господи! Я не вынесу этого: лучше смерть и мука, здѣсь и въ аду! »

Онъ вошелъ въ избу; въ каморкѣ Парфеншія еще свѣшился огонь. Парфеній, лежа, высчитывалъ продажу, творилъ молитву. Всѣ другіе громко храпѣли.

« Дядя Парфенъ, дядя Парфенъ! » сказалъ Ванюша, сѣвши въ безсиліи, подлѣ столика въ каморкѣ.

— Ну! что ты? отвѣчалъ Парфеній безъ вниманія, какъ человѣкъ, у котораго перервали важное занятіе.

« Я... нашелъ пропажу.. » едва могъ промолвить Ванюша.

— Какъ!... воскликнулъ Парфеній, и столь быстро вскочилъ съ лавки своей, что испуганный котъ, дремавшій подлѣ него, опрометью вспрыгнулъ на печь.

« Дѣлай, что хочешь... суди меня Богъ и Царь: пропажа у тебя на сараѣ. »

— Тише, тише! прошепталъ Парфеній, какъ будто присутствіе 40,000 рублей золотомъ въ его домѣ, внушало ему благоговѣйное молчаніе.

Тихо пересказалъ ему Ванюша, какъ поднялъ онъ мѣшокъ. Но далѣе Парфеній не могъ вытерпѣть. « Пойдемъ, » сказалъ онъ, зажегъ фонарь и, не обуваясь, пошелъ къ сараю. « Тише, »

Digitized by Google

швердилъ онъ безпрестанно дорогою. — « Полѣзай и принеси, » вымолвилъ Парфеній, подошедъ къ сараю.

— Нѣтъ, дядя Парфенъ, я не пойду: мнѣ страшно; поди самъ... подъ осью, въ углу, гдѣ корзина...

Быстро полѣзъ Парфеній, а Ванюша стоялъ и слушалъ беззаботный разговоръ двухъ извощиковъ, которые лежали въ сторонѣ, подъ сараемъ.

« Ну, братъ Гришка, если-бы я нашелъ, ужъ такъ-бы и быть, а меня-бы ты не увидѣлъ въ Москвѣ.

— Да куда-жъ-бы ты провалился?

« Вотъ: куда! Русская земля не клиномъ вышла, и по золотой дорожкѣ слѣда не нашелъ-бы самъ дѣдушка домовой. »

— Ну, къ бѣсу! Если-бы мнѣ попался, я вынялъ-бы сотни двѣ, да взялъ себѣ, а остальное отдалъ...

Смѣхъ кончилъ ихъ разговоръ. Парфеній несъ уже мѣшокъ, закрывъ фонарь. Богъ знаетъ отъ чего, этотъ заколдованный мѣшокъ и на дядю Парфенья произвелъ такое-же дѣйствіе, какъ на Ванюшу: дядя блѣднѣлъ, краснѣлъ, дрожалъ, клочки остальныхъ волосовъ безъ вѣтра шевелились на головѣ его. Онъ пошелъ молча къ сѣнямъ, перемѣняя руки, какъ будто держа раскаленные

Digitized by Google

уголья, и въ сѣняхъ положилъ мѣшокъ на столъ.

« Хоть-бы сосчитать ихъ . . . » сказалъ онъ глухо.

— Нѣтъ, нѣтъ, дядя Парфенъ! ради Бога веди меня и неси мѣшокъ, куда хочешь, въ яму, въ острогъ, на съѣзжую...

Парфентій не утерпѣлъ, развязалъ мѣшокъ, взялъ въ руки по горсти монетъ, положилъ, еще взялъ, и руки его тряслись.

« Экое богатство! » проговорилъ онъ. « Хмъ! богатство... богатство... а все тлѣнъ и прахъ... богатство... » Онъ какъ будто проглотилъ послѣднее слово, оправился и, завязывая мѣшокъ, продолжалъ измѣнившимся голосомъ: « Видно праведно нажито : и въ огнѣ не горитъ, и въ водѣ не тонетъ, и на дорогѣ не крадутъ... Пойдемъ! »

Парфентій схватилъ первый зипунъ, шляпу, какая попалась, не выпуская мѣшка, надѣлъ кое какъ; онъ и Ванюша отправились въ Частному Приставу.

Былъ въ Иркутскѣ случай замѣчательный. Тамъ, въ дальнемъ переулкѣ, который ведетъ отъ кладбищенской Крестовской церкви, жилъ старикъ, съ женою старушкою и племянницею дѣвочкою. Его считали богатымъ, по крайней мѣрѣ съ деньгами. Вдругъ однажды по утру не отпираются окна и ворота съ домика; прошелъ день:

Digitized by Google

все молчитъ, никто не выходитъ изъ домика. Сосѣди собрались, пополковали, пришли: все заперто; отперли, входятъ: старикъ, старушка, дѣвочка — убиты, зарѣзаны. Старикъ, съ разрубленною головою, лежалъ на лавкѣ, и рука, которою хотѣлъ онъ перекреститься, замерла на лбу, съ сложенными перстами; старушка, задушенная, лежала подъ подушками въ другомъ углу, и дѣвочка, съ перерѣзаннымъ горломъ, была подлѣ окошка, изъ котораго, какъ видно, хотѣла выскочить. Сундукъ старика стоялъ среди избушки, разломанный. Кто убійца? Знаковъ и слѣдовъ не было; искали, искали, похоронили убіенныхъ, и уже опустѣлый домикъ, отъ котораго бѣжали вечеромъ прохожіе, разрушался, когда вдругъ приходитъ въ Полицію человѣкъ и говоритъ, что онъ нѣсколько лѣтъ тому убилъ старика, жену и племянницу его. «Вотъ что нашелъ я у нихъ въ награду!» сказалъ онъ, и положилъ на столъ семь гривенъ мѣди, пятирублевую ассигнацію и два старинные цѣлковые. «Ради Го́спода, велите меня судить и наказать скорѣе, и вотъ деньги, мною найденныя у старика: онѣ цѣлы, онѣ прилипли къ рукамъ моимъ, когда я хотѣлъ ихъ отдавать другому, хотѣлъ бросить ихъ!» Когда страшное наказаніе надъ нимъ совершилось, онъ перекрестился и сказалъ: «Теперь только вижу свѣтъ Божій!» Его разспрашивали и узнали, что онъ бѣгалъ за

Digitized by Google

Байкалъ и къ дикимъ Брацскимъ, молился, пускался въ новыя злодѣйства, но нигдѣ не находилъ покоя: ему мечтались повсюду тѣни убитыхъ; кровь ихъ капала на каждой кусокъ хлѣба, багрила каждую каплю воды, которую глоталъ убійца, и невинная душа дѣвочки, какъ ангелъ мщенія летая предъ нимъ, швердила ему днемъ и ночью: «*иди и скажи*!» Привидѣнія исчезли, когда онъ искупилъ страданіемъ преступленіе. Благоговѣйно пошелъ убійца въ бездонные Нерчинскіе рудники, какъ примѣръ Божьяго правосудія и до предѣловъ гроба.

Я разсказалъ вамъ ужасный примѣръ сей, чтобы объяснить, отъ чего Ванюшѣ сдѣлалось легче, когда золото, имъ упаенное, было возвращаемо назадъ, когда онъ, увидѣлъ, что медленность, нерѣшительность, мысль овладѣть чужимъ добромъ, все, что на цѣлый день сдѣлало его обладателемъ мѣшка съ золотомъ, было обвиненіемъ его, что онъ былъ воръ, хищникъ, преступникъ предъ судомъ своей совѣсти, увидѣлъ, и предавалъ самъ себя въ руки грознаго суда. Такъ, онъ не выдержалъ испытанія: онъ не принесъ золота съ дѣтскою простотою, и не сказалъ: вотъ я нашелъ золото, но оно не мое; отдайте его, кому оно слѣдуетъ!... Горе ему: онъ грѣшенъ, и только въ раскаяніи спасеніе его...

Парѳеній засталъ Часпнаго Приспава еще не

Digitized by Google

спящимъ. У него были гости. Въ огромной комнатѣ, по стѣнамъ коей щели заклеены были бумажными полосками и убраны портретами и старыми географическими картами, сидѣло съ десятокъ человѣкъ, вокругъ двухъ столовъ съ картами, пуншемъ и табакомъ; табачный дымъ разсѣпилался облаками, и самъ Приставъ выступилъ съ трубкою, въ халатѣ, и съ вопросомъ: « Что ты? »

Но какъ измѣнился вдругъ спокойный, важный видъ Пристава, куда полетѣла трубка его, когда Парфентій вытащилъ изъ подъ полы мѣшокъ и объявилъ, что племянникъ его нашелъ потерю, занимавшую всю полицію Московскую.

И карты также полетѣли въ сшороны отъ этихъ словъ! Торжественно положили тучную пропажу на зеленый столъ. Не смотря на горесть, печаль, Ванюша не могъ не замѣтить, что мѣшокъ съ золотомъ производитъ на всѣхъ чудное дѣйствіе. Онъ не зналъ, что лихорадка бьетъ каждаго, кто прикоснется къ таинственному мѣшку, и увидѣлъ, что самый Приставъ, такъ-же какъ дядя Парфентій, и дрожалъ, и краснѣлъ и блѣднѣлъ, развязавъ мѣшокъ, взявъ въ горсть золота и перебирая его передъ свѣчкою.

Говорили не много. « Сидорова сюда! » закричалъ Приставъ. Явился Сидоровъ, небритое, со всклоченными волосами, въ фризовой старой ши-

Digitized by Google

нели созданіе, вытучилъ глаза на мѣшокъ, молча общелкалъ перо о столъ и написалъ показаніе со словъ Ванюши.

По данному знаку явились два казака и стали по обѣимъ сторонамъ Ванюши. Тутъ задрожалъ онъ, какъ осиновый листъ, слезы потекли градомъ, колѣна его подломились. «Батюшка Ваше Благородіе! помилуйте!» воскликнулъ онъ. «Божусь, что я не взялъ ни копѣйки: все тутъ, что нашелъ я!»

Зачѣмъ не хотѣли утѣшить его ласковымъ словомъ? Зачѣмъ никогда не подумаютъ исполнители правосудія о мученіи, какое еще прежде кары долженъ вынерпѣть самый преступникъ въ ужасномъ молчаніи, въ грозномъ видѣ судей? Но таковъ обычай почти всѣхъ судей и всѣхъ судовъ. Ни слова не было въ отвѣтъ; мѣшокъ запечатали печатью Частнаго Пристава, печатью Парѳенія; самъ Приставъ понесъ его въ низъ, въ присутствіе; Ванюшу схватили казаки, и—онъ въ тюрьмѣ, душной, ужасной, гдѣ приходъ его разбудилъ двухъ или трехъ человѣкъ, крѣпко спавшихъ. «Здорово, товарищъ!» сказалъ одинъ изъ нихъ, не поднимая головы.

Товарищъ! Ванюша товарищъ злодѣя, можетъ быть убійцы! Нѣтъ, нѣтъ! Онъ искупаетъ только минутную дань человѣческой слабости въ смердящемъ воздухѣ тюрьмы! Онъ не спалъ среди

Digitized by Google

храпѣнья заснувшаго крѣпко злодѣйства, и ангелъ ушѣшитель слетѣлъ къ нему въ молитвѣ; тихія слезы смывали пятно съ его совѣсти.

Когда лучи солнца проникли сквозь тусклыя стекла тюрьмы, уже не было отчаянія въ груди Ванюши: скорбная преданность судьбѣ видна была на лицѣ его.

Застучалъ и упалъ тюремный затворъ. Ванюшу вывели изъ тюрьмы; рядомъ съ нимъ пошли два казака и привели его въ домъ Оберъ-Полиціймейстера. Тутъ ввели его въ прихожую и велѣли ждать. Онъ стоялъ убитый горестью, безмолвный, когда отворились двери, вышелъ вчерашній Приставъ и велѣлъ ему идти далѣе.

Въ другой комнатѣ сидѣлъ старикъ, въ синемъ Русскомъ кафтанѣ, съ пуховою шляпою въ рукахъ. Длинная сѣдая борода окладисто падала отъ лица его. Онъ не обращалъ ни на что вниманія и казался задумчивымъ. Почтительно сталъ у дверей Приставъ; по другую сторону дверей Ванюша.

Ахъ! Первымъ лучемъ отрады былъ для него приходъ добраго начальника! Онъ явился не судіею мрачнымъ, ужаснымъ, таинственнымъ, но добрымъ, милостивымъ блюстителемъ правосудія и кротkимъ исполнителемъ обязанности, часто тяжелой. Лицо его было оживлено милосердіемъ и добротою.

Digitized by Google

« Григорій Васильевичъ ! » сказалъ онъ, протягивая руку къ старику, съ почтеніемъ кланявшемуся, « здравствуйте. Я радъ, что хотя непріятный случай доставляетъ мнѣ удовольствіе васъ видѣть. Сядемъ-те. Кажется, что ваша потеря нашлась. Но разскажите мнѣ сперва дѣло подробно и обстоятельно.

Старикъ былъ богатый купецъ изъ мѣняльнаго ряда. Онъ промѣнивалъ въ годъ милльоны, велъ дѣла съ брашомъ, жившимъ въ Петербургѣ, и по мѣрѣ возвышенія или пониженія курса, повозки съ ассигнаціями, серебромъ, золотомъ, летали у нихъ въ Петербургъ или Москву. Наканунѣ получилъ онъ кибитку серебра и мѣшокъ золота; сложивши всѣ мѣшки на тѣлегу, привезъ онъ ихъ въ рядъ, рано по утру, когда еще никого не было въ рядахъ, чтобы никто не замѣтилъ полученія серебра и слухъ о полученіи не уронилъ курса. Возъ въѣхалъ въ рядъ, и за нимъ забрали снова доски, которыми запираются рядъ. Въ то время, какъ возъ вдвигали въ рядъ, тяжелый, небольшой мѣшокъ золота скатился съ воза и упалъ на улицѣ ; схватились его тотчасъ, бросились смотрѣть на улицу, искать домой : нигдѣ не было; немедленно подано было объявленіе въ Управу Благочинія; слѣдствія уже намъ извѣстны.

« Сколько было въ мѣшкѣ ? »

Digitized by Google

—Сорокъ тысячъ безъ промѣна, отвѣчалъ купецъ.

« Какою монетою ? »

— Полуимперіялами, частію имперіялами; думаю, немного было Наполеончиковъ и Австрійскихъ.

« Какой былъ мѣшокъ ? »

— Англійской крѣпкой кожи, съ буквами: Г. В. Ф.

Тутъ обратился Оберъ-Полиціймейстеръ къ Ванюшѣ : « Не робѣй , мой другъ , и разскажи мнѣ все : кто ты , откуда , какъ нашелъ ты мѣшокъ ? »

И Ванюша заговорилъ краснорѣчиво , какимъ образомъ отецъ его раззорился , какъ онъ думалъ найдти въ Москвѣ свое счастье , какъ нашелъ гибельный мѣшокъ , какъ, изумленный , обезумѣвшій , не зналъ куда съ нимъ дѣваться , и какъ опкрылъ все дядѣ. « Грѣшный человѣкъ ! » продолжалъ онъ. « Я не хотѣлъ красть , но умъ за разумъ закатился у меня, и—судите теперь меня , какъ вамъ угодно... »

Всѣ казались растроганными, кромѣ Частнаго Пристава , все холодно слушавшаго и , неподвижно , въ струнку вытянувшись , стоявшаго у дверей. « Сколько-же хотѣлъ-бы ты взять себѣ изъ мѣшка , если-бы тебѣ дали на волю ? » спросилъ его добрый Оберъ-Полиціймейстеръ ,» сколько воображаешь ты себѣ самымъ большимъ богатствомъ ? »

— Тысячу рублей, если-бы далъ мнѣ Богъ, от-

Digitized by Google

вѣчалъ Ванюша, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу, тысячу рублей, и я былъ-бы самое счастливое Божіе созданіе!»

«Тысячу! много брашъ, великъ кушъ! Вотъ вашъ мѣшокъ, Григорій Васильевичъ!» сказалъ потомъ Оберъ-Полиціймейстеръ купцу, вспавая и сбросивъ салфетку со стола: мѣшокъ съ золотомъ лежалъ подъ нею. «Считайте, все-ли, но позвольте начать счетъ мнѣ.» Онъ развязалъ мѣшокъ, отсчиталъ пятьдесятъ полуимперіяловъ, отложилъ къ сторонѣ, и обратясь къ купцу спросилъ: «Такъ-ли?»

— Нѣтъ, не такъ, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ купецъ, самъ подошелъ къ столу, отсчиталъ еще пятьдесятъ полуимперіяловъ, положилъ къ отдѣленнымъ уже пятидесяти, и сказалъ: «Теперь такъ.»

«Благодарю васъ, «промолвилъ Оберъ-Полиціймейстеръ, пожимая снова руку купца. «Иванъ Ѳедосеичъ,» сказалъ онъ смѣясь, «вы чуть было не сдѣлался плутомъ, но за то суди тебя Богъ, а въ глазахъ человѣка вы достоинъ награды за свою честность. Держи шляпу: вотъ это тебѣ *двѣ тысячи* рублей, и—разживайся на здоровье!»

Ванюша не говорилъ ни слова: онъ плакалъ... эти слезы были уже слезы радости, и жаль

Digitized by Google

что людямъ столь рѣдко удается плакать *такими* слезами...

Разсказъ мой конченъ: вы угадаете остальное. Не знаю, понравился-ли вамъ герой моего разсказа: я представилъ все какъ было, какъ случилось, ничего не прибавилъ, не скрылъ. Но если Ванюша возбудилъ ваше участіе, я скажу вамъ, что онъ тотчасъ оставилъ Москву, не смотря на предложенія, ласки и поклоны дяди Парфенья, и униженность всѣхъ своихъ бывшихъ товарищей. Онъ поѣхалъ прямо въ Троицкую Лавру, и тамъ, когда онъ молился у гроба Святаго Сергія, подлѣ него стала на колѣна и также молилась молодая странница. Ванюша вглядѣлся въ нее: это была Груня; она пришла къ Троицѣ по обѣщанію съ своею бабушкою; воротились онѣ обѣ вмѣстѣ, пѣшкомъ: такъ слѣдовало по обѣщанію Груни; Ванюша не хотѣлъ уже съ ними разставаться. При входѣ въ родную деревню попались имъ два человѣка, которые шли обнявшись и навеселѣ. Кто такіе они были? Староста Филаретъ и Ѳедосей! Молва прилетѣла въ деревню прежде Ванюши, и самъ староста, первый пришелъ пенять Ѳедосею, что онъ забылъ стараго пріятеля, а Ѳедосей не хотѣлъ помнить стараго зла, и ждалъ добра отъ настоящаго. Золото озолотило будущее для него и для Ванюши.

Digitized by Google

Если-бы я разсказывалъ выдуманное, то мнѣ въ окончаніи надобно-бы, осчастлививъ добрыхъ, наказать злыхъ; но въ бѣломъ свѣтѣ не всегда такъ бываетъ. Гдѣ и когда разсчитывается здѣшнее добро и зло, извѣстно не намъ, и въ нашихъ глазахъ иногда добрые остаются въ убыткѣ, а злые въ барышахъ. Впрочемъ: кто-же въ моей повѣсти *злые*? Старостна Филаретъ, Москвичъ?... Друзья мои! Много-ли останется агнцовъ, если ихъ отдѣлимъ мы къ козлищамъ? Нѣтъ, нѣтъ! Черезъ три года Сергѣй пріѣхалъ къ отцу, веселый, съ молодою женою, и пировалъ тогда на свадьбѣ Москвича, гдѣ тысяцкимъ былъ Ѳедосей, дружкою Ванюша, а старостна Филаретъ плясалъ, держа на рукахъ милаго, хорошенькаго внучка своего, Филарета Ивановича.

Н. П.

Digitized by Google

ЗАМѢЧАНІЯ НА КНИГУ:

О ДОСЧАТЫХЪ СТРОПИЛАХЪ, или ДОСЧАТО-СТРОПИЛЬНЫХЪ КРОВЛЯХЪ, соч. Жилли, пер. Г-на Ломновскаго.

(Письмо къ Издателю Телеграфа).

Въ нашихъ провинціяльныхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ печатнаго міра, черезъ газетныя только объявленія узнаешь о выходѣ въ свѣтъ какой-либо книги, а глазами увидишь развѣ какой-либо романъ, Повариху, Секретнаго Экономa, Оракула, съ прочими твореніями подъ названіями человѣческими. Такова доля наша! И если-бы еще не помѣщались иногда отрывки изъ дѣльныхъ книгъ въ журналахъ, то, сколько ни хвали ихъ газетеры, сколько ни цѣни ихъ критики, мы право думали-бы, что дѣло идетъ о кометѣ, едва видимой съ обсерваторій.

Кажется, въ 1827-мъ году Сѣверная Пчела извѣстила о выходѣ въ свѣтъ книги: «*О досчатыхъ «стропилахъ или досчато-стропильныхъ (!) кров-«лях*ъ. Извлечено изъ сочиненія (?) Жилли, Инже-«неръ-Капитаномъ Ломновскимъ. (Съ чертежами. СПб., въ т. Н. Греча). Извѣстіе о появленіи сочиненія, относящагося къ Архитектурѣ, порадовало мое архитекторское сердце. Я обрадовался, подобно бѣдняку, который-бы прочиталъ въ газетахъ,

Digitized by Google

что на часть его достается какое-нибудь наслѣдство, по завѣщанію какого-нибудь благодѣтеля. Слава Богу, сказалъ я, и спасибо добрымъ Русскимъ инженерамъ. Хотъ они бросаютъ иногда по лептѣ на долю безпомощной вдовицы — Архитектуры! Вы, М. Г., занимаясь библіографіею, лучше меня знаете, какъ мало у насъ книгъ архитектурныхъ на родномъ языкѣ, а иностранныя, Богъ съ ними, не такъ-то легко даются нашему брату: вопервыхъ потому, что не всѣ мы понимаемъ ихъ, во вторыхъ потому, что не всѣ мы имѣемъ случай и средства ихъ доставать; такъ удивительно-ли, что у насъ на Руси пресловутыми архитекторами были и суть иностранцы и, замѣтьте, М. Г., тѣ иностранцы, у коихъ на отечественномъ языкѣ болѣе книгъ архитектурныхъ (*)? И какъ иначе? Архитекту-

(*) Одинъ изъ товарищей моихъ по школѣ, при выходѣ изъ оной и разставаньи со мною, сказалъ: «Прежде всего постарайся, братъ, разбогатѣть, накупи книгъ, пользуйся ими *умно*, такъ и будешь архитекторомъ извѣстнымъ.» Слышу, что умный товарищъ мой, оставшійся въ столицѣ, получаетъ отъ искуства своего въ годъ тысячь до десятка, имѣетъ много занятій казенныхъ и частныхъ, и награжденъ уже орденомъ! Видно, что онъ самъ поступилъ по совѣту мнѣ данному, а я исполнить его не могу, живя въ провинціи, гдѣ мало охотниковъ до изящнаго въ Архитектурѣ и не мало—въ гастрономіи, такъ что-то и не богатѣется, а по сему и послѣдующее за тѣмъ не сбывается.

Digitized by Google

ра хошь и художество, но любишь такжс пользоваться образцами, опытами, соображеніями; хошь и сравнивали ее когда-то съ Поэзіею, но справедливо-ли? Поэтъ можетъ быть возлелѣянъ одною матерью-природою; предметы ему близкіе, или чувствованія знакомыя, при пламенномъ воображеніи, могутъ быть изображены имъ тѣмъ-же способомъ, какимъ выражается онъ съ дѣтства, т. е. даромъ слова. Но кто говоритъ пятью орденами Архитектуры? При самомъ пылкомъ воображеніи можетъ-ли кто нибудь быть архитекторомъ, если онъ не будетъ прежде посвященъ въ Элевзинскія таинства науки? А какъ всякая наука совершенствуется съ теченіемъ времени, и не сама собою, но когда ею занимаются, повѣряютъ, дополняютъ изложенныя въ ней истины, когда говорятъ объ ней, или пишутъ, то иная книга можетъ дать иному новыя мысли, чтеніе можетъ обогатить умъ и образовать вкусъ, лишь-бы критика, какъ присяжный оцѣнщикъ, оцѣняла все и взвѣшивала. Скажите-же, М. Г., что дѣлать намъ, Русскимъ Архитекторамъ, намъ, получившимъ въ школѣ главнѣйшія основанія искусства, и вышедшимъ изъ оной съ однимъ только циркулемъ? Что дѣлать намъ съ симъ бѣднымъ орудіемъ, которымъ мы поворачиваемъ въ раздумьѣ по старымъ наставленіямъ нашей бабушки-школы, прибавляя къ нимъ крупицы собственныхъ нашихъ небольшихъ опытовъ? Что дѣлать намъ, когда у богини нашей, подъ знаменами которой рѣшились мы служить, такъ мало жрецовъ и совсѣмъ почти нѣтъ жертвоприношеній — типографскаго приготовленія? Ужь не поссориться-ли съ ней!

Digitized by Google

Но вотъ въ какую глубину увлекла меня радость о выходѣ сочиненія по сердцу и отшатнула мысли мои совсѣмъ въ другую сторону. Я хотѣлъ-было сказать, что въ нашихъ мѣстахъ невозможно достать сочиненій *серьозныхъ*, и что книгу, о которой идетъ дѣло, я купилъ въ бытность мою въ Петербургѣ. Признаюсь вамъ, М.Г., что сердце мое не очень запрыгало, когда на спросъ мой, вмѣсто книги, подали мнѣ нѣсколько печатныхъ листовъ безъ переплета, и даже не сшитыхъ. При взглядѣ-же на два рисунка, *близъ* печатныхъ листовъ приложенные, глаза мои отуманились. Какъ можно было ожидать, чтобы подъ надзоромъ инженера рисунки были такъ награвированы? ... Съ какимъ-то унылымъ раздумьемъ я умѣстилъ въ боковой карманъ купленное сочиненіе, и долго не имѣлъ духа прочитать его.

Но прочитавъ, будемъ справедливы къ почтенному извлекателю-переводчику, и постараемся трудъ его сдѣлать извѣстнымъ, въ благодарность за доставленное намъ удовольствіе.

§ 1. «Досчато-стропильныя кровли имѣютъ дугообразныя и притомъ выпуклыя стропилы.» Такъ: выпуклыя по наружности, но вогнутыя съ внутренней стороны.

«Изображенія 1 и 6 представляютъ пару стропилъ, скрѣпленную съ *балкою* посредствомъ шипа.» А на рисункѣ стропила стоятъ на *прогонахъ*, идущихъ по длинѣ стѣнъ.

Въ § 2 излагаются правила «начертывать дугообразныя стропила, для вышины (подъема) коихъ должно давать немного болѣе половины широты

Digitized by Google

кровли.» Правило сіе отзывается Нѣмецкою почестію подводить все подъ правила: но что мѣшаетъ сдѣлать подъемъ стропилъ въ половину или меньше поперечника кровли?

Въ § 3 описываются выгоды употребленія досчатыхъ стропилъ: 1) «они не имѣютъ нужды въ легеляхъ, или поперечныхъ связяхъ, неизбѣжныхъ при обыкновенныхъ стропилахъ; посему, устроивъ досчатыя стропила, получимъ вмѣстительный для поклажи чердакъ.» А на изобр. 22, 23, 31, 32 представлены стропила дугообразныя-же съ легелями и бабками.

2) «Они безопасны отъ огня, потому что дымовыя трубы не прилегаютъ къ дереву подъ крышею.» И при обыкновенныхъ стропилахъ трубы должны и могутъ не прилегать къ дереву.

3) Доставляется выгода отъ весьма значительнаго уменьшенія количества лѣса, а что для дугообразныхъ стропилъ потребны доски, но сіи доски могутъ быть получены изъ дурныхъ деревъ, изъ суковатыхъ, испорченныхъ и кривыхъ.» Въ этомъ отношеніи я почти согласенъ, но согласится-ли плотникъ взять за работу сихъ стропилъ тоже цѣну, какую беретъ онъ за работу обыкновенныхъ? На гвозди, потребныя для скрѣпленія досокъ, я думаю, понадобится-же какія-нибудь надержки. Положимъ, что отъ сихъ обстоятельствъ все еще нечувствительна разница въ цѣнѣ пѣхъ и другихъ стропилъ; но если примѣшь въ разсчетъ излишнюю потребность матеріяловъ: желѣза или досокъ для дугообразной кров-

Digitized by Google

ли, но выгоды будутъ на сторонѣ обыкновенныхъ стропилъ, ибо чѣмъ кровля выше, тѣмъ и поверхность оной больше.

Далѣе говорится объ употребленіи дугообразныхъ стропилъ съ особливою удобностію при построеніи церковныхъ куполовъ. Это дѣлается у насъ искони, а превосходные чертежи симъ стропиламъ можно видѣть въ книгѣ: *Собраніе фасадовъ и плановъ для церквей*, изданное отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Далѣе разсуждается о частяхъ и самомъ устройствѣ дугообразныхъ стропилъ; потомъ примѣняются онѣ къ кровлямъ: надъ амбарами, овинами, манежами или экзерциръ-гаузами, надъ частными домами и, наконецъ, церквами.

Если Итальянская Архитектура была образцомъ, по коему наша Русская начала одѣваться, то она, перенявъ у первой фасонъ и украшеніе, рѣшительно отказалась отъ подражанія въ головномъ уборѣ, не такъ какъ наши прелестныя дамы, которыя на счетъ своего здоровья и въ семъ случаѣ соглашаются съ Парижанками, не смотря на совѣты добраго Г-на Булгарина: онъ жалѣя ихъ нѣжныя головки, начиналъ было ссылаться на разность климатовъ... Архитектура-же Русская, во уваженіе естественныхъ причинъ, рѣшилась надѣть на себя *капоръ*, хотя не очень эстетическій, но предохраняющій отъ насморка и ломоты. Такимъ образомъ кровли наши, долженствуя выдерживать тяжесть снѣга и дѣйствіе проливныхъ дождей, имѣютъ въ подъемѣ отъ $\frac{1}{2}$ до $\frac{1}{4}$, и очень рѣдко $\frac{1}{3}$ своей ширины; но

Digitized by Google

по правилу Г-на Жилли, во § 2 изложенному, дугообразныя кровли должны имѣть въ вышину болѣе половины ширины своей.» Помилуйте, Г. Переводчикъ,» восклицаетъ нарядная Архитектура, «какую старую моду вышащили вы для меня изъ Парижа! Боже мой, какая вышина! Да это—дурацкій калпакъ! Пусть его носятъ деревенскіе сипаки, амбары и овины съ подобною челядью, но я ни за что не надѣну!»... Извольте убѣдить госпожу причудницу, что этотъ калпакъ не дурацкій, что онъ легокъ, безопасенъ и дешевъ!...

Относительно построенія досчато-стропильной кровли надъ церквами, въ коихъ коробчатые своды и куполы могутъ быть образованы изъ досокъ, подшитыхъ къ нижней дугѣ стропилъ, можно спросить Г-на Переводчика: для кого онъ извлекъ эту спашью? Если для Французовъ, то они не понимаютъ Русскаго языка; если-же для Рускихъ, то у нихъ не дѣлаются въ церквахъ своды и куполы изъ одной досчатой подшивки, какъ описано въ сочиненіи: климатъ нашъ требуетъ еще чернаго потолка и смазки изъ кирпича или глины, и штукатурки.

Судя по извлеченію изъ сочиненія Г-на Жилли, должно полагать, что онъ болѣе хозяинъ, нежели архитекторъ, а ежели архитекторъ, то, вѣроятно, тѣхъ временъ, когда во Франціи начинали только строиться, мало заботясь объ изяществѣ. Очень жаль, что Г-нъ Переводчикъ употребилъ нѣсколько времени и труда на переводъ сочиненія, почти для насъ безполезнаго. Зная языкъ Фран-

Digitized by Google

узскій и владѣя перомъ для Русскаго письма, онъ могъ-бы посвятить себя на предметъ болѣе достойный его способностей.

Архитекторъ С. . .

Стихотворенія Барона Дельвига. СПб. 1829 г.

Въ Авторѣ-Дельвигѣ можно различать двухъ писателей: оригинальнаго и подражателя. Какъ писатель оригинальный, онъ является намъ въ своихъ пѣсняхъ и Русскихъ разсказахъ; какъ подражатель, онъ, на зло своему дарованію, пишетъ идиллій, гимны и *присловья* въ *древнемъ* родѣ. Первый родъ сочиненій его мы можемъ только хвалить; во второмъ видимъ направленіе не совсѣмъ вѣрное для самого Автора и для его вѣка. Хотя съ похвалами соглашаются охотнѣе, нежели съ осужденіями, но мы постараемся подкрѣпить доказательствами не только все то, въ чемъ будемъ противорѣчить безусловнымъ почитателямъ Барона Дельвига, но даже и то, въ чемъ совершенно согласны съ ними.

Можно-ли подражать искусству древнихъ? Подражать однѣмъ формамъ ихъ, но не духу и формамъ вмѣстѣ: вотъ что возможно для современниковъ нашихъ. Это и дѣлаетъ Б. Дельвигъ. У него находимъ пастушескія стихотворенія, написанныя гексаметромъ; слышимъ въ нихъ имена Дамоновъ, Хлой, Титировъ, Палемоновъ; видимъ вѣрованіе героевъ его въ языческихъ боговъ, которымъ Авторъ и отъ себя говоритъ иногда комплименты; встрѣчаемъ даже *образность*, нераздѣльную съ

Digitized by Google

древними стихотвореніями. Но все это только формы; а развѣ однѣ формы составляютъ что нибудь цѣлое? Не проникнутыя соотвѣтственнымъ имъ духомъ, онѣ бываютъ не выразительны и, смѣемъ сказать, безобразны.

Прелесть древнихъ пастушескихъ сочиненій составляетъ дѣтское простодушіе дѣйствующихъ лицъ, ибо древніе дѣйствительно были дѣтьми въ сельскомъ быту своемъ. Голубое небо веселило ихъ, щедрая природа избавляла отъ излишнихъ трудовъ, и люди, болѣе предававшіеся своимъ чувствамъ, нѣжились не такъ какъ мы, жители сѣвера, которые должны въ коротkое лѣто запасаться ржанымъ хлѣбомъ и дровами, чтобы не умереть съ голоду и не замерзнуть въ продолженіе осьмимѣсячной зимы. Наша беззаботность тотчасъ обращается въ безпутство, и мѣстомъ дружескихъ бесѣдъ нашимъ поселянамъ служатъ не каштановыя и лавровыя рощи, а кабаки и трактиры. Не говоримъ о разности религіи, совершенно отличающей насъ отъ Грековъ, во всѣхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ духовныхъ. Даже чувство общественности вовсе потеряно для насъ. Мы столько озабочены мѣлочными, не существовавшими для Грековъ отношеніями и нуждами, что намъ нельзя забыть о нихъ, и для насъ пастушеская безпечность или не существуетъ, или превращается въ сантиментальность, въ сахарныя, смѣшныя слова, оставшіяся только словами. Изъ сего выходитъ, что современному намъ писателю столько-же прилично наряжать свои чувства въ древнюю идиллію, какъ свое тѣло въ хламиду. Хламида живописна и нынѣ,

Digitized by Google

однакожь мы не носимъ ее, и это происходитъ не отъ прихоти, а отъ неизбѣжимыхъ обстоятельствъ. Все вокругъ насъ измѣнилось. Откуда-же почерпнетъ новый поэтъ душу, которую онъ долженъ вложить въ свои древнія сочиненія? «Но,» скажутъ намъ, «зачѣмъ вамъ знать, новый или «древній писатель Б. Дельвигъ? Если его идилліи «подобны древнимъ, то вы должны только благо«дарить его за трудъ.»

Спрашиваемъ: если-бы въ наше время какой нибудь писатель предположилъ себѣ слѣдующее: «Буду Байрономъ; стану выражать его чувствованія, его взглядъ на предметы; перейму его образъ выраженія.» Не смотря на то, что писатель сей былъ-бы современникъ Байрона, достигъ-ли-бы онъ своей цѣли? Навѣрное: нѣтъ! Ибо онъ можетъ описывать тѣже предметы, но они различно дѣйствуютъ на душу Байрона, и на душу его подражателя. Слѣдственно, выраженіе подражателя всегда будетъ невѣрно. Вообразите подобное подражаніе древнему міру въ наше время, и спросите себя: можемъ-ли мы *понимать* предметы и отношенія оныхъ такъ, какъ понимали ихъ Греки? Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Слѣдственно, нашъ Греческій взглядъ на предметы вдва-ли будетъ и слабымъ подобіемъ своего образца. Не такъ-ли подражаетъ дитя дѣйствіямъ человѣка понимающаго? И дитя станетъ дѣлать тоже, что человѣкъ взрослый, но безъ сознанія, безъ понятія о сущности своихъ дѣйствій. Не такъ-ли понимали искуство и схоластическіе учители среднихъ вѣковъ? И они думали, что можно

Digitized by Google

подражать древнимъ, изображая древніе предметы; но, впослѣдствіи уже, это привело къ тому, что и въ новыхъ предметахъ хотѣли сохранять древнюю форму. И вотъ что погубило великихъ Французскихъ поэтовъ; вотъ что сбило съ истиннаго пути геніальнаго Корнеля и безсмертнаго Расина! Развѣ формы Расина и Корнеля не прекрасны? Думаемъ, что никто не станетъ отрицать у нихъ красоты. Но безобразіе ихъ составляетъ несоотвѣтственность цѣли съ исполненіемъ. Они думали, что пишутъ трагедіи въ родѣ древнихъ, и напротивъ выражали придворный духъ своего времени. Гёте, какъ великій геній, постигающій предметы неповерхностно, и какъ первоклассный поэтъ, наконецъ, какъ Германецъ, собственно неимѣющій характера, и потому по природѣ своей удобно примѣняющійся ко всему, подражалъ древнимъ. Но только *подражалъ*! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его подражаній, въ формахъ, у него есть ближайшее сходство съ Греками, но всего болѣе оно находится въ размѣрахъ, въ собственныхъ именахъ и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ. Наши новые языки, отражающіе въ себѣ совершенно иной характеръ, наши понятія, ни сколько не сходствующія съ древними, нашъ воздухъ, наша жизнь, мѣшаютъ намъ преобразиться въ древнихъ. Подражанія наши всегда будутъ поддѣльны, холодны, мертвы, ибо всегда будутъ ограничиваться одними словами и формами (*).

(*) Вотъ мнѣніе А. Шлегеля, о томъ, до какой сте-

Digitized by Google

Думаемъ, что Б. Дельвигъ всего болѣе увлеченъ примѣромъ Гёте. Откровенно сказавъ мнѣніе наше о тѣхъ сочиненіяхъ великаго Германскаго писателя, въ коихъ онъ старался быть древнимъ, мы

мени можемъ мы переносить на новые языки и понимать произведенія древнихъ Грековъ: «Переводы въ прозѣ и стихахъ, будучи не инымъ чѣмъ, какъ переодѣваньемъ въ новомъ вкусѣ, не даютъ настоящаго понятія о Греческой драмѣ. Доселѣ только на Нѣмецкомъ языкѣ пытались представлять истинно вѣрные, по выраженію и стихамъ подходящіе къ высотѣ оригиналовъ переводы. Однакожь и тутъ, хотя нашъ языкъ чрезвычайно гибокъ и во многихъ оттѣнкахъ сходенъ съ Греческимъ, бой должно вести не равнымъ оружіемъ, и нерѣдко, вмѣсто Греческой свободной прелести, у насъ является жесткость и принужденность. Я не знаю ни одного перевода Греческихъ трагиковъ, вполнѣ достойнаго хвалы. Но если предположимъ даже, что переводъ будетъ возможно-совершенный и разность копіи отъ оригинала самая малая, то и тогда читатель, незнакомый съ другими сочиненіями Грековъ, изумленный чуждымъ ему содержаніемъ, народными особенностями, безчисленными намеками, для понятія коихъ необходима ученость, развлеченный частностями, не получитъ никакого яснаго, чистаго понятія о цѣломъ. Покуда должно бороться съ препятствіями и трудиться, дотолѣ истинное наслажденіе искусствомъ невозможно. Чтобы понимать древнихъ надлежащимъ образомъ, должно сродниться съ ними, должно, такъ сказать, дышать Греческимъ воздухомъ. Ueber dramatiſche Kunſt und Litteratur. 1817. I. 66, 67.

Digitized by Google

по правилу Г-на Жилли, во § 2 изложенному, дугообразныя кровли должны имѣть въ вышину болѣе половины ширины своей.» Помилуйте, Г. Переводчикъ,» восклицаетъ нарядная Архитектура, «какую старую моду вытащили вы для меня изъ Парижа! Боже мой, какая вышина! Да это—дурацкій калпакъ! Пусть его носятъ деревенскіе сипаки, амбары и овины съ подобною челядью, но я ни за что не надѣну!»... Извольте убѣдить госпожу причудницу, что этотъ калпакъ не дурацкій, что онъ легокъ, безопасенъ и дешевъ!...

Относительно построенія досчато-стропильной кровли надъ церквами, въ коихъ коробчатые своды и куполы могутъ быть образованы изъ досокъ, подшитыхъ къ нижней дугѣ стропилъ, можно спросить Г-на Переводчика: для кого онъ извлекъ эту статью? Если для Французовъ, то они не понимаютъ Русскаго языка; если-же для Рускихъ, то у нихъ не дѣлаются въ церквахъ своды и куполы изъ одной досчатой подшивки, какъ описано въ сочиненіи: климатъ нашъ требуетъ еще чернаго потолка и смазки изъ кирпича или глины, и штукатурки.

по извлеченію изъ сочиненія Г-на Жилли, полагать, что онъ болѣе хозяинъ, нежели [illegible]торъ, а ежели архитекторъ, то, вѣроятно, тѣхъ временъ, когда во Франціи начинали [illegible] строиться, мало заботясь объ изяществѣ [illegible] жалъ, что Г-нъ Переводчикъ употребилъ [illegible] времени и труда на переводъ сочиненія, [illegible] для насъ безполезнаго. Зная [illegible] Фран-

узскій и владѣя перомъ для Русскаго [illegible]
огъ-бы посвятить себя на предметъ [illegible]
пойный его способностей.

Архитекторъ С. . .

Стихотворенія Барона Дельвига. СПб. 1829 г.

Въ Авторѣ-Дельвигѣ можно различать двухъ пи-
ателей: оригинальнаго и подражателя. Какъ пи-
атель оригинальный, [illegible] въ сво-
ъ пѣсняхъ и Русскихъ [illegible] подража-
ель, онъ, на зло своему [illegible]
имны и *присловья* въ [illegible]
очиненій его мы можем [illegible]
омъ видимъ направленіе [illegible]
амого Автора и для [illegible]
и соглашаются охотно [illegible]
о мы постараемся [illegible]
е только все то, [illegible]
езусловнымъ почитателемъ [illegible]
же и то, въ чемъ [illegible]
Можно-ли подражать [illegible]
ражать однѣмъ формамъ [illegible]
амъ вмѣстѣ: вотъ [illegible]
овъ нашихъ. Это и [illegible]
аходимъ пастушескія [illegible]
ексаметромъ; слышимъ [illegible]
лой, Титировъ, Палемоновъ [illegible]
роевъ его въ языческихъ [illegible]
оръ и отъ себя говоритъ [illegible]
стрѣчаемъ даже [illegible]

подкрѣпимъ оное слѣдующимъ примѣромъ. Вѣроятно, Гёте знаетъ древнихъ Грековъ не лучше, чѣмъ новыхъ Французовъ; это еще вѣроятнѣе потому, что онъ никогда не гордился именемъ Грека, и причисляетъ къ счастливѣйшимъ днямъ своей жизни тотъ день, въ который его назвали Германскимъ Вольтеромъ. Онъ во многомъ подражалъ Французамъ: писалъ драмы въ ихъ родѣ, мѣлкія сочиненія, и перевелъ двѣ трагедіи Вольтера. Во всемъ этомъ онъ похожъ на Француза такъ, какъ Нѣмецъ, который думаетъ любезничать по Французски, похожъ на жителя Парижскихъ гостиныхъ. Г. Критикъ, въ послѣдней книжкѣ Московскаго Телеграфа разбиравшій переводъ Мессинской Невѣсты, удивляется точности, съ какою Гёте перевелъ Вольтеровы трагедіи; мы думаемъ напротивъ, что онъ перевелъ ихъ очень неудачно. Пятистопные его стихи не даютъ никакого понятія о стихахъ подлинника; Французская вѣжливость, тонкость выраженій, *благоуханіе* Парижскихъ комплиментовъ, потерялись въ переводахъ Гёте и непонятны намъ въ нихъ потому только, что они напоминаютъ подлинникъ. Гдѣ-же видитъ Г. Критикъ сходство? Слова тѣже! Хорошъ былъ-бы переводъ, если-бы и слова были не тѣже, то есть если-бы и смыслъ Вольтеровыхъ выраженій не былъ сохраненъ въ переводѣ. Маленькое отступленіе сіе можетъ намекнуть намъ на то, что если Гёте несовершенно могъ сладить съ Французами, то сходство его съ Греками для насъ еще подозрительнѣе и непонятнѣе. Повторимъ: Гёте подражалъ Грекамъ какъ необыкновенный геній, но по-

Digitized by Google

дражать ему не долженъ никто: это начало того-же направленія, которое погубило Музу Французовъ. Подражанія наши будутъ ограничиваться однѣми формами, а Русскіе и такъ уже пресыщались подобными подражаніями и заимствованіями отъ иностранцовъ, начиная бритьемъ бородъ и покроемъ кафтановъ, и восходя до политическаго и общественнаго быта и литтературныхъ понятій и произведеній.

Разберемъ нѣкоторыя изъ сочиненій Б. Дельвига, написанныхъ въ древнемъ родѣ, дабы видѣть, справедливы-ли наши общія заключенія.

Идилліи, въ коихъ Русскій Авторъ представляетъ разныя сцены изъ пастушескаго вѣка, написаны вообще прекрасными стихами, но почти ни одна изъ нихъ не выдержана въ томъ характерѣ, какой надлежало-бы имѣть имъ всѣмъ. Напротивъ въ нѣкоторыхъ, напримѣръ въ *Титирѣ и Зоѣ*, мы не находимъ даже никакого склада. Любовники начертали на *двухъ платанахъ* свои имена, и въ старости, пришедши къ симъ деревамъ, увидѣли:

Чудо: они ихъ, другъ къ другу склонясь, именами срослися.
Нимфы деревъ сихъ тайною силой именъ сочетавшись,
Нынѣ въ древѣ двойномъ вожделѣньемъ на путника вѣютъ;
Нынѣ въ тѣни ихъ могила, въ могилѣ той Титиръ и Зоя.

И конецъ. Не правда-ли, что это *одни слова? Нимфы деревъ* должны быть Гамадріады, ибо суды-

Digitized by Google

ба Дріадъ никогда не зависѣла отъ деревьевъ: онѣ были только покровительницами оныхъ, и, еще болѣе, покровительницами лѣсовъ. Но Гамадріады обитали въ дубахъ, что доказываетъ самое имя ихъ, а не въ платанахъ, какъ говоритъ Авторъ; сверхъ сего, онѣ не могли вѣять *вожделѣньемъ* на пушника, ибо всегда были существами уединенными. Какая-жъ связь во всей этой идилліи? Къ чему послѣдній стихъ? Гдѣ тутъ древность — даже образовъ?

Цефизъ, идиллія, раздѣляется на двѣ половины: въ первой Авторъ обращается къ *Лидію*, говоритъ, что они съ нимъ должны когда нибудь сосшарѣться, и прибавляетъ:

Здѣсь *проходящее* все: одна *непроходящая* дружба!

Конечно, вѣра въ непреходящую дружбу, въ устахъ писателя девятнадцатаго вѣка, напоминаетъ вѣкъ золотой. Но Цефизъ вдругъ обратился къ *Филинту*,

Старца обнялъ, затворъ отпахнулъ, и ввелъ его въ садикъ.

Цефизъ былъ въ саду, слѣдовательно онъ *обнялъ* Филинта *черезъ затворъ*, а потомъ уже отпахнулъ оный. Это отмѣнливость не древняя.

Съ груши одной Филинтъ плоды вкушалъ и хвалилъ ихъ,
И Цефизъ ему весело молвилъ: «Пріятель! отнынѣ
Дерево это твое; а я отъ холодной мятели
Буду прилежно его укутывать теплой соломой.

Digitized by Google

Пусть оно для тебя и цвѣтетъ и плодомъ богатѣетъ!»
Но не Филлидину оно и цвѣло и плодомъ богатѣло:
Въ ту-же осень онъ умеръ. Цефизъ молилъ Жизнедавца
Такъ-же мирно *уснуть*, хотъ и бѣднымъ, но добрымъ.
Подъ грушей
Старца онъ схоронилъ и холмъ увѣнчалъ кипарисомъ.
Часто слыхалъ онъ, когда проспирала луна отъ деревьевъ
Влажныя, долгія тѣни, священное листьевъ шептанье;
Часто изъ гроба таинственный гласъ исходилъ — казалось,
Былъ благодарности гласъ онъ. И *небо давало* Цефизу
Много съ тѣхъ поръ и *грушъ* благовонныхъ и *гроздій* прозрачныхъ.

Это явный апокрифъ, а не древняя сказочка. Это Геснерова, а не Греческая идиллія. У древнихъ не было чувствованій и понятій, принадлежащихъ христіанскому міру. Но такъ вникаютъ новѣйшіе-древніе поэты въ тотъ міръ, въ который хотятъ они переселять своихъ читателей! Будемъ откровенны: мы понимаемъ, что всякій поэтъ, съ отличнымъ талантомъ, въ минуты *теплаго* расположенія души, можетъ перелетѣть въ Аркадію, и въ сіи минуты восторга переселить свои чувства въ идеальныхъ существъ. Такъ поступалъ и Гёте: онъ посвящалъ только *минуты* древнимъ своимъ помысламъ. И Пушкинъ написалъ нѣсколько превосходныхъ подражаній древнимъ. Въ *Купальницахъ*, въ *Друзьяхъ*, и въ нѣсколькихъ другихъ своихъ стихотвореніяхъ (не замѣчаемъ, что̀ заимствовано Ав-

Digitized by Google

шоромъ нашимъ у другихъ писателей: онъ самъ хочетъ, чтобы на его сочиненія смотрѣли какъ на произведенія оригинальныя), Б. Дельвигъ соперничаетъ даже съ Пушкинымъ въ семъ родѣ стихотвореній; мы сами восхищаемся отдѣлкою упомянутыхъ его стихотвореній; но имѣть постоянное направленіе, думать, чувствовать какъ древніе — возможно-ли это для современнаго намъ писателя? Мы, взрослые люди, иногда любимъ порѣзвиться съ дѣтьми на зеленомъ лугѣ, или на мягкомъ коврѣ: но имѣть склонность быть дитятемъ, неестественно и несбыточно! Ясно, что мы нападаемъ на Барона Дельвига не за то, что онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній въ древнемъ родѣ (такія нападенія мы предоставляемъ Недоумкамъ), но упрекаемъ его за желаніе постоянно *быть древнимъ*: это неисполнимо и даже забавно. Представьте себѣ, на примѣръ: къ Б-ну Дельвигу пріѣхало трое друзей, и онъ *радуется* пріѣзду ихъ по-*древнему*, *Дивирамбомъ*:

О радость, радость, я жизнью бывалою
Снова дышу!
Трепещетъ лира:
Въ струнахъ позабытыхъ
Я звуковъ согласныхъ,
Я звуковъ живительныхъ
Въ восторгѣ ищу.

Гремитъ, какъ прежде, подруга безсмертная;
Други, ко мнѣ!
Опять доступенъ
Я смѣхамъ и пѣснямъ
И чашѣ, вѣнчанной

Digitized by Google

Минутными розами,
И сладкой любви.

Пришли три гостя въ обитель поэтову
Съ дальнихъ сторонъ:
Отъ Финновъ блѣдныхъ,
Ледяноволосыхъ;
Отъ Рейна старца;
Отъ *моря сыпучаго*
Азійскихъ песковъ.

Три гостя, съ дѣтства товарищи, спутники,
Братья мои!
За мной ко храму!
Я, плющемъ вѣнчанный,
При гимнахъ священныхъ
Кастору и Поллуксу
Хвалу воспою.

Не такъ-ли призывали боговъ и богинь эпическіе пѣвцы наши, Херасковъ, Грузинцовъ, etc. etc.? Вѣроятно, и Б. Дельвигъ не съ большею вѣрою слышалъ *громъ подруги безсмертной* и обѣщался пѣть хвалу Кастору и Поллуксу.

Давно хотѣлось намъ спросить еще у Гг. поэтовъ о нижеслѣдующемъ. Неужели они почитаютъ поэтическими произведеніями шѣ гексаметрическія двустишія, четырестишія и проч., какихъ нѣсколько находимъ мы и въ сочиненіяхъ Барона Дельвига? Напримѣръ:

Бѣдные мы! что нашъ умъ? Сквозь шуманъ озаряющій факелъ
Бурей гонимый нашъ челнъ по морю бѣдствій и слезъ;

Digitized by Google

Счастіе наше въ невѣдѣньи жалкомъ, въ мечтахъ и безумствѣ:
Свѣчку хватаетъ дитя, юноша ищетъ любви.

Мысль самая обыкновенная; выражена совсѣмъ не поэтически; въ послѣднихъ двухъ стихахъ даже мало складу.

Еще примѣръ:

Эпитафія.

Жизнью земною играла она какъ младенецъ игрушкой.
Скоро разбила её: вѣрно ушѣшилась тамъ.

Еще:

Смерть.

Мы не смерти боимся, но съ тѣломъ разстаться намъ жалко:
Такъ не съ охотой мы старый смѣняемъ халатъ.

Такія двустишія и четырестишія не имѣютъ для насъ ни малѣйшей цѣны. Всякій умный человѣкъ (тутъ не нужно быть даже поэтомъ) напишетъ подобныхъ изрѣченій сколько вамъ угодно. У Грековъ они имѣли особенную цѣну: цвѣтокъ, дерево, ручей, дыханіе вѣтра, статуя, столбъ, для нихъ все было одушевлено, все имѣло свое значеніе; для насъ это простые предметы, имѣющіе свое значеніе только въ отношеніи къ великой Силѣ, приводящей ихъ въ гармонію. Слѣдственно, мы понимаемъ, когда Грекъ говоритъ:

Эвной воздвигнулъ здѣсь ликъ Надежды съ Немесой рядомъ.
Что знаменуютъ?... «Желай!...» «Скроменъ въ желаніяхъ будь!»

Digitized by Google

Здѣсь символъ, заключающій въ себѣ глубокій смыслъ. Или, вотъ примѣръ истинной *образности* и счастливой обдѣлки древняго искусства:

Лукъ искривленный съ колчаномъ въ твоемъ святилищѣ, Дилій,
Тимархъ привѣсилъ къ столбу, жертвуя ими тебѣ.
Стрѣлъ не принесъ онъ пернатыхъ: на полѣ кровавыя битвы,
Въ трупахъ остались враговъ грозны Арея дары.

Это навѣваетъ воздухомъ прелестной Эллады! Но для насъ такое выраженіе невозможно, ибо мы чувствуемъ и мыслимъ иначе, а форма всегда принимаетъ свой видъ отъ внутренней мысли. Поэзія не лѣпная работа: это живой плодъ фантазіи, творимый по неизмѣннымъ законамъ идеаловъ. Заключимъ сужденіе наше о подражаніи древнимъ стихотвореніямъ тѣмъ-же, чѣмъ мы начали оное: подражаніе сіе возможно для насъ только въ формѣ (здѣсь заключается и возможность переводить древнихъ поэтовъ); но оно непремѣнно будетъ холодно, мертво, если мы станемъ облекать свои идеалы цвѣтистыми древними выраженіями. Мы не можемъ быть въ царствѣ поэзіи младенцами; мы не должны подражать ни древнимъ, ни восточнымъ писателямъ въ ихъ олицетвореніяхъ, ибо такое подражаніе, будучи поверхностнымъ, весьма легко, увлекательно для пишущаго, но оно тяжело для его читателей и для хода отечественной литтературы. Подражайте древнимъ такъ, какъ подражалъ имъ Шекспиръ въ своихъ Римскихъ трагедіяхъ, и понимайте изображаемыя вами страны и

Digitized by Google

предметы такъ, какъ онъ понималъ ихъ и выражалъ въ своихъ безсмертныхъ созданіяхъ. Но не думайте, чтобы Шекспирово описаніе смерти Офеліи можно было перенести въ Греческую идиллію, какъ сдѣлалъ это Б. Дельвигъ. Иначе поэзія наша будетъ ограничиваться одними словами и выраженіями.

Тѣмъ непонятнѣе для насъ *древнее* направленіе поэзіи Барона Дельвига; тѣмъ досаднѣе оно, что Писатель сей обладаетъ дарованіемъ необыкновеннымъ. Мы уже замѣтили выше сего, что въ самыхъ *Геснеровскихъ* идилліяхъ своихъ (ибо мы не въ силахъ назвать ихъ *древними*), онъ бываетъ чрезвычайно прелестенъ. Но истинное сокровище для Русскаго читателя представляютъ Русскія пѣсни и *присказки* Б-на Дельвига. Здѣсь Авторъ нашъ, несвязанный чуждымъ вліяніемъ, не опутанный розовыми цѣпями Аркадіи, является во всей красѣ разгульнаго Русскаго народа, у котораго въ пѣсняхъ слышится грусть, и часто веселье оканчивается слезами. Никто лучше Барона Дельвига не воспользовался счастливою мыслью А. Ѳ. Мерзлякова, показавшаго намъ всю прелесть родныхъ нашихъ пѣсенъ. Г. Мерзляковъ заслуживаетъ быть славнымъ за свои Русскія пѣсни. Б. Дельвигъ состязается съ нимъ въ семъ родѣ поэзіи, и, по нашему мнѣнію, имѣетъ болѣе нѣжности, вкуса, и, сверхъ сего, онъ болѣе *Русскій человѣкъ* въ своихъ пѣсняхъ. Почитаемъ не нужнымъ выписывать здѣсь что либо для примѣра. Кто не знаетъ пѣсенъ Б. Дельвига, начинающихся словами: *На яву и въ сладкомъ снѣ — Соловей мой, соловей — Дѣ-*

Digitized by Google

душка! *девицы*—и проч.? Это перлы Русской поэзіи! Отъ чего-же сердце наше бьется сильнѣе при пѣніи сихъ стихотвореній, нежели при звукахъ Французскихъ романсовъ, которые очень милы и могутъ Француза также растрогать до слезъ? Причина этого не совсѣмъ геройская: себялюбіе. Мы любимъ свою сторону, за тѣ благодѣянія и радости, какими она надѣляла и надѣляетъ насъ въ жизни; все, напоминающее намъ ее, напоминаетъ и былыя радости наши (ибо человѣкъ не злопамятенъ): вотъ отъ чего пѣсня тревожитъ родную ей душу, и вотъ тайна, которую поэты должны знать, чтобы двигать нашими сердцами. Какой Греческій пастухъ со своими Ликорисами и Хлоями можетъ плѣнить Рускаго такъ, какъ разсказъ о бѣлоликой дѣвушкѣ, въ хороводѣ, съ Русской пѣснью въ розовыхъ устахъ, выражающей любовь свою къ русоволосому юношѣ, первому мастеру въ деревнѣ попѣть и поплясать? Пора, пора глядѣть безъ предразсудковъ на предметы! Отъ чего историческія происшествія увеличиваются въ глазахъ нашихъ по мѣрѣ удаленія своего отъ насъ? Отъ того, что въ нихъ остается одно безсмертное: мысль, а мѣлочныя отношенія и темныя стороны, закрывавшія ее отъ современниковъ, исчезаютъ. Такъ и во всѣхъ предметахъ. Мы слишкомъ близки къ Русскому и потому не умѣемъ цѣнить его; сверхъ того, мы съ молокомъ всосали въ себя уваженіе и удивленіе ко всему чужеземному. Но и у насъ природа беретъ свое. Подъ рукою искуснаго писателя, Русскій міръ красуется не менѣе Греческаго, Британскаго, Итальянскаго и

Digitized by Google

Испанскаго. Уже Исторія Русская становится для насъ занимательнѣе всѣхъ чужеземныхъ; уже мы начинаемъ дорожить своимъ нравственнымъ достоинствомъ, и поэзія Русская уже пробуждаетъ въ насъ эстетическія чувства. Неужели Б. Дельвигъ, имѣющій всѣ права на участіе въ великомъ преобразованіи Рускихъ въ Рускихъ, въ раскрытіи имъ прекрасныхъ сторонъ Русскаго міра, неужели онъ промѣняетъ насъ на Грековъ, насъ, живыхъ соотечественниковъ, на могилы, богатыя воспоминаніями, славныя, вдохновительныя—но чуждыя намъ и не требующія нашего участія? Онѣ безсмертны, и имъ не нужно новаго воскресенія въ чуждомъ мірѣ.

Откровенно, искренно высказавъ Барону Дельвигу все, что лежало у насъ на душѣ, надѣемся, что мы угодили ему болѣе, нежели безусловные его хвалители. Можемъ ошибаться въ нѣкоторыхъ частныхъ нашихъ заключеніяхъ, но увѣрены въ истинѣ общей мысли, которую хотѣли выразить.

Мы должны еще упомянуть объ *альбомныхъ* стихотвореніяхъ Б. Дельвига, напечатанныхъ также въ семъ томѣ; но что можемъ сказать о нихъ, кромѣ того, что заключается въ нихъ самихъ: ничего новаго, замѣчательнаго. Въ сихъ стихотвореніяхъ Б. Дельвигъ стоитъ на ряду со многими Русскими поэтами. У него есть свой родъ: имъ долженъ онъ заниматься, его обрабатывать и только мимоходомъ кидать цвѣтки въ альбомы и въ древнія вазы.

Кс. П.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1828 года.

— *Пожарскій*, трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе М. Крюковскаго. *Третіе изданіе*. СПб. 1828 г., въ т. Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ, 36 стр. in-8.

Трагедія *Пожарскій*, оставаясь донынѣ въ Русскомъ репертуарѣ, можетъ служишь доказательствомъ нашей бѣдности въ семъ родѣ произведеній. Ужасныя драмы театральнаго отца нашего, Сумарокова, забышы всѣ, безъ исключенія; слѣдовавшія за ними, иногда густыя, иногда рѣдкія колонны Русскихъ трагедій, такжe преданы забвенію, и, изъ всѣхъ Русскихъ трагиковъ, одинъ Озеровъ успѣлъ умереть прежде своихъ изящныхъ созданій: *Эдипа, Фингала, Димитрія* и *Поликсены*. Крюковскій пользуется, на ряду съ нимъ, честію долголѣтія. Двадцать слишкомъ лѣтъ *Пожарскій* является, довольно часто, на театрѣ нашемъ, и вошъ уже въ третій разъ онъ напечатанъ. Публика-ли награждаетъ Крюковскаго сею почестью, или въ томъ участвуютъ какія нибудь постороннія обстоятельства? ибо у насъ есшь примѣры и насильственной театральной жизни. Такъ пустѣйшія комедіи Князя Шаховскаго: *Новый Стернъ*, *По-*

Digitized by Google

хубарскія затѣи, и нѣкоторыя другія, играющіся на нашихъ театрахъ, въ продолженіе десятковъ двухъ лѣтъ, на зло публикѣ, которая давно наскучила сими безцвѣтными, безжизненными созданіями. Но что-же дѣлать, если ее не хотятъ угощать чѣмъ нибудь другимъ? За невниманіе публики и театръ платитъ невниманіемъ къ ея требованіямъ. Совсѣмъ другія причины удерживаютъ на сценѣ трагедію *Пожарскій*. Имя героя сей трагедіи напоминаетъ намъ одно изъ величайшихъ событій въ нашей Исторіи, одно изъ тѣхъ дѣлъ, гдѣ Русскій народъ явился во всемъ благородствѣ своемъ, во всемъ величіи. Россія, казалось, забытая Небесами, *угнетенная*, *подавленная всякими бѣдствіями*, безъ руководства, безъ властителя, который-бы управлялъ ея дѣйствіями, сознала сама свою силу, свое достоинство, и возставила двухъ мужей, представителей всего ея могущества: *избраннаго отъ всея Русскія земли человѣка*, великаго, безсмертнаго Минина и героя Пожарскаго. Не знаешь, которому изъ сихъ двухъ геніевъ, спасителей Россіи, удивляться болѣе? Чему болѣе удивляться въ нихъ? Твердости-ли духа, силѣ ума и безграничному самоотверженію Минина, или мужеству, благородству и смиренію въ славѣ искуснаго вождя Пожарскаго? Оба сіи великіе мужа занимаютъ лучшія страницы въ нашей Исторіи; съ ихъ именами соединено все, для насъ драгоцѣнное: отечество. Такой предметъ, въ самомъ неискусномъ изображеніи, долженъ поражать умъ и возвышать душу, ибо онъ заставляетъ насъ гордиться достоинствомъ человѣка и гражданина

Digitized by Google

Русскаго. Здѣсь, по нашему мнѣнію, заключается и тайная сила, извлекающая рукоплесканія и производящая восторгъ при многихъ мѣстахъ трагедіи *Пожарскій*. Кто безъ сердечнаго волненія можетъ читать или слышать слѣдующія слова Пожарскаго:

Россія не въ Москвѣ: среди сыновъ она,
Которыхъ вѣрна грудь любовью къ ней полна!
Не тотъ Россіянинъ, кто славу забываетъ,
И гордое чело подъ иго преклоняетъ;
Но прямо Русскій тотъ, кто изъ дальнѣйшихъ странъ
Спѣшитъ подъ Царскій стягъ, въ нашъ рапоборный станъ.
Столица, сонмъ Бояръ, не въ градѣ семъ мятежномъ,
Но съ честью, вольностью, въ убѣжищѣ надежномъ:
На ратномъ полѣ... тамъ, гдѣ Россъ иль побѣдитъ,
Иль славной смертью жизнь позорну замѣнитъ.

Подобныхъ патріотическихъ мѣстъ въ сей трагедіи довольно. Ими она и поддерживается. Конечно, Крюковскій достигъ своей цѣли, если онъ написалъ картину драматическую, заставляющую соотечественниковъ его, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, восхищаться. Но какъ произведеніе искусства, какъ трагедія, картина сія не выдержитъ ни малѣйшей критики, ибо все достоинство ея, что мы уже сказали, состоитъ въ томъ, что она вызываетъ великія воспоминанія объ одномъ изъ славнѣйшихъ дѣлъ нашей Исторіи. Дѣйствія въ сей трагедіи нѣтъ, и все ограничивается словами; ни одинъ характеръ не развитъ; ни одна страсть дѣйствующихъ лицъ не выражена. Но *Пожарскій*

Digitized by Google

напоминаешь намъ объ отечествѣ, и довольно. Мы увѣрены, что пьеса сія долго еще будетъ играема на театрахъ Русскихъ, не смотря на то, что, кромѣ любви къ отечеству, въ ней все ложно и несвязно. Впрочемъ Крюковскій былъ хорошій стихотворецъ для своего времени, и если въ прагическихъ стихахъ его часто встрѣчается излишняя высокопарность, то это вина не его, а Французской школы, погубившей и Озерова и всѣхъ его послѣдователей.

Изданіе сей книжки очень хорошо. Приложенныя къ ней, заглавный листокъ и картинка, изображающая избраніе на Царство Михаила, выгравированы прекрасно.

— *Извѣстія Росвійской Академіи*, книжка двѣнадцатая. СПб. 1828 г., въ т. Россійской Академіи, 205 стр. in-8.

Въ книжкѣ сей помѣщены слѣдующія статьи: 1-е *О нѣкоторыхъ постановленіяхъ и происшествіяхъ въ Россійской Академіи.* Это выписки изъ протоколовъ Академіи, съ 27 Января 1823-го, по 17 Января 1825 года. 2-е *Краткія вѣдомости о денежныхъ суммахъ Академіи*, за 1823-й и 1824-й годы. 3-е *Списокъ Членамъ Академіи въ* 1825 *году.* 4-е *Опытъ Словаря по корнямъ.* Корень *Мр.* 5-е *Отчеты*, въ денежной казнѣ, золотыхъ и серебряныхъ дарикахъ и проч., *за* 1826-*й годъ.*

Digitized by Google

Книги 1829 года.

— *Начальныя правила Русской Грамматики.* Для благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона. Изданіе *седьмое.* М. 1829 г., въ т. Селивановскаго. 96 стр. in-12.

Отъ чего встрѣчаемъ мы въ Русскихъ книгахъ большое несогласіе касательно грамматическихъ правилъ? Отъ того, что у насъ одни до сихъ поръ еще слѣдуютъ Грамматикѣ Ломоносова, а другіе разнообразнымъ Грамматикамъ послѣдователей Ломоносова. Но не лучше-ли было-бы принять руководствомъ по сей части, въ учебныхъ заведеніяхъ, Грамматику Г. Греча, какъ совершеннѣйшую изъ всѣхъ донынѣ изданныхъ и разрѣшающую почти всѣ вопросы Грамматическіе? Тогда, черезъ одно поколѣніе, у насъ составились-бы общепринятыя правила, законы языка, совершенствуемые только въ частностяхъ и измѣняющіеся только временемъ. Напротивъ теперь, мы часто недоумѣваемъ въ такихъ правилахъ Грамматическихъ, кои надобно-бъ было разрѣшить себѣ еще во время десятилѣтняго возраста. Грамматика Г-на Греча должна-бъ быть введена въ общее употребленіе еще и потому, что она составлена весьма тщательно и не заключаетъ въ себѣ такихъ проваховъ и недосмотровъ, какіе находимъ во всѣхъ, преимущественно во всѣхъ другихъ Русскихъ Грамматикахъ. Въ изданной *для воспитанниковъ Университетскаго Пансіона* (вѣроятно, *Московскаго*), встрѣчаемъ многое, что давно-бы должно было исправить. Замѣтимъ кое-что.

Digitized by Google

Стр. 5-я: «Первыя четыре (части рѣчи) измѣняются въ окончаніяхъ, а послѣднія четыре *не измѣняются.*» Заглядываемъ на 53-ю страницу сей-же книжки, и въ числѣ *нарѣчій* видимъ слова: *поздно, рано, далеко, близко, худо, точно*, и проч. Эти слова принадлежатъ къ *послѣднимъ четыремъ* частямъ рѣчи, однако-жь они измѣняются; напримѣръ: *позднѣе, ранѣе, дальше, ближе, хуже, точнѣе.*

Тамъ-же: «*Прилагательное* изображаетъ свойство лица или *вещи.*» Слѣдственно въ изрѣченіяхъ: *мальчикъ шалунъ, часы съ курантами*, послѣднія слова суть прилагательныя?

Въ склоненіяхъ именъ большая путаница. Вмѣсто естественнаго раздѣленія склоненій на три отдѣла, ихъ насчитано пять: четыре для именъ и одно для прилагательныхъ. Для именъ неупотребительныхъ: *теля, порося, осля*, составлено цѣлое склоненіе; а какимъ образомъ склонять слова: *теленокъ, жеребенокъ*, и вообще имена уменьшительныя, не сказано ни слова. Числительное имя *двое*, несправедливо названо мужескимъ и среднимъ, а о словахъ *двои, трои, четверы*, не упомянуто. У Г-на Греча это разсмотрѣно и приведено въ правила прекрасно.

Къ мѣстоименіямъ причислены всѣ, такъ называемыя, *притяжательныя*, и сверхъ того: *который, оный, самый.* У Г-на Греча они названы *прилагательными мѣстоименіями.*

Глаголъ объясненъ здѣсь точно такъ, какъ въ Грамматикѣ Ломоносова. Тутъ находимъ и *стра-*

Digitized by Google

данія глагола, и остроумное, но недостаточное и невѣрное раздѣленіе глаголовъ на два спряженія, изобрѣтенное Смотрицкимъ (по второму лицу единств. числа, наст. времени, изъявительнаго наклоненія). Объяснять недостаточность сего раздѣленія почитаемъ не нужнымъ, потому что это давно и многими уже доказано.

Кто-бы могъ ожидать, что въ этомъ коротенькомъ руководствѣ къ Русской Грамматикѣ, помѣщены извѣстія, подобныя слѣдующему: «Россійская гражданская азбука составлена изъ Славянской, которая Моравскимъ Епископомъ Кирилломъ частію изобрѣтена, а частію заимствована изъ Греческаго алфавита (стр. 60-я).» Автору надлежало-бы дорожить каждою строчкою; но онъ на 61-й стр. повторяетъ тоже, что говорилъ на 4-й, о гласныхъ, согласныхъ и полугласныхъ буквахъ. Такихъ повтореній найдется довольно много.

Правописаніе изложено весьма недостаточно, не отъ краткости, а отъ неопредѣленности правилъ. На примѣръ: «Въ глаголахъ, кончащихся на *ѣю*, и во всѣхъ отъ нихъ происходящихъ словахъ — пишется буква ѣ.» Во первыхъ, корень глаголовъ есть *неопредѣленное наклоненіе*, ибо дѣло идетъ не о Латинскомъ, а о Русскомъ языкѣ, Авторъ-же, какъ видно, почитаетъ корнемъ первое лицо изъяв. накл. наст. времени. Во вторыхъ, почему узнаетъ ученикъ, которые глаголы кончатся на *ѣю*? Наконецъ, развѣ есть глаголы, кончащіеся въ 1-мъ лицѣ на *ею*?

Въ сей книжкѣ правила Правописанія впрочемъ

Digitized by Google

ся и въ отдѣленіи Словопроизведенія. Напримѣръ, на стр. 22-й, находимъ слѣдующее: «*Прилагательныя* на *ый*, и съ предыдущими буквами г, к, х, на *ій*, перемѣняютъ окончанія свои на *ой*, когда употребляются въ простомъ слогѣ: *сильный*, *строгій*, *великій*, *ветхій*; простѣе: *сильной*, *строгой*, *великой*, *ветхой*.» Эта простота есть не иное что, какъ неправильность. И что значитъ *простѣе*? Въ одной Русской Граммашикѣ напечатано, что «должно писать *большой палецъ*, *острой ножикъ*, потому, что не прилично было-бы писать *большій палецъ*, *острый ножикъ*.» Но все это только забавно, а не правильно. Для окончаній *ой*, *ій*, *ый*, есть правило, ясное и неизмѣняемое, объясненное въ первый разъ, кажется, Г-мъ Гречемъ, въ разборѣ Граммашики Россійской Академіи. Вотъ оно: «Въ словахъ сего рода, имѣющихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, пишешь *ой*: *глухой*, *слѣпой*, *хромой*, а во всѣхъ прочихъ (то есть въ коихъ нѣтъ ударенія на послѣднемъ слогѣ) *ый* или *ій*: *добрый*, *великій*, *ветхій*, *Русскій* (*Практ. Русская Грамматика*, стр. 524—525-я).»

Не касаемся Синтаксиса, помѣщеннаго въ сей книжкѣ, ибо, по нашему мнѣнію, его должно совершенно передѣлать.

Думаемъ, что книжка сія была написана въ первый разъ на-скоро, и донынѣ печатается безъ дальнѣйшаго пересмотра. По многимъ, заключающимся въ ней правиламъ видно, что въ сочиненіи оныя трудился знатокъ языка, которому надлежа-

Digitized by Google

ло-бы нынѣ тщательнѣе пересмотрѣть свой несовершенный трудъ.

— *Прибавленіе къ Замѣчаніямъ о Сибири.* Сенатора Карнилова. СПб. 1829 г., въ т. Крайя, in-8, отъ 104 до 137-й страницы, съ картою.

Въ прошедшемъ году мы извѣщали читателей нашихъ объ изданной Г-мъ Сенаторомъ Карниловымъ книгѣ; нынѣ онъ напечаталъ Прибавленіе къ оной, заключающее въ себѣ слѣдующія статьи: *О земледѣліи въ Сибири — О фабрикахъ — О разведеніи лѣсовъ, свойственныхъ Сибирскимъ грунтамъ, и о построеніи въ тамошнихъ степныхъ мѣстахъ избъ изъ окаменѣлой глины — Объ улучшеніи построенія казенныхъ судовъ въ Сибири — О Сибирскихъ трактахъ — О врачеваніи Сибирскихъ обитателей тамошними растеніями.* Въ сихъ статьяхъ почтенный Авторъ излагаетъ мысли свои объ улучшеніяхъ по означеннымъ предметамъ, и, въ доказательство справедливости своихъ заключеній, упоминаетъ о многихъ любопытныхъ событіяхъ. Осмѣлимся замѣтить одно: дороги по Иркутской губерніи были такъ хорошо устроены бывшимъ Иркутскимъ Губернаторомъ Г. Трескинымъ, что, кажется, онѣ требовали-бы только поддержанія, а не новаго устройства, ибо своею прочностью, удобствомъ и даже красотою, въ 1816 году онѣ были подобны знаменитому Петербургскому шоссе.

— *Памятники древней Христіанской Церкви или Христіанскихъ древностей,* съ описаніемъ: таинствъ, богослуженія, храмовъ, праздниковъ, постовъ, Іерархіи, разныхъ соборныхъ постановле-

Digitized by Google

ній и всѣхъ обрядовъ и обычаевъ, бывшихъ въ древней Христіанской Церкви, *составленные Иродіономъ Ветринскимъ. Томъ первый.* СПб. 1829 г., въ т. Департ. Народн. Просвѣщенія, X и 419 стр. in-8.

Чтобы показать читателямъ нашимъ цѣль сей книги, выписываемъ изъ предисловія Г-на Сочинителя слѣдующія строки:

«Предлагаемые благосклоннымъ читателямъ *Памятники*, не суть историческо-хронологическое изложеніе всѣхъ событій, въ непрерывномъ порядкѣ послѣдовавшихъ въ древней Христіанской Церкви: въ нихъ описываются всѣ древнія постановленія, обряды и обычаи первобытной Христіанской Церкви, приведенные подъ нѣкоторый общій обзоръ и сосредоточенные въ предѣлахъ первыхъ четырехъ или пяти вѣковъ Христіанства. Такимъ образомъ памятники сіи суть *полное* собраніе Христіанскихъ древностей, о коихъ *частныя* свѣдѣнія разсыпаны въ относящихся къ сему предмету твореніяхъ Каве, Арнольда, Пеарсонія, Гаммонда, Додвилля, Баронія, Габерта, Боны и другихъ. По отношенію къ таковой полнотѣ свѣдѣній и общему объему предметовъ, къ древностямъ Христіанскимъ относящихся, Бингамъ представилъ какъ-бы на одной картинѣ всю древность Христіанской Церкви.

«Долгомъ поставляю предувѣдомить читателя, что при составленіи предлагаемыхъ ему *Памятниковъ*, особенно старался я сдѣлать сію книгу полезною для читателей всякаго званія. Сообразно

Digitized by Google

съ сею цѣлію, упускалъ я изъ виду все то, что служитъ болѣе поводомъ къ ученымъ споромъ, нежели къ существу самаго дѣла.

«Какъ предлагаемые мною *Памятники* суть книга въ своемъ родѣ новая на нашемъ отечественномъ языкѣ, то надѣюсь, что благосклонный читатель проститъ мнѣ тѣ недостатки, которые найдетъ въ сей книгѣ, уваживъ цѣль сего посильнаго моего труда, состоящую въ томъ, чтобы составленіемъ оныхъ *Памятниковъ* доставить хотя малую Христіанскую пользу любезнымъ соотечественникамъ.»

Мы увѣрены, что всѣ, умѣющіе цѣнить важность Церковной Исторіи, будутъ благодарны почтенному Г. Вѣтринскому за его книгу, которая такъ достопримѣчательна, что если-бы въ ней и нашлись какіе либо недостатки, то читатели извинятъ ихъ, сообразивъ многотрудность предпріятія. Въ семъ первомъ томѣ, раздѣленномъ на двѣ части, заключаются слѣдующіе отдѣлы, которые Г. Сочинитель назвалъ книгами: *Книга I-я*, О Христіанахъ вообще, и въ особенности о ихъ различныхъ наименованіяхъ, различіи, степеняхъ оглашенныхъ, мірянъ и клира; *Книга II-я*, О различныхъ степеняхъ клира въ первобытной Церкви; *Книга III-я*, О низшихъ степеняхъ клира въ первобытной Церкви; *Книга IV-я*, О избраніи и посвященіи клира и особенныхъ качествахъ посвящаемыхъ; *Книга V-я*, О преимуществахъ, увольненіи отъ податей и доходахъ клира въ первобытной Церкви; *Книга VI-я*, О разныхъ законахъ и правилахъ относительно должностей, жизни и повс-

Digitized by Google

денія древняго клира.—Въ слѣдующихъ томахъ сего сочиненія будутъ заключаться слѣдующіе предметы: Томъ 2-й, *Книга VII-я*, Объ Аскетахъ въ первобытной Церкви; *Книга VIII-я*, О древнихъ храмахъ, ихъ различныхъ частяхъ, сосудахъ, освященіяхъ и проч.; *Книга IX-я*, Объ оглашенныхъ и первоначальномъ употребленіи церковнаго символа; *Книга X-я*, О таинствѣ крещенія; *Книга XI-я*, О таинствѣ муропомазанія и другихъ священнодѣйствіяхъ, послѣдовавшихъ за крещеніемъ, прежде нежели крестившіеся приступали къ евхаристіи. Томъ 3-й, *Книга XII-я*, Общія примѣчанія о Богослуженіи древней Церкви; *Книга XIII-я*, О литургіи оглашенныхъ; *Книга XIV-я*, О литургіи вѣрныхъ.—Томъ 4-й, *Книга XV-я*, О единеніи и благочиніи древнія Христіанскія Церкви; *Книга XVI-я*, О судопроизводствѣ надъ клиромъ древней Христіанской Церкви; *Книга XVII-я*, О таинствѣ покаянія; *Книга XVIII-я*, О разрѣшеніи или возвращеніи кающихся къ общенію Церкви. Томъ 5-й, *Книга XIX-я*, О праздникахъ въ первобытной Христіанской Церкви; *Книга XX-я*, О постахъ древнія Христіанскія Церкви; *Книга XXI-я*, О таинствѣ брака; *Книга XXII-я*, О таинствѣ елеосвященія, обрядахъ погребальныхъ, или обычаѣ и способѣ погребенія мертвыхъ въ древней Христіанской Церкви.

— *О различныхъ мнѣніяхъ объ Изліяніи*. Разсужденіе на степень Магистра, Кандидата Ивана Средняго—Камашева. М. 1829 г., въ Университетской т. 57 стр. in-8.

Digitized by Google

Это Разсужденіе основано все на явныхъ противорѣчіяхъ: Сочинитель торжественно отвергая Философію, какъ науку, совершенно чуждую его предмету, говоритъ между тѣмъ о Баумгартенѣ, котораго онъ не могъ избѣгнуть, какъ основателя самой Эстетики, и который однакожъ потому только и сдѣлалъ изъ Эстетики науку, что внесъ свой философскій взглядъ въ ея область; говоритъ о Платонѣ, о Баттё, о Бурке, о Лессингѣ, о Кантѣ. Развѣ они не были Философами? Развѣ, по крайней мѣрѣ, они не были подъ вліяніемъ современной имъ Философіи? Удивляемся, какъ Сочинитель, здраво впрочемъ разсуждающій въ отношеніи къ частностямъ своего предмета, умѣлъ впасть въ такую странную погрѣшность! Ужели имя Философіи такъ ужасно подѣйствовало на его умъ, что онъ пожертвовалъ и истиною и смысломъ своего Разсужденія, основавъ его на одной фразѣ, состоящей изъ словъ, не имѣющихъ ни какого значенія; ибо любопытно было-бы знать, кто пойметъ слѣдующій возгласъ противъ Философіи:

Стр. 4-я. «Здѣсь не будемъ мы вступать въ изслѣдованіе тѣхъ мнѣній объ Изящномъ, которыя происходя отъ *своенравной* наклонности умовъ къ умозрѣнію (!), теряются въ умствованіяхъ неопредѣлительныхъ и ложныхъ, и проч.»

Да развѣ Эстетика не есть отрасль Философіи, и слѣдственно умозрѣнія въ періодѣ Философіи умозрительной? Напротивъ того, все Разсужденіе Сочинителя должно было-бы основываться на исторіи

Digitized by Google

Философіи, которая, какъ видно изъ его-же мыслей, не чужда ему, потому что Эстетика есть наука, въ которой разсуждается и разсуждается по началамъ, а всѣ начала получаютъ бытіе свое отъ возрѣній Философіи, что весьма справедливо замѣчено было ему однимъ изъ возражавшихъ на диспутѣ. И о Шеллингѣ ни слова! Объ этомъ знаменитомъ человѣкѣ въ исторіи Философіи и самой Эстетики, потому что онъ образовалъ Сольгера, Бахмана, Лудена, Гёрреса, отличнаго по свѣтлымъ мыслямъ, изложеннымъ въ его *Афоризмахъ*. Какъ это объяснить? На счетъ частностей въ этомъ Разсужденіи, мы не скажемъ ничего, потому что въ ономъ вездѣ отдѣльныя мысли и критика мнѣній объ Изящномъ имѣютъ свое достоинство, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ несообразность плана необходимо должна была выражаться. И это-то особенно странно! Простительно слѣпому нашкнуться на уголъ, но зрячему...? непонятно!...

М. Л.

— *Стихотворенія Александра Пушкина.* Первая часть. СПб. 1829 г., въ т. Деп. Народн. Прос. 224 стр. in 8.

Объявляя о выходѣ въ свѣтъ втораго изданія первой главы *Онѣгина*, мы тогда замѣтили, что если такъ смотрѣть на знаменитыхъ древнихъ авторовъ, какъ смотрятъ на Пушкина Русскіе классики, то и классическія произведенія покажутся картинами, изображающими рѣзню, бойню,

Digitized by Google

безнравственность, и проч. и проч. Прошли замѣчанія нашего возвысили голосъ не только недавніе Русскіе, но и люди, столько-же знакомые даже съ Латинью, сколько съ поэзіею баснословной Аполлониды. Близорукіе назвали насъ варварами, неблагодарными, непонимающими высоты древнихъ авторовъ. Слѣдственно цѣль наша достигнута. Противники наши осудили *свой взглядъ*, ибо мы питаемъ въ себѣ величайшее, неизмѣнное уваженіе къ древнимъ авторамъ, составляющимъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе просвѣщеннаго міра: въ спорѣ объ Онѣгинѣ мы показали только, какъ ложенъ взглядъ нашихъ судей, видящихъ въ сочиненіяхъ Пушкина рѣзню и соблазнительныя картины; въ примѣненіи къ древнимъ, взглядъ сей явился во всей своей ложности. Такъ легко имѣть дѣло съ нашими литературными судьями! Совѣтуемъ имъ впредь быть осторожнѣе.

Новое доказательство противъ осуждающихъ Пушкина находится передъ нами: это первый томъ полнаго собранія мелкихъ его стихотвореній.

Если человѣкъ можетъ гордиться чѣмъ либо, то конечно своею способностію совершенствоваться. Исторія человѣчества есть не иное что, какъ исторія его совершенствованія: только оно и отличаетъ насъ отъ всѣхъ другихъ существъ. Нашъ Русскій Поэтъ со славою поддерживаетъ достоинство своего народа въ кругу человѣчества. Какой шагъ сдѣлалъ онъ самъ, и заставилъ сдѣлать другихъ, со времени своего появленія на литературномъ поприщѣ! Говорятъ, что въ первыхъ сво-

Digitized by Google

ихъ стихотвореніяхъ онъ такъ-же хорошъ, какъ въ послѣднихъ; касательно стихосложенія, это вѣрнѣйшимъ образомъ и справедливо. Природа наградила Пушкина такою гармоническою душою, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ, онъ не могъ писать дурныхъ стиховъ. Но поэтическій даръ его, его взглядъ на предметы, его обзоръ, во время пятнадцатилѣтней службы Музамъ увеличился удивительно. Живая, пламенная душа его, глубокая проницательность ума, необыкновенная способность и ненасытимое стремленіе его къ ученію, справедливымъ. Русскую поговорку, что человѣкъ можетъ, по крайней мѣрѣ нравственно, *расти не по годамъ, а по часамъ* (*). Пушкина можно назвать нынѣ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей въ Россіи, и вмѣстѣ первымъ поэтомъ своего народа.

Изданная нынѣ часть Стихотвореній особенно любопытна потому, что въ ней стихотворенія сіи помѣщены по годамъ сочиненія оныхъ, начиная отъ 1815 по 1825-й годъ. Это исторія впечатлѣній нашего Поэта. Здѣсь можно наблюдать, что, когда и какъ поражало и волновало его. Наслажденіе удивительное — наблюдать ходъ человѣка, ошлифованнаго геніемъ! Не говоримъ о прелести сихъ

(*) Въ послѣдніе годы Пушкинъ выучился Англійскому языку — кто повѣритъ тому? — въ четыре мѣсяца! Онъ хотѣлъ читать Байрона и Шекспира въ подлинникѣ, и черезъ четыре мѣсяца читалъ ихъ по-Англійски, какъ на своемъ родномъ языкѣ.

Digitized by Google

сочиненій: кому неизвѣстны они? Читатели не найдутъ здѣсь ничего незнакомаго имъ, но найдутъ одну изъ тѣхъ книгъ, которыя можно уподобить другу: чѣмъ болѣе мы узнаемъ его, тѣмъ сильнѣе привязываемся къ нему.

Съ нетерпѣніемъ ждемъ появленія втораго тома Стихотвореній Пушкина. Изданіе перваго тома весьма хорошо.

— *Терпи казакъ, атаманъ будешь.* Стихотворная повѣсть. СПб. 1829 г., въ т. Департ. внѣшн. торговли, in 8, 144 стр.

Говорятъ, что Египетскіе гіероглифы хранятъ въ себѣ всю мудрость человѣческую; но, не умѣя читать оныхъ, нельзя подтвердить сего мнѣнія. Вотъ почему, находя въ сей повѣсти хорошіе, гладкіе стихи, и иногда остроуміе, мы не понимаемъ *общности* сего сочиненія.

— *Добродѣтельныя женщины въ древности.* Сочиненіе Плутарха, переведенное съ Греческаго Иваномъ Маршиновымъ. СПб. 1829 г., въ т. Деп. Народн. Просвѣщенія, in 12, 80 стр.

Сочиненіе, замѣчательное только по имени Плутарха. Слогъ Г-на Переводчика извѣстенъ.

— *Дѣтскія стихотворенія* Бориса Федорова, СПб. 1829 г., въ т. А. Смирдина, in 16, V и 240 стр.

Заглавіе сей книги совершенно соотвѣтствуетъ ея содержанію.

Digitized by Google

Русскій Театръ.

Бенефисъ Г-жи Ворониной-Ивановой.

По обыкновенію, мы всегда выставляемъ въ заглавіи названія піесъ, изъ коихъ составленъ былъ бенефисъ. На сей разъ мы не можемъ выполнить сей обязанности, потому что никто не знаетъ, изъ чего именно было составлено представленіе 7-го Іюня 1829, данное въ пользу первой танцовщицы Г-жи Ворониной-Ивановой. На длинной бенефисной аффишѣ объявлены были: комедія, *Для соперниъ*; водевиль, *Два Гусара*; балетъ, *Зефиръ и Флора*; водевиль (encore un!), *Минета, или кошка, превращенная въ женщину*, и разнохарактерный или безхарактерный дивертисманъ: *Сельскій праздникъ*. Вмѣсто сего были даны, *по видимому* комедія: *Мужъ и любовникъ*, потому что нѣсколько явленій оной, въ коихъ заключалась завязка, были опущены, вѣроятно за неспособностію или за старостію. — Зрители очень любопытны были посмотрѣть, какъ кошки превращаются въ женщинъ, но вмѣсто сей метаморфозы были они уподчиваны старинными проказами актрисы Троепольской. Впрочемъ публика не слишкомъ была строга къ симъ перемѣнамъ, по двумъ причинамъ: 1-е потому, что собраніе зрителей было не многочисленно, 2-е потому, что балетъ: Зефиръ и Флора, вознаградилъ за потерю всѣхъ возможныхъ водевильныхъ красотъ.

Зефиръ и Флора, Анакреонтическій балетъ сочиненія очарователя Дидло! Кому изъ просвѣщенныхъ

Digitized by Google

людей въ цѣлой Европѣ не извѣстно, хотя по слухамъ, это знаменитое произведеніе достойнаго ученика славнаго Новерра? (*) Кто изъ образованныхъ Россіянъ не читалъ дифирамба на сей балетъ, воспламенившій угасающій геній безсмертнаго Державина? Наконецъ мы дождались представленія сего изящнаго произведенія, на великолѣпной сценѣ Большаго театра. Но, увы! оно похоже было на литографированный эстампъ, подъ коимъ подписано: Correggio pinxit! Не было ни изумляющихъ машинъ, ни блестящихъ декорацій, коими во дни оны замысловатый *Корсини* способствовалъ къ хорошей выставкѣ славнаго произведенія поэта-балетмейстера. Даже нѣкоторыя прекрасныя сцены были выпущены по неудобству выполненія оныхъ; со всѣмъ тѣмъ, да не подумаютъ читатели, чтобы представленіе было недостойно Императорскаго Театра. Напротивъ, всѣ видѣвшіе сей балетъ въ лучшее время, съ удовольствіемъ смотрѣли на оный и нынѣ, не обращая вниманія на излишнюю бережливость, съ коею онъ былъ обставленъ и въ которой нельзя винить Дирекцію. Публика наша требуетъ новаго, а къ старому хорошему она равнодушна, потому только, что это старое. Умно-

(*) Балетъ: Зефиръ и Флора, играется на всѣхъ знатнѣйшихъ Европейскихъ театрахъ. Это первое и лучшее произведеніе знаменитаго Дидло восторгествовало надъ всѣми закулисными интригами (чему нѣкогда и мы были свидѣтелями) и всегда было принимаемо образованною публикою съ восхищеніемъ, упрочившимъ славу неподражаемаго сочинителя.

Digitized by Google

робивши въ лѣтнее время десятки тысячь на обставку хорошаго; но уже извѣстнаго зрѣлища, театральная касса потерпѣла-бы значительный убытокъ. Сверхъ того, Московская публика не слишкомъ избалована блестящими представленіями!.... Довольно того, что искуство нашей балетной труппы принудило забыть скудость декорацій и машинъ. И подлинно! Еслибы самъ Дидло былъ въ спектаклѣ, то вѣроятно съ восторгомъ смотрѣлъ бы на Зефира-Ришарда, на Флору Воронину-Иванову, и на прелестнаго Амура-Санковскую. Искуство бенефиціянтки уже всѣмъ извѣстно. Скажемъ только, что на этотъ разъ, она, похитивши крылья рѣзваго Зефира, по видимому прикрѣпила ихъ къ своимъ ногамъ. Легкость и проворство необычайныя! Въ добавокъ къ тому, природная грація прекрасной танцовщицы почти напоминала въ ней славную *Госселенъ*, которую мы видѣли въ этой роли.—Г-нъ *Ришардъ* б. былъ настоящій Зефиръ, и долгъ справедливости обязуетъ сказать, что онъ выполнилъ свою роль лучше нежели танцоръ *Альбертъ*, занимавшій оную въ Парижѣ (*). Малютка Санковская и безъ крылышекъ была-бы похожа на Амура. Вообще вся балетная

(*) Обязавшись давать отчетъ о спектакляхъ, достойныхъ вниманія публики, и талантахъ нашихъ Артистовъ, долгомъ себѣ поставляемъ посвятить нѣсколько строкъ Г-ну Ришарду, иностранцу, который полюбилъ наше отечество и не упускаетъ ни малѣйшаго случая быть полезнымъ нашимъ соотечественникамъ по части своего искуства. Кромѣ рев-

Digitized by Google

труппа удовлетворила-бы требованіямъ самаго взыскательнаго знатока. Послѣдняя, движущаяся, или, лучше сказать, живая декорація, составленная изъ всѣхъ существъ фантастическаго міра древнихъ Грековъ, была въ полномъ смыслѣ прекрасна. Эта самая прелестная картина заставила Державина признаться, что его пылкое піитическое воображеніе не могло-бы изобрѣсти ничего подобнаго!...

Скажемъ кое-что о новомъ водевилѣ: *Два Гусара, или женихъ въ халатѣ*. Это довольно забавная и остроумная бездѣлка, которая была разыграна очень хорошо, не смотря на то, что по болѣзни Г-на Живокини, другой актеръ, наскоро выучившій его роль, не рѣдко сбивался. Дѣвица *Куликова* была прелестна въ роли ловкой субретки. Радуемся сему появленію на сценѣ юнаго таланта, но совѣтуемъ молодой актрисѣ остерегаться отъ чада преждевременныхъ и еще не вполнѣ заслуженныхъ похвалъ. Талантъ долженъ созрѣть, какъ

ностнаго и всегда похвалъ достойнаго исполненія своей должности на сценѣ, Г-нъ Ришардъ занимается образованіемъ балетной труппы. Его малолѣтные ученики: *Самаринъ* и *Карасевъ меньшой*, воспитанники Театральной Школы, своими необыкновенными способностями обратили на себя особенное вниманіе, и публики, и Г-на Ришарда, заботящагося объ усовершеніи сихъ юныхъ талантовъ. Со временемъ они могутъ быть достойными преемниками искуснаго ихъ учителя. Именемъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей благодаримъ Г-на Ришарда за его службу на Императорскомъ Московскомъ Театрѣ.

Digitized by Google

какъ и все живущее.—Гг. *Сабуровъ* и *Лѣсскій* прекрасно сыграли роли двухъ удалыхъ гусаровъ. Г-нъ *В. Степановъ*... Но нѣтъ! не будемъ упоминать о немъ!—

В. У.

Г-ну РАИЧУ-АМФИТЕАТРОВУ.

Вы принадлежите къ числу тѣхъ людей, съ которыми не льзя, уважая самого себя, входить въ состязанія. Вотъ почему я отвѣчалъ однимъ презрѣніемъ на многія оскорбительныя выходки, напечатанныя противъ меня въ вашей *Галатеѣ*. Но въ 23-й книжкѣ сего Журнала вы оскорбили постороняго вамъ и мнѣ человѣка. Я принужденъ объясниться съ вами, ибо поводомъ къ упомянутому оскорбленію было Замѣчаніе, напечатанное въ издаваемомъ мною Журналѣ.

Г-нъ Борхардтъ просилъ меня извѣстить публику, что напечатанная въ *Вѣнскомъ Модномъ Журналѣ статья* о Телеграфѣ, писана не имъ. Онъ долженъ былъ сдѣлать это, потому что пользуясь уваженіемъ многихъ литтераторовъ Нѣмецкихъ, не хотѣлъ, чтобы его почли сочинителемъ статьи, не согласной съ его образомъ мыслей. Уваженіе Нѣмецкихъ литтераторовъ къ Г-ну Борхардту доказываютъ полученныя имъ въ разное время отъ редакцій журналовъ Eos, Morgenblatt, Abendzeitung, и отъ Мишавскаго Литтературнаго Общества, приглашенія, участвовать въ издаваемыхъ ими жур-

Digitized by Google

шалахъ, спаньями о Россіи. Напечатанное въ *Московскомъ Вѣстникѣ* прошедшаго года письмо Гёте (о которомъ вы, я думаю, слыхали) къ Г-ну Борхардту, можетъ также показать вамъ, какъ смо трятъ просвѣщенные Нѣмцы на труды сего. Я вѣрю, что образованные люди и правила ихъ вамъ неизвѣстны; однакожъ, послѣ сказаннаго мною, вамъ должно быть понятно желаніе Г-на Борхардша объявить, что *не онъ* сочинитель упомянутой спаньи, которую незнающіе его образа мыслей могли приписать ему, потому только, что *онъ одинъ изъ живущихъ въ Москвѣ литераторовъ извѣстенъ публикѣ нашей помѣщеніемъ статей о Россіи въ Нѣмецкихъ журналахъ*. Назовите кого нибудь другаго, пользующагося сею извѣстностію? Но вы, во всякомъ, даже неизвѣстномъ вамъ человѣкѣ, думаете видѣть свой образъ мыслей: не удивительно, что послѣ сего вамъ во всемъ грезится мерканшильность, ошношенія, пристрастіе, и что у васъ вездѣ *рука руку моетъ*. Прекрасныя правила! Но до чего они довели васъ!... Опроверженіе Г-на Борхардша ошъ переведенной вами изъ Вѣнскаго Моднаго Журнала спаньи, показалось вамъ досадно: въ 22-й книжкѣ *Галатеи*, вы, самымъ грубымъ тономъ, сказали, что не *Г-ну Борхардту судить о литературныхъ предметахъ*. Но, вѣдь вы не знаете Г-на Борхардша, не знаете его литтерашурныхъ прудовъ и свѣдѣній: вы сами объявили это. Какъ-же вы осмѣливаетесь судить о томъ, что вамъ совершенно неизвѣстно? Здѣсь видны только ваша дерзосшь и безсшыдсшво — далѣе

Digitized by Google

увидятъ читатели, что вы умѣли это-же смѣшать съ невѣжествомъ.

Вы вздумали поболѣе *разгуляться* на счетъ неизвѣстнаго вамъ лица. Въ 23-й книжкѣ *Галатеи* вы говорите, что нашли ключъ къ объявленію Г-на Борхардша, что Г-нъ Борхардшъ *объявилъ о себѣ* въ Телеграфѣ, потому, что онъ-же напечаталъ въ *Эстонѣ* статью *о Коммерческой Академіи*. Хороша, Логика! N. N. печатаетъ *объявленіе о себѣ*, потому, что *онъ пишетъ объ Академіи*. Вы дѣйствительно похожи на того механика, который никакъ не могъ отпереть ларчика, *а ларчикъ просто открывался!* Вы подозрѣваете шутъ Богъ знаетъ что, а въ самомъ дѣлѣ Г-нъ Борхардшъ сдѣлалъ объявленіе, желая оградить себя отъ непріятнаго пререканія, что ясно сказано въ Замѣчаніи, напечатанномъ въ Телеграфѣ. Гдѣ-же вы нашли свой фальшивый *ключъ?* Ключъ этотъ есть вашъ собственный образъ мыслей, а это ключъ фальшивый для людей благомыслящихъ.

Въ отчетѣ Г-на Борхардша о годичномъ *Торжествѣ Коммерческой Академіи*, напечатанномъ въ Эстонѣ, вы увидѣли только *похвалу* мнѣ, читанную *рѣчь О невещественномъ капиталѣ*. Но развѣ должно у насъ спрашивать, если кто-нибудь хочетъ что-либо похвалить, и неужели всякая похвала есть свидѣтельство подкупа, подлога, заговора? Не стыдно-ли вамъ думать вамъ, шворецъ плаксивыхъ элегій, нѣжныхъ романсовъ, томныхъ пѣсенокъ? Г-нъ Борхардтъ писалъ съ похвалою о вашемъ переводѣ Іерусалима, въ Обозрѣніи Русской Литтературы 1827 года, напечатанномъ въ

Digitized by Google

Тюбингенскомъ Literatur-Blatt. Неужели и тутъ былъ умыселъ, стачка, неблагонамѣренность? Но видно вы предполагаете равное своему невѣжество и въ читателяхъ своихъ; посему только могли вы представить имъ въ нелѣпомъ переводѣ часть уномянутаго *отчета* Г. Борхардта. При переводѣ этомъ вы приложили и подлинникъ; слѣдственно, это избавляетъ меня отъ труда доказывать, что переводъ вашъ есть не иное что, какъ карикатура. Предположимъ однакожь, что нелѣпость перевода произошла отъ невѣжества; но какое право имѣли вы, основавшись на своемъ невѣжествѣ, оскорбить неизвѣстнаго вамъ человѣка?

У Г-на Борхардта сказано: « Nun erchien aber auf dem Catheder ein Mann, ein Bürger im edelsten Sinne des Wortes, dessen Stimme in einer solchen *Aula* zu vernehmen uns noch nie vergönnt ward, etc. » Вы перевели это слѣдующимъ образомъ: « Наконецъ явился на каѳедрѣ мужъ, гражданинъ въ благороднѣйшемъ значеніи сего *слова, коего голосъ* никогда еще не удавалось слышать намъ въ такомъ *Аулѣ*. » Тутъ вы восклицаете: « *Въ Аулѣ*? слѣдовательно, по « мнѣнію Г-на Борхардта, Россія въ просвѣщеніи « стоитъ на одной точкѣ съ Черкесами, а Русскіе « тоже, что варвары Чеченцы и Абхазы! Г. Бор- « хардтъ! Вы живете въ Россіи; ей, можетъ быть, « обязаны вы своимъ образованіемъ и благосостоя- « ніемъ; въ ней, безъ сомнѣнія, нашли вы гостепріи- « имный пріютъ, радушіе, ласку; Русскій Журна- « листъ прославляетъ васъ во всѣ концы вселен- « ныя — а вы чѣмъ воздаете за сіи блага? Это не- « благодарно, М. Г. И Г. Полевой, у патріотиче-

Digitized by Google

«скаго своего сердца грѣетъ подобныхъ пасынковъ Россіи !!.» Потише, Г. Ранчъ! потише; расхолодите гнѣвъ вашъ хотя водою вашего перевода Тассовой поэмы! Что вы это говорите? На чемъ основываете вы свои оскорбительныя укоризны! На словѣ: Aula? Узнайте-же, что это слово значитъ не *аулъ*, какъ вы полагаете. Это слово не Черкесское, не Чеченское и не Абхазское, а Латинское, означавшее у Римлянъ *дворецъ*, *дворъ Императорскій*, и проч., у новыхъ-же Нѣмцовъ оно принято и употребляется въ смыслѣ *святилища наукъ*, *храма просвѣщенія* и вообще залы торжественныхъ собраній ученыхъ обществъ. Не понимаете? Не вѣрите? Попросите того человѣка, который переводилъ вашу статью для *Вѣнскаго Журнала*, растолковать вамъ смыслъ слѣдующихъ словъ, выписываемыхъ мною изъ Intelligenzblätter der Jenaischen allgem. Literatur-Zeitung, 1825 г. N° 61-й. Тамъ, въ статьѣ Universitäten-Chronik, на страницѣ 484-й, сказано: «Die Universität, welche den Tag vorher, nach einem von dem Professor der Beredsamkeit verfassten Einladungs-Programm, durch feierliche Zusammenkunft zu einer von demselben Professor in der *akademischen Aula* gehaltenen Rede und nachher zu einem festlichen Mahl, einstimmig bewahrheitet hatte, etc.» Здѣсь дѣло шло о предметѣ важнѣйшемъ: о поздравленіи Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ его государствованія. Подобныхъ примѣровъ можно привести множество. Сверхъ сего, если-бы вы имѣли хотя малѣйшее понятіе о Нѣмецкомъ языкѣ, то знали-бы, что Нѣмцы принимаютъ въ свой языкъ слова иноязычныя, ни сколько не измѣняя

Digitized by Google

овыхъ, слѣдовательно Черкесскій *Аулъ*, взятый съ Русскаго, былъ-бы по Нѣмецки написанъ Aul, а не Aula. Вы переводите Латинскихъ Авторовъ, а не знаете самаго обыкновеннаго Латинскаго слова — Aula, и почитаете его Чеченскимъ, или Абхазскимъ? Невѣжество непостижимое!... Видите-ли однако-жь, Г. Раичъ, что Г. Борхардтъ и не думалъ Россію называть *Аулом*ъ, а говорилъ о *Коммерческой Академіи* и назвалъ ее *святилищем*ъ *просвѣщенія*. Какъ-же осмѣлились вы, въ слѣдствіе своего невѣжества, клеветать небылицу на человѣка благородно-мыслящаго, въ чемъ я долженъ увѣрять васъ, потому что вы не знаете сего человѣка! Вы называете Г-на Борхардта *пасынком*ъ *Россіи* и почитаете его какою-то залетною птицею; узнайте-же, что онъ *Русскій подданный, родился въ Россіи, состоитъ въ Россійской Государственной службѣ* и донынѣ находится преподавателемъ Нѣмецкаго языка въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Я всегда готовъ согрѣвать у сердца своего всякаго благороднаго, желающаго блага Россіи иностранца, но къ счастію Г. Борхардтъ не имѣетъ нужды въ этомъ, будучи столько-же Рускій, какъ и вы. Сами вы, своими двумя фамиліями (*Раичъ—Амфитеатровъ*) не похожи на Рускаго; но какой порядочный человѣкъ станетъ васъ упрекать за то? Будьте вы Сербъ, Волохъ (какъ говорятъ о васъ многіе), Татаринъ, получите другую фамилію свою въ Семинаріи — до этого никому нѣтъ ни малѣйшей нужды.

Но вы привыкли въ Журналѣ своемъ выказывать

Digitized by Google

непрямодушіе, соединенное съ невѣжествомъ. За послѣднее могутъ жаловаться на васъ литтераторы и читатели ваши, а первое даже не подлежитъ литтературному суду, и, къ сожалѣнію, заставляетъ входить совсѣмъ не въ литтературныя объясненія. Или вы непремѣнно хотите, *чтобы* оскорбленія ваши дали случай кому нибудь сослаться не на литтературный кодексъ, а на Уставъ Благочинія, какъ-то сдѣлалъ, говорятъ, когда-то, одинъ литтераторъ съ другимъ?

Не указывая на другія ваши, дѣтскія, но безвредныя ошибки въ переводѣ сказки Г-на Борхардта, я долженъ упомянуть еще о слѣдующемъ.

За деньги или безъ платы напечатано въ Эстонѣ извѣстіе объ Академическомъ Торжествѣ — на это долженъ и будетъ отвѣчать вамъ Г. Издатель Эстоны. Замѣчу только, что въ намекахъ вашихъ вездѣ видна неблагонамѣренность и забвеніе приличій и благопристойности. Вы вездѣ видите *плату, деньги, пристрастіе, скопъ и заговоръ*! Не судите по себѣ. Только вы могли утверждать, что я перепечаталъ у васъ стихи *Видѣніе Валтазара*, и когда Г-нъ Рощевъ, письмомъ своимъ къ вамъ доказавъ противное, требовалъ, чтобы вы напечатали его письмо, вы обѣщали это (въ 10-й книжкѣ Галатеи) и не сдержали своего слова, ибо устрашились выйдти на судъ публики; только вы, Богъ знаетъ по какому праву, утверждали, что издаваемый мною Журналъ *скоро прекратится*, или, какъ вы по своему выразились: *скоро бухнетъ въ Лету*: но Московскій Телеграфъ здравствуетъ и подъ покро-

Digitized by Google

вительствомъ законовъ и просвѣщеннаго Правительства надѣется на долголѣтіе.

Не лучше-ли было-бы вамъ, не подбирая фальшивыхъ *ключей* къ *ларчикамъ* (какъ сдѣлали вы съ Г. Борхардтомъ) и не оскорбляя неизвѣстныхъ вамъ людей не-литературною клеветою, внять совѣтамъ журналистовъ, и не подчивать читательницъ вашихъ подлыми похожденіями Французскаго Ваньки—Каина, Видока, Безконечнымъ днемъ передъ Грансомомъ, Преступникомъ передъ казнью, въ дурныхъ переводахъ, вздорными перебранками и безграмотностью своихъ сотрудниковъ, а придерживаться своей программы, въ которой обѣщали вы издавать Дамскій Журналецъ. Но ставъ ниже Князя Шаликова достоинствомъ своего журнала, вы непремѣнно хотите быть подобнымъ ему въ упорной бранчивости (*).

Брань вашу, клевету и сплетни я презираю, и буду презирать, но не позволю вамъ напечатать ни одной клеветы, привязавшись ко мнѣ, на чье ли-

---

(*) Замѣчательно, что Князь Шаликовъ, вотъ уже пятый годъ, безпрерывно донъ-кихотствуетъ въ своемъ Дамскомъ Журналѣ противъ Телеграфа. Но, видя что на его брани никто не обращаетъ вниманія, онъ недавно выдумалъ новость: пересталъ прилагать къ моей фамиліи букву Г., вѣроятно думая тѣмъ оказать мнѣ грубость. Это грубо, только въ отношеніи къ самому Князю Шаликову, ибо показываетъ, что онъ не знаетъ приличій, и наблюдаемаго во всемъ образованномъ мірѣ условія. *Изд.*

Digitized by Google

бо постороннее лицо. Я чужд всѣхъ сплетней и лжей, слѣдственно всегда могу защитить правоту отъ неблагонамѣренныхъ вашихъ нападеній.

Издатель Московскаго Телеграфа.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

A la seconde représentation des *Deux Nuits*, Mad. la duchesse d'O...., coeffée sans plumes ni fleurs, avait un bandeau de cheveux sur chaque tempe, trois coques au sommet de la tête, et au bas des coques, une natte qui en faisait le tour.

Mad. la baronne F... portait un chapeau de paille de ris orné de deux queues d'oiseau de paradis, placées bout à bout, au haut de la forme. Une rosette de ruban jaune-safran attachait ces plumets par devant. Une autre rosette était placée au bas de la forme par-derrière; et une troisième, plus volumineuse, se trouvait à gauche, presque sur le bord de la passe. Les bouts d'un ruban qui, dans le haut, faisait le tour de la forme, étaient tendus et venaient rejoindre cette dernière rosette. Le chapeau avait des brides garnies.

Mad. B... avait un bonnet *à la fiancée*, orné de fleurs bleues, placé très-en arrière, et de grosses touffes de cheveux sur les tempes.

Un béret de crêpe blanc était cerclé de distance en distance par une bandelette en argent.

(*) До 1 Іюня (н. с.) 1829 года.

Digitized by Google

Un béret-toque *à l'italienne*, en crêpe crêpé rose, était garni d'une forêt de plumes couleur de rose.

Plusieurs coeffures en cheveux avaient pour unique ornement une grosse rose ou une pivoine, placée par derrière, et tout-à-fait en haut.

Deux oiseaux de paradis, disposés en V ou en X, ou quatre longues plumes blanches, attachées par une grosse cocarde formaient la garniture de plusieurs chapeaux de paille de riz. Deux de ces plumes, fixées au haut de la forme, s'inclinaient vers la droite, les deux autres vers la gauche.

Presque toutes les femmes étaient en robe blanche de mousseline ou d'organdi, ou de mousseline imprimée à grand ramage.

Quelques dames portaient des redingotes de mousseline, ouvertes par devant et laissant voir un jupon brodé.

Au lieu de tenir à la main leur bouquet composé principalement de roses, plusieurs élégantes l'avaient passé entre leur ceinture.

A la seconde fête extraordinaire de Tivoli, une belle Italienne que l'on rencontre dans tous les endroits publics, avait une robe de mousseline claire fond nankin à dessins chinois en colonnes; des manches *à l'imbécille*, de hautes manchettes de tulle brodé, et une pélerine pareille, à haut volant: au bas de sa robe, deux volans; le supérieur à tête plissée; une écharpe, dite *printannière*, fond blanc, à fleurs brodées en soie de couleur; un chapeau de paille d'Italie tout-à-fait en arrière de la tête, et orné de deux longues branches d'aube-épine, cintrées l'une au-dessus de l'autre; rubans de gaze satinée à larges raies blanc sur blanc; petite cornette de blonde faisant mentonnière, et deux larges brides en ruban de gaze, l'une partant du haut de la forme, l'autre du

Digitized by Google

bas de cette forme, et du côté opposé: toutes deux flottantes par derrière. Cheveux *à la Judith*, c'est-à-dire rapprochées au milieu du front, puis tombant en grosses boucles étagées jusqu'à la naissance du col, comme, sur le tableau de Véronnèse, *la Judith*.

Les trois quarts des chaussures étaient des brodequins de couleur foncée, rembrunie, extrêmement quarrés de bout.

Nous avons hésité jusqu'à ce jour à faire connaître le vrai nom par lequel on désigne dans le monde les manches longues et larges qui, n'étant plus soutenues du haut par un bouffant, tombent entre le coude et le poignet, de manière à former en dessous comme un appendice: on les appelle manches *à l'imbécille*;

Дамскіе костюмы въ театръ. На 2-мъ представленіи пьесы: *Двѣ ночи*, головная уборка Герцогини О... была совсѣмъ безъ цвѣтовъ и ленты, съ складками волосовъ на вискахъ и тремя большими пуками на верху головы, которыя обведены были кругомъ плешушкою волосовъ.

Баронесса F . . . была въ бѣлой соломенной шляпкѣ, убранной двумя хвостами райскихъ птичекъ, на верху тульи; розеткою изъ желто-шафранной ленты, укрѣплены были сіи два плюмажа; другая розетка была внизу тульи сзади; тресья, всѣхъ огромнѣе, слѣва почти на краю полей. Концы ленты, которою вверху обведена тулья, были распущены и соединялись съ сею розеткою. Завязки у шляпки нарядныя.

Г-жа B . . . въ чепчикѣ à la fiancée, сдвинутомъ на задъ головы и убранномъ голубыми цвѣтами; большіе пуки волосовъ на вискахъ.

Бѣлый креповый беретъ былъ окруженъ серебряною лентою, въ нѣсколько рядовъ, въ нѣкоторомъ одинъ отъ другаго разстояніи.

Токъ-беретъ *Итальянскій*, изъ розоваго крепъ-

Digitized by Google

крепе, украшенъ былъ множествомъ (*лѣсомъ*, говоритъ Парижскій журналистъ) розовыхъ перьевъ.

У многихъ головныхъ уборокъ все украшеніе состояло въ огромной розѣ или піонѣ сзади, вверху головы.

Двѣ райскія пшички, въ видѣ буквы V или буквы X, и четыре длинныя бѣлыя пера, прикрѣпленныя огромною кокардою, составляли уборку многихъ бѣлыхъ соломенныхъ шляпокъ. Два пера должны наклоняться на право, два на лѣво.

Почти всѣ дамы были въ бѣлыхъ кисейныхъ или органдинныхъ платьяхъ или въ платьяхъ кисейныхъ набивныхъ большими узорами. Иныя были въ кисейныхъ рединготахъ, открытыхъ шакъ, что видно было надѣтое подъ ними вышитое платье.

Вмѣсто того, чтобы держать въ рукахъ свои букеты цвѣтовъ, составленные преимущественно изъ розъ, многія щеголихи имѣли ихъ за поясами.

Костюмы на гуляньи. На второмъ праздникѣ въ Тивольскомъ саду, прелестная Ишальянка, которую часто встрѣчаютъ Парижане въ публичныхъ собраніяхъ, была одѣта щегольски, слѣдующимъ образомъ: платье изъ прозрачной кисеи, планшеваго цвѣта, съ цвѣтными Китайскими узорами; рукавчики à l'imbécille; широкія манжеты изъ шитаго шюля, съ такою-же пелеринкою, съ огромнымъ буфомъ; внизу платья два буфа, верхній съ складками; шарфъ, называемый printanière, бѣлый, съ цвѣтами, вышитыми цвѣтнымъ шелкомъ; соломенная шляпка, совсѣмъ сзади головы, съ двумя длинными вѣшками боярышника, одна надъ другою, газовыми атласистыми лентами, съ широкими бѣлыми по бѣлому полосками, и съ маленькимъ блондовымъ чепчикомъ, образовавшимъ завязку у подбородка, съ двумя широкими завязками изъ газовыхъ лентъ, изъ коихъ одна шла съ верха тульи, другая снизу, съ другой стороны, и обѣ вѣялись сзади шляпки. Волосы были убраны à la Judith, то есть, раздѣлены на лбу и потомъ шли ровными рядами бу-

Digitized by Google

коль по обѣимъ сторонамъ лица до самой шеи, какъ изображена *Юдиѳь*, на извѣстной каршинѣ Павла Веронеза.

Три четверти дамъ было въ полусапожкахъ, шелковыхъ цвѣтовъ, съ носками, обрубленными тупо.

« До сихъ поръ«, говоритъ Парижскій Журналистъ: « мы колебались, сказать-ли читательницамъ нашимъ настоящее названіе, какое дано щеголихами длиннымъ, широкимъ рукавчикамъ, которые, не поддерживаясь въ верху буфомъ, висятъ между локтемъ и кистью руки, образовывая собою, какъ будто прибавку къ рукавамъ: ихъ называютъ— manches à l'imbécille (imbécille — *дурочка, слабоумная*).

На приложенной каршинкѣ:

Дама. Кисейное платье, съ буфами и шитьемъ; креповый шарфъ, шитый шелкомъ; шляпка бѣлой соломы, съ цвѣтами и марабу.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюня 13 дня 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 11. *Іюнь.* 1829.

ВСЕОБЩАЯ СИСТЕМА МѢРЪ,
УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ ВЪ МЕХАНИЧЕСКИХЪ ИСКУСТВАХЪ.

(*Окончаніе*).

Астрономъ беретъ за *единицу* среднюю долготу дня, выведенную изъ долготы всѣхъ дней года; потомъ дѣлитъ сей астрономическій день на часы, минуты, секунды, и такъ далѣе. Время, выведенное посредствомъ сихъ мѣръ, называется *временемъ среднимъ*.

Составляя новую систему мѣръ и вѣсовъ, Французы приняли для дѣленія года систему Египтянъ и Аѳинянъ, выходцовъ изъ Египта: годъ раздѣлили на 12 мѣсяцовъ; мѣсяцъ на три *декады* (десятка), состоящія каждая изъ 10 дней; каждый годъ рѣшились прибавлять 5 дней, *дополнительныхъ* къ 360 днямъ 36-ти декадъ. Каждые четыре года, *шестой дополнительный день* производилъ 366 дней въ высокосномъ годѣ.

Digitized by Google

Сія система превосходитъ простотою и точностію странную и безобразную смѣсь, какую представляютъ двѣнадцать мѣсяцовъ по 28, 29, 30 и 31-му дню, и 52 недѣли обыкновеннаго календаря. Но привычка сдѣлала то, что вѣроятно весьма нескоро дни *декадъ* заступятъ мѣсто *субботъ*. Дѣленіе дня на десять часовъ, часа на 100 минутъ, минуты на 100 секундъ, также не легко могутъ быть введены во всеобщее употребленіе, не смотря на удобства.

Вообще при введеніи новой системы мѣръ и вѣсовъ во Франціи, встрѣтилось множество препятствій. Главная ошибка нововводителей состояла въ томъ, что они хотѣли *заставить* употреблять немедленно, когда надобно было сперва дать средства и способы употребленія, и ввести новость въ народъ тихо, безъ принужденія и по собственному убѣжденію каждаго.

Реформу можно было начать съ монеты, перечеканивъ всѣ старыя деньги и чекана новыя по новому разсчету мѣръ. Это и сдѣлали, но кое-какъ, безъ порядка и точности. Другая ошибка была въ томъ, что велѣли употреблять новую мѣру, не приготовивъ напередъ достаточнаго количества аршиновъ, вѣсовъ, и проч. Отъ сего вышло, что купцы принуждены были на старыхъ мѣрахъ отмѣчать разницу новыхъ и тѣмъ болѣе, что покупатель требовалъ аршинъ (aune) сукна, но не метръ, два фунта хлѣба, но не ки-

Digitized by Google

лограмму, нинту вина, а не литру. Со временемъ исчезли-бы сіи неудобства. Теперь почти во всей Франціи новая монетная система распространилась и утвердилась. Сперы, килограммы, литры приняты въ народномъ употребленіи. Будемъ надѣяться, что очевидная удобность, легкость въ разсчетахъ и правильность мѣръ истребятъ всѣ предразсудки, кроющіеся донынѣ на счетъ новыхъ мѣръ и вѣсовъ по разнымъ угламъ Франціи. Я хочу поговорить съ вами теперь о другихъ затрудненіяхъ, происходящихъ отъ самой природы вещей, а не отъ временныхъ предразсудковъ и недоумѣній человѣческихъ. Наше разсужденіе можетъ дополнить средства, кои должно употребить для совершеннаго и общаго введенія новыхъ мѣръ.

Тяжело и трудно оставлять систему мѣръ, издавна принятую; первое время введенія новой системы кажется представляющимъ болѣе неудобствъ, нежели выгодъ. Вотъ какія главныя представляются затрудненія въ семъ случаѣ:

Всѣ предметы, употребляемые въ занятіяхъ художественныхъ и въ общественной жизни, машины, орудія, снаряды, мебели, зданія, составлены изъ веществъ, коихъ пропяженіе, вѣсъ, объемъ мы знаемъ болѣе по опыту, нежели по сужденію и вычету. Мало по малу наша память удерживаетъ наименованія, коими изображаетъ для себя человѣкъ объемы, вѣсы и пропяженія,

Digitized by Google

въ отношеніи къ основной единицѣ мѣры. Если художникъ не озаряетъ своихъ познаній свѣтильникомъ теоріи, то все его знаніе будетъ заключаться въ семъ частномъ вѣдѣніи величинъ разнаго рода. Перемѣните единицу мѣры, и—весь числительный талантъ художника потеряетъ совершенно! Для маленькаго размѣра, ему потребно будетъ численіе, потеря времени, прибавь работы, а лѣность—оратаръ всегда краснорѣчивый! Это еще не все. Наши мысли неразлучны отъ языка, намъ извѣстнаго, и изучивъ другой языкъ, мы все еще долго не можемъ слѣдовать на немъ за нитью нашихъ понятій, думать, сравнивать, размышлять на семъ новомъ для насъ языкѣ, безъ того, чтобы не переноситься въ прежній, уже знакомый намъ. Это можетъ испытать на себѣ всякій изъ насъ. Таково точно дѣйствіе чувственныхъ и умственныхъ нашихъ способностей. Употребя въ дѣло извѣстную единицу мѣръ, мы *чувствуемъ* уже ее *воображеніемъ*, то есть: *видимъ въ пространствѣ величину сей единицы.* Воображеніе наше научается прикладывать оную въ идеѣ къ предметамъ, коихъ она представляетъ сущность, и приобрѣтеніе такого *чувства мѣры* весьма важно въ искусствахъ и ремеслахъ: это геометрическіе глаза, и по-келику дѣйствіе бываетъ при томъ быстрое, то ничего не можетъ быть удобнѣе и легче.

Digitized by Google

Слѣдственно, принуждая того, кто обладаетъ чувствомъ той или другой мѣры, перемѣнить свою единицу, если это человѣкъ обыкновенный, то есть, такова каковы всѣ, исключая не многихъ необыкновенныхъ людей, мы принуждаемъ его *потерять чувство пространства*. Онъ видитъ длину аршина, можетъ понять по этому длину трехъ аршинъ, легко можетъ прибавить вершокъ, образовать для себя вѣрное изображеніе всей этой длины, и между тѣмъ все будетъ онъ чувствовать ее по извѣстной ему единицѣ. Онъ приложилъ столько ее къ предмету и свелъ протяженіе на память. Но для метровъ ему надобно будетъ вычитать, сколько извѣстное протяженіе метровъ сдѣлаетъ аршинъ; потомъ преобратить сперва протяженіе въ аршины, и наконецъ свести въ метры. Работа продолжительная и тяжелая, для человѣка привыкшаго къ легкому вычету по старой мѣрѣ! Нѣтъ сомнѣнія, что въ малое время наблюдательный умъ пріобрѣтетъ чувство познанія новой мѣры. Но много-ли такихъ людей, которые согласятся будущее большое удобство купить пожертвованіемъ удобства настоящаго, хотя и малаго?

Мы видимъ важную роль, которую занимаетъ память въ дѣйствіяхъ искусствъ. Дѣлая гораздо лучше то, что проще и легче для нихъ, люди привели всѣ предметы въ основное отношеніе съ принятыми мѣрами, постарались выразить

Digitized by Google

въ *круглыхъ* числахъ протяженія, обыкновенно употребляемыя въ промышленности. Понятно, что человѣкъ не исчислявшій въ жизнь свою ни однажды силы маленькаго куска желѣза, камня, дерева, не знаетъ: 12, $12\frac{1}{2}$ или $12\frac{1}{4}$ дюймовъ надобно употребить ему какого нибудь матеріала. Какъ-же на-просшой взглядъ откроетъ онъ мѣру того или другаго протяженія, если это протяженіе менѣе 12-й части? Такая точность превосходитъ обыкновенныя занятія его ума. Посему отрубокъ, который онъ употребляетъ, долженъ имѣть вѣрно *футъ*, и это для него лучшая мѣра, потому что самая простая. Впрочемъ, всего чаще мѣры предметовъ переходятъ, отъ отца къ сыну, отъ мастера къ ученику, по преданіямъ; въ дѣлахъ промышленности, какъ и въ другихъ общественныхъ занятіяхъ, время все дѣлаетъ неприкосновеннымъ. При перемѣнѣ системы мѣръ, круглыя числа первой системы совсѣмъ измѣняются. Между тѣмъ, человѣкъ, знающій, что ему надобенъ отрубокъ въ футъ длиною, видѣвшій у отца или мастера своего футовые отрубки, остается при понятіи этомъ, и что̀ пойметъ онъ, если ему велятъ взять отрубокъ, исчисляя его метрами? Онъ почтетъ основаніе своего знанія неопроверженнымъ, если кто либо, вѣдая истинное протяженіе отрубка, скажетъ ему: «По математической точности надобно не 12 дюймовъ, сведенныхъ въ метры,

Digitized by Google

но при дециметра, или при дециметра съ половиною.»

Многіе наши писатели, употребляя въ своихъ сочиненіяхъ новыя мѣры, присовокупляли къ нимъ и означеніе старыхъ, а поелику сіи послѣднія знакомѣе первыхъ большему числу читателей, то и выходило, что умы читателей сихъ останавливались естественно на старой мѣрѣ, и читатели не думали о новой.

Вотъ еще обстоятельство, достойное замѣчанія. Память есть *наука сходствъ*, и мы легче удерживаемъ въ памяти, выраженное языкомъ намъ знакомымъ. Не зная сего обстоятельства, многіе дѣйствительно думали, что новыя мѣры сами по себѣ были труднѣе для памяти, нежели равныя имъ, если-бы онѣ были выражены старыми названіями. Все соединялось для поддержанія такого заблужденія. Чѣмъ лучше старыя мѣры приведены были для какого нибудь предмета въ круглыя или простыя числа, тѣмъ болѣе сіи круглыя числа требовали сложныхъ вычетовъ новыхъ мѣръ, дабы выразить ими извѣстныя количества. И такъ, когда желая знать пропяженіе, прежде выражаемое круглымъ числомъ, находили его въ новыхъ мѣрахъ, выражаемое дробями, само по себѣ разумѣется, что невыгода по видимому была на сторонѣ новыхъ мѣръ.

Другіе писатели употребляли въ сочиненіяхъ

Digitized by Google

своихъ только новыя мѣры, но для примѣровъ брали они предметы и пропяженія по старымъ мѣрамъ выведенныя. Отъ того выходило, что, напримѣръ, извѣстное какое нибудь зданіе представляло у нихъ дроби, и такъ какъ многіе старались прійтомъ дойдти до математической точности, совсѣмъ не нужной во многихъ случаяхъ, то вычеты были затруднительны и непонятны для простыхъ людей.

Надобно-бъ было для всѣхъ искуствъ и занятій, при введеніи новыхъ мѣръ, составить таблицы, въ круглыхъ числахъ, по симъ новымъ мѣрамъ. Сіи таблицы представили-бы существенные выводы къ мѣрѣ, вѣсу, цѣнности предметовъ. Тогда всѣ-бы увидѣли выгоды, удобства новой системы и приняли-бы ее въ самое коротkое время, ибо, если промышленность какого либо народа уже довольно осуществлена, то ремесла, художества и занятія, составляющія оную, бываютъ связаны между собою тѣснымъ и неразрывнымъ союзомъ. Весьма немного изъ нихъ такихъ, которыя не брали-бы одно отъ другаго, или орудій, или матеріяловъ; есть знанія, коихъ вся цѣль состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворять сему роду взаимныхъ потребностей. На сіи-то знанія надобно было особенно обратиться, и всѣми средствами надобно было стараться ускорить введеніе новыхъ мѣръ, преобразовавъ всѣ цѣнности, всѣ пропяженія ихъ произведеній въ круглыя числа по но-

Digitized by Google

вымъ мѣрамъ. Истребивши всѣ старыя формы, модели, образцы, или оставивъ ихъ до естественнаго истребленія, но дѣлая новыя уже по новой системѣ, вскорѣ достигли-бы важныхъ слѣдствій. Слѣдовало установить, чтобы фабриканты и заводчики дѣлали все по новымъ мѣрамъ, напримѣръ, чтобы ткачи ткали всѣ матеріи въ метръ, или въ 5, 6, 7 децимегровъ. Надобно было вводителямъ новой системы съ терпѣніемъ войдти во всѣ подробности искусствъ, ремеслъ и общественныхъ занятій, вездѣ приноровить и устроить размѣры и вычеты. Трудъ былъ огромный и — болѣе полезный, нежели блестящій, но успѣхъ наградилъ-бы сей трудъ, и никто, никакимъ сомнѣніемъ не отнялъ-бы чести полезнѣйшаго изобрѣтенія нашего времени.

Перейдемъ отъ сихъ общностей къ частностямъ, дабы сказанное нами вообще, доказать примѣрами. Если гдѣ либо долженствовали быть приняты новыя мѣры, то конечно всего преимущественнѣе въ казенныхъ работахъ, ибо оныя ввѣрены бываютъ попеченію людей высшаго образованія, и сіи люди, соединенные своимъ званіемъ съ Правительствомъ, находящіеся, такъ сказать, при рулѣ его и компасѣ, суть установители, распространители его видовъ, его дѣйствій. Посмотримъ, какъ они поступали въ отношеніи предмета насъ занимающаго.

Digitized by Google

Военные инженеры и начальствующіе надъ устройствомъ мостовъ и дорогъ, по свойству своихъ занятій, требующихъ большихъ вычетовъ, выигрывали столь много при новой системѣ, что приняли ее немедленно и вполнѣ. Они передѣлали рѣшительно всѣ свои размѣры и *табели*, и теперь не употребляютъ уже старыхъ мѣръ.

Но морскіе чиновники далеко отъ нихъ отстали. Едва года въ четыре издали они табели размѣра корабельныхъ лѣсовъ по новой системѣ. Не смотря на безчисленныя ошибки сего перваго труда, поелику размѣры корабельныхъ лѣсовъ всегда составляли трудное дѣло по старой системѣ мѣръ, и весьма легки по системѣ новой, употребленіе новыхъ мѣръ введено было въ государственныхъ адмиралтействахъ. Но дабы приложить новыя мѣры къ самой постройкѣ кораблей, надлежало заняться работою запрудительною: привесть въ круглыя числа дефекты кораблей, фрегатовъ, и вообще всѣхъ судовъ, показывая точно протяженіе и мѣру всѣхъ частей каждаго рода судовъ. Надлежало распространить сію безмѣрную работу на всѣ искуства, принадлежащія къ мореплаванію, и въ наукѣ инженера также составляющія часть занятій. Не исполнивъ сихъ предварительныхъ работъ, долго принуждены были мы употреблять въ занятіяхъ по адмиралтействамъ мѣры двойныя, на коихъ были означены и метры и фунты, старая и новая система

Digitized by Google

мѣръ, такъ, что старая мѣра всегда оставалась преимущественною. Но когда знаменитый воспитанникъ Политехническаго Училища, Маркизъ Клермонъ-Тоннеръ, вступилъ въ управленіе Морскимъ и Колоніальнымъ Департаментомъ, то замѣчательная перемѣна сдѣлана была мгновенно и рѣшительно. Онъ утвердилъ, чтобы впредь не употребляли ни подъ какимъ видомъ въ портахъ и морскихъ арсеналахъ старой мѣры, велѣлъ изломать всѣ мѣрки, на которыхъ съ одной стороны начерчена была старая, съ другой новая мѣра, и система новыхъ мѣръ утвердилась неизмѣнно.

Замѣтимъ здѣсь медленный, но вѣрный успѣхъ благодѣяній, какія приобрѣтаются отъ хорошо устроенныхъ училищъ, гдѣ юношество получаетъ образованіе высшее и основательное. Они оказываютъ вліяніе, которое расширяетъ съ годами, и воспитанники такихъ училищъ, достигая высшихъ степеней въ государствѣ, суть представители благодѣтельныхъ нововведеній, о коихъ не они и подумать-бы не смѣли.

Другое общественное дѣло покажетъ намъ еще болѣе силу препятствій, встрѣчающихся при нововведеніяхъ. Въ артиллеріи главное дѣло, отъ коего всѣ другія подробности зависятъ, есть вѣсъ ядра или *калиберъ*. Размѣръ пушки, ея лафетовъ, ящиковъ, зарядовъ, все это есть слѣд-

Digitized by Google

сяніе упомянутой нами первой *данной*. Но вѣсъ ядра, выражаемый *круглымъ числомъ* по старой системѣ, не былъ уже таковымъ по новой. Какъ-же назвать, на примѣръ, 24-хъ фунтовую пушку? Пушкою въ 12 килограммъ? Но это будетъ ошибка, ибо 12 килограммъ составляютъ болѣе, нежели 24 фунта. Въ 11 килограммъ? Опять ошибка, ибо пушъ нѣчто не-доспанешъ до 24 фунтовъ! Если назвать просто: пушка въ 11, въ 12, то названіе будетъ ложное, зарядъ и всѣ другія данныя, установляемыя вѣсомъ ядра, будутъ также ложныя. Впрочемъ, подобныя затрудненія болѣе мнимы, нежели дѣйствительны. Лучшее устройство литья пушекъ и ядеръ даетъ средства прибавить вѣсъ ядра: нынѣ вѣсъ ядеръ превосходитъ число фунтовъ, показываемое калибромъ, и болѣе нежели полу-килограммою увеличиваетъ число фунтовъ, коимъ выражается калиберъ пушекъ и карронадъ.

Во время введенія въ артиллерію новой системы мѣръ, можно-ли было ожидать такого легкаго способа, которымъ прекращаются всѣ неудобства? Когда наша система образованія войскъ принимала совсѣмъ новое, небывалое развитіе, когда надобно было умножать число литейныхъ, кузницъ, оружейныхъ, особливо когда, по причинѣ огромности и неслыханной дѣятельности, инструменты старыхъ заведеній негодились къ употребленію, тогда легко могли перемѣнить

Digitized by Google

калибры 4-хъ, 6-ти, 8-ми фунтовъ, на калибры 4-хъ, 6-ти, 8-ми килограммъ. Вскорѣ число новыхъ пушекъ превзошло-бы число старыхъ, и употребленіе, безпримѣрно великое, вскорѣ совсѣмъ-бы ихъ уничтожило; перемѣна сдѣлалась-бы непримѣтно и безъ усилій. Если кто опасался мгновеннаго умноженія калибровъ, слѣдствія нововведеній, то опасеніе уничтожилось-бы тѣмъ, что вооруженіе извѣстныхъ мѣстъ и въ извѣстныхъ случаяхъ можно было дѣлать старыми и новыми орудіями отдѣльно. Это требовало только излишней перевозки орудій, но всегда перемѣщая старыя орудія изъ мирныхъ мѣстъ въ мѣста военныя, и отъ запасныхъ корпусовъ къ дѣйствующіе, а вновь сдѣланными замѣщая мѣста въ разныхъ депо, резервныхъ паркахъ, мѣстахъ внутреннихъ, или неугрожаемыхъ войною, переставляя на корабли старыя пушки, а новыми покрывая порты, морскія мѣста, мы просто сдѣлали-бы то, что при началѣ казалось предпріятіемъ исполинскимъ для людей недальновидныхъ.

И развѣ теперь такое постепенное введеніе невозможно? Думаемъ противное, и полагаемъ, что и нынѣ, хотя медленнѣе, сіи способы легко довели-бы насъ къ цѣли. Долженствовало бы только перемѣнить надлежащимъ образомъ діаметръ сверла, а остальное сдѣлалось-бы само собою.

Digitized by Google

Но будетъ или не будетъ въ артиллеріи такая перемѣна, ничто не препятствуетъ ввести въ артиллерію новую систему для размѣровъ пропяженій. Они не имѣютъ ничего общаго съ мѣрами вѣса. Калибры 4, 6, 8-ми фунтовыхъ орудій также не приходятся въ круглыя числа, если считать *дюймами*, и не все-ли равно въ семъ случаѣ, если перемѣнить *дюймы* на *центиметры?* Такъ и въ другихъ размѣрахъ. Превосходную услугу оказалъ-бы отечеству тотъ офицеръ нашей знаменитой артиллеріи, который принялъ-бы на себя, какъ механикъ и геометръ, приведеніе всѣхъ старыхъ, освященныхъ употребленіемъ размѣровъ, въ простыя или круглыя числа новой системы. Трудъ полезнѣйшій! Усовершенствованія, даже не подозрѣваемыя нынѣ, конечно были-бы плодомъ сего счастливаго предпріятія. Со временемъ, естественныя выгоды, могущія произойдти отъ сего труда, принудили-бы артиллеристовъ принять вполнѣ новую систему и, рано или поздно, самое исправленіе калибровъ было-бы сдѣлано для успѣховъ въ занятіяхъ по артиллеріи.

Если-бы во всѣ казенныя заведенія и работы, безъ остановки и замедленія приняты были новыя мѣры, онѣ вскорѣ были-бы введены во всѣ занятія и гражданскія искуства, связанныя между собою необходимыми узами. Уже химическія искуства съ пользою употребляютъ новую систе-

Digitized by Google

му. Большое число людей, занятыхъ разными искуствами, распространятъ понемногу познанія, ими приобрѣтенныя, а время побѣдитъ всѣ затрудненія.

Объяснивъ препятствія, представляемыя перемѣною цѣнности мѣръ, обратимся къ затрудненіямъ, представляемымъ перемѣною наименованій.

Причины, для коихъ взяты названія новыхъ мѣръ изъ Древнихъ языковъ, были столь глубокомысленно обдуманы, что толпа не могла понять ихъ. Для чего, говорили многіе, для чего брать имена, которыя только ученые могутъ понимать? Не довольно-ли затрудненій и въ томъ, что самыя мѣры измѣнены: надобно-ли было прибавлять еще къ этому затрудненія въ самыхъ названіяхъ? Не уже-ли надобно было думать намъ о цѣломъ человѣческомъ родѣ? Чѣмъ остроумнѣе идея: выразить умноженіе и дѣленіе словами, сложными изъ двухъ частей, которыя показываютъ и родъ и измѣненіе единицы, тѣмъ легче сіи тонкіе оттѣнки, при стараніи выразить ихъ примѣтнѣе, ускользнутъ отъ общаго вниманія. Всегда будутъ смѣшивать миллиметры, центиметры, децимметры, по сходству звуковъ.

Можно-ли повѣрить тому, что возраженія столь ничтожныя, уничтожали въ понятіи многихъ пользу новыхъ наименованій мѣръ!

Digitized by Google

Не уже-ли не должны мы дѣлать никакихъ пожертвованій системѣ, изобрѣтенной столь счастливо и удачно, чтобы дать удобнѣйшее средство другимъ народамъ пользоваться оною, не оскорбляя ихъ гордости именами, которыя напоминали-бы имъ *французское* происхожденіе сей системы? Для многихъ сія причина непонятна. Скажемъ сильнѣйшую: взявъ наименованія изъ старой системы, не затруднительнѣе-ли было-бы для насъ выражать мѣры съ безпрерывнымъ прибавленіемъ: *старый*, *новый* футъ, *дюймъ*, или вводить въ безпрерывное недоумѣніе, какую мѣру разумѣютъ, говоря просто: *футъ*, *дюймъ*? Послѣдняго не льзя было-бы избѣжать, если-бы мы и условились прибавлять всегда слова: *старый*, *новый*. Лѣность людская въ семъ случаѣ бываетъ удивительная. И теперь многіе не хотятъ говорить вполнѣ: *килограмма*, а произносятъ только *кило*, такъ, что надобно знать подробности напередъ, чтобы понять, о чемъ идетъ дѣло: *килолитрѣ*, *километрѣ*, или *килограммѣ*? Что-же за путаница вышла-бы, если-бы стали всѣ говорить не прибавляя: какой системѣ слѣдуютъ, произнося слова: *футъ*, *дюймъ*? Надобно подумать и о потомствѣ. При лѣности нашей означать, какою мѣрою считаемъ мы футы и дюймы, съ потомками нашими то-же случилось-бы, что теперь съ нами въ отношеніи Древнихъ народовъ. У Грековъ было четыре рода

Digitized by Google

стадій, и они никогда не прибавляли, который родъ разумѣютъ, означая протяженіе стадіями; теперь мы рѣшительно путаемся, желая знать мѣры протяженій, находимыя въ сочиненіяхъ Древнихъ.

И не уже-ли трудно заствердить номенклатуру, составленную всего изъ 15 словъ? Мы всегда любимъ увеличивать трудности, дабы имѣть удовольствіе называть ихъ непреоборимыми. Уже около вѣка прошло, какъ успѣхи знаній безпрерывно вводятъ въ нашъ языкъ множество новыхъ наименованій, и слова Греческія переходятъ въ обыкновенный, даже простонародный языкъ. Кто теперь не знаетъ словъ: *барометръ, термометръ*? Развѣ легче заствердить сіи названія, нежели *километръ*?

Какое дитя не заствержаетъ нынѣ весьма легко словъ: *косморама, діорама, панорама, георама, фантасмагорія*, и не удерживаетъ въ умѣ яснаго о каждомъ изъ предметовъ, ими означаемыхъ, понятія? Повторяю: легче-ли сіи слова *метра, дециметра*? И между тѣмъ они означаютъ только образы, тѣни, измѣняющіяся, улетающія мгновенно, а послѣднія, напротивъ, вещественные размѣры, которые можно осязать и узнать постоянно, однажды и навсегда, ибо они никогда не измѣнятся. Признаемся: мы столько-же трудолюбивы для ничтожныхъ забавъ, сколь-

Digitized by Google

ко лѣнивы для попребностей необходимыхъ и существенныхъ!

Но не будемъ искать примѣра названій отдѣльныхъ, и потому, можетъ быть, болѣе легкихъ къ запамятованію; я представлю вамъ лучше огромную номенклатуру, принятую всею Европою, именно, номенклатуру химическую. Нынѣ, каждый аптекарь, каждый деревенскій лекарь знаетъ главнѣйшія слова оной. Что-же надобно-бъ было сказать о Французскихъ химикахъ, если-бы, спараясь быть удобопоняпнѣе продавцамъ кореньевъ и лекаркамъ, они отринули свою превосходную систему химическихъ названій, успановившую порядокъ въ идеяхъ о самой наукѣ? Если-бы они выдумали свои Французскія названія, Нѣмцы, Итальянцы, Англичане свои особенныя названія, и каждый спарался взять сіи названія изъ своихъ родныхъ языковъ, вмѣсто одного, общаго ученаго языка, химики Европейскіе имѣли-бы ихъ теперь двадцать. Но химики Французскіе стали на поняпія гораздо возвышеннѣйшія. Они передѣлали всю безмѣрную номенклатуру своей науки, взяли наименованія изъ языка Древняго, равно поняпнаго для всѣхъ, и въ десять лѣтъ новый, систематически составленный ученый языкъ принятъ всѣми народами, сдѣлался общимъ у всѣхъ. Замѣтимъ однакожъ, что химики наши не побоялись труда, и составили полный языкъ для всѣхъ химическихъ подробностей. Также должно-бы по-

Digitized by Google

ступить и вообще въ системѣ новыхъ мѣръ: надобно-бы привесть всѣ подробности, всѣ потребности къ одной, общей системѣ. Этого вполнѣ не сдѣлано донынѣ. Надобно сдѣлать: мы сказали это выше, и подтверждаемъ здѣсь снова.

И какъ наши химики, вполнѣ разсматривая всѣ подробности своей науки, дабы съ точностію установить пропорцію началъ, оныя производящихъ, въ семъ разсмотрѣніи обрѣли источникъ множества новыхъ открытій, такъ составляя вѣрнѣйшія таблицы количествъ всякаго рода, образующихъ данныя всѣхъ искусствъ и занятій общественныхъ, мы сдѣлали-бы, или приготовили по крайней мѣрѣ, безчисленное множество новыхъ усовершенствованій, привели-бы къ учету множество практическихъ производствъ, донынѣ не подвергнутыхъ математической точности; сей трудъ сдѣлался-бы для насъ обильнымъ источникомъ будущихъ успѣховъ!

При семъ N° *Прибавленія* находится *изображеніе новомоднаго стола Парижскаго*, для галлерей, домашнихъ комнатъ и садовыхъ бесѣдокъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Прид. Моск. Тел. 1829.

Digitized by Google

PUBLIC LIBRARY
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

Digitized by Google

№ 12. Іюнь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

О ДРАМАТИЧЕСКОЙ ЛИТТЕРАТУРѢ

новыхъ народовъ. Соч. Барона Экштейна.

(Статья 3-я).

VI. Можно указать на двѣ причины ложнаго классицизма, перенесеннаго въ среду нынѣшнихъ народовъ Европы, какъ-бы на зло ихъ собственному генію и христіанству. Во первыхъ, невѣрно поняшая Римская Поэзія, которую изучали въ школахъ какъ независимый образецъ, и не видѣли въ ней списка съ Литтературы Александрійцевъ и Грековъ, жившихъ послѣ счастливаго для генія ихъ времени. Разумѣется, что мы надлежащимъ образомъ оцѣниваемъ высокое достоинство Латинской Поэзіи; но каждый предметъ долженъ быть на своемъ мѣстѣ; измѣнивъ степень онаго, мы не поймемъ его и уже не будемъ способны видѣть существенное его достоинство. На Римскую Поэзію должно смотрѣть двояко. Во первыхъ, она отражаетъ въ себѣ геній города Капитолійскаго и сельскія склонности гра-

Digitized by Google

жданъ его, съ ихъ патріотизмомъ и характеромъ, увлекавшимъ ихъ къ деревенскимъ удовольствіямъ; здѣсь поэзія сія изящна, благородна, оригинальна; но форма ея, всегда заемная, ложная, искуственная и вмѣстѣ ученая, безразсудно подражающая Грекамъ и особенно школѣ Александрійской, и сама исключительно занимающаяся передразниваніемъ формъ прошедшаго: вотъ что накидываетъ тѣнь на картину, сначала нами начертанную. Если прибавимъ къ сему, что Драматическая Поэзія болѣе всѣхъ другихъ была у Римлянъ заимствованною, кромѣ немногихъ идей Плавта, показывающихъ, сколько нибудь, геній Ателланъ, то увидимъ, каково было дурачество исключительныхъ классиковъ, избравшихъ образцомъ для подражанія именно Литературу Римскую, а не Греческую.

Другая причина худо понятаго подражанія древней Литературѣ заключается въ слѣпой довѣренности къ правиламъ Аристотеля. Энтузіазмъ къ нему, совершенно педантическій и въ существѣ своемъ показывающій невѣжество въ отношеніи къ сочиненіямъ Стагирита, перешелъ изъ школъ въ Литературу и сначала былъ принятъ въ Италіи, отечествѣ Академій, учрежденныхъ для умниковъ, въ силу Аристотелевой Піитики. Сочиненіе сіе было неизвѣстно въ средніе вѣка, но его, безъ всякаго понятія, употребили во зло, самымъ страннымъ и нелѣпымъ

Digitized by Google

образомъ, при возрожденіи въ Европѣ Греческой Литтературы. Аристотелевы Литтературныя предписанія, столь худо оцѣненныя и столь нелѣпо истолкованныя, сдѣлались Парнасскимъ уложеніемъ; древняя народная Поэзія была вездѣ называема варварствомъ; о Литтературномъ ученіи говорили, почно какъ будто о какомъ нибудь ученіи религіозномъ, и кто не повиновался законамъ онаго, тѣхъ, за дерзость, торжественно отчуждали отъ себя. Мнѣнія Аристотеля, перемѣшанныя съ сужденіями Горація и Квинтиліана, долго господствовали надъ Литтературою, даже послѣ того какъ Философія его была ниспровергнута Галилеемъ и Декартомъ. Всего забавнѣе, что насмѣхавшіеся надъ нимъ какъ надъ умствователемъ, часто расхваливали его какъ наставника въ Поэзіи, не подозрѣвая тѣсной связи между всѣми его ученіями.

Дошло до того, что даже величайшіе поэты, ослѣпленные школьнымъ предразсудкомъ, опытъ времени глубоко укоренившимся, не понимали ни природы своихъ благородныхъ созданій, ни источника своихъ вдохновеній. Они ошибались до такой степени, что дорожили нѣкоторыми схоластическими правилами, на слово принятыми за правила вкуса, болѣе нежели возвышенными мыслями, тревожившими ихъ почти противъ ихъ воли. Романтическій Петрарка презиралъ свои мастерскія произведенія, и всего болѣе любилъ

Digitized by Google

свои Лашинскія поэмы, въ наше время совершенно неизвѣстныя. Даже Камоэнсъ почти былъ увѣренъ, что прекраснѣйшая изъ эпическихъ поэмъ новаго времени должна быть славна не столько за героическій патріотизмъ, одушевлявшій автора ея, и богатство поэтическихъ красокъ, употребленныхъ имъ для своего предмета, сколько за соблюденіе нѣкоторыхъ правилъ, перенятыхъ имъ у творца Энеиды.

Тассъ былъ въ такомъ-же заблужденіи касательно своего Освобожденнаго Іерусалима, и это заблужденіе стоило ему очень дорого. Въ самомъ дѣлѣ, форма сего благороднаго произведенія, съ утомительнымъ трудомъ снятая съ образца Виргиліева, произвела разногласіе съ основаніемъ предмета и придала нѣкоторую холодность общему интересу, къ какому было-бы способно сіе сочиненіе, когда-бы Тассъ, не удержанный предшествовавшею оному схоластическою мыслью, совершенно предался природѣ своего предмета. Посему-то поэма его поддерживается болѣе своими многочисленными, великолѣпными эпизодами, нежели правильнымъ однообразіемъ цѣлаго. Но ни Камоэнсъ, ни Тассъ не обратили вниманія на главную ошибку Энеиды, и не устрашились внести ея въ свои сочиненія: Римлянинъ душою, Виргилій не зналъ, что дѣлать съ Греческою формою, въ какую противно разсудку заключилъ онъ предметъ, чуждый простымъ красотамъ и

Digitized by Google

колоссальнымъ размѣрамъ древняго Гомера. Въ Камоэнсѣ это желаніе подражать чужой формѣ не столько измѣнило основаніе предмета, и потому онъ есть возвышеннѣйшій и совершеннѣйшій изъ сихъ двухъ необыкновенныхъ поэтовъ, ибо онъ болѣе выполнилъ истинное дѣло поэта, облекши высокую мысль образомъ, совершенно приличнымъ ея природѣ. Но по мнѣнію новыхъ аристарховъ, менѣе правиленъ лучше выполнившій условія вкуса и искусства, и водворившій болѣе согласія между формою и основаніемъ своего предмета.

Вѣкъ Людовика XIV-го конечно сіяетъ живымъ и яркимъ блескомъ въ исторіи образованности. Въ этотъ вѣкъ основательно изучали древнихъ авторовъ, но, руководствуясь схоластическими предразсудками, не могли разсматривать ихъ съ надлежащею независимостію, и особенно не могли различать Поэзіи Грековъ отъ Поэзіи Латинцевъ. Не только равно удивлялись Гомеру и Виргилію, но ставили на одну черту Софокла и Эврипида, и даже присоединяли къ нимъ, въ нѣкоторой степени, тяжелаго, надутаго Сенеку. Можно сказать, что въ это время древніе были обожаемы болѣе суевѣрно, нежели разсудительно; въ нихъ равно покланялись живой оригинальности однихъ и блѣднымъ спискамъ, оставленныхъ намъ другими. Тогда еще не понимали, что истинную, самородную красоту въ

Digitized by Google

Латинскихъ поэтахъ составляетъ Римскій патріотизмъ и отечественныя, возвышенныя чувствованія Горація и Виргилія. Вниманіе великаго Корнеля было обращено преимущественно на внѣшнія формы древнихъ сочиненій. Одинъ Расинъ болѣе проникалъ глубину предметовъ и *чувствовалъ* древность, не понимая однакожъ ея вполнѣ. Посему у него болѣе нежели у другихъ находимъ согласія въ цѣломъ. Впрочемъ, знаменитѣйшіе критики показали уже не одинъ разъ, чего недоставало ему, дабы привести свои сочиненія въ совершенную гармонію.

Не будемъ удивляться заблужденіямъ, предразсудкамъ и всему *отрицательному*, въ сочиненіяхъ сихъ великихъ писателей, но станемъ достойно оцѣнивать то, что было въ нихъ *положительнаго*, оригинальнаго и совершенно имъ принадлежащаго. Не такъ думаютъ просто-людины-переписчики. Лишенные собственныхъ ощущеній, они подкрѣпляютъ себя заблужденіями великихъ людей, и создаютъ себѣ легкую мудрость, знаніе подражанія, правила, спасительныя для посредственности. Въ самомъ дѣлѣ, всего легче присвоить себѣ какую нибудь форму, потому что форма есть только внѣшность, которою выражается созданіе. Какъ скоро положено за правило, что такая-то внѣшняя оболочка мысли можетъ существовать безъ своей души, что она сама собою представляетъ уже обра-

Digitized by Google

зецъ идеальной красоты, для которой нѣтъ необходимости согласоваться съ какимъ нибудь духомъ, но обыкновенные писатели съ равною легкостью будутъ творить и въ классическихъ и въ романтическихъ формахъ: одни будутъ слѣдовать педантическимъ правиламъ школы, не вглядываясь въ нихъ присяльно, другіе вполнѣ будутъ предаваться фантастической, дневной модѣ.

По примѣру Сенеки, и съ такимъ-же плохимъ успѣхомъ, Триссинъ хотѣлъ воскресить въ Италіи форму Греческой трагедіи; но это подражаніе должно было оспаться и безъ жизни, одушевлявшей образцы онаго, и безъ того глубокаго смысла, какимъ были они запечатлѣны у древнихъ. Къ этому-то писателю, какъ къ истинному началу, Альфіери въ наше время приблизилъ Итальянскую трагедію, желая очистить ее отъ Французской вѣжливости и отъ наперсниковъ и наперсницъ, которыми театръ его народа былъ наполненъ изъ педантическаго подражанія великимъ образцамъ вѣка Людовика XIV-го. Но ни Триссинъ, ни Альфіери не могли возродить трагедіи, истинно классической, или существенно Итальянской, хотя первый писалъ правильно и изучалъ Софокла, а другой былъ одаренъ пылкостью выраженія, и, въ подражаніе Эврипиду, старался обрѣсти языкъ страстей, хотя и не могъ найдти его.

Древняя комедія также должна была возродить-

Digitized by Google

ся на новомъ театрѣ Итальянскомъ. Съ одной стороны, всеобъемлющій политическій умъ, великій цѣнитель практической мудрости Римлянъ, Государственный Секретарь Флорентійскій, съ другой Поэтъ, совершеннѣйшій образецъ сластливой смѣси шутливыхъ и воспорженныхъ тоновъ, ироническій до такой степени, что никакъ не льзя различить, гдѣ кончится его шутливость и гдѣ начинается важный тонъ, Макіавель и Аріостъ хотѣли воскресить Плавта и Теренція, также подражателей Аттической сцены, которой нравы и предметы были совершенно чужды общественнымъ привычкамъ Рима. Первый удачно изобразилъ явленія изъ современной жизни, но, вмѣстѣ съ другимъ, упалъ въ своей попыткѣ возстановить древнюю сцену. Примѣръ сихъ двухъ изящныхъ геніевъ не устрашилъ толпы подражателей, вскорѣ явившихся за ними во множествѣ.

Упомянувъ о неудачныхъ опытахъ Итальянцовъ въ Драматической Литературѣ, мы должны прибавить въ ихъ извиненіе, что они не знали генія своихъ народныхъ произведеній въ семъ родѣ, ибо имъ были извѣстны только фарсы, гротески и мистеріи, которые упонченный вкусъ высшихъ сословій предоставлялъ удовольствію толпы. Итальянская Поэзія достигла уже иногда такого высокаго совершенства въ другихъ отношеніяхъ, что свѣтскіе и ученые люди не могли сносить грубостей народной сцены и не хотѣли

Digitized by Google

унижаться до того, чтобы въ ней искать великихъ, разительныхъ чертъ, и на нихъ стараться основать искуство оригинальное, плодъ полнаго убѣжденія и совершеннаго познанія предмета. Но ничего подобнаго не льзя сказать въ пользу Испанца Лопеца де Вега и Англичанина Бена Джонсона, безразсудно презиравшихъ произведенія собственной своей Музы, какъ нѣкогда Петрарка презиралъ свои сонеты и хвалилъ только нѣжкія произведенія ложнаго и чужеземнаго вдохновенія, съ коимъ природное дарованіе сихъ двухъ писателей было въ основаніи своемъ несообразно.

Лопецъ де Вега имѣлъ способность писать съ величайшею легкостію и былъ исполненъ необыкновеннымъ поэтическимъ жаромъ; но онъ сочинялъ наскоро, не размышляя о природѣ предметовъ, и будучи побуждаемъ жить своею работою. Бенъ Джонсонъ болѣе стремился къ совершенству, но онъ примѣшивалъ къ искуству добрую долю педантизма, и, сверхъ того, не имѣлъ пріятнаго ума и нѣжнаго чувства. Оба сіи писателя, проповѣдывая слѣпое суевѣріе къ правиламъ, заученнымъ, на зло разсудку, въ Аристотелѣ, Горацію и Квинтиліанѣ, не думали отваживаться ни на одинъ, истинно классическій опытъ, дабы настоящимъ образомъ удовлетворить требованіямъ школы. Много разъ пытались обратить прочихъ внутренняго достоинства Романтической Литтературы признанія и предраз-

Digitized by Google

судки сихъ двухъ писателей. Особенно Испанецъ, меньше заботившійся о совершенствѣ произведеній своей Музы, болѣе осмѣивалъ ее и почиталъ искусство свое только безпутнымъ самоуправствомъ. Любопытно и вмѣстѣ грустно видѣть, какъ изящный талантъ не понимаетъ истинныхъ своихъ правъ на славу. Бенъ Джонсонъ не былъ столь легкомысленъ въ своихъ предразсудкахъ, но держался за нихъ съ большею опрятливостью и послѣдовательностью. Онъ въ поэмѣ лица писалъ комедіи и трагедіи, не такъ какъ Лопецъ, который импровизировалъ ихъ съ невѣроятною легкостью. Чѣмъ одинъ обладалъ съ излишкомъ, того недоставало другому.

Шекспиръ и Кальдеронъ занимаютъ средину между сими двумя способами писанія: они глубоко обдумываютъ и разсматриваютъ геній своего предмета, но создавъ его въ умѣ своемъ, излагаютъ легко и прелестно. Бенъ Джонсонъ однообразенъ, онъ желаніе быть послѣдовательнымъ въ изображаемыхъ имъ характерахъ и заставлять ихъ говорить всегда однимъ языкомъ страсти, прихоти или расположенія духа, обладающихъ ими: отселѣ происходятъ несносныя его повторенія. Но Шекспиръ обнимаетъ характеръ въ общности, олицетворяетъ его во всей полнотѣ и представляетъ существо дѣйствительно живое и поэтическое: это придаетъ дѣйствующимъ лицамъ его характеръ идеальный

Digitized by Google

и вмѣстѣ истинный. Бенъ Джонсонъ изучалъ древнихъ, и особенно Римлянъ; онъ видѣлъ, что въ ихъ театрѣ господствуетъ однообразіе въ направленіи духа героевъ трагическихъ и актеровъ комическихъ, и вотъ что почиталъ онъ совершенствомъ искусства! Здѣсь справедливо одно то, что Римская Драма нисколько не можетъ служить образцомъ. Если въ Греческомъ театрѣ лица развиваются въ одномъ направленіи характера, то это происходитъ отъ самой природы сего театра, имѣвшаго начало свое въ Поэзіи Лирической и духовной, и никогда совершенно не измѣнившаго въ трагедіи своего характера. Дѣйствіе въ немъ было всегда самое простое; продолженіе представляемыхъ предметовъ самое краткое; завязка весьма мало запутанная; ясно, что было-бы слишкомъ безразсудно переносить на такую ограниченную сцену разнообразіе побужденій, вслѣдствіе коихъ историческія лица дѣйствуютъ во время своего земнаго существованія. Это не была ни цѣлая жизнь, ни даже одна изъ характеристическихъ сторонъ существованія человѣческаго: на древней сценѣ должно было означать моментъ, особенно важный и торжественный, способный для проявленія правосудія боговъ и для показанія ихъ власти надъ судьбами земными.

У новыхъ, совсѣмъ другое. Хотя Бенъ Джонсонъ располагалъ свои пьесы въ совершенной симметріи, но тѣмъ не менѣе онъ старался выра-

Digitized by Google

зишь въ ихъ формахъ все разнообразіе, оживляющее театръ Шекспира, такъ что въ его комедіяхъ многообразіе положеній и сложные узлы завязки сбиваютъ съ толку, и, въ тоже время, однообразіе, постоянное направленіе характеровъ и однозвучный языкъ однѣхъ и тѣхъ-же страстей, утомляютъ.

Во Французскомъ театрѣ есть подобный-же недостатокъ, хотя и въ другихъ размѣрахъ. Если былъ когда-либо человѣкъ, лишенный сметливости и вкуса, то конечно это былъ Шекспировъ соперникъ, о которомъ идетъ рѣчь; но не льзя упрекать въ этомъ корифеевъ Французской сцены. Впрочемъ, если завязка въ ихъ пьесахъ всегда сложна, противно основанію древней трагедіи, служившей имъ образцомъ въ формѣ, то все она сложна гораздо менѣе нежели завязка въ драмахъ Бенъ Джонсона. Видно, что въ отношеніи къ сложности средствъ, употребляемыхъ во Французскомъ театрѣ, примѣръ Испанцевъ, которымъ сначала подражалъ великій Корнель, безпрерывно имѣлъ вліяніе на Французскихъ авторовъ. Но можно сказать, что ни одинъ изъ драматическихъ поэтовъ полуострова, не смотря на сложность завязки, которую они обыкновенно распутываютъ съ невѣроятною легкостью, ни одинъ изъ нихъ и никогда не влагаетъ въ свои пьесы столько движенія жизни, какъ Шекспиръ. Слѣдственно, принявъ пружины

Digitized by Google

Испанской сцены и упростивъ оныя, Французы не столько какъ Бенъ Джонсонъ подвергались опасности слѣдовать противъ природы вещей и впадать въ большія несообразности между событіями, совершающимися на ихъ сценѣ, и завязкою, служащею узломъ симъ событіямъ.

Такимъ образомъ, величайшій недостатокъ Французскаго театра состоитъ въ томъ, что завязка въ немъ бываетъ слишкомъ сложна, а выраженіе страстей однообразно и расположено риторически, такъ что страсти сіи несообразны ни съ изложеніемъ, ни съ запутанною мыслью Французской драмы. Отселѣ происходитъ нескладица подражанія древнимъ формамъ, лишеннымъ всего, что содѣлывало формы сіи существенными у Грековъ. При всемъ этомъ, вкусъ и смѣтливость великихъ Французскихъ поэтовъ всегда давали имъ безчисленныя средства пособлять чрезвычайно невыгодному своему положенію. Положеніе сіе было причиною безпрерывныхъ противорѣчій и несообразностей въ отношеніи къ самому предмету пьесъ и къ изложенію онаго противно той формѣ, въ какую хотѣли заключить оный.

Изъ сего выходитъ нѣчто условное и слѣдовательно ложное въ раздѣленіи явленій: дѣйствіе разсѣкаютъ, дабы превратить его въ разсказы; но вмѣсто народныхъ хоровъ, сего лирическаго содѣйствія трагическаго театра Грековъ, являютъ-

Digitized by Google

ся наперсники и наперсницы, обязанныя разсказывать великолѣпными словами происшествія, совершающіяся не на сценѣ. Пьесы Французскія слишкомъ коротки въ отношеніи къ тому, что совершается въ нихъ на словахъ и въ дѣйствіи, и неудобство сіе сильно тяготѣетъ на единствѣ времени. Мѣсто сцены избирается почти всегда противъ природы, и потому непремѣняемость мѣста столько-же условна у Французовъ, сколько естественна у древнихъ Драматиковъ.

Остается единство дѣйствія, существеннѣйшее, или, лучше сказать, одно существенное; но и то стѣснено упомянутою всегдашнею несообразностью, ибо двадцать четыре часа для предполагаемаго дѣйствія пьесы, такъ-же какъ непремѣняемость мѣста сего дѣйствія, ни сколько не ладятся съ завязкою пьесы. Такимъ образомъ, единство дѣйствія принимается въ матеріяльномъ, а не въ нравственномъ смыслѣ, и потому-то, столь разнообразныя пьесы Шекспира и Кальдерона, въ семъ отношеніи часто подлежатъ критикѣ менѣе нежели многія изъ лучшихъ произведеній Французской сцены.

Произведеніе искусства тогда только бываетъ совершенно и соотвѣтствуетъ своей цѣли, когда оболочка его не безобразна и не чисто условна, то есть, когда она не груба и не ложна. Единство времени и мѣста конечно есть преимущество, ибо оно увеличиваетъ простоту созданія трагическаго; но

Digitized by Google

должно, чтобы оно было естественно и болѣе въ нравственномъ, нежели въ физическомъ смыслѣ. Мнѣ кажется, что только одна *Аталія* не подлежитъ никакому осужденію, и возвышенное созданіе сіе ставитъ Расина на ряду съ Софокломъ. Ни одинъ предметъ, взятый изъ Исторіи Древней или Новой, не согласуется естественно съ единствами миѳологической сцены Грековъ, кромѣ однакожъ единства дѣйствія, потому что событія объемлются только въ общности своей и не имѣютъ никакой существенной цѣны, если ихъ разсматриваютъ въ тѣсномъ объемѣ.

Всякій предметъ историческій, по своему разнообразію, не можетъ быть несложнымъ. Совсѣмъ другое дѣло миѳологическіе предметы Эллиновъ, потому что они основываются на идеѣ, а не на событіяхъ: въ нихъ дѣйствія суть только внѣшняя форма, подъ которою скрывается внутренній смыслъ. Но предметы миѳологическіе не могутъ быть принимаемы нами за истину; слѣдственно намъ не льзя и подражать имъ непринужденно, и потому-то всѣ опыты сего рода въ новомъ театрѣ были неудачны, отъ недостатка вѣрованія, убѣжденія, или даже отъ непонятія басни поэта. Если даже и напомнятъ намъ, какъ то сдѣлалъ Гёте въ своей Ифигеніи, простоту и благородство древней сцены, то все это будетъ кабинетная, но не театральная пье-

Digitized by Google

са. Расинъ, при всей своей изящной разборчивости, вкусѣ, столь тонкомъ, и рѣдкой смѣлости, не могъ побѣдить трудностей, нераздѣльныхъ съ трагедіями, коихъ содержаніе заимствовано изъ древнихъ вѣрованій. Онъ лишаетъ ихъ истиннаго значенія; даже восхитительною гармоніею стиховъ своихъ, онъ удаляется отъ своего предмета и увлекаетъ его въ чуждую сферу.

Въ новомъ театрѣ однѣ только тѣ трагедіи, при сообразномъ выборѣ, согласуются съ тремя единствами древнихъ, которыя заимствованы изъ нашего вѣрованія и изъ Священнаго Писанія. Въ семъ случаѣ у насъ является тоже, что на Греческой сценѣ: не дѣйствіе, не событія составляютъ внутренній смыслъ драматическаго сочиненія, но идея, служащая имъ основаніемъ, которой они суть только необходимое выраженіе.

Предметы сіи, подобные предметамъ Эсхиловыхъ и Софокловыхъ драмъ, пріемлютъ Лирическую Поэзію, какъ нераздѣльную съ героико-духовною мыслію. Посему-то Аталія Расинова есть поэма, удивительно совершенная по основанію и формѣ сочиненія: въ ней все глубоко согласовано и приведено въ гармонію. Но не взирая на прелесть поэзіи, облекающей миѳологическіе предметы въ Расиновыхъ пьесахъ, не взирая на чудную глубокость пьесъ, коихъ содержаніе заимствовано имъ изъ Римской Исторіи, онъ не могъ

Digitized by Google

сдѣлать невозможнаго, когда надлежало сообразиться съ системою единствъ, непринѣнимою къ внутренней мысли и къ завязкѣ его трагедій. Впрочемъ, изъ всѣхъ Французскихъ великихъ драматовъ, объ одномъ Расинѣ можно сказать, что онъ умѣлъ повелѣвать сею трудностью, сколько то было въ его возможности.

Корнель, безъ сомнѣнія, есть одинъ изъ могущественнѣйшихъ геніевъ, когда-либо занимавшихся Драматическимъ Искусствомъ. Рыцарскій характеръ Сида, гражданскій и Римскій героизмъ его Гораціевъ, красоты всѣхъ родовъ, хотя и неправильно разбросанныя въ его многочисленныхъ сочиненіяхъ, достаточно показываютъ силу его генія и возвышенность мыслей. Но ни одинъ писатель, въ такой степени какъ онъ, не мучилъ своего ума, дабы осуществить формы, которыя были чужды ему. Онъ по собственной волѣ кладетъ себя на ложе Прокруста, и, какъ будто во время схоластизма, клянется Аристотелемъ, нисколько не понимая его и не проникая тайнъ искуства древнихъ. Онъ нигдѣ не изыскиваетъ причины правилъ, приводящихъ его въ такое замѣшательство, нигдѣ не даетъ себѣ отчета о ихъ сущности, но принимаетъ ихъ какъ высшій приговоръ школы, и старается, худо или лучше, примѣнить ихъ къ дѣлу.

Корнель былъ склоненъ къ аншипезамъ, не

Digitized by Google

только въ риторической части, но и въ общемъ устроеніи своихъ драматическихъ созданій. Сія наклонность, облекающаяся у Испанцевъ поэтическою краскою и такимъ образомъ скрывающая свою холодность и высокопарность, у Корнеля доведена до крайняго злоупотребленія: онъ ввелъ въ драму четвероствороннія завязки, которыхъ совершеннѣйшій образецъ находимъ въ Андромахѣ Расиновой. Но, на перекоръ симметріи его пьесъ, въ нихъ ничто не создано сообразно истинной природѣ искусства; въ нихъ тма противорѣчій и невѣроятностей. Не льзя довольно жалѣть, что сколь изящный геній самовольно лишилъ себя части своихъ средствъ, чтобы удовлетворить условнымъ правиламъ. Къ симъ помѣхамъ должно присовокупить дурной вкусъ, оказанный имъ въ томъ, что онъ избралъ Сенеку образцемъ трагическаго искусства.

Расинъ явилъ болѣе вкуса, нежели неукротимый Корнель, въ избѣжаніи сего страннаго сплетенія ошибокъ касательно Драматическаго Искусства; ему не удалось только избрать себѣ возвышеннѣйшаго путеводителя, чѣмъ Эврипидъ, котораго онъ обожалъ и за коимъ стремился къ своему идеалу. Греческій Авторъ имѣлъ даръ трогать душу и пробуждать благороднѣйшія ощущенія наши; но онъ употребилъ во зло свои драгоцѣнныя способности и основалъ многія свои пьесы на романической запутанности, совершен-

Digitized by Google

но оставивши путь, проложенный великими его предшественниками, и удалившись отъ истиннаго генія Эллинскаго театра. Онъ пустился въ софизмы и восклицанія; онъ заставлялъ звучать языкъ страстей въ такой силѣ, что вывелъ изъ границъ часть риторическую и сдѣлалъ главнымъ средствомъ, или принадлежностію, надъ основаніемъ или идеею, свойственною древней трагической сценѣ. Именно сего Поэта принявъ образцемъ, Аристотель поставилъ существенною цѣлію искуства не идеальную красоту творенія, но средство растрогивать и возмущать насъ однимъ изображеніемъ страстей. Конечно, не говоря высоко-истиннымъ языкомъ страстей, драматическій поэтъ будетъ холоденъ и несносенъ; но если онъ имѣетъ въ виду только сіе выраженіе, то забываетъ основную часть своего дѣла, забываетъ идею, дающую жизнь выраженію, и другую, не менѣе существенную часть, истину и идеальность характеровъ. Эврипидъ, умѣя извлекать слезы у зрителей и двигать души ихъ высокостію положеній, почти никогда не заботится объ основаніяхъ всякаго драматическаго сочиненія, необходимыхъ для удовлетворенія искуства и истины. Онъ безпрерывно выражаетъ страсти: даже самыя ораторскія средства, употребляемыя въ слезливой драмѣ новыхъ, иногда хороши для него въ достиженіи къ предположенной цѣли.

Мы уже видѣли, что Французскіе трагики не

Digitized by Google

поняли идеальнаго направленія Греческаго театра; но они не лучше постигли сей театръ и въ отношеніи къ развитію характеровъ. Сіи послѣдніе, у Эсхила и Софокла являются во всей древней наготѣ, какъ статуи Фидія и Праксителя: они совершенны по своимъ внѣшнимъ формамъ и повинуются великой мысли, двигающей ихъ душою. Сіи великіе геніи не думали представлять характеровъ отдѣльно и живописать ихъ, какъ говорится, естественно, или изображать во всѣхъ движеніяхъ, по Шекспировски; они хотѣли сдѣлать ихъ символами природы человѣческой, на которую нисшелъ, въ которую вселился благодѣтельный или злой духъ высшаго происхожденія, и оживляетъ ихъ: это человѣческія существа, возведенныя на степень божествъ, или, лучше сказать, божества, представленныя подъ формами человѣческими. Они чувствуютъ и дѣйствуютъ; они плачутъ и стенаютъ; они торжествуютъ и падаютъ, какъ существа нашего рода; но въ нихъ всегда замѣтно нѣчто великое и спокойное, обличающее ихъ происхожденіе. Колоссальное и смѣлое Эсхила, сдѣлалось истинно изящнымъ въ Софоклѣ.

На Французской сценѣ (чему свидѣтельствомъ можетъ служить самъ Расинъ, избравшій путеводителемъ своимъ Эврипида, но, впрочемъ, избѣгнувшій его софизмовъ и честолюбивыхъ восклицаній), характеры суть не иное что, какъ оли-

Digitized by Google

цевороченныя страсти. По этому уже они принадлежатъ къ риторическому роду: они всегда на сценѣ; они облекаются въ одно чувство, съ необыкновенною силою и выдержаннымъ благородствомъ разговора. Но не льзя сказать, чтобы это были дѣйствительно характеры: имъ не достаетъ чего-то изъ идеальной природы и символическаго значенія, бывшаго удѣломъ ихъ на Греческой сценѣ; имъ не достаетъ также и высокой, полной истины, которою отличаются они въ театрѣ Шекспировомъ. Правда, что въ изображеніи раждающагося тиранства Нерона и домашнихъ несчастій Митридата, Расинъ забылъ свой обыкновенный родъ: онъ представилъ отдѣльные характеры, а не живописалъ однѣхъ страстей. Онъ и успѣлъ создать два великія, мастерскія произведенія: однакожъ, чувствуешь, что могъ-бы онъ извлечь изъ сего воззрѣнія на предметы, если-бы послѣдовалъ ему совершенно, со всею полнотою своего дарованія. Сей прелестный писатель, при своемъ тонкомъ наблюденіи нравовъ, особенно могъ-бы водворить на Французской сценѣ историческую трагедію, и, въ тоже время, какъ поэтъ пламенно вѣрующій, онъ былъ-бы предназначенъ утвердить на ней трагедію религіозную, если-бы глубже проникъ въ тайну своего призванія и лучше понялъ существенный характеръ искусства древнихъ, въ отношеніи къ тому, что могло и долженствовало быть у новыхъ.

Digitized by Google

Корнель, всю свою жизнь, съ непоколебимою искренностью трудился, такъ сказать, въ поте лица, надъ усовершенствованіемъ своего искусства. Въ Расинѣ было столько-же ревности и убѣжденія, но болѣе смѣтливости и вкуса. Вольтеръ, съ своей стороны, пользовался сценою для того только, чтобы блистать на ней своимъ дарованіемъ или проповѣдывать свои мнѣнія, и то болѣе какъ самолюбецъ и[1] начальникъ секты, нежели какъ художникъ и поэтъ. О немъ можно сказать, что онъ никогда не разсуждалъ глубокомысленно объ искуствѣ и совершенно подражался своему естественному стремленію чувствъ. Къ счастію, оно иногда вдохновляло его удивительно счастливо, если ему случалось избирать предметы рыцарскіе и покоряться религіознымъ чувствованіямъ, которыя впрочемъ онъ обыкновенно старается исказить. Ему также удалось изобразить величіе Рима въ Брутѣ, гдѣ Вольтеръ видимо борется съ геніемъ Корнеля, такъже какъ въ другихъ случаяхъ онъ усиливается подражать Расину, то есть быть сладостнымъ, нѣжнымъ и гармоническимъ. Въ Вольтерѣ всѣ недостатки Эврипида, еще увеличенные новымъ софистическимъ духомъ. Нѣкоторыя пьесы его суть не иное что, какъ одна длинная тирада, составленная изъ пропиву-религіозныхъ мыслей: поэтъ высказываетъ ихъ, никогда не отваживаясь входить въ историческое основаніе своего предмета.

Digitized by Google

Его Магометъ служитъ сему доказательствомъ. Не льзя болѣе ошибиться въ истинномъ назначеніи искусства.

ИЗМАИЛЪ АЛІЕВЪ,

КНЯЗЬ МАНГАТОВСКИХЪ НАГАЙЦОВЪ.

(Отрывокъ письма изъ Прочно-Окопской крѣпости).

. . . Съ пріѣзда моего, 1827 года въ Маѣ мѣсяцѣ, въ Прочно-Окопскую крѣпость, я познакомился съ жившимъ въ аулѣ за Кубанью, верстахъ въ семи отъ крѣпости, при самомъ Усть-Урупѣ, Нагайскимъ Княземъ *Измаиломъ Аліевымъ*, Россійской службы Поручикомъ; родъ его называется: *Мангатовскій*, ибо Нагайцы, хотя и составляютъ племена одного народа, но раздѣлены между собою по родамъ, какъ-то: рода *Капчатскаго*, *Мангатовскаго*, *Наурузовскаго* или *Новрузовскаго*, *Келимбетскаго* и *Карамурзинскаго*; другіе Закубанцы называли Измаила за просто, по матери: *Измаиломъ Маріевымъ*. Онъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати семи, средняго роста, широкъ въ плечахъ, съ прекрасною таліею, довольно большою головою; рубецъ отъ удара шашки былъ

Digitized by Google

у него на лѣвой брови; лицо его было круглое, каріе глаза, небольшая, всегда подстриженная, черная борода, и усы небольшіе, самый употребительный, полукруглый носъ, жилистыя руки и красивыя маленькія ноги; пріятная улыбка и плавный разговоръ заставляли забывать, что онъ худо говоритъ по Русски.

Мнѣ разсказывали, что прежде былъ онъ злѣйшій непріятель Рускихъ, и въ сраженіяхъ съ нами получилъ нѣсколько ранъ, ибо вездѣ въ битвахъ бывалъ впереди, тамъ, гдѣ предстояло болѣе опасности. Однажды, когда Генералъ-Лейтенантъ Вельяминовъ, бывъ въ экспедиціи за Кубанью, отдѣлился отъ отряда съ малою свитою, Измаилъ, съ нѣсколькими товарищами, кинулся на него и вогналъ его въ самый отрядъ; только быстрота лошади могла спасти Генерала. Разными убѣжденіями склонили Измаила переселиться къ Кубани и сдѣлаться преданнымъ Россіи. Съ тѣхъ поръ во многихъ случаяхъ оказывалъ онъ приверженность свою нашимъ кордоннымъ командирамъ, Полковникамъ: Коцыреву, Князю Бековичу-Черкаскому, Князю Чавчевадзе, и самому Генералу Вельяминову, за что получалъ разныя награды, былъ по представленію Вельяминова именованъ Поручикомъ, съ полученіемъ въ престь жалованья по 103 р. 50 коп.

Въ 1827 году Измаилъ всегда извѣщалъ насъ о Закубанскихъ сборищахъ (даже скакалъ од-

Digitized by Google

нибудь со мною, собрать болѣе ста Нагайцевъ, въ погоню за хищниками, которые на Горькой рѣчкѣ похитили четырехъ Калмыцкихъ мальчиковъ и нѣсколько лошадей). Гассанъ, Паша Анапскій, нѣсколько разъ напрасно требовалъ его къ себѣ, имѣя во власти своей одну жену Измаила (онъ былъ женатъ на двухъ), съ однимъ онъ изъ сыномъ; иногда уже предполагали мы всѣ разрывъ съ Портою, и всѣхъ Закубанцовъ Турецкіе чиновники тайно приводили къ присягѣ противъ насъ; но Измаилъ оставался вѣрнымъ Россіи, и въ самомъ началѣ 1828 года, коль скоро увѣдомился объ умыслахъ Турковъ достовѣрно, объявилъ намъ.

Въ 1828 году, при всѣхъ движеніяхъ нашихъ за Кубанью, онъ былъ вмѣстѣ съ нами, участвовалъ въ битвахъ и походахъ, какъ Рускій, словомъ и дѣломъ. Три счастливыя экспедиціи, сдѣланныя однимъ нашимъ Генераломъ, о которыхъ мнѣ нѣкогда теперь говорить много, успѣхомъ своимъ были обязаны стараніямъ Измаила.

За Кубанью онъ неотлучно находился при Генералѣ и спалъ всегда вмѣстѣ съ нимъ; переносилъ всѣ труды хладнокровно; въ пищѣ и питьѣ всегда былъ умѣренъ; свинины никогда не ѣлъ, и она была ему отвратительна; водку онъ пилъ, но очень мало, и вина тоже; любилъ преимущественно выпить рюмку бѣлаго, а краснаго вина вовсе не пилъ.

Digitized by Google

Въ послѣднемъ зимнемъ Закубанскомъ походѣ, въ которомъ мы находились съ 9-го Ноября по 15-е Декабря 1828 года, часто случалось, что расположась биваками на вершинахъ рѣчекъ: Пасеки или Фарзъ, или за Бѣлою рѣкою, сидя съ Измаиломъ подлѣ костра дровъ, поправляя огонь и опрягивая съ нашихъ бѣлыхъ баяликовъ и косматыхъ бурокъ падающій хлопьями снѣгъ, мы разсказывали другъ другу о прошедшемъ, судили о настоящемъ и мечтали о будущемъ. Слушая мои разсказы о величіи Россіи, Измаилъ удивлялся, но вѣрилъ, и смѣялся надъ Черкесами. «Что, » говаривалъ онъ мнѣ, «знаешь братъ: они дураки «все; вѣдь они думаютъ, что на Линіи и вся «Россія заключается. Эхъ! ты не знаешь, какой «это Горскій народъ: все воръ!» Часто осуждалъ онъ нерѣшительность мѣръ нашихъ, даже иногда, но весьма рѣдко, обнаруживалъ свои мысли о покореніи всѣхъ Черкесовъ Горскихъ, и мечталъ, что собравъ сотни три Нагайцовъ и получивъ въ помощь часть Казаковъ, онъ одинъ можетъ отплатишь за всѣ разбои Черкесскіе.

Надобно сказать, что всѣ не преданные нашъ Черкесы, особливо занимающіеся хищничествомъ, ненавидѣли Измаила смертельно; многіе изъ родственниковъ называли его *Гяуромъ*, *Рускимъ*, *христіаниномъ*, *крещенымъ*; даже нѣсколько разъ подсылали убить его, но между тѣмъ всѣ уважали Измаила, ибо храбрость есть для Гор-

Digitized by Google

ца такая добродѣтель, что Черкесъ уважаетъ ее въ самомъ врагѣ своемъ, а Измаилова храбрость была всѣмъ извѣстна, по прежнимъ его дѣламъ противъ Рускихъ, ибо Измаилъ никогда не выходилъ изъ сраженія безъ того, чтобы онъ самъ или лошадь его не были ранены. Часто говорилъ онъ: «Генералъ мнѣ не всегда вѣритъ; «но Черкесы мои непріятели, они меня убьютъ: «тогда повѣрятъ мнѣ ваши, да для меня бу«детъ поздно.»

Иногда, видя меня грустнаго, онъ клалъ на плечо мое правую свою руку, и говорилъ мнѣ: «*Саборъ*!» Потомъ, прикладывая указательный палецъ руки къ губамъ своимъ, продолжалъ: «*тюбе сары алтынъ*,» то есть: *терпѣнье все преодолѣетъ*. Когда кто-нибудь хвалилъ платье его или оружіе, онъ всегда отвѣчалъ хладнокровно: «*Ни якши, ни яманъ, а средня рука*, т. е., *ни хорошо, ни худо, а посредственно*.

Я составилъ поговорку на Нагайскомъ языкѣ и Измаилъ всѣмъ твердилъ ее: *Акъ падишахъ улькянъ солъ колмынанъ куньгя етаде онъ колмынанъ айды сыхады* (великъ Бѣлый Царь: лѣвою рукою до солнца достигаетъ, а правою луну сжимаетъ), намѣкая тѣмъ на войны Персидскую и Турецкую. Эта поговорка чрезвычайно нравилась Измаилу; онъ многократ-

не позволялъ ее, когда шла рѣчь о величіи нашего Государя.

Часто, бывши вмѣстѣ при перестрѣлкахъ, послѣ или предъ оными, я говаривалъ ему: «Убьютъ—ничего; но прошу Бога, чтобы смертная рана моя была въ грудь, а не въ спину.»—Такъ, братъ! — съ веселою усмѣшкою и взмахивая правою рукою отвѣчалъ Измаилъ — шакъ, пускай съ переди, а то—*ятъ марра*!... будетъ спыдно!» Завладѣвъ какою нибудь добычею, когда другіе Князья и Султаны просили себѣ участка, Измаилъ никогда и ничего не просилъ. «Попроси у Генерала,» сказалъ я ему однажды, «ты видишь, что тотъ и тотъ просятъ.» — Какой людп! отвѣчалъ мнѣ Измаилъ, пожимая плечами, «нѣтъ, этого я не сдѣлаю; мнѣ спыдно, братъ!»

Кампанія 1828-го года кончилась; мы возвратились; Измаилъ представленъ былъ къ награжденію золотою медалью и Штабсъ-Капитанскимъ чиномъ. Представленіе пошло въ Декабрѣ; онъ ждалъ Январь и Февраль хладнокровно: ничего не было получено; Мартъ ждалъ съ нетерпѣніемъ: ничего не вышло! Наконецъ, все зазеленѣло и зацвѣло, но прелестный Апрѣль, роскошною новизною обновя природу, не веселилъ его. «Что?» говаривалъ онъ, «все пропало; ну, братъ, вотъ мнѣ моя рука, что я не пойду больше за Кубань! Какой тутъ народъ! Гдѣ дѣло, шакъ нашъ нѣтъ, а послѣ говорятъ много; ты самъ

знаешь ! » Онъ съ досадою умолкалъ, и пожавъ руку разставался съ нами.

Наступила Святая Недѣля; въ Прочный Окопъ мы ждали много гостей; Измаилъ спрашивалъ меня, какъ ему пріѣхать. « Всѣ Князья хотятъ: *Байрамъ хаиръ восенъ* (съ праздникомъ поздравить) Генерала. » Пріѣзжай одинъ на первыхъ дняхъ, говорилъ я ему, а они пускай послѣ. На завтракѣ у Генерала, кромѣ пріѣзжихъ изъ Ставрополя гостей, собралось военныхъ множество: командировъ полковъ и баталіоновъ, гусаровъ и артиллеристовъ, армейскихъ и казаковъ были полны комнаты; всѣ въ новыхъ мундирахъ, блестящихъ эполетахъ, новыхъ шарфахъ; у многихъ старыхъ штабъ-офицеровъ, бывшихъ въ походѣ 1812-го и слѣдующихъ годовъ, груди сіяли крестами и медалями. Вдругъ входитъ Князь Измаилъ. « Здорово ! » сказалъ ему дружески Генералъ, и повелъ его за руку въ гостиную, гдѣ представилъ дамамъ; онѣ хвалили щеголеватую опрятность одежды Измаила. На немъ была коричневаго сукна шапочка (*бюркъ*), съ соболинымъ околышемъ, черный шелковый галстухъ, машерчатый бешметъ (кафтанъ) тонкаго сукна, коричневаго цвѣта, черкеска (чекень), кругомъ обложенная серебряною, вышканною тесьмою, какъ бордюркою; такого-же сукна панталоны (шильваръ) и съ такими-же серебряными тесьмами по швамъ и кругомъ; Русскіе полусапожки;

Digitized by Google

на шелковицей, узенькой Черкесской поршуцеѣ, съ серебряными, подъ чернью и позолотою, пуговками и пряжечками, висѣла шашка (кильджанъ) съ серебряною рукояткою, чернью, позолотою и серебрянымъ шемлякомъ, знакомъ его Поручичьяго достоинства, въ черныхъ сафьянныхъ ножнахъ, по мѣстамъ серебряными шесьмами обложенныхъ. Измаилъ скромно вошедъ, поклонился нимало не замѣшавшись отъ блестящаго общества, и вступилъ въ приличный разговоръ, какъ человѣкъ, привыкшій къ обществу людей образованныхъ; но задумчивость и какое-то уныніе были на лицѣ его. На другой день праздника, по утру, напившись чаю, онъ одѣвался въ другой моей комнатѣ, когда къ нему влетѣлъ воробей. «Смотри!» закричалъ онъ мнѣ, «воробей!» — Не хорошо, Измаилъ, сказалъ я, притворяя дверь, и по нашему это худая примѣта; выкинь его вонъ и запри окно.—Упоминаю здѣсь объ этомъ случаѣ, потому, что Измаила этотъ случай поразилъ чрезвычайно. На третій день, сходивъ къ Генералу по утру, прежде меня, когда я не помню чѣмъ-то занимался, онъ вошелъ ко мнѣ и сказалъ: «Ну, я уже проснулся съ Генераломъ; мнѣ нечего больше дѣлать; пора домой!» — Что-жъ ты спѣшишь, позавтракай: сей часъ будетъ готовъ молоденькій баранчекъ, отвѣчалъ я, — «*Булмаръ* (пускай такъ)!» сказалъ Измаилъ, но все былъ печаленъ чрезвычайно. Ко мнѣ еще пришли гости;

Digitized by Google

подали закуску; лекарь *** ѣлъ съ большимъ аппетитомъ; барашекъ еще не поспѣлъ, и для медицинскаго аппетита дали голову поросенка. Измаилъ увидѣлъ ее и тотчасъ ушелъ въ другую комнату; замѣтивъ, что онъ обидѣлся, я старался его успокоить, говорилъ, что это подано не для него, а для нашего лекаря. «Ты знаешь, братъ, я тебѣ *кунакъ* (другъ, пріятель), а эта голова свинья, она мерзкая!» Сколько могъ, убѣдилъ я его, но никогда прежде не примѣчалъ въ немъ подобной спроцивности. Наконецъ принесли цѣлаго барашка на пропивнѣ. Измаилъ ѣлъ, хвалилъ, прибавилъ: «У насъ шашъ не умѣютъ,» выпилъ стаканъ Донскаго вина и хотѣлъ идти. Мы никогда съ нимъ не цѣловались, но тутъ, какъ нарочно, прощаясь, поцѣловались въ губы. У Черкесовъ этого нѣтъ въ обыкновеніи, и я самъ не знаю, какъ это случилось. Измаилъ тотчасъ ошправился. На другой день было у насъ шумно; карты и танцы занимали всѣхъ; передъ сумерками, мнѣ стало удивительно грустно: я отказался отъ картъ, не сдѣлалъ ни одного круга вальса, игралъ въ шашки и скучалъ. Ночь была прешемная; накрапывалъ дождь. «Теперь,» говорили мы, «у разбойниковъ ноги обуты, руки въ рабошѣ, и сердце не на мѣстѣ!»

Гораздо за полночь всѣ разошлись, и я, усталый, кинулся на свою постель. 18-го Апрѣля, чуть свѣтъ, входитъ ко мнѣ поспѣшно переводч

чикъ, съ Измаиловымъ узденемъ Якубомъ и Мурзою Абазою, сыномъ извѣстнаго старѣйшаго Нагайскаго Князя Маматъ Гирея Абулова. «Несчастье!» сказалъ испуганный нашъ Никитинъ: «Измаилъ— убитъ!...»

Не могу изъяснить, какъ пораженъ я былъ симъ печальнымъ и неожиданнымъ извѣстіемъ. Вотъ что мнѣ разсказали; и какъ все случилось.

17-го Апрѣля Измаилъ былъ у больнаго Князя Нагайскаго, Каплана, когда день уже вечерѣлъ; онъ сожалѣлъ о больномъ, и въ полголоса говорилъ окружавшимъ его, что не желалъ-бы такъ умереть, а хотѣлъ-бы, если Богъ дастъ, умереть отъ пули. Не успѣлъ онъ кончить сихъ словъ, какъ ему дали знать, что человѣкъ съ 20-ть хищниковъ напали на аулъ узденя его *Иги-Темира*, похитили самаго узденя, сына его и табунъ лошадей. Пока собрались и сѣли на лошадей въ погоню, хищники переправились черезъ Урупъ съ добычею, направляясь къ рѣчкѣ Синюхѣ. Лошади были на пастьбищѣ и Нагайцы на работѣ въ полѣ. Не болѣе осьми человѣкъ начали преслѣдовать хищниковъ. Молодые Князья Нагайскіе, два брата Абуловы, просили Измаила отстать и прислать имъ подкрѣпленіе, а сами вступили въ перестрѣлку съ разбойниками. Нападая и отражая, они проскакали верстъ 20-ть, и достигли Синюхи. Измаилъ не слушалъ ихъ, былъ съ ними, и когда у одного Нагайца подстрѣлили

лошадь, и на самого его напало нѣсколько Черкесовъ, потъ, выстрѣливъ изъ ружья, отмахивался шашкою и кричалъ о помощи; Измаилъ не могъ быть хладнокровнымъ зрителемъ, кинулся защищать; при его приближеніи Нагайцы не вытерпѣли и громко закричали: *Измаилъ, Измаилъ!* Услышавъ это, хищники сомкнулись кучею; уже наступала ночь, небо покрыто было облаками; только ружейные и пистолетные выстрѣлы освѣщали мѣсто битвы; одинъ изъ разбойниковъ, ѣздившій на бѣлой лошади, подскакалъ внезапно къ Измаилу, и въ упоръ выстрѣлилъ въ него изъ ружья; пуля, разбивъ верхушку мамонтовой рукоятки Измаиловой шашки, прошла ему на вылетъ въ животъ. «*Алла, Алла!*» дважды вскричалъ Измаилъ. Убійца, самъ пораженный своею удачею, оборачивалъ лошадь, чтобы скакать прочь, но Измаилъ направилъ бывшее въ рукахъ его ружье на разбойника, выстрѣлилъ ему въ спину, и убійца — палъ съ лошади мертвый! Столь былъ силенъ Измаилъ, что ружье свое еще закинулъ на спину; Абазъ Абуловъ, бывшій подлѣ него, поддержалъ его подъ руку и спросилъ: «Что съ тобой сдѣлалось?» — Я свое уже получилъ, отвѣчалъ онъ, сними съ меня ружье и не называй по имени, чтобы наши не пришли въ уныніе, а злодѣи мои не порадовались-бы моею смертію, и ободрясь не нанесли-бы вамъ пораженія. — Его отвели къ сторонѣ. Когда

Digitized by Google

хошѣли снять Измаила, то поддерживая его, не забопились о лошади, думая, что онъ еще держитъ за повода; но уже руки его ослабѣли, лошадь вырвалась изъ подъ него, и онъ упалъ на землю. Опъ ужасной боли Измаилъ вскричалъ громко нѣсколько разъ: *Алла! алла!* Его положили на разостланныя бурки. Извѣстіе о смерти его прекратило битву; Нагайцы окружили умирающаго. «Не жалѣю,» сказалъ имъ Измаилъ, «что умираю отъ пули; убійца мой не похвалится моею смертію: я взялъ свое; но болѣе доволенъ тѣмъ, что убитъ съ переди, а не съ зади,» и—онъ испустилъ духъ свой.

Таковъ былъ простой разсказъ очевидцовъ, за истину коего я могу ручаться. Пожалѣйте, что Рускіе лишились въ Измаилѣ друга и героя, а я добраго моего пріятеля.

Тѣло убійцы Измаилова, четыре съ сѣдлами непріятельскія лошади и вся добыча были отбиты его товарищами.

Начальникъ партій хищниковъ былъ богатѣйшій уздень Убыховскаго народа и храбрѣйшій изъ Горскихъ разбойниковъ, *Пиммавъ Бабуковъ*; онъ самъ убилъ Измаила и былъ убитъ имъ, какъ я сказалъ выше. Вожакомъ партій былъ бѣглый Кабардинскій Князь, Кучукъ Аджи-Гиреевъ, въ послѣднее время своими злодѣйствами прогремѣвшій по Линіи; онъ также смертельно равенъ

Digitized by Google

ылъ въ этой ошибкѣ, и, какъ говорятъ, отъ уки Измаила. Слѣдственно, и смертью своею Измаилъ оказалъ важную для Рускихъ услугу, избавивъ насъ отъ двухъ свирѣпѣйшихъ Горскихъ лодѣевъ. Послѣ Измаила осталась жена, Княгиня Таука-Тушай, женщина лѣтъ 20, которую онъ страстно любилъ, и два сына, изъ коихъ дному 4, а другому 2 года; въ горахъ у него остался одинъ сынъ, лѣтъ 8, о которомъ онъ мнѣ часто говорилъ съ удовольствіемъ: « Знаешь, рашъ, мальчикъ славный: умѣетъ Алкоранъ чипать, какъ эффендій; я его отдамъ Рускимъ; пускай въ Корпусѣ учится, чтобъ былъ человѣкъ! » Мать сего дитяти, первую жену, на которой женатъ былъ Измаилъ въ молодости, по обстоятельствамъ, онъ при жизни своей отдалъ за другаго въ замужство, и съ послѣднею женою жилъ почти по Европейски, въ совершенномъ согласіи. Онъ позволялъ мнѣ ее видѣть, но только самъ не бывалъ съ нею въ то время. Мнѣ случилось пить съ нею чай. Княгиня разливала, какъ слѣдуетъ образованной хозяйкѣ, но прибавляя всегда извиненія, что не умѣетъ хорошо наливать чай по Русски, и коль скоро оставалъ я, то и она изъ учтивости приподнималась: слѣды Азіятскаго гаремства.

Измаилъ былъ самый просвѣщенный между Закубанскими Князьями: онъ читалъ и писалъ хорошо по Нагайски и часто зналъ по Арабски;

Digitized by Google

послѣ него остался племянникъ, Мурза Эдигей Аліевъ, который воспитывался въ горахъ у Бисленеевскаго народа, былъ въ плѣну у Абезеховъ и недавно однимъ кунакомъ Измаила освобожденъ. Сей кунакъ, уздень Абезехскій, Мисеръ бей Безраоко, котораго я видѣлъ въ прошлую экспедицію нашу, съ честію прислалъ племянника Измаилова, подарилъ ему двухъ прекрасныхъ коней, двѣ пары плашья, полное двойное и весьма хорошее вооруженіе и одинъ панцырь, со всѣмъ приборомъ. Отправляя его, онъ извѣстился, что Горцы уже дрались съ Нагайцами: «Спупай!» сказалъ онъ юношѣ. «Измаилъ непремѣнно будетъ участвовать въ дракѣ, будетъ впереди другихъ, и въ жизни его не льзя быть увѣреннымъ; если онъ живъ еще, то скажи ему, что я не скоро къ нему пріѣду, но пусть будетъ онъ увѣренъ, что все, что только дѣлается между нашимъ народомъ, будетъ ему чрезъ посланныхъ моихъ извѣстно. Если-же Измаила уже нѣтъ болѣе, то я изъ памяти къ нему буду извѣщать обо всемъ тебя. Съ Измаиломъ хотя мы не тѣсно были соединены, но отцы наши были старые друзья!» Вотъ мнѣнія и чувства Черкесовъ.

Возвратившійся племянникъ, мальчикъ лѣтъ 14-ти, оплакалъ потерю своего дяди; но подвластные, видя его молодость, и теперь неутѣшно горюютъ о потерѣ своего владѣтеля. Съ ос-

Digitized by Google

корбленнымъ видомъ Эдигей однажды сказалъ имъ: «Неоцѣненна потеря вашего благодѣтеля и дяди моего, но для защиты вашей еще осталось вамъ я! Да, я теперь вижу, что мнѣ ничего болѣе дѣлать не должно, какъ быть столько предану Рускимъ, сколько былъ имъ преданъ дядя мой Князь Измаилъ, чтобы заслужить любовь Россійскаго Правительства и чрезъ то быть Кангатовцамъ надежною опорою. Измаилъ былъ у Рускихъ вожакомъ; но онъ только днемъ могъ указывать дорогу, и то до мѣстъ жительства Горцовъ; но я могу и въ самую темную ночь провесть Руское войско, въ самыхъ горахъ; мнѣ извѣстны не только дороги шамъ, но и самыя тропинки.» — Благодаримъ тебя, Князь, ошвѣчали старики, но кто насъ защититъ по нашимъ дѣламъ? Насъ никто не могъ обидѣть, нашъ законъ *шаріятъ* Измаилу былъ извѣстенъ лучше всякаго муллы и эффендія, а храбрость Измаила защищала отъ явныхъ нападеній; ты молодъ, Князь, поживи, и тогда увидишь, какъ трудно замѣнить намъ владѣльца нашего и благотворителя.

Всѣ Нагайскіе Князья собрались отдать послѣдній долгъ Измаилу; нашъ Генералъ также поѣхалъ почтить прахъ его, а вмѣстѣ съ нимъ были: Баронъ Розенъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Предсѣдатель областнаго Совѣта Полковникъ Войска Донскаго Залещинскій; Ку-

Digitized by Google

банскаго линейнаго полка командиръ, Подполковникъ Степановскій; Навагинскаго пѣхотнаго полка Подполковникъ Пиряшинскій; Маіоръ Фонъ-Зассъ; нѣсколько офицеровъ и конвойные казаки. Подъѣзжая къ аулу, мы услышали какой-то необыкновенный, смѣшанный шумъ, подобный говору лѣсовъ во время бури; въѣхавъ въ аулъ, мы могли уже различить голоса людей, крикъ, вопль, плачь и хлопанье въ ладоши. Невиданныя никогда Музульманскихъ похоронъ, признаюсь, я былъ пораженъ и изумленъ. На площадкѣ, противъ Измаиловыхъ саклей, стояли два его коня, одинъ свѣтло, другой темно-сѣрый; на каждомъ изъ нихъ надѣты были любимыя его сбруи и повѣшены полныя рыцарскія его вооруженія: панцыри, колчанки, сабли, калчаны съ стрѣлами, луки, и проч. Вокругъ находилась толпа женъ и рабовъ. Измаилова жена, сестра и другія женщины были въ шушъ, съ распущенными на лица волосами, такъ, что у нѣкоторыхъ волосы закрывали совсѣмъ лицо, какъ будто покрываломъ, въ странныхъ какихъ-то епанчахъ, съ обнаженными руками и босыми ногами. Вся эта многочисленная толпа, составши въ кружокъ около Измаиловыхъ лошадей, обращалась противъ теченія солнца, плакала, кричала, вопила, драла волосы, царапала себѣ лица и била въ ладоши; тоже дѣлали и рабы его, выкрикивая еще притомъ какой-то странный припѣвъ: *ай га!* — Поодаль стояла толпа людей

Digitized by Google

изъ сосѣдственныхъ ауловъ, подвластныхъ и пріѣхавшихъ на похороны; далѣе, передъ кунацкою Измаила, стояли старики; впереди ихъ были Князья и Султаны, въ глубокомъ молчаніи, съ печальными лицами. Кунацкая сакля Измаилова была пуста, обвѣшена его платьемъ, оружіемъ и напереди оной было повѣшено все то платье, которое находилось на Измаилѣ въ день его смерти; передъ домомъ жены его, обнесеннымъ высокимъ плетнемъ, обмыканнымъ терновникомъ, стояла толпа народа и Измаиловы дѣти. День былъ тогда весенній, теплый, даже жаркій. Когда мы пріѣхали въ аулъ, солнце надъ лѣсомъ и берегомъ рѣки Урупа склонялось къ западу, то погружаясь въ густыя, черныя, но рѣдчатыя облака, то выходя въ разсѣлины оныхъ, и мгновенно сверкая лучами, багровя окраины облаковъ и изливая какой-то тусклый, кровавый свѣтъ на печальную картину общей грусти, всѣхъ насъ поразившую. Жена Измаила, прекрасная, молодая женщина, съ распущенными, черными какъ смоль, длинными и густыми волосами, въ раздранной одеждѣ, съ плачемъ, стенаніями и воплемъ, казалась изображеніемъ отчаянія.

Можете вообразить, какъ сильно все это дѣйствовало на меня. Я сошелъ съ коня и молча подошелъ къ кунацкой саклѣ Измаила; узнавши меня, Нагайцы поднесли ко мнѣ малютку двухълѣтняго сына его; тутъ не могъ я болѣе выдер-

Digitized by Google

жалъ и заплакалъ самъ, какъ дитя. Взявъ въ руки висѣвшую при кунацкой Измаилову рубашку, изъ синей, клѣтчатой холстинки, пробитую насквозь пулею, и на которой запеклась благородная кровь Князя Измаила, я отиралъ ею слезы мои. Кровь Музульманская смѣшивалась съ слезами Христіанина.

Тѣло Измаила тогдо что было предано землѣ; мы поѣхали на могилу его, и поклонились праху героя Нагайскаго.

1 Мая 1829 года.
Прочный Окопъ.

ПСАЛОМЪ 34-й.

(Свободное преложеніе).

О, спаси Ты за меня, мой Боже!
Не выдавай меня врагамъ!
Съ мечемъ, съ щитомъ воздвигнись Самъ,
И врагъ меня не переможетъ!
Простри, Господь! Свое копьё
И имъ загороди дороги;
Запни ихъ дерзостныя ноги;
И мнѣ: « *Спасенье Я твоё* ! »
Скажи, Всесильный! для подкрѣпы;
А вы, въ змѣиные вершепы

Digitized by Google

Ползите, люпые! назадъ,
Какъ предъ весною зимній хладъ!...
Пусть Ангелъ Божій ихъ размахомъ
Меча незримаго разитъ;
Да побѣгутъ, какъ въ вихрѣ, съ прахомъ
Предъ бурей, желтый листъ бѣжитъ!
И тмой густой и скользотою
Ихъ грѣшный путь да будетъ имъ,
Чтобъ не ругались нищетою
И скудосиліемъ моимъ!
И имъ за то, что мнѣ, за кротость,
Надъ пропастью послали сѣть,
Её самимъ пятой задѣть
И врынуться въ свою-же пропасть!...
Тогда ликуй, душа моя,
О Богѣ—Спасѣ веееляся!
Тогда всѣ кости, оживяся,
Воскликнутъ: «Дивный! власть Твоя
«И сила всякой силы выше:
«Тобой страдалецъ бѣдный дышетъ,
«И, коршуны! изъ ихъ когтей
«Онъ вырванъ дланію Твоей!...»
Сошлись... сидятъ съ грозой и силой,
И я предъ ними въ тѣснотѣ.
Кичась, ругаясь сиротѣ,
Они хуляютъ мой видъ унылой.
Ихъ взоры на моихъ шагахъ;
И съ каждою моей ошибкой,
Уста ихъ движутся улыбкой
И радость искрится въ ихъ очахъ.
О, Боже, какъ они скрежещутъ!
Но долго-ль, Господи! все такъ?

Digitized by Google

Когда отрадные заблещутъ
Твои лучи въ сей страшный мракъ?
Когда запуганную душу
Отъ люшыхъ отведешь враговъ?...
Тогда безмолвность я нарушу,
И закипишъ къ Тебѣ любовь,
И, предъ собраніемъ великимъ,
Я вострублю Тебѣ хвалу!...
Пусшь пиръ даюшъ страсшямъ ихъ дикимъ,
Пусшь злоба ихъ куешъ хулу!..
О, какъ очами помаваюшъ,
Смотря лукаво на меня!
И, неповиннаго виня,
Они, съ угрозой, восклицаюшъ:
«Мы видимъ! видимъ! хорошо!....»
И Ты ихъ шакже видишь, Боже!
И взоръ Твой сшалъ грознѣй и сшроже:
Почшо надъ бѣдною душой
Они ругаюшся?... Возсшани!
Возсшани праведный на судъ!
Пускай Твои свяшыя длани
Уста хулишелей запрушъ,
Чшобъ не гласили, величаясь:
«Онъ, слабый, нами поглощенъ!»
Къ отцу съ молишвою кидаись,
Убогій Богомъ защищенъ!...
Гдѣжъ ихъ сплешенія? гдѣ козни?
Гдѣ злобой сыпыя сердца?....
А я въ разсвѣшъ и въ вечеръ поздній
Все славлю, все пою Творца!

Ѳ. Глинка.

Digitized by Google

ГЕТЬМАНСТВО.

(Украинская мелодія).

Булава, бунчуки
Не воскреснутъ для насъ;
Лишь поютъ старики,
Какъ Хмѣльницкій погасъ.

Ужь не будешъ, не будешъ въ Украйнѣ Богдана!
По лѣсамъ бунчуковъ, на конѣ, съ булавой,
Не скакать ужь ему предъ казачей толпой:
Схоронили Украйну мы въ гробѣ Гетмана.

Усачи казаки
Изъ дубовыхъ гробовъ
Не сберутся въ полки,
Не пойдутъ на враговъ!

Вы сокрылись, сокрылись блаженные годы!
Табуны не пасутся въ зеленыхъ лугахъ,
Запорожцы не скачутъ въ обширныхъ степяхъ,
И лишь память осталась бывалой свободы.

Бандуристы поютъ
О святой старинѣ;
Но Поляковъ не бьютъ
Казаки въ Чигринѣ.

И какъ крупная капля съ небесъ дождевая
При началѣ грозы заскользитъ по листамъ,
Изъ очей старика по звенящимъ струнамъ
Задрожавши слеза покатится сверкая.

Digitized by Google

Хороводы дѣвицъ
Соберутся къ пѣвцамъ;
Отъ плѣнительныхъ лицъ,
По груди, по плечамъ

Темнорусыя кудри волнуются, вьются:
Но тоска, какъ туманъ, въ ихъ очахъ голубыхъ,
За Украину сердце трепещетъ у нихъ,
Собираются слёзы и градомъ польются.

Ник. Маркевичъ.

КЪ НЕЭРѢ.

Quid prodest cœlum votis implesse, Neæra,
Blandaque cum multa thura dedisse prece?

Tibul. Eleg. 3. Lib. III.

Почто обѣтами обременять боговъ,
И, тучный ѳиміамъ куря предъ алтарями,
Просить у нихъ себѣ великолѣпный кровъ,
Гдѣ-бъ мраморный помостъ я попиралъ ногами?
Зачѣмъ просить у нихъ, чтобы поля мои
Всегда обильныя мнѣ жатвы приносили?
Привыкъ я умѣрять желанія свои:
Лишь объ одномъ я ихъ молю, чтобы судили
До старости дожить, Неэра, мнѣ съ тобой,
И чтобъ въ послѣдній часъ, въ сей часъ уничтоженья,
Съ тобой простясь на вѣкъ, я челнъ мой роковой
Направилъ безъ тебя къ брегамъ рѣки забвенья.
Что пользы мнѣ имѣть сокровищей соборъ,
Отягощать воловъ безплодными трудами?

Digitized by Google

Къ чему мнѣ пышный домъ, гдѣ-бы встрѣчалъ мой взоръ
Подъѣздъ, украшенный Тенарскими столбами?
На что сады, къ чему тѣнистыхъ рощей видъ,
Изображеніе лѣсовъ густыхъ, священныхъ?
Ни мраморъ, ни порфиръ меня не усладитъ,
Ни прелесть дивная корнизовъ позлащенныхъ.
На что мнѣ перлы, дань Эритрейскихъ береговъ,
И шерсть, упитанна Сидонской червленицей?
Дивится чернь красѣ и блеску сихъ даровъ,
Но зависть слѣдуетъ владѣльца за гробницей...

Неэра! при тебѣ и бѣдности я радъ,
А безъ тебя царей сокровищъ не желаю.
Настань, приди скорѣй, о день моихъ отрадъ,
Свиданья день! тебя съ восторгомъ ожидаю.
Но ежели Амуръ, не внявъ мольбѣ моей,
Обѣты презритъ всѣ и не сверщитъ желанье,
Тогда всѣ почести, тогда вѣнцы царей,
Пакшола золото мнѣ скудно воздаянье.
Пусть ищетъ ихъ другой; мнѣ-жь благо на земли
Съ тобою вмѣстѣ жить въ смиренной самой долѣ.
Юнона! искреннимъ мольбамъ моимъ внемли,
Услышь покорнаго твоей могущей волѣ.
Когда-же Парками мнѣ воспрещенъ возвратъ,
Тогда пусть Оркъ туда скорѣе призываетъ,
Гдѣ воды скованны недвижимо стоятъ,
Гдѣ вѣчный мракъ, куда лучь дня не досягаетъ.

А. Кіреевъ.

Digitized by Google

УНИЧТОЖЕНІЕ.

(*Видѣніе*).

Всякая любовь вѣруетъ въ два безсмертія: свое собственное и чужое. Если она можетъ страшиться, что когда нибудь кончится, то она уже кончилась. Сердцу все равно, погибаетъ-ли любовникъ, или только любовь его. Сомнѣвающійся въ нашей вѣчности, когда на вѣки разрушается прекрасное сердце—чтобы опять любить его—по крайней мѣрѣ его совершенству завѣщаетъ вѣчную жизнь въ бытіи высшемъ и опять находитъ любовника, сокрытаго подъ холодною землею, въ разоблаченномъ созвѣздіи небеснаго міра.

Человѣкъ—который всегда вопрошаетъ слишкомъ рѣдко себя и слишкомъ часто другихъ—хранитъ внутри себя не только свои наклонности, но даже и свои мнѣнія, которымъ прошивныя онъ избираетъ въ дѣлахъ, до тѣхъ поръ, пока могучія потрясенія Судьбы или Поэзіи не раскроютъ предъ нимъ со всею силою тайной глубины его внутренности. Вотъ почему такъ легко съ хладнокровіемъ читаешь заглавіе этой статьи, не принимая и не желая уничтоженія; но мы трепещемъ, когда сердце наше вскрываетъ намъ суровый остовъ предубѣжденія, когда

Digitized by Google

узнаемъ, что земля, гдѣ мы всѣ хотимъ спокойно приникнуть усталыми главами, есть только обширное мѣсто казни для бѣдныхъ, изможденныхъ преступниковъ, когда выводятъ ихъ—изъ темницы. Тогда-то—и какъ часто—жаромъ сердца, воспламеняется свѣтъ во мракѣ черепа, какъ второй электрическою искрой, направленною въ грудь, возвращается жизнь организму, пораженному прежде въ голову (*).

Безъ надежды, въ злой гнилой горячкѣ лежалъ Оппомаръ въ послѣднемъ домѣ на краю деревни, ошкуда видно было поле сраженія, покрытое трупами, еще не преданными землѣ. Каждую ночь въ его жаркомъ, страждущемъ сердцѣ адскою бездной клубилась воспаленная кровь и рисовала ужасные образы въ разстроенной душѣ его; черный, бурный потокъ крови отражалъ ему и мрачное, блуждающее небо, и сокрушенные образы и раздирающія воздухъ молніи. Когда-же возвращалось освѣжающее утро, когда змѣиный ядъ жестокой болѣзни истекалъ изъ удрученнаго его сердца, тогда свирѣпствовала предъ нимъ неподвижная гроза войны въ непрестанной молніи и громовыхъ ударахъ; и ея кровавые, искаженные образы, какъ трупы, вставали предъ нимъ въ ночныхъ картинахъ его воображенія.

(*) Реймарусъ новѣйшія. сочиненія относительно молніи.

Въ полночь, которую я хочу здѣсь описывать, болѣзнь его достигла крутой высоты перелома между гробомъ и жизнію. Глаза его были увеличительными стеклами въ зеркальной комнатѣ, уши—слуховыми трубами въ сводахъ, гдѣ тысячу разъ повторяются отголоски—приставникъ простиралъ предъ нимъ гигантскіе члены свои—пестрые узоры цвѣтнаго занавѣса ополосшѣли, побагровѣли, и подымались, и падали другъ на друга въ вихрѣ битвы; кипучій Сионъ схватилъ его въ непоняшныхъ мученіяхъ, и въ стонахъ и молніяхъ повлекъ его черезъ моря— и внизу, изъ глубины внутренности мѣлкіе, рѣзкіе призраки, которые преслѣдовали его еще въ горячкѣ младенчества, съ клейкими, холодными лапами жабы, выползали на шеплую его душу и говорили: « мы всегда тебя мучимъ ! » —

Вдругъ, когда померкшее сердце рвалось изъ палящаго жерла горячки, потолокъ комнаты покрылся желтымъ отраженіемъ близкаго пожара. Сухой, пылающій, полузакрытый глазъ его прикованъ былъ къ освѣщеннымъ, прозрачнымъ узорамъ занавѣса, которые развивались при отдаленномъ заревѣ. Мгновенно раздвинулся въ нихъ призракъ, съ мертвенно-блѣднымъ, неподвижнымъ лицомъ, съ устами блѣдными, съ бѣлыми бровями. Призракъ искалъ больнаго закрюченными, длинными рогами, которые выдвигались изъ пустоты глазныхъ впадинъ. Онъ наклонился ближе

Digitized by Google

и черные концы роговъ, какъ ледяныя жала, придвинулись, холодно навѣвая ему на сердце. Здѣсь повлекъ онъ его назадъ холоднымъ дыханіемъ, назадъ, чрезъ стѣны и утесы, и чрезъ землю: рога, какъ кинжалы, препепали на обнаженной груди Оттомара, и когда онъ повергнулся назадъ — міръ развергся предъ нимъ — нали обломки сокрушенныхъ горъ, развалины пылящихся утесовъ — и облака и мѣсяцъ растаяли въ низверженіи, какъ падающій градъ — и міры стрѣлами спустились на мертвенно-бѣлый призракъ, солнцы съ крутящимися вокругъ планетами поникли предъ нимъ въ медленномъ, тяжеломъ паденіи — и наконецъ посыпались потоки пепелу...

« Бѣлый призракъ, кто ты? » сказалъ наконецъ страждущій.—Если я назову себя, то тебя уже не станетъ, отвѣтствовалъ онъ, не отверзая устъ, и ни важность, ни веселіе, ни любовь, ни гнѣвъ не выразились на мраморномъ лицѣ его, и вѣчность протекла мимо его, и онъ не измѣнился. И призракъ поставилъ его на узкую тропу, сдѣланную изъ земли, которой посыпаютъ мертвыхъ. Тропа пролегала чрезъ кровавое море, изъ котораго выглядывали сѣдые волосы и бѣлые пальцы младенцевъ, какъ цвѣтки водяныхъ растеній, и покрыта она была воркующими голубями и влажными крыліями бабочекъ, и пѣснями соловьевъ и сердцами человѣческими; и призракъ разрушалъ все своимъ движеніемъ. Онъ

влекъ за собою длинное сѣрое покрывало, по кровавому пространству волнующееся, которое сдѣлано было изъ влажнаго полотна, полагаемаго на глаза умершихъ. Багровыя волны воздымались вокругъ смущеннаго страдальца; извивистый путь шелъ потомъ по холоднымъ, скользкимъ грибамъ, и наконецъ только по длинной холодной, скользкой эхиднѣ.

Онъ соскользнулъ — но вдругъ обхватилъ его вихрь, предъ нимъ распростерлась безпредѣльная, черная льдина, на которой лежали всѣ народы умершіе на земли, одеревенѣлые, замерзлые толпы труповъ—и глубоко внизу, въ бездонной пропасти, онъ вѣчностію звонилъ землетрясеніе маленькій ощетинившійся колокольчикъ: то былъ смертный колоколъ природы. — «Это-ли второй свѣтъ?» вопросилъ безутѣшный человѣкъ. Призракъ отвѣтствовалъ: «Второй свѣтъ во гробѣ, въ зубахъ червей.»—Человѣкъ смотрѣлъ, чтобы сыскать утѣшительное для себя небо, но надъ нимъ стоялъ твердый черный дымъ, широкій погребальный покровъ, который пропитанъ былъ между небомъ міровъ и этой темной, морозной пустотою природы — и груда развалившихся вѣковъ дымилась изъ пропасти, и дѣлала покровъ чернѣе и шире. И тогда краснымъ пѣнями пробѣжало по мрачному своду отраженіе падающаго горящаго міра, и вѣчный бурный порывъ огласилъ падающія стенанія.

Digitized by Google

« Мы страдали, мы надѣялись; и мы мучимся. — Всемогущій! не сокрой болѣе! »

Оппомаръ вопросилъ: « Кто ихъ тамъ сокрушаетъ? » — Я! отвѣтствовалъ призракъ — и повлекъ его подъ замерзшія полипы труповъ, подъ міры личинъ погибшаго человѣчества. Когда призракъ пронесся мимо одной бездушной пѣни, то изъ померкшаго глаза выступила у ней кровавая слеза, какъ выступаетъ кровь на трупѣ, когда приближается къ нему убійца. И безпрестанно далѣе проходилъ онъ чрезъ нѣмой печальный рядъ прошедшаго, чрезъ хрупкую цѣпь существъ, чрезъ поле битвы духовъ. Когда такимъ образомъ пронесся онъ мимо исплѣвшихъ сокращовъ его сердцу, въ которыхъ видны еще были слѣды погибшихъ надеждъ на вознагражденіе, мимо груды бѣдныхъ дѣтей съ нѣжными розовыми ланитами и съ заснувшею первой улыбкой, и мимо тысячи матерей съ заключенными въ гробы младенцами на рукахъ — и когда онъ увидѣлъ нѣмыхъ мудрецовъ всѣхъ народовъ съ ихъ пошухшими душами и съ пошухшимъ свѣтомъ вселенныя, которая подъ накинутымъ надъ ними покровомъ умолкаетъ, какъ пѣніе птицъ, когда закрываются ихъ клѣтки — и когда онъ увидѣлъ окаменѣлыхъ страдальцевъ жизни, безчисленныхъ мучениковъ до кончины ихъ смерти, и другихъ, разшерзанныхъ мгновеннымъ восторгомъ — и когда онъ увидѣлъ лица тѣхъ, которые умерли отъ радости, и у кото-

Digitized by Google

рыхъ умерщвившія ихъ радостныя слезы висѣли еще на рѣсницахъ — и когда онъ увидѣлъ всѣхъ благовѣстившихъ съ сокрушенными сердцами, гдѣ не было болѣе никакого неба, никакого Бога, никакой совѣсти — и когда онъ увидѣлъ еще падающій міръ и раздавались оттуда плачевные клики: « О! сколь суетны и сколь ничтожны жалобы и борьба, и испытанія и добродѣтель въ жизни; и когда отецъ его предсталъ потомъ съ чугуннымъ ядромъ, съ которымъ погружаются въ океанъ трупы умершихъ, и когда изъ сѣдыхъ рѣсницъ его выкатилась кровавая слеза: тогда воспламенило холоднымъ отчаяніемъ оледенѣлое сердце его: « Адскій призракъ! разрушай меня скорѣе; ибо вѣчно: живутъ только умирающіе и мы.—Живу-ли я еще, призракъ?»

Призракъ тихо повлекъ его къ предѣламъ вѣчно замерзающаго ледянаго поля. Во глубинѣ увидѣлъ онъ развалины щемящихъ расщерзанныхъ душъ животныхъ, въ высотахъ висѣли безчисленныя ледяныя скалы съ душами упавшихъ въ ничтожество изъ міровъ высшихъ, а пѣла умершихъ ангеловъ были не настоящіе лучи солнца, не продолжительные звуки, или неподвижныя благовонія. Только надъ разсѣлиной, близъ царства земныхъ мертвецовъ, спокойно на огромной ледяной существо, покрытое непроницаемымъ покровомъ и когда бѣлый призракъ пронесся мимо его, покровъ спалъ самъ собою—и предсталъ имъ ужа

Digitized by Google

шій Спаситель, безъ воскресенія, въ ранахъ приявшихъ имъ на крестѣ, изъ которыхъ точилась кровь, какъ скоро подошелъ бѣлый призракъ!

Оптомаръ упалъ на колѣна, смотрѣлъ на черный сводъ, надъ нимъ висѣвшій, и молился: «Всеблагій Боже! возврати меня опять на мою землю; пусть я еще буду мечтать о жизни!» И опять, при молитвѣ его, понеслись по смертному покрову изъ дымныхъ тучъ красныя, кровавыя пѣни низвергающихся міровъ. Тогда простеръ къ небу бѣлый призракъ, какъ руки, длинные рога свои и сказалъ: «Прежде низведу я землю, и тогда назову себя предъ тобою.»

И когда выше и выше воздымалъ онъ рога свои съ ихъ черными концами, вдругъ разверзлись свѣтомъ облака, раздѣлились, и быстро прокатилась къ низу наша крутящаяся земля, какъ будто пасть гремучей змѣи влекла ее къ себѣ. И между нѣмъ какъ несся обвитый облаками шаръ, пролился въ моря его кровавый и слезный дождь, ибо тогда свирѣпствовали на немъ война и муки.

Посѣдѣлая, пѣсная земля была прозрачна и близко катилась съ живыми, юными народами, въ виду оцѣпенѣвшаго — ось ея была длинная гробница, изсѣченная изъ магнита, съ надписью: Прошедшее; и въ сердцѣ ея дышалъ огненный шаръ, который растапливалъ ключъ этой гробницы. Ея цвѣтники и сады лилій была сырая пѣ-

Digitized by Google

сень; ея поля были зеленая кожа, по грязнымъ лужамъ растянутая; ея лѣса были мхи; острые хребты горъ, ее описывающихъ—зубчатое колесо; часы ея не били, и время летѣло столѣтiями, и жизнь его не останавливала — видно было какъ росли тамъ люди, и загорали и вытягивались, потомъ сѣдые и толстые склонялись и падали; но они были довольны на землѣ. На нихъ въ среду безпечныхъ народовъ необузданно сыпались смертныя молнiи, то на теплое сердце матери, то на нѣжное, круглое чело младенца, то на холодную плѣшивую голову, то на горячiя розовыя лапицы. Но люди имѣли сладостныя утѣшенiя, умирающiе любовники, погребающiе и вопiющiе тихо наклонялись одни къ другимъ, друзья къ друзьямъ, родители къ дѣтямъ, и повторяли: мы только разлучаемся на время; послѣ смерти мы опять будемъ вмѣстѣ, и не разстанемся.

«Я хочу показать тебѣ,» сказалъ призракъ, «какъ они исчезаютъ подъ моей рукою.» И вдругъ одна гробница сдѣлалась прозрачною—въ мягкомъ мозгу разрушающагося тамъ человѣка, свѣтилось еще блестящее Я, облитое тиною, облеченное холоднымъ темнымъ сномъ и опорванное отъ разбитаго сердца. Оптомаръ воскликнулъ: «Живый призракъ, Я еще плится—кто подавляетъ эту искру?» И онъ отвѣтствовалъ: «Ужасъ! Смотри сюда!» Вдругъ разверзся сельскiй храмъ,

Digitized by Google

открылся свинцовый гробъ, и Оттомаръ увидѣлъ въ немъ, какъ тѣло его распадалось на части, какъ мозгъ его таялъ; но въ разверзшой головѣ не видно было ни одной свѣтлой точки. Тутъ призракъ оцѣпенилъ его и сказалъ: «Я извлекъ тебя изъ твоего мозгу—ты давно уже умеръ,»— и быстро схватилъ его, и разрывая его холодными, желѣзными рогами, шопотомъ говорилъ: «Трепещи, и умирай... я Богъ...»

Тогда низверглось солнце, обнимавшее собою все далекое небо, и растопило льдяныя пустыни и царство тѣней, и съ шумомъ покатилось по безконечной дугѣ своей, и рѣку свѣта пролило за собою, и разодранный эѳиръ долго потомъ гремѣлъ звукомъ безмѣрныхъ струнъ. Оттомаръ плавалъ въ эѳирѣ, облитый непроницаемой снѣжной пылью свѣта; иногда прорывалась въ бѣлой ночи молнія летящаго солнца, и сладкая прохлада вѣяла тогда вокругъ. Густой, широкій свѣтовой туманъ волновался подъ звуки эѳира, и волны его держали плывущаго. Туманъ палъ наконецъ въ свѣтовыхъ клочьяхъ, и Оттомаръ увидѣлъ лежащее вокругъ него вѣчное твореніе, надъ нимъ и подъ нимъ двигались солнцы, и каждое носило въ небѣ, на благотворныхъ лучахъ своихъ, цвѣтущую весну.

Разсѣянный туманъ свѣта далеко уже несся въ эѳирѣ, какъ молніеносное снѣжное облако, но смертный держался еще въ небесной синевѣ, на

Digitized by Google

волнахъ продолжительно разливающихся звуковъ: и вдругъ огласились они во всемъ безпредѣльномъ пространствѣ эѳира, какъ будто рука Всемогущаго пробѣжала по струнамъ творенія; во всѣхъ мірахъ отозвались они ликованіемъ; невидимо пронеслись возлѣ него міры блаженства, напоенныя всю полноту радостей; новые огни повѣяли въ солнцахъ; море жизни всколебалось, какъ будто угнетенное воздымающимся лономъ своимъ; пенной бурей взмелись и яркіе лучи, и цвѣты радуги, и звуки веселія, и облака розъ. Вдругъ стало тихо въ безпредѣльномъ пространствѣ, какъ будто природа замерла въ восторгѣ — и широкій блескъ пробѣжалъ по солнцамъ, по безднамъ, по блѣдной радугѣ млечнаго пути, по всей безпредѣльности, будто Вѣчный проходилъ чрезъ твореніе—и вся природа колебалась тихимъ волненіемъ, какъ волнуется сердце человѣка, готовое прощать. Тогда расторгнулась въ смертномъ его внутренность, какъ высокой храмъ, и въ храмѣ было небо, и въ небѣ образъ человѣческой, который смотрѣлъ на него солнечнымъ окомъ, полнымъ неистощимой любви. И онъ предсталъ ему и сказалъ: «Я вѣчная любовь! ты не погибнешь;» и укрѣпилъ трепещущее дитя, которое умирало отъ восторга. Смертный, сквозь горячія слезы радости тускло, узрѣлъ неизглаголанный образъ—близкое, теплое дыханіе растопило его сердце — и оно разлилось въ

Digitized by Google

чистѣйшей любви, въ любви безпредѣльной—и все твореніе, изнывая, близко шѣснилось ему въ сердце, и все существо его, и всѣ существа были одна единая любовь — и сквозь слезы любви природа являлась ему цвѣтущимъ лугомъ, и моря лежали въ ней темнозеленымъ дождемъ, и солнцы были огненной росою — и предъ яркимъ свѣтомъ Всемогущаго стоялъ, какъ радуга, міръ духовъ, и души, капая изъ тысячъ лѣтъ въ другія, отражали свѣтъ его во всѣхъ цвѣтахъ, и радуга не колебалась, и смѣнялись только капли, а не цвѣты.

Вселюбящій созерцалъ полное свое твореніе, и рекъ: « Я люблю все отъ вѣка—люблю червя въ моряхъ, младенца на землѣ и ангела въ солнцѣ. Зачѣмъ препепталъ ты? Не дана-ли тебѣ первая жизнь, и любовь, и радость, и кончина. Не живу-ль я въ твоемъ сердцѣ?» — И понеслись тогда міры ко храму высшему, и звучали ихъ колокола смерти, но священный звонъ ихъ былъ полонъ гармоніи, и не было пустоты безъ силы, и каждая смерть дышала успокоеніемъ.

Тогда думалъ блаженствующій, что темная земная жизнь его уже кончилась; но вдругъ поднялась изъ глубины облаками одѣянная земля, — и вызвала человѣка изъ земли, опять въ облака свои. Вселюбящій облекся опять вселенной. Но нѣкій свѣтъ лежалъ еще на длинномъ ледяномъ хребтѣ,

Digitized by Google

далеко за солнцами. Высокія ледяныя скалы таяли въ лучахъ его, поникшіе цвѣты неслись на распонявшуюся громаду, необозримая равнина, озаренная мѣсячнымъ свѣтомъ, далеко простиралась въ море вѣчности, и онъ увидѣлъ милліоны очей, взиравшихъ оттуда, полныхъ блескомъ радостныхъ слезъ, какъ полна имъ подъ солнцемъ весна, богатая теплымъ дождемъ своимъ—и сказало ему сердце, что это все ему родное, что это все, какъ мы, были люди, которые уже кончили вѣкъ свой.

Смертный быстро упадая на землю, съ воздѣтыми руками, съ молящимъ взоромъ смотрѣлъ все еще туда, въ небесную синеву, гдѣ явился душѣ его Безконечный—и тихой блескъ неподвижно стоялъ тамъ въ высотѣ. И когда вступилъ онъ въ душныя, но свѣтлыя еще, носящіяся надъ землею, облака, и когда разсѣкалъ ихъ своимъ полетомъ, неистощимый блескъ все твердо стоялъ въ эѳирѣ, только далѣе отъ катящейся планеты. . .

Когда-же ноги его коснулись нашей холодной земли, онъ очнулся; но неподвижный блескъ стоялъ еще на голубомъ западѣ: это было—солнце.

Больной былъ въ саду; первый, ужасный, ядовитый сонъ согналъ его съ постели—утро вѣяло свѣжестью—пламя горячки потухло—и онъ былъ здоровъ, а сердце наслаждалось величайшимъ спокойствіемъ.

Digitized by Google

И точно такъ, какъ мученія болѣзни родили въ немъ адскія, а побѣда природы небесныя видѣнія, и мучительный сонъ приближалъ минуту разрушенія, а усладительный велъ за собою здоровье: точно такъ и наши духовные сны, наши духовныя горячки не только воспаляютъ насъ, но и вмѣстѣ съ тѣмъ способствуютъ къ исцѣленію, и страшные призраки сердца исчезаютъ, когда мы излечаемся отъ нашихъ заблужденій.

И. Ср. — Кмшъ.

Исторія Государства Россійскаго (сочиненіе Н. М. Карамзина). СПб. томы I–VIII, 1816 года, IX, 1821 г., X, XI, 1824 г., XII, 1829 года (первые восемь томовъ напечатаны *вторымъ изданіемъ*, въ 1818 и 1819 годахъ).

Означивъ въ заглавіи статьи всѣ двѣнадцать томовъ *Исторіи Государства Россійскаго*, мы не хотимъ однакожь предлагать читателямъ нашимъ подробнаго разбора сего замѣчательнаго творенія, не будемъ слѣдовать за Творцомъ его подробно во всѣхъ отношеніяхъ, разсматривать Исторію Государства Россійскаго съ общихъ и частныхъ сторонъ, и Сочинителя оной, какъ Историка и Палеографа, Философа и Географа, Археографа и Изслѣдователя историческихъ матеріяловъ. Критика такого объёма не можетъ быть статьею журнала и потому уже, что огромностію своею превзошла-бы она предѣлы, которые должны быть полагаемы статьямъ изданій повременныхъ. Мы хотимъ толь-

Digitized by Google

ко вообще обозрѣть твореніе Карамзина, въ то время, когда *послѣдній* томъ сего творенія показалъ намъ предѣлъ труда, коего достигнулъ незабвенный для Россіи Писатель. Если журналы должны быть зеркаломъ современнаго просвѣщенія, современныхъ мнѣній, если они должны передавать публикѣ голосъ людей высшаго образованія, ихъ взглядъ на предметы важные, обращающіе на себя вниманіе, то, конечно обязанностью журналиста должно почесть сужденіе объ Исторіи Государства Россійскаго, основанное на выводахъ изъ разнообразныхъ мнѣній и на соображеніяхъ людей просвѣщенныхъ. Рѣшительно можно сказать, что не было прежде, и, можетъ быть, еще долго не будетъ, въ Литературѣ нашей другаго творенія, столь великаго, обращающаго на себя такое сильное, всеобщее вниманіе отечественной публики. Въ Европѣ сочиненіе Карамзина принято было съ любопытнымъ участіемъ, какъ представитель нашего просвѣщенія, нашихъ мнѣній о важнѣйшихъ предметахъ общественной жизни, нашего взгляда на людей и событія. Показать причины восторга, коимъ Русскіе читатели привѣтствовали трудъ Карамзина, холодности, съ какою отозвались Европейцы, узнавъ его въ переводахъ, и, руководствуясь мнѣніями критиковъ достойныхъ уваженія, означить степень, какую занимаетъ Карамзинъ въ Исторіи Современной Литературы, современнаго просвѣщенія, нашего и Европейскаго, означить заслугу его, оцѣнить права его на славу: вотъ цѣль нами предположенная.

Не думаемъ, чтобы благомыслящіе люди поста-

Digitized by Google

вили въ вину рецензенша его неизвѣстность и огромность славы шворенія, имъ разсматриваемаго. Мѣстничество въ литературѣ пора намъ изгнать, какъ изгнанъ сей гибельный предразсудокъ изъ гражданскаго нашего быша. Безпристрастіе, почтеніе къ человѣку, его достойному: шаковы обязанности, исполненія коихъ должна шребовашь публика ошъ критика, не только швореній Карамзина, но и всякаго явленія литературнаго; болѣе ничего. Негодованіе, съ коимъ публика, и — осмѣливаемся прибавишь—Сочинишель сей статьи, встрѣшили въ прошломъ году критику Г-на Арцыбышева на Исторію Государства Россійскаго, происходило ошъ неприличнаго шона, ошъ мѣлочничества, несправедливости, показанныхъ Г-мъ Арцыбашевымъ въ своихъ спашьяхъ. Напрошивъ: чѣмъ болѣе голосовъ, чѣмъ болѣе мнѣній, шѣмъ лучше. Мы должны истреблящь несчастную полемику, безславящую хорошаго литератора, должны предоставлящь ее шѣмъ людямъ, которые хотящъ сдѣлашься извѣстными, хотя-бы безславіемъ; но критика справедливая, скромная, судящая о книгѣ, не объ авторѣ, далека ошъ того, что многіе у насъ почитающъ критикою, шакъ далека, какъ небо ошъ земли. Критика есшь дыханіе литературы, и всякое покушеніе достигнушь критики дѣльной должно, по крайней мѣрѣ, бышь извинено людьми безпристрасшными.

Другое обстоятельство, гораздо важнѣйшее, можешъ защишь насъ. Спрашиваемъ: настало-ли для насъ время суждешй о Карамзинѣ? *Теперь* настало. Уже три года прошло, какъ всѣ земныя отно-

Digitized by Google

менія, всѣ личныя пристрастія, предубѣжденія погребены въ могилѣ незабвеннаго; осшались шолько его шворенія: наше наслѣдсшво неошъемлемое. Для насъ, *новаго поколѣнія*, Карамзинъ сущесшвуешъ шолько въ Исшоріи Лишшерашуры и въ швореніяхъ своихъ. Мы не можемъ увлекашься ни личнымъ пристрасшіемъ къ нему, ни своими сшрасшями, заставлявшими нѣкошорыхъ современниковъ Карамзина смошрѣшь на него невѣрно. Трудъ Карамзина совершенъ: каршина великаго художника предсшавлена намъ недоконченная, правда, но уже хладъ смерши оковалъ живошворную руку шворца, и мы, скорбя о пошерѣ, можемъ судишь о шрудѣ его, какъ о созданіи цѣломъ. Къ счасшію нашему, если Карамзинъ и слишкомъ рано умеръ для надеждъ нашихъ, шо, все многое имъ сдѣлано, и швореніе его сшоль-же важно, сколь огромно. Онъ не успѣлъ изобразишь намъ избавленія ошечесшва великимъ Мининымъ и славнымъ Пожарскимъ; не успѣлъ повѣсшвоваш царсшвованій крошкаго Михаила, мудраго Алексія, божесшвеннаго Пешра, дѣлъ великихъ и чудесныхъ, совершившихся въ шеченіе семидесяши слишкомъ лѣшъ, съ 1611 года (на кошоромъ онъ осшановился) по 1689-й годъ. Здѣсь хошѣлъ кончишь Карамзинъ свое швореніе, краткимъ очеркомъ изобразишь осшальную Исшорію Россіи, ошъ восшесшвія на пресшолъ Пешра Великаго до нашего времени, и указашь на будущую судьбу ошечесшва; но *будущее извѣсшно единому Богу*, сказалъ Карамзинъ, посвящая Исшорію свою Александру Благословенному, и мы при гробѣ Карамзина, слыша о предположеніяхъ его, могли по-

Digitized by Google

вторишь сіи слова. Не смотря на все это, Карамзинъ—повторимъ сказанное нами—многое успѣлъ исполнить по своему предположенію: онъ изобразилъ намъ событія Русской Исторіи за семь съ половиною столѣтій, преслѣдовалъ ее отъ колыбели Русскаго народа до возмужалости Русскаго Государства, сего дивнаго исполина вѣковъ. Мало для насъ, дорожившихъ славою Карамзина; довольно для славы его. Онъ успѣлъ вполнѣ развить таланть свой: далѣе онъ и не могъ уже шагнуть. Въ двѣнадцати томахъ Исторіи Государства Россійскаго *весь* Карамзинъ.

Время летитъ быстро; дѣла и люди быстро смѣняются. Мы едва можемъ увѣрить себя, что почитаемое нами настоящимъ, сдѣлалось уже *прошедшимъ*, современное *историческимъ*. Такъ и Карамзинъ. Еще многіе причисляютъ его къ нашему поколѣнію, къ нашему времени, забывая, что онъ родился *шестьдесятъ* слишкомъ лѣтъ тому (въ 1765 году); что болѣе 40 лѣтъ прошло, какъ онъ выступилъ на поприще литературное; что уже совершилось 25 лѣтъ, какъ онъ прекратилъ всѣ другія литературныя упражненія, и занялся только Исторіею Россіи, и, слѣдовательно, что онъ приступилъ къ ней *за четверть вѣка* до настоящаго времени, будучи почти *сорока* лѣтъ: это такой періодъ жизни, въ который человѣкъ не можетъ уже стереть съ себя типа первоначальнаго своего образованія и можетъ только не отстать отъ своего быстро [illegible] грядущаго впередъ вѣка, только слѣдовать за нимъ, и то напрягая всѣ силы ума.

Digitized by Google

Хронологическій взглядъ на литтературное поприще Карамзина показываетъ намъ, что онъ былъ Литтераторъ, Философъ, Историкъ *прошедшаго вѣка, прежняго*, не нашего *поколѣнія*. Это весьма важно для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, ибо симъ оцѣняются вѣрно достоинства Карамзина, заслуги его и слава. Различеніе вѣка и времени каждаго предмета, есть истинное мѣрило вѣрности сужденій о каждомъ предметѣ. Сіе мѣрило усовершенствовано математическимъ умомъ мыслителей нашего времени. Еще Древніе знали его, и Цицеронъ говорилъ, что могутъ быть non vitia hominis, sed vitia sæculi; но отъ того, что мнѣніе это было несовершенно, неполно, происходило множество ошибокъ въ сужденіяхъ.

Еслибы надобно было сравнивать съ кѣмъ-либо Карамзина, мы сравнили-бы его съ Ломоносовымъ. Карамзинъ шелъ съ того мѣста, на которомъ Ломоносовъ остановился; кончилъ то, что Ломоносовъ началъ. Подвигъ того и другаго былъ равно великъ, важенъ, огроменъ въ отношеніи къ Россіи. Ломоносовъ засталъ стихіи языка Русскаго смѣшанныя, неустроенныя; литтературы не было. Напитанный изученіемъ писателей Латинскихъ, онъ умѣлъ раздѣлить стихіи языка, привесть въ порядокъ, образовать первоначальную Литтературу Русскую, училъ Грамматикѣ, Риторикѣ, писалъ стихи, былъ оратором, прозаикомъ, историкомъ своего времени. Послѣ него до Карамзина, въ теченіе 25 лѣтъ, было сдѣлано весьма немного. Карамзинъ (замѣтимъ странную случайность: родившійся въ самый годъ смерти Ломоносова), образованный изученіемъ пис-

Digitized by Google

телей Французскихъ, проникнутый современнымъ просвѣщеніемъ Европы, которое было рѣшительно все Французское, перенесъ приобрѣтенное имъ въ родную почву, и сильнымъ, дѣятельнымъ умомъ своимъ двинулъ впередъ современниковъ. Подобно Ломоносову, чрезвычайно разнообразный въ своихъ занятіяхъ, Карамзинъ былъ граммашикомъ, стихотворцомъ, романистомъ, историкомъ, журналистомъ, политическимъ писателемъ. Едва-ли найдемъ какую-либо отрасль современной ему Литературы, на которую онъ не имѣлъ-бы вліянія: самыя ошибки его были поучительны, заставляя умы другихъ шевелиться, производя недоумѣнія, споры, изъ коихъ являлась истина.

Такъ дѣйствовалъ Карамзинъ, и послѣдствіе сего должно оцѣнять его подвиги. Онъ былъ безъ сомнѣнія *первый* Литераторъ своего народа въ концѣ прошедшаго столѣтія, былъ, можешь быть, самый просвѣщенный изъ Русскихъ современныхъ ему писателей. Между шѣмъ вѣкъ двигался съ неслыханною до того времени быстротою. Никогда не было открыто, изъяснено, обдумано столь много, сколько открыто, изъяснено, обдумано въ Европѣ въ послѣднія двадцать пять лѣтъ. Все измѣнилось, и въ политическомъ и въ литературномъ мірѣ. Философія, Теорія Словесности, Поэзія, Исторія, знанія Политическія—все преобразовалось. Но когда начался сей новый періодъ измѣненій, Карамзинъ уже свои подвиги вообще въ Литературѣ. Онъ начиналъ не былъ уже дѣйствующимъ лицомъ: одна мысль занимала его: Исторія Отечества;

ей посвящалъ онъ тогда все время и труды свои. Безъ него развилась новая Русская Поэзія, началось изученіе Философіи, Исторіи, Политическихъ знаній сообразно новымъ идеямъ, новымъ понятіямъ Германцовъ, Англичанъ и Французовъ, перекаленныхъ (retrempés, какъ они сами говорятъ) въ страшной бурѣ и обновленныхъ на новую жизнь.

Какое достоинство имѣютъ теперь для насъ сочиненія, переводы и труды Карамзина, исключая его Исторію? Только *историческое, сравнительное.* Карамзинъ уже не можетъ быть образцомъ ни поэта, ни романиста, ни даже прозаика Русскаго. Періодъ его кончился. Легкая проза Жуковскаго, стихи Пушкина выше произведеній въ сихъ родахъ Карамзина. Удивляемся, какъ шагнулъ въ свое время Карамзинъ, чтимъ его заслугу, почтительно вписываемъ имя его въ Исторію Литтературы нашей, но видимъ, что его Русскія повѣсти, не-Русскія; его проза далеко отстала отъ прозы другихъ новѣйшихъ образцовъ нашихъ; его стихи для насъ проза; его Теорія Словесности, его Философія для насъ недостаточны.

Такъ и должно быть, ибо Карамзинъ не былъ геній огромный, вѣковой: онъ былъ человѣкъ большаго ума, образованный по своему, но не принадлежалъ къ вѣчно-юнымъ исполинамъ Философіи, Поэзіи, Математики, жилъ во время быстраго измѣненія юной Русской Литтературы, такое время, въ которое необходимо все быстро измѣняется. Онъ увлекалъ современниковъ и самъ былъ увлеченъ ими.

Digitized by Google

Объяснивъ себѣ такимъ образомъ Карамзина, какъ Литтератора вообще, обращаемся къ его Исторіи.

Она заняла остальные *двадцать три года* жизни Карамзина (съ 1802 по 1826-й годъ): онъ трудился ревностно, *посвятилъ ей лучшее время своей жизни.* Но сталъ-ли онъ на ряду съ великими Историками Древняго и Новаго времени? Можетъ-ли его Исторія назваться произведеніемъ *нашего времени?*

Сравненіе его съ Древними и Новыми Историками, коихъ имена ознаменованы славою, мы увидимъ въ послѣдствіи; но теперь скажемъ только, что какъ самъ Карамзинъ вообще былъ писатель не нашего вѣка, такъ и Исторія его мы не можемъ назвать твореніемъ нашего времени.

Въ этомъ мнѣніи нѣтъ ничего оскорбляющаго память великаго Карамзина. Истинныя, по крайней мѣрѣ современныя намъ, идеи Философіи, Поэзіи и Исторіи явились въ послѣдніе двадцать пять лѣтъ; слѣдственно, истинная идея Исторіи была недоступна Карамзину. Онъ былъ уже совершенно образованъ по идеямъ и понятіямъ своего вѣка, и не могъ переродиться въ то время, когда трудъ его былъ начатъ, понятіе объ оном совершенно образовано, и оставалось только исполнять. Объяснимся подробнѣе.

Мы часто слышимъ слово: *Исторія*, въ смыслѣ запутанномъ, ложномъ и превратномъ. Собственно слово сіе значитъ: *описаніе*; но какъ различно можно понимать его! Намъ говорятъ объ Исторіи и Историкахъ, и исчисляютъ сряду: *Иродотъ, Тацитъ, Юмъ, Гизо*, не чувствуя, ка-

Digitized by Google

кое различіе между сими знаменитыми людьми, и какъ ошибается тотъ, кто ставитъ рядомъ Иродота и Гизо, Тита-Ливія и Гердера, Гиббона и Тьерри, Робертсона и Минье.

Новѣйшіе мыслители объяснили намъ вполнѣ значеніе слова: *Исторія;* они показали намъ, что̀ долженъ разумѣть подъ симъ словомъ философъ. Исторія, въ высшемъ значеніи, не есть складно-написанная лѣтопись временъ минувшихъ, не есть простое средство удовлетворять любопытство наше; нѣтъ: она практическая повѣрка философскихъ понятій о мірѣ и человѣкѣ, анализъ философскаго синтеза. Здѣсь мы разумѣемъ только *всеобщую Исторію*, и въ ней видимъ мы истинное откровеніе прошедшаго, объясненіе настоящаго и пророчество будущаго. Философія проницаетъ всю бездну минувшаго: видитъ творенія земныя, до человѣка бывшія, открываетъ слѣды человѣка въ таинственномъ Востокѣ и въ пустыняхъ Америки, соображаетъ преданія людскія, разсматриваетъ землю въ отношеніи къ небу и человѣка въ отношеніи къ его обиталищу, планетѣ, движимой рукою Провидѣнія въ Пространствѣ и Времени. Такова *до-Исторія* (Urgeschichte) человѣка. Человѣкъ является на землѣ: образуется общество; начинается *жизнь человѣчества* и начинается *исторія* Человѣка. Здѣсь Историкъ смотритъ на царства и народы, сіи планеты нравственнаго міра, какъ на математическія фигуры, изображаемыя міромъ вещественнымъ. Онъ соображаетъ ходъ человѣчества, общественность, нравы, понятія каждаго вѣка и народа, выводитъ

Digitized by Google

цѣпь причинъ, производившихъ и производящихъ событія. Вотъ Исторія высшая.

Но формы Исторіи могутъ быть многообразны до безконечности. Исторія можетъ быть критическая, повѣствовательная, ученая: въ основаніи каждая изъ нихъ должна быть *философическая*, по духу, а не по названію, по сущности, воззрѣнію своему (ибо просто прибавивъ названіе: *философическая*, по примѣру Райналя, мы не сдѣлаемъ ни какой исторіи въ самомъ дѣлѣ философскою). Всеобщая Исторія есть тотъ огромный кругъ, въ коемъ вращаются другіе безчисленные круги: Исторіи частныя, народовъ, государствъ, земель, вѣрованій, знаній. Условія Всеобщей Исторіи уже опредѣляютъ, каковы должны быть сіи частныя Исторіи. Онѣ должны стремиться къ основѣ Всеобщей Исторіи, какъ радіусы къ центру: онѣ показываютъ философу: какое мѣсто въ мірѣ вѣчнаго бытія занималъ тотъ или другой народъ, то или другое государство, тотъ или другой человѣкъ, ибо для человѣчества равно выражаетъ идею—и цѣлый народъ и человѣкъ историческій: человѣчество живетъ въ народахъ, а народы въ представителяхъ, двигающихъ грубой матеріялъ и образующихъ изъ него отдѣльные нравственные міры.

Такова истинная идея Исторіи, по крайней мѣрѣ, мы удовлетворяемся нынѣ только сею идеею Исторіи, и почитаемъ ее за истинную. Она созрѣла въ вѣкахъ, и [illegible] изъ новѣйшей Философіи развилась въ Исторіи, точно такъ-же, какъ подобныя идеи развились въ Философіи въ теоріяхъ Поэзіи и Политическихъ знаній.

Digitized by Google

Но если сія идея принадлежитъ нашему вѣку, скажутъ намъ, слѣдственно, никто не удовлетворитъ нашихъ требованій, и самые великіе историки должны померкнуть при лучахъ немногихъ новѣйшихъ, скажемъ болѣе—*будущихъ* историковъ.

Такъ, если намъ указываютъ на Грека, Римлянина, какъ на примѣръ высочайшаго совершенства, какого только могъ достигнуть человѣкъ, какъ на образецъ, которому должны мы безусловно слѣдовать: это ложный *классицизмъ* Исторіи; онъ *недостаточенъ* и *невѣренъ*. Но, отвергнувъ его, мы всякому и всему найдемъ мѣсто и чередъ. Не думайте, чтобы мы хотѣли заставить каждаго быть философомъ: мы сказали, что формы Исторіи разнообразны до безконечности; въ каждой формѣ можно быть совершеннымъ, по крайней мѣрѣ великимъ Историкомъ; исполните только условія рода, вами избраннаго, и вы удовлетворите требованія современнаго совершенства.

Исторія можетъ быть *прагматическая*, если вы разсматриваете событія, положимъ, какого нибудь государства, въ отношеніи къ системѣ государствъ, въ коей оно заключалось, и сію систему во Всеобщей Исторіи народовъ, если вы сводите всѣ событія на причины, и открываете связь сихъ причинъ съ другими, поясняя причины событіями и, обратно, поясняя чрезъ то Исторію Человѣчества, въ томъ мѣстѣ, вѣкѣ, предметѣ, который вы избрали. Такова *Исторія Европейской гражданственности* (Histoire générale de la civilisation en Europe, depuis la chûte de l'empire Romain jusqu'à

la révolution française) Гизо. Можете взять объемъ меньше, разсмотрѣть событія государства, или періода, не возводя его къ Всеобщей Исторіи Человѣчества, но сія цѣль должна быть въ умѣ Историка; таковы: *Исторія Карла V*, соч. Робертсона, *Исторія паденія Римской Имперіи*, соч. Гиббона, творенія, которыя можно-бы назвать совершенными въ своемъ родѣ, если-бы философія сихъ Историковъ была выше той, которую они почитали за совершенную, если-бы понятія сихъ писателей о Политическихъ знаніяхъ были доведены до нынѣшней зрѣлости, если-бы матеріялы были въ ихъ время лучше обработаны. Наконецъ, находимъ еще родъ Исторіи, который назовемъ *повѣствовательнымъ*. Это простое повѣствованіе событій, если можно, краснорѣчиво, но главное—*вѣрно* изложенныхъ. Здѣсь собственно нѣтъ Историка: говорятъ событія; но требуется искуство необыкновенное. *Вѣрность* надобна не въ однихъ годахъ, но въ духѣ, выраженіи, дѣлахъ, словахъ дѣйствующихъ лицъ, въ нравахъ, обычаяхъ, повѣрьяхъ, жизни народа. Древніе Историки въ этомъ примѣры совершенства, и писателю такой Исторіи можно повторить слова Карамзина: « *Не подражай Тациту, но пиши такъ, какъ онъ писалъ-бы на твоемъ мѣстѣ.* » Изъ новѣйшихъ превосходный примѣръ такой Исторіи показалъ намъ Барантъ, и, какъ Историкъ военный, Наполеонъ, въ описаніяхъ своихъ походовъ. Иродотъ, Ѳукидидъ, Титъ-Ливій, Тацитъ, [illegible] наровываютъ своими повѣствовательными исторіями. Они живутъ въ своихъ описаніяхъ, дышутъ воздухомъ съ тѣми людьми, ко-

ихъ изображаютъ: это Омировы поэмы въ мірѣ Исторіи. Важнѣйшее затрудненіе для насъ, новыхъ, если мы хотимъ переселиться въ другой вѣкъ, въ другой народъ, состоитъ въ отдѣленіи себя отъ всѣхъ мнѣній, отъ всѣхъ идей своего вѣка и народа, въ собраніи красокъ для картины, въ изысканіи истины обширною критикою. Древніе о многомъ говорятъ несправедливо; но они увѣрены въ истинѣ съ такимъ добродушіемъ, съ такою убѣдительностію, съ какою Омиръ былъ увѣренъ въ своей Географіи и Миѳологіи; сверхъ того, намъ нечѣмъ повѣрить ихъ разсказа, и мы вѣримъ на слово. Потому, Историческая Критика совершенно отнимаетъ у Древнихъ наименованіе Историковъ-Философовъ, Историковъ Прагматическихъ, и смотритъ на нихъ только, какъ на краснорѣчивыхъ повѣствователей.

Точно такъ же, какъ Французы составили особенный родъ *классическихъ* твореній изъ ложнаго подражанія Древнимъ, ложное понятіе о Древнихъ Историкахъ произвело особый *классицизмъ исторической*. Хотѣли заставить подражать Древнимъ, перенимали у нихъ всѣ формы, выраженія, даже слова. Ошибка была въ томъ, что подражали внѣшнимъ формамъ, не понимая духа Древнихъ. Въ послѣдствіи смѣшали все это съ ошибочною Философіею, съ умничаньемъ, апофеегмами и сентенціями, несносными и пошлыми. И съ самаго возстановленія Европейскаго просвѣщенія, Исторія, послѣ монастырскихъ лѣтописей и легендъ, являлась безобразною, нелѣпою смѣсью; изрѣдка только мелькали Макіавели, Боссюэты, Монтескьё. Въ про-

Digitized by Google

шедшемъ вѣкѣ оказалось стремленіе къ Исторіи болѣе совершенной, и въ то время, когда Гердеръ воспиталъ тайну Всеобщей Исторіи, Іоаннъ Миллеръ угадывалъ, какъ должно писать новымъ Историкамъ повѣствовательную Исторію, Германскіе ученые явили истинную критику Исторіи, Французы первые начали образовывать, по слѣдамъ Макіавеля, Бюссюэта и Монтескьё, Исторію философическую. Ихъ опыты были недостаточны, и недостатки сихъ опытовъ отозвались въ твореніяхъ Юма, Гиббона, Робертсона, послѣдователей Французской Философіи XVIII-го вѣка. Надобно было соединить труды Шеллинговъ, Шлегелей, Кузеновъ, Шлецеровъ, Гердеровъ, Нибуровъ, узнать *Классицизмъ и Романтизмъ*, узнать хорошо Политическія науки, оцѣнить надлежащимъ образомъ Древнихъ, вполнѣ свѣдать требованія Новѣйшихъ, можетъ быть, даже родиться Шиллеру, Гёте, В. Скотту, дабы могли мы наконецъ понять, что есть Исторія, какъ должно ее писать и что удовлетворяетъ нашъ вѣкъ.

Приложимъ всѣ сіи разсужденія къ *Исторіи Государства Россійскаго*, и мы увидимъ, что твореніе Карамзина въ отношеніи къ Исторіи, какой требуетъ нашъ вѣкъ, есть тоже, что другія сочиненія Карамзина въ отношеніи къ современнымъ требованіямъ нашей Литтературы: она неудовлетворительна.

Карамзинъ не [illegible] выйдти и не вышелъ изъ понятій своего вѣка, что начала [illegible] времени, въ которое только являлись идеи философической ис-

торіи, еще не ясно опредѣлены были отношенія Древнихъ къ намъ, и особыя условія новыхъ писателей; Политическія знанія были не установлены; повѣствовательная часть Исторіи не полна вполнѣ.

Какъ *Философъ—Историкъ*, Карамзинъ не выдержитъ строгой критики. Прочитайте мысли его объ Исторіи, и вы согласитесь съ этимъ безъ дальнѣйшихъ объясненій.

«Исторія» (такъ начинаетъ Карамзинъ свое Предисловіе къ Исторіи Государства Россійскаго), «Исторія *въ нѣкоторомъ смыслѣ* (?) есть священ-«ная книга народовъ: *главная*, *необходимая*; зер-«цало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль от-«кровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потом-«ству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и при-«мѣръ будущаго.»

Прекрасныя фразы, но что̀ въ нихъ заключается? *Священная книга въ нѣкоторомъ* смыслѣ, и, въ тоже время—*главная*, *необходимая*, *зерцало бытія*, *скрижаль откровеній*, *завѣтъ предковъ*; объясняютъ-ли намъ всѣ сіи слова сущность предмета? Таково-ли должно быть *опредѣленіе* Исторіи?

«Правители, законодатели» (продолжаетъ Карамзинъ) «дѣйствуютъ по указаніямъ Исторіи.... «Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опы-«тахъ... Должно знать, *какъ исконни мятежны* «*страсти волновали гражданское общество, и ка-«кими способами благотворная власть ума обузды-«вала ихъ бурное стремленіе*... И простой гражда-

Digitized by Google

« нинъ долженъ читать Исторію. Она мирит его « съ несовершенствомъ видимаго порядка вещей, « *какъ съ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ*; « утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свя- « дѣтельствуя, *что и прежде бывали подобныя, и бывали еще ужаснѣйшія и государство не разру-* « *шалось*; она *питаетъ нравственное чувство* (?), « и праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу « къ справедливости, которая утверждаетъ наше « благо и согласіе общества. Вотъ польза. »—

Все это сказано прекрасно, но такъ-ли долженъ смотрѣть на Исторію философъ? Сдѣлавши сначала опредѣленіе риторическое, намъ говорятъ, что *Исторія полезна*, ибо —

1-е Правители народовъ справляются съ нею, какъ судьи съ старымъ архивомъ, дабы рѣшать дѣла такъ, какъ ихъ прежде рѣшали. Совершенная несправедливость!

2-е Граждане видятъ, что *зло всегда было*, что *люди всегда терпѣли*, почему и имъ *надобно терпѣть*. Утѣшеніе, подобное тому сравненію, которое употребилъ Карамзинъ въ IX-мъ томѣ, говоря, что Русскіе такжe славно умирали подъ топорами палачей Царя Іоанна IV-го, какъ Греки умирали при Термопилахъ (*)! Послѣ такого ограниченнаго взгляда на *пользу*, Авторъ переходитъ къ *удовольствію Исторіи*, основанному на томъ, что *любопытство* свойственно человѣку, и если нравятся

(*) Томъ IX, стр. 237.

Digitized by Google

нашъ романы, вымыслы, шѣмъ болѣе должна нравиться Исторія, соединяя съ *занимательностью* романа *истину* событій. Еще болѣе Исторія отечественная, продолжаетъ Авторъ, и отъ частнаго эгоизма народовъ переходитъ къ тому, чѣмъ бы должно было начать: важности, какую имѣетъ Исторія Россіи въ Исторіи Человѣчества. Полагаете, что вамъ скажутъ, какъ среди волненія IX-го вѣка образовалась Россія; какъ заслонила она Европу отъ Монголовъ въ XIII-мъ вѣкѣ; какъ вступала въ систему Европы, въ XVIII-мъ вѣкѣ; какъ дѣйствовала въ XIX-мъ вѣкѣ. Совсѣмъ нѣтъ! Авторъ видитъ *одно любопытство*: оно составляетъ для него все; онъ старается доказать, что ни чуть не любопытнѣе и не занимательнѣе Исторіи Русской Исторіи другихъ народовъ; что и въ нашей Исторіи есть *картины, случаи*, которые *любопытны не менѣе* каршинъ и случаевъ, описанныхъ Древними Историками. Вы думаете, что Авторъ скажетъ о Феодализмѣ Варяжскомъ, образованіи Русскихъ княжествъ, сближеніи съ Греціею, сліяніи Азіи и Европы въ Россіи, преобразованіи Россіи рукою Петра; напротивъ: Авторъ называетъ *пять вѣковъ* Исторіи Русской *маловажными для разума*, предметомъ, не богатымъ мыслями для прагматика, *красотами для живописца*, напоминаетъ, что *Исторія не романъ и міръ не садъ, гдѣ все должно быть пріятно*, и утѣшаетъ наконецъ, что *въ самыхъ пустыняхъ встрѣчаются виды прелестные*, а въ доказательство указываетъ на походы Святослава, нашествіе Батыя, Куликовскую битву, взятіе Казани, ослѣпленіе Василька! Или Историкъ дума-

Digitized by Google

ешь, что мы, какъ дѣти, принимаясь за его книгу, наперед спрашиваемъ: *Не скучна-ли она?* или — онъ не Философъ — Историкъ!

— Онъ и *не прагматикъ*, когда потомъ увѣряетъ, что несправедливо будетъ, если мы пропустимъ *скучное начало* Русской Исторіи. « *Нѣга читателей* « осудитъ-ли на вѣчное забвеніе дѣла и судьбу на« шихъ предковъ? Они страдали, а мы *не захо*« *тимъ и слушать объ нихъ?* Иноземцы могутъ про« пустишь скучное для нихъ, но *добрые* Россіяне « обязаны имѣть болѣе терпѣнія, *слѣдуя правилу* « *государственной нравственности*, которая сна« вишъ уваженіе къ предкамъ въ достоинство гра« жданину образованному. » Не значитъ-ли это доказывать, что тѣло безъ головы не можетъ существовать, и можно-ли Историку — Прагматику имѣть дѣло съ лѣностью читателей, и потому-же заставлять насъ читать страданія предковъ, почему сострадание и уваженіе заставляетъ молодаго внука терпѣливо выслушивать разсказы о мѣлочныхъ подробностяхъ жизни стараго и больнаго дѣда!

« Доселѣ, » говоритъ Авторъ, « доселѣ *Древніе* « *служатъ намъ образцами.* Никто не превзошелъ « Ливія *въ красотѣ повѣствованія*, Тацита въ силѣ: « *вотъ главное*! Знаніе *всѣхъ правъ въ свѣтѣ* (?), « ученость Нѣмецкая, остроуміе Вольтерово, ни « самое глубокомысліе Макіавелево въ Историкѣ не « замѣняютъ таланта изображать дѣйствія. » — Припомнимъ сіи [illegible] слова: они замѣчательны.

Мы могли-бы [illegible] писать, разобрать все Предисловіе

къ Исторіи Государства Россійскаго: читатели увидѣли-бы тогда духъ, планъ, расположеніе творенія Карамзина, и согласились-бы съ мнѣніемъ нашимъ, что Карамзинъ, *какъ философъ*, *какъ прагматикъ*, есть писатель не нашего времени. Но и приведенныхъ нами мѣстъ достаточно, чтобы показать, какъ понималъ, какъ писалъ Карамзинъ свою Исторію.

Прочитайте всѣ 12 томовъ Исторіи Государства Россійскаго, и вы совершенно въ этомъ убѣдитесь. Въ цѣломъ объемѣ оной нѣтъ одного общаго начала, изъ котораго истекали-бы всѣ событія Русской Исторіи: вы не видите, какъ Исторія Россіи примыкается къ Исторіи Человѣчества; всѣ части оной отдѣляются одна отъ другой; всѣ несоразмѣрны, и жизнь Россіи остается для читателя неизвѣстною, хотя его утомляютъ подробностями неважными, ничтожными, занимаютъ, трогаютъ картинами великими, ужасными, выводятъ передъ нимъ толпу людей до излишества огромную. Карамзинъ нигдѣ не представляетъ вамъ духа народнаго, не изображаетъ многочисленныхъ переходовъ его, отъ Варяжскаго феодализма до деспотическаго правленія Іоанна, и до самобытнаго возрожденія при Мининѣ. Вы видите стройную, продолжительную галлерею портретовъ, поставленныхъ въ одинакія рамки, нарисованныхъ не съ натуры, но по волѣ художника, и одѣтыхъ также по его волѣ. Это лѣтопись, написанная мастерски, художникомъ талантомъ превосходнаго, изобрѣтательнаго, а *не Исторія*.

Digitized by Google

«Но,» скажутъ намъ, «если такъ, то сочиненіе Карамзина подойдетъ именно къ тому роду Исторій, который мы выше сего назвали *повѣствовательнымъ*. Карамзинъ, сказавши, что Древніе служатъ намъ *образцами* донынѣ, что *сила и красота повѣствованія есть главное для историка*, конечно успѣлъ поддержать свое мнѣніе исполненіемъ.»

Но Карамзинъ видѣлъ въ Древнихъ образцы превратно, и, поставивъ силу и красоту повѣствованія главнымъ, кажется, не зналъ, что онѣ дѣлаетъ тоже, что дѣлали классики Французскіе, подражая Древнимъ. Французская трагедія, въ сравненіи съ трагедіею Грековъ, есть тоже, что Исторія Карамзина въ сравненіи съ Исторіею Иродота и Тита-Ливія. Тамъ и здѣсь не понято, что Древніе совершенно сливались съ предметомъ, самобытность Древнихъ исчезала, такъ сказать, въ предметѣ, который преобладалъ ихъ воображеніемъ, былъ ихъ вѣрою. Французскіе классики и Карамзинъ, напротивъ, духъ свой, самихъ себя, свои понятія, чувствованія, облекали въ формы предмета, ихъ занимающаго; отъ того все представлено у Французскихъ классиковъ и у Карамзина невѣрно и превратно. Возьмемъ твореніе его только съ одной стороны въ семъ отношеніи.

Исторія Русская начинается прибытіемъ грозныхъ морскихъ разбойниковъ къ племенамъ полудикихъ Славянъ и Финновъ. Пришельцы-разбойники суть страшные Норманны; они порабощаютъ Славянъ и Финновъ. Сіи два элемента борются,

Digitized by Google

измѣняются въ Руссовъ; свычка съ деспотизмомъ Азіи и Греціи, патріархальное правленіе покоренныхъ Славянъ и, открывшійся для Варяжскихъ искателей приключеній, путь въ Царьградъ, испребляютъ обыкновенный Нордманскій феодализмъ, являя феодализмъ совершенно особенный: удѣльную систему одного владычествующаго семейства Князей Русскихъ. Удѣлы распадаются; вѣра Христіанская измѣняетъ характеры вождей и народа; является борьба удѣловъ, силящихся слиться въ одно цѣлое; на Сѣверѣ, отъ удаленія Русскихъ Князей на Югъ и естественнаго положенія страны, является Республика Новогородская; все падаетъ подъ иго Монголовъ. Духъ народа борется съ симъ игомъ, освобождается и являетъ въ Россіи одно деспотическое государство, которое вскорѣ разрушается подъ собственною своею тягостью. *Рабъ* дѣлается *Царемъ*, ужасая единственно могуществомъ имени; но это была крайняя степень деспотизма: ужасъ имени исчезъ, настала эпоха новая. Паденіе Новагорода и свирѣпость Грознаго были необходимы для сліянія во едино растерзанныхъ частей государства; насильственное сліяніе требовало сильнаго внутренняго броженія, и вѣкъ Самозванцовъ низвергнулъ деспотизмъ, разбудилъ самобытный духъ народа: онъ создался изъ сильныхъ элементовъ, испытанныхъ въ буряхъ феодализма, порабощенія, деспотизма, — Россія окрѣпла подъ кроткимъ, благодѣтельнымъ Самодержавіемъ великой династіи Романовыхъ; съ Михаилы началась Исторія *Россіи, какъ Государства*; съ Петромъ, *какъ Государства Европейскаго.*

Digitized by Google

Карамзинъ предположилъ себѣ совсѣмъ другое, и уже въ названіи его книги: Исторія *Государства Россійскаго*, заключается ошибка. Съ прибытія Рурика, онъ начинаетъ говорить: *мы*, *наше*; видитъ *Россіянъ*; думаетъ, что любовь къ отечеству требуетъ облагороженія варваровъ, и въ воинѣ Олега, воинѣ Іоанна Грознаго, воинѣ Пожарскаго не замѣчаетъ разницы; ему кажется *достоинствомъ гражданина образованнаго правило государственной нравственности*, требующее *уваженія къ предкамъ*. Послѣ сего можете-ли ожидать пониманія, что до Іоанна III-го была *не Россія*, но *Русскія Государства*; чтобы въ Олегѣ видѣлъ Авторъ Нормандскаго варвара; въ борьбѣ удѣловъ отдалъ равную справедливость и Олегу Черниговскому и Владиміру Мономаху? Нѣтъ! и не найдете этого. Олегъ *пылаетъ* у него *славолюбіемъ героевъ*, *побѣдоносныя знамена сего героя развѣваются на берегахъ Днѣстра и Буга*; Мономахъ является ангеломъ-хранителемъ законной власти, а Олегъ Черниговскій *властолюбивымъ*, *жестокимъ*, *отвергающимъ злодѣйство только тогда*, *когда оно безполезно*, *коварнымъ*, *бунтовщикомъ*; на цѣлое поколѣніе Олеговичей падаетъ у него позоръ и посрамленіе! Такъ въ Рурикѣ видитъ онъ монарха самодержавнаго, мудраго; въ полудикихъ Славянахъ народъ славный, великій, и—даже воинскія шрубы Святославовыхъ воиновъ Карамзинъ почитаетъ доказательствомъ *любви Россіянъ къ искусству мусикійскому*!

Послѣ всего этого, удивительно-ли, что Евро-

Digitized by Google

пейскіе ученые, ожидавшіе Исторію Карамзина съ нетерпѣніемъ, приняли сіе твореніе холодно, не даютъ ему мѣста между знаменитыми Историками новѣйшими: Нибуромъ, Тьерри, Гизо, Барантомъ, и другими. Карамзинъ не выдерживаетъ сравненія и съ великими Историками прошедшаго вѣка: Робертсономъ, Юмомъ, Гиббономъ, ибо, имѣя всѣ ихъ недостатки, онъ не выкупаетъ ихъ тѣмъ обширнымъ взглядомъ, тою глубокою изыскательностію причинъ и слѣдствій, какія видимъ въ безсмертныхъ твореніяхъ трехъ Англійскихъ Историковъ прошедшаго вѣка. Карамзинъ также далекъ отъ нихъ по всему, какъ далека въ умственной зрѣлости и дѣятельности просвѣщенія Россія отъ Англіи.

Люди, привыкшіе видѣть недоброхотство и зло во всякомъ безпристрастномъ сужденіи, скажутъ, что мы отнимаемъ у Карамзина всѣ его достоинства, хотимъ унизить сего великаго человѣка въ глазахъ современниковъ, укажутъ намъ на голосъ всего отечества, воздающаго ему единодушную похвалу. Оправдываемся, указывая такимъ людямъ на то почтительное уваженіе, съ какимъ мы говоримъ о Карамзинѣ. Но не будемъ безотчетны въ восторгѣ благодарности, и постараемся отдавать самимъ себѣ вѣрный отвѣтъ въ своихъ чувствахъ!

Напротивъ, не только не хотимъ мы унижать Карамзина, но возвысимъ его, можетъ быть, болѣе нежели осмѣлятся возвысить самые слѣпые приверженцы. Мы скажемъ, что никто изъ Русскихъ писателей не пользовался такою славою,

Digitized by Google

акъ Карамзинъ, и никто болѣе его не заслуживалъ сей
лавы. Подвигъ Карамзина достоинъ хвалы и удивле-
ія. Хорошо зная всѣхъ отечественныхъ, современ-
ыхъ намъ литераторовъ, мы осмѣливаемся утверж-
дать, что нынѣ никто изъ всѣхъ литераторовъ
Русскихъ не можетъ быть даже его преемникомъ, не
олько подумашь шагнуть далѣе Карамзина. До-
ольно-ли этого? Но Карамзинъ великъ *только*
ля нынѣшней Россіи, и *въ отношеніи къ нынѣшней*
Россіи, не болѣе.

Слава, которую единодушно отдаетъ какой
ибо народъ одному человѣку, не бываетъ ошибкою,
ибо сей *одинъ*, если онъ пріобрѣлъ такую славу,
сть истинный представитель народа, его прослав-
яющаго, онъ совпадаетъ съ народомъ и превышаетъ
го. Подвигъ Карамзина въ Исторіи Отечествен-
ой, для насъ, Рускихъ, такъ-же великъ, какъ под-
игъ его въ нашей Литературѣ. Въ семъ случаѣ
ностранцамъ не льзя судить насъ, ибо они не
наютъ нашихъ отношеній, коими опредѣляется
ѣна всему. Постараемся представить доказатель-
ства справедливости того удивленія, какое воз-
уждаетъ Карамзинъ въ своемъ отечествѣ.

1. Можно-ли не оцѣнить достойно смѣлость
редпріятія Карамзина? Необыкновенный умъ ви-
ѣнъ въ каждомъ его предпріятіи литературомъ. Онъ угадывалъ потребности своего времени,
мѣлъ удовлетворять имъ, и въ 1790-мъ году ду-
алъ и писалъ: «Больно, но должно по справедли-
ости сказать, что у насъ до сего времени нѣтъ
орошей Россійской Исторіи, т. е. писанной съ

Digitized by Google

философскимъ умомъ, съ критикою, съ благороднымъ краснорѣчіемъ. Говорятъ, что наша Исторія сама по себѣ менѣе другихъ занимательна: не думаю; нуженъ только умъ, вкусъ, талантъ. Можно выбрать, одушевить, *раскрасить*, и читатель удивится, какъ изъ Нестора, Никона, и проч. могло выйдти *нѣчто привлекательное*, сильное, достойное вниманія не только Рускихъ, но и чужестранцовъ (*).» Въ теченіе 12-ти лѣтъ послѣ того, онъ не оставлялъ сей мысли, удивлялъ соотчичей своихъ мастерскими опытами (описаніе бунта при Царѣ Алексіѣ; Путешествіе въ Троицко-Сергіеву Лавру, и проч.), и въ 1802 году началъ Исторію. Надобно знать, надобно испытать всю трудность подобнаго предпріятія, знать, что̀ нашелъ Карамзинъ и что̀ оставилъ послѣ себя. Онъ создавалъ и матеріялы, и сущность, и слогъ исторіи, былъ критикомъ лѣтописей и памятниковъ, генеалогомъ, хронологомъ, палеографомъ, нумизматомъ.

2. Надобно хорошо разсмотрѣть и понять, какой шагъ сдѣлалъ Карамзинъ отъ всѣхъ своихъ предшественниковъ. Кто, сколько нибудь сносный, являлся до него, кромѣ Француза Левека (и той бѣ Самарянинъ!)? Щербатовъ, Эминъ, Нехачинъ, Килковъ, Татищевъ стоятъ-ли критики? Наши издатели лѣтописей, частныхъ исторій, изыскатели древностей оказывали глубокое незнаніе,

(*) Сочиненія Карамзина (*изд. третіе*). М. 1820 г., т. IV, стр. 187.

Digitized by Google

и часто совершенное невѣжество. Скажемъ болѣе, замѣтимъ, чего, кажется, еще не замѣчали: критики на Карамзина, нападки Г-дъ Качеповскаго, Арцыбышева и клеврешовъ Вѣстника Европы, самая защита Карамзина Г-мъ Руссовымъ и Г-мъ Дмитріевымъ, не доказываютъ-ли превосходства человѣка необыкновеннаго надъ людьми, неумѣющими ни мыслить, ни писать, едва могущими владѣть небольшою ученостью, какая мелькаетъ иногда въ ихъ тяжелыхъ и нестройныхъ созданіяхъ?

3. Карамзинъ оказалъ незабвенныя заслуги открытіемъ, приведеніемъ въ порядокъ матеріяловъ. Правда, еще до него сдѣланы были попытки, и труды почтенныхъ мужей: Байера, Тунмана, Миллера, особливо знаменитаго Шлецера, были значительны, важны. Но ни кто *болѣе Карамзина* не оказалъ заслугъ Россійской Исторіи въ семъ отношеніи. Онъ объялъ всю Исторію Русскую, отъ начала ея до XVII вѣка, и не льзя не грустить, что судьба не допустила Карамзина довести своего обозрѣнія матеріяловъ до нашихъ временъ. Началъ онъ дѣятельно, и какъ будто оживилъ ревность другихъ изыскателей. Графъ Румянцевъ съ того времени началъ покровительствовать подобнымъ предпріятіямъ, и подъ его покровительствомъ трудились поспѣшно Гг. Калайдовичъ, Спасскій, Погодинъ, Востоковъ, и другіе, всѣ заслуживающіе, хотя и не въ равной степени, нашу благодарность; [illegible] матеріялы за границею Россіи; [illegible] извѣстія Писателей Восточныхъ; [illegible] акты Государственные. Са-

мая Академія Наукъ, какъ будто очнулась, и показала намъ въ Гг. Кругѣ, Френѣ, Лербергѣ достойныхъ преемниковъ Шлецера и Миллера; многіе (Бузе, Вихманнъ, Графъ Ѳ. А. Толстой) назали собирать библіотеки Русскихъ достопамятностей; образовались вообще Палеографія, Археографія, Нумизматика, Генеалогія Русская. Скажутъ, что таково было стремленіе времени; но Карамзинъ угадалъ его, Карамзинъ шелъ впереди всѣхъ, и дѣлалъ всѣхъ болѣе. Давъ живительное начало, оставивъ въ первыхъ восьми томахъ драгоцѣнное руководство всѣмъ послѣдователямъ своимъ, Карамзинъ наконецъ (въ этомъ должно признаться) какъ будто умомился: 9, 10, 11-й и особенно 12-й томы его Исторіи показываютъ, что уже не съ прежнею дѣятельностью собиралъ и разбиралъ онъ матеріялы. И здѣсь видно сказанное нами, что въ двѣнадцати томахъ Исторіи своей Карамзинъ весь; однакожь, расположеніе матеріяловъ, взгляды на нихъ, были-бы для насъ драгоцѣнны и при усталости Карамзина, съ которою не льзя сравнивать самой пылкой дѣятельности многихъ.

4. Но до конца поприща своего, Карамзинъ сохранилъ ясность, умѣнье въ частной критикѣ событій, вѣрность въ своихъ частныхъ означеніяхъ. Не ищите въ немъ высшаго взгляда на событія: говоря о междоусобіяхъ удѣловъ, онъ не видитъ въ нихъ порядка, не означитъ вамъ причинъ, свойства ихъ, и только въ половинѣ XV-го вѣка говоритъ вамъ: «Отселѣ Исторія наша пріемлетъ достоинство » истинно государственной, описывая уже не без-

Digitized by Google

» смысленныя драки княжескія. . . . союзы и войны » имѣютъ *важную цѣль:* каждое особенное пред- » пріятіе есть слѣдствіе *главной мысли, устре-* » *мленной ко благу отечества* (*).»— Ошибка явная, замѣченная нами съ самаго *Введенія*, гдѣ Карамзинъ назвалъ первые пять вѣковъ Исторіи Русскаго народа *маловажными для разума, небогатыми ни мыслями для прагматика, ни красотами для живописца!* Съ VI-го тома, Историкъ признаетъ уже *достоинство Русской Исторіи*, но и въ этой, *имѣющей Государственное достоинство* (?) Исторіи, не ищите причины злодѣйствъ Іоанна, быстраго возвышенія и паденія Бориса, успѣховъ Самозванца, безначалія, послѣ него бывшаго. Читаете описаніе борьбы Россіи съ Польшею, но не видите, на чемъ основывается странное упорство Сигизмунда, въ слѣдствіе коего онъ, согласившись сперва, не даетъ потомъ Россіи сына своего, не видите того, на чемъ основано спасеніе Россіи отъ чуждаго владычества. Придетъ по годамъ событіе: Карамзинъ описываетъ его, и думаетъ, что исполнилъ долгъ свой, не знаетъ, или не хочетъ знать, что событіе важное не выростаетъ мгновенно, какъ грибъ послѣ дождя, что причины его скрываются глубоко, и взрывъ означаетъ только, что фитиль, проведенный къ подкопу, догорѣлъ, а положенъ и зажженъ былъ гораздо прежде. Надобно-ли изображать (не нужную впрочемъ для Русской Исторіи) подробную картину движенія народовъ въ древнія времена: Карамзинъ ведетъ черезъ сцену Ким-

(*) Томъ IV, стр. 5 и 6.

меріянъ , Скиѳовъ , Гунновъ , Аваровъ , Славянъ , какъ Китайскія тѣни ; надобно-ли описать нашествіе Татаръ : передъ вами только картинное изображеніе Чингисъ-Хана ; дошло-ли до паденія Шуйскаго : Поляки идутъ въ Москву , берутъ Смоленскъ , Сигизмундъ не хочетъ дать Владислава на царство , и — болѣе нѣтъ ничего ! Это общій недостатокъ писателей XVIII вѣка , который раздѣлялъ съ нимъ и Карамзинъ , отъ котораго не избѣгалъ иногда и самый Юмъ. Такъ , дойдя до революціи при Карлѣ I , Юмъ искренно думаетъ , что внѣшнія бездѣлки оскорбили народъ и произвели революцію ; такъ , *описывая* Крестовые Походы , всѣ называли ихъ слѣдствіемъ убѣжденій Петра Пустынника , и Робертсонъ говоритъ вамъ это , такъ-же , какъ при Реформаціи вамъ указываютъ на индульгенціи и Папскую Буллу , сожженную Лютеромъ. Даже въ наше время , повѣствуя о Французской революціи , развѣ не полагали , что философы развратили Францію , Французы , по природѣ вѣтренники , одурѣли отъ чада Философіи , и — вспыхнула революція ! Но когда описываютъ вамъ самыя событія , то Юмъ и Робертсонъ говорятъ вѣрно , точно : и Карамзинъ такъ описываетъ событія , какъ критикъ благоразумный , человѣкъ знающій подробности ихъ весьма хорошо. Только тамъ не можете положиться на него , гдѣ должно сообразить характеръ лица , духъ времени : онъ говоритъ по лѣтописцамъ , по своему основному предположенію объ Исторіи Русской , и нейдетъ далѣе. Къ этому присовокупляется у Карамзина , какъ мы замѣтили , худо понятая любовь къ Отечеству. Онъ стыдится за предка , *раскрашиваетъ* , (вспомнимъ

Digitized by Google

что онъ предполагалъ дѣлать это, еще въ 1790 году); ему надобенъ герой, любовь къ Отечеству, и онъ не знаетъ, что *отечество*, *добродѣтель*, *геройство* для насъ имѣютъ не тѣ значенія, какія имѣли они для Варяга Святославова, жителя Новагорода въ XI-мъ вѣкѣ, Черниговца XII-го вѣка, подданнаго Ѳеодора въ XVII-мъ вѣкѣ, имѣвшихъ свои понятія, свой образъ мыслей, свою особенную цѣль жизни и дѣлъ.

5. Замѣтимъ еще, что Карамзинъ, оставшись тѣмъ-же, чѣмъ былъ и при другихъ литературныхъ занятіяхъ, не измѣняя своему духу, не выходя изъ условій своего времени, умѣлъ измѣнить внѣшнія формы. Логическій порядокъ его идей выше всѣхъ современниковъ; образъ мыслей благородный, смѣлый, въ томъ направленіи, какое почитаетъ Карамзинъ лучшимъ. На каждую главу его Исторіи можно написать огромное опроверженіе, посильнѣе замѣчаній Г-на Арцыбышева; едва-ли не половину страницъ его творенія можно подвергнуть критикѣ во многихъ отношеніяхъ, но нигдѣ не ошкажете въ похвалѣ уму, вкусу, умѣнью Карамзина.

6. Наконецъ (припомнимъ: *главное*, по словамъ самого Карамзина) умъ его, вкусъ и умѣнье просвѣтились на языкъ и слогъ Исторіи въ такой сильной степени, что въ семъ послѣднемъ отношеніи, для насъ, Рускихъ, Карамзина должно почесть писателемъ образцовымъ, единственнымъ, неподражаемымъ. Надобно учиться у него этому ритму ораторскому, этому расположенію періодовъ, вѣсу словъ, съ какимъ поставлено каждое изъ нихъ. Н. И. Гречъ принялъ при составленіи Грамматики Русскаго языка, [illegible] касательно сего предмета въ Исто-

Digitized by Google

ріи Карамзина, за основныя правила, ссылался на нее, какъ на авторитетъ, и не ошибся. Кромѣ Пушкина, едва-ли есть теперь въ Россіи писатель, сколь глубоко проникавшій въ тайны языка отечественнаго, какъ проникалъ въ нихъ Карамзинъ.

Краснорѣчіе Карамзина очаровательно. Не вѣришь ему читая его, и убѣждаешься невъяснимою силою слова. Карамзинъ очень хорошо зналъ это, и пользовался своимъ преимуществомъ, иногда жертвуя даже простотою, вѣрностью изображеній. Такъ онъ изображаетъ намъ царствованіе Іоанна IV-го, сперва тихо, спокойно, величественно, и вдругъ дѣлается суровымъ, порывистымъ, когда наступило время жизни не супруга Анастасіи, не побѣдителя Казани, но Тиверія Александровской слободы, убійцы брата, мучителя Воротынскаго; тоже противоположность разительно замѣтите между I-ю и II-ю главами XI-го, и I-ю и II-ю главами XII тома. Но это замѣтное, слѣдственно, неловкое усиліе искуства могутъ-ли не выкупить безчисленныя красоты творенія Карамзина! Не говоримъ о IX, X и XI томахъ, гдѣ жизнь Митрополита Филиппа, смерть Царевича Іоанна, самого Іоанна IV-го, избраніе Годунова, низверженіе Димитрія Самозванца суть мѣста неподражаемо написанныя: они станутъ наряду съ самыми краснорѣчивыми, безсмертными страницами Ѳукидидовъ, Ливіевъ, Робертсоновъ, и въ семъ отношеніи, слова почтеннаго Издателя XII-го тома Исторіи Государства Россійскаго: «*Карамзинъ не имѣлъ несчастія пережить талантъ свой*,» совершенно справедливы. Но и въ 12-мъ томѣ есть мѣста изумляющаго

Digitized by Google

краснорѣчія, на примѣръ: Шуйскій предъ Королемъ Польскимъ и смерть Лапунова. Уже рука Карамзина коснѣла, а духъ его все еще хранилъ юношескую бодрость воображенія.

Вотъ неотъемлемыя достоинства и заслуги нашего незабвеннаго Историка. Если мы строго судили его недостатки, то, конечно, никто не можетъ сказать, чтобы мы не цѣнили и достоинствъ его. Сочинитель сей статьи осмѣливается думать, что посвятивъ себя занятію Отечественною Исторіею съ самой юности, нынѣ, послѣ многолѣтнихъ трудовъ, онъ можетъ съ нѣкоторою надеждою полагать, что имѣетъ предъ другими почитателями великаго Карамзина преимущественное право говорить о достоинствахъ и недостаткахъ его.

Не будемъ поставлять въ заслугу Карамзину, что онъ, можетъ быть, не былъ такъ хорошо приготовленъ къ труду своему, какъ знаменитые Европейскіе его соперники. Карамзинъ получилъ образованіе не ученое, но свѣтское; онъ въ послѣдствіи самъ перевоспиталъ себя: тѣмъ болѣе ему чести; но намъ нѣтъ никакой надобности до частныхъ средствъ и способовъ писателя: мы судимъ только его твореніе. Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ: были и теперь есть люди въ Россіи, болѣе Карамзина знающіе какую-либо часть, къ Исторіи Русской относящуюся; но сіе частное знаніе поглощаетъ всѣ другія ихъ способности, и не даетъ имъ средства даже и подумать сравниться съ великимъ творцомъ Исторіи Государства Россійскаго: они каменьщики, Карамзинъ зодчій, и великій зод-

Digitized by Google

чій. Зданіе, имъ построенное, не удивляетъ цѣлаго міра, подобно зданіямъ Микель-Анджеловъ, но тѣмъ не менѣе оно составляетъ честь и красу своего вѣка для той страны, въ коей оно воздвигнуто.

И современники-сограждане были справедливы къ великому Карамзину. Твореніе его еще долго будетъ предметомъ удивленія, чести и хвалы нашей. Карамзинъ научилъ насъ Исторіи нашей; идя по слѣдамъ его, мы со временемъ научимся избѣгать его погрѣшностей, недостатковъ, можемъ и должны сравнивать его съ геніяльными творцами и воздавать ему не безусловную хвалу крикливаго невѣжества; но въ иное время, съ негодованіемъ отвергаемъ мы порицателей человѣка необыкновеннаго. Онъ былъ столь великъ, сколько позволяли ему время, средства, способы его и образованіе Россіи; благодарность къ нему есть долгъ нашъ.

Н. П.

Digitized by Google

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1829 года.

—*Исторія Геродіана*, въ осьми книгахъ, о Римской Имперіи, по кончинѣ Марка Аврелія до взбранія младшаго Гордіана. Перевелъ съ Греческаго Василій Оболенскій. М. въ Т. Селивановскаго. 1829. X и 276 стр. in 8.

Геродіаново сочиненіе достойно вниманія потому только, что оно служитъ однимъ изъ главныхъ источниковъ для Исторіи описываемаго въ ономъ времени. Разумѣется, что какъ Историкъ, въ нынѣшнемъ значеніи слова сего, Геродіанъ имѣетъ весьма невысокое достоинство. Онъ совсѣмъ не можетъ быть поставленъ вблизи великихъ Историковъ Римскихъ. Обыкновенный читатель даже не можетъ пользоваться его сочиненіемъ, ибо оно не имѣетъ Литературнаго достоинства, и, сверхъ того, многое изображаетъ недостаточно и не вѣрно, что показалъ Гиббонъ и другіе писатели, занимавшіеся періодомъ описываемаго Геродіаномъ времени. Геродіанъ занимаетъ точно такое мѣсто въ Римской Исторіи, какое продолжатели Нестора, занимаютъ въ Русской. Это источникъ воды въ пустынѣ; но должно, чтобы искусный химикъ отдѣлилъ отъ нея посторонніе частицы: тогда только можно будетъ употреблять ее.

Digitized by Google

Русскій переводъ Геродіана заслуживалъ-бы благодарность, если-бы Г. Переводчикъ присовокупилъ къ нему замѣчанія, сдѣлалъ сводъ тѣхъ мѣстъ, въ коихъ Геродіанъ противорѣчитъ другимъ Историкамъ, наконецъ, если-бы онъ, вмѣстѣ съ переводомъ, напечаталъ текстъ подлинника и обогатилъ его введеніемъ, наполненнымъ не безусловными похвалами избранному имъ Автору, но истинною оцѣнкою Геродіанова сочиненія. Для кого издалъ свою книгу Г. Переводчикъ? Для людей ученыхъ? но они не могутъ пользоваться ею, ибо не могутъ положиться на вѣрность перевода и должны справляться съ подлинникомъ, съ комментаторами, заниматься сравненіемъ Геродіана съ Капитолиномъ, Лампридіемъ, Требелліемъ-Полліономъ, Фл. Вопискомъ, Викторомъ, и другими. Переводомъ своимъ Г. Оболенскій не избавилъ ученыхъ людей отъ сего труда. Не посвятившіе себя исключительно Филологіи также не будутъ читать сего перевода, ибо имъ надобны Исторіи, очищенныя критикою. И какую пользу получатъ они, прочитавъ лѣтописный разсказъ о пятидесяти годахъ Римской Исторіи? Иное дѣло читать Ливія, Тацита, Плутарха, Юлія Цезаря: тамъ наслажденіе искусствомъ и силою генія Автора. Надобно прибавить еще, что переводъ Г-на Оболенскаго, какъ книга, писанная на Русскомъ языкѣ, подлежитъ строгому осужденію. Разверните ее на какой угодно страницѣ, вездѣ встрѣтите неестественныя выраженія и темноту слога. Надобны-ли доказательства? Вотъ они:

« Когда они *дѣлали* сей *раздѣлъ*, то всѣ прочіе печальными лицами *понякли въ землю*; Юлія-же го-

Digitized by Google

ворила: Землю и море, о дѣти мои, вы *нашлись какъ* раздѣлить; два материка, какъ говорите вы, отдѣляются проливомъ; но мать свою какъ вы раздѣлите? Какъ, несчастная, раздѣлюсь я, или расторгнусь между обоими вами? Сперва меня убейте, и *расторгши*, каждый у себя похорони часть свою. Такимъ образомъ и я буду *раздѣлена между вами*, вмѣстѣ съ моремъ и землею. *Сказавъ* сіе, со слезами и рыдая, *схвативъ* обоихъ въ объятія, прижала къ *грудямъ* и старалась *сблизить ихъ*; всѣ были *объяты жалостью*; совѣтъ распущенъ; предложеніе отмѣнено и каждый возвратился въ свои *чертоги* »(стр. 139). « Желалъ-бы я, воины, говорить вамъ обычнымъ образомъ, чтобъ и мнѣ слова мои были *приличны*, и вамъ *слушать пріятны*. *Наслаждавшись* столь продолжительнымъ миромъ, *если* теперь *услышите* что новое, необходимо будете поражены *тѣмъ*, *какъ* необычайностію» (стр. 202). «Еще болѣе подвигся онъ *къ жестокости* и *къ ожесточенію* противъ всѣхъ *заговоромъ*, будто противъ него *сдѣланнымъ*, въ которомъ участвовали многіе *стоначальники* и всѣ Сенаторы. Былъ нѣкто *Магнусъ* благороднаго происхожденія *и Проконсулъ*; оклеветали его, что онъ собираетъ противъ Максимина *скопище*, и убѣждаетъ воиновъ, избрать *его* Императоромъ; а приготовленія къ сему были слѣдующія »(стр. 222). Punctum!

Мы удивляемся, что Г. Оболенскій, при своихъ познаніяхъ и умѣ, такъ неудачно избираетъ предметы для трудовъ своихъ и издаетъ книги въ такомъ несовершенномъ видѣ.

Digitized by Google

Онъ издалъ переводъ Разговоровъ Платона *О законахъ*, но есть именно то сочиненіе, которое многіе критики почитаютъ *не-Платоновымъ*; впрочемъ, если-бы оно было и подлинное сочиненіе Платона, то не дало-бы Русскимъ читателямъ понятія о безсмертномъ Грекѣ. По крайней мѣрѣ Разговоры *О законахъ* были переведены съ бо́льшимъ тщаніемъ, нежели Геродіанъ; съ симъ послѣднимъ Г. Переводчикъ обошелся весьма неучтиво.

Г-ну Оболенскому извѣстно личное наше къ нему уваженіе; но, по пословицѣ: *въ полѣ съѣзжаются, родней не считаются*, мы сказали то, что думаемъ о новомъ его трудѣ. Сколько важныхъ занятій ожидаютъ Литтератора такихъ достоинствъ, какъ онъ! Надобно только быть поразсмотрительнѣе въ выборѣ трудовъ своихъ и поотчетливѣе въ исполненіи оныхъ.

— *Исторія Древней и Новой Литтературы*. Сочиненіе Фридриха Шлегеля. Переводъ съ Нѣмецкаго. *Часть первая*. СПб. въ Т. А. Смирдина. 1829. VIII и 364 стр. in 8.

На Русскомъ языкѣ мало являлось донынѣ столь полезныхъ книгъ, какъ переводъ *Исторіи Древней и Новой Литтературы*, соч. Фр. Шлегелемъ. Мы ожидаемъ большой пользы отъ сего перевода, и просимъ читателей нашихъ обратить на оный особенное вниманіе. Незнакомые съ подлинникомъ сей книги найдутъ здѣсь чтеніе самое поучительное, ибо Авторъ, одинъ изъ первѣйшихъ Европейскихъ критиковъ, обозрѣваетъ въ Исторіи своей почти всѣ Литтературы и говоритъ о нихъ какъ Фило-

Digitized by Google

софъ, обогащенный величайшими филологическими познаніями. Появленіемъ такихъ книгъ должно дорожить и учиться изъ нихъ. Всякому, кто только имѣетъ возможность, совѣтуемъ прочитать Шлегеля: время, употребленное имъ на сіе чтеніе, не погибнетъ втуне. Съ появленіемъ въ свѣтъ второй части Русскаго перевода сей книги, мы постараемся представить читателямъ нашимъ свои мысли объ оной; теперь-же, почитаемъ приличнымъ познакомить ихъ съ Фридрихомъ Шлегелемъ вообще.

Фамилія Шлегелей знаменита въ Германской Литтературѣ. Въ прошедшемъ столѣтіи были въ оной извѣстны трое братьевъ Шлегелей: Іоаннъ Илія, поэтъ и замѣчательный критикъ; І. Адольфъ, поэтъ, проповѣдникъ и переводчикъ извѣстнаго и у насъ сочиненія Лебатте: Les beaux arts réduits à un même principe; наконецъ, Генрихъ Шлегель, сочинитель *Исторіи Даніи* и переводчикъ многихъ пьесъ Англійскаго театра.

Но дѣти Адольфа Шлегеля, Августъ Вильгельмъ и Фридрихъ, въ полномъ смыслѣ прославили свою фамилію. Заслуги Августа Вильгельма удивительны: *Курсъ Драматической Литтературы* (котораго Русскій переводъ давно обѣщанъ, но къ сожалѣнію доселѣ не вышелъ въ свѣтъ), превосходный переводъ *всего* Шекспирова Театра, переводъ Кальдерона, Данта, мелкія собственныя его стихотворенія, сочиненія объ Индійской Литтературѣ, Гитинскій переводъ Бхахавадъ-Гиты, множество сочиненій о разныхъ предметахъ Литтературы, на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ, критики въ разныхъ журналахъ и проч., ставятъ сего Эс-

ценика и Поэта въ число первостепенныхъ геніевъ.

Фридрихъ Шлегель писалъ не столь много, какъ братъ его, но въ сочиненіяхъ своихъ показалъ не менѣе ума и учености. Сначала онъ былъ назначенъ къ купеческому состоянію и занимался торговыми дѣлами, но непобѣдимымъ призваніемъ былъ увлеченъ къ Литтературнымъ занятіямъ. Въ 1793 году въ первый разъ явился онъ на новомъ поприщѣ, съ филологическими изслѣдованіями, и началъ заниматься вмѣстѣ съ братомъ своимъ, отъ котораго трудно отличить его въ первый періодъ жизни Фридриха: оба брата писали въ однихъ журналахъ и почти объ однихъ предметахъ. Фридрихъ долго занимался критикою. Первое замѣчательное сочиненіе его было: *Греки и Римляне*, изданное въ 1797 году. Это сочиненіе осталось неконченнымъ, хотя нѣкоторые отрывки продолженія онаго и напечатаны. Ученая публика увидѣла однакожъ, чего можно было ожидать отъ сего глубокомысленнаго писателя. Въ 1799 году издалъ онъ *Люцинду*. Этотъ романъ, въ письмахъ, произвелъ сильнѣйшее впечатлѣніе въ Германіи и былъ предметомъ жестокихъ критикъ: его почли совершенно безнравственнымъ. Авторъ хотѣлъ отвѣчать, но не исполнилъ сего, и даже въ послѣдствіи старался истребить всѣ экземпляры *Люцинды*. Послѣ сего въ первый разъ явился онъ какъ поэтъ. Въ 1804 году изданъ его *Геркулесъ Музагетъ* и вскорѣ затѣмъ *Ахаркосъ*. Въ сей послѣдней трагедіи Авторъ пытался какъ можно ближе подражать Эсхилу въ романтическихъ формахъ. Почти въ это-же время Фридрихъ путешествовалъ по Франціи и читалъ въ Парижѣ курсъ Философіи,

Digitized by Google

которыми слушатели его были не довольны, так-же как и Профессоръ ими. Въ одномъ Журналѣ онъ сказалъ о Французахъ, что «Химія и Краснорѣчіе суть двѣ главныя отрасли ихъ Литературы.» Во Франціи онъ занимался также собираніемъ лѣтописей о временахъ рыцарства и преданій объ Орлеанской Дѣвѣ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ по возвращеніи въ Германію, онъ принялъ Римско-Католическую религію; жена его, дочь знаменитаго Моисея Мендельзона, сначала воспитанная въ вѣрѣ отца своего и потомъ принявшая религію своего мужа, перешла также къ Католицизму. Женщина сія достойна упоминанія: она превосходно перевела *Коринну* Г-жи Сталь, и переводъ ея былъ изданъ прежде оригинала. Она извѣстна и нѣкоторыми другими Литературными трудами; сверхъ того она помогала своему мужу во всѣхъ его ученыхъ трудахъ, которые, вмѣстѣ съ перемѣною религіи, должны были также принять другое направленіе. Долгое тѣсно связанные съ братомъ, они оба преподавали одно Литературное ученіе и оба стремились къ одной цѣли: справедливо называли ихъ Литературными *Діоскурами*. Можетъ быть и послѣ религіозной перемѣны Фридриха, они остались нѣжными братьями, но отдалились одинъ отъ другаго; даже согласіе ихъ въ мнѣніяхъ уничтожилось. Они оба продолжали заниматься Филологіею, Критикою, Восточными языками, Поэзіею, и слѣдовали одной школѣ, но теченіе ихъ сдѣлалось совершенно различно.

Въ 1808 году Фридрихъ пріѣхалъ въ Вѣну, желая собрать нѣкоторыя документальныя свѣдѣнія для

исторической драмы *Карлъ пятый*, неизданной имъ. Лестный пріемъ отъ многихъ особъ заставилъ новаго Католика остаться въ Вѣнѣ. Въ 1809 году, находясь при главной квартирѣ Эрцъ-Герцога Карла, онъ возбуждалъ патріотизмъ Австрійцевъ своими прокламаціями. Когда настало время мира, Фридрихъ началъ читать лекціи *о Новой Исторіи* и объ *Исторіи древней и новой Литтературы*. Мы сказали въ краткихъ словахъ свое мнѣніе о его лекціяхъ *Литтературныхъ*, нынѣ являющихся въ Русскомъ переводѣ; лекціи Фридриха Шлегеля *о Новой Исторіи* не отличаются тою независимостью въ мнѣніяхъ, которою были ознаменованы прежнія его сочиненія. Заслуживъ благоволеніе Князя Меттерниха, Фр. Шлегель былъ посланъ, въ 1818 году, во Франкфуртъ, въ качествѣ Совѣтника Австрійскаго Посольства, но пробылъ тамъ не долго. Послѣ сего онъ служилъ въ Государственной Канцеляріи. Въ 1827 году онъ читалъ курсъ *Философіи жизни*, изданный имъ въ слѣдующемъ году. — Фр. Шлегель былъ человѣкъ чрезвычайно толстый, такъ что глядя на него, трудно было повѣрить, чтобы подъ сею оболочкою скрывалось столько ума, познаній и метафизической тонкости. Послѣдній курсъ свой онъ читалъ дурно, однозвучно, даже не разбиралъ своей рукописи, но все это вознаграждали его глубокія и вмѣстѣ ясныя, тонкія мысли. Къ концу 1828 г. Шлегель былъ въ Дрезденѣ, и готовясь отправиться назадъ въ Вѣну, скончался, 12 Января (н. ст.) 1829 года, почти скоропостижно (*).

(*) Краткую сію біографію заимствовали мы изъ Французскаго Журнала: Le Globe.

Digitized by Google

— Рѣчи, произнесенныя въ торжественномъ собраніи Императорскаго Московскаго Университета, Іюня 26 дня 1829 года. М. въ Ун. Т. 1829. 70 стр. in 4.

Рѣчей помѣщено здѣсь, по обыкновенію, двѣ: Русская, *Объ условіяхъ, содѣйствующихъ произрастанію растеній вообще, и въ особенности Экономическихъ*, произнесенная Профессоромъ Минералогіи и Сельскаго Хозяйства, Г-мъ Ловецкимъ, и Латинская, De ophthalmologiae praestantia (*О преимуществахъ Офтальмологіи, или знаніи о глазахъ*), произнесенная Г-мъ Профессоромъ Эвеніусомъ. Но всего любопытнѣе слѣдующая за сими рѣчами: *Краткая Исторія Московскаго Университета и его Учебнаго Округа, съ 5-го числа Іюля 1828, по 26 число Іюня 1829 года.* Изъ нея видимъ, что касательно просвѣщенія Россіи вообще, сдѣланы въ прошедшемъ Академическомъ году слѣдующія Государственныя постановленія: 1-е, Учрежденъ Главный Педагогическій Институтъ, для образованія достойныхъ учителей; 2-е, Высочайше утвержденъ, въ 8-й день прошлаго Декабря 1828 года, новый, благодѣтельный Уставъ Гимназій и Училищъ Уѣздныхъ и Приходскихъ; 3-е, образованъ Институтъ изъ 20-ти *природныхъ Россіянъ*, назначаемыхъ для замѣщенія, со временемъ, Профессорскихъ каѳедръ; 4-е, преобразованы Цензурные Комитеты; 5-е, Ярославское Демидовское Высшихъ Наукъ Училище снова поступило въ вѣдомство Московскаго Университета, а бывшій Почетный Попечитель сего училища, Тайный Совѣтникъ Безобразовъ уволенъ отъ сего званія. Университетъ

Digitized by Google

причисляетъ къ счастливымъ для него событіямъ посѣщеніе Барона Гумбольдта и, особенно, посѣщеніе Его Свѣтлости, Г-на Министра Народнаго Просвѣщенія, Князя К. А. Ливена. Сей знаменитый Сановникъ, удостоивъ присутствіемъ своимъ лекціи каждаго изъ Профессоровъ и Адъюнктовъ, и, наконецъ, въ собраніи всѣхъ Профессоровъ, съ глубокомысліемъ и подробностями изложилъ свои замѣчанія о найденномъ имъ благоустройствѣ Университета, о настоящемъ теченіи дѣлъ въ немъ и о томъ единодушномъ усиліи всѣхъ членовъ онаго, безъ котораго весьма трудно дальнѣйшее усовершенствованіе столь многосложнаго заведенія.»

Въ теченіе сего года Университетъ лишился двухъ Профессоровъ: М. Г. Гаврилова и Н. А. Бекетова, и Лектора И. А. Пельша. Въ Нравственно-Политическомъ отдѣленіи учреждены каѳедры Россійской Исторіи со Статистикою и Исторіи Политической. Университетъ призналъ своими Почетными Членами: Генералъ-отъ-Инфантеріи, Бѣлорусскаго Генералъ-Губернатора Князя Н. Н. Хованскаго, нѣкогда обучавшагося въ Московскомъ Университетѣ, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, Новгородскаго Гражданскаго Губернатора А. У. Денфера, и Барона Александра Гумбольдта. Г-нъ Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ построить обсерваторію, на опредѣленную уже для сего сумму, 53,121 р., на дачѣ Университетской, что на Трехъ горахъ. Находящіеся при Университетѣ Кабинеты, Библіотека и Музей обогатились приношеніями отъ разныхъ лицъ и покупками.

Digitized by Google

Во все продолженіе учебнаго года утверждены: A. Докторами Медицины 7, B. Магистрами 2, C. Лекарями 1-го отдѣленія 27, 2-го отдѣленія 39, 3-го отдѣленія 7 человѣкъ; D. Ветеринарными врачами 2, E. Зубнымъ лекаремъ 1, F. Акушерами 5, G. Аптекаремъ 1-го отдѣленія 1, H. Провизорами 8, I. Гезелями 6 человѣкъ; K. Повивальною бабкою 1 особа.

4 Чиновника получили аттестаты, на основаніи Указа 1809 года Августа 6 дня.

По уваженію поведенія и успѣховъ въ наукахъ, изъ числа слушавшихъ Курсы въ *Отдѣленіяхъ Нравственно-Политическомъ, Физико-Математическомъ* и *Словесномъ*, утверждены: *Кандидатами*, изъ Дѣйствительныхъ Студентовъ 10, изъ Студентовъ 8; *Дѣйствительными Студентами* 46 человѣкъ. Получили свидѣтельства на степень *Кандидатовъ* 2, на степень *Дѣйствительныхъ Студентовъ* 9 человѣкъ изъ Слушателей.

Въ концѣ сего учебнаго года въ Университетѣ находилось учащихся, въ Отдѣленіяхъ: *Врачебномъ*, Лекарей 73, Студентовъ 178, Слушателей 17; въ *Нравственно-Политическомъ*, Кандидатовъ 4, Студентовъ 170, Слушателей 32; въ *Физико-Математическомъ*, Кандидатовъ 4, Студентовъ 29, Слушателей 2; въ *Словесномъ*, Кандидатовъ 6, Студентовъ 94, Слушателей 20.

Въ 11 губерніяхъ Московскаго Учебнаго Округа, во весь годъ, открыто: Уѣздныхъ Училищъ 2, Приходскихъ 6, частныхъ Пансіоновъ 10; закрыто: Приходскихъ Училищъ 3, частныхъ Пансіоновъ 5.

Digitized by Google

Учреждены Училища для дѣтей канцелярскихъ служителей въ городахъ Костромѣ, Орлѣ и Рязани. Къ концу учебнаго года, въ Моск. Учебн. Округѣ состояло: Губернскихъ Гимназій 11, Уѣздныхъ училищъ 92, Приходскихъ 126, частныхъ Пансіоновъ и школъ 57. Учащихся во всѣхъ 12-ти Губерніяхъ считалось: въ Гимназіяхъ 964, въ Уѣздныхъ и низшихъ училищахъ 11,068, въ частныхъ Пансіонахъ муж. пола 550, женскаго 567, всего-же учащихся 13,149 человѣкъ; при оныхъ чиновниковъ и учителей 1007 человѣкъ. Кромѣ разныхъ значительныхъ пожертвованій по Округу, замѣчательно изъявленное Дворянствомъ Рязанской губерніи желаніе пожертвовать до 166 тысячъ рублей на заведеніе при Рязанской Гимназіи Благороднаго Пансіона. По Высочайшему повелѣнію приняты мѣры для устроенія Ланкастерскихъ школъ, и въ Москвѣ уже учреждена шаковая школа при Никитскомъ училищѣ (*).

Университетъ предлагаетъ на слѣдующій годъ, для разрѣшенія, слѣдующую задачу: « Num Medicina Physiologica, quae nomine doctrinae medicae novae hodie insignitur, merito principatum respectu Medicinae practicae exercendae sibi vindicet? » Награда за разрѣшеніе, 250 рублей.

— Russische Miscellen zur genauern Kentniss Russlands und seiner Bewohner (*Разныя сочиненія о Россіи, служащія къ подробному познанію сей земли и ея*

(*) Въ отчетѣ Университетскомъ неправильно именуется сія метода *Ландкастерскою*. Имя знаменитаго изобрѣтателя сей методы *Іосифъ Ланкастеръ* (Lancaster).

Digitized by Google

обитателей). Издаваемый Георгом Энгельгардтом. Часть первая. СПб., въ т. Академіи Наукъ, 1829. IV и 204 стр., in 8.

Первая изъ помѣщенныхъ въ сей книгѣ статей, есть выборъ изъ *Рѣчи*, произнесенной въ 1822 году въ торжественномъ собраніи Царскосельскаго Лицея, Г-мъ Бѣлухою-Кохановскимъ, воспитанникомъ Лицея, въ которой Авторъ хотѣлъ изобразить величіе Россіи. Въ семъ отрывкѣ больше восклицаній, чѣмъ дѣла.—*Обозрѣніе всѣхъ, въ послѣдніе 25 лѣтъ совершенныхъ Русскими мореплавателями путешествій кругомъ свѣта, и проч.* Чрезвычайно любопытная и весьма хорошо составленная статья! Мы желали-бы даже перевести ее для своего Журнала, ибо на Русскомъ языкѣ еще нѣтъ столь яснаго, полнаго и кратко изложеннаго обозрѣнія заслугъ и подвиговъ Россійскихъ мореплавателей. *Отрывки изъ Дневника, писаннаго во время пути на Макарьевскую ярмарку.* Многія черты Русскаго быта замѣчены и выражены Авторомъ очень удачно. Есть любопытныя извѣстія о мѣстностяхъ. *Чукотская ярмарка въ Островно*, извлеченіе изъ писемъ Г-на Лейтенанта Машюшкина, бывшаго воспитанника Лицея, нынѣ-же извѣстнаго своими достопамятными Морскаго Офицера. Извлеченіе сіе весьма любопытно: оно даетъ понятіе о предметѣ новомъ и для Европейца удивительно занимательномъ. Къ сему отрывку приложено изображеніе мѣстечка Островно, рисованное (такъже какъ и изображеніе, находящееся на заглавномъ литографированномъ листкѣ) Г-мъ Машюшкинымъ. Оба сіи рисунка перенесены на ка-

Digitized by Google

мень извѣстнымъ художникомъ-любителемъ Г-мъ Лангеромъ. *Марѳа и Андрей*, историческое сказаніе, частію переводъ, частію выборъ изъ повѣсти Г-на Дарагана, напечатанной въ Литтературныхъ Прибавленіяхъ къ Сыну Отечества 1824 года. *Небольшіе анекдоты и характерныя черты*, заключаютъ въ себѣ также нѣчто любопытное. Вообще книга сія дѣлаетъ честь Г-ну Энгельгардту, долго бывшему однимъ изъ почетнѣйшихъ наставниковъ юношества, нынѣ-же, какъ видно, посвящающему досуги свои Литтературнымъ занятіямъ.

— *Отрывки изъ прозаическихъ сочиненій* лучшихъ Россійскихъ писателей, для постепенныхъ занятій переводами съ Русскаго языка на Французскій и Нѣмецкій. *Второе изданіе*, исправленное и дополненное (съ такимъ-же заглавіемъ на Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ). СПб., въ т. вдовы Плюшаръ, 1829. XI, XLV, 310 и 239 стр., in 8.

Отдавая полную справедливость благонамѣренному предпріятію Г-дъ Издателей сей книги, мы никакъ не можемъ согласиться, чтобы всѣ избранные ими отрывки принадлежали *лучшимъ* нашимъ писателямъ. Въ книгѣ ихъ главное: выборъ. И Введеніе, или грамматическія упражненія, занимающія XLV страницъ, подлежали-бы также внимательнѣйшему разсмотрѣнію. Но всего болѣе мы поражены страннымъ сочетаніемъ именъ Авторовъ, признаваемыхъ Гг. Издателями за *лучшихъ*. Подлѣ Г-на Булгарина; Г-нъ Броневскій; подлѣ Карамзина, Г-нъ Каченовскій! Неужели это равно достойные подражанія писатели? Боже сохра-

Digitized by Google

ни нашихъ юношей писать такъ, какъ пишутъ Гг. Броневскій и Каченовскій; но дай Богъ писать имъ подобно Г-ну Булгарину, и хоть нѣсколько приблизиться къ Карамзину! Но удивляться-ли сей неразборчивости Г-дъ Издателей, когда они, въ число *лучшихъ* писателей Русскихъ, включили *даже* Князя Шаликова и Г-дъ Мартынова, В. Никонова, Филимонова, Погодина!... Ужь кстати было-бы включить и Г-на Воейкова, издавшаго десятки томовъ чужихъ Образцовыхъ Сочиненій и не умѣющаго написать ни одной строчки правильно, умно, или даже сносно. Въ этомъ Г-нѣ Воейковъ одинъ изъ *лучшихъ*, ибо мы не знаемъ, что̀ подъ словомъ *лучшій* понимаютъ Г-да Издатели, сближая писателей, которыхъ имена *воютъ отъ ужаса*, видя себя вмѣстѣ.

— *Ганцъ Кюхельгартенъ.* Идиллія въ картинахъ. Соч. В. Алова (писано въ 1827 году). СПб. въ т. А. Плюшара (?). 1829. 71 стр. in 12.

Издатель сей книжки говоритъ, что сочиненіе Г-на Алова не было предназначаемо для печати, но, что *важныя для одного Автора причины* побудили его перемѣнить свое намѣреніе. Мы думаемъ, что еще важнѣйшія причины имѣлъ онъ не издавать своей Идилліи. Достоинство слѣдующихъ пяти стиховъ укажетъ на одну изъ сихъ причинъ:

Мнѣ лютыя дѣла не новость;
Но дьявола отрекся я;
И остальная жизнь моя —
Заплата малая моя
За прежней жизни злую повѣсть.

Заплатою такихъ стиховъ должно-бы быть сбереженіе оныхъ подъ спудомъ.

— *Аксель*, повѣсть изъ исторіи тридцатилѣтней войны, соч. Ванъ-деръ-Вельда. Переводъ съ Нѣмецкаго М. В. — М. въ Унив. тип. 1829. 95 *стр.* in 16.

Хорошій переводъ занимательной повѣсти. При рѣдкости грамотныхъ Русскихъ Переводчиковъ, это явленіе пріятное.

— Essais poétiques. Par Achille Lestrelin *(Стихотворные опыты* Ахиллеса Лестрелена). М. въ т. А. Семена. 1829. X. 107 стр. in 8.

Въ предисловіи Г. Лестрелень говоритъ: «Самая строгая критика, можетъ быть, ободрила-бы Автора, узнавъ, что съ годъ только онъ въ первый разъ вступилъ на сей тернистый путь (поэзіи), и что дотолѣ Музы отказывали ему въ своей благосклонности. Сначала онъ почиталъ свое вдохновеніе за горячку рифмъ, и думалъ, что имъ обладаетъ страсть къ стихотворству; но нѣкоторыя ученыя особы ободрили его, привели ему въ примѣръ Жанъ-Жака Руссо и многихъ превосходныхъ поэтовъ Французскаго Парнасса, выступившихъ на сцену и получившихъ огромные успѣхи уже въ старыхъ лѣтахъ. Сіи совѣты внушили ему смѣлость; онъ работалъ и черезъ шесть мѣсяцовъ издалъ *Бѣлую Шаль*, поэму, разсмотрѣнную во многихъ журналахъ.» Послѣ сего, выписавъ замѣчанія на Бѣлую Шаль, помѣщенныя въ Журналѣ Bulletin du Nord, Авторъ переводитъ и наше сужденіе о его поэмѣ, напечатанное въ 9-й книжкѣ М. Теле-

Digitized by Google

графа 1828 года. Онъ чрезвычайно доволенъ имъ, противъ ожиданія нашего. Посему-то, мы не хотимъ перемѣнять тона своихъ сужденій о его сочиненіяхъ, и скажемъ, что *Опыты*, или мѣлкія стихотворенія Г. Лестрелена, ни въ чемъ не уступаютъ *Бѣлой Шали*. Чтобы показать читателямъ нашимъ, чего можно ожидать отъ Г-на Лестрелена, переводимъ еще слѣдующія слова изъ его предисловія: «По примѣру лучшихъ поэтовъ, Авторъ (т. е. Г. Лестреленъ) пишетъ въ прозѣ предметы своихъ помышленій и на сей-то основѣ начинаетъ свою поэтическую работу. Онъ создалъ себѣ четыре плана, и нынѣ въ прозѣ предаетъ ихъ тисненію, подъ названіемъ Повѣстей (Nouvelles), дабы исключительно заняться новымъ трудомъ своимъ.» Поздравляемъ публику съ пріятною будущностью! Жаль, что мы не можемъ перевести всего Предисловія, и особенно тѣхъ мѣстъ, гдѣ Авторъ хвалитъ себя съ безпримѣрною скромностью.

— *Нищій*, или ужасъ, владычествующій въ вертепѣ игроковъ. Московская повѣсть. Стихотвореніе Николая Ѳомина. М. въ т. С. Селивановскаго. 1829. 24 стр. in 8.

Изліяніе разстроеннаго воображенія! Какъ не проклинать игроковъ, внушающихъ такіе дурные стихи! Желаемъ скорѣйшаго истребленія сихъ тварей, даже для пользы Литературы.

Digitized by Google

кутскъ, Охотскъ и Камчатку отправляющіеся отсюда на баркахъ или *нѣоляхъ*; посему весною бываетъ здѣсь большое скопленіе народа.

Говорятъ, что лѣтомъ нѣтъ ничего прелестнѣе береговъ Лены, но зимою ничего не можетъ быть скучнѣе и однообразнѣе сей дороги. Вообразите себѣ ущелину между двумя кряжами горъ средней высоты, чрезвычайно однообразныхъ на разстояніи 2500 верстъ, изъ которой видна только узкая полоса неба; прибавьте къ тому еще въ 45° морозы, и чрезвычайно длинныя станціи, иногда верстъ въ 50. До перваго уѣзднаго города, Киренска, и верстъ на 200 за нимъ, встрѣчаете маленькія селенія, отъ двухъ до десяти домовъ; но далѣе одни только станціи, которыя устроены лѣтъ за 40 назадъ, населены посельщиками, и расположены преимущественно по лѣвому берегу Лены; правый же почти вездѣ неприступенъ. Всѣ здѣшніе поселенцы находятъ пропитаніе единственно отъ содержанія станцій: мѣстъ удобныхъ для хлѣбопашества чрезвычайно мало; луговъ для выгоновъ скота нѣтъ, а въ дополненіе, зло ужасное, множество медвѣдей каждое лѣто производитъ опустошеніе въ рогатомъ скотѣ.

Съ окончаніемъ Буряткихъ спойбищъ, начинаются кочевья Тунгусовъ; я сказалъ много: не кочевья, но земля, обитаемая Тунгусами. Народъ сей, въ полномъ смыслѣ, *бродитъ* съ оленями по лѣсамъ и горамъ, и больше двухъ дней не останавливается на одномъ мѣстѣ. Если-бы предложить вопросъ: Кѣмъ населить землю, состоящую изъ непроходи-

Digitized by Google

мыхъ лѣсовъ и горъ? Выборъ палъ-бы на Тунгусовъ. Олень составляетъ все богатство Тунгуса; звѣрь сей лѣтомъ питается травою, а зимою мохомъ, растущимъ на деревахъ, слѣдовательно не требуетъ къ содержанію своему никакихъ заботъ отъ хозяина. Самъ Тунгусъ довольствуется мясомъ убитаго имъ звѣря; но какъ въ звѣряхъ не всегда бываетъ изобиліе, то нерѣдко приходится ему быть голоднымъ по нѣскольку сутокъ; въ самой уже крайности рѣшается онъ убить оленя; но при семъ случаѣ собираются къ нему всѣ сосѣди, сколько ихъ найдется, и съѣдаютъ скотину въ одинъ или два дня; хозяину-же остаются однѣ кости, копорья, высушивъ и истолокши, варитъ онъ со снѣгомъ, и тѣмъ питается до слѣдующаго благопріятнаго случая. Юрты или кибитки Тунгусскія дѣлаются изъ бересты, кое какъ; оставляя мѣсто, покидаютъ и юрту. Ужасно представить себѣ, каково Тунгусу въ такомъ жилищѣ, при 40 градусныхъ морозахъ! Но это для нихъ ничего не значитъ. Мнѣ случалось видать дѣтей ихъ нагихъ и бѣгающихъ около юрты по снѣгу. Сказываютъ, что при рожденіи, Тунгуса тотчасъ погружаютъ въ снѣгъ. Тунгусы не столь безобразны лицомъ, какъ Бурята; въ прежнія времена они вышивали лица, но нынѣ оставляютъ сіе украшеніе. Языкъ ихъ нѣженъ и благозвученъ, нравы просты. Малое число изъ нихъ исповѣдуетъ Христіанскую вѣру, а остальные, можно сказать, не имѣютъ никакой религіи. Подлинное числа ихъ неизвѣстно, да и можно-ли сдѣлать вѣрную перепись народу, бродящему по лѣсамъ и горамъ, отъ Амура до Ледови-

Digitized by Google

наго моря, между Енисеемъ и берегами Восточнаго Океана? Правда, что Тунгусы собираются въ извѣстныя времена года на какую нибудь рѣку, для плашежа ясаку, но выходятъ только тѣ, коимъ нужно что нибудь вымѣнять у Русскихъ. Въ вѣдомствѣ Киренскаго Исправника считается Тунгусовъ около тысячи душъ.

Н. Щ—ъ.

Русскій Театръ.

Обрѣева собака, драма въ 3хъ дѣйствіяхъ; *Дипломатъ*, водевиль въ 2хъ дѣйствіяхъ; *Новый Парисъ*, водевиль въ одномъ дѣйствіи; *Семикъ*, дивертисманъ (бенефисъ Гжи Н. Рѣпиной).

Зло неизбѣжно въ мірѣ семъ, и даже необходимо, потому что безъ него не было-бы добра, такъ-же какъ безъ горести не было-бы и радости. Будемъ, по крайней мѣрѣ, благодарить Провидѣніе за то, что оно дозволяетъ и доброе и худое въ равной мѣрѣ, подобно тому, какъ мужчины и женщины родятся въ равномъ числѣ. Родъ человѣческій стремится къ совершенству; всѣ умы напрягаются для содѣйствія ходу просвѣщенія. Но между тѣмъ видимъ, что предразсудки, пороки и глупости не отстаютъ отъ сего исполина, быстрыми шагами пробѣгающаго свое поприще, къ утѣшенію рода смертныхъ. Все худое, все то, что благомыслящіе люди, вооруженные свѣтильниками наукъ и бичемъ истинъ, стараются истребить для блага всѣхъ живущихъ, все это укрывается отъ мѣткихъ ударовъ Философіи, и подобно гидрѣ, ежеминутно возраждается, въ разныхъ ви-

Digitized by Google

дахъ и образахъ. Тщетно благотворительное Правительство дѣлаетъ мудрыя постановленія, имѣющія цѣлью очевидную и всѣмъ понятную пользу гражданъ. Злоупотребленія зараждаются въ самыхъ сихъ учрежденіяхъ, подобно мышамъ и крысамъ, которыя, неизвѣстно откуда, берутся въ новомъ и прочномъ зданіи. Все творимое человѣкомъ подвержено симъ неудобствамъ. Но не ужели мыши и крысы могутъ кого либо принудить къ разрушенію удобнаго и прекраснаго строенія? Нѣтъ, конечно! Въ такомъ случаѣ должно, по мѣрѣ возможности, истреблять сихъ вредныхъ тварей, и препятствовать ихъ размноженію. Тоже самое бываетъ и въ нравственномъ мірѣ. Зло едва-ли можетъ быть совершенно искоренено; но тѣмъ не менѣе должно заботиться объ истребленіи плевелъ, и употреблять всѣ дозволительныя средства, для сокрушенія возростихъ, и для воспрепятствованія прозябенію ихъ сѣменъ. Въ этой безпрерывной борьбѣ желанія добра, со всюду являющимся зломъ, благое Провидѣніе явно оказываетъ свою помощь. Самые отвратительные пороки имѣютъ свою смѣшную и чувствительную сторону, такъ, что не только громы Владыкъ земныхъ, но и ловкіе щелчки людей, повидимому безсильныхъ, могутъ разить змѣй злоупотребленій, и препятствовать распложенію оныхъ. Слово: *колкости*, недаромъ означаетъ удачныя насмѣшки, потому что онѣ въ полномъ смыслѣ колютъ тѣхъ, которые погрязли въ блатѣ предразсудковъ, пороковъ, и отвратительность своего виталища почитаютъ себѣ обороною. Въ этомъ случаѣ, сатиры, эпиграммы, и выведеніе на сцену таковыхъ лицъ, можно уподобить камнямъ, коими рѣзвые мальчики

Digitized by Google

раздробляютъ высунувшіяся изъ подъ шины голени жабъ и лягушекъ, между тѣмъ какъ сами они находятся въ нѣкоторомъ отдѣленіи отъ нечистаго и смраднаго мѣста. Такова цѣль и Комедіи. Смѣшить и забавлять народъ, было и донынѣ есть ея фундаментальное предназначеніе. Но она, какъ и все близкое къ изящному, не удовольствовалась своими первоначальными формами. Ей, то есть Комедіи, показалось, что безпрестанныя одураченія Синьора Панталона, произведенныя плутнями Арлекина и уловками Коломбины, равно какъ и вѣчные любовные успѣхи Синьора Леандра и Донны Изабеллы, еще недостаточны для выполненія ея обязанности. Комедія, расширивъ крылья, свободно воспарила подъ чистымъ небомъ, и ястребиными глазами обзирая гадовъ нравственнаго міра, начала стремительно бросаться на нихъ. Со всѣмъ уваженіемъ нашимъ къ Классической древности, не будемъ упоминать о комикахъ Греческихъ и Римскихъ, которые не постигли настоящей цѣли Комедіи. У нихъ была она орудіемъ личности, или средствомъ смѣшить публику, во что бы то ни стало. Гораздо ближе къ нашему времени безсмертные Шекспиръ и Мольеръ. Первый, котораго въ отношеніи къ Драматическому Искусству можно смѣло назвать *всеобъемлющимъ геніемъ*, угадалъ тайну истинной Комедіи, и извлекъ оную изъ противоположности смѣшнаго съ плачевнымъ. Какъ сердцевѣдецъ онъ представлялъ человѣка такимъ, каковъ онъ въ сущности, то есть и смѣшнымъ и жалкимъ. Великому шаланту Шекспира удалось выказать въ занимательномъ видѣ сіи столь противныя стороны нашего юдольнаго быта. — Мольеръ избралъ себѣ

Digitized by Google

другую стезю. Онъ началъ разсматривать худую и смѣшную сторону, не человѣка вообще (который въ естествѣ своемъ не измѣнится до скончанія міра), а обычаевъ своего времени. Смѣло можно сказать, что сей великій Комикъ поражалъ предразсудки и заблужденія своего вѣка не палицею Геркулеса, а стрѣлами Аполлона, доставлявшими какое-то наслажденіе тѣмъ, кои были уязвлены оными. Но какія были наслажденія безсмертнаго Мольера! За удовольствіе, имъ безпрерывно доставляемое современникамъ, за печать славы, наложенную имъ на вѣкъ гордаго Людовика, пользовался-ли онъ должнымъ возмездіемъ? Нѣтъ! Вся жизнь его была не иное что, какъ борьба съ предразсудками, коимъ онъ наносилъ столь мѣткіе удары. Потомство оцѣнило сіе по достоинству; но при жизни своей, Мольеръ испилъ до послѣдней капли фіалъ горечи; онъ испыталъ, сколь трудно сражаться съ гидрою закоренѣлыхъ предубѣжденій; онъ узналъ, что пороки, столь смѣло имъ разимые, хотя не имѣютъ твердой и надежной брони, но тѣмъ не менѣе, подобно дикобразу, уязвляютъ своими иглами нападающаго на нихъ. И такъ, утѣшьтесь, труженики, подвизающіеся на тернистомъ поприщѣ Драматической Словесности, утѣшьтесь тою неутѣшительною мыслію, что и великіе ваши предшественники, ваши образцы, должны были испытать всю трудность борьбы съ *предразсудками*! Разсмотрите повнимательнѣе ихъ красивые вѣнцы, и вы увидите, что они были омочены слезами получившихъ оные.

Digitized by Google

Въ 8-й книжкѣ Телеграфа извѣщали мы нашихъ читателей о чаемомъ представленіи, въ пользу Актрисы Г-жи Н. Рѣпиной, прекрасной Комедіи: *Дворянскіе выборы*. Благодаря повсюду распространяющемуся просвѣщенію, и мудрому, благодѣтельному Цензурному Уставу, который вполнѣ удовлетворяетъ потребностямъ нашего вѣка, драматическіе писатели начали громить пороки и предразсудки, искусно выставляя ихъ безобразно-смѣшную сторону. Въ вышеупомянутой Комедіи, мастерскою и смѣлою кистью начертано изображеніе одного изъ гнуснѣйшихъ злоупотребленій, происходящаго отъ того, что просвѣщеніе у насъ не слишкомъ еще глубоко пустило свои корни. Образованная публика обрадовалась сему новому явленію, и болѣе тысячи экземпляровъ Комедіи распродано было въ два мѣсяца. Изъ сего явствуетъ, что наши соотечественники любятъ истинное и хорошее, но — *мракобѣсіе* на сей разъ не осталось въ покоѣ, и дикимъ своимъ голосомъ возопіяло, что Комедія *Дворянскіе выборы*, оскорбляетъ не только все сословіе дворянъ, но даже посягаетъ на благотворное учрежденіе Мудрой Государыни! Помилуйте, господа! Гдѣ вы это нашли? Въ шерзаемой вами Комедіи видимо явное благоговѣніе къ установленію Великой Монархини, а стрѣлы сатиры обращены только на злоупотребленія, неизбѣжно долженствующія произойдти отъ сего самаго учрежденія, потому что въ мірѣ семъ нѣтъ такой святыни, подъ предлогомъ коей не укрывались-бы злоухищренія. Не видимъ-ли мы въ нашемъ Литтературномъ быту, что самое про-

Digitized by Google

свѣщеніе, въ гиганшскомъ своемъ ходѣ, влачишъ за собою цѣлую толпу смѣшныхъ и уродливыхъ призраковъ, подлежащихъ ударамъ критики и сатиры? Черви и насѣкомыя зараждаются отъ благотворныхъ лучей дневнаго свѣтила, и мудрено-ли, что чтимое нами просвѣщеніе порождаетъ скороспѣлокъ-мудрецовъ, безграмотныхъ журналистовъ, задорныхъ недоумокъ, поклонниковъ буквы Э, желчныхъ педагоговъ, и проч., и проч., тысячу разъ *и прочее?* Вся эта сволочь бываетъ обыкновенно предметомъ насмѣшекъ истинныхъ любителей просвѣщенія. Неужели какой-нибудь ученый будетъ гнѣваться, когда увидитъ въ комедіи педанта, представленнаго въ каррикатурномъ и смѣшномъ видѣ? Напротивъ! Ученый самъ потѣшится надъ забавнымъ своимъ собратомъ по святилищу наукъ. Я думаю, смѣло можно ручаться, что благовоспитанные юноши восьмидесятыхъ годовъ не обижались тѣмъ, что Митрофанушка, съ своими учителями, былъ выведенъ на сцену Придворнаго Театра, *по приказанію Великія Екатерины.* Какой честный Предсѣдатель Палаты вздумаетъ узнавать себя въ извѣстномъ дѣйствующемъ лицѣ Комедіи: *Ябеда*, игранной по Высочайшей волѣ Императора Павла? Какой здравомыслящій членъ Англійскаго Клуба оскорбится тѣмъ, что безсмертный Грибоѣдовъ далъ ему въ товарищи небывалыхъ Фамусовыхъ, Репетиловыхъ, Лохмотьевыхъ, и другихъ? Не знаю, что думаютъ Господа мракобѣсы; только имѣю честь имъ объявить, что я, нижеподписавшійся, принадлежу къ одной изъ древнѣйшихъ Фамилій Рос-

Digitized by Google

сійскаго Дворянства, и ни мало не обижаюсь тѣмъ, что собраты мои по званію дворянина, каковы суть *Кожедраловъ* и *Забойкинъ*, выведены на сцену въ настоящемъ ихъ видѣ. Я вмѣнилъ-бы себѣ въ честь познакомиться съ *Твердовыми*; но никогда не сталъ-бы искать знакомства съ *Староплутовымъ* и даже посмѣялся-бы отъ души, если-бы увидѣлъ, какъ Его Высокородіе былъ выведенъ подъ ручки изъ залы Дворянскаго Собранія. Въ этихъ-же чувствахъ ручаюсь и за всѣхъ образованныхъ членовъ почтеннаго Дворянскаго сословія. И такъ, мужайтесь, благородные поборники истины! Смѣло разите грозною палицею вашего остроумія предразсудки и злоупотребленія. Вопли черни не заглушатъ радостныхъ кликовъ, коими благомыслящіе сыны отечества привѣтствуютъ ваши произведенія! . . . Какъ-бы то ни было, только обѣщанное на 21-е Іюня представленіе Комедіи: *Дворянскіе выборы*, отложено до другаго времени, за тѣмъ, *чтобы гусей не раздразнить*, и вмѣсто сей Комедіи дана была извѣстная Драма: *Обріева собака*, вѣроятно потому, что вѣрная и добрая собака, лучше. . . но оставимъ это, и не будемъ говорить о старой Драмѣ. Увѣдомимъ только Г-дъ охотниковъ, что прекрасная собака, столь искусно выполнившая свою роль, принадлежитъ Актёру, *Г-ну П. Степанову*.

Въ слѣдъ за симъ былъ представленъ прекрасный и замысловатый Водевиль: *Дипломатъ*, давно уже игранный въ Петербургѣ. Здѣсь употчивали насъ новымъ переводомъ, Гг-дъ *Павлова* и *Шевырева*. Если полубогъ Геркулесъ, въ угодность прекрасной

Digitized by Google

Омфалѣ, отложилъ свою тяжеловѣсную дубину и принялся за верешено, то мудрено-ли, что Г-нъ Шевыревъ снялъ на время колпакъ любомудрія, положивъ въ сторону перо, съ него-же сливаешся индивидуально-объекшивная крипика, и началъ посвистывашь на водевильной дудочкѣ? — «Ладно-ли игралъ?» спросятъ чишатели. Со грѣхомъ по поламъ! отвѣшимъ мы. Хорошо, что у него былъ сотрудникъ, который прекрасными и замысловашыми куплешами нѣсколько заглушилъ нестройные звуки новаго инструменша, избраннаго Г-мъ Шевыревымъ. Вотъ образчикъ водевильныхъ подвиговъ сего неумышнаго Крипика: молодой Французъ, по обычаю своихъ единоземцовъ привыкшій говоришь каламбурами, стряпаетъ комплименшы прекрасной Графинѣ. И чтожь? Онъ увѣряетъ, что доселѣ онъ искалъ счастія *въ стаканѣ*, а теперь нашелъ его *въ графинѣ!!* Не правда-ли, что это очень индивидуально и объекшивно, и что въ семъ велемудроизысканномъ каламбурѣ, отъ созвучія словъ: *графинъ, Графиня*, есть какая-то *младенческая односторонность?* Въ оправданіе глупости, сказанной молодымъ Французомъ, онъ говоритъ, что утомился отъ дальняго пути, отъ чего-де и каламбуръ *тяжеловатъ*. Смѣло можемъ увѣришь, что добрые ребяша Французы очень откровенны, и когда совруть, то признаются въ томъ чистосердечно. Маркизъ, предсшавленный въ Дипломатѣ, вѣрно сознался-бы въ томъ, что его каламбуръ *отмѣнно плосковатъ*, въ чемъ совѣтуемъ сознашься и Г-ну Шевыреву. Впрочемъ, пьеса была разыграна недурно. За то костюмы были уморишельны! Владѣшель-

Digitized by Google

ный, Герцогъ и сынъ его явились въ первомъ дѣйствіи Водевиля въ егерьской ливреѣ, какого-нибудь Германскаго Барона, имѣющаго до двухъ тысячь талеровъ ежегоднаго дохода. На счетъ костюмовъ пожалѣемъ о Г-нѣ Банпышевѣ, занимавшемъ роль Принца, на коего онъ былъ столько же похожъ, сколько на Китайскаго Императора. Этотъ молодой артистъ, т. е, Г-нъ Банпышевъ, имѣетъ очень пріятный голосъ и заботится объ усовершеніи своего пѣнія. Все предвѣщаетъ въ немъ хорошаго опернаго актёра. Не льзя-ли ему позаботиться также о посвященіи себя въ тайны актерскихъ уловокъ на счетъ наружнаго вида? Природа не всѣхъ одѣляетъ красотою. Извѣстно, что знаменитый Лекенъ былъ малаго роста, нѣсколько толстоватъ и неуклюжъ, и имѣлъ ротъ, растянутый до самыхъ ушей. За всѣмъ тѣмъ, онъ былъ настоящій царь на сценѣ. Безобразіе его исчезало, и самыя прихотливыя дамы временъ Людовика XV-го видѣли въ немъ-почти красавца. При столь пріятномъ голосѣ, какимъ обладаетъ Г-нъ Банпышевъ, желательно было-бы видѣть и пріятную наружность. Въ образецъ умѣнья получить оную, укажемъ ему на недавно бывшаго здѣсь Актёра Г-на Брянскаго.

Водевиль: *Новый Парисъ*, есть новое, прелестное произведеніе легкаго пера Г-на Хмельницкаго. Не разсказываемъ о содержаніи сей пьесы, для того, чтобы любопытные зрители были пріятно изумлены сею прекрасною шуткою. Г-жа Н. Рѣпина, своею непринужденною, натуральною игрою заслужила вызовъ отъ восхищенной публики. Дѣв-

Digitized by Google

Карпакова и въ маловажной роли оказала свой талантъ, который, по непостижимому упрямству, оставляетъ она въ небреженіи, посвятивши себя на служеніе Терпсихоры. Жаль, и очень жаль! Дѣв. Карпакова, ни фигурою, ни искуствомъ своимъ, никогда не станетъ на ряду, не только съ первоклассными нашими танцовщицами, каковы: Г-жи Воронина-Иванова, Ришардъ, Лопухина, Харламова и Ситникова — но едва-ли даже сравнится съ Г-жами Ленскою и М. Ивановою, сими двумя прелестными сестрами, которыя и малый свой ростъ сдѣлали какъ-бы необходимымъ для прельщенія публики. Г-жа Кураева была очень не дурна въ роли сварливой перенощицы. Не смотря на все это, истинные любители отечественнаго театра, всегда со вздохомъ, лишь только увидятъ актрису въ роли старухи, воспоминаютъ о незабвенной Г-жѣ Лисицыной! Потеря этой неподражаемой артистки, такъ рано оставившей театръ, столь же незамѣнима, сколько и потеря несравненнаго Рязанцова!

О представленіи прекраснаго Дивертисмана, сочиненія покойнаго Аблеца, мы ничего сказать не можемъ, потому что водевиль: Новый Парисъ, кончился въ исходѣ перваго часа по полуночи, а нижеподписавшійся не расположенъ былъ наслаждаться зрѣлищемъ восходящаго солнца по выходѣ изъ Театра.

Василій Ушаковъ.

Digitized by Google

Г-ну РАЙЧУ-АМФИТЕАТРОВУ.

Въ 26-й книжкѣ Галатеи вы напечатали не опытъ, а откликъ противъ обличенiй, написанныхъ мною и помѣщенныхъ въ 11-й книжкѣ Московскаго *Телеграфа*. Долгомъ поставляю вновь обличить васъ въ разныхъ несправедливыхъ показанiяхъ и увертках, коими наполненъ вашъ откликъ.

Дѣло шло о томъ, что Г. Борхардтъ не называлъ Россiи *аулом*, что онъ не пасынокъ, а вѣрноподданный *Русскiй*, и что, слѣдовательно, обвиненiя ваши, противъ него устремленныя, суть не иное что, какъ клевета: это я доказалъ, и опровергнуть этого вы не можете. Вамъ надлежало-бы только сознаться, что вы *виноваты предъ Г-мъ Борхардтомъ, какъ предъ гражданиномъ;* но вмѣсто сего признанiя, что сдѣлали вы?

Онъ безпорядка-ли въ головѣ, или желая какъ нибудь оправдаться отъ истины, вы говорите, что объяснили въ 24-мъ № Галатеи слово Aula. Правда, какой-то добрый человѣкъ сказалъ вамъ, что слово Aula не значитъ *аулъ*, и вы сознались въ этомъ, то есть, публично признались въ своемъ невѣжествѣ и въ несправедливости. Но я долженъ былъ повторить изъясненiе гибельнаго для совѣсти вашей слова, потому что, сознавая въ своемъ невѣжествѣ, вы все таки утверждали, что Г. Борхардтъ употребилъ слово Черкесское, Чеченское или Абхазское, а не Лашинское, принятое въ Нѣмецкiй языкъ. Такимъ образомъ, основанное на оскорбительномъ для вѣка нашего незнанiи, лживое показанiе ваше, что

Digitized by Google

Г. Борхардшъ *называетъ Россію аулом*, оставалось, хотя-бы для однихъ васъ и подобныхъ вамъ, не опровергнутымъ. Я опровергъ сію клевету вашу, и въ доказательство, что просвѣщенные Нѣмцы употребляютъ слово Aula точно въ томъ смыслѣ, въ какомъ употребилъ его Г. Борхардшъ, привелъ выписку изъ Іенскихъ Вѣдомостей. Послѣ этого, надобно имѣть ваше безстыдство, чтобы осмѣлиться утверждать, что Профессоры Іенскаго Университета, издающіе упомянутыя Вѣдомости, которыя вы сами называете *ученымъ* (такъ истина обнаруживается, *даже* и въ вашихъ словахъ), что сіи Издатели суть Литераторы неблаговоспитанные, безумные, ибо они употребляютъ слово Aula, пишутъ жалкимъ образомъ, и что, вмѣстѣ съ ними, я не имѣю никакого понятія о свойствахъ и чистотѣ Нѣмецкаго языка. Послѣ урока, даннаго мною вамъ въ семъ языкѣ, я могъ-бы утверждать противное и не согласиться съ вашимъ мнѣніемъ о Профессорахъ Іенскаго Университета, но оставляю въ покоѣ ваше незнаніе: думайте какъ хотите, Г. Рапчъ-Амфитеатровъ! Мнѣ совѣстно за васъ. До чего унизились вы! До какихъ нелѣпостей можетъ доводить несправедливость!... Впрочемъ, въ избѣжаніе всякихъ привязокъ, замѣчу, что я всегда готовъ учиться Нѣмецкому языку у Профессоровъ Іенскаго Университета (одного изъ знаменитѣйшихъ въ Германіи), всегда въ ономъ буду слѣдовать примѣру Издателей Іенскихъ Ученыхъ Вѣдомостей, въ которыхъ участвовали Шиллеръ, Фихте, Шеллингъ, Шлегели, и почти всѣ славнѣйшіе Литераторы и ученые, которыми гордится Германія! Изданіемъ

Digitized by Google

Іенскихъ Вѣдомостей занимаются и нынѣ первокласные ученые. Если Г. Борхардтъ пишетъ «почно такимъ-же *Чухонско-Нѣмецкимъ нарѣчіемъ*» (Гал. стр. 79-я), какъ сіи господа, что я поздравляю его: онъ писатель изящный. Вы прибавляете, что самъже «нарѣчіемъ *говорятъ* Нѣмцы съ Тверской и Дмитровки», и что, «такія *писанія* читать *не только грѣшно, но даже стыдно*, и проч.» По вашей Логикѣ выходитъ, что Нѣмцы, живущіе на Тверской или Дмитровкѣ, говорятъ и пишутъ *постыднымъ языкомъ*. Надобно-ли опровергать это? Напомню вамъ, Г. Амфитеатровъ, что въ назначенныхъ вами мѣстахъ живутъ многіе знатные и ученые Нѣмцы, ибо Тверская и Дмитровка одни изъ лучшихъ мѣстъ Москвы. Вотъ какъ зашибло васъ слово Aula!

Намеки ваши о деньгахъ (опять!), о кумовствахъ и подобномъ сему, оставляю безъ вниманія. Я не могу и не обязанъ перемѣнять вашего мерканпильнаго взгляда на предметы.

Вы говорите, что я вмѣняю въ Литтерапурное достоинство Г-ну Борхардту его службу при Благородномъ Пансіонѣ. Это неправда. Я сказалъ, что онъ Русскій подданный, Русскій урожденецъ и Русскій чиновникъ, въ доказательство его *гражданскихъ*, а *не литтературныхъ* правъ. И можно-ли *вамъ* на судъ представлять чьи-бы то ни было Литтерапурныя права? На письмо Гёте къ Г-ну Борхардту я указалъ, дабы вразумить васъ, какъ просвѣщенные Нѣмцы смотрятъ на труды нашего соотечественника. Вы не понимаете этого — и Богъ съ вами!

Я не слыхалъ отъ Г. Рощева, чтобы онъ *самъ остановилъ* напечатаніе посланнаго имъ къ вамъ

Digitized by Google

письма о стихотвореніи: *Видѣніе Валтазара.* По возвращеніи Г. Ротчева въ Москву, мы узнаемъ истину вашего показанія; но, объявивъ, что вы напечатаете его письмо, вамъ должно было извѣстить публику и о причинѣ ненапечатанія онаго. Каждый читатель Галатеи въ правѣ напомянуть вамъ объ этомъ. Но если что либо и воспрепятствовало Г-ну Ротчеву напечатать у васъ свое письмо, то тѣмъ не менѣе онъ доказалъ вамъ онымъ клевету вашу на меня въ перепечаткѣ, а дѣло только въ этомъ и заключается. Содержаніе сего письма мнѣ извѣстно: разскажите оное хоть въ нѣсколькихъ словахъ, и вы будете пристыжены. *Видѣніе Валтазара* вы называете *оригинальнымъ стихотвореніемъ*: оригиналъ его находится въ сочиненіяхъ Байрона, въ Еврейскихъ мелодіяхъ.

Желая уличить меня въ двуличіи, вы говорите, что за нѣсколько мѣсяцовъ я называлъ васъ *хорошимъ человѣкомъ*, а теперь думаю иначе. Я не только называлъ, но даже почиталъ васъ хорошимъ человѣкомъ, и доказалъ вамъ это не одними словами: вспомните о прошлогодней не-литературной исторіи съ вашимъ Іерусалимомъ, и не заставляйте меня говорить болѣе о семъ предметѣ. Вы сами привязываетесь ко мнѣ и принуждаете входить въ посторонніе объясненія. Такъ, Г. Раичъ! я *почиталъ* васъ хорошимъ человѣкомъ; но теперь, по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ, и видѣвъ 26 книжекъ Галатеи, повторяю, что *вы принадлежите къ числу тѣхъ людей, съ которыми не льзя, уважая самого себя, входить въ состязаніе.* Гдѣ тутъ двуличность?

Digitized by Google

За урокъ въ знаніи людей, данный вами мнѣ, я служу вамъ только Литтературными уроками.

Далѣе вы утверждаете, что никогда не писали, *не только плаксивыхъ, но даже и никакихъ романсовъ и элегій*. Можетъ быть, ваши *Перекати поле, Я плыву и капаю*, и десятки другихъ стишонковъ, не стоятъ названія романсовъ и элегій: это пустоцвѣтъ литтературный; но плаксивыми и брюзгливыми называютъ ихъ всѣ читатели. Спросите у нихъ сами объ этомъ!

Не на обумъ, и не желая обижать васъ, сказалъ я, что *Галатея* литтературно ниже Дамскаго Журнала. Издатель сего Журнала по крайней мѣрѣ знаетъ склоненія именъ, правила согласованія словъ, знаетъ Русское правописаніе: у васъ, Издателя Галатеи, на каждой страницѣ видимо совершенное невѣдѣніе даже и въ этомъ. Вы ссылаетесь на опечатки: стара шутка! Не льзя дѣлать такихъ опечатокъ. Не льзя, чтобы вы отъ одного недосмотра, вмѣсто Журнала издавали образцы кривописанія. Видите-ли, что я основательно назвалъ Журналъ вашъ писшимъ, по литтературному достоинству, въ сравненіи съ Дамскимъ Журналомъ.

Знаете-ли, Г. Ранчъ-Амфитеатровъ, что вы ошиблись въ разсчетѣ, безъ толку, безъ познаній, при одномъ невѣжествѣ и желаніи браниться начавъ войну съ другими журналами? Васъ обличаютъ и будутъ обличать на каждомъ шагу, ибо, съ такими Литтераторами, какъ вы и ваши сотрудники, правда, стыдно состязаться, но побѣждать васъ такъ-же легко, какъ пугать Индѣйскаго пѣтуха. Замѣчу вамъ еще, что Литтературная война занимательна иногда

нолько, когда въ обѣихъ воюющихъ сторонахъ виденъ умъ, остроша и благонамѣренность. Вы-же, не смыслите сказать ни одного остраго слова, спотыкаетесь на каждомъ шагу, безпрестанно оказываете полное, всяческое незнаніе, и смѣшите людей единственно на свой счетъ. Неужели вамъ пріятно играть сшоль жалкую роль? Уймитесь! Издатели Дамскаго Журнала и Славянина могутъ служить вамъ примѣромъ, что безсмысленная брань не возвышаетъ, а роняетъ журналъ. Впрочемъ, попытайте еще силъ своихъ, если вамъ хочется получить нѣсколько новыхъ уроковъ.

До новой галиматейной клеветы, прощайте.

Издатель Моск. Телеграфа.

Digitized by Google

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

Quoique nous soyons en été, on porte encore des chapeaux de moire, blanche, bleue ou rose. Ces chapeaux sont bordés d'un demi voile de blonde et ornés d'une branche de camelia blanc à cœur rose, qui descend obliquement du haut de la forme à droite, jusque vers le milieu de cette forme à gauche.

Une des modes de cette année consiste à doubler la passe des chapeaux de paille d'Italie en gros de Naples blanc, rose, bleu, cerise, etc.

Pour la promenade dans le jardin ou dans les champs, les jeunes personnes ont des capotes de paille cousue; dont la passe, très longue et plaquée contre les joues, est doublée en gros de Naples, vert, rose, jaune ou bleu. Pour toute garniture, ces capotes ont un ruban qui en fait le tour, et dont les bouts forment brides.

A la campagne, nous avons vu plusieurs danseuses dont la coeffure était ornée de fleurs naturelles: pavots, bluets, laurier-rose, œillets et grenades. Ces fleurs à longue tige, étaient placées derrière les coques de cheveux qui formaient le sommet de la coeffure.

Quelques merveilleuses ont essayé à l'Opéra, et au Théâtre-Favart, de se coeffer aussi avec des fleurs naturelles; mais la chaleur a fané ces fleurs avant la fin du spectacle.

A la promenade, quelques redingotes de jaconat, ouvertes par devant, laissent voir le jupon; on les appelle redingotes

(*) До 20 Іюня (н. с.) 1829 г.

Digitized by Google

à la maîtresse parce que Mlle Léontine Fay en porte une semblable dans la pièce de ce nom.

Dans les bals champêtres on porte beaucoup de robes de mousseline fond blanc, à grand feuillage vert, jaune, bleu ou rose, disposée en colonnes. Ces robes sont faites en guimpe; elles ont des manches *à l'imbécille*. Le corsage est recouvert par un fichu de tulle uni, avec entre-deux brodés. Le fichu forme pélerine; il est bordé d'une petite dentelle; ses longs bouts, croisés par devant, se nouent en rosette par derrière.

A la campagne, les jeunes personnes portent presque toutes, le matin, un canezou plissé, une jupe de guimgamp uni, et un très-grand chapeau de paille d'Italie, orné, au bas de la forme, d'un ruban noir et à brides noires. Le canezou est fermé par six ou huit boutons d'or, de nacre ou d'écaille.

Il y a quelques années que les merveilleuses eurent l'idée de porter des ceintures formées de deux rubans de couleurs différentes, réunies par derrière, au moyen d'une couture: on nomma *boiteuses*, ces ceintures. Aujourd'hui, des colliers, des supots de crispins sont de deux couleurs, l'une à droite l'autre à gauche. On leur a donné le nom de colliers *à la fiancée*, à cause d'un des roles de Mad. Pradher (Henriette de *la Fiancée*).

On appelle *châle-cachemire-moresque*, un châle en $\frac{1}{4}$ carré, fabriqué à l'aide de chaînes chinées, et présentant par ce moyen des fonds de deux et trois couleurs, ornés dans les coins d'un semé de petits bouquets de cachemire. C'est le produit d'une des premières fabriques de Lyon; il se trouve à Paris *en gros seulement* chez M. Rey, rue Sainte-Apolline, n° 13, et en détail dans les meilleures maisons de nouveautés.

Digitized by Google

Presque toutes les étoffes françaises, pour robe, sont à grands ramages; les étoffes anglaises, au contraire, sont à très-petits dessins.

Les nouvelles redingotes de nos élégans sont en drap-zéphir bleu-anglais, avec collet à schall, en velours de la même nuance; elles ne descendent qu'aux genoux.

Quelques merveilleux ont des gilets de piqué blanc, dont le schall rabattu est en piqué de couleur.

Les souliers fins ont maintenant des talons hauts d'un demi- pouce; ces souliers sont presque pointus; on les serre par une rosette sur le coude-pied.

Les chemises que l'on porte le matin à la campagne, sont de batiste, à pois de couleur ou à petits bouquets.

Головныя модныя уборы. Не смотря на лѣто, все еще видны шляпки изъ шелковыхъ мореловыхъ матерій, бѣлыя, голубыя, розовыя; поля такой шляпки окружаетъ блондовый полу-вуаль; уборку составляетъ вѣтка бѣлой камеліи, съ розовымъ пестикомъ внутри цвѣтка; вѣтка должна быть наколота на шляпку вкось, сверху тульи направой сторонѣ къ срединѣ лѣвой стороны.—Въ число модъ нынѣшняго лѣта должно включить подбой полей желтыхъ соломенныхъ шляпокъ гроденаплемъ, бѣлымъ, розовымъ, голубымъ, вишневымъ, и проч. —Для прогулокъ, въ саду или въ полѣ, молодыя особы надѣваютъ капоты—шляпки, изъ сшитыхъ соломенныхъ плетушекъ; у такихъ шляпокъ поля, огромныя и пригнутыя къ щекамъ, подбиты бываютъ гроденаплемъ, зеленымъ, розовымъ, желтымъ, или голубымъ. Все украшеніе состоитъ въ лентѣ, которая окружаетъ шляпку и концами образуетъ завязки.—Въ деревнѣ многія особы являются въ шапцы, съ уборной головы натуральными цвѣтами: макомъ, васильками, пуховникомъ, гво-

Digitized by Google

здикою, гренадами. Всѣ сіи цвѣты, на длинныхъ стебелькахъ, прикалываются за складками волосовъ, находящимися на верху головы. Нѣкоторыя изъ щеголихъ вздумали было убирать головы натуральными цвѣтами и въ городѣ, выѣзжая въ театры, но оставили эту моду, ибо цвѣты вянутъ до окончанія спектакля.

Модныя платья. Реденготы жакоинатовые, открытые спереди, такъ, что надѣтое подъ ними платье видно, называются реденготы à la maîtresse (реденготъ *госпожи*), потому, что любимая Парижанами актриса Леонтина Фе, является въ подобномъ реденготѣ, въ пьесѣ, имѣющей такое названіе (точно такой реденготъ, открытый спереди, на груди и на спинѣ до пояса, называется: реденготъ à la Malvina). — На сельскихъ балахъ является много кисейныхъ платьевъ, у которыхъ по бѣлому полю набиты рядами огромныя листья, зеленаго, желтаго, голубаго или розоваго цвѣтовъ. Такія платья дѣлаются въ родѣ блузъ, съ рукавами à l'imbécille. Корсажъ закрываетъ фишю изъ гладкаго тюля, съ вышитыми двумя полосами, образуя собою пеллеринку; по краямъ узенькія кружева, а длинные концы фишю, спереди положенныя на крестъ, завязываются сзади. —Молодыя особы въ деревнѣ, утромъ, всего чаще одѣваются такъ: каньзу со складками, и съ 6-ю или 8-ю золотыми, черепаховыми, или перламутровыми пуговками; юбочка изъ гладкаго генгана; большая соломенная шляпка, съ черною лентою внизу тульи; концы ленты составляютъ завязки.

Разныя моды. Уже нѣсколько лѣтъ тому, какъ щеголихи вздумали носить пояса изъ двухъ разноцвѣтныхъ лентъ, сшитыхъ вмѣстѣ, такіе пояса были названы boiteuses (*хромые*); отъ того и цвѣтокъ двухъ различныхъ цвѣтовъ, на одномъ стеблѣ, называется также. Теперь ленты, которыми завязываются вокругъ шеи пеллеринки, называются *криспинами* (съ множествомъ мѣлкихъ складокъ) и бываютъ двухъцвѣтныя: одного съ правой, другаго съ лѣвой сто-

роны. Ихъ называютъ: окерсье à la fiancée (невѣстино), потому, что Г-жа Прадеръ играетъ въ такомъ нарядѣ роль Генріетты, въ пьесѣ называемой: *Nouvelle*. — Шаль въ ¼ квадратныхъ, вышитую на разноцвѣтныхъ нитяхъ, и онъ того представляющую два и три цвѣта въ одномъ сплошномъ полѣ, и по угламъ украшенную маленькими букетами, на манеръ бывающихъ обыкновенно на Кашемирскихъ шалях, называютъ *шаль Кашемировая-Мавританская*. Это новое произведеніе Лионскихъ фабрикъ продается оптомъ только въ магазинѣ Г-на Рей (rue St. Apolline, N° 13), а въ розницу по всѣмъ Парижскимъ магазинамъ. — Почти всѣ шелковыя модныя матеріи Французскія, для платьевъ, дѣлаются нынѣ съ большими разводами; Англійскія, напротивъ, съ мелкими узорами.

Мужскія моды. Модные сюртуки щеголей дѣлаютъ изъ, такъ называемаго, *зефирнаго сукна* (drap-zéphir), голубаго оттѣнка, именуемаго bleu-anglais; они длиною только до колѣнъ; воротникъ дѣлается шалью, изъ бархата, одинаковаго съ сюртукомъ цвѣта. — Нѣкоторые щеголи носятъ жилеты изъ бѣлаго пике, съ откиднымъ воротникомъ изъ пике цвѣтнаго. — Башмаки щеголя бываютъ съ острыми носками, высокими каблуками, завязываются спереди розеткою. Щеголь въ деревнѣ, утромъ, носитъ пеструю батистовую рубашку.

На приложенныхъ картинкахъ:

1. *Дама*. Креповая капотъ-шляпка; гроденаплевое платье, цвѣтное; шарфъ damassée.
2. *Мужчина*. Фракъ суконный, цвѣта *Русской зелени* (vert-russe); панталоны изъ Тибетской шкани.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюня 28 дня 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

Digitized by Google

ПРИБАВЛЕНІЕ

КЪ

МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 12. *Іюнь* 1829.

ОПИСАНІЕ ГЕРАРДОВА СПОСОБА

ПОСТРОЕНІЯ КИРПИЧНЫХЪ ЗДАНІЙ (*).

Читано въ годовомъ собраніи Императорскаго *Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства*, 30 *Апрѣля* 1829 г.

Въ прошедшемъ году, посредствомъ Земледѣльческаго Журнала, было доведено до свѣдѣнія сельскихъ хозяевъ краткое извѣщеніе о моемъ изобрѣтеніи построенія кирпичныхъ сельскихъ домовъ. Желаніе убѣдиться собственнымъ опытомъ

(*) Въ прошедшемъ году помѣстили мы въ *Прибавленіи къ Телеграфу* краткое извѣстіе объ изобрѣтеніи Его Превосходительства, А. И. Герарда. Важность онаго такъ сильно чувствовали многіе, что не удовлетворяясь нашимъ краткимъ извѣстіемъ, и извѣщеніемъ, которое помѣщено было въ *Земледѣльческомъ Журналѣ* (№ XXII, 1828 г. стр. 272 — 274), прислали намъ особы, изъ разныхъ

Digitized by Google

въ пользѣ такихъ строеній заставило меня замедлить сообщеніемъ подробнѣйшаго описанія оныхъ. Прошедшая зима была предназначена для сихъ опытовъ. Я построилъ кирпичныя строенія тремя способами. Во 1-хъ, въ одинъ кирпичъ, съ промежуткомъ между двухъ полукирпичныхъ стѣнокъ, наполненнымъ золою. Во 2-хъ, въ полтора кирпича, съ двумя промежутками между трехъ полукирпичныхъ стѣнокъ, ничѣмъ не наполненными, и гдѣ одинъ воздухъ служилъ преградою для выхода теплоты изнутри покоевъ въ наружу и для проницанія наружнаго холода внутрь стро-

---

мѣстъ Россіи, писали къ намъ и просили дальнѣйшихъ поясненій. Мы не могли удовлетворить симъ требованіямъ; но теперь почтенный Изобрѣтатель помѣстилъ въ Земледѣльческомъ Журналѣ подробное описаніе своего новаго способа построенія кирпичныхъ зданій. Оцѣняя въ полной мѣрѣ важность изобрѣтенія, и желая какъ можно болѣе распространить свѣдѣнія объ ономъ, мы отнеслись съ просьбою къ Его Превосходительству, чтобы, съ его позволенія, статья изъ Земледѣльческаго Журнала была перепечатана въ Прибавленіи къ Телеграфу. Желая только пользы общей, не думая извлекать какихъ-либо своекорыстныхъ выгодъ, и обнародывая свое изобрѣтеніе подробно, дабы каждый могъ имъ воспользоваться, Его Превосходительство охотно на сіе согласился, и въ слѣдствіе того, статья, читанная въ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, перепечатывается нами. Нельзя изобразить необыкновенности

Digitized by Google

ений. Сіи два способа оказались совершенно сообѣтствующими теоріи моего построенія. Въ такихъ избахъ, при обыкновенной топкѣ, было тепло и сухо. 3-й способъ, какъ я и предполагалъ, былъ неудовлетворителенъ, именно: изба, построенная изъ двухъ полукирпичныхъ стѣнокъ, съ пустотою въ 4 вершка, однимъ воздухомъ наполненною, оказалась холодна. Почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ затруднительно доставленіе въ большемъ количествѣ золы и угля, для забивки между стѣнокъ, можно употребить деревянные опилки, мохъ, кострику, мѣлкую соломенную

и выгодъ новаго изобрѣтенія лучше того, какъ изобразилъ ихъ С. А. Масловъ, въ Земледѣльческомъ Журналѣ. «Если-бы» говоритъ Г-нъ Масловъ, «если-бы кто нибудь сказалъ, что онъ построитъ въ одинъ кирпичъ избу, которая будетъ также прочна, какъ сдѣланная обыкновеннымъ образомъ въ $2\frac{1}{2}$ или 3 кирпича; что она зимою не будетъ промерзать ни отъ какихъ морозовъ; что въ нее можно будетъ переѣхать жить тотчасъ послѣ построенія; что ваша изба будетъ совершенно суха, тепла и, наконецъ, что она будетъ еще и безопасна отъ пожара, то, конечно, никто сему безъ объясненія не повѣритъ. Но изобрѣтеніе Генералъ Маіора и Кавалера Антона Ивановича Герарда совершенно удовлетворяетъ всѣмъ симъ условіямъ, и основано не на теоріи только, но утверждено совершеннымъ опытомъ.» Изъ предлагаемой здѣсь статьи и рисунка читатели могутъ удостовѣриться во всемъ сказанномъ. *Изд. Тел.*

Digitized by Google

рѣзку, гуменный кормъ, и много веществъ тому подобныхъ, замѣшя пришомъ, чтобы промежушокъ между двухъ стѣнокъ былъ не въ $2\frac{1}{2}$, а въ 4 вершка.

Желая, чтобы способъ моего построенія кирпичныхъ зданій послужилъ въ пользу и повсюду распространился въ Россіи, я для сего представляю Обществу подробное онаго описаніе съ рисунками и моделью.

Д. Ч. Антонъ Герардъ.

ЗАПИСКА

О САМОМЪ ПОСТРОЕНІИ КИРПИЧНЫХЪ ЗДАНІЙ ПО СПОСОБУ ГЕРАРДА

(съ чертежемъ).

Достоинство всякаго жилаго строенія состоитъ въ прочности, теплотѣ, сухости, въ безопасности отъ огня, и сверхъ того, для людей неимущихъ, въ дешевизнѣ; я надѣюсь, что всѣ сіи условія выполнены способомъ построенія, здѣсь описаннымъ.

Строеніе дѣлается изъ кирпичей; каждая стѣна его состоитъ изъ двухъ стѣнокъ, съ пустымъ между оными промежушкомъ, о которомъ

Digitized by Google

буду обстоятельно говорить послѣ. Каждая изъ вышеупомянутыхъ стѣнокъ дѣлается только въ полъ-кирпича, и не смотря на сію тонину, вся стѣна столь-же тверда, какъ обыкновенная въ $2\frac{1}{2}$ и въ три кирпича. Сія твердость придается стѣнамъ посредствомъ проволочныхъ скобъ, толщиною въ $\frac{1}{6}$ дюйма, а длиною тремя вершками болѣе, нежели ширина промежутка, оставленнаго между двухъ стѣнокъ; такъ, на примѣръ: если промежутокъ между стѣнокъ будетъ въ два аршина, то скобы должны быть въ 5 вершковъ и т. д. Двѣ стѣнки связываются между собою сими скобами, которыя укрѣпляются въ середину кирпичей той и другой стѣнокъ, противолежащихъ другъ другу; для сего просверливаютъ въ кирпичахъ буравомъ дыры, глубиною въ $\frac{1}{3}$ вершка, что дѣлается очень легко при кладкѣ, а можно также и на заводѣ, до обжига кирпичей, пронизнуть ихъ, что еще легче. По разчисленію, такихъ кирпичей потребно 15 на 100.

Сію перевязку проволочными скобами надобно начинать на первомъ ряду кирпича, которой лежитъ на фундаментѣ, и повторять чрезъ всякіе восемь рядовъ на девятомъ, разстояніемъ одной скобы отъ другой горизонтально на 5, 6 и 7 четвертей, смотря по тому, какъ ловчѣе придется. Въ углахъ надобно, чтобы угловой наружный кирпичъ былъ связанъ скобами съ обѣими

Digitized by Google

кирпичами внутреннихъ двухъ спѣнокъ, которыя къ нему сходятся. Угловую перевязь также повторять только черезъ восемь рядовъ. Кругомъ оконъ и дверей перевязывать скобами шѣ кирпичи, которые обхватываютъ шпунтъ косяковъ, у оконъ черезъ 6 и 7 рядовъ, а у дверей черезъ 4 и 5 рядовъ. Отъ сей перевязки косяки у дверей держатся гораздо крѣпче, нежели задѣлываемые въ каменныхъ строеніяхъ обыкновеннымъ образомъ.

Пустопа въ срединѣ спѣны, или промежуокъ между двумя спѣнками, есть существенная черта разницы сего рода строеній отъ обыкновенныхъ кирпичныхъ. Отъ сей пустопы происходятъ всѣ ихъ выгоды, то есть: теплота, сухость и дешевизна. Первую мысль къ сему подало мнѣ всеобщее и необходимое обыкновеніе у насъ въ Россіи: вставлять на зиму двойныя рамы, которыя, защищая насъ двумя линіями стекла отъ жестокихъ морозовъ, дѣйствуютъ одинаково съ промежуткомъ оставляемымъ между двумя спѣнками.

Всякій, имѣющій нѣкоторыя свѣдѣнія въ Физикѣ, знаетъ законы, по которымъ сообщается теплота и холодъ, а притомъ легко можно увѣриться и опытомъ, что есть тѣла, изъ которыхъ одни сообщаютъ холодъ и теплоту скорѣе, другія медленнѣе, а иныя почти совсѣмъ не со-

Digitized by Google

сообщаютъ. Если положишь кусокъ металла или камня на горячую печь, то они скорѣе согрѣются, нежели такой-же кусокъ сухаго дерева; по сему различному свойству пѣлъ проводить тепло и холодъ, они называются, или сильными проводниками, каковы металлы, или слабыми, каково сухое дерево, или почти вовсе непроводниками, каковъ сухой воздухъ, который почитается въ числѣ самыхъ слабыхъ проводниковъ. Отъ сего-то происходитъ благотворное дѣйствіе двойныхъ оконъ, ибо воздухъ, находящійся между ними, прерываетъ, сколько возможно, сообщеніе между внѣшнимъ холодомъ и внутреннею теплотою комнаты, одинаково проходящими сквозь стекла, вставленныя въ рамахъ; точно тоже производитъ промежуточекъ между двухъ стѣнокъ. Онъ прерываетъ сообщеніе холода наружной стѣны съ внутреннею. Постоянное дѣйствіе мороза нашихъ продолжительныхъ зимъ проходитъ сквозь кирпичныя стѣны, какъ-бы онѣ толсты ни были, потому, что кирпичъ, какъ тѣло плотное, самъ по себѣ есть хорошій проводникъ, отъ чего всегда въ каменныхъ домахъ стѣны зимою холодны. Отъ сего холода обыкновенное каменное строеніе не можетъ быть такъ сухо, какъ плотное деревянное, или какъ строеніе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, въ коемъ, если внутри комнаты тепло, то и стѣны внутреннія не холодны.

Digitized by Google

Если-бы воздухъ совершенно не принималъ и не сообщалъ холода, то можно-бъ было оставить промежуточекъ между двухъ стѣнокъ пустымъ, то есть наполненнымъ однимъ воздухомъ; но какъ онъ, по свойству всѣхъ жидкихъ тѣлъ, при малѣйшей перемѣнѣ въ степени теплоты, приходитъ въ движеніе, расширяясь и сжимаясь, а притомъ всегда болѣе или менѣе содержитъ въ себѣ влаги, которая есть сильный проводникъ, слѣдственно, прикасаясь къ двумъ стѣнкамъ различной степени теплоты, онъ будетъ находиться въ безпрестанномъ кругообращеніи, и будетъ переносить холодъ отъ наружной стѣнки къ внутренней, а отъ сей послѣдней теплоту къ наружной. Для предупрежденія этого надобно наполнять сію пустоту такимъ веществомъ, которое, будучи весьма слабымъ проводникомъ, прерывало-бы сообщеніе между двухъ стѣнокъ движущагося воздуха. Изъ всѣхъ извѣстныхъ тѣлъ, зола есть самый слабый проводникъ холода, послѣ нея уголь. Но какъ оба сіи вещества въ иныхъ мѣстахъ трудно доставать въ большомъ количествѣ, то можно вмѣсто ихъ употреблять деревянныя опилки, мохъ, кострику, мелкую соломенную рѣзку, гуменный коримъ, однимъ словомъ: всякія тѣла царства растительнаго, которыя сухи и дробны, и изъ коихъ всякій можетъ выбрать то, что по его мѣстности ему удобнѣе. — Я съ моей стороны предположилъ сдѣлать опыты съ упомянутыми

Digitized by Google

вещественныя при построеніи каменныхъ избъ и о послѣдствіяхъ сообщу мои наблюденія для общаго свѣдѣнія.—Но какое-бы вещество ни было выбрано для наполненія промежутка между двухъ спѣнокъ, надобно его сколько возможно плотнѣе набивать. Когда для сего употребляются зола или уголь, но, какъ они суть самые слабые проводники холода и тепла, можно оставлять промежутокъ между двухъ спѣнокъ не болѣе, какъ въ 2 или $2\frac{1}{2}$ вершка, но если будешь употреблено другое вещество, тогда не менѣе 4-хъ вершковъ.

Фундаментъ сего рода зданій, подобно какъ и другихъ каменныхъ строеній, должно закладывать на материкѣ, тамъ, чтобъ онъ былъ на обѣ стороны шире спѣны вершка на три. Сверхъ поверхности земли фундаментъ долженъ также состоять изъ двухъ спѣнокъ съ промежуткомъ, равной ширины противъ промежутка въ спѣнахъ. По складкѣ фундамента, должно надобно наполнять его промежутокъ тѣмъ-же веществомъ, которымъ предположено наполнить промежутки въ спѣнахъ, и набить крѣпко; потомъ должно положить первый рядъ кирпича обѣихъ спѣнокъ и связать ихъ скобами, какъ сказано, т. е. всѣ четыре угла и весь рядъ, въ разстояніи скоба отъ скобы на 6 и 7 четвериковъ. Послѣ складки нѣсколькихъ рядовъ кирпича обѣихъ спѣнокъ засыпать промежутокъ выбраннымъ веществомъ, и уколотить оное сколько можно крѣпче. Всякому ясно, что гораздо

Digitized by Google

удобнѣе будетъ убивать мѣлкій слой засыпки, нежели толстый. На девятомъ ряду кирпича повторить связь проволочными скобами, и такъ продолжать, пока дойдетъ внутренняя стѣна до той вышины, на которой предположено класть машицы и мостить пополокъ. Послѣдній рядъ кирпича внутренней стѣнки, также должно связать съ наружнымъ скобами; равно и два кирпича съ обѣихъ сторонъ, между которыми ляжетъ каждая машица, связываются съ прошиволежащими кирпичами наружной стѣнки, также посредствомъ скобъ. Машицы концами должны лежать только на внутренней стѣнѣ, наровнѣ съ нею, и не вдаваться въ промежуткомъ. Тоже наблюдать и съ накапникомъ, для того, чтобъ имъ не сообщался холодъ отъ наружной стѣнки, которую продолжать класть, пока она будетъ отъ 5-ти до 6-ти вершковъ выше машицъ, что составитъ ряда четыре кирпичей. Промежутокъ между двухъ стѣнокъ наполнять употребляемымъ для засыпки веществомъ и убивать оный, какъ прежде; но оставшуюся пустоту между наружной стѣнкою и пополкомъ, равно и всю поверхность пополка засыпать и убивать непремѣнно золою, вершка въ два, для предохраненія отъ пожара. Сей тонкій слой золы совершенно отвратитъ всякую опасность отъ огня, такъ, что если-бы и крышка сгорѣла, то пополокъ даже тлѣть не будетъ. Сверхъ золы надобно, насыпать еще вершка на два или

Digitized by Google

на три, земли для того, чтобы золу не снесло вѣтромъ. Послѣ отдѣлки кирпичной работы надобно все строеніе внутри и снаружи выбѣлить густымъ растворомъ извести, чѣмъ залѣпятся всѣ скважины, которыя могли остаться между кирпичами, и пресѣчется теченіе воздуха.

Косяки дверей и оконъ должны имѣть шпунты, толщиною противъ ширины промежутка, находящагося между двухъ стѣнокъ, и должны въ него входить на полпора вершка, такъ, что шпунтъ будетъ обхваченъ кирпичами, которые, какъ сказано выше, должно связать скобами, и именно: у оконъ черезъ 6-ть рядовъ, а у дверей черезъ 4 и 5-ть рядовъ; отъ сего косяки держатся необыкновенно крѣпко, не смотря ни на какое хлопанье дверьми. У нижнихъ косяковъ оконныхъ дѣлаютъ отливы, которые простирались бы на вершокъ черезъ наружную стѣнку, дабы помѣшать косому дождю заливаться къ окнамъ, отъ чего сырость можетъ прокрадываться въ промежутокъ стѣнъ.

Убѣдясь опытомъ въ пользѣ и удобности сего рода строеній, съ двумя стѣнками и однимъ промежуткомъ, засыпаннымъ золою, приступилъ я къ другому опыту, а именно: къ постройкѣ кирпичнаго строенія съ двумя промежутками внутри стѣнъ, т. е. дѣлая ихъ изъ трехъ стѣнокъ, каждую въ полкирпича, въ равномъ другъ отъ друга разстояніи, именно на 4 вершка, съ тѣмъ, чтобы

Digitized by Google

промежутки оставить пустыми, или наполненными одним только воздухом, и сего рода строение оказалось столь-же удобно, тепло и сухо, как выше описанныя.

Все при стѣнки каждой стѣны, также углы и корнизы около дверей, оконъ и мацицъ, все связываешся подобнымъ-же образомъ проволочными скобами; но при кладкѣ сего втораго рода строеній надобно наблюдать, чтобы среднюю стѣну весши всегда нѣсколькими рядами выше прочихъ, дабы можно было ее обмазывать жидкимъ растворомъ, и залѣплять шѣмъ всѣ скважины, для пресѣченія всякаго сообщенія воздуха изъ одного промежутка въ другой. Въ семъ родѣ строеній, т. е. съ двумя промежутками въ стѣнахъ, надобно для оконъ дѣлать по два косяка, изъ коихъ одинъ ставится съ лѣтнею рамою въ наружный промежуток, а другой, для зимней рамы, во внутренній.

Извѣстно по опыту, что наружные углы каменныхъ строеній иногда оббиваются внизу отъ ударовъ экипажами и проч., то, для отвращенія сего, по угламъ предлагаемыхъ мною строеній надобно ставить снаружи откосные столбы, или тумбы.

Мысль о семъ родѣ строеній мнѣ также подали двойныя окны, або опыты, которые я дѣлалъ надъ ними въ прошедшія двѣ зимы, показали мнѣ, что когда снаружи было 28 град. мороза, то термометръ, висящій между рамами, никогда не

опускался ниже 4 и 5°, а когда снаружи было только 4 или 5°, то онъ былъ на нѣсколько градусовъ выше нуля; по сему ясно, что когда съ извнѣ дѣйствуетъ на стѣну холодъ, а изнутри строенія тепло, то въ первомъ промежуткѣ, прикосновенномъ къ наружной стѣнкѣ, въ самые сильные морозы не будетъ болѣе 4 или 5° мороза, а въ тоже время въ другомъ промежуткѣ, прикосновенномъ къ внутренней стѣнкѣ, будетъ уже 4 и 5° выше нуля, отъ чего внутренняя стѣнка оспыть не можетъ.

Впрочемъ, все, что здѣсь сказано, сказано изъ опыта, и чтобы убѣдиться въ прочности и удобности сего рода строеній, всякій можетъ самолично видѣть образцовыя мои строенія, которыя находятся: одно въ 13-ти верстахъ отъ Москвы, по старой Калужской дорогѣ, въ деревнѣ Голубинѣ; оно выстроено прошлаго 1828 го года и кончено было осенью около Октября; въ немъ жили нынѣшнюю зиму и пользовались теплотою и сухостію, какъ-бы въ деревянныхъ строеніяхъ, въ чемъ ссылаюсь на многія лица, посѣщавшія сіе строеніе зимою; другое въ сельцѣ Алебьевѣ, Тульской губерніи, Чернской округи, выстроенное 1827-го года. Въ семъ послѣднемъ жили люди безъ всякаго опитощенія объ прошлыя жестокія зимы.

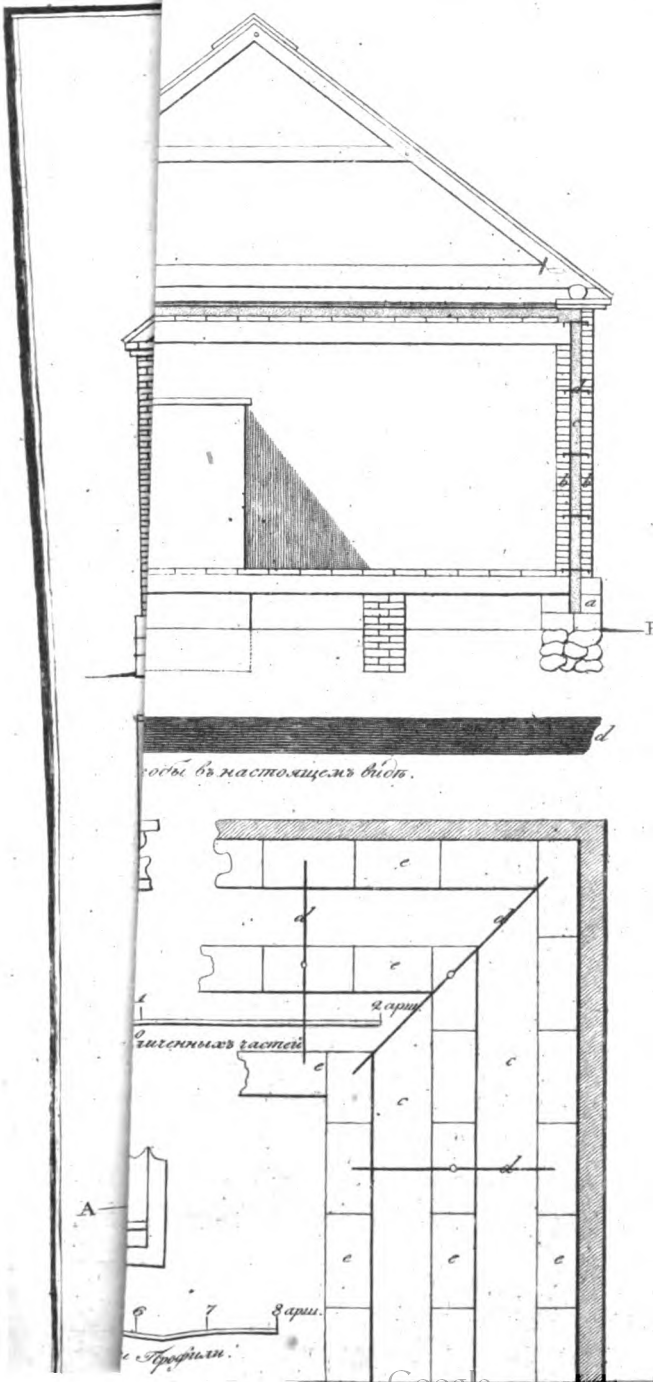
Чтобы доказать дешевизну сего рода строеній, предлагаю смѣту нужнаго для нихъ матеріяла. На квадратную сажень, въ полкирпича ши-

Digitized by Google

рины, надобно восемь кирпичей въ рядъ, а рядовъ 27, что составитъ 216 кирпичей. Изъ сего исчисленія видно, что для горницы вышины отъ полу до потолка въ три аршина, десять и двѣнадцать вершковъ, а ширины и длины во всѣ стороны въ 10-ть аршинъ, надобно 9-ть тыс. кирпичей. Такой-же вышины, но въ квадратѣ по 9-ши аршинъ, довольно 8-ми тысячь, а такой-же вышины, по 8-ми аршинъ въ квадратѣ, 7-мь тысячь. Проволоки отъ 25 до 18-ши фунтовъ. Извести, какъ обыкновенно, по количеству кирпичей, а прочая внутренняя отдѣлка также, что и для всякаго деревяннаго строенія. Для веществъ, употребляемыхъ на засыпку промежушковъ, смѣты я не дѣлаю, ибо объемъ сихъ веществъ различный, и всякому легко удостовѣриться на опытѣ, сколько чего потребно по ширинѣ промежушковъ, оставляемыхъ между стѣнъ (*).

(*) Сей способъ построенія кирпичныхъ домовъ удостоенъ ВЫСОЧАЙШАГО вниманія, и нынѣшнимъ лѣтомъ будетъ выстроено такого рода зданіе въ Москвѣ, подъ надзоромъ самого Г. Изобрѣтателя.

Digitized by Google



Digitized by Google